

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

О. Н. Трубачев

INDOARICA

в Северном Причерноморье

Реконструкция
реликтов языка

Этимологический
словарь

МОСКВА «НАУКА» 1999

УДК 800/801

ББК 81

T 77

Ответственные редакторы

Л.А. Гиндин и **И.Б. Еськова**

Трубачев О.Н.

**Indoarica в Северном Причерноморье. – М.: Наука. 1999. – 320 с.
ISBN 5-02-011675-0**

Монография раскрывает перед читателем реликты языка, этноса, культуры древнего южного региона и представляет целое направление в науке, новую ветвь о названиях мест и имен людей (их в книге более трехсот).

Для специалистов по сравнительному языкознанию и истории индоевропейских народов, всех интересующихся древностями Юга нашей страны.

ТП-98-П-126

Научное издание

Трубачев Олег Николаевич

INDOARICA

в Северном Причерноморье

Заведующая редакцией "Наука-культура"

А.И. Кучикская

Редактор *Т.М. Скрипова*, Художник *Н.В. Зотова*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*, Технический редактор *В.В. Лебедева*

Корректоры *Р.В. Молоканова*, *Т.И. Шеповалова*, *Н. И. Харламова*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 01.12.98. Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл. печ. л. 20,0. Усл. кр.-отт. 20,4. Уч.-изд. л. 27,4. Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3111.

Издательство "Наука" 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука" 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-011675-0

© О.Н. Трубачев, 1999

© Н.В. Зотова, художественное
оформление, 1999

© Издательство "Наука",
Российская академия наук, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга О.Н. Трубачева – весьма важное событие в науке. Главный объект книги – язык, доселе остававшийся неизвестным, но присутствовавший в качестве неопознанных следов в других языках. Опознан этот язык автором книги, и – парадоксально – с помощью самого этого языка, и, значит, язык-объект открыт с помощью того же языка-средства, инструмента. Но для такого открытия-реконструкции нужно было еще до всего этого обладать двумя необходимыми качествами – глубокой проницательностью, учитывающей все, что может относиться к этноязыковой истории соответствующего ареала, и выдающейся интуицией. И то и другое у автора было. И еще нужны были трудолюбие, жесткая последовательность и исследовательский оптимизм, чтобы буквально по крупицам создать полноценную картину далекого прошлого с той степенью густоты, подробности, которая позволяет с уверенностью сказать – цель достигнута, открытие состоялось.

Говоря вкратце, открытие состоит в том, что на территории южной части Восточно-Европейской равнины обнаружено присутствие одной из ранних форм и н д о а р и й с к о г о языка и, следовательно, соответствующего этноса. Границы ареала, в котором отмечены следы этого языка, – от Северного Кавказа на востоке до Закарпатья, Дакии и Трансильвании на западе. До сих пор индоарийский язык в его архаичной форме был известен по текстам, созданным в Индии и на подступах к ней с запада, с одной стороны, и по реликтам языка индоариев, обнаруженным на Ближнем Востоке в митаннийском локусе, с другой. Теперь же восстановлен третий, "западный", локус индоарийского языка, и тем самым намечена в общем виде та цепочка индоарийских локусов, которая приглашает к раздумью и к реконструкции дальнейших передвижений индоариев. Язык "причерноморских" индоариев позволяет углубить ведийско-санскритскую перспективу и поставить в повестку дня вопрос об остающейся невидимой части "причерноморского" индоарийского, точкой отсчета и контроля которого являются все-таки исключительно ведийско-санскритские (существенно реже – пракритские) данные.

Открытие языка "причерноморских" ариев не только углубляет наши представления о древнейшем этапе истории и диалектологии этой индоевропейской ветви, но имеет и прямое отношение к реконструкции картины позднеиндоевропейского диалектного членения, привязанной к определенному новооткрытому ареалу.

Очень важно, что в книге более конкретно выявлены связи и различия, существовавшие между смежными в пространстве индоарийской и иранской идиомами и взаимопроникновение следов одной из них в другую. Но языковые связи в этом ареале не исчерпываются этими двумя бли-

жайшеродственными языками. Автор убедительно показывает и другие связи языка причерноморских ариев – с севернокавказскими, тюркскими и даже раннеславянскими. Языковая панорама рассматриваемого ареала приобретает не только новый объект, но и всю совокупность связей с другими ее объектами.

Язык и его данные самодовлеющи, но они не замыкаются на самих себе и отсылают к знаниям иного – этноса, пространства и времени, культуры – как материальной, так и духовной (ср. предметный и семантический индексы в конце книги), условий обитания, одним словом, природных и созданных культурой (мир вещей и занятий, "сделанного"), наконец (хотя и в общих чертах), истории места сего, отвоеванного у того, что еще вчера было темной предьсторией. Не приходится говорить и о том, что язык не забывает самого себя: сегодня наши знания о синхроническом и диахроническом аспектах языковой истории Северного Причерноморья существенно возросли. Этимологический словарь "причерноморского" индоарийского языка занимает более 130 страниц и включает в себя сотни слов, что является вполне достаточным основанием, чтобы судить о лексике, семантике, словосложении, отчасти и о фонетике новооткрытого языка.

В результате теперь есть все основания утверждать, что "причерноморский" индоарийский – уверенно и недвусмысленно заявляющая о себе реальность, и этого не отменяют отдельные случаи, которые вызывают сомнения, с которыми можно было бы поспорить или даже предложить новые варианты объяснения. В таких сложных первопроходческих исследованиях некое количество "нелучших" решений или ошибок запрограммировано, и стопроцентная правильность скорее вызвала бы сомнения и подозрения. То, что ряд специалистов встретил предыдущие работы О.Н. Трубачева в этой области сдержанно или настороженно, объясняется, конечно, столь неожиданным прорывом в новое пространство, с одной стороны, и инерцией мышления, неохотно расстающегося с привычными представлениями (или даже с отсутствием их) и не поспевающего за новым – тем более за ситуацией, когда из пустоты (как видим, мнимой) возникает нечто столь значительное, с другой стороны.

Говорить о достоинствах книги О.Н. Трубачева – ее фундаментальности, исключительном богатстве материала и использованной литературы (более шестисот позиций), поразительной изобретательности автора и филигранности его анализов, важности и полновесности его выводов и т.п. – не приходится. И все-таки один аспект книги нельзя не отметить особо: удивительное умение прозревать искомое "индоарийское" в греческой, латинской, севернокавказской, тюркской, славянской "упаковках" и эффективное использование того орудия, которым является семантическая типология, оказывающаяся в ряде случаев настолько устойчивой, что семантическая структура переживает даже полную смену языков. Методологический опыт, явленный в этой книге, имеет и самоценное значение.

Итак, в книге этноязыковой и культурной истории Северного Причерноморья перевернута еще одна страница, и мы вчитываемся в страницу новооткрытую.

Академик В.Н. Топоров

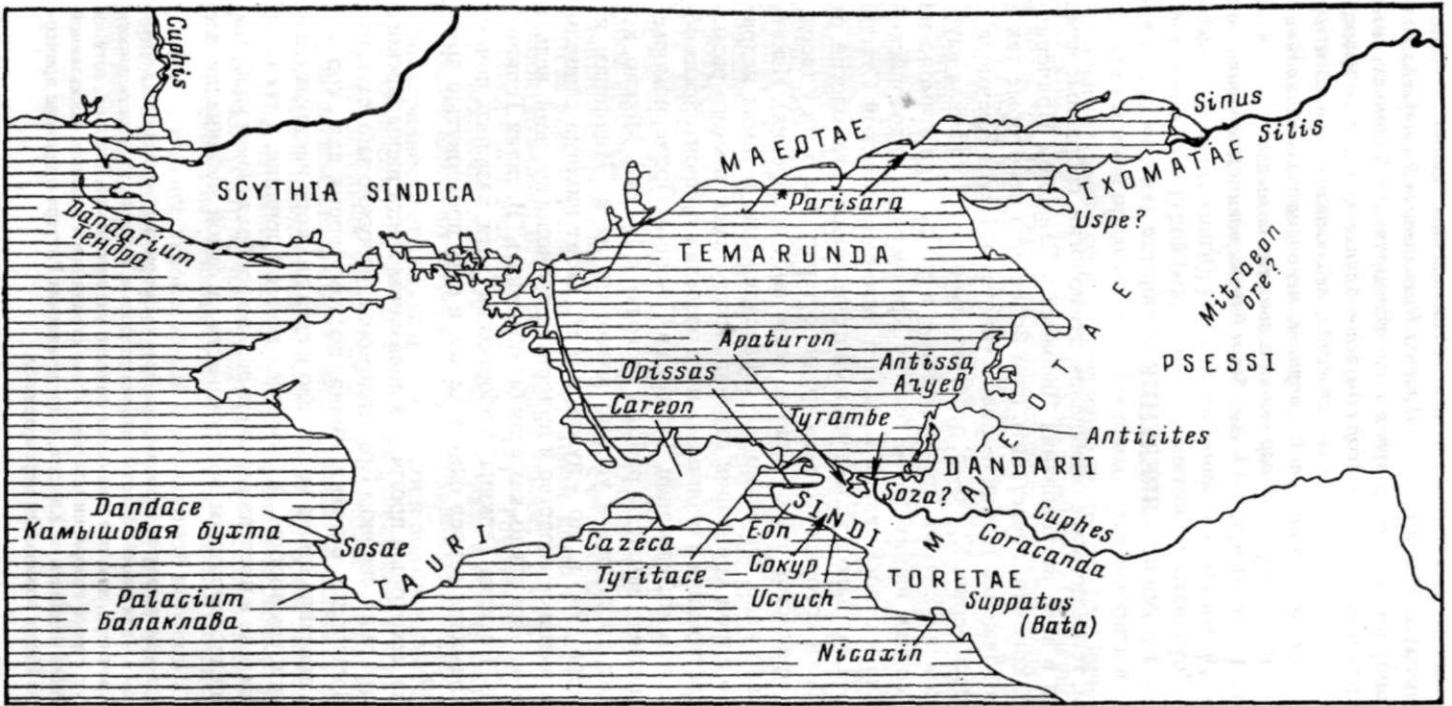
*Посвящается памяти
Леонида Николаевича Тимофеева,
художника-реставратора Воронцовского
дворца-музея в Алушке, пытливого крымс-
кого краеведа, пейзажиста древней и но-
вой Тавриды, человека разносторонних
дарований и высоких помыслов.
Ему были близки идеи "Индоарики"*

ВВЕДЕНИЕ

Материалы, теоретические обобщения, этимологии, собранные нами за многие годы в виде исследования "Indoarica в Северном Причерноморье", можно, конечно, представить (тем более, что некоторые так и делают) как продолжение теории (вариант: гипотезы) Пауля Кречмера". Кажется, все здесь верно: Кречмер, действительно, стоял у начала научной индоарийской проблемы в Причерноморье, и его две-три этимологии предшествуют сотням наших. Но не было у Кречмера ни индоарийской концепции языка и этноса тавров Крыма и нижнеднепровской Старой Скифии Геродота, не было и упомянутых многочисленных этимологий, от значительной части которых все-таки трудно отмахнуться (хотя у твердо настроившихся иранистов они обычно не встречают одобрения). Искать подлинное начало надо, очевидно, по справедливости, в самих недрах принципиально новой концепции индо-иранского изначального размежевания, сосуществования и окончательного раздела в припонтийских областях, т.е. – в самом исследовании "Indoarica в Северном Причерноморье" 70–80-х годов (первые замыслы работы восходят к 1973 г.). Можно, конечно, и дальше продолжать упорно возводить их к "Индийцам на Кубани" Кречмера 1943 г., но – нужно ли? Не стоит никогда слишком преувеличивать внешнее сходство и приоритет хронологический; ведь, в конечном счете, это все равно, как если бы объяснять "Василия Теркина" Твардовского из "Василия Теркина" Боборыкина (хотя, казалось, почему бы нет: имя и фамилия героев одни и те же, и есть пресловутый приоритет во времени...).

Несмотря на некоторый прогресс в понимании места индоарийского языкового субстрата в Северном Причерноморье, не нужно забывать, что перед нами – Sprachreste, **остатки языка**, поэтому время для сколько-нибудь полного описания языка не настало и едва ли скоро настанет (если настанет когда-нибудь вообще...). Отчасти – по этой причине, а также по другим причинам и не в последнюю очередь – по соображениям удобства, было найдено целесообразным воспроизвести в одной публикации все

* В качестве еще одного предтечи мне подсказывали также русского кавказоведа прошлого века Услара, сам я – для вящей полноты истории вопроса и, конечно, из шепетильности – не забывая про Кречмера, называл еще более раннего ученого немца, Риттера, хотя ни Риттер, ни Услар тут, строго говоря, ни при чем: Услар ограничился вскользь высказанной догадкой о пребывании индийцев на Кавказе, а представления Риттера о приходе причерноморских "индов" из Индии по меньшей мере архаичны.

Карта 1. Ориентационная

Карта 2. Индоарийцы в Северном Причерноморье (реконструкция)

SINDA этноним, название области, реки
PALAKIA местное название
[pala ka-] личное собств. имя
 Камышовая бухта - (гр.) местное название

двадцать с лишним статей автора, посвященных проблеме, вышедших на протяжении почти двух десятков лет в различных наших и зарубежных изданиях. При этом проведена самая необходимая (минимальная) редакторская правка, а статьи, опубликованные на немецком и французском языках, переведены на русский. Библиография в основном сохраняется при статьях, как это имело место в прежних изданиях.

Важным новым материалом является Этимологический словарь индоарийских языковых реликтов означенного региона, составленный автором совместно с его учеником, Александром Константиновичем Шапошниковым. Словарь тесно связан с предшествующими публикациями (с постоянными отсылками к ним), но включает и ряд дополнительных, новых позиций.

Удобству пользования служат также алфавитные индексы.

Выражаю благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за финансовую поддержку, без которой было бы невозможно издание этой книги (проект 96-15-98565).

1

**TEMARUNDAM "MATREM MARIS"
К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАЗОВЬЯ***

В науке все находки коллективны; невольно ловишь себя на этой мысли, занимаясь даже такой отдаленной материей, как название Азовского моря, мелькнувшее единственный раз у Плиния: *Tanaim ipsium Scythae Sinum vocant, Maeotim Temarundam, quo significant matrem maris* "сам Танаис скифы называют *Sinu-*, (а) Меотиду – *Temarunda*, что (на их языке) означает 'мать моря'" (Plin. *Naturalis historia* VI, 20).

Прозорливый А.И. Соболевский сделал первый шаг в идентификации структуры названия *Temarunda*, выделив в нем компонент *tem-* (у Соболевского: *Tam-*, *Tama-*) и, предположив связь его с корнем, обозначающим темноту, черноту (А.И. Соболевский. Русско-скифские этюды. VII. *Tam* – Черное море // ИОРЯС XXVI, 1921. С. 37 и сл.). Но то, что русский ученый счел это постулируемое *Tam* названием Понта, Черного моря у скифов, следует отнести уже к его заблуждениям. Это показал не кто иной, как М. Фасмер в том же 1921 г., не зная, естественно, об одновременной публикации Соболевского. Этюд Фасмера тоже посвящен названию Черного моря, а его вывод с тех пор вошел в число незыблемых достижений индоевропейской этимологии: согласно Фасмеру, греч. Πόντος Ἀΐελνος отражает иранское (скифское) **axšaina-* 'черный, темный' в применении к Черному морю (M. Vasmer. *Osteuropäische Ortsnamen: 1. Das Schwarze Meer* // *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. Serie 1, Bd. 1, Nr. 3, 1921, стр. 3 и сл.*).

Таким образом, проблема названия Черного моря у скифов была решена; им не могла быть форма *tem-tam-*. Яркое фасмеровское открытие, темный характер цитированного места у Плиния привели к тому, что толкование Соболевского как-то не привлекло внимания, но нам еще придется к нему вернуться. В течение долгих десятилетий этимология терялась в догадках над плинневским *Temarunda*, "названием Меотийского озера у скифов", признавая его неясным (см. сводку неубедительных существующих объяснений в кн.: M. Vasmer. *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland*, Leipzig, 1923 = M. V-r. *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Bd. I. Berlin, 1971, стр. 166*). В западноевропейской, в частности – немецкой, науке название *Temarunda* сохранило эту репутацию до сегодня, ср., напр., книгу: G. Schramm. *Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens* (Göttingen, 1973, стр. 184). Впрочем, именно последние десятилетия принесли некоторые новые данные в изучение

* Впервые опубликовано: *Античная балканистика. 2. Предварительные материалы. М., 1975. С. 38–47.*

формы *Temarunda*, ускользнувшие и на этот раз от внимания западно-европейских ученых. В 1962 г. к загадочному *Temarunda* обратился Б. Надель, который в процессе поисков хеттских элементов в севернопонтийской ономастике, опираясь на значения 'мать' и 'море' у Плиния (см. выше), предложил членение *te* (союзное слово) + *ma* 'мать' + (хетт.) *arina*- 'море' + некий компонент *-dam* (Б. Надель. Черноморско-хеттские оноματοлогические связи (к постановке вопроса) // *Rocznik orientalistyczny*. Т. XXVI, zes. 1, 1962, стр. 129).

К сожалению, большую часть сложного построения Наделя придется отвергнуть: начало названия с союза, основанное будто бы на неправильном понимании при записи слов туземного информатора "и Марундам"; произвольное толкование элемента *-dam*; общая малая вероятность порядка постулируемых при этом слов-морфем и следования их значений 'и' + 'мать' + 'море' + ? (типологически ожидалось бы 'море' + 'мать'). Но вычленение в составе *Temarunda* основы, родственной хетт. *arina*- 'море', у Наделя следует признать удачным. Правда, лингвоэтническая принадлежность названия *Temarunda* становится в результате остродискуссионной.

Здесь самое время вспомнить об идентификации Соболевским *Temarunda* и **tem-* 'темный, черный' (см. выше), которая осталась, по-видимому, неизвестной также и Наделю. Отсюда следующий естественный шаг: одновременное выделение сразу двух основ в составе *Temarunda*, а именно **tem-arun-*, что должно означать 'темное, черное море'. Речь идет о Черном море, и это совершенно естественно, так как само Азовское море в древности морем не называлось, но интересно отметить, что в его названии содержалось указание на единственное море – Черное море. Эта ономастиологическая модель была, надо полагать, весьма устойчивой, как и в случае с Черным морем, с тем отличием, что, если последнее устойчиво именовалось на различных языках 'темное, черное море', то Меотида, Меотийское озеро, Азовское море обозначалось как 'мать моря', 'кормилица моря'. Единственно верную этимологию названия *Μαίητις* 'Меотида': *μαίη* 'мать, кормилица', ср. еще греч. *μήτηρ* (той) *Πόντου* 'мать Понта' – о Меотийском озере, хорошо знали и правильно объясняли (от притока избыточных пресных вод, изливающихся в Черное море) еще в древности. В этой греческой номенклатуре для нас проступают местные туземные следы. О традиции понимания этой устойчивой древней семантической модели ранних названий Азовского моря говорит нам случай обозначения данного водоема как *Рождественаго блага* (калька греч. *Μαίητιδος λίμνης* в русско-церковнославянском переводе "Похвалы священномученику Фоке" (см. В.В. Латышев. Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895–1898 гг. СПб., 1899. С. 32–33).

Прежде чем охватить единым взором все название *Temarunda* и получить тем самым окончательную поддержку для вычленения *tem-arun-* 'Черное море', несколько слов об этом последнем. На каком языке могло так называться Черное море? Ясно, что перед нами индоевропейское название. То, что это не могло быть скифское и вообще иранское название (ввиду общеиранского распространения слова **axšaina-* 'темный,

черный'), кажется, ясно. Общность с хетт. *aruna-* 'море' носит, как увидим далее, не более чем изоглоссный характер и соседними компонентами особо не подкрепляется (ср. здесь *tem-* 'темный, черный', при отличном хетт. *dankui-* в тех же значениях). Следовательно, **tem-arun-* – это не хеттское название Черного моря. Нет оснований считать его и фракийским, хотя фракийские включения (главным образом, династические имена) в ономастику Боспорского царства известны, и хотя с фракийским ассоциируется, скажем, киммерийский. Определенные сочувственные замечания на этот счет можно встретить, например, в работах того же Наделя. Во всяком случае, выявленная предшествующим исследованием устойчивая семантическая модель 'темное, черное море' для обозначения Понта должна была реализоваться у фракийцев способом, отличным от **tem-arun-*, поскольку известно, что 'черный' фракийцы обозначали с помощью **kers-*, а 'море', надо полагать, – как **mar-l' mor-*, т.е. так же, как в славянском, германском, кельтском, латинском (сюда, по-видимому, можно отнести *Morimarusa* 'mortuum mare', Plin. NH IV, 95, которое автор приурочивает к Северному океану, тогда как оно находит удивительные отзвуки на северной дако-фракийской периферии в виде венг. *Marmaros*, рум. *Maramureş*; сюда же тяготеет, кажется, одно из названий Мраморного моря – тур. *Marmara*, что может отражать удвоение фрак. **mar-* 'море'). Таким образом, ставя вопрос о фракийском названии для Черного моря, мы могли бы выдвинуть пробную реконструкцию **kers-mar-*. Говоря о киммерийцах, мы располагаем единственным более или менее достоверным языковым фактом – их этнонимом Κιμμέριοι , который на фракийской языковой почве мог бы иметь вид и значение **kir-(s)-mar-ja-* 'черноморские'. Для нас здесь важен еще один отрицательный аргумент, а именно: **tem-arun-* 'Черное море' не было ни киммерийским названием, ни хеттским, ни иранским (скифским).

Здесь вырастают перед нами новые трудности, о которых нельзя не упомянуть особо. Как быть, например, с контекстом у Плиния, где ясно сказано, кому принадлежит название *Temarunda: Scythae ... vocant* (см. выше). Итак, кто же были эти скифы, если наш материал говорит о том, что это не могли быть скифы. Плиний писал в I в. н.э., компилируя свои сведения из разных источников. Его *Scythae* 'скифы', безусловно, – очень широкое понятие, дань тогдашней литературной традиции. Любопытно, что в его сочинении фигурируют "скифские" глоссы. При этом писатель приписывает языку "скифов" самые разнообразные слова. Справедливости ради отметим, что некоторые из них, как установлено, действительно являются иранскими. Ср., напр., Plin. NH, VI, 50: *...Scythae ipsi Persas Chorsaros et Caucasum Croucasim, hoc est nive candidum...* "Сами скифы (называют) персов *Chorsar-*, а Кавказ – *Croucasi-*, т.е. 'белый от снега'". Что касается первой из глосс, то это, конечно, иранское, точнее даже персидское **xor-sar-* 'петушиная голова', 'красная голова', аналог. тур. *qizilbaş* 'красноголовый (о персах)' о чем в целом верно см. уже В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., Л., 1949. С. 181 (правда, первая часть названия В.И. Абаеву была неясна; между прочим, Эйлерс и Майрхофер, занимаясь этим этнонимом много лет спустя после Абаева, проявили

несведомленность, см. W. Eilers, M. Mayrhofer. *Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung // 'Die Sprache'*. VI. 1960, стр. 116). Итак, в данном примере Плиний вложил в уста "скифам" форму персидского типа – *xor(os)* < ир. *xraos- 'петух'. Но уже другая глосса той же цитаты – *Stroucasim*, hoc est nive candidum – увязывается в литературе с более ранним иранским (т.е., возможно, скифским) **xrohu-* kas- 'блестящий лед' (см. W. Eilers, M. Mayrhofer. Указ. соч. С. 116–117)*. Наконец, как "скифская" глосса подается у Плиния и такое, например, слово: *Huius generis et feminas in Scythia, quae Bitiae vocantur ...* (Plin. NH VII, 17) "Такого же рода (т.е. чарующие взглядом) есть женщины и в Скифии, которые называются *bitia*". Действие чар было убийственное в буквальном смысле (ср. о том же послеплиниевский компилятор Солин), чем и продиктовано наше отнесение глоссового *bitia*- к и.-е. диал. *bhit- 'бить, убивать', кстати, неизвестному ни в иранском (в том числе скифском), ни в индоарийском, ни в хеттском (в них представлено продолжение и.-е. **g^hen-* 'убивать').

Итак, на конкретном материале мы строим свое убеждение о смешанном характере языкового содержания понятия *Scythae* у Плиния, о том, что этим понятием расширительно охвачены также откровенно псевдоскифские, т.е. нескифские глоссы вроде *Bitiae* – выше. Такой псевдоскифской глоссой мы считаем и плиниевское *Temarundam* 'matrem matris'.

О Плинии как компиляторе существует целая литература. Справедливо полагают, что большинство его источников – греческие (см. K.G. Sallmann. *Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse*. Berlin; New York, 1971. P. 49). Относительно многих имен у Плиния без лишних слов ясно, что они представляют собой латинскую транслитерацию греческих форм, ср. *Pyrra*, *Toretiae*, *Cephalotomi* и другие. Но было бы неверно все сводить к греческому посредству. Источники негреческого происхождения исчислялись у Плиния, по-видимому, единицами, могли даже носить характер весьма индивидуальной информации, а проистекающие из них данные, естественно, скорее всего должны были попадать в разряд галаксов. В этой связи нельзя не вспомнить о предположении М.И. Ростовцева, что некоторые новые сведения дал Плинию царь Митридат, долгое время живший в Риме (см. М.И. Ростовцев. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Л., 1925. С. 54). "Скорее ему (Митридату. – О.Т.) обязан Плиний частью тех интересных сведений, которые он сообщает в § 19 о мэотских и сарматских племенах. Характерно, что только здесь он упоминает местные имена для некоторых географических названий (для Танаиса и Мэотиды) ..." (М.И. Ростовцев. Там же). И далее: "...Сопоставления Плиния, взятые из разных источников, не отличаются стройностью и систематичностью и еще более запутываются тем, что он скомбинировал с ними данные этнографического характера, может быть, полученные им от царя Мифрадата Боспорского" (М.И. Ростовцев. Указ. соч. С. 56). Естественно предположить у Митридата VIII Боспорского какое-то знакомство с языком

* См. у нас в дальнейшем попытку установить другую, индоарийскую этимологию плиниевского имени Кавказа.

населения Боспорского царства. Основой этого последнего был азиатский берег Меотиды (Азовского моря), сплошь заселенный от Боспора Киммерийского до Танаиса (Дона) синдами и родственными им меотскими племенами. В европейской части Боспора имелись тавры, возможно, родственные, судя по некоторым данным, упомянутым синдо-меотам. В городах, само собой разумеется, существовала влиятельная прослойка эллинов и эллинизированного населения. Самое любопытное то, что скифов в собственном смысле в Боспорском царстве (особенно в его азиатской части) почти не было. Они жили в степной части Крыма и к северу от него, и в литературе достаточно писалось о противостоянии понятий "Боспор" и "Скифия". Сарматизация боспорских территорий с востока – вторичное и относительное более позднее явление, поэтому мы можем сказать, что и исторические, и этнографические материалы свидетельствуют, в свою очередь, против скифской языковой принадлежности местных названий *Temarunda* 'Азовское море' и *Sinu(s)* 'Дон'.

Мы знаем, что и в более поздние эпохи наименование языка – вещь весьма относительная и крайне зависимая от господствующих традиций. Эллинистическая традиция с ее расширительным пониманием и идеализацией скифов и безусловные эллинско-иранские связи царя боспорского объясняют нам положение дела с гапаксами *Temarunda* и *Sinu*-. Суть же дела заключается в том, что название *Temarunda* 'Меотийское озеро' получает объяснение как выражение на языке коренного населения Боспорского царства, т.е., вероятно, на синдо-меотском языке, и читается нами в соответствии с вышеизложенным как *tem-arun-da- 'кормилица Черного моря', причем последний компонент мы понимаем как **d(h)ā*- < и.-е. *dhē- 'кормить (грудью)'. Синдо-меотский этнос был, очевидно, индоевропейским. Больше того, не будет противоречием известным фактам, обсуждать которые здесь подробно нет возможности, если мы вновь поставим старый вопрос о праиндийской, индоарийской принадлежности синдов, т.е. об "индийцах на Кубани", говоря словами Кречмера, который в слишком краткой статье 1943 г. и на слишком скудной фактической базе не то, чтобы впервые выдвинул, а скорее возродил названную идею, имевшую хождение с давних времен. Здесь нет места, чтобы останавливаться на последующей реакции гиперкритицизма со стороны некоторых авторов. Обо всем этом – в другое время.

Подводя итоги настоящему сообщению, выделим специально то обстоятельство, что, помимо корневых морфем *tem- 'темный, черный' и *da- 'кормилица', которые встречаются в той или иной функции и в других индоевропейских языках, в том числе – иранских, в составе *Temarunda* отмечено *arun- 'море' не известное иранцам (ср. иранское название моря *zraya-), но известное, кроме хеттов (см. выше), также праиндийскому. Ср. др.-инд. *árna*- 'пучина', родственное хетт. *aruna*- 'море' (см. Mayrhofer I. С. 51). И древнеиндийское название пучины, и хеттское название моря – отглагольные производные, ср. др.-инд. *ṛnóti* 'подниматься' и хетт. *arnu*- 'двигать' (Mayrhofer I. С. 122; J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. 1. Lieferung. Heidelberg, 1952, стр. 32, 33). Данное словопроизводство элементарно правдоподобно и опирается на свойства реалии – моря, во всяком

случае – в человеческом восприятии. Море, особенно наблюдаемое с некоторого возвышения, с горы, поражает воображение прежде всего как вздымающаяся к небу гладь. Таков, видимо, общий мотив, объединяющий внутреннюю форму таких названий моря как хетт. *aruna-*, др.-инд. *árna-*, синдомеот. **arin-* и названий моря с другой этимологией. В качестве аналогии можно привести дат., норв. *hav* 'море', шв. *haf* то же, этимологически тождественное др.-исл. *haf* 'п о д н я т и е' и нем. *heben* 'поднимать' (см. H.S. Falk und A. Torp. *Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch*. I. Teil 2. Aufl. Heidelberg, 1960. S. 385–386: "Слово... указывает либо на выпуклую форму морской поверхности, либо на волнение"). Еще одна аналогия – русск. *пучина* от *пучить*; ср. еще др.-русск. *Анѣдриатинска пучина* 'Адриатическое море' (Ипат. л. 3 = ПСРЛ, т. II, вып. 1. Изд. 3. Пг., 1923, стр. 3). Другой вариант альтернативного этимологического осмысления упомянутого выше **arin-* 'море' в связи с и.-е. **or-* 'поднимать' – 'волнующееся, вздыбленное море' (ср. Falk–Torp – выше), понятое как 'в ы с о к о е', ср. англ. *the sea heaves, high sea* – о бурном море, франц. *la mer est haute* 'море волнуется' (букв. 'море – высокое'). Такова специфика этого индоевропейского регионального обозначения моря (сложившегося, видимо, близ Понта и приуроченного первоначально, вероятно, к Понту), в отличие от цветového термина и.-е. **mori-/ *mari-*.

Конечно, плиниевское *Temarunda*, возможно, лишь приблизительно передает такие тонкие особенности туземного выражения как качество и количество гласных, поэтому лучше воздержаться от стремления сделать все выводы на ограниченной базе. Однако включить проблему Темарунды в изложенном новом свете в круг проблем особого индоевропейского – неиранского – субстрата в Северном Причерноморье и Приазовье представилось существенным. Обобщения целесообразно отложить до более полного обзора материала в будущем. Несколько предreshая этот возможный будущий итог, отмечу, что уже сейчас, при всей скудности данных, можно, опираясь на доступный эпиграфический и ономастический материал из этих районов, предположительно говорить об особом индоевропейском языке синдо-меотских племен восточного Приазовья и Таманского полуострова с наличием в нем черт, противопоставленных иранским языковым особенностям как в лексике, так и в словообразовании и фонетике. Из фонетики упомянем сохранение *s* этимологического (= ир. *x, h*), рефлексацию и.-е. *k's* как *kš (= ир. *š*), ср. соответственно этноним главного племени Σίνδοι и плиниевское *Sinu-* 'Тананс', которое мы читаем как **Sindu-* (= др.-инд. *síndhu-*) в первом случае и синд. ЛИ Καβα-δαξης (**taksa-* = др.-инд. *takṣa*, при ир. **taṣa-*), ΜΗ Νικάξιν 'Святой порт', на Кавказском побережье, теп. *Геленджик* (*ni-kakš-in 'находящийся в укромной (?) бухте' = др.-инд. *ní-kakṣa-* при ир. **kaṣa-*) – во втором случае. Из лексики, также обнаруживающей ряд созвучий именно с индийским словарем, отметим реконструируемое синдомеот. **amb-* 'вода', **dand-* 'камыш', **sar-* 'женщина'. Однако все эти и им подобные данные заслуживают специального анализа, которым мы займемся в дальнейшем.

О СИНДАХ И ИХ ЯЗЫКЕ*

Наша лингвистическая литература почти не касалась вопроса о языке синдов. Северное Причерноморье, где жили синды в античную эпоху, представляется большинству современных исследователей безраздельным доменом иранства, а узкая прибрежная полоса — районом контактов греческого и иранского элементов. Присутствие того и другого здесь неоспоримо. Нестареющим достижением науки остается признание иранского характера языка скифов и родственных им сарматов¹. Его зачатки находим еще у древних: ...Sarmatae, Medorum (ut ferunt) suboles (Plin. Naturalis historia VI. 19). Впрочем, современная наука унаследовала от античной в этой области не одни лишь достижения. До сих пор не преодоленным грехом античной учености может считаться слишком расширительное применение и толкование понятий "эллинство" и "иранство". Еще не изжито народноэтимологическое осмысление в греческом духе ряда местных названий, греческое происхождение которых нуждается в проверке. До наших дней дожила, например, еще страбоновская этимология названий 'Απάτουρον, 'Απάτουρος, 'Απατούρη (местность в азиатском Боспоре и тамошний эпитет Афродиты) — от греческого глагола ἀπατάω 'обманывать', ἔξ ἀπάτης 'обманом'. "Чисто греческим" принято считать имя царя синдов 'Εκαταίος, на основании чего историками делаются выводы о сильной эллинизации синдов в то время, но это могла быть грецизованная запись негреческого имени, ср. скифское царское имя *Atheas* (с близким исходом индо-иран. *-taua-).

Расширительное употребление названий *скифы*, *Скифия* у древних авторов общеизвестно. Хотя критика нового времени раскрыла чисто литературный характер этой традиции, лингвистическая концепция индоевропейского Северного Причерноморья находится в современном сравнительно-историческом языкознании всецело под знаком своеобразного "паниранизма". В.И. Абаевым был выдвинут тезис: "Все, что не объяснено из иранского, в большинстве вообще не поддается объяснению"². Действительно, в литературе, например, уже указывалось специально на отсутствие славянского элемента в древней антропонимии и в целом — в

* Впервые опубликовано: Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 39–63.

¹ См. из литературы: *Müllenhoff K.* // Deutsche Altertumskunde. III. Berlin, 1892; *Müller В.* Осетинские этюды. Ч. III. Исследования. М., 1887; *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland, Leipzig, 1923 ("Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig", 3); *Соболевский А.И.* Русско-скифские этюды // ИОРЯС. XXVI, 1921; *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949 (особенно раздел "Скифский язык"; стр. 147 и сл.); *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha, 1955.

² *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. С. 37.

античной эпиграфике Северного Причерноморья. Казалось бы, наличие в этом районе какого-либо иного индоевропейского этноса, кроме вышеупомянутых, практически вообще маловероятно при нынешнем состоянии знаний. И все же вероятно иное, более сложное лингвоэтническое состав древнего Северного Причерноморья есть. Это вероятно питается главным образом фактами, которые можно обозначить как "нескифское в скифском" (о чем – ниже), а также внимательным изучением совокупных свидетельств античной традиции. Можно надеяться, что путь к определенным уточнениям и прояснениям (насколько они вообще возможны в этой трудной материи) лежит через непротиворечивое сопоставление и объединение показаний сравнительно-исторического языкознания и античной традиции. А противоречия здесь имеются. Так, например, существующая широкая иранистическая концепция языка древнего населения Северного Причерноморья как бы игнорирует наличествовавшее в античной традиции тонкое и весьма ясное противопоставление Скифии и Боспора, о котором мы еще будем говорить. Коренное население так называемого азиатского Боспора (нынешняя Тамань и восточное Приазовье) – синды и меоты – безоговорочно поглощаются названной выше концепцией. Проблема языковой принадлежности тавров горного и южного Крыма зашла вследствие этого в безнадежный тупик, так как, с одной стороны, иранисты, помня указание Геродота об особом положении тавров, не решаются пока причислить и их к иранским племенам, а с другой стороны, те из современных исследователей, которые говорят о древнем этнолингвистическом вкладе Кавказа в азиатском Боспоре, за малыми исключениями, не решаются распространять такую теорию на Тавриду, хотя материально-культурные аналогии и связи между этими областями известны. Не удивительно поэтому встречающиеся в литературе утверждения, что язык тавров остается загадочным и неизвестным. Настоящим миражом предстает перед нами проблема киммерийцев, потому что о них, как и о более реальных скифах, имеются, правда, несколько туманные, сведения со всех берегов Черного моря, что разумнее отнести на счет расширительного употребления также имени киммерийцев. Расплывчатость древних донесений и слухов о дальних походах киммерийцев тем более настораживает нас, что собственно Киммерия – это четко ограниченное, небольшое пространство земли – северная часть полуострова Тамань, точнее – современный полуостров Фонтан или Фанталовский (так!), запиравшийся с востока особым земляным Киммерийским валом. Об этом свидетельствуют Геродот и Страбон (Κιμμερίη, Κιμμέρια τεῖχος, πορθύηα Κιμμέρια, Βόσπορος Κιμμέριος, Herod. IV, 11; Κιμμερικόν, город на полуострове, со вром и валом на перешейке, Strab. XI, II, 5). Географическое нахождение Киммерии в азиатском Боспоре очень вредит иранистической концепции, которая и в киммерийцах усматривает иранское племя. Это противоречит античной традиции, специально упоминавшей о родстве киммерийцев и фракийцев-треров. Новый труд западногерманского историка Г. Шрамма³ с его оригинальной

³ Schramm G. Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973.

попыткой увязать киммерийский с древнеармянским грешит, пожалуй, все той же инфляцией понятия "киммерийский" (далеко отстоящий от Киммерии гидроним Τάναϊς 'Дон', как и Ὑπανίς 'Кубань', объясняются у него из киммерийского, с постулируемым передвижением согласных). Однако единственная киммерийская глосса носит балканский, македонско-фракийский характер⁴, ряд царей Боспора Киммерийского носил ярко фракийские имена, что позволяет исследователям говорить о фракийской принадлежности киммерийцев, ср. и попытку соответствующим образом прочесть их этноним⁵. Отсутствие в распоряжении исследователей четких языковых критериев побуждает некоторых из них прибегнуть к более проблематичному обобщению, что синды и меоты – преемники киммерийцев⁶. Но внимательное чтение древних авторов и складывающаяся на этой базе географическая картина этого не подтверждают, а, напротив, ясно говорят нам, что Киммерия и Синдика не совпадают друг с другом, их разделяет Таманский (древний Корокондамский) залив, а Киммерия, к тому же, отгорожена от более восточных меотов, по-видимому, не одним только земляным валом (который и сам по себе, как и в других подобных случаях, должен был знаменовать этническую и политическую границу! Ср. на Керченском полуострове так называемый вал *Асандра*, отделявший Боспор от скифов степного Крыма и т.д.). Любопытно отметить, что ни одно название, этимологизируемое нами как синдомеотское, не локализуется в собственно Киммерии.

Несомненное, при всех возможных коррективах, древнее наличие иранцев в Северном Причерноморье легко может вызвать мысль также о древнем наличии где-то в относительной временной и территориальной близости их индоарийских родственников, праиндийцев. Например, археолог Б.А. Рыбаков неоднократно выступал (мне известны два его таких устных доклада в Академии наук СССР в течение 1975 г.) с наблюдениями о сходствах элементов трипольской археологической культуры (Правобережная Украина, III тыс. до н.э.) и культуры древних индийцев. Однако совершенно ясно, что мысль о праиндийцах на Украине зависит от развития дискуссии о месте прародины индоевропейцев, а, следовательно, и о путях их расселения. В двух словах положение в нашей проблеме на сегодняшний день можно резюмировать следующим образом: нахождение индоарийцев (праиндийцев) в какой-то момент к северу от Черного моря принимается всеми, в то же время во всем индоевропейском языкознании нет положения более абстрактного, чем это. Одно из проявлений схематизма существующих воззрений на этот счет мы видим в том, что постулируемое разделение индоиранцев на индоарийскую (праиндийскую) и иранскую ветви где-то к северу от Черного моря явно или неявно мыслится как сопровождавшееся полным уходом всех индоарийцев "до

⁴ Имется в виду ἀρούλλαι 'подземные жилища' (Эфор у Страб. V.4, 5), сближаемое с ἀρούλλα οἰκτῆρα Μακεδονικόν (Гесихий), алб. galal(ë) 'хижина', рум. argea 'землянка'. Сведения см. *Schramm G. Op. cit.* P. 199.

⁵ См. статью Temarandam "matrem maris" (выше).

⁶ Блаватский В.Д. Архаический Боспор. МИА СССР. № 33, М., 1954. С. 42; Артамонов М.И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. I. С. 35.

последнего человека" на юго-восток⁷. Так вряд ли было в действительности. В действительности уже а priori следовало допускать сохранение остатков праиндийцев в отдельных районах Северного Причерноморья или даже на положении слов, компонентов явно неоднородного скифского общества⁸ и соответственно – языка. Многие указывает на справедливость именно этого предположения. Начнем с античных свидетельств; им принадлежит первое слово также в этом вопросе. Как традицией "индийского", т.е. иранского происхождения скифов и сарматов, так и преданием об "индийских" племенах в Северном Причерноморье мы обязаны древним.

Эти лаконичные древние исторические свидетельства и глоссы породили затяжной спор в науке. Речь идет об одной из научных контроверз, которые старше самой науки. Судя по всему, античные авторы знали два варианта названия племени синдов – Σίνδοι / Σινδοί и Ἴνδοι. Второй вариант явно иранский, причем иран. *hind- в ионической Греции претерпело псилоту (утрату густого придыхания). Иониец Геродот (V в. до н.э.) совершенно закономерно поэтому пишет ἐς τοὺς Ἴνδους "в (землю) индов", когда он рассказывает о набегах скифов на повозках зимой через замерзший Босфор в Синдику (Herod. IV, 28). В большинстве списков Геродота представлен вариант Ἴνδους, отражающий форму, услышанную историком от информаторов-иранцев, которых было немало в припонтийских странах. Тогда как форма Σίνδους, называемая также для Геродота либо в качестве основной, либо в качестве вариантной, и формы Σίνδοι, Σινδοί, приводимые большим числом позднейших авторов (Скилак Кариандский, Страбон, Николай Дамаскин, Дионисий, анонимный автор перипла Черного моря, Стефан Византийский, Никифор Блеммид, Полиен), равно как латинская форма Sindi (Присциан), Sindones (Помпоний Мела)⁹, восходят к особой неиранской форме, записанной или услышанной на месте. Тут и начинается упомянутый вечный спор, подогреваемый классическими филологами, которые, стремясь исправить текст, окончательно запутывали дело. Один вариант объявлялся при этом верным, остальные – неверными, мнения разделялись, в результате чего одни читают у Геродота Ἴνδους, другие – Σίνδους. Особенно трудным для науки оказался следующий глоссовый текст из древнего словаря Гесихия: Σίνδοι· ἔθνος Ἴνδικόν¹⁰. Классическая филология и критика текста вся-

⁷ Ср.: *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индо-иранских народов // *Древний Восток и античный мир: Сборник статей, посвященный проф. В.И. Авдиеву*. М., 1972. С. 36: "II тыс. до н.э., I-ая пол. Арийская общность распадается на две ветви, протоиранскую и протоиндийскую. Последняя покидает территорию Европы и через Переднюю Азию проходит в Индию".

⁸ Ср.: *Treimer K.* Die Ethnogenese der Slawen, Wien, 1954 (с ошибочной в целом теорией скифского языка как индийского суперстрата на кавказском субстрате, см. с. 41, 47, 75); *Білецький А.О.* Проблема мови скіфів // *Мовознавство. Наукові записки*. XI. Київ, 1953. С. 75, 81–82, 86.

⁹ См.: *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. I. Греческие писатели. СПб., 1893; II. Латинские писатели. Вып. 1. СПб., 1904; Вып. 2. СПб., 1906; *Pape W., Benseler G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen, II, Graz, 1959. S. 1396: Σίνδοι.

¹⁰ "Hesychii Alexandrini Lexicon" recensuit M. Schmidt. I–IV. Jenae, 1858–1882, s.v. Σίνδοι.

чески улучшала это место, предлагая чтения $\Sigma\upsilon\delta\omicron\iota\ \epsilon\theta\nu\omicron\varsigma\ \Sigma\upsilon\delta\iota\kappa\acute{o}\nu$, т.е. "синды – синдское племя (!)" или $\Sigma\upsilon\delta\omicron\iota\ \epsilon\theta\nu\omicron\varsigma\ \Sigma\kappa\upsilon\delta\iota\kappa\acute{o}\nu$ "синды – скифское племя", хотя первое бессмысленно, второе маловероятно (см. выше о Скифии и Боспоре) и только чтение $\Sigma\upsilon\delta\omicron\iota\ \epsilon\theta\nu\omicron\varsigma\ \text{'}\iota\upsilon\delta\iota\kappa\acute{o}\nu$ кажется правильным и естественным по смыслу: "синды – индийское племя". Следует примириться с жизненностью обоих вариантов начала слова и в свою очередь отнестись критично к усилиям гиперкритиков, усматривавших везде описки, например утрату начальной сигмы ($\text{'}\iota\upsilon\delta\iota\kappa\acute{o}\nu$, $\text{'}\iota\upsilon\delta\omicron\upsilon\varsigma$) под влиянием конечной сигмы предшествующего слова ($\tau\omicron\upsilon\varsigma$, $\epsilon\theta\nu\omicron\varsigma$), хотя последовательность "описок" говорила, конечно, совсем о другом, а именно о стоявшем за ней предании, традиции. Это частная, казалось бы, деталь заслуживала того, чтобы на ней остановиться, поскольку направление, указываемое ею, в конце концов должно привести к решению проблемы синдов и их языка. Во-первых, как уже сказано, за этими вариантами письма и глоссами стоит предание об индийской принадлежности синдов, которое мы сейчас меньше всего намерены подвергать сомнению; во-вторых, уже здесь содержится один из точнейших лингвистических критериев опознавания индоарийских, индийских языковых фактов – сохранное этимологическое индоевропейское s . Варьирование $\text{'}\iota\upsilon\delta\omicron\upsilon\varsigma$ – $\Sigma\upsilon\delta\omicron\upsilon\varsigma$, $\text{'}\iota\upsilon\delta\iota\kappa\acute{\eta}\varsigma$ – $\Sigma\upsilon\delta\iota\kappa\acute{\eta}\varsigma$ не должно быть камнем преткновения, как мы это обычно наблюдаем у филологов и лингвистов, решающих этот вопрос в духе предпочтения одной из форм, но должно свидетельствовать, скорее, о существовании иранско-неиранских контактов, функционировании, как сейчас говорят, формулы пересчета звуко-соответствий одного языка на другой близкородственный. Точно такая же пара звукосоответствий независимо установилась на другой периферии, между Индией и Персией – др.-инд. *sīndhu-* 'река', особенно 'река Инд' и др.-перс. *hiⁿdu-* 'Индия', причем иран. *hind-*, как полагают, явилось заимствованием, иранизацией индийской формы¹¹.

Но вернемся к истории вопроса, которой еще предстояло проделать весьма тернистый путь. Особое место в ней занимает книга К. Риттера, написанная на самой заре сравнительно-исторического языкознания с наивно-романтическим отождествлением санскрита и праязыка, Индии и прародины. Для Риттера Индика и инды (как он упорно именуется Синдику и синдов) – это одна из многих колоний древнеиндийских жрецов-буддистов, переселившихся в доисторические времена в понтийские и другие страны из Азии, Индии¹². Теория Риттера по понятным причинам была

¹¹ Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. II. 2. Göttingen, 1954. S. 475.

¹² Ritter C. Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten vor Herodotus um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus. Eine Abhandlung zur Altertumskunde. Berlin, 1820. Материалы и отдельные конкретные идеи этой книги интересны и сейчас, например, сближение упоминавшегося нами $\text{'}\text{Α}\tau\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon\rho\omicron\varsigma$ с др.-инд. *avatar* или *avatur* 'descensus' (с. 58, 63). Мы бы предположили происхождение из индоар. **ap(a)-tur-* 'преодолевающая воды'. Храм Афродиты Апатуры на мысе Дубовый рынок стоял лицом к водам Ахтанизовского лимана, и богиня была видна издали с кораблей. Вспомним, что в Горгиппии (Анапе) почиталась Афродита-Навархида, т.е. 'судоначалница', покровительница моряков (Кругликова И.Т. Синдская гавань, Горгиппия, Анапа. М., 1975. С. 63).

обречена на неуспех¹³, а впоследствии и вовсе позабыта, хотя не без ее воздействия в историко-археологической литературе XIX в. о Боспоре еще продолжали время от времени всплывать упоминания, что таманские синды – выходцы из области Синд, близ Бактрии¹⁴. Остается фактом, что именно географ К. Риттер одним из первых в научной литературе нового времени вновь поставил вопрос о связи синдов и Индии. Сейчас ясно, что Индия – конечная точка этого движения, а не наоборот, как думал Риттер. И если современная наука только еще "ставит вопрос, почему топоним Синд (в Северо-Западной Индии. – *О.Т.*) не засвидетельствован в текстах III и II тыс. до н.э."¹⁵, то самое время ответить на него, что этот топоним принесли арии с Северного Кавказа и из Северного Причерноморья, где он уже сложился в различных функциях еще раньше, хотя письменность греков зафиксировала его в сравнительно позднее время – в V, от силы – в VI в. до н.э.¹⁶

После неудачи Риттера прошло более столетия, и можно сказать без преувеличения, что за все это время не появилось ничего достойного упоминания о языке синдов¹⁷. Так продолжалось до тех пор, пока П. Кречмер не выступил в самый разгар второй мировой войны с небольшой статьей "Индийцы на Кубани"¹⁸. Почва для этого была подготовлена ранее отчасти открытиями в области письменности и языков народов Передней Азии (из них упомянем лишь следы пребывания индоарийцев в государстве Митании, Сев. Месопотамия, XIV в. до н.э.), отчасти – собственными разысканиями Кречмера о кавказском пути древних индийцев в Переднюю Азию. Опуская здесь археологическую аргументацию, привлеченную автором для доказательства того, что индийцы прошли дербентским проходом, приведем его лингвистические аргументы. Кречмер обратил внимание на то, что Геродот в известном месте (см. выше) различает скифов и синдов. Далее, автор приложил усилия, чтобы реабилитировать показания Гесихия $\Sigma\upsilon\delta\omicron\iota\ \epsilon\tilde{\iota}\theta\nu\omicron\varsigma\ \iota\upsilon\delta\iota\kappa\omicron\nu$ и геродотовское $\epsilon\tilde{\iota}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \iota\upsilon\delta\omicron\upsilon\varsigma$, одновременно указав впервые на "подлинную, национально-индийскую форму" самоназвания индийцев, сохраненную как раз в имени племени $\Sigma\upsilon\delta\omicron\iota$, близко соответствующем др.-инд. *sindhavas* мн. 'речные

¹³ Klaproth. *Commentaire sur la description des pays caucasiens de Strabon // Nouveau journal asiatique*. I. Paris. 1828. P. 299: "Догадка знаменитого немецкого географа, который полагал, что нашел в народности синдов индийскую колонию, кажется мне совершенно неприемлемой, и я думаю, что мой ученый друг ее давно оставил".

¹⁴ Ср.: Ашик А. *Воспорское царство*. Ч. 1, Одесса, 1848. С. 5, 15; Мельников-Разведенков С.Ф. *Воспор Киммерийский в эпоху Спартокидов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. XXI. Тифлис, 1896. С. 6.

¹⁵ Hansman J. *A periplus of Magan and Meluhha // BSOAS*. 36. 3. 1973. P. 566.

¹⁶ Блаватский В.Д. *Древнейшее свидетельство о Синдике // Исследования в чест на акад. Д. Дечев*. София, 1958. С. 703 и сл. (догеродотовское упоминание о $\Sigma\upsilon\delta\iota\kappa\omicron\nu$ $\delta\iota\delta\omicron\sigma\tau\omicron\upsilon\alpha$ у Гиппонакта Эфесского, VI в. до н.э.).

¹⁷ Так, о "весьма смелом предположении" Шантра (*Chanire E. Recherches anthropologiques dans le Caucase*. I. Paris, 1885, P. 87–88) о том, что синды – цыгане, которые сами называют себя *sinte*, упомянуто в кн.: Лаппо-Данилевский А. *Древности кургана Карагодеуаш как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р.Х.* // *Материалы по археологии России*, изд. имп. Археол. комиссиею. № 13. СПб., 1894. С. 106. примеч. 6.

¹⁸ Kretschmer P. *Indër am Kuban // Anzeiger [der] Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse*. 80. Jg., 1943 (1944). N I–XV. S. 35–42.

жители', производному от преимущественно индийского *sīndhu-* 'река вообще', 'река Инд и примыкающая страна' (иранцы обозначают реку совершенно иначе). Река, в низовьях которой сидели синды, называлась в древности *Huṛanis*, в средние века *Cuphis*, *Κώφια* (вин. п., Никифор Григора), *Κοῦφης* (Кедрен); Кречмер сближает этот гидроним с древними формами названия реки Кабул, впадающей в Инд с запада, — *Κώφης* (Страбон XV, 697), *Κωφίη* (Арриан и др.), а также др.-инд. *Kubhā*. Оставляя в стороне *Huṛanis* как скифскую форму, автор объединяет все остальные как отражения древнеиндийского названия Кубани, занесенного индийцами затем в Индию. Достаточно прозорливо он обратил внимание и на "второй" *Huṛanis* (визант. *Κοῦφης*), объяснив его тем, что "синды раньше сидели на Буге, который тогда прежде Кубани должен был носить название *Kubhā*". Полезно и замечание Кречмера, что индийская принадлежность синдов не могла ускользнуть от близкородственных им соседей — иранцев-скифов. Таковы, как видим, очень немногочисленные, но и сегодня убедительные в наших глазах доказательства Кречмера, хотя мы не можем не отметить, что не упомянутый им Риттер за сто двадцать лет до него уже обратил внимание на индийскую природу синдов, на близость названий *Huṛanis* 'Южный Буг' — *Huṛanis* 'Кубань' и *Huṛanis*, *Huṛphasis* в Индии (Диодор Сицилийский XVII. 93). Больше того — Риттер обратил внимание на то, мимо чего прошли и Кречмер, и все остальные исследователи, — это древнее строительство искусственных каналов в так называемой Синдской Скифии (*Scythia Sindica*) — в низовьях Ю. Буга и к северу от Крыма, а также на нижней Кубани (по данным Плиния и Страбона)¹⁹, что предполагает давнюю оседлость и высокий уровень развития земледелия. Это указывает еще на одно вероятное серьезное отличие синдов от скифов и дает синдам характеристику, гораздо более выпуклую и отличную от той, которую дал им Кречмер, увидевший в них лишь индийских коневодов северопонтийских степей.

Статья Кречмера явилась этапной, его выводы, например, полностью принял В. Бранденштейн²⁰, они получили некоторое, правда, очень беглое отражение у других авторов²¹, но гораздо более заметной оказалась как

¹⁹ Ritter C. Op. cit. S. 181, 187. О развитии строительства искусственных каналов в Индии см.: Культура древней Индии / Сост. и отв. ред. А.В. Герасимов. М., 1975. С. 32.

²⁰ Brandenstein W. Die alten Inder in Vorderasien und die Chronologie des Rigweda // Frühgeschichte und Sprachwissenschaft. Wien, 1948. S. 134 и сл.

²¹ Berzin E., Grantovsky E. Kinsmen of Indians on Black Sea shores // Soviet land. An illustrated fortnightly magazine published by the Information department of the USSR Embassy in India. XV. 10, May, 1962. P. 26–27. Авторы этой краткой популярной информации уместно вспомнили об обнаруженном в Тузле (античная Корокондама), на Таманском полуострове эпиграфическом женском имени *Ἰνδία*. V в. до н.э. См. сведения о нем: Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 16; Корпус боспорских надписей / Отв. ред. акад. В.В. Струве. М.: Л., 1965. С. 641 (№ 1103). Обычно считается, что *Ἰνδία* — это имя рабыни и вольноотпущеницы (при имени нет указания на отца или мужа), указывающее только на страну происхождения, ср. *Λυκία*, *Αλυπτία*. Но *Ἰνδία* в стране синдов — едва ли простая случайность.

В.Н. Топоров (Топоров В.Н. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии // Топонимика Востока. М., 1962. С. 63) пишет: "Задача сводится к обследованию широкой полосы от Причерноморья, где античные источники помещают "Синдику", "индиев", до территорий, непосредственно прилегающих к Индии с запада..."

раз отрицательная реакция в последующей литературе. Один из ранних критиков теории Кречмера – норвежский иранист Г. Моргенстьерне²² обратил внимание на то, что, если Σίνδοι = санскр. *Sindhavaḥ* мн. (только в Махабхарате и поздних источниках), то это предполагало бы существование названий реки *Σίνδος 'Кубань', чего классические источники не знают. Моргенстьерне сомневается, далее, в исконном индоарийском происхождении др.-инд. *sīndhu-*, что уже совсем напрасно. Для того чтобы уверовать в то, что разделение индоарийцев и иранцев состоялось в степях Южной России, норвежскому лингвисту явно не хватает здесь гор и других топографических преград (с. 237), но с таким же правом можно утверждать, что именно степные просторы благоприятствовали разделению и рассеянию народов...

Число фактов оставалось прежним (их было мало и у Кречмера), а скептицизм с годами рос. Эгуста в упомянутой выше книге 1955 г. (примеч. 1) называет теорию Кречмера "eine gewagte Hypothese". Значительную близость Σίνδοι – *Sindhavas* он уже готов признать случайным созвучием, потому что есть местные названия Σίνδα в Писидии и Σινδία в Ликии, но первое из них лучше оставить в стороне ввиду наличия вариантов Ἰσινδα, Πισίνδα, Ἰσιόνδα²³, а название Σινδία (город в Ликии), в конце концов, не такого свойства, чтобы поколебать приведенное выше тождество. Но настоящим гиперкритицизмом в адрес Кречмера проникнута статья В. Эйлерса и М. Майрхофера²⁴. Возвращению гидронимов Κώφρη, Κούφης 'Кубань', Κοῦφης 'Ю. Буг' к др.-инд. *Kubhā* они противопоставляют этимологию из ср.-иран. *kōfēn* 'горный' (др.-иран. **kaufaina-*). С равнинным Бугом эта этимология как-то не вяжется. Все, что Кречмер сказал об этнониме Σίνδοι, встречает неизменное сомнение обоих авторов: *Sindhavaḥ* – "не старше эпоса", *sīndhu-* – едва ли арийское (доказательства?), основу *sind-* можно встретить там, где индийцев никогда не было, – в Македонии, Писидии (про Писидию мы уже сказали выше, "созвучие" с македонскими синтами, синтиями не очень веско). Наконец, опираясь на глоссу Фотия Σινδοί· Σκινθικὸν γένος, Эйлерс и Майрхофер утверждают, что вся античная географическая традиция считала синдов скифами²⁵, а это в корне неверно, и ниже мы приводим мнения лучших знатоков античной истории и археологии синдов и вообще Боспора, которые безоговорочно доказывают противоположное. Мы были одно время согласны вместе с Эйлерсом и Майрхофером вычеркнуть *Croucasim* 'Кавказ' (Плиний) из числа индийских реликтов, куда его отнес Кречмер, полагая, что здесь, скорее, отражено др.-иран. (скиф.) **xrohu-* 'лед'²⁶, но ниже мы пересматриваем это мнение.

²² *Morgenstierne G. Indo-European k' in Kafiri // NTS. XIII. 1945. P. 235 и сл. Сведениями об этой статье и обязан любезности И.М. Оранского.*

²³ *Pape W., Benseler G. Op. cit. II. S. 1395.*

²⁴ *Eilers W., Mayrhofer M. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung // Die Sprache. VI. 1960. S. 107 и сл.*

²⁵ *Ibid. S. 115.*

²⁶ *Ibid. S. 116.*

На этом спор, казалось, затих. Аргументы за и против были исчерпаны, новый фактический материал не поступал. В вопросе об этногенезе синдов, которым в последние десятилетия в советской литературе почти исключительно занимаются археологи и историки, наметилась тенденция восполнить отсутствие четкой лингвистической концепции синдов автохтонистской теорией западнокавказского их происхождения: "синды – языковые предки адыгов". В пользу этой довольно популярной теории говорили как будто многие весьма здравые соображения. Вместо абстрактных скифов, фракийцев и еще более абстрактных, казалось бы, для Северного Причерноморья индоарийцев, исчезнувшее племя синдов ассоциировалось на этот раз с совершенно конкретными обитателями практически этих же и соседних с ними мест – кабардинцами и адыгейцами. Однако не нужно упускать из виду, что ученые, разделявшие мнение об адыгском, западнокавказском происхождении синдов, в сущности, не ставили задачу систематической специальной проверки в этом плане всего лингвистического материала (а таковым следует, в первую очередь, считать всю древнюю ономастику, все доступные эпиграфические остатки с территории исторической Синдики и примыкающих земель прочих меотских племен; о том и о другом – ниже). Авторы работ о древностях Тамани, Приазовья и Прикубанья, будучи в основном историками и археологами²⁷, не шли в упомянутом вопросе дальше общих утверждений. Мы не ставим под сомнение автохтонность западнокавказских народов. Но автохтонные народы тоже не были чужды известных передвижений и изменений своих этнических границ. В средние века и новое время адыги определенно обитали также на морском побережье, в том числе – на Таманском полуострове. Но еще Клапрот здраво заметил, что в языке черкесов нет даже слова, обозначающего остров²⁸, а это было бы естественно для древнего местного населения Таманского полуострова, который вместе с дельтой Кубани в древности представлял не один, а несколько островов – целую "полинезию"²⁹.

Путешественники прошлого застали у причерноморских черкесов предания, что здешние курганные могильники и монументы вроде дольменов принадлежат народу, проживавшему до них в этих краях³⁰. Нашу мысль можно лучше всего выразить, прибегнув к словам Ю. Клапрота в его уже цитировавшемся комментарии к Страбону: "Племена меотов,

²⁷ См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 395, 397; Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. XXVIII. 1958. С. 62; Он же. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 127 и сл.; Крушкюл Ю.С. К вопросу об этногенезе синдов // Там же. С. 158 и сл.; Она же. Древняя Синдика. М., 1971. С. 43, 231; Лавров Л.И. О происхождении народов северо-западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. III. Нальчик, 1954. С. 193 и сл.

²⁸ *Klaproth J.v. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. I. Halle: Berlin, 1812. S. 557.* примеч. Факт отсутствия лексемы "остров" в адыгских языках подтверждает и А.К. Шагиров (устная консультация).

²⁹ См.: Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 5.

³⁰ Тебу де Мариньи Ж.-В.-Э. Путешествие в Черкесию в 1818 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 312–313, 318.

населявшие во времена Страбона эту часть побережья Черного моря, исчезли, уступив место племенам черкесского и абхазского происхождения³¹. Сейчас уже трудно сказать, кому первому пришла в голову повторяемая всеми старая мысль, что античные керкеты и черкесы – это одно и то же название "в несколько измененном виде"³². Но Керкѣται (Скилак Кариандский, Страбон) – не что иное, как другое название меотского племени торетов, так сказать, греческий эпитет этих последних, от греч. Керкѣτης 'особый руль, кормовое весло'. Еще в лексиконе Фотия на сей счет ясно сказано: Керкѣται: ἔθνος Ἰνδικόν, ὃ χρῆται μακρῷ πηδαλίῳ ὃ καλεῖται керкѣτης³³. "Керкиты – индийское племя, которое пользуется длинным кормовым веслом, называемым керкѣτης". К слову сказать керкѣτης – нормальный греческий апеллатив, производный с -i-суффиксальным от глагольно-именного корня керк-, крек-, известного в ремесленной терминологии. Ничего адыгского здесь нет, и обозначение Керкѣται Торѣται (Dionys. Perieg. 682) можно толковать как 'тореты с длинными рулями'. Об этнониме Торѣται (также Торѣάται, Торίται, у тех же авторов, ср. еще Τορυνη – С. Valerius Flaccus. Argon. 144) можно высказать предположение, что это суффиксальное производное от индоевропейской основы, родственной др.-инд. (Атхарваведа, ऋ. ले॒.) tāra- 'берег'. В ином суффиксальном оформлении эта же основа представлена в названии близлежащего города и порта Торикός (Scyl. Caryand. 74), что мы прочли бы как прилагательное 'береговой'. Ср. еще др.-инд. tāra м.р. 'переправа', tarika м.р. 'паром, лодка' (Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary. Oxford, 1964. P. 438, 439; Sircar D.C. Indian epigraphical glossary. Delhi; Varanasi; Patna, 1966. P. 338). Такое обозначение как нельзя лучше подходило местной ветви меотов, называвшейся "понтийским племенем" (Торѣται, ἔθνος Ποντικόν, Steph. Byz. 280) и слывшей "весьма мореходными" (ναυτικόν μάλιστα. Anon. Per. p. Eux. 65(24). Индоевропейский вид этих названий и способ сочетания их морфем заставляет нас быть осторожными в отношении попыток дать названию торетов адыгскую этимологию, а тем более связывать их на этой почве с таврами³⁴. Адыгская этимология Л. Лопатинского – Маиѣτης, Маиῶτης 'Азовское море', из адыг. mei 'вонь', jam'e 'болото, тина, лужа'³⁵ – оставлена наукой³⁶. Весьма популярна аналогичная этимология точно не локализо-

³¹ Klaproth. Commentaire sur la description des pays caucasiens de Strabon. P. 302.

³² Лавров Л.И. Указ. соч. С. 195.

³³ Photii lexicon e codice galeano descriptis R. Porsonus, Pars prior. Lipsiae, 1823. P. 136 (157, 9).

³⁴ См.: Лавров Л.И. Указ. соч. С. 197. После работы И. Толстого "Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте" (Пг., 1918), показывающей возможность вторичного переноса названий Таурική, Ταῦροι с Лемноса и его обитателей на Крым и чисто греческую мифологическую природу этого акта, маловероятно, чтобы Таῦροι было самоназванием туземцев Крыма.

³⁵ Лопатинский Л. Заметки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. XXI. Тифлис, 1896. С. 77.

³⁶ Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze... S. 166. По устному указанию А.К. Шагирова, адыгское словообразование требовало бы здесь прямо противоположного порядка компонентов.

ванного названия реки $\Psi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ и, видимо, производного от него названия меотского племени $\Psi\eta\sigma\sigma\acute{o}\iota$, ср. адыгейское и кабардинское *псы* 'вода', а также название Кубани у адыгских народов – *Псыжь*, букв. 'старая река'³⁷, но и здесь можно допускать индоевропейские, доадыгские истоки, особенно ввиду сложных отношений к паре $\Theta\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, название реки, $\Theta\alpha\tau\epsilon\iota\varsigma$, название племени в азиатском Боспоре. Некоторые авторы цитируют рядом $\Psi\eta\sigma\sigma\acute{o}\iota$, $\epsilon\iota\tau\alpha$ $\Theta\alpha\iota\sigma\epsilon\omega\tau\alpha\iota$ (Ptol. V, 8, 17–25, конъектура Бёка: $\Theta\alpha\tau(\epsilon\iota\varsigma)$ $\text{Μα}\iota\omega\tau\alpha\iota$ 'фатеи-меоты'). Догадка Клапрота относительно тождества рек $\Psi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, $\Psi\acute{\alpha}\theta\iota\omicron\varsigma$ (у Клапрота – *Psathus*) и *Кумлы-Кубань* (тюрк.) 'песчаная Кубань'³⁸ – по Клапроту, северный рукав Кубани – позволяет выдвинуть предположение об отражении здесь старого апеллатива со значением 'песок' – **psat-* < и.е. **bhsmt-*, ср. греч. (гомер.) $\psi\acute{\alpha}\mu\alpha\theta\omicron\varsigma$ 'песок' и родственные. Трудную пару $\Psi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ – $\Theta\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ кажется возможным объяснить, лишь допустив вторичную иранизацию **psat-* > **phat-* > *That-*; об иранизации фатеев может свидетельствовать тот, правда, единичный факт, что в междоусобной войне Эвмела, Сатира и Пританиса принимал участие царь фатеев с иранским именем $\text{Α}\rho\iota\phi\acute{\alpha}\rho\iota\tau\eta\varsigma$ (Diod. Sic. Bibl. XX, 22).

Дальше на юг и ближе к Кавказским горам следы контактов боспорских и прочих греков с немеотскими и, возможно древнеадыгскими местными племенами вполне реальны. Вспомним местность $\tau\eta\upsilon$ $\delta\nu\omicron\mu\alpha\zeta\omicron\rho\omicron\epsilon\mu\epsilon\tau\eta\upsilon$ $\Psi\beta\alpha\nu$ (Diod. Sic. XX, 25), вызывавшую сильные сомнения В.В. Латышева³⁹, по-видимому, отдаленный район, поскольку речь в тексте идет о предоставлении его переселенцам. Развеять в какой-то мере сомнения помогает наличие реки *Псоу* (адыгско-абхазское) 'длинная река', впадающей в Черное море у самой границы Абхазии⁴⁰. Адыгское *Цэмэз* 'Новороссийск', откуда *Цемесская бухта* (*Цэ* 'вошь', *мэз* 'лес')⁴¹, как-то отражено в причерноморском этнониме-прозвище $\Phi\theta\epsilon\iota\rho\phi\acute{\alpha}\gamma\omicron\iota$ 'шведы'⁴².

Поскольку далее у нас излагается попытка реконструкции ряда лексем древнего языка местного населения азиатского Боспора, может оказаться полезной небольшая предварительная сводка синонимичных адыгских лексем. Речь идет о немногочисленной фондовой лексике, обозначающей самые элементарные и основные понятия: 'мать' – кабардинское *анэ*, адыгейское *ны*, 'старый' – каб., адыг. *жьы*, 'море' – каб., адыг.

³⁷ Лопатинский Л. Указ. соч. С. 77–78; Лавров Л.И. Указ. соч. С. 194; Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966. С. 10.

³⁸ Klapproth. Commentaire... P. 62.

³⁹ Латышев В.В. ПОНТИКА // Сборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря, СПб., 1909. С. 171 и сл.

⁴⁰ Коков Дж.Н. Указ. соч. С. 13, 145. Сближение $\Psi\beta\alpha$: *Псоу* см. еще: Трубачев О.Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа // ВДИ. 1978. № 4. С. 40.

⁴¹ Коков Дж.Н. Указ. соч. С. 152.

⁴² Маловероятно о последних см.: Беляев В.Ф. К вопросу о толковании этнической принадлежности древнегреческого этнонима $\Phi\theta\epsilon\iota\rho\phi\acute{\alpha}\gamma\omicron\iota$ // ВДИ. 1964. З. С. 130 и сл. (с литер.).

хы, 'женщина' – каб. *фыз*, адыг. *шъуыз*, 'девушка' – каб., адыг. *хъыджэбз*, 'дева' – каб., адыг. *пигъаштэ*, 'хороший' – каб. *фы*, адыг. *шъуы*, также *дэгъуэ/дэгъу*, 'селение' – каб. *къуажэ*, адыг. *къуадж*, 'один' – каб., адыг. *зы*, 'вода' – каб., адыг. *псы*, 'берег' – каб. *ныджэ*, адыг. *ныджы*, 'умереть' – каб., адыг. *лэн*, 'черный' – каб. *фыццэ*, адыг. *шъуыццэ*, 'темный' – каб. *чыбл*, адыг. *шъуынчл*⁴³. Не говоря уже о словообразовании и структуре доступного нам туземного лингвистического (главным образом ономастического) материала азиатского Боспора, индоевропейского по характеру, следует отметить, что способы лексического воплощения одних и тех же семем ('мать', 'море', 'женщина', 'хороший', 'темный', 'черный...'), насколько мы можем судить об этом с помощью этимологической реконструкции, принципиально отличны в реконструируемой туземной лексике азиатского Боспора от лексики адыгских языков.

Итак, синды... Кто же они? – "К меотам принадлежат сами синды и дандарины, и тореаты, и агры, и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и многие другие..." (Strab. Geogr. XI, 2). Страбон первый указал на принадлежность синдов к меотам, большой совокупности племен, родственных, очевидно, по языку. Однако его достаточно длинный перечень заведомо не полон; один важный пробел легко восполняется из других авторов, указывающих на принадлежность к меотам также племени язаматов (Μαιωτῶν γένος Ἰαζαματῶν, Anon. (Scymn. Ch.) Perieg. 878), или яксаматов (Ἰαξαμάται ἔθνος, Ptol. Geogr. V, 8), иксоматов (Ἰξομάτας, Ptolemaeus. Strateg. VIII, 55). Эти яксаматы были самым северным из крупных меотских племен и граничили, видимо, по Дону с иранцами-сарматами. Показывая отдельных авторов существенно отличаются, нуждаются в специальном изучении и комментариях. Например, ср. Romp. Mela I, 114: "Изгибающийся берег от Босфора до Танаиса населяют меоты (Maoticici), фаты (Thatae), сирахи, фикоры (? Phicores) и близкие к устью реки иксаматы". Мела, как видим, включил в перечень меотов также племя сираков, живших немного к югу от устьев Дона; это скорее подтверждается некоторыми нашими наблюдениями, хотя вообще сираки нередко трактуются как близкие сарматам. Плиний упоминает меотов вместе с многими другими племенами, названия которых у него даны подчас в весьма темной форме, что не умаляет, однако, уникальности свидетельств именно этого автора. Племена Приазовья и Северного Кавказа у Плиния – большая самостоятельная проблема, о которой мы не можем здесь говорить подробно. Достаточно сказать, что, кажется, ему одному принадлежит ценнейшее указание, что меоты жили также по северному берегу Азовского моря: "От Буцеса (северо-западная часть Азовского моря – О.Т.) выше Меотиды – савроматы и эсседоны, а по берегу до самого Танаиса – меоты, от которых получило имя озеро" (Plin. Nat. hist. IV, 88). Любопытное беглое свидетельство Евстафия, а также Стефана Византийского о том, что Таврический полуостров назывался

⁴³ Сведения почерпнуты из книг: Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962; Он же. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. I (А – Л).

также и Меотским (ἡ Ἰσθμὸς ἢ Ταυρικὴ ἢ καὶ Μασιτικὴ)⁴⁴, как бы приоткрывает тайну первоначальных связей и их масштабов. Ясно, что Киммерийский Боспор (Керченский пролив) никогда не был серьезной преградой и этническим рубежом, ср. и тот факт, что единый политический организм – Боспорское царство – в течение почти тысячелетия охватывало оба берега пролива. То же следует утверждать об основном населении царства – меотах. Они были тесно связаны с Меотийским озером, предметом их особого культа "матери", согласно известию Максима Тирского⁴⁵, а также – не в последнюю очередь – согласно этимологии имени меотов – Μαῖῆται, Μαῖῶται, (эпигр.) Μαῖται – грецизированного (но не греческого, как иногда думают) производного типа *maj-at-, *maj-it- с приблизительным значением 'материнский'. В этом отразился, надо полагать, местный вариант культа богини-матери, а главенствующая роль женского начала была вообще характерна для местных племен с их "женовладеемой" общественной организацией и прежде всего – для придонских яксаматов⁴⁶, из среды которых вышла воительница Тиргатао. Кстати, Дон-Танаис также назывался Μαῖήτης (Herod. IV, 45). Со стороны реальной, физико-географической, здесь нашло отражение то знание, которое объединяет древних с современными географами (и не всегда принимается в расчет современными историками), что Азовское море – как бы расширенный лиман Дона, а Боспор – донское устье, самая выдающаяся функция которого – питать избытком пресных вод Черное море. Поэтому можно позволить себе, в согласии с данными, реконструкцию фрагмента мировоззрения: вопреки мнению отдельных лингвистов (выше), главной Рекой для меотов, их *Σίνδοζομ никогда не была Кубань, это был Дон (подтверждения также далее). Со стороны идеологической, здесь нашел отражение упомянутый культ обожествляемой матери, одним из воплощений которой были воды Дона-Танаиса и Меотиды. Традиция определять Μαῖήτης 'Азовское море' как μήτηρ τοῦ Πόντου 'мать Понта' (Herod. IV, 86), проходящая через всю античность, как и древняя этимология Μαῖῶτης : μαῖα 'мать-кормилица' (Eustath. Comment. ad Dionys. Periég. 163), которую мы лишь несколько аранжировали выше, заслуживает доверия. Греч. μαῖα – своего рода этимологический ориентир, а не источник: и.-е. *māiā представлено шире, ср. индийское *Maha-Mai* 'Magna Mater', у буддистов Непала, приводимое Риттером (стр. 58 книги) в связи с Μαῖήτης.

Эпиграфические свидетельства дополняют сведения из авторов, кратко названные выше, ср. устойчивые перечисления в титулатуре боспорских царей: ...βασιλεύοντος, Σίνδων, Τορετέων, Δανδαρίων, Ψησῶν⁴⁷; ...βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαῖτῶν πάντων 'царя синдов и всех маитов'⁴⁸; ...βασιλεύοντος Σίνδων, Μαῖτῶν, [Θ]ατέων, Δόσχων⁴⁹. Синды –

⁴⁴ Цит. по кн.: Ritter C. Op. cit. S. 208–209.

⁴⁵ См.: Латышев В.В. Известия древних писателей... I. С. 591.

⁴⁶ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 110.

⁴⁷ Корпус боспорских надписей. С. 18 (№ 6).

⁴⁸ Там же. С. 552 (№ 971).

⁴⁹ Там же. С. 553 (№ 972).

часть меотов, и поиски следов языка синдов суть одновременно поиски языковых остатков этих последних. В литературе уже высказывалась мысль о близости всех меотов между собой и о едином языке у них⁵⁰. Косвенным отражением сознания самими меотами этой взаимной близости может служить допускаемое учеными существование у меотов племенного союза, не идентичного политическим рамкам собственно Боспорского царства⁵¹. Правда, ученые так заключают больше по типологическим вероятностям, хотя могут быть предложены для обсуждения и языковые свидетельства об этом. Например, у Лукиана (II в. н.э.) упоминаются неподалеку от Меотиды *Μιτραίων ὄρη* (Luc. Sam. Tox. 52), которые можно при поддержке др.-инд. *mitra* 'друг'⁵² и соответственного производного прилагательного *mitraya- 'дружественный, союзнический' прочесть как 'горы Союзников'. Хотя Лукиана и осуждали за подражательность⁵³, против вымышленного характера *Μιτραίων ὄρη* говорит, как кажется, и такое, на первый взгляд, странное название, как ἡ Μιθριδάτου χώρα 'страна Митридата (?)' (Ptol. V, 8, 17–25), очень конкретно локализуемое по соседству с сираками. Наверное, это порча первоначального *Μιτραίων χώρα 'страна союзников'.

Некоторым исследователям представляется, что во главе меотского племенного союза стояли синды⁵⁴, что само по себе имеет чисто умозрительные основания. Удовлетворимся поэтому констатацией известного факта, что синды были более развиты экономически и культурно, только у них существовало в настоящем смысле слова государство⁵⁵, связанное иногда кровными узами с другими меотскими племенами, например с яксаматами, иногда враждовавшее с ними⁵⁶, хотя источники упоминают также "царей" фатеев, сираков.

Локализация меотских племен на географической карте – задача трудная, и ее решают по-разному. Достаточно сличить карты племен Восточного Приазовья у В.В. Латышева⁵⁷ и В.П. Шилова⁵⁸. Единственное, что объединяет этих авторов и кажется вообще бесспорным, это местоположение синдов в южной части Таманского полуострова (так называемый Синдский остров); более или менее одинаково – от Анапы до Новороссийска – помещаются керкеты-тореты, что теперь находит поддержку в

⁵⁰ Латышев В.В. ПОНТИКА ... Стр. 64.

⁵¹ Артамонов М.И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. I. С. 37; Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. XXVIII. 1958. С. 68; Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 90.

⁵² "Значение "друг" (санскр. *mitra*) не засвидетельствовано в авестийском и древнеперсидском" (Justi F. Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895. S. 503).

⁵³ Т.В. Блаватская предлагает "безоговорочно исключить Лукиана из числа источников по истории Боспора" (указ. соч. С. 146).

⁵⁴ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 37; Шилов В.П. О расселении меотских племен // СА. XIV. 1950. С. 102. Н.В. Анфимов (указ. соч.) говорит о главенстве сираков.

⁵⁵ Мошинская В.И. О государстве синдов // ВДИ. 1946. 3. С. 203 и сл.

⁵⁶ Ср.: Polyacn, Strateg. VIII, 55 (новелла о меотянке Тиргатао, жене синдского царя, вышедшей из царского рода иксоматов).

⁵⁷ Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. II. Petropoli, MDCCCXC, карта 2.

⁵⁸ Шилов В.П. Указ. соч. С. 122, рис. 2.

этимологии их названия. Дандарии, вероятнее всего, жили в дельте Кубани, в плавнях, что, по-моему, разительно явствует из новой этимологии их этнонима, приводимой нами в конце работы (в этих плавнях их и помещают, с некоторыми отличиями, оба археолога). Что касается локализации досхов, тарпетов, фатеев, псессов, она совершенно произвольна; стоит лишь отметить, что фатеи и псессы, хотя и помещаемые Латышевым и Шиловым в абсолютно разных местах, всякий раз молчаливо трактуются как соседние (ср. о них выше). В общем здесь еще много работы для критики. По неизвестным мотивам Шилов опускает якаматов, не говоря о сираках. Впрочем, и на более содержательной карте Латышева мы не найдем страбоновских ситтакенов, обидиакенов, агров.

Отношения меотов и скифов, Боспора и Скифии давно и надежно определяются наукой как противостояние. Во-первых, имеется в виду самое прямое противостояние – демографическое: скифов практически не было в азиатской части Боспора, первоначально они не преобладали и в европейском Боспоре⁵⁹. Сарматизация азиатского Боспора – вторичный процесс. Во-вторых, меотов и их соседей разделяет противостояние культурно-бытовых укладов. Меоты – земледельцы, о чем согласно говорят и древние писатели, и современные археологи. "На всем этом побережье живут меоты, земледельцы, но не менее воинственные, чем кочевники" (Strab. Geogr. XI, 2). Меотами была обжита сравнительно неширокая полоса вдоль Азовского моря, дальше к востоку жили кочевники. Оседлость меотов ярко характеризовалась, например, интенсивным разведением свиней. О строительстве искусственных каналов мы уже упомянули выше. "Рассказывают, что Фарнак некогда обратил и Гипанис против дандариев через какой-то старый канал, очистив его, и затопил страну" (Strab. XI, 2). Оседлость означала и бóльшую густоту заселения, и некоторую гарантию сохранения и выявления следов этноса, к чему мы еще вернемся при обсуждении преемственности. Полное исчезновение иранского элемента к востоку от Приазовья и нижней Кубани давно поставлено в связь с редкостью заселения и именно кочевым характером иранцев-сарматов. Дифференциально могут быть выделены некоторые особенности материальной культуры, например, употребление при погребениях подстилки из травы камки *Zostera maritima*, характерное во всем Северном Причерноморье только для Приазовья от Тамани до Танаиса. Следует упомянуть также мнение об этнокультурном родстве тавров Крыма и древних жителей Восточного Приазовья и Прикубанья. Скифы как постоянный компонент при этом решительно исключаются⁶⁰.

Нелегкая проблема источников изучения остатков языка синдов и меотов может быть охарактеризована следующим образом. Письменность

⁵⁹ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 103, 160; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 35, 57; Блаватский В.Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей // Вестник МГУ. 1948. 8. С. 13; Блаватская Т.В. Указ. соч. С. 35, примеч. 112; Сокольский Н.И. Синдская скульптура // Англинское общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 203.

⁶⁰ Миллер В. Осетинские этюды. Ч. III. М., 1887. С. 97; Анфимов Н. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953. С. 9, 25–26; Шелов Д.Б. Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 235; Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 78, 79, 110, 113, 114, 119.

синдов и меотов до нас не дошла, по-видимому, у них и не было своей письменности (примитивные знаки на глиняных табличках или тамгообразные знаки боспорских царей не имеют сюда отношения). К тому времени, когда у синдов отмечается наличие государства (V в. до н.э.), уже начинается эллинизация: все сферы жизни обслуживает греческое письмо. Таким образом, синдских и меотских письменных текстов нет. Не сохранилось даже ни одной номинальной синдской глоссы, т.е. такой, где бы слово, цитируемое как синдское (или меотское), сопровождалось переводом на другой язык. Это, казалось бы, безнадежное положение, однако, отнюдь не означает невозможности рассуждений на тему "синдский язык" и вовсе не уполномочивает нас к признанию реконструкции синдских языковых остатков неосуществимой. К настоящему времени наука имеет определенное представление о целом ряде древних языков, засвидетельствованных почти исключительно ономастикой. Таковы фракийский, иллирийский, мессапский языки. Таков скифский язык. Связных текстов на этих языках практически нет, однако никто не станет отрицать их реального самобытного существования. Положение с синдским языком очень напоминает положение с этими языками с той разницей, что проблема синдского языка еще труднее. Трудности лишь усугубляет необходимость подходить к реконструируемому древнему языку как языку живому с неизбежно сложным составом.

Скифские глоссы известны в некотором количестве. Эти номинальные скифские (т.е. названные скифскими) глоссы оказываются нередко псевдоскифскими, когда они противоречат тому, что достоверно известно о скифском языке как иранском. Такая расширительная античная трактовка – в духе уже упоминавшейся "скифской" литературной традиции и идеализации древними всего скифского. Начнем с глоссы μέσπλη ἢ σελήνη παρά Σκύθαις (Hes.). В слове μέσπλη, которое явно членится на две части, можно правдоподобно выделить отражение и.-е. *mēs- 'луна, месяц', которое в иранском нормально рефлексировало в форме mah-. Ясно, что μέσπλη – не скифское название луны. Чье именно – сказать трудно (фракийский, армянский рефлексы этого индоевропейского слова имели бы свои отличия). Для более полного объяснения μέσπλη подошла бы индоарийская конструкция *mās- 'месяц' + prā-, ср. др.-инд. prāta-. прич. прош. страд. 'наполненный', откуда μέσπλη – 'полная луна'. Разумеется, такие этимологии (особенно без четкой локализации) сохраняют значение пробных зондов, вызывая подчас новые проблемы (сохранение e и / нуждается в комментариях на арийском фоне). Не обходится здесь также и без ошибочных записей. Не более скифским оказывается слово sactium, находимое у Плиния (Nat. hist. XXXVII, 40) в значении 'скифское название янтаря' и осторожно сближаемое с др.-инд. śarkarā 'мелкие камешки, галька'⁶¹.

К числу псевдоскифских глосс Плиния мы относим ключевое для нашей проблемы место: Tanaim ipsum Scythae Sinum vocant, Maeotim

⁶¹ Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze... // Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. I. S. 148.

Temarundam, quo significant matrem maris "Сам Танаис скифы называют *Sinu-*, (а) Меотиду – Temarunda, что (на их языке) означает 'мать моря'" (Nat. hist. VI, 20). Загадочное *Temarunda* 'Азовское море' получает при этом объяснение как сложение, целая именная фраза **tem-arun-dā* 'кормилица Черного моря' (*mater maris*). Последний компонент восходит к и.-е. **dhē-* 'кормить (грудью)', решающим же для этнолингвистической атрибуции всей конструкции является то, как названо Черное море. Скифы называли Черное море **axšaina-zraya*⁶², фракийцы скорее всего – **kirs-mar-*, хетты, возможно, – просто *aruna-* 'море' ('черный, темный' похеттски – *dankui-*). Обозначение Черного моря с помощью словосложения **tem-agup-* могло принадлежать только индоарийцам, ср. др.-инд. *tāmas* ср. р. 'темнота, мрак', *árṇa-* 'пучина' (в *-arun-* представлена еще не синкопированная форма). Эти "скифы" оказываются приазовскими синдомеотами, на что, кроме близости Азовского моря, указывает плиниевское (там же) *Tanaim... Sinum vocant*. Те же самые "скифы" называли Танаис *Sinu-*, в котором мы видим легкое искажение первоначального синдомеот. **Sindu-*, идентичного др.-инд. *sīndhu-* 'река', а также самоназванию племени Σίνδοι, о котором уже была речь выше⁶³. Изменению формы **Sindu-* > **Sinu-* при записи Плинием могло способствовать сходство с лат. *sinus* 'залив'⁶⁴. Эта этимология как бы подкрепляет сказанное выше, что для синдомеотов Рекой по преимуществу, их Синдом был Дон, а не Кубань. Отголоском такого названия Дона вплоть до относительно поздних времен можно считать обозначение *Синья Вода* (1363 г.)⁶⁵.

Главный лингвистический итог, который можно извлечь из этих немногих пока фактов, – это то, что по крайней мере часть материала, попадающего в рубрику "нескифское в скифском", обнаруживает индоарийские особенности. Из них важнейшая, с фонетической точки зрения, – сохранение и.-е. *s* этимологического (**sindu-*, **mes-?*, см. также далее). Наличие индоарийских особенностей очевидно и с изоглоссно-лексической стороны (соответствие др.-инд. *árṇa-*, *sīndhu-*, *śarkarā*, при отсутствии иранских параллелей). Но для широких обобщений мало единичных, пусть даже точных идентификаций, нужны ряды соответствий. Скудость источников является, как мы считаем, главной причиной того, что эти ряды выстраиваются с трудом. Поиски необходимо продолжать, зондируя возможные другие пласты "нескифского в скифском", например, имена скифских богов. То, что из этих имен, переданных Геродотом, по крайней мере часть не этимологизируется как иранские (назовем *Οἰτόβυρος* 'Аполлон', *Ταφτί*, богиня домашнего очага), несмотря на попытки, было ясно многим языковедам (Миллер, Траймер, Белецкий).

⁶² *Vasmer M. Osteuropäische Ortsnamen: I. Das Schwarze Meer // Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis. Ser. 1, I, 3, 1921. S. 3 и сл.*

⁶³ Подробно см.: статью *Temarundam "matrem maris"*. С. 9 и след.

⁶⁴ Курьезно, что др.-инд. *Sīndhu* было записано тоже в форме *Sin* китайским паломником Сюан Цзяном (*Law B.C. Tribes in Ancient India. Poona, 1943. P. 13*).

⁶⁵ Идентификацию *Синья Вода* = Дон см.: Брун Ф.К. // Труды I археологического съезда в Москве. 1869. II. М., 1871. С. 394–395.

Как видно, псевдоскифские глоссы, продолжая оставаться интересным объектом нашего исследования, в количественном отношении не могут сами по себе быть основным источником предпринимаемой реконструкции синдомеотских языковых реликтов. Основным источником – ономастика исторического Боспорского царства и смежных областей, доступная нам в античной литературе, с подключением данных, сохранных более поздней литературой; сюда примыкает ономастика, дошедшая до нас в эпиграфике (всякого рода надписях) боспорских территорий. Например, местные, племенные названия и личные собственные имена (без особой спецификации и без упоминания уже называвшихся выше) из греческих авторов: Πάτους, Τυράμβη, Ἀντικείτης, Κοροκουνδάμη, Ἀβοράκη, Βάτά = Πάτους 'Новороссийск', Μερμάδαλις, Μερμόδας, Ἀβέακος, царь сираков, Ἀττικίτης = Ἀντικείτης, рукав Кубани, Σίλις, одно из названий Дона, Πάγρα(ι), Πανιάρδης, Μαράβιος, Ἀζαρα, Μάπητα, Ταζός, Ἐξόπολις, Σέρβοι, Σαυαραῖοι, Κοναφηνοί, Μέτειβοι, Σουαρνοί, Ἀζάραβα, Σούρουβα, Κορουσία, Σιβριάπα, Σεράκα, Ἐπτάλου λιμὴν, Νίκαξιν, Ὀπισσᾶς, Βριξάβα, Τιρυαταῶ, Ἀκεσίτης 'Дон', Παταρούη, Ἀξαβίτις, Γέρουσα, Ναύαρις, Ὀσιλοι, Τυρι(σ)τάκη, Γάργαζα, Αἰαίη, Ἀστερουσία, Εὐλυσία, Καζέκα, Καροία, Λαγύρα, Πάλακος, скифский царь, Τάξакис, скифский царь, Παλάκιον, τὰ Ἄδαρά, Νίκοψις, Οὐκρούχ, Σπαταλοῦ λιμὴν = Ἐπτάλου = Πάτους, Σῶσαι, Φοῦλλα(ι); из латинских авторов: *Coracanda* 'Кубань', *Pyrra*, *Antissa*, *Coretus*, *Buces*, *Eon* = *Oium* 'Синдский остров', *Camacae*, *Mazamacae*, *Carastasei*, *Menotharus*, *Caroni*, *Meandaraei*, *Bitiae*, *Thibii*, *Zorsines*, царь сираков, *Soza*, город дандариев, *Uspe*, город сираков, *Panda*, *Derbis*, *Dia*, *Careon*, *Carriziton*, *Suppatos*, *Dina* = *Dia*, *Sita*, *Dandareon*, итал. *Palastra* = турецк. *Balisera*, коса на Азовском море; из эпиграфики Северного Причерноморья: Ζώρσανος, [Σ]αρία, Καμασαρούη, Μαιωσάρα, Σαρύκη, Καβαθάξης, Ζωρθίνος / Ζωρθίνης, Κοθίνας, Τύρα.

Первый критерий синдомеотской принадлежности названия – местонахождение его в Восточном Приазовье, на Таманском полуострове и в пределах Боспорского царства. Эти территориальные синдомеотские названия проверяются на предмет их индоарийской (праиндийской) языковой принадлежности, причем решающее значение приобретают лингвистические критерии – исключительные фонетические рефлексы и изоглоссы, исключительные связи вскрываемого синдомеотского репертуара лексических основ и словообразования с древнеиндийским. Если территориально синдомеотское название, допускающее вероятную индоарийскую этимологизацию, обнаруживает вероятные соответствия также за пределами исторической собственно синдомеотской территории и эти соответствия не единичны и достаточно красноречивы, в таком случае подготавливается почва для новых заключений и дальнейших поисков, уже относительно не связанных начальным критерием территориальной принадлежности. Я имею в виду указания о языковых связях тавров и синдомеотов, о наличии индоарийского элемента в Синдской Скифии (к северу от Крыма), на северном берегу Азовского моря. В этих последних выводах заинтересованы, помимо лингвистов, вероятно, также историки. Фонетические приметы индоарийской принадлежности – это уже называв-

шеся сохранение и.-е. *s* (при иран. *h, χ*), а также рефлекс типа др.-инд. *kṣ* из и.-е. *ks* при иран. *š*. Дополнительные примеры на *s* этимологическое: *Soza* < индоар. **su-aja* 'добрый выгон' или, возможно, **su-vasa* 'доброе жилье' (Соца – город дандариев. Тас. Ann. XII, 16), ср. сюда же Σῶσαι, место близ Херсонеса в Крыму (Const. Porph. De adm. imp. 53, 199^v, 200^r); другая ступень чередования корня *vas* : *us* - 'жить, обитать' могла бы быть указана в названии города сираков *Uspe*, производном с суф. -*p*⁶⁶. Явным сложением с индоар. *su* - 'хороший, добрый' оказывается название города *Suppatos* (сюда же Σπαταλοῦ λιμῆν и иранизированное, с порчей, Ἐπτάλου λ., см. выше; о втором компоненте *pat*- говорится далее). Не менее регулярно выступает *s* этимологическое в составе имен Καμασαρῆ, Μαλωσάρα, Σαρούκη, [Σ]αρία – все из боспорской эпиграфики⁶⁷. Все это – женские имена, на чем основана наша этимология от индоар. **sar* - 'женщина', ср. остаточное др.-инд. *ap-sarā* 'мифическое женское существо, связанное с водой'. Перечисленные имена реконструируются как сложения **kama-sar* - 'любимая женщина', **maja-sar* - 'меотынка?' и суффиксальные производные **saruka*, **saria*. В.И. Абаев толкует все эти имена как иранские от **sar* - 'голова'⁶⁸, что, принимая во внимание частотность и типологию (имена женщин!), маловероятно даже в таком "женовладемом" обществе, как меотское. Иранское соответствие индоар. **sar* - имело бы форму **har-*, ср. авест. *hā'riš* 'женщина, самка'. Поскольку реликтам и.-е. **sor* 'женщина' была посвящена дискуссия в литературе, синдотеотское (индоарийское) **sar* представит интерес для языковедов, особенно учитывая его двойственную функцию основы и форманта, ср. Καμασαρῆ, Μαλωσάρα, напоминающую хетт. *haššušara* 'царица', *išhaššara* 'госпожа'⁶⁹.

Примеры на индоарийский рефлекс типа др.-инд. *kṣ* из и.-е. *ks*: уже давно отмечено этимологическое тождество скифского царского имени Τάξακις (Herod. IV, 120) и др.-инд. *Takṣakā*⁷⁰. Любопытно, что Фасмер отвергает эту этимологию⁷¹, потому что в иранском ожидалось бы *taš-*, т.е. как раз на тех же основаниях, на которых мы к ней вновь воз-

⁶⁶ Суффиксальное -*p*- в какой-то мере характерно для санскрита и совершенно не встречается в иранском. См.: Ghosh B. Les formations nominales et verbales en *p* du Sanskrit. Paris, 1933, P. 9, 63. Автор приводит кауз. *vasāpaya-* и производное *vāsāpaka* (стр. 68). Наличие производных -*p*- отмечается также в хеттском (см.: Edgerton F. // Language. X, 1934, P. 295 и сл.). Ср. хетт. *sarri-waspa* - "habit de taille, ceinture" (цит. по кн.: Laroche E. Les noms des Hittites, Paris, 1966, P. 366) и лувийское *uaspant* - 'одежда' (Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. 2. Ergänzungsheft. Heidelberg, 1961. S. 44), родство которых с названием города *Uspe* у сираков вполне возможно.

⁶⁷ Корпус боспорских надписей, № 75, 280, 512; Latyshev B. Inscriptions... II, N 116. P. 83-84.

⁶⁸ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. С. 180-181.

⁶⁹ Подробнее, с библиографией, см. статью "Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа" // С. 70. Правда, исследователь древнеиндийских личных имен не знает образований на -*s(ajr)-, -sri*; см.: Hilka A. Beiträge zur Kenntnis der indischen Namengebung. Die altindischen Personennamen. Breslau, 1910.

⁷⁰ Justi F. Iranisches Namenbuch. S. 321.

⁷¹ Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze. S. 119.

вращаюсь⁷². Та же основа индоар. **takṣ-*, представлена в менее знатном имени-сложении Καβαθάξης (засвидетельствована форма Καβαθάξω, дважды, оба раза – на Синдском острове⁷³), возможно, из **kumbha-takṣa-* ‘отесывающий сосуды’, ср. др.-инд. *kumbhā-* ‘сосуд (для воды)’, сложение *kumbhakāra-* м.р. ‘гончар’. Заманчиво было бы проследить ту же фонетическую особенность в местном названии Νίκαξιν ‘Святой порт’ (Аноп. Рег. р. Еух. 62(21)), возможно, – нынешний Новороссийск⁷⁴, если правильно предлагаемая нами этимология – к др.-инд. *ni-kakṣā-* в значении ‘низменная бухта’, ср. подходящие значения др.-инд. *kākṣa-* ‘укрытие, бок’ и особенно – родственного ему др.-инд. *kaccha-* ‘берег’⁷⁵. Иранское соответствие имеет форму *kaša-*, ср. авест. *vouru-kaša-* ‘имеющее широкие заливы (или берега?)’, эпитет Каспийского моря. Наше Νίκαξιν интересно еще в словообразовательном плане, поскольку адъективные производные на *-in* характерны как раз для индийского – как древнего (ср. реальное санскр. *kakṣin*⁷⁶), так и нового (бихар. *kāchī* < **kacchin*⁷⁷). В отношении своей внутренней формы реконструируемое **ni-kakṣa-* ‘низменный берег, бухта’ в Νίκαξιν образует прекрасную коррелятивную пару с др.-инд. *Bhṛgu-kaccha*, морской порт в Западной Индии (соврем. Broach), собственно “High Coast Land”. Соответствия др.-инд. *kakṣa-ikaccha-*, которые мы находим в береговой номенклатуре причерноморских индоариев (ср. ниже), напоминают, кстати сказать, ту популярность, которую эта именная основа получила в приморской Западной Индии (ср. там название известной области Раннский Кач).

В вопросе индоарийских связей репертуара лексических основ синдо-меотской ономастики на первом месте безусловно стоит выявление соответствий на одинаковом уровне (топонимии, антропонимии). Назовем Πάλακος, имя сына царя крымских скифов Скилура (Strab. VII) и его полное соответствие – др.-инд. *pālaka-* ‘защитник, покровитель’, ‘принц, правитель, государь’, также *Pālaka-*, имя нескольких принцев⁷⁸. Нам кажется неслучайным, что имя Πάλακος носил принц крови именно у скифов Крыма, ср. и производное от него название порта тавров Παλάκιον, которое еще Паллас отождествил с Балаклавой⁷⁹. Имя Πάλακος было

⁷² А.А. Белецкий справедливо предпочитает сближение с др.-инд. *takṣakā-* этимологии из **tak-sāka-* ‘быстрый олень’ у В.А. Абасва (см.: Белецкий А.О. Проблема мови скіфів. С. 81–82). Др.-инд. слово в данном случае не нужно понимать буквально как ‘плотник’, речь идет о древнем личном имени (уже др.-инд. *Takṣakā-* выступает как имя принца). Мы не согласны лишь с тем, что Белецкий сближает корень *takṣ-* с греч. τόξον ‘лук’. И.-е. **teks-* отразилось в греч. текст.

⁷³ Корпус боспорских надписей. С. 617–618 (№ 1056), 648 (№ 1113).

⁷⁴ Брун Ф. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. II. Одесса, 1880. С. 260.

⁷⁵ Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary. P. 241, 242.

⁷⁶ Там же, стр. 242.

⁷⁷ Turner R.L. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. Fasc. II. London, 1962 – P. 130.

⁷⁸ Monier-Williams M. Op. cit. P. 622–623.

⁷⁹ Pallas [P.S.] Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie pendant les années 1793 et 1794. III. Paris, 1811. P. 82, примеч. 1.

своим для тавров, с точки зрения иранского оно не толкуется⁸⁰. Поиски в этом направлении надо продолжать (ср. еще примеры полных пар соответствий в конце настоящей работы). Нельзя, однако, забывать о трудных условиях подобных поисков: малая доступность источников по топонимии и антропонимии Индии, недостаточность существующих источников такого рода, специфичность и несовершенство отражения, например, у античных авторов (Страбон, Птолемей, Арриан, Мегасфен) форм древнеиндийских названий. Такие пары сходных названий как Ἀπάτουρον (Боспор) – Ὀποτοῦρα (город в Индии, Ptol. VII, 1, 76), Κοροκοῦδαμν (Боспор) – Καρκάρδαμα (город в Индии, Ptol. VII, 1, 86) должны не только привлекать наше внимание, но и настораживать.

Но даже при той скудной и случайной обеспеченности материалом, которая отличает нашу проблему, возможности выявления полных пар понтийско-индийских соответствий, разумеется, не исчерпаны. Было бы близорукостью ограничиваться при этом одним античным и раннесредневековым материалом, необходимо также привлекать более поздний и даже современный материал, с приазовских территорий. Поздние свидетельства при условии, если они удовлетворяют другим важным требованиям, могут обернуться для нас плодом очень длительной эволюции и давней преемственности. Например, нынешняя *Белосарайская* коса (сев.-вост. часть Азовского моря) вместе с итальянской записью *Palastra* (XV в.) и *Balisera* (Эвлия-эфенди, XVII в.) может отражать местное индоар. *pari-sara- 'обтекание, обход', ср. др.-инд. *parisara*- м.р. 'округа, окружность', *parisāra*- 'хождение вокруг'⁸¹. Ср. еще Παρίσαρα, город в Индии (Ptol. VII, 2, 23). Как известно, одна из кос северного берега Азовского моря носит название *Обиточная*. Иранское название, разумеется, имело бы форму *pari-xara.

Внимательное сопоставление и выявление повторяющихся элементов названий представляет собой довольно реальный путь к реконструкции их апеллятивной основы. Сличение названий Τυρ(σ)τάκτη на западном берегу Боспора и Τυράμνη – на восточной стороне пролива – позволяет выделить три апеллятивных основы *tura-/*turi-, *taka и *amba, ср. соответственно др.-инд. *turá*-, ж.р. *turí*- 'стремительный, -ая', *tak*- 'мчаться, нестись', *ámbu* 'вода' (последнее – без достоверных иранских соответствий)⁸². Раскрываемое значение Τυρτάκτη – 'быстрое течение' – вполне отвечает быстрому течению Керченского пролива. Что касается реконструкции для Τυράμνη значения 'быстрая вода', то наблюдатели отмечали факт очень быстрого течения Кубани 'мимо города Темрюка'⁸³, т.е. близко к Тирамбе. Членение Τυρ-άμνη поддерживается географическими названиями

⁸⁰ Заметим, что Фасмер лишь приводит имя Πάλακος, оставляя его без всякого объяснения (Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze... S. 145). В.И. Абасв вовсе не упоминает этого имени.

⁸¹ Böhlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. IV. St. Petersburg, 1883. S. 46, 48.

⁸² Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. I. S. 45, 514, 515.

⁸³ Забелин И.Е. Объяснение страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Труды III Археологического съезда в России. II. Киев. 1878. С. 19.

вроде Ζόραβος, река в Гедрозии, Κοίαιβα, город в Гедрозии⁸⁴ (Гедрозия примыкает к Индии с запада и рассматривалась в литературе как возможный путь прихода ариев). Сопоставление ряда названий Καροία, *Careon*, *Eon*, *Oium* открывает путь к предположительной реконструкции лексических основ *kar-, видимо, 'камень', в древнеиндийском только в редуплицированном виде *karkara*- 'камень', сюда же *śarkarā*; вторая основа – *oion, возможно, 'остров' (ср. ниже). Композит *kar-oion 'каменный остров' мог быть местным эквивалентом греч. Τραχέια Χερσονήσος 'Скалистый полуостров' – о Керченском полуострове. Царское имя *Zorsines*, по-видимому, двусловное, напоминает своим вторым компонентом -sines (возможно, запись первоначально ионического *-σινης, отражающего туземное *-sina) продуктивный в индийском тип знатных имен на -sena.

Достижение некоторых, правда, еще скромных результатов, как и следовало ожидать, влечет за собой новые проблемы и трудности. Не говоря о том, что горстка апеллативных основ – это еще далеко не словарь, сейчас особенно ощутимо практически полное отсутствие элементарных сведений об основах грамматики самобытных реконструируемых остатков языка. Нет ясности относительно количества гласных, впрочем и наши представления об их качестве (взять хотя бы кардинальное для индоиранцев изменение *e, o > a*) весьма зыбки и зависят от передач в текстах. Есть вероятность того, что самобытность синдомеотов находила свое выражение отнюдь не в том только, что это были местные праиндийцы, отличные от соседних иранцев. Мы с первых шагов наталкиваемся на признаки самостоятельного диалекта (или диалектов). Здесь есть чем заинтересоваться индоевропейской диалектологией. Наряду с преобладающими, насколько пока можно судить, индийскими изоглоссными связями синдомеотской лексики, отмечаются и существенные диалектизмы. Ср. выше о словообразовательной функции женского -sara азиатского типа. Название женщин, убивающих взглядом, – *Bitiae* (Plin. VII–17) – образовано от и.-е. *bhej- 'бить', как и слав. *biti, т.е. отлично от корня *zhan- с этим значением во всех индоиранских языках, а также от прочих продолжений и.-е. *g^hhen- 'бить' в азиатских, греческом. Намечается своеобразная местная трактовка изоглоссных стыков Востока и Запада в этом районе.

Припонтийский индоарийский диалект синдов и меотов не был и, конечно, не мог быть слепком с классического индийского или санскрита. То, что мы наблюдаем уже сейчас из числа доступных фонетических особенностей, складывается в древнюю, но весьма живую картину народного индийского диалекта – пракрита. Некоторые особенности этого рода будут небезынтересны, по-видимому, для индологов и индоевропейцев.

Местное название Βάττα (Strab. XI, 496; Ptol. V, 9, 8), сюда же Πάτους (Scyl. Car. 72) и *Suppatos*⁸⁵, отождествляемое с современным Новоросийским, мы реконструируем как индоар. *su-patta < *su-partā- 'Добрая

⁸⁴ Pape W., *Benseler G.* Op. cit., svv.

⁸⁵ *Ravennatis Anonymi Cosmographia* / Ed. M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860. P. 172 (IV, 3).

гавань'. Известно, что это место называлось еще 'Ἐρὸς λιμὴν 'Священная гавань' (Anon. Per. p. Eux. 62(21)) и *calolimena*⁸⁶. Давно замеченный недостаток в хороших гаванях на Черном море⁸⁷ заставлял древних не скупиться на подобные топонимические эпитеты. Отношение заведительствованного *-t-* и реконструируемого *-rt-* в Πάτους, *Suppatos* очень напоминает отношение двойного перебрального *ff* в пали *paṭṭanam*, санскр. *paṭṭanam* 'порт, гавань' и регулярного санскритского *-rt-*, реконструируемого на базе внешнего сравнения с лат. *portus*⁸⁸. Сюда же мы отнесем Пάταλα (Птолемей), Πάτταλα (Арриан; NB: гемината!), название острова в дельте Инда и города там же. Ср. названия Σπαταλοῦ (Const. Porph. De adm. imp. 42, 122^v), 'Ἐπτάλου λιμὴν (Anon. Per. 60(19)) в районе Новороссийска. Наконец, в Новороссийске отмечено личное имя Ватаκος⁸⁹, производное от названия города, ср. др.-инд. *paṭṭaka-* 'город'⁹⁰ с пракритическим вариантом начала слова *vādā*⁹¹, напоминающим В- наших примеров.

Та же кардинальная особенность упрощения групп согласных, уже представленная, например, в дублетной паре санскр. *kakṣā-/kaccha-* (см. выше), документально может быть прослежена в таком сохранившемся вплоть до наших дней индоарийском реликте как местное название *Качик* в восточном Крыму. Уже давно замечено, что это название идентично названию *Кацэка* в периплах Арриана и Анонима⁹². Важно другое: название *Качик* (мыс к востоку от Феодосии) представляет собой отраженное и сохраненное в тюркской среде индоар. **kacchika-* 'береговой', производное от пракритического *Kaccha*⁹³. Тюрки Крыма лучше донесли до нас консонантизм, очень приблизительно переданный греч. *Кацэка*; они сохраняли долго и память о значении этого слова, потому что мыс этот называется также *Таш-Качик* 'Каменный Качик' и *Яга-Качик*, ср. тюрк. (татар., ногай.) *яга* 'берег: береговой'⁹⁴. Об отражении *kakṣa-* на кавказском берегу см. выше.

Поиски синдотеотских (индоарийских) языковых остатков в Северном Причерноморье привлекают перспективой восстановления на этом пути фрагментов древней этнической истории и исторической географии, а

⁸⁶ Брун Ф. Черноморье. Ч. II. С. 260.

⁸⁷ Minns E.H. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913. P. 9.

⁸⁸ Hall R.A. Sanskrit paṭṭanam: Latin portus, etc. // Language. 12, 1936. P. 133-134. Этимология *Suppatos*: др.-инд. *supāth* 'добрая дорога' (Kretschmer P. Op. cit. P. 38, примеч.), сомнительная и для автора, неприемлема для нас семантически.

⁸⁹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 221.

⁹⁰ Monier-Williams M. Op. cit. P. 220-221; Медведев Е.М. Опыт исследования древнеиндийской общины по данным топонимики // Индия в древности (сборник статей). М., 1964. С. 220-221. Осетинская этимология Ватаκος у Миллера (см.: Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze..., S. 134) носит случайный характер.

⁹¹ Sircar D.C. Indian epigraphical glossary. P. 357.

⁹² Pallas, Voyages... IV. С. 61; Pape W., Benseler G. Op. cit. I. S. 589.

⁹³ Pischel R. Grammatik der Prakrit-Sprachen. Strassburg, 1900 (= Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde. I, 8). S. 219.

⁹⁴ Фабр А. Древний быт Эяоны, нынешнего полуострова Тамани. Одесса, 1861. С. 33, примеч. 2.

также уточнения путей миграции. В заключение остановлюсь кратко на нескольких таких примерах, которые, как мне кажется, сами говорят за себя.

Известно, сколько сейчас споров ведется об ариях в Передней Азии; материал для спора – имена индоарийского типа в документах Митанни (работы М. Майрхофера, А. Камменхубер, В. Вюста, И.М. Дьяконова и др.). В аргументации по переднеазиатским ариям данные из Северного Причерноморья практически отсутствуют. Между тем можно назвать женское имя *Tirgutaḫiḫa* в алахских табличках времен Митанни, около середины II тыс. до н.э.⁹⁵ и – как его соответствие – имя меотянки *Τιρουατῶ*, разведенной жены синдского царя Гекатея в V–IV вв. до н.э. (Polyaen. Strateg. VIII. 55). Благодаря этому тождеству получает поддержку индоарийская этимология переднеазиатского имени и делается вероятной такая же этимология для севернопричерноморского имени (единственный способ объяснить их тождество), иранские этимологии последнего, напротив, становятся очень сомнительными. Это первое индоарийское личное имя, засвидетельствованное как в Передней Азии, так и к северу от Черного моря. Лучшего доказательства того, что индоарийцы частично еще оставались на Северном Кавказе после ухода их основной массы на юг, трудно желать.

В Приазовье и Северо-Западной Индии можно, оказывается, констатировать как бы повторение элементарных топонимических ландшафтов. Кроме названия **Sindu-*, обозначающего, по-видимому, 'Дон' (см. выше), – и параллельно ему – употреблялось название *Silis*, *Σίλις* 'Дон' (в вариантах к *Sinum* у Плиния; см. также Eustath. Comment. ad Dionys. 14), в чем иногда сомневаются, видя здесь смешение с Яксартом, Сыр-Дарьей. Однако ср. сообщение о народе *Οσιλοι на нижнем Дону (Ptol. III, 5, 10)⁹⁶. Возможно, префиксальное **o-sil-*. Нельзя не вспомнить о том, что в Северо-Западной Индии, где течет река, называвшаяся *Sindhu-*, сохранялось предание, хорошо отраженное и классической литературой (Мегасфен. Арриан, Диодор, Страбон), о реке *Σιλλας*, *Σιλλας*, *Σιλας*, где-то на севере Индии и о живущем там народе *Σιλεῖς*. В этой уникальной реке гласит предание, ничто не плавает, но тонет, окаменевая; название реки давно поставлено в связь с др.-инд. *śilā* 'камень'⁹⁷. Исключительно индийское *śilā* объясняет и *Σίλις* 'Дон', выступающий в паре с **Sindu-* подобно *Sindhu-*: *Σιλας* в Индии. Возможно, донское название *Σίλις* скрывается в современном *Сал* (*a* < *i в тюркоязычной среде?), названии левого притока нижнего Дона. Сосед Сала река Маныч отличается соленой водой⁹⁸. Несколько темное предание у Плиния (Nat. hist. II, 106. 5) возрождает, кстати, миф о каменных реках и на Кавказе (?): "В реке

⁹⁵ Цит. по кн.: Laroche E. Les noms des Hittites. Paris. 1966. P. 185.

⁹⁶ Латышев В.В. Известия древних писателей... I. С. 232.

⁹⁷ McCrindle J.W. Ancient India as described in classical literature, Westminster, 1901. S. 46–47, со ссылкой, вслед за Лассеном, на Махабхарату (II, 1858); *Idem*. Ancient India as described by Megasthenes and Arrian. Rev. 2nd ed. by R.C. Majumdar. Calcutta. 1960. P. 33, 64, примеч. 202.

⁹⁸ Консультация географа проф. Э.М. Мурзаева.

Сурии (Surius), в Колхиде, дерево, брошенное в воду, покрывается каменной корой...⁹⁹ В коренной Синдике, в южной части Таманского полуострова, находится лиман *Цукурский*, он же *Цукур* или *Сокур*, собственно – западная часть лимана *Кизилташ*, что по-тюркски значит ‘красный камень’: на берегу лимана, действительно, находятся известняковые утесы¹⁰⁰. Мы склонны толковать название *Цукур/Сокур* из индоар. *sukkur < **sarkar-*, ср. название известного ныне своей плотиной города *Суккур* на реке Инд в Пакистане¹⁰¹ – *Sukkur*, праkritическое изменение др.-инд. *śarkarā*, упоминаемого еще Панини и названного так по скалам, на которых город расположен¹⁰². Выше уже отмечалось глоссовое *sacrium* как след др.-инд. *śarkarā* в Скифии. Таким образом, в Приазовье вскрывается группа **Sindu-* – **Sili-* – **Sarkar-* с групповым соответствием на Западе Индии. Поиски в этом направлении также должны продолжаться. Обращает, например, на себя внимание туземное название Кубани, разветвляющейся на два рукава при впадении в море, – *Coracanda* (Pomp. Mela I, 110), а также сходство этого названия с названием реки *Кабул* (зап. приток Инда, см. выше) *Ghorvand*, объясняемого **множеством рукавов** у этой реки, по сообщению Бируни¹⁰³. Кубань, известную как реку блуждающую, с изменчивым руслом, нельзя было обозначить удачнее, чем с помощью индоар. **krka-vant(i)* ‘имеющая много горловин’. След исходной основы индоар. **krka-*, представленной в др.-инд. *krka-* ‘горло’, *krkāta-* ‘шея’, еще хорошо просматривается в тюркизированной форме *Ойкуроу*, название реки, отделяющей Зихию от Таматархи (Const. Porph. De adm. imp. 42, 121–122), а его значение сохранено тюркским названием *Бугаз* ‘горло’.

Комбинаторикой состава названий *Careon* (Iord. Get. 32), *Καροία* (Ptol. III, 5, 13) < *kar-ojon ‘каменный остров’ и *Eon* ‘Синдский остров’ (Plin. NH VI, 18), *Oium* (Iord. Get. 26–27)¹⁰⁴ мы получаем местное самобытное название острова, первоначально **ai(v)am/*oj(v)om* ‘одно, одинокое’¹⁰⁵. Видимо, сюда же (в Синдику, а не в Колхиду) придется этимологически отнести гомеровский остров *Αλαίη*, отплыв от которого утром, Одиссей мог **вечером того же дня прибыть к киммерийцам** (см. выше о расположении

⁹⁹ Цит. по кн.: Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. IV. Тифлис, 1884. С. 101.

¹⁰⁰ Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 13–14, 61.

¹⁰¹ Хохлов Н. Вытканый солнцем Синд // Известия. 14.VIII. 1974.

¹⁰² Agrawal V.S. India as known to Pāṇini. Lucknow, 1953. P. 50, 70.

¹⁰³ Sircar D.C. Studies in the geography of Ancient and Medieval India. Delhi; Patna; Varanasi, 1960. P. 43.

¹⁰⁴ Иордан так называет землю **близ Меотиды**, т.е. Синдский остров, куда переправились готы *etpeno amne transposita* ‘перейдя огромную реку’, т.е., конечно, Керченский пролив, который достоверно форсировали готы-эвдусиане в III в. н.э., а не Днепр, как считается в литературе, где *Oium* толкуют как гот. *Aiōm* ‘страна, изобилующая водой’. Так см. Е.Ч. Скржинская в комментариях к изд.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 196.

¹⁰⁵ Подробнее см. статью “Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа”. С. 71.

Киммерии). Тождество $\text{Alaίη} = \text{Eon}$ лишь подкрепляло бы мнение географа акад. К. Бэра о посещении Одиссеем Керченского пролива и окрестностей¹⁰⁶.

Древность некоторых старинных дорог может соперничать с древностью этнокультурных рубежей, а также может косвенно проливать свет на последние. Таков, например, внутренний водный путь по рукавам Кубани из Азовского моря в Черное в обход опасного пролива. Его знали турки и казаки, но наша номенклатура позволяет на добрых два тысячелетия углубить хронологию. Путь начинался у современного *Ачуева*, раньше – *Ачук*¹⁰⁷, в котором мы усматриваем тюркизацию античного *Antissa* (Plin. NH II, 206) < *antikja, ср. Ἀντικείτης (Strab. XI, 2), Ἀττικίτης (Strab. Chrest. 11), нынешняя Протока, северное русло Кубани. Названия эти можно объяснить в связи с др.-инд. *antika* – ‘ближний’, *antikātā* ‘близость’. Один вариант пути в древности кончался, видимо, в Корокондамском (Таманском) заливе, называемом в перипле Анонима Ὀπίσσας , что верно толковалось как ‘задний, последний’¹⁰⁸, не без помощи близкого греч. ὀπίσω , но очевидное наличие пары *Antissa* – Ὀπίσσας делает ощутимыми негреческие истоки¹⁰⁹ этого обозначения, ср., например, хетт. *arpezzi* – ‘последний, задний’. Многозначительно, что упомянутый путь из одного моря в другое шел в обход Боспорского пролива и негостеприимных киммерийских берегов (сев. часть Таманского полуострова).

Пафос нашей работы в том, чтобы показать силу преемственности отраженных и трансформированных элементов культуры и языка в этом сложном районе. Эта замечательная особенность традиционно недооценивается, и тогда исследователи отдают дань предвзятой схеме резких смен населения и полного обезлюдения районов Причерноморья¹¹⁰. В таких случаях полезно напоминать пример с кубанской мягкой пшеницей, которая и сейчас растет там же, где росла в V в. до н.э.¹¹¹ Но человеческая речь знает примеры не менее стойкой сохранности. Таковы теперешние *Камышовая бухта* в Крыму и *Тендровская коса* у черноморского побережья Украины. На первый взгляд, между ними нет ничего общего и к нашей проблеме они отношения не имеют. Однако мы считаем, что *Камышовая бухта*, название небольшого залива у основания полуострова Херсонеса и современного поселка там же, – это перевод древнего названия Δαυδάκη (Ptol. III, 2, 6), местность в Херсонесе Таврическом,

¹⁰⁶ Бэр К. Знакомство Гомера с северным берегом Черного моря // Записки Одесского общества истории и древностей. X. 1877. С. 522 и сл.; *Караулов Гр.* Исторические вопросы, решаемые натуралистом // Там же.

¹⁰⁷ *Тунманн.* Крымское ханство. Пер. с нем. издания 1784 г. Симферополь, 1936. С. 65.

¹⁰⁸ *Mills E.H.* Scythians and Greeks. P. 24.

¹⁰⁹ Иранские эквиваленты имели бы вид *nazduya – ‘ближний’, *araga – ‘дальний’.

¹¹⁰ Ср.: *Лалин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 53–54. Но ср. еще: *Mills E.H.* Op. cit. P. 36: “...и даже в степях население сменяется не так легко, как принято думать”.

¹¹¹ *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 109, 229.

локализация которой вызывала затруднения¹¹². На такую мысль наводит полное соответствие таврического Δαυδάκη и др.-инд. *Dandaka*-, название леса в Деккане, производное от др.-инд. *dandá-* 'палка', *dāṇḍana-* 'вид тростника'. Идентификация с Δαυδάκη делает необязательной этимологию др.-инд. *Dandaka*- < *Dandraka-¹¹³. Существующая этимология Δαυδάκη = осет. *dændag* 'зуб' (Томашек, Миллер, Фасмер, Абаев) влекла за собой гадательную локализацию типа "вероятно, какой-то мыс"¹¹⁴. Удачнее догадка Миннза, который допускал, что Дандака – одна из трех страбоновских гаваней между городом Херсонесом и мысом (он же считает, что три гавани – это нынешние Стрелецкая, Камышовая и Казачья бухты)¹¹⁵. Название *Тендровская коса*, *Тендра*, тюрк. *Тентере*, визант.-греч. τὰ Ἰαδάρια (Const. Porph. De adm. imp. 42, 120^v) еще Тунман (XVIII в.) убедительно отождествил с *Dandarium*, *Dandareon* (Rav. Ap. IV, 5; V, 11). Древние называли эту косу Бегом Ахиллеса. То, что название *Тендра* сохранилось до наших дней, избавляет нас от гаданий, будто *Dandarium* – "Uferstation" в устье Бугского лимана, и от этимологии из иран. **dānudara-*, 'державшие реку'¹¹⁶, что совсем не подходит для морской косы... У иранистов мы возьмем тождество названий *Dandarium*: Δαυδάριοι (Страбон), племя в низовьях Кубани, но не их иранскую этимологию. Логичнее понимать Δαυδάριοι как синдомеот. (индоар.) **dand-arya-* 'камышовые арии', подобно тому как много столетий спустя местные казаки назывались у татар *сару-камыш-козаклер*¹¹⁷. Важное значение камыша для этих безлесных территорий¹¹⁸ наложило печать на их названия, близость которых в кубанских плавнях, в Scythia Sindica и на Херсонесе Таврическом говорит о близости самих этносов.

Когда лингвист берется за решение подобных задач, он, пожалуй, особенно остро чувствует, что работает не столько для лингвистики, сколько для обширной исторической науки, для познания прошлого. Кречмер, докладывая в 1943 г. Венской Академии наук об индийцах на Кубани, почел нужным упомянуть о боях 1943 г. ... Сейчас, пятьдесят пять лет спустя, когда следы той войны на кубанской земле давно стерлись, пробуждаются новые надежды на то, что отыщется след ее давних жителей. Синды еще не заговорили, но отголоски их особого языка на Кубани и на Тамани все же доходят до нас.

¹¹² Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 76, 78.

¹¹³ Подробно о последней см.: *Mayrhofer M.* Op. cit. II. S. 11–12.

¹¹⁴ *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze... S. 164.

¹¹⁵ *Minns E.H.* Op. cit. P. 496, 498, примеч. 1.

¹¹⁶ *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze... S. 160, 194.

¹¹⁷ Тунманн. Указ. соч. С. 69.

¹¹⁸ В конвенции с Турцией о границах 1775 г. специально оговаривалась возможность для населения беспрепятственно собирать камыш по берегам Днепра, Буга и окрестностям. См.: Тунманн. Приложения. С. 104.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ
ДРЕВНЕЙШЕГО СЛАВЯНСТВА.
ИНДОАРИЙЦЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ***

I

Хотя теория иранского субстрата Северного Причерноморья утвердилась еще начиная с прошлого столетия (вспомним, например, о работах Мюлленгофа, Миллера, Фасмера, Соболевского, Абаева¹), на долю современной науки осталась большая работа по проверке и выяснению многих вопросов. Автор настоящей статьи далек от мысли подвергнуть сомнению главный тезис, согласно которому Северное Причерноморье античного времени (с VII–VI вв. до н.э.) явилось ареной борьбы иранства и его разнообразных отношений с эллинизмом прибрежных греческих городов-колоний. Скучные остатки языка скифов и сарматов носят действительно иранский характер. Но дело обстоит при этом не так просто и однозначно. Иранцами, по-видимому, не были полумифические киммерийцы, несмотря на то, что имена нескольких их царей звучат по-ирански; возможно, что они были, согласно древнему преданию, теснее связаны с фракийцами-трерами, ср. целый ряд фракийских имен боспорских архонтов и царей. Ср. также некоторые возможные остатки киммерийско-фракийской топонимии, неизвестные прежним исследователям: Цюцюль, гора в Крыму, ср. арумынск. *jujul* 'вершина'; *Malorossa*, один из боспорских городов (Равеннский Аноним), ср. рум. *mal* 'берег', алб. *mal(i)* 'гора' (о втором компоненте названия см. ниже). Не обязан ли сам Крым своим, вероятно, сильно искаженным и спорным названием, которое бессильны объяснить тюркологи, в конечном счете, имени киммерийцев? Крым получил свое название с востока (т.е. не со стороны Перекопа и небезызвестного рва), а к востоку от Крыма, на полуострове Фонтан, сидели киммерийцы.

До сих пор всем попыткам истолкования успешно противостоит проблема тавров. Известие Геродота о том, что они были не скифы, а другой народ (*ἄλλο ἔθνος*), не позволяет отнести также их к иранцам, но это мало что дает, так как о принадлежности языка тавров, этого древнего туземного населения Крыма, наука не может сказать практически ничего. Виновата ли в этом скудная традиция или скорее определенная позиция науки, игнорировавшей некоторые факты, увидим дальше. Археологи, со своей стороны, исследовали этот вопрос и установили различные связи между областью тавров и Западным Кавказом в керамике и способе погребения², но одна лишь эта констатация оставалась.

* Впервые опубликовано: Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13–29.

¹ См. Литературу.

² Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. С. 134, 135, 144, 145 и т.д.

как нередко случается в археологии, многозначной и даже чреватой заблуждениями. Ложным путем при этом, по-видимому, оказалось отождествление тавров с собственно кавказцами (адыги, черкесы), встречаемое в литературе.

Древние культурные корреспонденции между таврами античного Крыма и современным им населением к востоку от нынешнего Керченского пролива прежде всего относятся к синдам Таманского полуострова и родственным им меотам, земли которых простирались в восточном Приазовье до Дона. Эти области были затем тоже иранизированы сарматами, которых первоначально здесь не было. Скифы населяли степной Крым, но тоже не испокон веков; здесь жили сатархи³. Нескифский характер синдов и всех меотов, на что не раз обращала внимание античная традиция и что столь часто игнорировала наука нового времени, послужил для нас мотивом, чтобы предпринять поиски почти утерянных следов их языка. Сама античная традиция (например, глосса Гесихия Σίυδοι· ἔθνος Ἰυδικόν), небольшая статья П. Кречмера 1943 г. об "индийцах на Кубани" и некоторые другие давние и новые голоса в этой дискуссии помогли направить наш интерес на такое решение проблемы, которое означало констатацию индоарийской, т.е. собственно индийской принадлежности синдов и меотов. Для этого были привлечены новые факты или, точнее, новые объяснения старых фактов и данных, остававшихся пока как бы в тени. Этим вопросом я занимаюсь с 1973 г. Моя собственная первая этимология была посвящена глоссе Плиния *Temarundam matrem maris* – названию Меотиды как матери Моря, Понта, которое сам Плиний ошибочно приписал скифам. В результате появилась концепция нескифского по языку населения, называвшего Черное море **tem-arun-*, ср. др.-инд. *árna-* 'морская пучина' (хетт. *aruna-* 'море' тоже близко, но сочетание с *tem-/tam-* 'темный, черный' носит исключительно индийской характер!).

Неаспирированное *s* в ряде других случаев, а также *kš* (на письме ξ), вместо иранского *š*, из и.-е. *kš* – в фонетике, несколько примеров на суффикс прилагательного *-in*, характерный как раз для индийского, а не для иранского, и на суффиксальное *-p-*, известное в индийском и неизвестное в иранском, – на словообразовательно-морфологическом уровне и особенно – лексические реконструкции, показательные в духе индийских изоглосс, противопоставленных иранским изоглоссам (**sind-* 'река' и 'речные жители', **tur-* 'быстрый', **amb-* 'вода', **tar-* 'берег', **dand-* 'камыш, тростник' и др.), – все это, по-моему, указывало на индийский язык (демонстрации реконструированной лексики, так сказать, лексикографии индоарийских реликтов Северного Причерноморья в самом первом приближении как наиболее осязаемому свидетельству их древнего существования отведен конец I части данного очерка). Помимо сказанного, важнейшим критерием определения синдомеотской принадлежности того или иного названия на первых порах было нахождение или приурочение его к территории меотов (Восточное Приазовье) и к Боспорскому царству. Материал, как известно, почти исключительно ограничивался ономас-

³ Указание на связь сатархов с синдами см.: Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // Зап. имп. Одесского общества истории и древностей. XXXII, Одесса, 1915. С. 60–61.

тикой письменных источников и эпиграфики этих мест. Следующий шаг состоял в обнаружении близких, а также самостоятельных индоарийских свидетельств на других территориях. Групповой их характер может придать им значительную доказательную силу. Сейчас мы можем говорить об индоарийских следах, помимо непосредственного Приазовья, также в Крыму и в низовьях Днепра, а это не противоречит данным истории (ср. *Scythia Sindica* Плиния). А как же быть с иранцами (скифами, сарматами)? Ведь они тоже были – в разное время – во всех упомянутых районах. Индоарийцы, земледельцы и строители каналов в Приазовье и особенно в Синдской Скифии (к востоку от устья Днепра) находились в определенных отношениях к военным кочевникам-иранцам, составляя (кроме непокоренных тавров горного Крыма и приазовских меотв Боспорского царства) подчиненную массу, то, что Геродот называл *Σκῦθαι Γεωργοί* ‘земледельцы’. Индоарийско-иранские отношения Северного Причерноморья еще предстоит изучать.

Таким образом, вопрос ставится шире, чем только о языке синдов⁴. Индоарийская принадлежность языка определенного слоя северопонтийского населения положительно свидетельствует о прежнем пребывании праиндийцев в этих краях. Значительная их часть осталась и постепенно была перекрыта близкородственными иранцами (скифами, сарматами), которые называли Понт *axšaina-* ‘черный’. Парное соответствие имен *Tīrutatawī* (синдская царица иксоматского происхождения, у Полиена) – *Tirgutawiya* (женское имя на глиняных табличках, Алалах, Сев. Сирия. II тыс. до н.э.), несмотря на недостаточную ясность этимологии, представляет хорошее свидетельство о самих отношениях. Другое свидетельство того же рода: название меотв – эпиграфическая форма *MAITAI* передает, видимо, самоназвание – всплывает в то же время (II тыс. до н.э.) – в Передней Азии; так мы этимологизируем племенное название *Maitanni*, производное с местным хурритским суффиксом *-nī* от одного из арийских самоназваний *maita-*, что-то вроде ‘материнские’ (отголосок древнего материнского культа). Благодаря этому обнаруживается самоназвание переднеазиатских ариев, которое безуспешно искали до сих пор, и вместе с тем обретается некоторая уверенность в том, что северопонтийские, азовские меоты принимали участие в переднеазиатских походах, относительно чего историки, за неимением лучшего, предпочитают питать сомнения⁵.

Случай с соответствием *Δαυδάκη* (Птол.), теперь *Камышовая бухта* в юго-западном Крыму, – др.-инд. *Dandaka-*, название леса в Деккане, собственно ‘тростниковый лес’ (*dandā-* ‘палка’, *dandana-* ‘вид тростника’), привел нас в наших поисках индоарийцев к таврам Крыма. *Дандака*, по-видимому, была их *oppidum* и *portus*, Херсонес, как известно, чтит богиню Деву тавров. Здесь явно предстояло еще вскрыть много поучительного. Думаю, что предварительные ожидания не были обмануты. Вскоре последовали положительные результаты. Во-первых, само прочтение

⁴ Ср. также в статье: “О синдах и их языке”. С. 15–41.

⁵ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.), Л., 1974. С. 62.

Δαυδάκη, которое давало нам в руки довольно длинную производную форму таврского слова вместе с его значением. Во-вторых, окончательная локализация Дандаки, которую историки искали дальше на север⁶. Но главный результат гласил: таинственные, жестокие тавры должны были говорить на индоарийском диалекте. Не зашли ли мы далеко в своих поисках индоарийцев? Но таков Крым. Он не слишком далек и для науки о Греции, которая здесь, в дорийских и ионийских колониях, находит многое такое, чего не находит в самой Греции. Тем более – исследование синдов и меотов, которых отделял от близкой Тавриды только мелководный и узкий пролив. Таврское Δαυδάκη родственно названию меотского племени Δαυδάριοι. Сказывается и исключительное географическое положение Таврического полуострова, почти отовсюду омываемого водой, а на юге защищенного горами. Типологически идеальная почва для сохранения реликтов!

Δαυδάκη звучит по-древнеиндийски, но одно слово, даже регулярно образованное и сохранившееся в целости, всегда заслуживает сомнения. Однако имеются дальнейшие названия, которые могут считаться таврскими словами такого же происхождения. Известен город тавров Παλάκιοι, производное от личного имени Πάλακος, которое носил один царь скифов. Но имя было определено не скифским, оно точно покрывается др.-инд. *pālaka-* ‘страж, защитник’, также в качестве имени одного из царей. В более позднюю эпоху горный район юго-западного Крыма был известен в византийской литературе под названием Δορός (Жит. св. Иоанна Готского), Δόρυ (Прокоп.), Δόρας/Δόραντος (VII в.). Готские этимологии названия неубедительны. Вообще готы не оставили следов в топонимии Крыма, видимо, потому, что селились в местах, уже хорошо обжитых таврами. Мы имеем здесь перед собой, так сказать, сплошь древнеиндийские образования *dara-* м. ‘пещера’, также название горы, *darī* ж. ‘пещера’, *darivat-*, прилаг. ‘обильный пещерами’. Ничто так не характеризует эту часть Крыма, как пещеры и целые пещерные города. Это нашло отражение и в ономастике других местных народов, ср. тюрк. *Ин-керман* ‘пещерная крепость’; сатархи, населявшие соседние районы Крыма, получили прозвище *Spalaei, Spelaei*, собственно по-гречески ‘пещерные’. Гора на краю алуштинской долины Южного берега Крыма носит название *Урага*. Мы не можем при этом не вспомнить о др.-инд. *urāga* ‘змея’ (буквально ‘ходящая на груди’ *ura-ga*, целое сложное слово). Эта гора имеет прерывистые очертания; ср. русское название горы *Змейка* на Северном Кавказе.

Археологически тавры прослеживаются вплоть до Керченского полуострова. Принимая, что население по обе стороны пролива говорило на близкородственных диалектах, мы не можем в точности отличить, где сидели тавры, а где синдомеоты. В пользу тавров говорит, например, местное название *Dia*, упоминаемое Плинием у Керченского пролива сразу после Нимфея. *Dia*, по-видимому, значило ‘дева, принадлежащий Деве’, ср. греч. *υιφάϊος*, -ου то же, а также Παρθένιον, название местности

⁶ Щеглов А.Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. 2. О местоположении Дандаки // ВДИ. 1965. 2. С. 110 и сл.

близ Пантикапея. Культ Девы у тавров хорошо известен. Нарцательное имя *diiā 'дева, девин' имеет индоевропейский вид, однако не является индийским. Здесь представлен древний диалектизм. Неподалеку Равеннский Аноним называет *Tegine, Teaginet*, которое мы толкуем с помощью др.-инд. *tyāgin*, прилаг. 'самоотверженный', 'герой'. В новое время этот населенный пункт носил название *Эльтиген*, едва ли тюркское, за исключением начального *el-* (тюрк.) 'община'. После войны поселок стал называться *Героевка*, чем достигнуто случайное, хотя и удивительное совпадение со значением древнего этимона. В низовьях Днепра в 1492 г. упоминается замок *Тягинь*, в других источниках *Tiahinia*. Это не славянское, а более древнее название. С древних времен встречаются известия о различных 'Аλεξάνδρου βωφοί и других святилищах и жертвенниках на Борисфене и в других северопонтийских краях. На берегу Керченского пролива тот же Аноним называет местность *Asandi* (в другом источнике 'Асада), что может быть объяснено с помощью др.-инд. *āsandi* ж. 'сидение'. Очевидно таврское *Кацэка* (совр. *Кичук*) я уже этимологизировал как индоарийское **kacchika-*, прилаг. 'береговой', в другом месте. Все это не иранские реликты или следы. Мы не найдем их среди достоверных иранских этимологий Фасмера и Абаева. Их преимущественно индийские связи убедительны без лишних слов.

К любопытной диалектно-индоарийской характеристике большой древности следует отнести проявления праkritизма в реликтах языка северопонтийских индоарийцев⁷, в данном случае тавров. Ср. группу согласных *-č(ch)-*, вместо *-ks-*, засвидетельствованную для *Кацэка* с помощью тюрк. *Кичук, Яш-Качук*. То же самое относится к остатку числительного *satta-*, праkritское вместо классического др.-инд. *sapta-* 'семь', который мы усматриваем в названии народа *Satauci* (Плиний), в восточной части Таврического полуострова. Второй компонент этого названия мы сближаем с др.-инд. *oka-, okas* 'жилище, дом, убежище', первоначально **auka-*. Таким образом, *Satauci* первоначально могло значить 'семь жилищ'. Число 7 пользовалось популярностью в этих краях и пустило корни в ономастике, судя также по другим источникам (ср., например, и в наши дни населенный пункт *Семь колодезей*, в Восточном Крыму). Стоит вспомнить о городе семи божеств – 'Αρδάβδα (читают также 'Αβδάρδα, аланское название Феодосии), а также о несколько темном известии арабской географической литературы о стране у Черного моря под названием "Семь округов". Средневековые итальянские источники называют близ Алушты *Casale de lo Sdaffo (Osdaffum)* – тюрк. *Yedi-Yevler* 'семь дворов'. Мы имеем здесь редкую глоссу, причем с тюркской стороны гарантируется точная передача значения, а в реликтовой форме *Osdaffum* сохранен почти до нового времени сам этноним *Satauci*. По-ирански '7' было бы *hapta-*, ср. его отражение в упомянутом названии города 'Αβδάρδα.

⁷ Пример праkritской трактовки *-ft-*, вместо *-rt-*, в *Suppatos* < **su-patta-* < **su-parta-* 'Добрая гавань' на кавказском побережье см. в статье "О синдах и их языке", с. 37.

Большие языки с богатой письменностью кодифицируются в больших словарях; это правило сохраняет свою силу и для малых языков и диалектов. Без преувеличения можно сказать, что обнаружение и изучение неизвестных и забытых языков и их реликтов тоже начинается с фиксации слова, т.е. с работы лексикографа. Этот вид словарного дела имеет свои трудности; объем полученной работы не принадлежит к их числу. "Словари", например, реликтов скифского языка или фракийского языка едва насчитывают 200–250 слов разной степени достоверности. Но на место трудностей объема выдвигаются другие, не меньшие трудности. Одна из них роднит лексикографию языковых реликтов до известной степени с описанием лексики народных диалектов. И там и тут нельзя откладывать словарное дело, и там и тут нужно спешить. Но народные говоры уходят, а реликтовые языки уже ушли и были забыты в глубокой древности, так что наше сравнение лишь приблизительно передает трудность и сложность реликтовой лексикографии. Вряд ли кто-нибудь может сомневаться в актуальности и важности такой реконструкции, в которой, думается, заинтересованы не только лингвистическая и историческая наука, но и пытливое самопознание тех народов, чье прошлое непосредственно обогащает эта реконструкция. Как писал более двухсот лет назад историк Штриттер: "Не бесполезно также и для любителей российской истории знать похождение того народа, который в древние времена имел жительство в соседстве, или паче в пределах России, хотя бы после того и совсем в другую часть света он преселился"⁸.

Не намереваясь пока дать здесь словарные статьи со всей литературой и аргументацией, ограничимся предварительным индексом слов, полагая, что и он, несмотря на недостатки, присущие ему как первому опыту, поможет получить некоторое представление об объеме и составе материала – лексических реликтов языка индоарийцев Северного Причерноморья.

1. *abarakā-'Αβοράκη (Страб.) ~ местн. назв. *Абрау*?
2. *abaiaka-'Αβέακος, царь сираков (Страб.). Ср. др.-инд. *abhika*- 'бесстрашный'.
3. *abidiika-'Οβιδιακτοί, меотск. племя (Страб.). Ср. др.-инд. *abhi* 'к, при'. См. также *diīā.
4. *ādi-gar- 'саранча': ἄδιγός (Герод.). Букв. 'пожиратель пищи', ср. др.-инд. *ādi*- 'пища'. Скиф. 'саранча': *matuka.
5. *agra-'Άγροι, меотск. племя (Страб.). Ср. др.-инд. *Agra*, местн. назв.
6. *ait-asura- 'бог света': Αἰτόσυρος (Герод., Герод.). Ср. др.-инд. *éta*- 'сияющий', *ásura*- 'добрый дух'.
7. *akṣa-bitī 'глаз убивающий': Ἀξάβιτις Ταινία, коса (Птол.). Ср. др.-инд. *akṣa*- 'глаз'. См. *biī.
8. *a-kṣama-paia- 'непригодная вода': Ἐξάμπατος (Герод.), местность

⁸ Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и преселения народов. Ч. II. СПб., 1771 (Предисловие, без пагинации).

на Гипанисе (Ю. Буге). Ср. др.-инд. *a-* 'не', *kṣamá-* 'пригодный', *páyu-* 'вода'.

9. **akṣi-ak-* 'имеющий глаза?': *Axiace, Oczakoi, Очаков, Ачакова коса*, Азовск. море (XVII в.). Ср. др.-инд. *ákṣi-* 'глаз'.

10. **alakṣa-dru-* ? 'дуб-защитник?': *Алѣξандръ*, имя свящ. дуба (Жит. Конст.), в Тавриде. Ср. др.-инд. *rákṣati* 'охранять'. См. раздел II.

11. **anta-* 'конец, край': *Ἄντα* (Прокоп.). См. раздел II. Ср. также сл.

12. **anta-kāia-*: *ἀντακάιος* 'порода рыб' (Герод.). Ср. др.-инд. *ánta* 'конец', *kāya-* 'тело'.

13. *antikitiā: *Ἀντικίτης*, рукав Кубани (Страб.). Ср. др.-инд. *antikitiā* 'близость'.

14. *antikiā: *Antissa*, местность (Плин.), *Ачук, Ачугев*. Ср. др.-инд. *antika-* 'близкий'.

15. **araka-* 'река, речной': *Апока*, речка в Крыму.

16. *apa-turā 'преодолевающая воды': *Ἀπάτουρον*, святилище на Таман. п-ове (Страб.). Ср. др.-инд. *aptúr-*.

17. *āsandī 'сидение': *Asandi*, местность на Босп. Кимм. (Рав. Ан.). Ср. др.-инд. *āsandī*.

18. **au-sili-*? 'у (реки) Σίλις?': *Ἄσιλοι*, народ (Птол.).

19. **avinda?*: *Авинда*, гора в Крыму.

20. **avunda?*: *Авунда*, река в Крыму. Ср. др.-инд. *avata-*?

21. **badraka-*: *Бадрак*, река в Крыму. Ср. др.-инд. *bhadraka-* 'счастливый'?

22. **bah-tar(i)?* 'большой берег?': *bagtari, tarmagno* (Бенинказа), *Актар, Ахтарский*. Ср. др.-инд. *bahú-, tar-*?

23. **bah-var-jatin?* 'большой двойной город?': *Бахбарземин*, у Темрюка (Паллас). Ср. предыд., а также др.-инд. *vāra-* 'ограда', *yatin* 'рождающий близнецов'?

24. **balga-tur-?*: *Болгатур, Богатырь*, нас. пункты в Крыму. Ср. др.-инд. *bhārgaḥ* 'блеск'?

25. *biī 'убивающая': *Bitiae* 'женщины, убивающие взглядом, в Скифии' (Плин.).

26. **boion?* *Boeon*, местность в Крыму. Ср. *Βαίωνη*, остров в Индии.

27. **bi(i)ta-?*: *Britani*, местность на Босп. Кимм. (Рав. Ан.), *Буртани*, племя (Тунман), *Британ*, о-в на Днепре. Ср. др.-инд. *bhrita-* 'наемный'?

28. **biḷja-* 'изгиб': *Buges, Vuces*, сев.-зап. часть Азовск. моря (Мела, Плин.). Ср. др.-инд. *bhogá-, Bhoja-*, название области в Индии.

29. **ṣetra d(a)sa-?* 'сорок?': *Τετραῖται, Τραπεῖζται*, готское племя в Крыму и на Таман. п-ове (Прокоп.), *Τραπεζοῦς* = *Чатыр-даг*, гора.

30. *dandakā 'камышовая': *Δανδάκη*, место в Тавриде (Птол.). См. выше.

31. **dand-aria-* 'камышовые арии': *Δανδάρτοι*, месот. племя (Страб.). См. выше.

32. **dara-* 'пещера': *Δορός, Дарῶς*, местность в Крыму. См. выше.

33. *darī 'пещерная': Δόρυ, местность в Крыму (Прокоп.). См. выше.
34. **dara-(va)nt-* 'обильный пещерами': Δόρας, Δόραντος. См. выше.
35. **das(a)ka-*: Δόσκοι, меот. племя (Страб.). Ср. др.-инд. *dāsaka-*?
36. *diiā 'дева, девин': *Dia*, местность на Босп. Кимм. (Плин.). См. выше.
37. **diu-p(u)tuna-*?: Δουπτουνος, царь Боспора (эпиграфич.). Ср. др.-инд. *dyu-* и *Daiva-putra*?
38. **do-ab-* 'двуречье'?: *Doob*, местн. название близ Новороссийска. Ср. *Doab*, область между Джамной и Гангом, в Индии.
39. **ikṣu-mat-*?: Ἰξομάται, меот. племя (Птол.). Ср. др.-инд. *Ikṣumatī*, река в Индии, *ikṣú-* 'сахарный тростник'.
40. **ikṣu-pura-*? **ikṣu-pula-*?: Ἐξόπολις, город на Танаисе (Птол.). Ср. предыд.
41. **jalman-*: *Джалман*, река в Крыму. Ср. др.-инд. *jalam*, **jalman-* 'вода'.
42. **jar-sinā-*: *Zorsines*, царь сираков (Тац.), Ζωρθίνος, Ζωρθίνης, личн. имя (Танаис). Ср. др.-инд. *jara-* 'старый' и *-sena* в личн. именах.
43. **kaba-takṣā-*: Καβαθάξης, личное имя собств. в Синдике. Ср. др.-инд. *kumbhá-* 'кувшин', *tákṣan-* 'плотник'.
44. **kačika-* 'прибрежный': Καζέκα, совр. *Качик*, в вост. от Феодосии. Ср. др.-инд. (пракр.) *kaccha-* 'берег'.
45. **kāma-sar-* 'любимая женщина': Καμασαρύη, Κομοσαρύη, царица Боспора, синдянка (Корп. босп. надп.): др.-инд. *kāma-* 'любовь'. См. *sar-i.
46. **kap-*? 'холм'? 'гора'?: Παντικάπαλον, Кафā. Ср. фрак. *kap-* 'холм'.
47. *kar-oion 'каменный остров': Καροία, *Careon* (Иорд.), ср. Τραχέια Χερσονήσος – о Керч. п-ове (Герод.). Ср. др.-инд. *karkara-* 'камень'.
48. **kar(u)na-* 'ухо'?: *Carnas...*, *Caronos*, названия племен (Плин.). Ср. др.-инд. *kārṇa-* 'ухо'?
49. **kar(n)-ōsta-*?: *Carastaseos*, народ на Сев. Кавказе (Плин.). Ср. (в обратном порядке) др.-инд. *Oṣṭha-karṇā*, название народа. Ср. предыд.
50. *kinsanus?: Κινσάνουος, область вокруг Алушты, татар. *Kisan*, *дебрь Кисаню* (Слово о п. Иг.). См. раздел II.
51. **koita-*: *Coetae*, *Cetae*, народ (Плин.). Ср. др.-инд. *Ceti*, племя в Индии.
52. **kosinā-*?: Κοσίνας, личное имя собств., только в Горгиипии.
53. **kṛka-* 'горло': Ούκρούχ, черном. устье Кубани (Конст. Багр.), др.-русск. *Кърчевъ*. Ср. др.-инд. *kṛika-* 'горло'. См. раздел II.
54. *kṛkan-dāma 'место у пролива': Κοροκινδάμη (Страб.). Ср. **kṛka-* (выше) и др.-инд. *dhāman* 'жилище'.
55. *kṛka-vanī 'имеющая горловины': *Coracanda* 'Кубань' (Мела). Ср. **kṛka-*.
56. **kṛta-* 'сделанный'?: *Coretus*, в синд. Скифии (Плин.: говорит об искусств. каналах).
57. **kṛva-saita-* 'коровий брод', Βόσπορος: Κουρασαίτου, эмпорий

(Жит. св. Ио. Готск.), *Ghersète*, "гур." название Керчи (Дюбуа). Сложение **krva-* (ср. авест. *srvā* 'рог') и **saita-*, ср. др.-инд. *setu-* 'мост'.

58. *kubā 'извилистая': Κούφης, *Cuphis*, Кубань. Ср. др.-инд. *Kubhā* 'река Кабул'.

59. *lagura: Λαγύρα, таврское поселение (Птол.). Ср. *Lahur*, город в Индии.

60. *lorā-takī: Ἀλωπεκία, о-в в дельте Дона (Страб.). См. раздел II.

61. *maian-dara-ia- 'пещерные меоты?': *Meandaraei*, племя (Плин.). Ср. **maita-* и **dara-*, выше.

62. **ma(ia)n-kap-* 'гора меотов?' 'материнская гора?': *Mancap*, *Манзуп*, место в Крыму. Ср. **maita-* и **kap-*, выше.

63. *maia-sarā 'меотянка': Μαίωσάρα, женск. имя (эпигр. Боспора). Ср. **maita-* и *sari, ниже.

64. **maina-tara-*: *Menotharum*, река на Кавказе (Плин.). Ср. **maita-*, ниже, и др.-инд. *tara-* 'берег'?

65. **maita-* 'материнские': Μαῖται 'меоты' (босп. эпиграфика). См. выше, раздел I.

66. **mar-ab-* 'мертвая вода': Μαράβιος, река (Птол.).

67. *maʃ: крым.-гот. *marzus purtiaе* (Бусбек), заимств. Ср. др.-инд. *mārga-* 'женях'.

68. *marsanda-?: *Марсанда*, *Масандра*, в Крыму. Ср. др.-инд. *Marsiaṅdī*, река.

69. **mer-mada-*: Μερμόδας, река, впад. в Меотиду (Страб.). Ср. др.-инд. *Narmadā*?

70. **mes-plā-* 'полная луна': μέσπλην 'луна' (Гесих.: скиф.). Ср. др.-инд. *mās* 'луна', *prātā-* 'полный'.

71. **mitraia-* 'союзные': Μιτραίων ὄρη, горы к вост. от Меотиды (Лук.). Ср. др.-инд. *mitraya-*.

72. **nau-var-* 'новый город': Ναύ(β)αρις, Ναύαρον, город в Сарматии (Птол.), *Navarum* (Плин.) = Неаполь Скифский? См. еще раздел II.

73. *ni-kakšin '(находящийся) в низменной бухте': Νίκαξιν, место на кавк. побережье (Анон. Пер.), Νίκοψις (Конст. Багр.) = *Наконсе?* *Мысхак?* Ср. др.-инд. *ni-kakṣā-* 'подмышка' + суф. *-in*.

74. *oion 'остров': *Еон*, синдский о-в (Плин.), *Oium* (Иорд.), Αλαίη (Гом. Од.).

75. **oritia-* 'задний': Οπίσσως, Таманск. зал. (Анон. Пер.). Ср. хетт. *arpeziija-* 'задний'.

76. *orianda?: *Orianda*, *Ореанда*, место в Крыму. Таврский исход *-nda*.

77. **pālaka-*: Πάλακος, имя скиф. царя (Страб.). Ср. др.-инд. *pālaka-* 'защитник'.

78. **pālakia-*: Παλάκιον, таврский город и порт (Страб.), *Балаклава*. Произв. от предыд.

79. *panda: *Панда*, место в Симеизе; *Panda*, река к вост. от Меотиды (Тац.). Ср. др.-инд. *pāṇḍú* 'желтоватый', 'белый', 'бледный'.

80. *pari-sara 'обтекание': *Balisira* (Эвлия-эф.), *Белосарайская коса*. Ср. др.-инд. *parisara-*, *Παρίσαρα*, город в Индии (Птол.).
81. **par(a)mā*: *Парма*, личное имя собств. (эпиграфич.). Ср. др.-инд. *paramā-* 'дальний', 'лучший'.
82. *par-ōsta 'у устья': *Parosta*, место в Тавриде (Плин.), *Парóста* (Птол.). Ср. др.-инд. *ōṣṭha-* 'губы, уста'. Ср. также *salōsta, *rukōsta, ниже.
83. **pa(r)ta-* 'гавань': *Πάτους*, гавань (Псевдо-Скил.). *Вата* (Страб.), совр. Новороссийск. Ср. др.-инд. (пракр.) *pattana-* 'город'. См. **su-pa(r)ta-*.
84. **pa(r)taka-*: *Ватакос*, личное имя собств. в Вата. Производное от предыд.
85. **pasa?*: *Фаса*, название склона горы в Крыму. Ср. др.-инд. *pakṣa-* 'сторона'?
86. **pauna?*: *Паўна*, личное имя собств. (босп. эпиграфика). Ср. др.-инд. *pavana-* 'чистый'?
87. *pitunda: *Пицунда*, на кавк. побережье. Ср. *Pithunda*, порт в Индии.
88. **pltu-*: **pleteno?* 'широкий'? *Племенной* лиман, или Великой Луг, между Днепром и Конкой (XVIII в.). Ср. др.-инд. *prthu-*, *prathana?*
89. *poika 'пастбище, луг'? *Бойка*, луговое плато в Крыму, стар. Поикт (Мангуп. эпиграфика).
90. **p(a)račina-* 'восточный'? *civitas Parasinum*, в Тавриде (Плин.). Ср. др.-инд. *Prācya-*, народ, букв. "восточные", *Πράσιος* (Страб.).
91. **psat-* 'песок': *Ψάτης* (Страб.) = *Кумлы-Кубань* (Клапрот). Ср. греч. *ψάμαθος*.
92. *pula 'город'? *Φουλλαί*, место в Тавриде (Жит. св. Ио. Гот.). Ср. др.-инд. *pur(a)*.
93. *pura 'город': *Purra*, город у Меотиды (Плин.). Ср. др.-инд. *pura* 'город'.
94. *rokas 'светлый': *Rocas, Rogas*, народ у Черного моря (Иорд.). Ср. др.-инд. *rokás* 'свет'.
95. **ruk-ōsta?* 'светлое устье'? *Рукуста*, дер. в юго-западном Крыму. Ср. др.-инд. *ruk-* (в слож.) 'светлый', *ōṣṭha* 'уста'.
96. **rukṣa-tar-* 'белый берег'? *Rosso Tar*, в Зап. Крыму (ит. карты). См. раздел II.
97. **rukṣi-nau-var?*: *Ρευξι-ναλοι*, племя (декр. Диоф.). См. **nau-var-* и раздел II.
98. *salā 'сток'? 'склон'? *Сала*, ряд мест в Крыму. См. еще **sal-gir-*, *sal-ōsta. Ср. др.-инд. *sarā* 'водопад'.
99. **sal-gat?*: *Солхат* 'Старый Крым'. Ср. *salā и др.-инд. *gātī 'дорога'?
100. **sal-gir(i)*: *Салгир*, река в Крыму. Ср. *salā и др.-инд. *girī* 'гора', также в назв. рек.
101. *sal-ōsta 'устье гор *salā': *Salusta, Алушта*. Ср. *salā и др.-инд. *ōṣṭha-* 'уста'.

102. *sal(a)-tura?: стар. Чалтура, соврем. Челтера, место в Крыму. Ср. др.-инд. Śalā-tura.
103. *saraka: Σαράκα, место на реке Вардан (Птол.). Ср. др.-инд. sarā- 'ручей', 'пруд'.
104. *sar-i 'женщина': [Σ]αρία, женск. имя (босп. эпитафка).
105. *sarikā: Σαρούκη γυνή (босп. эпитафка). Производное от предыд.
106. *sarkar- 'камень': sacrium 'янтарь' (Плин.: скиф.), Цукур, Сокур, лиман. Ср. др.-инд. śarkarā- 'камень', Sarkarā, позднее Sukkur, город.
107. *sasa- 'заяц?': Σάσας, имя синда. Ср. др.-инд. śásá- 'заяц, кролик'.
108. *satt-arha-: Satarchei Spalaei, племя в Тавриде (Плин.). Сложение с пракр. satta '7': др.-инд. класс. sapta-? Ср. *satt-auka-.
109. *satt-auka- 'семь уделов': Satauci, племя в Тавриде (Плин.). См. раздел I.
110. *sibi- 'болото?': civitas Sibensis, близ Таматархи. Ср. иллир. *sib- (Σιβέντων)?
111. *sibri-apa- 'светлая вода': Σιβρίαπα, место на р. Вардан (Птол.). См. раздел II.
112. *sili- 'каменный': Σίλις, название Танаиса (Евст.). Ср. др.-инд. śilā 'камень'.
113. *sindak-: Σίνδαξ, личное имя собств. в Горгиипии. Производное от *sinda(va)-.
114. *sinda(va)-: Σίνδοι, народ (Герод., Страб., Стеф. Виз.), Σίνδος, личное имя в Горгиипии. Ср. др.-инд. sindhava-. См. *sindu-.
115. *sindu- 'река': Sinus 'Танаис' (Плин.: скиф.). Ср. др.-инд. Sindhu- 'река, Инд'.
116. *singula-/*hingula-: Συγγουλ (Конст. Багр.), Ингул. Ср. др.-инд. Hingulā, река.
117. *siraka-: Σίρακες, Σιρακοί, народ (Страб.). Ср. др.-инд. sirā 'река, вода'.
118. *sita- 'мост': Sita, босп. город (Рав. Ан.). Ср. др.-инд. setu- 'мост' и *kṛva-saita-.
119. *sitaka-: Σιτ(τ)άκη, местность у Меотиды (Страб.). Ср. *sita- и др.-инд. Setaka.
120. *sol? 'солнце': τῆ̄ θεῶ Σῶλ (надп. на Таман. п-ове).
121. *sr-bi-: Serbi, Cephalotomi (Плин.), Σέρβοι, народ на Сев. Кавк. См. раздел II.
122. *su-pa(r)ta- 'добрая гавань': Suppatos (Рав. Ан.) = Новороссийск. Ср. др.-инд. su- 'хороший' и *pa(r)ta- (см.).
123. *su-pat-? *sam-pat-? 'стечение путей': Спат, ст.-татар. Slu/bat, место на перекрестке путей в степном Крыму. Ср. др.-инд. path- 'путь'.
124. *sur-uba 'кислая вода': Σούρουβα, место на реке Вардан (Птол.). Сложение *sur- 'кислый' и *ab-/*ap-, ср. *mar-ab-, выше.
125. *su-varna- 'золотой': Σουαρνοί, народ к сев. от Кавк. (Птол.). Ср. др.-инд. suvárṇa- 'золото', 'красивый', 'благородный'.

126. **su-vasa-* 'доброе жилье': *Soza*, город дандариев (Тац.), Σῶσαι, место под Херсонесом (Конст. Багр.). Ср. др.-инд. *su-* и *vasa-* 'одежда', 'защита'.
127. **ta(d)-bitī* 'бьющая': Ταβίτι, богиня скифов (Герод.). Ср. др.-инд. *tad* 'это' и *bitī (см.).
128. **tailap-?*: Ταίλαν, река в Крыму. Ср. др.-инд. *Tailaparnī*, река в Индии?
129. **taj-?*: Ταζός, место на кавк. побережье и в Тавриде.
130. *takanda: Таконда, место в Крыму. Таврск. образование на *-nda?*
131. **takata-*: Таката, река в Партените, Крым. Ср. др.-инд. *tákti* 'спешить'.
132. **takšaka-*: Τάξακισ, царь скифов (Герод.). Ср. др.-инд. *Takšaka-*, имя принца.
133. **tarika-* 'береговой': Торикός, место на кавк. побережье (Пс.-Скил.) Ср. др.-инд. *tarika-* 'паром, лодка'.
134. **tarita-*: Τορέται, народ на кавк. побережье (Скил.). Родственно предыд.
135. **tarpata-*: Τάρπητες, народ (Страб.). Ср. др.-инд. *tarpa-* 'плот, корабль'.
136. **tava-dara-*: Θεοδωρώ, место в Крыму (XV в.). Сложение индоар. **tava-* 'сильный' и **dara-* 'пещера' (см.).
137. *tem-arun-da 'кормилица Черного моря': *Temarundam* 'Меотида' (Плин: скиф.). Ср. др.-инд. *támas, árṇa-*. См. раздел I, выше.
138. **tirgutaviā-*: Τιργυατάω, имя жены синд. царя (Полиен.). Ср. *Tirgutawiya*, женск. имя в Передней Азии. См. раздел I, выше.
139. **tukandita-?* Τυκανδελτῶν, этникон? (босп. эпиграфика). Производное на *-ita* от *tukanda, ср. **tu-/tava-* 'сильный', др.-инд. *kāṇḍa* 'ствол'?*
140. **tur(a)-ga-* 'быстро идущий': Τυρ[α], личное имя (синд.?). Ср. др.-инд. *turaga*.
141. *tur-ambā 'быстрая вода': Τυράμβη, место в Аз. Боспоре (Страб.). Ср. др.-инд. *turá-* 'быстрый', *ámbu* 'вода'.
142. *turī takā 'быстрое течение': Τυρίτάκη, место на Боспоре Кимм. Ср. др.-инд. *turá-*, ж.р. *turī-* 'быстрый', *tákti* 'спешить'.
143. **tiāgin-*: *Teaginet, Tegine*, место на Боспоре Кимм. (Рав. Ан.), Эльтиген; Тягинъ, на нижнем Днепре. Ср. др.-инд. *tyāgin* 'самоотверженный'. См. выше.
144. **ur-āgra-*: Πάγυρα, гавань на кавк. побережье (Арриан). Ср. др.-инд. *urāgra-* 'крайний'. Ср. **agra-*, выше.
145. **ura-ga-* 'змея': Урага, гора близ Алушты. Ср. др.-инд. *urāga-* 'змея'. См. выше.
146. **us-kyd-ia-?*: Οὐσκάρδιοι, *Oscardeos*, племя (Плин.). Ср. **uspa-*.

* Более адекватная этимология, с точным инд. эквивалентом, была найдена для этой позиции позднее, см. специально далее.

147. **uspa-* 'жилье'? : *urbem Uspen*, город сираков (Тац.). Производное с суф. -*p-* от **ues-/*us-* 'жить, пребывать'?

148. **vani-tika-* 'ткаческий'? : *porta Vonitiche, vel Filatorum*, название ворот в Кафе (1455 г., генуэзск. документы). Ср. др.-инд. *vāñī* 'тканье'?

149. **vyrdan-*? : *Οὐαρδάνης*, река (Птол., Страб.), возм., рукав Кубани. Ср. *Шимардан*, деревня на Таман. п-ове. Ср. др.-инд. *Marud-vyrdhā*, название реки Инд.

150. **vriks-ava-* 'бараний лоб': *Βριξάβα* : κροῦθ μέτωπον (Пс.-Плут.). Ср. др.-инд. *vrikṣa-* 'дерево' < 'выросшее', здесь — 'холм' (?), и *av-* 'овца, баран'.

II

Хотя предпринятый выше пересмотр проблемы в пользу допущения более заметного вклада индоарийского элемента посвящен, так сказать, дославянскому периоду жизни этих земель, я попытаюсь показать на нижеследующих примерах, что этой проблемой могли бы также заинтересоваться и слависты и что в результате мы можем обнаружить неожиданные связи там, где до сих пор зияют пробелы. Нижеследующие новые фактические дополнения и соображения, как мне кажется, интересны как материал для вечной темы, сформулированной в свое время М. Фасмером: "Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven". Подзаголовком и собственным содержанием этого его давнего исследования о древнейших местах обитания славян явились, как известно, "Иранцы в Южной России". С мыслью о древнейших местах обитания славян мы говорим сегодня здесь об индоарийцах в Южной России, или, точнее, на Юге Европейской части бывшего СССР.

Нередко говорят об отсутствии у славян сношений с Боспорским царством; известен также тезис об отсутствии самих славян в античном Северном Причерноморье. Эти старые воззрения нуждаются в ревизии в том смысле, что между древнейшими местами обитания славян (мы намеренно избегаем менее удачный термин "прародина") и древним культурным районом Северного Причерноморья существовали связи и следы этих связей сохранились. Более того, названные связи, по крайней мере отчасти, относятся к индоарийскому компоненту северопонтийского населения. Наши наблюдения над реликтами этого рода касаются 1) этнонимов, 2) культурной лексики и 3) сведений о берегах Черного моря.

У латинских и греческих авторов раннего средневековья восточная часть тогдашнего славянства упоминается под названием *Avtai* (Прокопий), *Antes* (Иордан). Эти названия, конечно, старше упоминаний о них в литературе. Кроме того, ясно, что название *анты* никогда не было самоназванием славян, оно дано им извне. Обычно думают, что его дали иранцы. Любопытно, что, считая иранским, ученые сближали этот этноним с тохар. *ant* 'равнина'⁹, с лексемой 'слепой, темный', представленной как в

⁹ *Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 82.*

авест. *anda-*, так и в др.-инд. *andhá-*¹⁰, и, наконец, с исключительно древнеиндийским *anta-* 'конец, край'¹¹. В результате такой уязвимой методики понятие "иранский" приобретало все более географический, а не лингвистический характер. Начнем с того, что в этнической номенклатуре самих иранцев (скифов, сарматов) нет антов, а попытки выделить этот этноним в составе названий сарматских социально-этнических группировок *Limigantes, Ardaragantes*¹² вызывают сомнения. Тохарская этимология (выше) очень ненадежна, сближение с *anda-* 'слепой' прежде всего встречает препятствие в фонетике. Остается наиболее импонирующее нам сближение "Анта" с др.-инд. *anta-* 'конец, край', безукоризненное фонетически, а также семантически, потому что так называемые анты в самом деле занимали юго-восточный край славянства, известный впоследствии под названием *Украина*. Следует отметить, что как раз иранцы так назвать славян не могли, поскольку обозначали конец и край своим особым древним диалектным словом **karana-* (авест. *karana-*, осет. *kæron* и др.). Назвать восточных славян термином **anta-*, видимо, могло в силу изложенного индоарийское оседлое земледельческое население Юга Украины – возможно, скифы-земледельцы Геродота, подвластные собственно скифам-иранцам (кочевникам или царским скифам). Трудно, как нам кажется, не видеть территориального и этнического тождества этих подвластных скифов-земледельцев (*Σκύθαί Γεωργοί*), иначе *Scythae degeneres et a servis orti* «низкорожденные "скифы", дети рабов» (Плиний) с "низкорожденными", "подлыми" синдами – *Sindi ignobiles* (Аммиан Марцеллин) тех же низовьев Днепра и примыкающих мест. Именно к ним, а, разумеется, не к славянам¹³ применима живучая послегеродотовская легенда о "детях рабов" (греч. *Δουλόσπόροι*), отражающая индоарийско-иранские земледельческо-кочевнические социально-политические отношения в этом районе. Гегемония иранских скифо-сарматов над "низкорожденными" синдами (*Sindi*, сюда же *Si(n)dones*), возможно, частично распространилась к западу, на соседних бастарнов, имя которых, неудачно толковавшееся из германского¹⁴, скорее всего восходит к иранскому эквиваленту (или прототипу) греческого *δουλόσπόροι* – **bast-arna-* 'потомки рабов', ср. др.-перс., авест. *basta-* 'связанный' и иран. **arna-*, родственное греч. *ἔρνος* 'отпрыск'. Связывать упомянутых "детей рабов" – дулоспоров после этого со славянами только на том основании, что, по Прокопию, в старые времена склавины и анты звались *Σπόροι*¹⁵ (буквально 'дети, потомки'), было бы явной неосторожностью. Надо полагать, что древние славяне, подобно другим народам на ранней ступени развития, до оформления

¹⁰ Pekkanen T. The ethnic origin of the *Δουλόσπόροι*. Helsinki, 1968 (= *Arctos. Acta philologica Fennica. Supplementum I*). P. 130–131.

¹¹ Rudnyčkyj J. Etymological dictionary of the Ukrainian language. I. P. 27.

¹² Pekkanen T. The ethnic origin... P. 141; *Idem*. On the oldest relationship between Hungarians and Sarmatians: from Spali to Aspali // *UJb*. 45. 1973. P. 11. 15 (с литературой).

¹³ Отнесение традиции о *δουλόσπόροι* к славянам см.: Pekkanen T. The ethnic origin... P. 131.

¹⁴ Pekkanen T. The ethnic origin... P. 109 (там же предшествующая литература).

¹⁵ Там же. С. 123.

подлинных этнонимов называли себя "потомки, дети", "люди", "Мы Словѣни, проста чадь", — читаем мы в Житии Мефодия. Вполне возможно, что прокопиевское Σέρροι есть всего лишь перевод славянского *čerdy* "дети, потомки".

Необходимо отметить, что и самоназвания некоторых славянских племен или племенных союзов ведут свое начало из Северного Причерноморья в широком смысле слова. Давно известно сближение у Погодина славянского этнонима *čьrvati, хорваты с иранским личным собственным именем *Χοροαθος* в эпитафике Танаиса II–III вв. н.э.¹⁶ То, что имя славянских сербов проделало примерно тот же путь, явствует из наличия так называемых античных сербов на Северном Кавказе. Еще Добровский считал, что птолемеевские и плиниевские *Serbi* этих мест дали имя позднешему славянскому народу¹⁷; век критики подверг эту мысль сильному сомнению, хотя неудовлетворительность всех прочих объяснений¹⁸ вынуждает — в свете также других вероятий — вернуться к упомянутой мысли вновь. Связь слав. *serbi и Σέρροι, *Serbi* в античном Северном Причерноморье слишком очевидна. В другом месте я уже указывал на упоминание у Плиния рядом с меотскими керкетами (торетами) народа *Serri*, *Cephalotomi* (Плин. NH VI. 16), что предлагается прочесть как *Serbi Cephalotomi*, причем, видимо, индоарийское *ser-bi* глоссировано греческим κεφαλο-τόμοι, которое само по себе нигде не встречается как название особого народа, но только как эквивалент-перевод, ср. еще Σαραπάρας — κεφαλοτόμοις у Страбона. Σαραπάρας отражает иранскую форму названия головы, ср. авест. *sārah-*, тогда как вокализм Σέρροι (вар. Σίρροι. Птол.) ближе к др.-инд. *śiras* 'голова'¹⁹.

Сознавая всю ответственность шага, мы хотели бы коснуться здесь некоторых новых возможных аспектов происхождения этнического названия *Русь* в ряду рассматриваемых проблем. Самой сильной до настоящего времени считается скандинавская теория, и автор также практически разделял ее. Теория эта широко известна даже за пределами славянского языкознания; пользуясь этим, мы не приводим здесь ни ее аргументацию, ни (огромную) литературу²⁰. Впрочем, есть в этой признанно веской теории и трудно разрешимые противоречия, на что тоже давно обращено внимание. "Тезис о том, что имя *Русь* является славянской передачей финского названия Швеции, которое через посредство какого-то другого, возможно, гуннско-тюркского народа попало в форме *ῥῶς* к ромеям (и арабам), до сих пор не доказан. До сих пор берега Понта и Меотиды остаются местом, где это имя впервые выступает перед нами в докумен-

¹⁶ Литературу см.: *Фасмер* IV, 262; *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I, Zagreb, 1971. С. 691–692.

¹⁷ *Dobrowsky J.* Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur. Prag, 1818. S. 9.

¹⁸ Включая пространную попытку выведения из кавказских языков: *Županić N.* Srbi Plinija i Ptolemeja. Pitanje prve pojave Srba na svetskoj pozornici sa historijskog, geografskog i etnološkog stanovišta // Сборник радова посвећен Ј. Цвијићу. Београд, 1924. С. 555 и сл.

¹⁹ См. статью Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. С. 74–75.

²⁰ См.: *Фасмер* III, 522–523.

тированной истории"²¹. Документированная история этих мест действительно знает, например, упоминание народа *Hros* по соседству с амазонками, т.е. у Азовского моря, в середине VI в. (Церковная история Захарии риторика²²), т.е. за 300 лет до призвания варягов. Концом VIII – началом IX в. (т.е. тоже доваряжским временем) датируются упоминания племени *Русь*, 'Ρῶς в Тавриде и на берегах Черного моря в житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского²³. Ср. также известное противопоставление *Руси* (юга) и новгородских словен, а главное – признание многими историками факта существования азовско-черноморской Руси²⁴ и раннего освоения восточными славянами Приазовья. Правда, и Маркварт, и Васильевский, и Лавров²⁵ удивительным образом приходили к выводу, что народ 'Ρῶς в Тавриде и Приазовье все-таки был германским и даже готским, хотя готы всегда называются там своим именем, как и прочие германцы этих мест – евдузиане, герулы. Теория Иловайского о роксоланах как росс-аланах²⁶ сильно дискредитировала и затруднила поиски в этом направлении, однако кажется, что продолжать искать надо именно тут, потому что при этом открываются связи имени *Русь* и значение его прототипа, как будто исключающие германскую этимологию. Мы вынуждены коснуться этих вопросов лишь кратко и предварительно. Коротко говоря, сюда относится название роксоланов – греч. 'Ρωξολανοί (I–II вв. н.э., Страбон, Птолемей). Его толкуют по-ирански 'светлые аланы', но иранский знает только форму *rauxāna – 'свет, светлый', которая в этой позиции должна бы сохраниться²⁷, чего не произошло. То, что имеется, напоминает др.-инд. *rukṣa* – с близким значением. Несколько не по-ирански звучит этническое название 'Ρευξίναλοι из более раннего времени (херсонесский декрет в честь Диофанта, конец II – начало I в. до н.э.²⁸), которое явно относится сюда же. Далее, сюда же реликты *Rosso Tar*, *Rossatar* на западном берегу Крыма, в старых итальянских картах²⁹, и, наконец, деревня *Рукуста* в юго-западном Крыму. Есть основания полагать, что во всех этих названиях первый компонент значил 'светлый, белый'. Др.-русск. *Бѣлобережье*, район в низовьях Днепра, и, как мы думаем, явно покрывающее его гибридное *Roga-stadzans* у Иордана (второй компонент – гот. *stadja* 'берег') помогают этому прочтению. Семантическим эквивалентом двух последних мы считаем упомянутое

²¹ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903. S. 355.

²² Ibid. S. 355–356.

²³ Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Вып. 2. СПб., 1893, passim.

²⁴ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 34, 83, 84.

²⁵ Лавров П. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві (Розвідка). Київ, 1928. С. 17.

²⁶ Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. 2 изд. М., 1882. С. 144–145.

²⁷ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. II. Л., 1973. С. 437.

²⁸ Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. I. Petrop., 1885. N 185.

²⁹ Шахматов А.А. Варанголимен и Россофар // Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Измаиловичу Срезневскому (1891–1916 гг.). Л., 1924. С. 166 и сл.

Rosso Tar 'светлый берег', локализуемое в Акмечетском (тюрк. *ak*- 'белый!') заливе. Диофант оборонял Херсонес от тавров, местных скифов и несколько загадочных ревксиалов. Царская столица таврических скифов, известная у греков как Νέα πόλις 'новый город', предположительно носила и эпитет 'светлый', отголосок чего сохранился в татарском названии сопредельного Симферополя – *Акмечеть* "Белый храм". Смутным отголоском "скифского" или, скорее, "Белого Нового города" является, по нашему мнению, рассказ о чуде Стефана Сурожского, особенно в пересказе Жития Дмитрия Прилуцкого: "пришедь къязь Ѡ рускаго нова града..."³⁰. Может быть, мы таким образом лучше поймем и знаменитый рассказ о деяниях Кирилла-Константина в Тавриде, который "обрѣте же тоу евангеліе и псалтирь роусьскими писмены писано..." (Жит. Konst. VIII). Первоучитель славян нашел здесь образцы письма не гóтов, но еще и не русских-славян, а возможно, местных псевдоскифов (ведь не совсем ясно, кого имел в виду Иоанн Златоуст, IV в. н.э., когда сообщил о том, что скифы перевели святое писание на свой язык³¹). Небезынтересно в связи с вышеизложенным отметить, что наличие форм *ruk*-, *roka*-, *rukša*- 'светлый, блестящий' характеризует как раз древнеиндийский и отличает его от иранского, как и вычленяемое выше *tar*- 'берег'. Почему *ruks- не дало на славянской почве закономерное *ruх-? Почему мы имеем форму *Русь*, а не ожидавшуюся *Рушь? Состоялось ли народнодиалектное упрощение *ks>s(s)* еще на дославянской почве³²? Новая теория, как это нередко бывает, ставит вопросов больше, чем дает ответов. И тем не менее именно неподалеку от "рускаго нова града" (Неаполя Скифского?³³) имел Кирилл еще один достоверный случай общения с этим загадочным населением: "Бѣше же во Фоульстѣ ѣзыци доубѣ великѣ, срослѣся съ чрешнею, подѣ нимже требы дѣахоу, нарицающе именем Аλεξανδρѣ, женьскоу полоу не дающе пристоупати къ нему, ни къ требамъ его" (Жит. Konst. XII). Естественно, язычники не могли назвать свое священное дерево крестным именем 'Αλέξανδρος, явившимся здесь лишь записью по созвучию туземного (индоарийского таврского?) *alakša-dru- 'дуб-защитник' или 'запретное дерево' (ср. др.-инд. *rákṣati* 'охранять', греч. ἀλέξω то же, др.-инд. *d(a)ru*- 'дерево'), которое не могло быть ни иранским, ни готским.

Поскольку план этнонимов – как важнейший – пришлось подать несколько шире, план культурных заимствований и древних сведений

³⁰ *Васильевский В.Г.* Указ. соч. С. CCLXXXVII–CCLXXXVIII. Предполагать здесь Новгород Великий элементарно невозможно, как было ясно еще прежним исследователям.

³¹ *Ebert M.* Südrußland im Altertum. Bonn; Leipzig, 1921. S. 109.

³² Так называемый "Золотой" берег – Χρυσός λεγόμενος – у Константина Багрянородного не есть ли греческая народная этимология (*chrys*-) предполагаемого нами местного первоначального *rus- 'белый', так как речь идет о Белобережье? В Приазовье сюда могло бы относиться *Malo-rossa* с упомянутым упрощением *ks*, а также город Ρωσία, XII в.

³³ Эту идентификацию см.: *Соболевский А.И.* Топонимические заметки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. III (60) (Симферополь), 1929. С. 1.

славян о берегах Черного моря придется изложить в заключение совсем кратко, также в силу мозаичности самих этих данных.

Из возможных апеллятивных культурных заимствований укажем на слав. *syrebro из индоар. **śub(h)ri apa* 'светлая вода', ср. др.-инд. *śubhrá-* 'красивый, светлый', ср. Σιβρίατα на Кубани (Птол.)³⁴.

Особую проблему, на которую я хотел бы еще обратить внимание, составляют лингвистически вскрываемые сведения у древних восточных славян о черноморском побережье и отражение в этой информации преемственности древних форм языка. Так, если тюрк. *Кирк-ер* и лат. *quadráginta castella* – о юго-западном Крыме – подводят нас к раскрытию в составе названий Τετραξ-ῖται, Τραπεζοῦς = *Чатыр-даг* некоего туземного **četra dsa-* 'сорок (городов)', то знание этого факта (тамошнего многоградья) собственно Русью подтверждается, например, и договором Игоря с греками 945 г. (Лавр. лет.): "А о Корсуньстѣи странѣ, еликоже есть градъ на той части, да не имать власти кънязь Русьскыи..."

Можно считать, что в V–VI вв. славяне вышли на берега Черного и Азовского морей. Тогда еще существовали тысячелетние боспорские города и синдомеотский элемент в них еще не совсем угас (в 703 г. в последний раз упомянута Фанагория, боспорский царь VI в. носил туземное имя Δουπτοβίτης, Δουπτοβίος). В связи с этим мы этимологизируем др.-русск. *Кърчевъ*, *Керчь* не от др.-русск. *кърчиш* 'кузнец' (Абаев), а от местного продолжения др.-инд. *krka* 'горло' (город при горловине!), ср. сюда же Οἰκροῦχ (Конст. Багр.)³⁵, синонимичное тюркскому *Богаз*, горловина перед бывшим черноморским устьем Кубани, и еще более древнему греч. τὸ Σινδικὸν διάσφραυδα 'синдская расселина' (Гиппонакт). Современное *Керчь*, раньше – *Керче*, итал. *Cherz* носит печать тюркского вокализма. Хорошо знаком был древнерусским племенам северный берег Азовского моря. Уже старшие русские летописи, говоря о походах XII в. в эти места, знают безусловно более древнее название местности: *Лукоморье*. *Лукоморье* или *Лука моря* 'изгиб моря, залив', по данным Картотеки Древнерусского словаря, связывается главным образом с заливами северного азовского побережья и напоминает нам *Viges* или *Vices* у Плиния, которое обозначало тот же северо-западный угол Азовского моря и которое мы сближаем с др.-инд. *bhogá* 'изгиб', *Bhojá-*, название страны (этот корень известен также в германском, но около начала нашей эры там, конечно, еще не было никаких германцев).

"Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху у Плѣсьнска на болони, бѣша дебри Кисани и несошася къ синему морю". Это место "Слова о полку Игореве" остается темным, главным образом из-за загадок топонимии: *Плеснеск* или *Плесенск* искали в Галиции и близ Киева, а названия *Кисань* так и не нашли "на целой Руси"³⁶. И, однако, Слово в данном

³⁴ См. статью "Серебро" // С. 79 и след.

³⁵ Еще Татищев правильно увидел здесь – в Οἰκροῦχ – вторичное тюркское наращение гласного в начале слова (см.: Татищев В.Н. История Российская. В 7 т. Т. I. М.; Л., 1962. С. 188).

³⁶ *Партыцкий О.М.* Цит. по: *Виноградова В.Л.* Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". 2. Л., 1967. С. 183.

пункте содержит точную, хотя и уникальную информацию об округе *Kisan*, Κινσάνους (XIV в.) в долине Алушты, в Крыму. Это название, при всей его этимологической неясности и относительно поздней средневековой документации³⁷, носит старый характер и локализуется в земле тавров. Контекст Слова лишь подтверждает наше сравнение и укладывает его в точный маршрут бусовых (?) воронов, которые "...были в долине Кисанской и понесли к Азовскому морю" (ибо *синее море* в древнерусской литературе – это Азовское море, ср. еще любопытное *Синяя вода* = Дон).

Во времена Страбона в донском устье был известен большой остров Ἀλωπεκία. В последние десятилетия XVII в. поступает известие об острове *Лютикъ*, "знатнейшем" из островов дельты Дона. Существует, далее, мнение, что страбоновская Алопекия и современный остров *Перебойный*, крупнейший в устье Дона, – это одно и то же. Итак, Ἀλωπεκία – *Лютикъ* – *Перебойный*. Задачу можно, кажется, решить, только предположив в основе всего преобразованное греческой народной этимологией слово туземного языка **lopa-taka-*, или *lopa-takti 'ломающее течение', ср. др.-инд. *lopa-* 'прорыв, уничтожение', *takti* 'спешить, нестись'. Созвучию с греч. ἀλώπηξ 'лиса' способствовало вероятное наличие близкого слова в местном индоарийском диалекте, ср. др.-инд. *lopāśā-* 'лисица'. И все-таки исконное значение туземного названия острова удержалось, вопреки всему, вплоть до наших дней, когда остров носит русское название *Перебойный* (= **lopa-taka-*). История этих названий не лишена интереса и для русской лексикологии, потому что мы привыкли обозначать словом *лютик* только растение *Ranunculus sceleratus* и мотив этого обозначения коренится во вредных свойствах растения, причем слово *лютик* калькирует лат. *sceleratus* 'преступный'. Название донского острова *Лютикъ*, XVII в., не имеет ничего общего с этим научным словом, появляющимся, по данным Картотеки Древнерусского словаря, только в лечебниках конца XVII в. (ср. случайную омонимию *Судак* в Крыму и *судак* 'рыба').

Суть всей проблемы, представленной выше, можно выразить так: дальнейшая жизнь имен и слов в Северном Причерноморье с античной эпохи вплоть до славянского, русского языка. Под впечатлением готских войн, переселения народов, гуннских и тюркских нашествий, от которых страдала эта земля, ученые неохотно верят в возможность этой дальнейшей жизни и даже сохранения остатков языка. И все-таки именно здесь таится многое нераскрытое для истории языка, как и для истории вообще.

* * *

В последнее время (зимой–весной 1993 г.) автор еще раз вернулся к попытке реконструкции истоков имени *Русь*, посвятив ей специальную работу "В поисках единства V: По следам Азовско-Черноморской Руси (наблюдения лингвиста)".

³⁷ *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековой в Тавриде // Зап. имп. Одесского общества истории и древностей. XXXII. 1915. С. 238.

НЕСКИФСКОЕ В СКИФИИ ГЕРОДОТА*

Нескифское в скифском – так можно определить проблему, которая привлекает здесь наше внимание. Под этим подразумеваются те индоевропейцы Северного Причерноморья, которые, будучи родственны по языку иранцам-скифам, сами не были иранцами, а тем более – греками и фракийцами. Остатки индоарийского языка к северу от Черного моря явились темой нескольких моих печатных и устных выступлений (главным образом в немецких университетах в Фрайбурге, Гёттингене, Бонне и Саарбрюкене в мае 1977 г.). Отсылая читателя к первым из них, я должен сказать, что именно последние, а особенно возникавшие затем дискуссии с немецкими коллегами служат для меня поводом для дальнейших соображений, которые, естественно, не могут здесь быть приведены полностью. В ходе упомянутых дискуссий поднимались различные вопросы и высказывались также сомнения, но большей части – общего характера. Не на все можно было ответить тогда, как, впрочем, и сейчас, однако это не упраздняет саму проблему. Мы имеем в лучшем случае перед собой лишь посредственные отражения форм языка, передающие свой оригинал едва ли удачнее, чем напр. греч. Ξέρξης – др.-перс. *Xšayārša-*. Из последнего примера нельзя сделать вывод о древнеперсидском вокализме, если при этом не отображено даже древнеиранское слияние *e/ola>a*. Совершилось ли уже это индо-иранское совпадение в нашем северопонтийско-индоарийском? Кое-что, кажется, говорит в пользу этого (местное название *Asandi* – др.-инд. *āsandī*; личное имя собственное *Καβαθάξης* – др.-инд. *tákṣan-*), а другие случаи имеют скорее спорный вид (*Temarunda*). Таким был бы возможный ответ на вопрос об относительной хронологии известного фонетического изменения, если мы хотим основываться на реальных фактах. Сохранное древнее *s* остается все же хорошим свидетельством индоарийской фонетической формы (этноним *Σίνδοι* – др.-инд. *sindhava-*). Не является особенным противоречием этому наличие языковых "инноваций" вроде пракритизмов, как напр. *sa(t)ta-* 'семь', *pa(r)ta-* 'гавань, порт', если мы вспомним о переднеазиатском индоарийском *ṣatta-*, вместо регулярного *sapta-* 'семь'. Некоторые участники тех дискуссий были бы больше удовлетворены, если бы увидели вместо форм на *-l-* (личное имя *Πάλακος*) регулярные индийские формы на *-r-* (ср., впрочем, др.-инд. *pālaka-*, тоже в качестве личного имени!), но, как видно, и с этих черноморских берегов могут исходить напоминания о фактической вторичной санскритизации живых пракритических форм. И все-таки показаний одной фонетики едва ли достаточно для ответа на вопрос, существовали ли

* Впервые опубликовано на нем. языке: *Trubačev O.N. Nichtskythisches im Skythien Herodots // Indogermanische Forschungen. Bd. 82. 1977. S. 130-135.*

отдельно друг от друга индийский и иранский языки уже "так рано" в Северном Причерноморье. По счастью, тут приходит на помощь критерий лексики. Поэтому я понимаю проблему индоарийских языковых реликтов Северного Причерноморья как проблему лексическую или даже лексикографическую. Замечательно, что различия между такими близкородственными языками, как индийский и иранский, прослеживаются именно на лексическом уровне достаточно определенно¹.

А теперь непосредственно о теме моих настоящих заметок. Как известно, в научной литературе считается собственно скифским все скифское в понимании Геродота². Нижеследующие соображения и примеры могли бы дать повод для несколько иных выводов. Оба примера относятся к области, позднее названной Плинием *Scythia Sindica*, и ее ближайшим окрестностям (низовья Днепра и Южный Буг с примыкающей территорией). Территориальное положение этимологизируемых слов не подлежит сомнению, интересным свидетельством оказывается и их взаимное соседство. Оба случая почерпнуты, так сказать, с одной и той же страницы Геродота. Но главное – в их этимологии.

1. Ἐξαμπαῖος (Herod. IV, 52)

Ἐξαμπαῖος – местное название, известное нам почти исключительно из Геродота. Он повествует следующее: ...ὁ Ὑπανις ποταμὸς ῥέει ἐπὶ μὲν πέντε ἡμερέων πλοῦν βραχὺς καὶ γλυκὺς ἔτι, ἀπὸ δὲ τούτου πρὸς θαλάσσης τεσσέρων ἡμερέων πλοῦν πικρὸς αἰνωῶς (var. δεινωῶς). ἐκδιδοῖ γὰρ ἐς αὐτὸν κρήνη πικρή, οὕτω δὴ τι εἴουσα πικρή, ἢ μεγάλῃ σμικρῇ εἴουσα κινῶ τὸν Ὑπανιν, ἐόντα ποταμὸν ἐν ὀλίγοισι μέγαν. ἔστι δὲ ἡ κρήνη αὕτη ἐν οὐροισι χώρας τῆς τε ἀροτήρων Σκυθέων καὶ Ἀλιζώνων. οὐνομα δὲ τῇ κρήνῃ καὶ ὄθεν ῥέει τῷ χώρῳ Σκυθιστὶ μὲν Ἐξαμπαῖος (var. Αμαξάμπατος, Αμαξαμπεος, Αμοξάνπατος, Exampheus, Mela II, 7), κατὰ δὲ τὴν Ἑλλήνων γλῶσσαν Ἰραὶ ὁδοῖς³ – [Взяв начало из своего источника] река Гипанис течет на протяжении пяти дней плавания (будучи) еще мелкой и пресной, после же этого на протяжении четырех дней плавания к морю (она) очень горька, потому что в нее впадает горький источник, до того горький, что, малый по (своей) величине, он делает горьким (весь) Гипанис, реку, немногим уступающую по величине. Этот источник находится на рубежах земли скифов-пахарей и ализинов. Имя же источника и местности, откуда он течет, по-скифски – Ἐξαμπαῖος, на греческом же языке – 'Святые пути' (русский перевод мой. – О.Т.).

Этот геродотовский топоним также пытались толковать средствами

¹ Ср.: Barrow T. The Proto-Indoaryans // Journal of the Royal Asiatic Society, 1973. P. 124. – Д-ру Р. Нормье (университет в Саарбрюкене), который обратил мое внимание на эту статью Барроу, я хотел бы выразить здесь искреннюю благодарность.

² Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland (= M. Vasmer. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Bd. I. Berlin: Wiesbaden, 1971). S. 112.

³ Herodoti historiae, recognovit C. Hude. T. I. Oxford, 1976. См. также: Латышев В. Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis. Vol. I. Scriptores graeci. СПб., 1890. С. 23.

безраздельно господствующей иранистической теории, хотя и напрасно. Мне, в частности, известна этимология Маркварта, который, опираясь на греч. Ἱραὶ ὁδοί 'Святые пути', сближал Ἐξαρταῖος с осетинским *æfsand 'святой, священный' = авест. *spanta-* и сконструированным ad hoc *pahayo 'пути' = авест. *paḥauō*. Фасмер⁴, у которого я почерпнул знакомство с этимологией Маркварта, находит ее довольно остроумной, но все же сомнительной с точки зрения фонетической хронологии и неприемлемой, имея в виду метатезу *sr > fs* и переход *θ > h* еще в скифское время. Видимо, эта справедливая критика явилась причиной того, что Ἐξαρταῖος позднее был молча вычеркнут из числа языковых остатков, приписывавшихся скифскому. Моя позиция позволяет мне еще раз вернуться к этому топонимическому реликту у Геродота, на сей раз – в смысле его индоарийского происхождения. А именно: я сравниваю Ἐξαρταῖος с древнеиндийскими *a-* (ср. варианты на *a-*, выше), отрицательной частицей, далее – *ksamá-* 'подходящий, пригодный'⁵ и *ráyas* ср.р. 'вода, жидкость', также *pāya* ср.р.⁶ Все в целом я читаю, таким образом, как 'непригодная вода'. Из описания Геродота ясно следует, что название Ἐξαρταῖος относится к **горькому** источнику, впадающему в Гипанис⁷. Создается впечатление, что последовательное употребление одного за другим Ἐξαρταῖος и Ἱραὶ ὁδοί у Геродота было понято исследователями без должного основания как глосса со значением 'святые пути'. Греки, может быть, и называли эту местность Ἱραὶ ὁδοί, но это вряд ли было калькой в собственном смысле слова, а скорее – **другим** названием того же объекта. То, что и по Геродоту Ἐξαρταῖος на "скифском" значило 'горький источник', ясно без лишних слов. Правда, этот "скифский", собственно говоря, скифским не был, на авестийском *paūō* значит только 'молоко'⁸, об иной возможности свидетельствует древнеиндийский материал. *Σκύθαί ἀροτῆρες*, как и *Σκύθαί ὑεθροοί*, с давних пор вызывали подозрение в своем нескифском происхождении, и другие индоарийские этимологии имен, относящихся к соседним областям с собственно синдомеотским и таврским населением, тоже представляют реальную поддержку предложенного чтения Ἐξαρταῖος как индоарийского **akāta-paia-* 'непригодная вода'. Всего четыре дня пути, то есть не более ста километров, отделяли Эксампей от побережья Черного моря. Эта геродотовская местность уже давно отождествлена с притоком Южного Буга, называемым по-русски и по-украински *Мертвовод*, *Мертвые воды*⁹, что вполне соответствует нашей этимологии.

⁴ Vasmer M. Op. cit. S. 116.

⁵ Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964. P. 326.

⁶ Ibid. P. 619.

⁷ Ср. об этом уже: Bonnell E. Beiträge zur Altertumskunde Russlands. Bd. I. St. Petersburg, 1882. S. 41.

⁸ Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. II. Heidelberg, 1963. S. 212.

⁹ См.: Эварницкий-Яварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1880. С. 137, где приводится свидетельство, что тамошняя вода особенно горька и солона и даже непригодна для водопоя скота.

Это место звучит у Геродота следующим образом: κήτεά τε μεγάλα ἀνάκανθα, τὰ ἀντακαίους καλέουσι, παρέχεται ἐς ταρίχευσιν... – ‘и большие бескостные морские рыбы, которые называют ἀντακαίους, годятся в засолку’. Вся глава 53 Скифского рассказа Геродота представляет собой нечто вроде похвальной речи Борисфену (Днепру), в устье которого ловится эта замечательная рыба, судя по всему – осетр. Существующая научная литература единодушна лишь в том, что здесь речь идет об иноязычном названии темного происхождения¹⁰. Это место правильно понимали как своеобразную глоссу, языковая принадлежность которой у Геродота просто не указывается. При этом фразу восполняли отсутствующим подлежащим *Βορυσθενεῖται* ‘борисфениты’, но это последнее понятие является слишком расплывчатым и ничего не говорящим. Ясно одно: это слово употреблялось местными жителями. Для нас это значит, что и его происхождение нужно искать не где-то далеко, а в области Scythia Sindica в собственном смысле и в прилегающих районах, но, скажем, не на Кавказе, несмотря на такие попытки в старое и новое время. Свою лепту в этот вопрос вложили, в частности, итальянские путешественники. Джорджо Интериано (XV–XVI века), описывая страну черкесов, упоминает там о рыбе под названием *anticei*¹¹; Ламберти (XVII в.) рассказывает об осетровой рыбе *angiakia*¹². Но в адыгских (черкесских) языках Западного Кавказа нет названия рыбы, которое напоминало бы это слово, а адыг. *žajā* ‘сом’ и кабард. *žej* ‘кит’ далеки от него во всех отношениях¹³. Не убеждает также Траймер, пытающийся сблизить слово ἀντακάϊος у Геродота с акуш., хюрк. *ātcha* ‘лягушка’ и другими названиями земноводных в кавказских языках¹⁴. Следует помнить, что наше слово было засвидетельствовано в Скифии, в устье Борисфена. Далее, оно обозначало осетровую рыбу, а для этой рыбы с внешней стороны ничто так не характерно, как заостренная форма головы. Античные писатели могут проинформировать об этом совершенно точно, ср. напр. Клавдий Элиан, *De natura animalium* XVII, 32: καὶ ἰχθύς ἐν αὐτῇ γίνεσθαι μεγάλους, καὶ ὀξύρυχοι καλοῦνται¹⁵ ‘и рыбы в нем (в Каспийском море. – О.Т.) водятся большие и называются остроносыми’.

Название рыбы ἀντακάϊος могло передавать туземное название осетра **antakaia-*. Его ареалом является Скифия, но сомнительно, чтобы это было скифское слово; попытки иранской этимологии этого слова мне неизвестны. Название осетра могло явиться производным от определения

¹⁰ Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. S. 113; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1–2. P. 92.

¹¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 51.

¹² Ламберти. Описание Колхиды или Мингрелии // Залиски имп. Одесского общества истории и древностей. Т. X, 1877. С. 218.

¹³ Этой информацией я обязан специалисту, доктору филологических наук А.К. Шагирову (Институт языкознания РАН).

¹⁴ Treimer K. Die Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954. S. 52–53.

¹⁵ Латышев В. Scythica et caucasica. I. С. 606.

‘острый’, как напр. слав. *esetrъ, русск. *ocëmp*¹⁶. Прототип **antakaia-* можно было бы, в таком случае, сравнить с др.-инд. *ānta* ‘конец’ (здесь: ‘острый конец’?) и *kāya* ‘тело’, что дало бы реконструированное значение – что-то вроде ‘остротельный’.

Подведем теперь итог обеих этимологий. В Скифии во времена Геродота существовали остатки индоарийского населения, которое ловило в устье Борисфена осетров и называло их **anta-kaia-* ‘остротельные’, а местность с сильно минерализованной водой по Южному Бугу носила у этого населения название **a-kāama-raia-* ‘(местность с) непригодной водой’.

¹⁶ Подробнее см.: *Этимологический словарь славянских языков. Вып. 6. М., 1979. С. 30–31.*

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИНДОАРИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СУБСТРАТЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ*

Представители разных наук задумывались над проблемой ключевого положения Кавказа, побуждаемые к этому фактами и логикой исследуемого материала. Иранисту В. Миллеру принадлежат слова: "Если когда-нибудь предвидится возможность решить хоть небольшое число запутанных вопросов о национальности разных народов, некогда сменявших друг друга в древние и средние века в необозримых равнинах южной России, то только под условием изучения этнографии Кавказа"¹. Автор настоящей статьи – славист, настроенный, скорее, осторожно в отношении попыток установить непосредственные связи между древними славянами и древними носителями кавказских языков². Тем не менее, и нижеследующие заметки приводят к постановке вопроса о влиянии со стороны Кавказа³ на уровне выявляемого субстрата. Путь к этому вел через изучение языковых древностей славянства, через этимологию, которая воссоздает не одни только праформы слов, но и – опосредствованно – прообразы этнолингвистических отношений⁴.

Между вероятными местами обитания древних славян и Кавказом пролегла обширная промежуточная зона Северного Причерноморья. Известно, что среди довольно большого количества дошедших до нас в северопричерноморской эпиграфике личных имен нет ни одного славянского. Однако из этого не следует делать чересчур прямолинейных выводов. Необходим осторожный пересмотр устоявшихся мнений, в том числе скептических взглядов на свидетельства, будь то древних авторов, будь то народных преданий. По понятным причинам исследуемый далее субстратный материал имеет лишь косвенное отношение к славянскому, однако при этом затрагиваются вопросы, небезразличные для славянского этногенеза, например формирование некоторых – в дальнейшем – славянских этнонимов, т.е. то, что мы определили бы как этногенетические импульсы, направленные с Северного Кавказа в сторону первоначальной Славии (примеры – ниже).

Занятия славяно-иранскими отношениями научили нас считаться с

* Впервые опубликовано: Вестник древней истории (ВДИ) 1978. № 4. С. 34–42.

¹ Миллер В. Осетинские этюды. Ч. III. Исследования. М., 1887. С. 1.

² Ср.: Polák V. K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a slovanskými // Listy filologické. Praha, LXX, 1946.

³ Из литературы ср. еще указание на древний путь из античного Танаиса к янтарным берегам Балтики (азовско-балтийский коридор) по распределению густоты фактических сведений птолемеевской географии: Łowmiański H. Sarmacja // Słownik starożytności słowiańskich. T. V. Wrocław etc. 1975. С. 67–68.

⁴ Например, тезис незамкнутости славянской прародины, см.: Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6. С. 61.

диалектной сложностью северопонтийского иранства. Ясно также, что неправомерно отождествлять все Северное Причерноморье с иранским языковым ареалом. Исключения из иранского отнюдь не сводятся к группе фракийских имен; неверно также считать, что древняя ономастика Северного Причерноморья либо объясняется из иранского, либо необъяснима вообще. Определенный слой этой ономастики не поддается объяснению как иранский. В литературе отмечалось, что максимум темных имен обнаруживает Пантикапей⁵ и в целом – Боспорское царство, т.е. берега Керченского пролива, Таманский полуостров, Восточное Приазовье, Северо-Западный Кавказ. Мы полагаем, что эти территории своим упомянутым лингвистическим своеобразием обязаны в значительной степени особому индоевропейскому неиранскому этносу, фигурирующему в литературной традиции и свидетельствах древних как племена синдов и меотов.

Два слова об источниках и методе. Источники ограничиваются греческой эпиграфикой на камнях и т.п. и текстами античных авторов; материал представлен почти исключительно ономастикой (названия племен, местные названия, личные имена людей). Собственно синдские и вообще меотские глоссы, т.е. толкования на языке автора заведомо синдских, меотских слов, нам неизвестны, но есть то, что можно обозначить как скрытые глоссы (иначе – псевдоскифские глоссы, например у Плиния). Что касается метода, то, несмотря на всю ограниченность базы источников, эту ограниченность нельзя переносить на наши представления о языке. Язык синдов (и шире – меотов) был в любом случае, независимо от удачи или неудачи наших разысканий, естественным языком с присущими типологически таковому сложным переплетением исконного и заимствованного, с оригинальными изоглоссными связями.

Время изменило не только этнический состав населения Северо-Западного Кавказа. Известных таманских грязевых вулканов, поразивших в XIX в. воображение героев Жюль Верна (роман "Упрямец Керабан"), не упоминает географ I в. н.э. Страбон; возможно, что эти вулканы пережили тогда период спокойствия. Зато известно, что на месте теперешнего Таманского полуострова в древности существовал остров или даже острова, и этот факт отпечатался в древней ономастике, привлекая наше внимание.

Современное лицо таманской и кубанской топонимии составляют сложившиеся в XIX в. названия станиц и хуторов. Их русский и украинский характер (*Старотитаровская, Вышестеблиевский, Суворовская, Сенная, Семеняки...*) может обескуражить того, кто ищет древности. Но следует присмотреться и к ним. Например, северная часть Таманского полуострова, носящая сейчас название *полуостров Фанталовский* (так!) именуется у авторов прошлого века полуостровом *Фонтан*, там же – селение *Фонтан* и покинутая татарская деревня *Чокрак-кой*⁶; последнее название содер-
держит тюрк. *чокрак* 'источник'. У Плиния находим, правда, южнее, мыс

⁵ Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha. 1955. С. 318 (примечательно, что автор видит причину этого отнюдь не в одном лишь воздействии собственно кавказских языков).

⁶ Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 115.

*promunturium Crunoe*⁷, собственно – греч. Κρουνοί 'источники'. Давно замечено, что сменявшие друг друга народы в исследуемом регионе селились обыкновенно на одних и тех же местах. Требуется отметить иногда столь же стойкую преемственность называния этих мест от античности до наших дней, когда здесь живут русские и украинцы, сменившие очень длительный период тюркского заселения, восходящий – с перипетиями – к нашествию гуннов IV в. н.э., которое подорвало греческое господство и тот процесс эллинизации и сарматизации, в горниле которого растворились интересующие нас синды и меоты. Кто же были эти последние по языку?

Меоты (греч. Μαῖῶται – Anon. (Scymn. Ch.), Scyl. Caryand., Strabo, Dionys., Eustath., Anon. Per., Niceph., Blemm.; лат. *Maetici* – Pomp. Mela, Plin., *Maetiae* – Plin.), или майты (Μαῖται в местных эпиграфических титулах боспорских царей неоднократно – Σινδων καὶ Μαῖταιν πᾶσιων 'синдов и всех майтов'⁸) были теснейшим образом связаны с Азовским морем, древней Меотидой (греч. Μαῖῶτις). Связь названий моря и народа была ясна в общем еще для древних. Народ был назван по морю, а не наоборот. Любопытна и природа древнего названия Азовского моря – Меотиды. Начиная с Геродота, античные авторы зовут Меотийское озеро μήτηρ (той) Πόντου 'мать Понта', ср. родственное греч. μάτη 'мать, кормилица' (так еще у Евстафия в комментариях к Дионисию). Это идет не от великих рыбных богатств Азовского моря, как думают некоторые наши историки⁹, а от водообмена через Керченский пролив, см. БСЭ³ I (М., 1970), с. 295, ст. "Азовское море": "...избыток пресной воды за год составляет 17,4 км³, которые вытекают через Керченский пролив". С географами БСЭ согласен Дионисий (Dionys. Periegesis), который пишет буквально следующее: "Меотийское озеро... зовут матерью Понта, так как из него выходит огромная масса воды Понта прямо через Киммерийский Боспор..."¹⁰.

Плиний пишет: *Tanaim ipsum Scythae Sinum vocant, Maeotim Temarundam, quo significant matrem maris*¹¹ «Сам Танаис скифы называют Sinus, (а) Меотиду – Temarunda, что означает "мать моря"». Таким образом, *Temarunda* переведено как "мать Черного моря"; этого не могло быть на скифском (иранском) языке, так как скифы достоверно называли Черное море *axšaina-zraya- 'темное море', как это давно убедительно доказал М. Фасмер. "Скифы" у Плиния были, конечно, данью литературной традиции. Не могло быть *Temarunda* и киммерийским названием, если иметь в виду возможную фракийскую принадлежность языка рано исчезнувших киммерийцев: 'черный' по-фракийски – **kers-*, а 'море' – от и.-е. **mor-/*mar-*, как у славян, германцев, кельтов, латинян, ср. его остатки в тур. *Marmara* 'Мраморное море'.

⁷ Plin., NH, VI, 17.

⁸ Корпус боспорских подписей (= Corpus inscriptionum Regni Bosphorici) – далее КБН. – С. 552, 553, № 971, 972, Фанагория.

⁹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 27.

¹⁰ Цит. по изд.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 180 сл.

¹¹ Plin., NH, VI, 19.

Название *Temarunda* мог дать Азовскому морю особый этнос – синды и меоты. Это название, считавшееся до последнего времени неясным, мы читаем как *tem-arun-da ‘кормилица Черного моря’: **tem-* находит соответствие в др.-инд. *támas* ‘мрак’ и других индоевропейских языках, **arun-* – в др.-инд. *árna-* ‘пучина’ и хетт. *aruna-* ‘море’, но сочетание **tem-arun-* ‘черное, темное море’ должно быть признано исключительно индоарийским, праиндийским (в иранском море обозначается иначе, в хеттском иначе обозначается темный цвет). Исход *-dā* объясним из и.-е. **dhē-* ‘кормить грудью’, известного из различных индоевропейских языков, ср., например, курд. *dā* ‘мать’¹².

Очень существенно, что те же самые псевдоскифы, которые называют у Плиния Азовское море *Temarunda*, называют Танаис (Дон) – *Sinus*, что мы читаем как искажение первоначального синдо-меот. *Sindus (под влиянием лат. *sinus* ‘пазуха’, ‘залив’?). Название реки *Sindus имеет решающее значение в вопросе определения языка плиниевских псевдоскифов. Дело в том, что только в индийской, индоарийской ветви языков река называется *sindhu-* (др.-инд.). Иранское соответствие имело бы форму *hindu-*, с переходом *s > h*, кроме того, существует мнение, что “младоавестийское *hindu-*, *həndu-*, др.-перс. *hi(n)du-* ‘Индия’ заимствовано из индийского, а не родственно *sindhu-*”¹³. Река называлась у иранцев иначе – **danu-* (откуда, например, *Дон*), **apa-*, *(*h*)*rava-*, *(*h*)*rauta-*.

С др.-инд. *sindhu-* связано и название народа синдов (греч. *Σινδοί* – Herod., Scyl. Caryand., *Σινδοί* – Strabo, Dionys., Eustath. и др.; лат. *Sindones* – Pomr. Mela, *Scythia Sindica* – Plin.). Эту очевидную связь никому не удалось оспорить, хотя различные авторы неоднократно пытались это сделать. Отождествление синдов и “индов”, индийцев старо как мир, ср. вариант *Ἰνδοῦς* вместо *Σινδοῦς* у Геродота, *Σινδοί* ἕθνος *Ἰνδικόν*, т.е. ‘синды – индийское племя’ в глоссах Гесихия, вариант *Ἰνδικῆς* ‘индийской (страны)’ вместо *Σινδικῆς* неоднократно у Стефана Византийского, что все вместе отражает традиционное представление, а не описки пера, как это понимают некоторые. Представляет интерес соположение обеих форм названий – подлинно индийской на *s-* и “иранизированной”, с гласным началом слова – в грузинских летописях: “В хронике (VIII века) Джуаншера (см. Картлисцховреба, с. 122) сказано, что... по столпотворении из Вавилона расселилось семь языков (народов), кои отправились: индусы в Индию, синды в Синдию, роми в Ром, греки в Грецию, Аг и Магус в Магугетию и спарсы (персы) в Персию...”¹⁴. Этимологическое тождество названия *Σινδοί* и др.-инд. *sindhavas* мн. ‘речные жители’, производного от *sindhu-* ‘река’, обосновал П. Кречмер¹⁵, но ввиду недостатка фактов эта

¹² Подробнее, с литературой, см. статьи “*Temarundam matrem maris*”, “О синдах и их языке”.

¹³ Wackernagel J., Debrunner A. *Altindische Grammatik*. Bd. II, 2. Göttingen, 1954. S. 475.

¹⁴ Джанашивили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 7, прим. 2.

¹⁵ Kretschmer P. *Inder am Kuban* // Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Kl. Anzeiger. 80. Jahrgang, 1943 (1944), Nr. I–XV. S. 35 сл.

теория о синдах как остатках индоарийцев (после ухода последних на юг через Дербентский проход) квалифицировалась до недавнего времени как "рискованная гипотеза". Ясно, что как только мы подключили эмендированное *Sindus 'Дон' из Плиния, явно речной этноним Σινδοι перестает висеть в воздухе, получает новую интересную ориентацию – не на Кубань, как обычно полагали (в том числе и Кречмер), а на Дон, включая Меотиду, не без основания воспринимавшуюся древними в качестве расширенного донского лимана. Таким образом, пара др.-инд. *sindhu-* 'река', 'река Инд' – *sindhavas* мн. 'обитатели страны на реке Инд/Синд' обретает соответствие в паре *Sindus – Σινδοι с точной локализацией к северу от Кавказа. Значение этого факта как сигнала начального этапа индоарийских миграций трудно переоценить, ведь в плане относительной хронологии речь идет об эпохе до появления индоарийцев в Передней Азии (Митанни).

Античные географы, как правило, четко различали скифо-сарматов и меотов, причисляя синдов к последним¹⁶. "Скифов не было в азиатской части Боспора. Населявшие ее туземные племена принадлежали к меотам... Скифов же и меотов древние писатели определенно различают"¹⁷. Во второй половине I тыс. до н.э. меотские племена располагались от низовьев Дона до предгорьев Западного Кавказа в следующем порядке: яксаматы, сираки, тарпеты, фатен-псессы, доски, дандарии, синды, керкеты-тореты и некоторые другие, которые трудно локализовать (подробную критику источников и литературы здесь опускаем). С востока с меотами граничили иранские кочевые племена. Об этом свидетельствуют археологические раскопки городищ оседлых земледельцев-меотов лишь в узкой (40–50 км) полосе вдоль азовского побережья¹⁸. Об этом же говорят и возможные следы языковой сарматизации, особенно вглубь от азовского побережья, например дублетные формы с аспирацией и последующим исчезновением *s*, ср. наряду с этнонимом Σίρακες, который мы предположительно относим к др.-инд. *sirā* 'река', – видимо, тождественное этимологически Ἀρρηχοί.

Как следует из предыдущего, мы относим следы языка синдов-меотов к индоарийской (праиндийской) ветви и видим здесь язык с сохранением и.е. *s* этимологического, четко противопоставленный в этой черте иранскому с его переходом *s* > *h*. Об этом говорит реконструируемое нами синдо-меотское название женщины *sar на базе эпиграфических женских личных имен Καρσαρούη, Μαλωσάρα, Σαρούκη, [Σ]αρά¹⁹. Стремление Л. Згусты видеть в первом из имен фракийское ошибочно, так же, как этимология В.И. Абаева²⁰, который здесь всюду выделял иранское **sar-* 'голова', что типологически (имена женщин!) не очень правдоподобно. Индоарийское **sar-* 'женщина' остаточное сохранилось в др.-инд. *ap-saras*

¹⁶ Strabo, Geogr. XI, 2.

¹⁷ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.: Л., 1953. С. 103.

¹⁸ Анфимов Н. Древние поселения Прикубанья. Краснодар. 1953. С. 25–26.

¹⁹ КБН № 75, 280, 512; IOSPE. Vol. II, Inscriptiones Regni Bosporani. Petropoli. MDCXXXC. С. 83–84, N 116, Керчь, IV в. до н.э.: [Σ]αρά(?) Μάυ[ε]ω γυνή.

²⁰ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М.: Л., 1949. С. 180 сл.

‘водяные существа женского пола’, ср. иранское **hār-* в авест. *hārišī* ‘женщина, самка’. В дискуссии об и.-е. *sor ‘женщина’²¹ синдо-меотское **sar-* должно быть также учтено, отчасти и ввиду своего заметного параллелизма с хеттским, где элемент *-šara* тоже функционирует как именной формант: хетт. *haššušara* ‘царица’, *išhaššara* ‘госпожа’, ср. синд. *Карасару́н*.

Замечательный параллелизм обнаруживаем между женским именем *Tirgutauiya* в алахских табличках, видимо, современного государству Митанни в Передней Азии, около середины II тыс. до н.э.²² и именем меотянки *Тирутау́*, разведенной жены синдского царя Гекатея²³, в V – IV вв. до н.э. Это тождество весьма ценно как первое индоарийское личное имя собственное, засвидетельствованное как в Передней Азии (имена правителей в Митанни), так и к северу от Черного моря. Тем самым имя *Тирутау́* не может быть иранским, вопреки В.И. Абаеву, поскольку иранцы появились в Передней Азии значительно позже, после 1000 г. до н.э. Кроме того, это еще одно яркое свидетельство того, что индоарийцы частично оставались к северу от Кавказа, а не ушли оттуда все до единого, как полагают некоторые ученые.

Известно синдское наименование острова, ставшего позднее Таманским полуостровом: *Eonem vocant* ‘называют Эон’ (Plin. NH VI, 18, var. *Eonia*). По нашему мнению, название *Eon* ‘Синдский остров’ этимологически тождественно имени земли *Oium*, близ Меотиды, куда переправились готы, по рассказу Иордана (Iord., De origine actibusque Getarum, VI в. н.э.). Речь идет, бесспорно, не о приднепровской Гилее-Олешье, как считается в литературе, а о Синдском острове, куда достоверно переправлялись через Боспор в III в. н.э. готы-эвдусиане, о чем известно по свидетельству греческого писателя Зосима. Плиниевское *Eon* мы читаем при поддержке иордановского *Oium*²⁴ как первоначальное нарицательное **aj(v)am! *oj(v)om* ‘(морской) остров, insula’, буквально ‘одно, одинокое’ – ср. др.-инд. *eva-* ‘только, единственно’, др.-ир. *aiva-* ‘один’, др.-

²¹ Benveniste E. Un nom indo-européen de la “femme” // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 35. 1934. С. 104–106; *Idem*. Le vocabulaire des institutions indo-européennes I. S. 214–215, 222; Sturtevant E.H. An Indo-European word for “woman” // Language. 25. 1949. P. 343–345; Mayrhofer M. Gibt es ein indogermanisches **sor-* ‘Frau’? // Studien zur indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 32 сл.; Friedrich J. Zu einigen luwischen Wörtern // Lingua Posnaniensis, V, 1955. S. 1–3; Laroche E. Les noms des Hittites, P., 1966. S. 303–305; *Idem*. Études de linguistique anatolienne. III // Revue hittite et asianique. XXXVIII, 1970. P. 50–51; Szemerényi O. The alleged Indo-European *sor ‘woman’ // Kratylus, 11. P. 206–211.

²² Цит. по: Laroche E. Les noms des Hittites. S. 185.

²³ Polyæn., Strateg. VIII, 55.

²⁴ (Filimer) pervenit ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium vocabantur “(Король гот Филимер) пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум” (Iord., Get. 27 = Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 70, 135). В связи со своей точкой зрения мы не принимаем объяснение из гот. *Aujōt* ‘страна, изобилующая водой’ – constructio ad hoc, которого придерживается Скржинская; *emenso amne transposita* ‘перейдя огромную реку’ (Iord., Get. 28) – отголосок форсирования Керченского пролива, а не Днепра (так полагает Скржинская – с. 196). Важно указание Иордана о поселении готов с Филимером в Скифии, у Меотиды: *in prima sede Scythiae iuxta Maeotidem* (Iord., Get. 39).

инд. *eka* - 'один'. Ср., далее, греч. Οἶον, название ряда пустынных, уединенных мест, др.-ирл. *Eo, Io*, название острова, совр. *Iona*²⁵. Отметим, что татарская топонимия старой Тамани знает несколько названий *Адаc*, собственно 'остров'²⁶.

Мы коснулись выше одной оригинальной фонетической особенности остатков языка синдов-меотов и нескольких лексико-ономастических примеров. Поучительно их противостояние иранскому – скифо-сарматскому²⁷: синд. **tem-* 'темный, черный' – скиф. **axšaina-* то же, синд. **sindus* 'река' – скиф. **danu-* то же, синд. **sar-* 'женщина' – скиф. **os-* то же и некоторые другие оппозиции такого рода, которые можно извлечь из приводимых материалов.

Помимо важных индоарийских черт остатков языка синдо-меотов, видна и самобытность позиции данного западнокавказского индоевропейского диалекта, его собственные изоглоссные связи с хеттским (см. выше об **arun-*, о функциях элемента **sar-*), что созвучно малоазийско-прикубанским культурным связям, известным из археологии. Здесь, в Северном Причерноморье и Предкавказье, определилось этнолингвистическое употребление гидронима **Sindhu-*, донесенного затем до далекого Инда и (Западной) Индии. В вопросе об историческом тождестве синдов (меотов) и индоарийцев немаловажную роль должно играть вскрываемое нами повторение целых своеобразных топонимических ландшафтов: например, на Северном Кавказе – Σιρακτιή 'область сираков', **Sindus* 'Дон', *Soza*, город дандариев²⁸, в низовьях Кубани; к юго-востоку от Каспия – Σιρακτιή 'Гиркания', *Sindes*, река Теджен²⁹, Σουσια, город в Хорасане. Подобное перемещение, возможно только в одном направлении, как бы знаменует путь индоарийских племен в Индию. В другом месте мы обращаем внимание на соответствие группы названий в древнем Приазовье **Sindus – *Silis – *Sarkar-* группе названий в Западной Индии, на самом Инде: др.-инд. *Sindhu-* – Σιλ(ι)ας – *Šarkarā*³⁰. В обоих случаях можно отметить стержневую роль названия **Sind(h)u-*.

Восстановление следов или остатков языка имеет свою немаловажную количественную сторону. Если вспомним, что около 200 словоснов, приписываемых более или менее аналогично скифскому (В.И. Абаев) и фракийскому (В. Георгиев), дают основание лишь для самых скудных и общих представлений, то исследователю синдо-меотских языковых остатков приходится оценивать свои результаты куда более скромно³¹. Однако база для кое-каких суждений все же есть. Есть, в частности,

²⁵ Holder A. *Altceltischer Sprachschatz*. Bd. I. Graz, 1961. Стб. 1441.

²⁶ Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. Стр. 106, 118.

²⁷ Примеры последнего см.: Абаев В.И. Скифский язык. Словарь скифских основ // Осетинский язык и фольклор. I. С. vv.

²⁸ Тас., Ann. XII, 16.

²⁹ Тас., Ann. XI, 10: ...ad flumen Sinden, quod Dahas Ariosque disterminat.

³⁰ См. статью "О синдах и их языке". С. 39.

³¹ К настоящему времени (1998 год) число гипотетически выявленных индоарийских слов-реликтов уже превысило количество скифско-сарматских, см. у нас, далее, *Этимологический словарь – около трехсот позиций*.

уверенность, что синдо-меоты не были адыгами, хотя они могли соприкасаться с предками носителей абхазо-адыгских языков Западного Кавказа, ср. тождество эпиграфического $\Psi\beta\alpha$ ³² и абхазо-адыгского названия реки *Псоу* (букв. 'длинная река'), притока Черного моря у границ Абхазии. Подлежит пересмотру прямое отождествление синдов, меотов и адыгов, принимаемое в современной литературе³³. Во избежание голословности обратим внимание на глубокое различие материального воплощения одинаковых семем (лексических значений) в адыгских языках и синдо-меотских реликтах: синдо-меотскому *dā 'мать' противостоит кабард. *анэ*, адыгейск. *ны* то же, синдо-меот. **arun-* 'море' – кабард. *хы*, синдо-меот. *sar 'женщина' – кабард. *фыз*, адыгейск. *шъуыз*, синдо-меот. **ai(v)a-* 'один' – кабард., адыгейск. *зы*, синдо-меот. **amb-* 'вода' (в составе названия $\text{Turámβη} < *tur-amb-$ 'быстрая вода') – кабард., адыгейск. *псы*. Еще Клапрот писал: "Племена меотов, населявшие во времена Страбона эту часть побережья Черного моря, исчезли, уступив место племенам черкесского и абхазского происхождения"³⁴.

В заключение нашей краткой статьи – несколько слов об одном этногенетическом импульсе (см. об этом понятии выше), направленном из индоарийского Приазовья и Прикавказья в сторону, противоположную движению индоарийских племен, а именно – на северо-запад, в направлении первоначальной Славии. Известно особое положение в славянской этнонимии названий народов сербов и хорватов. Этими столь разными названиями обозначаются два очень близких, в языковом отношении практически тождественных народа. Как установил еще А.Л. Погодин, славянский этноним *xъrvatъ восходит к иранскому прототипу, зафиксированному впервые в виде личного имени собственного $\text{Χοροα} \vartheta\omicron\varsigma$, $\text{Χοροα}[\vartheta\omicron\varsigma]$ греческой эпиграфикой II–III вв. н.э. в городе Танаис. В эпиграфике более западных городов античного Северного Причерноморья (Херсонес, Ольвия, Тирас) это имя не встретилось ни разу. Таким образом, название славянского племени и народа, ушедшего далеко на запад, к Адриатическому морю, получило толчок для возникновения на кавказской периферии, на нижнем Дону. Еще дальше на Кавказ ведет другой славянский этноним *sъrbъ, *sъrbi, внутриславянская этимология которого (сближение с гнездом слав. *pasъrbъ 'пасынок', укр. *при-сѣр-битися* 'примкнуть, присоединиться') нас не удовлетворяет. Давно известно наличие близких племенных названий в описаниях древнего Северного Кавказа, выдающийся чешский славист И. Добровский еще в начале

³² Diod. Sic., Bibl. XX, 25. Неоправданные сомнения в существовании этого названия см.: *Латышев В.В.* ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 171 сл.

³³ *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966. С. 140; *Анфилов Н.В.* Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 127 и сл.; *Крушкова Ю.С.* К вопросу об этногенезе синдов // Там же. С. 158, 161; *Она же.* Древняя Синдика. М., 1971. С. 43, 231 (см. рец.: *Жигунин В.Д., Шофман А.С.* // ВДИ. 1974. № 3. С. 166–168), БСЭ³. Т. 16 (М., 1974). С. 83–84; ст. "Меоты".

³⁴ *Klaproth.* Commentaire sur la Description des pays caucasiens de Strabon // Nouveau Journal Asiatique. Т. I. P., 1928. P. 302. Правда, Клапрот отождествлял меотов с аланами и осетинами, что не может быть сохранено.

XIX в. признал их тождество с названием балканских сербов, но в последующее время критика и скепсис в отношении этого сходства возобладали настолько, что кавказские данные теперь по большей части или обходят молчанием или характеризуют как "случайно похожие". А между тем проблема "античных сербов"³⁵, как ее можно было бы обозначить, явно нуждается в непредвзятом пересмотре в широком контексте данных. Речь идет прежде всего о сообщении Птолемея: "...между Керавнийскими горами и рекой Ра – ориней, валы и сербы (Σέρβοι)"³⁶. Сюда примыкает место из Плиния: "Начиная от Киммерия живут меоты, галы (Hali), серны (Sernis), серреи (Serrci)..."³⁷. Это место правят, опираясь на Птолемея (выше), следующим образом: "Начиная от Киммерия живут меоты, валы, сербы (Maotici, Vali, Serbi)"³⁸.

Полезно обратить внимание еще на одно место у Плиния, правда, без параллели у Птолемея, но без сомнения относящееся сюда же: "...ахеи, марды, керкеты, а за ними серры, кефалотомы" (...Achaei, Mardi, Cercetae, post eos Serrri, Cephalotomi)³⁹. По-видимому, и здесь можно читать *Serbi*. Интересны затем сразу два важных обстоятельства. Плиний вставляет этих сербов в конкретный перечень племен, поскольку известно, что керкеты, по распространенному заблуждению принимаемые за черкесов, – это греч. κερκέτης 'вид кормового весла', как бы второе прозвище меотского племени торетов, искусных в мореплавании⁴⁰. Соседство с ними сербов позволяет заподозрить здесь этническую близость, не говоря о довольно конкретной локализации неподалеку от северо-восточного побережья Черного моря (тореты жили примерно между Анапой и Новороссийском). Второе важное обстоятельство – глоссовый характер контекста у Плиния *Serbi, Cephalotomi*. Поскольку особый народ *Cephalotomi* на Северном Кавказе как будто неизвестен, мы позволим себе прочесть это место как *Serbi id est Cephalotomi* 'сербы, т.е. кефалотомы'. Здесь особенно чувствуется зависимость Плиния-компилятора от греческого источника, потому что он произвел неволью в народы греческое нарицательное слово, калькирующее предшествующий негреческий этноним, – κεφαλότομοι 'головорезы'. Прекрасную аналогию сознательного толкования иноязычного племенного названия посредством греческого слова κεφαλότομοι в чисто греческом тексте находим у Страбона, в рассказе о диком народе сарапаров по ту сторону Армении: ... τοὺς προσαγορευομένων Σαραπάρας, οὗον κεφαλότομους⁴¹. Σαραπάρας объясняется из иранского, ср. авест. *sārah-* 'голова', *par-* 'пронзать, разрезать'⁴². В названии народа

³⁵ Swoboda W. Serbowie starożytni // Słownik starożytności słowiańskich. T. V. Wrocław etc. 1975. С. 146.

³⁶ Ptol., Geogr. V. 17–25.

³⁷ Plin., NH VI, 19.

³⁸ Грекие і тацинские зрѣдѣла до најстаршихъ дѣйѣвъ Словян. Cz. I (до VIII вѣку). Прѣложиѣи органисѣвалъ М. Плезиа. Познаѣи; Кракѣвъ, 1952. С. 46. Издатель считает созвучие со славянским названием сербов случайным.

³⁹ Plin., NH VI, 16.

⁴⁰ Anon, Per. 65.

⁴¹ Strabo, XI, 14, 14.

⁴² Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. S. 423.

Serbi у Плиния мы видим двухчленное сложное *ser-bi* "кефало-τόμοι", ср. — в качестве параллели — др.-инд. *śiṛṣa-bhīdyā-* 'раскалывание головы' (Атхарваведа). Первый компонент этого этнонима близок др.-инд. *śiṛas* 'голова', а второй включает местный рефлекс и.-е. **bhej-* 'бить'. Любопытен индоарийский вокализм первого компонента названия *Serbi*, отраженный в виде переднего гласного *e, ε* (Σέρβοι у Птолемея, с вариантом Σίρβοι⁴³), в то время как для иранского характерна форма *sar-* 'голова', ср. упомянутое Σαρτάραι. Что касается второго компонента, то любопытно отметить, что продолжений и.-е. **bhej-* 'бить' практически не знают ни индоарийские, ни иранские языки, ср. др.-инд. *han-*, авест. *jan-* в этом значении. Сюда же относится хетт. *kuen-, kun-* и греч. *θεῖνω*. На этот раз изоглоссные связи древнего приазовского субстрата ведут к славянскому, ср. слав. **biti*. То, что глагольный корень **bi-* в синдо-меотских диалектах — определенная реальность, можно видеть по такому его специфическому производному как *bitiae*, глоссовое слово, локализуемое в Скифии и обозначавшее женщин, убивающих взглядом⁴⁴. Отметим и *-t*-расширение в *bitiae*, очень напоминающее славянское формообразование **biti, *bitь*. Закономерная родоплеменная стадия общественного развития неизбежно порождала как этнонимы-украшения, так и отпугивающие этнонимы ("кефалотомы"). Ныне славянский — этноним сербов, видимо, происходит из среды индоарийского (праиндийского) по языку населения Прикубанья и северопонтийских берегов, куда относятся древние племена синдов и меотов.

⁴³ Цит. по: Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837. S. 608, прим.

⁴⁴ Plin., NH, VII, 17; Jul. Solin., I, 101.

СЕРЕБРО*

Беловатый металл серебро вызывает мысль о блеске водной поверхности. Этот образ известен и близок нам сейчас в своем, так сказать, метафорическом виде (*речка блестит серебром*) и исторического интереса на первый взгляд не представляет. Однако факты истории номенклатуры серебра в различных языках говорят как раз о другом – об эвристической ценности для исторического языкознания этого образа, казалось бы, лишённого истории и всецело порождаемого поэтической речью наших дней, о том, что нынешний привычный образ ('вода как серебро') является как бы зеркальным отражением более древнего, исходного образа ('серебро как вода') и даже может использоваться для реконструкции этого последнего. Упомянув "зеркальность отражения", уместно вспомнить о самом зеркале, поскольку связь зеркала и серебра также многократно воспроизводится в истории человеческой культуры.

Задача этой статьи – попытаться выяснить происхождение названия серебра в русском и других славянских языках. Но для того, чтобы это осуществить, попробуем также проследить историческую взаимосвязь реалий и семем 'вода' – 'серебро' – 'зеркало', типологию называния серебра в различных языках. Разумеется, основу этимологии такого культурного термина как название серебра составит изучение межъязыковых и межкультурных контактов, хотя одной этой основы оказывается недостаточно для решения загадки такого темного слова как русск. *серебро*, при всей серьезности усилий, предпринимавшихся для этого рансе.

Общего праиндоевропейского названия серебра мы не знаем, да оно вряд ли и существовало, поскольку древнейшее знакомство с этим металлом не старше II–I тыс. до н.э. Можно говорить только о региональных названиях серебра, например греч. ἀργυρος, лат. *argentum*, др.-инд. *rajatá-*, авест. *arəzata-*, арм. *arcat'*, которые, как известно, восходят к и.-е. **arǵ-* 'светлый, белый' (греч. ἀργός, др.-инд. *arjuna-*)¹. Очевидно также, что в каждом из этих языков значение 'серебро' в данном случае развилось вторично, описательным путем, и это не обходилось без влияния одного языка на другой или на другие, напр., как полагают, древнеармянского в Закавказье и Восточной Анатолии, где с древности добывалось серебро, – на иранский, ареал которого был беден серебром ("silberarm"), а отсюда далее – на индийский². Это указание в совокупности со свиде-

* Впервые опубликовано: Восточнославянское и общее языкознание / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М., 1978. С. 95–102.

¹ Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago, 1949. P. 610–611.

² Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901. S. 764 и сл. ("Silber").

тельством древнеиндийского языка (ср. явную вторичность вед. *rajatám híraṇyam* 'беловатое золото', описательно – о серебре³) может пригодиться нам как косвенный признак того, что индоарийцы (праиндийцы) Северного Причерноморья еще не знали *rajatá-* в значении 'серебро'⁴. Вторичность такого употребления производного от и.-е. **arǵ-* видна и в кельтском, где галльское *argento-* четко сохранило первичное значение 'белый', 'светлый' и как таковое выступает в местных и водных названиях, ср. *Argento-dubrum*, букв. 'Белая вода'⁵. Эту общность определений серебра и воды полезно иметь в виду в дальнейшем.

Серебро (предмет и название) у славян пользуется неизменно пристальным вниманием со стороны историков и лингвистов-этимологов. Вопрос этот имеет уже давнюю традицию изучения, на которой здесь трудно останавливаться подробно. Достаточно кратко резюмировать достигнутые результаты, причем было бы небезынтересно сравнить наиболее типичные сводки современных разысканий по данной проблеме в истории и в этимологии.

Историки логично относят знакомство славян с серебром за счет контактов с другими народами, обращая внимание на то, что первые серебряные предметы на славянских территориях – это серебряные монеты (греческие, македонские, кельтские III–II вв. до н.э.); распространение серебра ставится в зависимость от вовлечения славянских земель в сферу римской торговли; накопление серебра ведет к развитию ювелирного дела, производства украшений; лишь к XII в. относится разработка месторождений серебра в Чехии и Силезии. К восточным славянам серебро ввозится из Чехии и Венгрии, т.е. с Запада⁶. Исторические исследования фиксируют довольно верно позднеантичные и средневековые отношения (вспомним хотя бы донесенные до нас Повестью временных лет слова Святослава о завоеванных им придунайских землях: То есть середа в земли моеи, яко ту вся блѣгая сходятся от Грекъ злато паволоки вина (и) оwoщеве разноличныя и-Щехъ же из Угоръ серебро и комони... Лавр. л. 67), но с помощью одних лишь исторических (и археологических) разысканий мы не сможем прочесть загадку славянского названия серебра, ключ к которой лежит в более глубоких хронологических пластах.

В сравнительном языкознании и этимологии распространена следующая (лингвистическая) модель воззрений на тему "серебро у славян": праслав. *sъrebro (ст.-слав. *сьребро*, болг. *сребрѡ*, сербохорв. *срѣбро*, словен. *srebrō*, польск. *srebro*, др.-русск. *сьребро*, русск. *серебро*) с вариантом **sr̥rebro* (чеш. *stříbro*, словц. *striebro*, укр. *срібло*) связано не совсем ясными отношениями с названием серебра в балтийских языках (лит. *sidābras*, лтш. *sidrabs, sudrabs*, др.-прусс. *sirablan*) и в германском (гот. *silubr*, др.-

³ Ibidem.

⁴ Эту форму праиндийцы могли усвоить на своем переднеазиатском пути в Индию. Ср. и давно замеченное отклонение др.-инд. *rajatá-*: ожидалось бы регулярное др.-инд. **arjata-* или **rjata-*.

⁵ Schrader O. Reallexikon der indogermanischen...

⁶ Tabaczyński S. Srebro // Słownik starożytności słowiańskich. T. V. Wrocław etc. 1975. С. 373–374 (с литер.).

в.-нем. *silabar*, нем. *Silber*). Эти явно связанные друг с другом слова не могут вместе с тем считаться общим праиндоевропейским наследием (ср. то, что было уже сказано о названиях серебра в индоевропейском) и не сводимы к сколько-нибудь непротиворечивой единой праформе. Заимствование друг у друга в пределах очерченного балто-славяно-германского ареала также не кажется вероятным, хотя речь идет, бесспорно, о культурном слове, а культурные слова заимствуются из языка в язык, постепенно охватывая значительные ареалы. Серьезные расхождения между славянским, балтийским и германским названиями серебра (включая значительные расхождения даже внутри балтийского, а также наличие слова как в западногерманской, так и в восточногерманской, готской, ветви) позволяют говорить о достаточно древнем возрасте слова, заимствованного из какого-то невыясненного источника, который ищут на Востоке или в Малой Азии⁷.

Таким образом, и историки, и лингвисты рассматривают серебро (предмет и название) у славян как контактное заимствование с той существенной разницей, что историки придают решающее значение находкам и влияниям, указывающим на Запад (сфера римской торговли), тогда как в свете лингвистических показаний это совершенно невозможно. К западу от германцев были кельтские земли, о ситуации с названием серебра там см. уже сказанное. Столь же нереальным были бы и собственно римские истоки балто-славяно-германских названий серебра. Не ставя под сомнение приведенных выше по-своему верных сведений историков и археологов, приходится все-таки признать их слишком частными, недостаточно релевантными и в целом поздними; балто-славяно-германские названия серебра относятся, конечно, к эпохе более ранней, чем III–II вв. до н.э. Единственное направление, в котором следует продолжать поиски источника этих названий, — это Восток или, вернее, Юго-Восток. Надо сказать, что лингвисты давно сознают эту необходимость, диктуемую также реальными условиями (ср. упомянутые бегло ранние разработки серебра в Малой Азии). При этом не все лингвистические находки обладают одинаковой ценностью. Так, сближение славянского названия серебра с известным еще Гомеру Ἄλύβη, названием понтийского города, прямо характеризуемого как "месторождение серебра"⁸, сомнительно, потому что зависит от ничем не обоснованной реконструкции *Σαλύβη. Не более надежен анатолийский архетип **subau-ro-* 'блестящий', от которого производит германские, балтийские и славянские названия М. Будимир⁹.

⁷ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III, М., 1971. С. 606 (с литер.); *Stang Chr.S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972. S.47. — Старая мысль о заимствовании из ассири. *šarrurim* противоречит устанавливаемой ниже праформе. В последнее время Э. Хэмил (*Hamp E.P. Lith. sidābras, OCS srěbro // Baltistica*. IX. 1. 1973. P. 57–58) предложил реконструировать "единую протобалтийскую форму" **sirabra-* которая, по нашему мнению, не может объяснить латышской формы, а также выдвинул славянскую праформу *serbro, которая недостаточно отражает отдельные соответствия славянских и других родственных языков. Первоисточник он реконструирует в форме **sirəbr-*.

⁸ Schrader O. Op. cit.

⁹ Будимир М. Грци и пеласти. Београд, 1950. С. 23; *Он же. Protoslavica // Славянская филология*. II. М., 1958. С. 113.

Из всех этих поисков в Малой Азии можно выделить только любопытную глоссу Стефана Византийского $\Sigma\beta\rho\omicron\varsigma$ ἀργύρεος ποταμός, т.е. 'Сибр – серебряная река', собственно – название одной реки в Ликии. На созвучие этого названия со слав. *šьrebro и т.д. уже обращали внимание (литературу см.: Фасмер. – Там же). Но полное отсутствие возможных связующих звеньев лишало это сближение каких-либо перспектив.

Весьма разнящиеся друг от друга формы германских, славянских и балтийских названий серебра позволяют догадываться о наличии некоторых взаимопереходов и допускать вторичность одних и соответственно – архаичность других форм. Прагерм. **silhr-* (из **sirhr-*?) и праслав. *šьrebro примыкают друг к другу и скорее всего являются преобразованиями какой-то более первичной формы. Сюда относится и др.-прусск. *sirablan*, которое, к тому же, могло быть заимствовано из одной из славянских форм (см. выше). Распределение консонантизма в лит. *sidābras* в принципе точно отвечает тому, что мы находим в праслав. *šьrebro. Описанная однородность черт, скорее всего, носит инновационный характер, и лишь стоящее особняком лтш. *sidrabs, sudrabs* наводит на мысль, что именно в нем представлен остаток древнего типа, существенно преобразованного во всех остальных упомянутых формах. Обособленность латышских форм еще не означает, что преобразования не коснулись их совершенно. Наблюдаемое здесь соседство смычных – благодатная возможность (или следствие) ассимиляций или диссимиляций. Тем не менее именно латышское название ближе стоит к праформе или архетипу, который мы могли бы попытаться восстановить как исходный для всех балтийских, славянских и германских форм (выше): **sibrap-/subrap-*.

Предлагаемая здесь реконструкция опирается, кроме внутренних ресурсов славянских, балтийских и германских форм названия серебра, на одно внешнее сравнение. Как и в некоторых других случаях с заимствованными названиями металлов, исследуемое нами название серебра восходит, по нашему мнению, тоже к местному названию. В порядке гипотезы мы возводим балто-славяно-германское **sibrap-/subrap-* к античному местному названию $\Sigma\beta\rho\iota\alpha\pi\alpha$, отмеченному Птолемеем (Ptol. Geogr. V, 8, 28). Другие варианты этого названия – $\text{Εβρ}\iota\alpha\pi\alpha$, $\text{Ε}\iota\rho\upsilon\alpha\pi\alpha$ ¹⁰ – выглядят как вторичная грецизация, особенно если принять во внимание довольно позднее время записи (II в. н.э.). Согласно Птолемию, $\Sigma\beta\rho\iota\alpha\pi\alpha$ – это город или селение на реке Ουαρβάνης 'Кубань'. Мысль о кубанском происхождении восточноевропейских названий серебра требует, конечно, серьезного и всестороннего обоснования, и мы постараемся по возможности аргументировать эту мысль, а равным образом несколько прояснить языковую и этническую принадлежность упомянутого названия на Кубани. В птолемеевском названии населенного места $\Sigma\beta\rho\iota\alpha\pi\alpha$ мы видим двусловное индоарийское (праиндийское) **śub(h)ri apa* 'светлая вода', ср. др.-инд. *śubhrá-* 'красивый, светлый', которое, кстати, не имеет соответствия в иранском. Древнеиндийское слово представляет собой сатэмный рефлекс и.-е. *kubhros. Наряду с Сибриапой Птолемей приводит еще

¹⁰ См.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 240.

несколько названий городов на реке Вардан: *Σκόπελος*, *Σούρουβα*, *Κορουσία*, *Σεράκα* (вар. *Σαράκα*). Из них по крайней мере два можно считать принадлежащими языку местного индоарийского населения; такова *Σούρουβα* < и.-е. **sūr-* 'кислый' и одного из местных вариантов и.-е. **amb-/ap-/up-* 'вода, река' (ср. недалекий *Μαρούβιος / Μαράβιος*, этимологически – 'мертвая вода', приток Меотиды – Азовского моря), откуда *Σούρουβα* = "Кисловодск", ср. этимологически близкое иллир. *Syrap-illi*¹¹. Индоарийским может быть, далее, сочтено название *Σεράκα / Σαράκα*, суффиксальное производное от корня, тождественного др.-инд. *sar-* 'течь, бежать'. Неиранскую, вероятнее всего – индоарийскую (праиндийскую) языковую принадлежность удостоверяет, помимо отдельных исключительных изолексных связей (см. с. 79 относительно *Σίβρι-; śubhrá-*), такая яркая фонетическая черта, как сохранение и.-е. *s-* этимологического, что мы имели возможность выявить и на ряде других примеров, занимаясь следами языка синдов и других меотских племен, населявших в древности Прикубанье и Приазовье¹². В подкрепление реальности существования формы *Σίβριάτα*, а также ее индийских связей можно сослаться на упоминаемое тем же Птолемеем название города *Σίβριον* в Индии (Ptol. VIII. 1, 76), точная локализация которого (как, впрочем, и целого ряда других мест в Индии, называемых античными авторами) пока неизвестна¹³. Наличие *Σίβριάτα* в меотском Прикубанье и близкого *Σίβριον* в древней Индии позволяет как бы по-иному взглянуть на упомянутое ранее малоазийское *Σίβρος*. Последнее ввиду перевешивающего характера индийских, индоарийских ассоциаций могло оказаться импортированным извне. В этой связи любопытно обнаруженное недавно проникновение др.-инд. *śubhrá-* 'блестящий' в числе других индоарийских языковых элементов в Переднюю Азию, ср. вероятное его отражение в личном имени собственном *Šu-up-ra* в алахских текстах Северной Сирии¹⁴.

Чем объясняется распространение названия одного из меотских городов так далеко на север и на запад и притом в функции обозначения серебра? Случайна ли при этом этимологически вскрываемая внутренняя форма *Σίβριάτα* = 'светлая вода'?

Древнее серебро на Кубани и Северном Кавказе – это узловая культурно-историческая проблема, которая трактуется до сих пор противоречиво. Современная историко-археологическая наука прямо указывает на отсутствие местной добычи серебра на Кубани и на Тамани в отличие от Закавказья и северо-восточной Малой Азии¹⁵. Вместе с тем известен факт скопления огромного количества привозного серебра именно на Боспоре¹⁶. Главный город Боспора Пантикапей чеканил серебряную

¹¹ Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. I, Wien, 1957. S. 325.

¹² См. статью О синдах и их языке. С. 31, 33.

¹³ Pape W., Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. II. Graz, 1959. S. 1380; McCrindle J.W. Ancient India as described by Ptolemy. Calcutta, 1927. P. 168.

¹⁴ Mayrhofer M. Indo-iranisches Sprachgut aus Alalah // Indo-Iranian Journal. Vol. IV. Nr. 2–3. 1960. S. 142.

¹⁵ Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // Советская археология. XXI. 1954. С. 305.

¹⁶ Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 67.

монету начиная с середины VI в. до н.э.¹⁷ И в догреческие времена Прикубанье было крупнейшим торговым путем и являлось для населения более северных стран источником, в частности, изделий из серебра. Значительная часть металлических изделий более северных групп скифской культуры происходит из Прикубанья¹⁸, которое во многих случаях, например в VII–VI вв. до н.э., посредничествует в импорте из Передней Азии на север¹⁹. Важнейший вид изделий из серебра для этого региона в античную эпоху, по-видимому, – зеркала. Они были в ходу у меотов Прикубанья, судя по известной находке серебряного зеркала в меотском Келермесском кургане на Северном Кавказе²⁰, а также в других районах Кавказа, о чем может косвенно свидетельствовать тот факт, что серебряные зеркала распространились в Риме при Помпее (1-я пол. I в. до н.э.)²¹, который, как известно, воевал на Кавказе. Упомянутое накопление серебра на Северном Кавказе и пролежавшие здесь пути ввоза нашли отражение и в позднейших традициях и связях. Следует в свете наших задач особо подчеркнуть, что и в Приднепровье VII в. н.э. встречающееся в изобилии серебро появилось там путем торговых контактов с Востоком²². Так, надо думать, родилась иллюзия, а следом за ней и предание о богатой добыче серебра на Северном Кавказе, встречаемое позднее у средневековых арабских путешественников²³, в преданиях о генуэзцах²⁴, черкесах²⁵, в сообщении географа XVIII в. Тунмана о каком-то загадочном племени бургтани, или бриттани, живущем к северу от Кубани, отличающемся от черкесов и от ногайцев, свободном, оседлом и имеющем "в изобилии серебро и медь"²⁶.

Таким образом, у истоков праславянского, прабалтийского и прагерманского названий серебра этимологически вскрывается предположительное индоарийское (праиндийское) местное название **sub(h)ri apa* 'светлая вода', значение которого удивительно перекликается с этимологическим значением 'светлый' названий серебра в армянском, греческом, латинском и некоторых других языках. Причина может корениться в реальном свойстве обозначаемого предмета, что, однако, вовсе необязательно

¹⁷ Там же.

¹⁸ Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л., 1947. С. 42.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса. с. 281 и сл.; Анфимов Н.В. Курганы рассказывают. Краснодар, 1972. С. 43 и сл.; Блаватский В.Д. О боспорском ремесле IV–I вв. до н.э. // Советская археология. XXIX–XXX. 1959. С. 51, сн. 40.

²¹ Wallis M. Dzieje zwierciadła i jego rola w różnych dziedzinach kultury. Łódź, 1956. S.24.

²² Schramm G. Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973. S.150.

²³ D'Ohsson M.C. Des peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans le dixième siècle ou voyage d'Abou-el-Cassim. Paris, 1828. P. 43.

²⁴ Фабр А. Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамани. Одесса, 1861. С. 96.

²⁵ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 115.

²⁶ Тунман. Крымское ханство (пер. с нем. изд. 1784 г.). Симферополь, 1936. С. 74. – С этим этнонимом перекликается равным образом неясное название в перечне боспорских городов – Britani, Abritani у Равеннского Анонима (IV. 3; V, 10).

но²⁷. Поэтому нельзя абсолютно исключать причины ареально-контактного порядка, учитывая также известную близость северокавказского и закавказско-переднеазиатского ареалов и направление культурных влияний из Малой Азии в Северное Причерноморье. Детали пока остаются неясными и при изложенной гипотезе, что не должно удивлять в этом непростом вопросе: сказалось ли влияние семантической инновации *arg- 'светлый' → 'серебро' в Восточной Анатолии также на изменении значения северокавказского индоарийского *sub(h)ra- в том же направлении (ср. Σίβρος· ἀργύρεος ποταμός!) или здесь имеет место более свободный параллелизм всей конструкции? Отнюдь не стремясь изолировать северокавказский ареал от упомянутых весьма правдоподобных и интересных в плане сравнительного языкознания влияний, мы не можем исключить возможной самобытности местной конструкции Σιβρίατα '*светлая вода' (или уже '*серебряная вода'? ср. выше *Сибр*, 'серебряная река' в Ликии).

Подобно тому как европейские ученые середины XIX в., открыв новый способ производства зеркал покрытием стекла тонким слоем серебра с обратной стороны²⁸, лишь своеобразно (зеркально) повторили древнюю практику нанесения слоя серебра на зеркало с лицевой стороны, в славянском названии серебра еще живет (зеркально преломленная) древняя метафора-сравнение со светлой водной поверхностью, долгое время бывшей и единственным зеркалом человека древности.

²⁷ Например, достаточно старое название серебра в финских языках – фин. *hopea* и др. – родственно словам со значениями 'мягкий', 'гибкий' (Toivonen Y.H. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I. Helsinki. 1974, P. 81).

²⁸ Wallis M. Dzieje zwierciadła. S. 16. 59.

ТАВРСКИЕ И СИНДОМЕОТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ*

Начавшись с выявления следов языка собственно синдов и ближайше родственных им меотов восточного Приазовья, наши исследования постепенно расширили (и, вероятно, не могли не расширить) свою территорию, охватив северный берег Азовского моря, где также жили меоты, согласно Плинию, далее – земли на север от Крыма (Scythia Sindica, Плиний), включая низовья Днепра и Буга (Южного), а главное – собственно Крым, античная Таврида, Таврические горы и отгороженный ими южный берег полуострова и на этот раз подтвердили свою репутацию зоны реликтов, которой они пользуются, например, в климатологии и биологии. Проблема тавров и их языка из периферийной для нашего исследования выросла в центральную. При этом дело не просто в умозрительном праве этой проблемы на центральное положение, а в том, что здесь еще можно выявить некоторые следы и отражения, вопреки распространенному пессимистическому мнению на этот счет. Сказанное объясняет замысел статьи и наличие в ней соответствующих этюдов.

Иранцы (скифы, сарматы) затем почти полностью освоили все эти районы от Днепра и Буга до Северного Кавказа. Дольше других иранской экспансии в силу ряда причин противостояли тавры, как бы сохраняя драгоценную для исследования память об ином этническом составе всей зоны. И тут, как и на Ближнем и Среднем Востоке, между индоарийцами и иранцами наблюдается южно-северное распределение и временная последовательность, которая позволяет видеть в индоарийцах **старых ариев**, на смену которым приходили новые арии – иранцы. Конечно, в нижеследующей серии заметок оказалось возможным коснуться только части названных проблем. Написанные на локальном, а иногда – экзотическом материале, заметки эти при малейшей возможности связывались с проблемами более общего значения, как например этюд об отражении древнего названия Крымских гор (а также к вопросу о типологии названия гор вообще), которым мы начинаем статью.

I. *salā 'сток, склон' > '(Таврические) горы'

Может считаться доказанным, что ни этноним Ταῦροι 'тавры', ни название гор в Крыму Ταυρικὰ ὄρη не были туземными названиями, но происходят так или иначе из греческой культурной традиции¹. Каким же было древнее туземное название и в состоянии ли мы его установить при

* Впервые опубликовано: *Этимология*. 1977. М., 1979. С. 127–144.

¹ Ср.: *Толстой И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 144; *Соломоник Е.И.* Таври і Тавріка (Про походження етноніма і топоніма) // *Археологія* 20. Київ, 1976. С. 46 и сл.

наших нынешних скудных знаниях древних этнолингвистических отношений на Крымском полуострове? По-видимому, для этого нам придется оставить основу *taur-* по упомянутой причине совершенно в стороне и обратиться от античности к эпохе христианства. Это представляется методологически интересным и оправданным как раз в целях достижения древних данных, заслоненных античной традицией: раннее и средневековое христианство, хотя и восприняло многое из античной культурной традиции, не переняло и не могло перенять всего, а миссионерская деятельность и политика поставили христианский культурный мир в такие новые непосредственные отношения с периферийным язычеством, при которых неизбежно — а хронологически и весьма поздно — могла всплыть дотоле неизвестная древность или, по крайней мере, ее косвенное отражение. Наша задача — воспользоваться такими свидетельствами.

Обращает на себя внимание обозначение значительной части южного Крыма через греч. κλίματα, буквально 'склоны' (κλίμα, -τος — производное от κλίω 'склонять, наклонять'), встречаемое, например, у Константина Багрянородного (X в.): ...τὴν Χερσονῶνα καὶ τὰ λοιπὰ κλίματα². Специфическое употребление этого термина применительно к Крыму вполне ощущается исследователями-историками, которые избегают переводить его как 'область' или '(географическая) широта', но сохраняют без перевода, говоря о Климатах или Готских Климатах в Крыму. Существует мнение, что два историко-географических понятия — (Крымская) Готия и Климаты — территориально совпадают³. Правда, поскольку Крымская Готия определяется как пространство, занимаемое Крымскими горами от Балаклавы до Судака, включая южное побережье⁴, т.е. не что иное, как область древних тавров, в которой готы распространились лишь вторично и поверхностно, с неменьшим правом можно сделать важный вывод, что область расселения тавров и прежде всего — Крымские горы — совпадают территориально с Климатами (τὰ κλίματα). Первоначальное употребление греческого названия κλίματα основано, конечно, на его прямом значении 'склоны', что дает право предположить существование туземного названия, переведенного этим греческим словом.

В географической номенклатуре современного и средневекового Крыма повторяется несколько раз основа *Sal-*, *Сал-*, *Сала*, явно приуроченная к Крымским горам. До недавнего времени в Бахчисарайском, Карасубазарском и Симферопольском районах отмечались населенные пункты с названием *Сала* (точнее *Ени-Сала*)⁵, едва ли объяснимым из крымскотатарского или турецкого языков, ср. в Камеральном описании Крыма 1784 г. — *Енисала*, *Феттах Сала* (неоднократно) и *Коджа Сала* в Мангупском округе и *Енисала* — в Карасубазарском⁶. Тюркское проис-

² Porphrogenitus Const. De administrando imperio. Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Budapest, 1949. P. 168 (37, 107⁵).

³ Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. Т. V. Л., 1927. С. 233.

⁴ Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. Т. I. Л., 1921. С. 334.

⁵ Список населенных пунктов Крымской АССР. Симферополь, 1927. С. 10, 84, 132.

⁶ Камеральное описание Крыма 1784 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии № 6. Симферополь, 1888. С. 41, 42, 48.

хождение этой топонимической основы маловероятно ввиду наличия примыкающих сюда и тоже тесно связанных с районом Крымских гор названий *Салгур*, *Salusta* (XII в., Идриси, соврем. *Алушта*), *Солхат*, которые все требуют специального рассмотрения (см. ниже).

Объединяющая их основа восходит, как мы полагаем, к и.-с. **sal-* 'течь, текущая вода', старому дублету и.-с. **ser-* 'течь, бежать', ср. др.-инд. *sará-* 'жидкий, текучий', 'подвижный', (субстантивированное) 'водопад'; вообще по своим фонетическим особенностям больше всего подходит древнеиндийский с его глаголом движения *sar-*, представленным также в *-l*-варианте. Из других индоевропейских ср. др.-прусс. *salus* 'дождевой поток'. И.-с. **ser-*/**sal-*, обозначающее быстрое движение прежде всего потока воды, неплохо подходило и для обозначения самого склона, служившего стоком. Присутствующий при этом синкретизм элементарен и не требует разъяснений сегодня; тем более естественным было это слияние обозначений в глазах давних жителей не очень богатых водой долин и равнин, для которых склоны ближайших гор были главными подателями и стоками влаги. Таким путем получает простое и натуральное объяснение младоавест. *harā*, остававшееся неясным для Бартоломэ⁷. Исключительно интересно употребление этого корня в иранских оронимах, напр. *Эльбрус*, *Эльбурс* из ср.-перс. *Har-burz*, сюда же авест. *Xara-bərəzaiī*. Замечательно то, что ввиду ранней утраты апеллятивного значения иран. *harā* авестийское выражение *Xara-bərəzaiī* толкуется в литературе просто как 'высокая Хара', причем интересующая нас часть оставляется без перевода, тогда как мы не видим препятствий для прочтения 'высокий (водо)сток'. Мои западногерманские коллеги проф. О. Семереньи и проф. Г. Шрамм, которым я сообщил устно свою мысль о происхождении необъясненного до сих пор авест. *Xara-bərəzaiī*, решительно возражали против этого, так как обозначение горы от первоначального 'течь, поток' казалось им лишенным подтверждающих аналогий. Изложенные выше соображения, как мне кажется, могли бы показать, что их опасения преувеличены. Еще Аристотель указал на то, что именно обширные плотные массы гор с прохладным воздухом могут накапливать и производить особенно много воды (Aristot., Meteor. I. 14. — Цит. по изд.: Aristoteles. Werke. Bd. 12. Herausg. von E. Grumach. Berlin, 1970, S. 37). К этому можно добавить следующее. Известно, что значение 'гора' относится к числу сложных и вторичных значений; считается, что оно развилось на базе таких простых, первичных значений как 'высокий, поднимающийся, выступающий', 'куча, груда'⁸. В качестве исходной базы для значения 'гора' синонимический словарь Бака приводит также значения 'склон' (лат. *clivus* 'склон' и 'холм', гот. *hlains* 'холм', родственные лат. *clīnāre*, греч. κλίω 'наклонять') и 'скользить' (др.-ирл. *sliab* 'гора', родственное др.-в.-нем. *slīfan* 'скользить'). Целесообразно считать, что старая лексема со значением 'гора', относительно семантической эволюции которой мы не располагаем данными, еще недостаточно исследована

⁷ *Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch 1787–1788: "Et.?"

⁸ *Buck*. P. 23 и сл.

семантически. Таким недостаточно исследованным случаем лексемы гора является, по-видимому, др.-инд. *giri-*, авест. *gairi-*, слав. *gora* – все со значением ‘гора’ и общей реконструкцией и.-е. **g^her-*, **g^hor-* ‘гора’⁹ (положения не меняет сближение с семантически вторичными соответствиями алб. *gur* ‘камень’, лит. *giriā* ‘лес’). Типично именная семантика здесь странно сочетается с типично глагольным (или отглагольным) вокализмом корня **g^hr-*: **g^hor-*; едва ли здесь представлен неапофонический корневой гласный *-o-*, судя по чередованию с нулевой ступенью. Как известно по лучшим образцам семантической реконструкции, общее этимологическое происхождение двух внешне совершенно не связанных рядов форм можно установить по общей позиции нейтрализации. Такой позицией нейтрализации для и.-е. **g^hor-* ‘гора’ является и.-е. **g^hriūā-*, относимое некоторыми учеными только к гнезду ‘гора’ (ср. авест. *grīvā* ‘горный перевал’, перс. *garīva* ‘холм’), а другими относимое только к корню и.-е. **g^her-* ‘глотать, поглощать и т.д.’, (ср. др.-инд. *grīvā* ‘затылок’, перс. *girē* ‘шея’, слав. *grīva* ‘волосы на шее’, лтш. *grīva* ‘устье реки’). Как всегда, позиция нейтрализации доставляет много хлопот ученым, причем первые (см. выше) вынуждены отрицать связь **g^hrīvā* с **g^her-* ‘поглощать’, а вторые обходят молчанием связь **g^hrīvā* и **g^hor-* ‘гора’. А между тем разумнее признать, что перед нами единая цепь этимологически родственных форм; нужно лишь логично объяснить при этом природу значения ‘гора’. Никого не удивит определение вулкана как горы, извергающей огонь, однако реконструируемое нами значение ‘гора’ < ‘извергающая воду’ является в сущности гораздо более универсальным и его манифестация в случае с и.-е. **g^hor-*, слав. *gora* также не должна удивлять (глагольная основа **g^her-* выступает здесь в значении ‘испускать, извергать через уста’).

Затемненный характер вышеупомянутого ир. *harā* (*Harā-bərəzaitī*) объясняется также отсутствием индийского эквивалента. Но, не располагая полным эквивалентом, древнеиндийский материал все-таки обнаруживает отдельные и по-своему очень интересные соответствия. Мы считаем таковым др.-инд. *sāra* в составе сложения *Pilu-sāra*, название горы (NB:); кстати, эта гора называлась еще *Pilu-giri*¹⁰.

Древнее туземное **salā* в Тавриде оказывается самобытным архаизмом индоарийской принадлежности (сохранное *s* этимологическое). Предложенная выше этимологическая увязка др.-инд. *giri* ‘гора’ с и.-е. **g^her-* ‘пожирать/извергать через уста’ позволяет по-иному взглянуть на наличие в древней Индии, наряду с названиями гор на *-giri*, именно названий рек с этим компонентом: *Candanagiri*, река в Южной Индии, *Aniyāgirā*, река в Центральной Индии¹¹. Все изложенное выше дает возможность полного этимологического осмысления названия самой большой реки Крыма, берущей начало в Крымских горах – *Салгир*, также *Ca-*

⁹ Pokorny I. S. 477.

¹⁰ Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary. New edition. Oxford, 1964. P. 630.

¹¹ Law B.C. Rivers of India (historico-geographical sketch). Calcutta, 1944. P. 40, 51.

лгирь¹²: из индоарийского *sal-gir(i) 'низвергающаяся с гор Salā'. Обращает на себя внимание индоарийский (древнеиндийский) рефлекс нулевой ступени и.-е. *gʰr-: gir-. Малоубедительны существующие тюркские этимологии этого гидронима, неизвестного за пределами Крыма, где появление тюркского элемента в ономастике всегда вторично, тогда как другие (т.е. дотюркские) названия этой реки в данном случае попросту отсутствуют. Таково объяснение гидронима *Салгир(ь)* из племенного названия среднеазиатских туркмен *Салур*, *Салвур*, *Салыр*, *Салор*, *Салгыр*¹³, далее – толкование из причастной формы глагола *salmaq* 'бросать', 'пускать', 'расстлать'¹⁴, наконец, этимология В.И. Филоненко, который выделяет здесь тюрк. *кыр*. 'степь, горный склон, урочище', но одновременно допускает субстратное, дотюркское происхождение части *Сал*-¹⁵. Последнее, пожалуй, ближе всего к истине.

Нетюркский, автохтонный характер названия *Салгир* убедительно явствует из предлагаемой ниже этимологии названия Алушты, точнее – древней формы этого названия: *Salusta*, 1153 г., Идриси, также *Schalusta* у Географа Нубийского¹⁶. Но прежде чем обратиться к этимологии, поучительно будет посмотреть на географическую карту этих мест: истоки реки Салгир и Алушта, вернее Алуштинская долина, близко граничат друг с другом, как бы подтверждая наличие общности у самих названий *Сал-гир* и *Sal-usta*. Повторяемое некоторыми краеведами объяснение названия *Алушта* из местного греческого диалекта ('неумытая')¹⁷ нельзя, конечно, считать подлинной этимологией первоначальной формы *Salusta*. Мы членим последнюю в соответствии со сказанным выше как *Sal-usta*, где первый компонент – реконструируемое название Крымских гор **Sal(a)*, а второй связан с индоевропейским названием уст, рта, ср. др.-инд. *oṣṭha* 'губы, уста'. 'Устье (гор) *Salā' – это этимологическое значение названия *Salusta* = *Алушта* как нельзя лучше соответствует характеру местности: "Главная дорога из степной части Крыма за горы и к морю пролегает мимо Симферополя, вверх по Салгиру и через Ангарский Богаз в Алуш-

¹² Wörterbuch der russischen Gewässernamen unter der Leitung von M. Vasmer herausg. von H. Bräuer. Lief. 10. Berlin: Wiesbaden, 1967. S. 156.

¹³ *Навишванов З.Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму // *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*. Т. III. Симферополь, 1929. С. 80; *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 364.

¹⁴ См., вслед за Шапшалом: *Abrahamowicz Z. Hadży Mehmed Senai z Krymu. Historia Chana Islama Gereja III / Wyd. Abrahamowicz. Warszawa, 1971. С. 40, примеч. 81.*

¹⁵ *Филоненко В.И.* К вопросу этимологического анализа тюркских гидронимов Крыма // – Учен. зап. Пятигорского пединститута иностранных языков. Т. 28. Ставрополь, 1963. С. 132.

¹⁶ *Кенен П.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 104, сноска, 183–184.

¹⁷ *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // *Записки имп. Одесского общества истории и древностей*. Т. XXXII, 1915. С. 242–243; *Маркевич А.И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический источник // *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*. Т. II. Симферополь, 1928. С. 20.

ту¹⁸. Членение *Sal-usta* и выделение основы **usta/*ōsta* находит поддержку в античном названии *Parosta* (Plin. NH), *Παρόστα* (Ptol. 3, 6, 5), города приблизительно локализуемого при впадении реки Карасу справа в Салгир. Надо сказать, что эта условная локализация подтверждается структурой самого названия, которое можно проэтимологизировать как **par-osta* 'за устьем', возможно, индоарийского происхождения. По всей долине Салгира от Салусты до Паросты, очевидно, сидел один и тот же этнос или во всяком случае близкие племена.

Завершая обзор следов туземного названия Крымских гор **Salā*, упомянем еще один возможный реликт такого рода **salgat-*, предположительно восстанавливаемый на основе названия *Солхат*, в древности обозначавшего город Старый Крым, крупнейший в средневековом Крыму и как бы стоявший на подступах к горному Крыму с востока. Название *Солхат*, встречаемое в XIV в., восходит, видимо, к более древней эпохе и, судя по употреблению, является для татар чужим¹⁹. Если не считать неудачной попытки армянской этимологии²⁰, это до сих пор не объясненное название можно было бы понять как сложение **Salā* (см. выше) и формы, близкой к др.-инд. *gātú* 'путь, доступ', ср. *Pal-ghat*, название перевала в Индии.

II. **pravīn(a)* - 'раздавленный, поверженный'

Житие св. Стефана Сурожского, особенно эпизод с его посмертными чудесами, получило большую известность в русской истории и истории самого русского имени: какой-то князь именем *Бравлин* с русской ратью из Новгорода (вар. из русского Новгорода) повоевал землю от Херсона до Корчева и Сурожа. Это было спустя немного лет после смерти святого, т.е. едва ли позже 800 г. Последний момент хронологии, а также то обстоятельство, что местом действия был Крым, очень смущало одних ученых, а других – вдохновляло на смелые построения. Даже если считать с довольно ранним восточнославянским присутствием на берегах Черного и Азовского морей, поход новгородцев против византийских владений в Тавриде в то время маловероятен; столь же маловероятно это с разных точек зрения (около 800 г.!) и относительно варяжских дружин (считать упоминание о Новгороде позднейшей вставкой – тоже не лучший выход из положения). Предполагать в этой русской рати каких-то причерноморских германцев, как это делали некоторые исследователи, значило решиться на акт отчаяния. Скорее всего, однако, мы имеем здесь дело с каким-то другим Новгородом и каким-то особым, местным употреблением имени *русский*, причем и то и другое – в пределах Крыма. Очень перспективное отождествление "русского Новгорода" с Неаполем

¹⁸ Кеппен П. Указ. соч. С. 326.

¹⁹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 75; *Старокадомская М.К.* Солхат и Каффа в XIII–XIV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 164.

²⁰ Якобсон А.Л. Крым в Средние века. М., 1973. С. 105.

Скифским близ нынешнего Симферополя²¹ проливает свет на оба кардинальных вопроса и показывает локальный характер этих военных действий: по одну сторону – прибрежная полоса византийских владений, а по другую – сложный к тому времени этнический конгломерат, населявший горный и предгорный Крым. Кто были эти литературные тавроскифы и достаточно ли констатировать для этих мест и этого относительно позднего времени преимущественно аланское население? Ввиду скудости и двусмысленности письменных свидетельств возрастает значение этимологии, в данном случае этимологии имен, которая выхватывает прежде неизвестные подробности из тьмы раннего средневековья Тавриды. Но сначала обратимся к интересующему нас месту жития:

В приходе ратию к Сурожу князя Бравлина из Великого Новаграда. По смерти же святого мало лѣтъ минуоу. прииде рать велика роусскаа из Новаграда князь Бравлинъ силенъ зѣлш. плѣни шъ Корсоуна и до Корча. съ многою // силою прииде к Соурожу. за 10 днѣй бишася злѣ межоу себе, и по 10 днѣй вниде Бравлинъ, силою изломивъ желѣзнаа врата. и вниде въ градъ. и земъ мечь свой. и вниде въ церковь въ святую Софію. и разбивъ двери и вниде идѣже гробъ святого. а на гробѣ царское шдѣало и жемчюгъ и злато и камень драгый, и кандила злата. и съсудовъ златыхъ много, все пограбиша. и в томъ часѣ раз'болѣся. шбратися лице его назадъ, и лежа пѣны точаше. възпи глаголя, великъ человѣкъ святъ естъ иже зде. и оудари мя по лицу, и шбратися лице мое назадъ. и рече князь боляромъ своимъ. шбратите все назадъ что есте взяли. шни же възвратиша все. и хотѣша и князя пояти шттуду. князь же възпи, глаголя. не дѣйте мене да лежу, **изламати бш мя хоцетъ** единъ старъ святъ моужь. **притисну мя**, и душа ми изити хоцетъ, и рече имъ, скоро выженѣте рать изъ града сего. да не възметъ ничтоже²².

Загадочное имя князя, которое пробовали производить даже от шведского местного названия *Bravalla*²³, утратит свою загадочность, если мы в соответствии с указаниями контекста, специально выделенными нами выше, обратим внимание на близость имени *Бравлин* и др.-инд. *pravlīna*- 'раздавленный, поверженный, свалившийся'²⁴, регулярного префиксально-суффиксального отглагольного производного (*pra-vlī-na*-).

Как отмечает исследователь Жития св. Стефана Сурожского В.Г. Васильевский, русское подробное житие, включая эпизоды посмертных чудес, есть вероятный перевод с греческого²⁵. Это отразилось, как нам кажется, и на форме имени, которая передает не столько туземное (видимо, таврское) **pravlīn(a)*-, сколько греческую запись *Βραβλινος с проведе-

²¹ См. *Соболевский А.И. Топонимические заметки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III. Симферополь. 1929. С. 1; Трубочев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6. С. 28.*

²² *Васильевский В.Г. Труды. Т. III. Пг., 1915. С. 95–96.*

²³ См., вслед за Н.Т. Беляевым: *Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 280.*

²⁴ *Monier-Williams M. Op. cit. P. 694.*

²⁵ *Васильевский В.Г. Указ. соч. С. ССLXXI.*

нием в последней ассимиляции согласных. Эпизод, несомненно, имеет историческую или фольклорно-историческую основу. Прежде чем таврический сугдейский грек записал его, этот рассказ, вероятно, ходил в устной форме. В нем отражено действительное событие – осада, взятие Сугдеи неким тавроскифским вождем, с которым при этом случился припадок, стоивший ему потом прозвища. Это прозвище греческий автор, а, возможно, и те, кто ему рассказывали, приняли за имя. То, что это прозвище малым штрихом и вместе с тем столь недвусмысленно характеризует этническую принадлежность князя и его среды, трудно переоценить.

III. *čikita- '(письменный) знак'

Недавней заменой названия поселка *Никита* в Крыму названием *Ботаническое*²⁶ стерт еще один след догреческой древности. Мы говорим – догреческой, потому что общеизвестный и "понятный" из греческого вариант *Никита* (νικητής²⁷) отнюдь не является наиболее ранним и наиболее авторитетным этимологически, вопреки принятому мнению²⁸. Наиболее первоначальной формой является зафиксированное в гунезских списках Кафы пятисотлетней давности *Sikita*²⁹, как раз непонятное из греческого³⁰. Собственно говоря, форма *Sikita* в гунезских документах восходит к греческому письменному оригиналу, имевшему скорее всего вид *Σικίτα, но эта последняя форма уже совершенно непрозрачна и объектом серьезного этимологического исследования еще не была.

Выше Никиты расположено плато или часть крымской Яйлы – верхняя Никита или Никитская Яйла, "...на Яйле, при дороге из Никиты в Бююк Ёзёнбаш, есть урочище, называемое Грамата, или по-татарски: Язлы (и Язды-) Таш, т.е. камень с надписью. Татары, видевшие оный, сказывали мне, что тут есть на камне надпись, строки в две, не татарская, но вероятно френкская (татары так именуют народ, обладавший некогда Южным берегом). Эта надпись, если действительно существует, вероятно, новогреческая"³¹. Надписи больше нет, в чем я убедился лично, посетив в апреле 1977 г. территорию Ялтинского лесничества и урочище

²⁶ Мера тем более неудачная, что рядом находится всемирно известный Никитский ботанический сад, получивший в XIX в. название именно по деревне *Никита*.

²⁷ Греч. νικητής 'победитель в играх' засвидетельствовано в поздних надписях, а в функции имени деятеля 'победитель' широко употреблялось прич. прош. аор. ὁ νικησας, употребительность которого делала как раз излишним чистое имя деятеля от этого глагола (см.: *Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Т. III. Paris, 1974. P. 754).

²⁸ См. напр.: *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII. 1915. С. 242–243.

²⁹ Там же. с. 230.

³⁰ Другая греческая этимология – из Σικίτα от σίκκος (так см.: *Маркевич А.И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. II. Симферополь, 1928. С. 22; Σικίτης < σίκκος см.: *Белецкий А.А.* Греческие элементы в географических названиях Крыма // Этимология. 1967. М., 1969. С. 206) тоже неубедительна.

³¹ *Кенен П.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 22.

Грамата; но она определенно существовала, потому что мне точно показали на Грамате, у старой заброшенной дороги, одиноко стоящий, отдаленно напоминающий стелу, но совершенно выщербленный камень-песчаник, на котором прежнее поколение лесников еще помнило непонятную надпись желтой краской³². Надпись безвозвратно утрачена, и остается неясным, была ли она древняя или относительно нестарая, как можно заключить по некоторым преданиям. Здесь остается ждать помощи только от этимологии и ономастики. Грамата (название *Язлы-таш* сейчас не в ходу) – довольно большое пространство земли, скал и леса, и то, что оно получило свое название по одной надписи, говорит о значительности этого факта, а главное – о давности его. *Грамата*, *Язлы-таш*, *Язылыкая*³³ или "писаницы" – так обычно называет местное население письмена, дошедшие или оставшиеся от другого, неизвестного народа. Греческое и татаро-турецкое население Крыма тесно общалось друг с другом и было охвачено двуязычием. Во всяком случае о неизвестности тут говорить не приходится. Тем не менее, след забытого древнего местного населения дошел до нас в виде названия *Sikita*, которое оказалось прочнее, чем камень и выкрошившаяся надпись на нем. Принадлежала ли эта надпись таврам или не принадлежала, что вполне возможно, была ли это вообще надпись или какие-либо дописьменные примитивные знаки вроде тех, которые известны из других мест Северного Причерноморья (вспомним то, что отсталые и замкнутые тавры едва ли могли иметь письменность или даже нуждаться в ней), остается фактом преемственное наличие и повторение в этой местности названия 'надпись', 'камень с надписью'. Эту традицию греки и турки переняли здесь у более древних туземцев, которыми могли быть только тавры, языку которых, очевидно, принадлежало название *Sikita*, не читающееся ни по-гречески, ни по-татарски. Форма *Sikita*, или вернее *Σικита передает со всей ограниченностью возможностей греческого консонантизма, как мы думаем, таврское (индоарийское) *čikita- 'знак, обозначенное', ср. др.-инд. *cikit*, прилаг. 'знающий, опытный', также личное имя собственное *Cikita*, ср., далее *cikéti* 'замечать' (родственное авест. *čikáyat* 'пусть он покается' отлично семантически) и *cétati* то же.

IV. *⁽¹⁾salatā 'крыша'

В разысканиях следов языка тавров ограничиваться античными источниками только на том основании, что тавры жили в античное время, значило бы совершенно отказаться от попытки прояснения тайны происхождения их языка. Наше внимание привлёк такой источник, как собра-

³² Келпен (указ. соч., с. 174) говорит еще о надписи красной краской. Ср. еще легенду "О письменах на камне близ Никиты" (Крымские легенды. Сост. Вуль Р.М. и Шляпошников В.И. Симферополь, 1957. С. 38 и сл.).

³³ Ср. *Язылыкая* 'Расписанные скалы' с письменами близ Богазкёя, в Турции (см.: Керем К.В. Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962, passim).

ние дипломатических документов генуэзских колоний в Крыму середины XV в.³⁴ Документ СХХХII (1455 г.) содержит изложение обязательств, взятых на себя неким Антонио Ассерето и направленных на благо города Кафы: *promitto me obligare inclito officio sancti georgij custodire et aptarij facerè solatas siue tectos et schallas omnium turrorum ciuitatis vestre caffè expensis meis proprijs in vita mea*³⁵. Ассерето обещал печься о сохранности кровель всех городских башен и высказался при этом очень обстоятельно, даже прибегнув к глоссе, поскольку одно употребленное им явно местное слово, не толкуемое ни из итальянского, ни из латинского³⁶, потребовало перевода на официальную латынь: *solatas siue tectos* 'solatas', или 'крыши'. Таврских глосс, как известно, практически не существует, античная письменность их не сохранила для нас, а это придает особый интерес приведенной выше глоссе в относительно позднем документе. Полный контекст и точная передача значения должны, кажется, заставить умолкнуть любой априорный скепсис. Ясно, что речь идет о крыше, а также ясно, что глоссируемое слово продолжает индоевропейскую глагольную основу **kel-* 'прятать, скрывать', откуда, например, др.-инд. *śaranā* - 'защитный', (субст.) 'кровля, кров, хижина' также *śālā* 'хижина, дом', *śālā-* 'ограда', далее - греч. *καλιά* 'хижина, гнездо', *καλύβη* 'кров, хижина', лат. *cella* 'кладовая, келья', др.-в.-нем. *hala* 'оболочка, кожа'³⁷. Засвидетельствованная форма *solata* 'крыша' ближе всего подходит к древнеиндийским продолжениям **kel-* как в фонетическом, так и в семантическом отношении и непосредственно отражает, по-видимому,

индоарийское (таврское) *⁽¹⁾*salatā*, производное с *-t-* суффиксальным. Наиболее проблематичный момент в этой реконструкции - рефлекс палатального заднеязычного. Поддержку нашей реконструкции мы видим в родственном топонимическом реликте *Челтера* на юго-западе Крыма, ср. особенно форму *Чалтура* в Воронежских актах под 1700 г., которая запечатлела не только шипящий характер согласного, но также и стадию аффрикаты; последняя форма, кстати, очень близка известному названию города в древней Индии *Śalā-tura*, соврем. *Лакор*.

Весьма вероятно, что описанный случай - не единственный реликт такого рода в упомянутом собрании генуэзских документов в Крыму, ср. например еще такое любопытное название важнейших ворот в Кафе, как *Caiadore* (*porta caiadoris*), не этимологизируемое из итальянского, и по всей видимости, субстратное слово двухчленной структуры со вторым компонентом, родственным др.-инд. *dvār-* 'дверь', авест. *dvar-* 'ворота, двор'.

³⁴ Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' ufficio di S. Giorgio (MCCCCIII - MCCCCXXV). T. I (= Atti della Società Ligure di storia patria, vol. VI). Genova, MDCCCLXVIII.

³⁵ Vigna A. Op. cit. P. 322.

³⁶ Ср.: Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis, VII. Graz, 1954; Battisti C. Alesio G. Dizionario etimologico italiano, V. Firenze, 1957, s.v. *salata, solata*.

³⁷ См. Pokorny I. С. 553.

Для нижеследующей заметки, имеющей целью воссоздание и этимологию древнего названия одной области меотов восточного Приазовья, находим полезные свидетельства у одного провинциального автора конца прошлого века: "При обзоре нынешней Кубанской области можно без труда заметить, что вся правобережная низменная часть ее изрезана громадной сетью правильно проведенных каналов; очевидно, жители Боспорского царства искусственно содействовали разделению страны на острова; целью прорытия каналов, конечно, была необходимость давать стоки излишним водам при разливах Кубани..."³⁸ И далее, там же: "остров... от нынешней реки Куркай до г. Темрюка... именуется Большой Кандаур". Речь идет о географических объектах, относительно быстро меняющих свое лицо. Например, тот же автор сообщает об исчезновении "уже в наше время" реки Куркай³⁹. Малоизвестным стало и название *Кандаур*, если иметь в виду прежде всего упомянутый (Большой) Кандаур, охватывающий значительную часть правобережья нижней Кубани, по которому в старину крупный Курчанский лиман Азовского моря тоже назывался *Большой Кандаур*⁴⁰. Само название *Кандаур* в русской топонимии распространилось несколько шире, причем форма *Кандаур* и непосредственные производные находятся на Северном Кавказе и на Дону: *Кандаур*, селение на реке Ярак-су, быв. Хасав-Юртский уезд, Терская область; *Кандауров* – название ряда хуторов на Дону и его притоках, ср., правда, еще *Кандаурова*, селение в бывшем Александрийском уезде Херсонской губернии. Дальше заходят дальнейшие производные *Кандауровка* (деревни в бывших Курской, Тамбовской, Самарской губерниях), *Кандауровские выселки* (бывшая Рязанская губерния)⁴¹, но тут мы, скорее всего, имеем дело с вторичным функционированием фамилии *Кандауров* и ее производных. Похоже, что эта фамилия распространилась с Северного Кавказа, освоенного русским казачеством. Здесь же, точнее – на нижней Кубани, располагался, по-видимому, центр интересующего нас местного названия *Кандаур*.

Нам неизвестны другие попытки этимологического объяснения названия *Кандаур*, например из тюркских языков, во всяком случае попытки правдоподобного объяснения всего слова в целом. Оговоримся, что тюркский адстрат или суперстрат сыграл, конечно, свою роль в жизни этого названия, ср. оглушение начального согласного и, возможно, гетеросиллабическая трактовка компонентов древнего дифтонга (см. ниже). В остальном мы имеем здесь дотюркское название. Предлагаемая ниже этимология выявляет, как нам кажется, пример редкой гармонии происхождения слова и характера обозначаемого словом объекта. Что касается харак-

³⁸ Поночевный М.О. Географический очерк Босфорского царства // Кубанский вестник. Т. II. Екатеринодар, 1891. С. 8–9.

³⁹ Там же. С. 10.

⁴⁰ Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 11–12.

⁴¹ Russisches geographisches Namenbuch, begründet von M. Vasmer, herausg. von H. Bräuer. Bd. IV, Lief. 1–2. Wiesbaden, 1968, 1969, s.v.

тера географического объекта, обозначаемого названием *Кандаур*, — это прежде всего местность, искусственно осушаемая каналами, как было сказано выше. Каналы — очень старый атрибут этой страны и ее культуры, они были старыми еще в I веке до н.э., ср. прямое свидетельство Страбона (XI, 2, 11): *Φαρνάκης δὲ ποτὲ καὶ τὸν Ὑπανίον τοῖς Δανδαρίοις ἐπαγαγεῖν λέγεται διὰ τινος παλαιᾶς διώρυγος, ἀνακαθάρσας αὐτὴν, [καὶ] κατακλύσαι τὴν χώραν* "Фарнак, говорят, однажды отвел даже течение Гипаниса к дандариям через какой-то старинный канал, который он расчистил, и таким образом затопил их страну"⁴². Дандарии жили в плавнях кубанского правобережья, и именно они оставили нам памятник своей мелиоративной деятельности — упомянутую сеть каналов. Дандарии и синды жили также (в еще более древнее время?) к северу от Крыма, в низовьях Днепра и Южного Буга, и там также они проводили каналы, применяясь к особенностям местности, т.е. в данном случае скорее для орошения, чем для осушения. И об этом сохранилось точное свидетельство: ...*Huynanis per Nomadas et Hylaëos fluit manu facto alveo in Vices, naturali in Coretum, regio Scythia Sindica nominatur* "Гипанис (Ю. Буг. — О.Т.) течет через (земли) скифов-кочевников и гилеев по рукотворному руслу в Бугес, а по естественному в Корет. Область называется Синдская Скифия" (Plin. *Naturalis historia* IV, 84)⁴³.

Оставляя открытым вопрос о древности названия *Кандаурова* в Александрийском уезде бывшей Херсонской губернии (см. выше), т.е. на территории только что упомянутой Синдской Скифии, обратим свое главное внимание на название (*Большой*) *Кандаур*, обозначавшее не отдельное селение, а целую область в низовьях правобережной Кубани. Обширность обозначаемого объекта и этимологическая непрозрачность названия говорят скорее о древности названия, чем о его новизне. Основываясь на характере обозначаемой местности, мы объясняем название *Кандаур* как восходящее в конечном счете к субстратному индоарийскому (синдомеотскому) **gand-aur-*, ср. др.-инд. *gandhāyate* 'ранить, поражать' и основу, лучше сохранившуюся в древнеиндийском в другой ступени — *vāg* 'вода'. Напрашивается далее, полное отождествление синдомеотского **gand-aur-/Кандаур* с др.-инд. *Gandhāra*, иначе *Gandharva-deśa*, названием области, лежавшей по течению реки Кабул=др.-инд. *Kubhā-* в северном Пенджабе⁴⁴, сюда же более позднее *Qandahar, Kandahar*, город в Афганистане (= др.-инд. *Nava-Gāndhāra*, получившее название по первоначальной Гандхаре в Пенджабе⁴⁵); форма *Kandahar* удивительно напоминает фонетичес-

⁴² Цит. по: *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 133.

⁴³ См.: *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 1. СПб., 1904. С. 172–173; ср. еще: *Ritter C.* Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten vor Herodotus um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus. Berlin, 1820. S. 181, 187.

⁴⁴ *Dey N.L.* The geographical dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Delhi, 1971. P. 60–61.

⁴⁵ *Dey N.L.* Op. cit. P. 139. Неоправданный скепсис по этому поводу см.: *Bernard P.* Un problème de toponymie antique dans l'Asie Centrale: les noms anciens de Qandahar // *Studiä Iranica*. T. 3, 1974. P. 181, примеч. 30.

кую трактовку нашего Кандаур, см. выше. Хотя не все фонетические детали ясны (ср. хотя бы вариацию *Gandhāra/Gandharva-deśa* в собственно Индии), связь *Кандаур/Gandhāra/Qandahar* трудно отрицать. Реальный фон этимологии *Кандаур* < **gand-aur-* 'местность' с пробитыми каналами' тоже вполне очевиден. Функцию глагольной основы **gand-* 'ранить' может прояснить аналогия русск. *р́анить: про́ран*.

Не меньший, пожалуй, интерес представляют, далее, некоторые вскрываемые элементы контекстного параллелизма в употреблении синдмеот. **gandaur-* и др.-инд. *Gandhāra/Gandharva-deśa*. Начнем с того, что синдмеот. **gandaur-/Кандаур* граничит с рекой Кубань, а индийская *Gandhāra* расположена по реке Кабул, причем на этимологическое тождество названий *Кубань* и *Kubhā* уже давно обращено внимание. Но дело не ограничивается этим. Рядом с областью *Gandhāra* в Северной Индии упоминается область *Udyāna*, по другим данным входившая в древнюю страну *Gandhāra*, или *Gandharva-deśa*⁴⁶. По-древнеиндийски *ud-yāna* значит 'сад' (буквально 'выход'). Любопытно, что в северо-восточной Синдике, неподалеку от области **gandaur-/Кандаур* мы также находим место с названием 'Сады'. Последнее название, известное только в форме греч. *Κῆποι*, упоминается либо в числе греческих городов (*Κῆπός τε ἀποικισθεῖσα διὰ Μιλησίων* "Кеп ('Сад'), основанный выходцами из Милета", *Аноп. Periplus P. Eux.* 46, 47), либо снабжается пометой "так называемые Сады" (*τοὺς ὠνομασμένους Κῆπους*, *Aeschin. orationes III*; *τοὺς καλοῦμένους Κῆπους*, *Diod. Sic. XX, 24*). Такое словоупотребление могло бы указывать на то, что способ называния в этом случае не принесен с собой греками, а позаимствован ими у местного населения. Конечно, это выражено по-гречески, и нам нелегко добиться ответа на вопрос, как же звучало синдмеотское название сада, но обнаруженный нами ситуативный контекст позволяет допустить, что словом 'Сады' (*Κῆποι*, *Κῆπος*) греки передавали значение туземного **gandaur-* '(область) с пробитыми каналами'. Под сады использовались, видимо, предварительно осушенные (или, *vice versa*, орошенные) земли. Специфика местных условий могла создать особое название сада, в отличие от обычного для ряда языков: 'сад' < 'ограда, огороженный участок'. Соседство и даже совпадение *Gandhāra-Udyāna* в Индии отражало бы тогда не случай, а давнюю традицию.

VI. *Минтана* < **multana-* 'основное, коренное место'

В основном из турецко-татарских источников относительно позднего времени (XVIII в.) мы можем почерпнуть еще одно ныне уже совершенно позабытое географическое название – *Минтана*. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. различает, например, между полуостровом Тамань и полуостровом Минтана: "Местность, на которой расположены крепости Темрюк и Тамань, называют Ада-йи шахи (полуостров Шахи), а место, где лежит крепость Ачу,

⁴⁶ *Dey N.L. Op. cit. P. 209.*

называют Минтана адасы (полуостров Минтана)"⁴⁷. Немецкий географ Крыма XVIII в. свидетельствует об "острове Тамань" следующее: "Татары называют его Ада (остров); местные жители – Минтана. Он очень горист и морской берег высок и крут... Жители – ясы (цихи), говорящие по-черкасски"⁴⁸. Некоторое несогласие в свидетельствах относительно приуроченности названия *Минтана* не подрывает целиком достоверности факта существования самого названия, которое, видимо, не было татарским, как, впрочем, и черкесским⁴⁹. Если принять во внимание неизбежность изменения в иноязычной среде, можно предположить, что форма Минтана продолжает более древнюю форму *multana, ср. название области в нижнем течении Инда *Mūltān* в Индии; последнее восходит к др.-инд. *Mūla-sthāna*-, собственно 'основание', 'главное место'⁵⁰. Любопытно сообщение арабского путешественника XIV в. Ибн-батуты, называющего Мултан "столицей синдской земли"⁵¹; напомним, что и приазовская Минтана помещается в античной Синдике или рядом с ней. Конечно, может вызывать сомнения новоиндийский или "народный" фонетический облик *multana-, реконструируемый для приазовского названия *Минтана*, поскольку этимологически он объясняется из др.-инд. *Mūla-sthāna*-, но подобные пракритизмы не редкость даже в наших небогатых индоарийских данных по Северному Причерноморью. Если предположение относительно *Минтана* < *multana < др.-инд. *Mūla-sthāna*- окажется верным, то целесообразно принимать его во внимание при решении вопроса о происхождении др.-инд. *mūla*- 'корень', лежащего в основе этого слова (индоевропейское или дравидское?)⁵².

И последнее: к числу загадок, которые не только не решены, но даже еще не выдвигались в науку, можно отнести порядок расположения следующих областей и племен в древнем меотском Приазовье. Как уже отмечалось, ближайшая к Синдике или совпадающая с ней область – это Минтана < *multana < *Mūla-sthāna*. Дальше, вплоть до Актара (нынешнего Приморско-Ахтарска) Тунмани отмечает наличие особого народа Бургани, или Бриттани, "племя, отличающееся от черкассов и от ногайцев"⁵³, с чем нельзя не соотнести достаточно древнее *Britani*, название одного из боспорских городов у Равеннского Анонима⁵⁴. В заключение перечня вспомним географическое название Μιτραίων ὄρη 'горы (племени)

⁴⁷ Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С. Тверитиновой. П. М., 1969. С. 124.

⁴⁸ Тунманн. Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1936. С. 70.

⁴⁹ Название *Минтана* в адыгских языках неизвестно и не объясняется из них (консультация А.К. Шагирова).

⁵⁰ Sircar D.C. Studies in the geography of Ancient and Medieval India. Delhi; Patna; Varanasi. 1960. P. 44; Dey N.L. The geographical dictionary... P. 133; Monier-Williams M.A. Op. cit. P. 826-827.

⁵¹ Цит. по: Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 286.

⁵² См.: Maunhofer II, P. 667.

⁵³ Тунманн. Указ. соч. С. 69, 74.

⁵⁴ Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ex libris manu scriptis ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860. P. 172 (V, 10).

mitraia- (Лус. Тох.), помещаемое Лукианом несколько в стороне от Меотиды (Азовского моря). Порядок этот даже покажется вовсе не случайным, если обратить внимание на то, что "древнеиндийская армия имела различные источники формирования и по характеру делилась на "наследственные" (маула), "наемные" (бхрита-), ... "союзные" (митра)..."⁵⁵ Историки время от времени поднимают вопрос – существовал ли союз меотских племен и под чьим началом, но обсуждение этого вопроса вскоре само собой гаснет из-за недостатка фактов, тогда как реконструируемая выше цепочка как будто показывает, что меотский союз с центром в Синдике, очевидно, существовал, а также, возможно, что в древнем Приазовье установимы зачатки индоарийской военноадминистративной системы с ее использованием найма и союзничества.

VII. русск. диал. *тарапан* < *tara-pāna-* 'ложе виноградного пресса'

В этом этюде мы затрагиваем вопрос сохранения в русских местных говорах отдельных субстратных слов-реликтов интересующего нас происхождения. В словаре Даля слово *тарапан* 'каменное корыто или деревянный ларь, в котором давят, топчут виноград' дано как новороссийское и татарское⁵⁶. Последняя помета способна ввести в заблуждение, так как тюркской этимологии названное слово не имеет, поэтому целесообразнее видеть в этом указание на район бытования, т.е. Крым (см. также ниже). Фасмер считает слово темным⁵⁷. В связи с этим имеет смысл попытаться найти этимологию этого локального слова. Его ограниченно местное распространение по Далю подтверждают сведения из картотеки Словаря русских народных говоров (Ленинград), представленные двумя примерами, связанными с Крымом: А в случае продажи всех вин из-под тарапана или вскоре по слитии их с дрожжей кавист напрасно будет получать деньги и содержание: ему нечего делать (А.И. Казначеев. Письмо Н.Н. Раевскому 19 июня 1839 г. Архив Раевских III, 165⁵⁸); *Тарапан*, или *тарпан*. Корыто, выдолбленное в цельном камне, различной вместимости, от 15 до 20 ведер. В них в Бельбекской долине, Таврической губернии, вытаптывают виноградное вино⁵⁹. Виноградарство в Крыму имеет дотатарскую и даже, видимо, догреческую давность. Во всяком случае, винодельческий термин *тарапан* не связан с греческим языком. Сама же реалья – каменный сосуд для выдавливания винограда или массивное каменное ложе рычажного винодельческого пресса, снабженное желобом и сливом, – находка,

⁵⁵ Культура древней Индии / Отв. ред. А.В. Герасимов. М., 1975. С. 382.

⁵⁶ *Даль* IV². С. 391.

⁵⁷ Фасмер IV, с. 22.

⁵⁸ Известные своим виноградарством имения Раевских находились близ Аюдага, на Южном берегу Крыма.

⁵⁹ *Бурнашев В.П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, промыслов и быта народного. Т. III, СПб., 1844. С. 314. Имеющееся, далее, в картотке Словаря русских народных говоров *тарпан* м.р. 'приспособление для резки камыша, стеблей кукурузы в виде небольшой косы' (в говоре казаков-некрасовцев, в дельте Дуная) – совершенно особое слово, восходящее к греч. *βρέτανον* 'серп' через явное тюркское посредство (оглушение начального согласного, ликвидация группы согласных в начале слова и т.д.).

встречающаяся при археологических раскопках древнего Боспорского царства⁶⁰. Любопытно, что находки таких виноградных прессов-тарапанов отмечены и в древних поселениях тавров в нагорном районе Херсонеса⁶¹, следовательно, практически в тех же местах, где дожило до нашего времени слово *тарапан*.

Принцип тарапана как ложа, снабженного желобом, состоит в том, чтобы сок винограда, уступая давлению пресса, стекал по желобу, не переливаясь по сторонам. В связи с этим мы предполагаем, что слово *тарапан* восходит к субстратному **tara-pāna-*, буквально 'защита от перехода (здесь: переливания через край)'. Эта древняя форма не сохранилась, хотя сложение подобного типа мы видим, например, в др.-инд. *vāta-pānat* 'защита от ветра'⁶². Оба компонента *tara-* 'переход' и *pāna-* 'защита, укрытие' представлены в отдельности как в индийском, так и в иранском, причем в иранском известен ряд сложений со старым компонентом *-pāna* (авест. *rāšū-pāna-* 'хранитель моста', *šōiθrō-pāna-* 'страж жилища', согд. **arspān* 'хозяин', ир. **fšu-pāna-* 'пастух', согд. **pardezpān* 'начальник парка', йидга-мунджан. *xal'fān* 'кожаный мешок для муки', ягноб. *aṅgušpāna* 'наперсток', буквально 'хранитель пальца'). Однако следы субстратного слова **tara-pāna-* ведут в горный и южный Крым, а это в наших глазах ослабляет вероятность его иранского происхождения и, наоборот, усиливает возможность наследования из языка местных индоарийцев.

⁶⁰ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.: Л., 1949. С. 106, 108, 169 (рис. 29); *Он же*. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. I. М.: Л., 1955. С. 106; *Он же*. Виноделие на Боспоре // Материалы и исследования по археологии СССР № 85. Боспорские города. II. М.: Л., 1958.

⁶¹ Дьяков В.Н. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ. 1939. № 3. С. 85.

⁶² См.: Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. Bd. II, 2. Göttingen, 1954. S. 186.

СЛУЧАЙ ИЗ ТИПОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА "СТАРЫХ АРИЕВ" И АРИЙСКИЙ РАЗДЕЛ*

Названия, включающие определения 'Старый' и 'Новый', представляют собой в топонимии нечто совершенно обычное. Их внеязыковая мотивировка и природа не нуждаются в доказательстве. При этом, естественно, первыми появляются названия на 'Новый' (New York, La Nouvelle Calédonie, New South Wales, Nava Gandhara). Названия на 'Старый' встречаются гораздо реже и притом тогда, когда название с элементом 'Новый' уже имеется в наличии, и 'Старый' практически всегда оказывается вторым членом оппозиции. То же самое наблюдается в макротопонимии: сначала Новый Свет и только после этого – Старый Свет, 1. New England – 2. Old England. Несмотря на отсутствие или недостаточную известность члена оппозиции 'Новый', можно предполагать его былое существование. Однако, хотя (старые) названия стран почти везде вторичны по отношению к именам народов (будучи, собственно, окаменелыми формами множественного числа последних), оппозицию 'новых' и 'старых' имен народов не удастся проследить столь же легко. Примеры типа известных младотурок (не говоря уже о младограмматиках), притом, что младо- и ново- это, конечно, близкородственные понятия, способны вызвать уже совсем недоверчивое отношение. Такие названия, к тому же, редко встречаются, как впрочем, и комплектные пары имен в упомянутом выше смысле.

Почему ономастика хранит молчание в подобных случаях? Не является ли причиной тому определенный негативный заряд, который несет квалификация 'Старый'? Всегда ли и везде ли было так? Или типологически ориентированная реконструкция и этимология помогут нам здесь обнаружить отдельные фрагменты иного склада мышления или по крайней мере – предположить его. Так, например, ионийцы были вероятно, первоначально 'младшими, новыми', если их имя ($^{\text{I}}\omega\nu\epsilon\varsigma < *^{\text{I}}\alpha\text{f}\acute{o}\nu\epsilon\varsigma$) родственно и.-е. **ju*cen-, *jun- 'юный, молодой'¹. Исторические мотивы этой номинации нам неизвестны (тем более, что и прозрачность, мотивация наименования сама тоже подверглась со временем забвению), но возможно, что главной причиной явился раздел некоего прежде более или менее единого народа на две части. Иначе едва ли можно было бы понять это языковое явление. В названии ионийцев до нас дошел остаток именной оппозиции с сохранившимся членом 'новый' ('молодой'). Может быть, нижеследующий случай даст возможность выявить малоизвестный до сих пор этноним на 'старый', а вместе с этим – след описанной оппозиции в именах, как и в самом этническом разделе.

* Впервые опубликовано на нем. языке: Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65th birthday, edited by B. Brogyanyi. Amsterdam, 1979 (= Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. IV. Current issues in linguistic theory. Vol. 11). P. 903–908.

Как известно, скифская генеалогическая легенда начинается у Геродота (IV.5) словами: Ὅς δὲ Σκύθαι λέγουσι, νεώτατον πάντων ἐθνέων εἶναι τὸ σφέτερον² 'А скифы говорят, что их народ **самый молодой** из всех...' Трудно отделаться от впечатления, что следующее за этим объяснение Геродота (τοῦτο δὲ γενέσθαι ὧδε и т.д. – о первом человеке по имени Таргитай и о трех его сыновьях – Липоксае, Арпоксае, Колаксае) весьма слабо связано с началом рассказа. В то же время концепция скифов как самого младшего народа образует любопытную пару в отношении другого места книги, а именно (IV, 99): ἀπὸ Ἰστρου αὕτη ἦδη (ἡ ἀρχαίη Σκυθία ἐστὶ, πρὸς μεσαμβρίην τὴν καὶ νότον ἄνεμον κειμένην, μέχρι πόλιος Καρκινίτιδος καλεομένης)³ 'От Истра это уже **старая** Скифия, расположенная к югу и юго-западу, до города, называемого Каркинит'.

Название ἀρχαίη Σκυθία 'старая Скифия' в этом месте равнозначно морскому побережью Одесского и Каркинитского заливов. Именно этот район характеризуется наличием древностей, в том числе языковых, которые мы кратко обозначаем как "нескифское в скифском". Где-то здесь помещался один из двух северопонтийских киммерийских регионов; второй из них – собственно Киммерия – был на Боспоре Киммерийском (Восточный Крым и полуостров Тамань). Обе области, и это следует теперь признать, были, собственно говоря, нескифскими. Не буду здесь повторять того, что я уже написал по проблеме нескифского (неиранского) северопричерноморского арийского компонента⁴. Ядро Скифии в собственном смысле было в другом месте. То, что в Старой Скифии было действительно старым, было, собственно говоря, нескифским, в лучшем случае оно только оказывалось перекрыто скифским. Иллюзия одинаковых названий (скифы и "Старая Скифия")⁵ не таит, таким образом, в себе никакого противоречия. Исключительно кажущееся противоречие (в действительности же – никакого) по отношению к этим данным и к скифской генеалогической легенде Геродота представляет внешне совершенно самостоятельная скифская генеалогическая легенда у Диодора Сицилийского (II, 43): τοῦτον (scil. Σκύθην) δὲ γενόμενον ἐπιφανέστατον τῶν πρὸ αὐτοῦ τοὺς λαοὺς ἀφ' ἑαυτοῦ Σκύθας προσαγορευῆσαι. τῶν δὲ ἀπογόνων τούτου τοῦ βασιλέως ἀδελφοὺς δύο γενέσθαι διαφόρους ἀρετῇ, καὶ τὸν μὲν Πάλον, τὸν δὲ Νάπην ὠνομάσθαι. τούτων δ' ἐπιφανεῖς πράξεις κατεργασαμένων καὶ διελομένων τὴν βασιλείαν, ἀφ' ἑκατέρου τοὺς λαοὺς τοὺς μὲν Πάλους, τοὺς δὲ Νάπας προσαγορευθῆναι⁶ 'Этот (который звался Скиф) прославился больше своих предшественников и назвал (свой) народ по своему имени скифами. Из потомков этого царя отличились своими доблестями два брата, и один (из них) звался Пал, а другой – Нап. После того как они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, народы прозвались по каждому (из них), один – палы, а другой – напы'. В этом древнем предании была проведена частичная грецизация. А именно – в этнониме Πάλοι представлен, собственно, вариант греческого слова Παλαιοί 'старые, древние'. Последняя из этих форм засвидетельствована у Плиния: ibi Napaei interisse dicuntur a Palaeis (Nat. hist. 6, 50) 'Здесь (у Танаиса), как говорят, напей были уничтожены палеями'. В этих палеях правильно усмотрел греч. Παλαιοί

Мюлленгоф⁷, его ошибкой явилось единственно то, что он искал этих Πάλαοι исключительно на Востоке, ср. противоположное у Геродота о Старой Скифии (см. выше). Правы те исследователи, которые видят в легенде о палах и напах свидетельство о великом расколе в этом языковом и этническом регионе⁸. Если при этом Πάλοι/*Palaei* было греческим словом (или калькой, как мы предполагаем, см. ниже), в форме Νάται сохранилось, по-видимому, иноязычное название, а его возможное толкование подкрепляло бы принятое тождество Πάλοι = *Palaei*: по-моему, этноним Νάται этимологически родствен индоиранским обозначениям отпрыска, сына, внука, ср. др.-инд. *nápāt*, авест., др.-перс. *napāt*, ср.-перс. *nar*, н.-перс. *navā*, *navāda*⁹. Соответственно этому пару этнонимов у Диодора Πάλοι καὶ Νάται надлежит читать как 'старые' и 'потомки'. Прилагательное Πάλοι, или, точнее, Πάλαοι явно калькировало какое-то местное определение с тем же самым значением 'старый'. Но какое? Из самой генеалогической легенды также следует, что Σκύθης, Σκύθαι было всего лишь поздним нововведением (если оно вообще было туземным образованием). Без сомнения, с древнейших времен индо-иранцы обоих родов носили название *arya-*. Дальнейшее членение и раздел потребовали дополнительного уточнения, так появилось прилагательное 'старый': одна ветвь, похоже, получила название 'старые арии', в то время как другая – обусловленное оппозицией название 'потомки', "младоарии". 'Старые арии' должно было звучать на индоарийском как **san-arya-*, на иранском соответственно – **han-arya-*, что покрывается позднейшими ἀρχαίη Σκυθίη (Геродот) и Πάλοι (Диодор Сицилийский). Прочие точки зрения, между прочим, например, мнение, что Πάλοι – это скифское самоназвание¹⁰, нельзя признать удовлетворительными.

Сказанное нами выше, конечно, является гипотезой, но в ее поддержку можно было бы привести некоторые дальнейшие аргументы. Сохранились ли такие прямые следы имени **sanarya-/hanarya-*? Оставляем открытым вопрос, не является ли таким следом возможное название касты у скифов – Ἐνάρεες (Геродот, Гиппократ), которое обычно считают иранским **a-narya-* 'не мужественный' (быть может, насмешливое народноэтимологическое переосмысление первоначального **han-arya-*, восходящее еще к скифской эпохе?). С теоретической точки зрения, часть неиранских (нескифских) индоиранцев, ушедших после великого индоиранского раздела, могла дальше влечь свое существование в качестве социального слоя скифского народа подобно тому, как например Ἀναριάκαι Южного Прикаспия, необязательно должно быть 'не-ариями', как склонны думать, а скорее реликтом индоарийцев, пришедших сюда раньше (а потом также оставшихся после ухода большей части народа), ср. то, что утверждал Барроу о племенах Μάρδοι, Ἄαρδοι в Мазандаране. И здесь также *anarya-* могло бы оказаться, собственно говоря, народноэтимологическим преобразованием (с презрительной, принижающей функцией) в *an-arya-* 'не-арии' первоначального **(h)an-arya-* во вторично-иранской среде. Таким реликтовым анклавом могла быть и Старая Скифия, ἀρχαίη Σκυθίη в Северо-Западном Причерноморье. Это был как бы остаток части народа,

отделившейся и ушедшей на юго-восток. Его оппозиционным коррелятом является – в полном соответствии с нашим толкованием – вышеупомянутое $\iota\epsilon\omega\tau\alpha\tau\omicron\upsilon$ $\epsilon\theta\nu\omicron\varsigma$, иранский этнос скифов. Все как будто указывает на то, что 'старые арии', **san-arya-* было именем отпавших индоарийцев. Большинство их, как известно, первым ушло на юг. Неслучайно именно на этом пути мы находим след **san-arya-* с неаспирированным индоарийским *s*: $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\tau\eta\nu$ $\text{'}\text{Α}\lambda\beta\alpha\nu\acute{\iota}\alpha\nu$ $\text{Σαναρα}\acute{\iota}\omicron\iota$ (Ptol. V, VIII, 17–25)¹¹ 'а за (кавказской) Албанией – санареи'. Эта часть Восточного Кавказа подверглась впоследствии длительной арабизации, но название выстояло и было даже тщательно передано нам арабскими авторами в формах *Sanariah* (Масуди), *Sanar*, наименование местности близ Дербента¹².

Итак, уже в Северном Причерноморье индоарийцы отделились от иранцев и значительная их часть отправилась на юг, а на тех, что остались на месте, напластовались иранцы-скифы, смотревшие на них как на 'старых ариев'. Примерно так же дело шло и дальше: всюду имели место две волны раздельной арийской экспансии – старшая (индоарийская) и более поздняя (иранская); весь Иран до западных окраин Индии претерпел, так сказать, двойную "аризацию". В этом мы полностью согласны с Барроу (см. его статью 1973 г.)¹³. Для нас представляет типологический интерес его мысль о северно-южном распределении индоарийцев и иранцев. В настоящее время мы близки к мысли о том, что описанный феномен, возможно, имел свое начало уже в Северном Причерноморье. Точно так же и сам арийский раздел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Странно, что об этом ничего не говорят греческие этимологические словари, ср.: *Frisk I*, S. 748 ("Собственное значение неизвестно, этимологии нет"); *Chantraine*, Dict. ét. 1–2. P. 475 ("Этимология неизвестна"). – Толкование греч. Ἰωνες , др.-инд. *Yavana-* с помощью и.-е. 'юный' мне известно из: *Lassen Chr. Indische Altertumskunde*. 2. Aufl. Bd. I. Leipzig: London, 1867. S. 725–726. Мой высокопочтимый друг и юбиляр, профессор О. Семереньи объясняет этноним ионийцев из лувийского **Ya-wani-* 'жители Кипра', см.: *Gedenkschrift W. Brandenstein*. S. 155–157; см. также *JHS* 94, 1974. p. 154.

² *Herodoti historiae recognovit C. Hude*, Oxonii, 1976.

³ Там же.

⁴ См. статьи О синдах и их языке: Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье: Нескифское в Скифии Геродота.

⁵ *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 100.

⁶ *Латышев В.* *Scythica et Caucasia*. Vol. I. *Scriptores graeci*. СПб., 1890. С. 458.

⁷ *Müllenhoff K.* *Deutsche Altertumskunde*. Bd. III. Berlin, 1892. S. 23, Anmerkung.

⁸ Ср.: *Moszyński K.* *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*. Wrocław, Kraków, 1957. С. 113.

⁹ *Mayrhofer II*. S. 132.

¹⁰ Ср.: *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 12.

¹¹ *Латышев В.* *Scythica et Caucasia I*. С. 239.

¹² *Saint-Martin V. de.* *Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique*. Т. II. Paris, 1852. P. 246; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 210.

¹³ *Burrow T.* The Proto-Indoaryans // *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1973. P. 123 и сл. Разумеется, мы не разделяем прежних воззрений того же автора (*Барроу Т.* Санскрит. Пер. с англ. М., 1976. С. 35), согласно которому, "история индоарийского начинается со времени первого появления арийской речи в Индии" и "полное разделение" на индоарийский и иранский датируется лишь начиная со времени "после арийского вторжения в Индию".

"СТАРАЯ СКИФИЯ" ('Αρχαία Σκυθία)
 ГЕРОДОТА (IV, 99)* И СЛАВЯНЕ.
 ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Скифия никогда не была этнически однородной. Боги геродотовской Скифии носили имена, непонятные из иранского (Οἰτόσυρος, Βασιλασάβας, Ἀπί, Ἀρυίμπασα, Παπαῖος), что признал уже один из основоположников теории иранской принадлежности языка скифов В. Миллер¹. Еще в прошлом веке были известны факты, говорящие о древнем доскифском субстрате (ср., например, наличие скорченных захоронений в Нижнем Поднепровье, на реке Конской, или Конке²). Археологи знают, что скорченные захоронения характерны для тавров, которых никто, начиная с Геродота, скифами не считал. Вопрос о таврах приобретает большую остроту в ряду этнолингвистических проблем Скифии, их связи с синдомеотами Северо-Западного Кавказа, а также, заметим, с Ольвией и Березанью³ позволяют отводить именно таврам центральное место среди нескифских компонентов Скифии.

Лингвисту странно читать слова археолога о том, что "в настоящее время таврские племена изучены хорошо"⁴, потому что сведения о языке тавров до сих пор равнялись нулю. Положительные результаты применения теории индоарийской, или собственно индийской языковой принадлежности синдов также к единичным остаткам таврского языка могут иметь значение для правильной оценки нескифского, индоарийского вклада в язык и культуру Скифии. Не повторяя здесь уже опубликованного⁵, возьмем новый пример — негреческий и явно культовый термин ΣΑΣΤΗΡ в знаменитой гражданской присяге Херсонеса предположительно III в. до н.э.⁶ Уже одних этих указаний достаточно, чтобы предположить здесь слово из языка тавров, зная условия Херсонеса (главенствующий культ таврской богини Девы), и если Фасмер отождествил ΣΑΣΤΗΡ с иран.

* Используется изд.: Herodoti historiae, recognovit C. Hude, Oxonii, 1976.

** Впервые опубликовано: Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 29–45.

¹ Миллер В. Осетинские этюды. Часть III. Исследования. М., 1887. С. 132.

² Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I // Sitzungsberichte der Philos.-histor. Classe der Akademie der Wissenschaften. 116. Wien. 1888. S. 722.

³ Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. С. 161.

⁴ Смирнов А.П. Скифы. М., 1966. С. 37.

⁵ См. статьи О синдах и их языке (таврская принадлежность имен Πάλακος, Δαυδάκη и их индоарийские этимологии — с. 34, 40); Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. С. 42 исл. (таврская интерпретация названий Δορός, Урага, Δια, Τεαγίν-, Ασανδί, Καζέκα, Αλεξάνδρῆ, имя дуба у Фульского племени, и др.); Таврские и синдомеотские этимологии. С. 83 и сл.; этимологизируются как

таврские имена *salā, Бравлицъ, Sikita, *salatā, тапанан).

⁶ Латышев В.В. Гражданская присяга херсонисцев // В.В. Латышев. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 142 и сл., особенно с. 163 и сл.

(авест.) *sāstar*- 'властелин, государь'⁷, это объясняется лишь недооценкой местных условий, как, впрочем, и особенностей употребления авестийского слова *sāstar*-. Последнее, оказывается, применялось главным образом к врагам маздеистского вероучения⁸, т.е. потенциально принадлежало к слову "дэвовской" (по терминологии Грэя и Барроу⁹), генетически не иранской, а индоарийской лексики. Что касается херсонесской присяги, то ее контекст представляет очень ясное свидетельство: καὶ τὸν ΣΑΣΤΗΡΑ τῷ δάμῃ διαφυλαξῶ καὶ οὐκ ἐχφερομυθησῶ τῶν ἀπορήτων οὐδὲν οὔτε ποτὶ Ἑλλάδα οὔτε ποτὶ βάρ[ρ]βαρον "И ΣΑΣΤΗΡ народу охраню и не передам на словах ничего тайного ни эллину, ни варвару..."¹⁰. Если, согласно этимологии Фасмера, подставить сюда иран. *sāstar*- 'властелин, государь, князь', то смысл целого станет от этого превратным и еще более темным, что является признаком ложной этимологии: "и князя (?) народу охраню и не передам на словах ничего тайного...". Но Херсонес времен присяги не знал ни князя, ни единовластия, а предположение о том, что загадочное ΣΑΣΤΗΡ обозначало какого-то одного верховного магистрата, высказывавшееся и до Фасмера, решительно опроверг Латышев: "...такому предположению противоречат 1) ярко демократический колорит всей присяги, 2) то обстоятельство, что такой представитель верховной власти нигде не упоминается в херсонисских документах, тогда как названия других магистратов встречались уже неоднократно"¹¹. Позднее Жебелев весьма убедительно указывал, что глагол διαφυλάττει управляет только неодушевленными существительными, а термин ἀπόρητα употребляется чаще всего о мистических культах. Этот ученый сделал также важный дальнейший вывод, что искать объяснение для слова ΣΑΣΤΗΡ надо не в области "древностей государственных", а в области "древностей сакральных"¹² и что этим негреческим словом скорее всего назывался "таврский кумир"¹³. Как видим, наши историки внесли немалую ясность в понимание этого ключевого слова херсонесской присяги, и, однако, для окончательного разъяснения слова ΣΑΣΤΗΡ, признаваемого по-прежнему темным в литературе о Херсонесе, требуются дополнительные усилия этимолога. Иранское, авестийское слово *sāstar*- не подходит в качестве непосредственного источника, поскольку оно как раз означает одушевленное лицо ("властелин, государь, князь") и не имеет культового значения, точнее – положительного культового значения ("враг правой

⁷ Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland // M. Vasmer. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. I, Berlin, 1971. S. 156. В.И. Абаев ("Скифский язык", в кн.: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М.: Л., 1949) не упоминает этого термина.

⁸ Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. 2. Aufl. Berlin, 1961. S. 1573.

⁹ Burrow T. The Proto-Indoaryans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1973. P. 132. Gray L.H. The "Ahurian" and "Daevian" vocabularies in the Avesta // JRAS, 1927. P. 427-441 (цит. по Барроу).

¹⁰ Латышев В.В. Указ. соч. С. 144-145.

¹¹ Там же. С. 165.

¹² Жебелев С.А. Херсонесская присяга // С.А. Жебелев. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 236-237. Ср. еще: Тюменев А.И. Херсонесские этюды. IV // ВДИ. 1950. 2. С. 51.

¹³ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 244-245.

веры" (см. выше), что все вместе противоречит характеристике термина ΣΑΣΤΗΡ. Поэтому этимологически отождествлять последнее надо не с иранским словом, а с родственным, но особым семантически др.-инд. *śāstra*-ср.р. 'божественная, религиозная книга, свод'¹⁴, что отлично соответствует херсонесской присяге: "и божественный свод народу охраню и не передам (не выдам) ничего тайного ни эллину, ни варвару...".

К единственно правильному пониманию ΣΑΣΤΗΡ как обозначения сакрального, тайного свода, "legum summa", как догадывался в свое время Латышев¹⁵, приводит нас этимологическая интерпретация этого слова из индоарийского, древнеиндийского, индоарийская концепция таврского языка. Социально-лингвистическая весомость термина с подобной семантикой, безусловно, одного из центральных в религиозно-этической лексике соответствующего языка и культуры, в свою очередь, недвусмысленно свидетельствует в пользу названной концепции языка тавров.

Тавры имели, видимо, близких родственников в сатархах, занимавших север Крыма¹⁶; и те, и другие пиратствовали на море и имели убежища в пещерах, ср. известное толкование (*Satarcheos*) *Spalaeos* (Plin. NH VI, 23), из греч. Σπήλαιον 'пещерники'¹⁷. Этноним *Satarchae*, вариантный во второй части с разбиравшимся ранее *Satauci* (Плиний)¹⁸, соблазнительно расшифровать как 'семь уделов'; ср. — как аналог возможному праkritскому фонетическому состоянию северопонтийскоиндоарийского — пали *satta* (при санскритском *sapta*) 'семь' и др.-инд. *arghá-* 'цена, стоимость'. Случайно ли примыкавшие к Крыму с севера земли носили у османских турок название *Едисан*, что можно понять как 'семь (крупных) чисел'? Тюркская форма оказывается переводом более древнего местного обозначения.

Геродот не упоминает сатархов, но из этого еще не следует, что они появились здесь поздно, как иногда думают (так, *Satarchae* впервые упоминаются Помпонием Мелой на севере Крыма, у Перекопа, почему, например, Ростовцев не считал их древними насельниками собственно Крыма¹⁹). Но, кроме чисто лингвистических соображений, против этого говорит упоминавшаяся культурная близость сатархов именно с таврами, едва ли сложившаяся вторично и за короткое время.

¹⁴ Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964. P. 1069; Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. III. Heidelberg, 1976. S. 330. Форма слова ΣΑΣΤΗΡ испытала грецизацию, ср. суф. -τηρ. Иную гипотезу предлагает молодая исследовательница Е.В. Кухтина ("К вопросу о значении термина *састер* в "Херсонесской присяге" (в печати)): вслед за С.А. Жебелевым она ищет корень ΣΑΣΤΗΡ в греч. (дельф.) σᾶσις 'просеивание', якобы первонач. 'межевая сетка', откуда ΣΑΣΤΗΡ — 'угломерный инструмент'. Это словопроизводство сомнительно семантически, лингвогеографически и формально, так как σᾶσις — отглагольное производное (*τᾶ-ти-s).

¹⁵ Latuschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. IV. Petropoli, MDCCCXI. N 79.

¹⁶ Десятчиков Б.М. Сатархи // ВДИ. 1973. 1. С. 131 (со ссылкой на В.Д. Блаватского).

¹⁷ Там же. С. 136 и сл. (вслед за Кисслингом).

¹⁸ См. статью Лингвистическая периферия древнейшего славянегва. С. 46.

¹⁹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 46—47.

Мы приблизились к месту, которое было для Геродота в его скифском рассказе как бы центральным в Скифии. Такой срединной точкой Скифии ему представлялась Ольвия, или – ближе к тексту – торжище борисфенитов, город у впадения Южного Буга (Herod. IV, 17). Примыкающая местность с изрезанной береговой линией, Кинбурнским полуостровом – геродотовской Гилеей "Лесной страной", далеко вдающейся в море²⁰, не случайно нам напоминает Таманский полуостров и дельту Кубани. Давно замечено, что это классические реликтовые зоны. Примерно в этих двух районах Геродот упоминает и киммерийцев²¹ (последнее прибежище и место погребения киммерийских царей он помещает на реке Днестр). Нельзя не обратить внимание на то, что в тех же районах (приазовской Синдике и упомянутых местах Северо-Западного Причерноморья) древние авторы знают синдов. Речь идет не о позднейших литературных переносах вроде синдов на Истре-Дунае, вместо Гицаниса-Кубани, в обработке мифа об аргонавтах Аполлония Родосского (Schol. Dionys. 681; Schol. Apoll. Argon. 321)²², а о реальных фактах истории.

Дело не ограничивалось посещениями заезжих жителей Боспора и Синдикы, оставившими след вроде памятника тому "моряку с Боспора" (ἀπὸ Βοσπόρου ναύτης) на Тендровской косе²³ или находки с надписью ΑΠΑΤΟΡΗΣ на острове Березань²⁴, связанной с культом Афродиты-Апатуры в Синдике. Дело в существовании здесь, в низовьях Днепра, Синдской Скифии – *Scythia Sindica* (Plin. NH IV, 84). В этом свидетельстве Плиния сомневались, считали появление здесь синдов вторичным; Мюллерхофф полагал, что название *Scythia Sindica* у Плиния перенесено на запад от Меотиды, подобно тому как у того же автора туда пересажены (verpflanzt) меоты²⁵. В нашей литературе последних десятилетий высказывалось мнение, что *Scythia Sindica* Плиния – это Синдика, подчиненная скифам²⁶, или же просто Синдская Скифия отождествлялась с таманской Синдикой²⁷. И то, и другое неверно прежде всего историко-географически: Скифия никогда не распространялась на азиатскую часть Боспора Киммерийского и искать Синдскую Скифию в Синдике на Тамани – бесполезное дело. Ростовцев, например, со всем вниманием отнесся к сообщению Плиния о Синдской Скифии близ Днепра²⁸, и он был прав.

Геродот не знает синдов в этих местах Северного Причерноморья, но зато хорошо знает традицию о "детях рабов", изложением которой, можно

²⁰ См. подробное описание: Бурачков Л.О. О местоположении древнего города Каркинитеса и монет, ему принадлежащих // Записки Одесского общества истории и древностей. IX. 1875.

²¹ Ср.: Смирнов А.П. Указ. соч. С. 27.

²² См.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 215, 436.

²³ Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. I. Petropoli, MDCCCLXXXV. P. 54, 172 (N 183).

²⁴ Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 479; Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 55 (№ 78).

²⁵ Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. III. Berlin, 1892. S. 60.

²⁶ Мошинская В.И. О государстве синдов // ВДИ. 1946. 3. С. 204, примеч. 3.

²⁷ Крушкова Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С. 9.

²⁸ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 59.

сказать, начинается книга IV его "Истории", посвященная Скифии: скифы, преследуя киммерийцев, углубились в Азию (Мидию) и провели вдали от дома 28 лет, а за это время их жены стали жить с их рабами и от внебрачного союза родилось целое молодое поколение, которое взбунтовалось против возвращающихся господ. Попутно выясняется, что скифы по соображениям удобства (передвижения?) ослепляли своих рабов, будучи не землепашцами, а кочевниками (οὐ γὰρ ἀρόται εἰς ἄλλὰ νομάδες. Herod. IV, 2). Для лучшего понимания дальнейшего эти сведения представляют прямой интерес, потому что ниже, после перечисления скифов-пахарей, скифов-земледельцев, скифов-кочевников и царских скифов, Геродот говорит, что эти последние считают прочих скифов своими рабами (Herod. IV, 20). Собственно скифы ("лучшие", "бóльшие" скифы, там же) – это прежде всего кочевники (см. выше), которых трудно отделять от царских скифов. В скифах-пахарях, отграничение которых от скифов-земледельцев представляется искусственным и неверным не только нам, но и некоторым другим исследователям уже с давних пор²⁹, угадываются те самые геродотовские рабы из легенды, подчиненное земледельческое население. Скифы-пахари (Σκύθαι ἀροτήρες) и скифы-земледельцы (Σκύθαι γεωργοί не были собственно скифами, что в научной литературе замечено также давно³⁰. Разница между теми и другими (греч. ἀροτήρ 'пахарь, крестьянин', γεωργός 'земледелец') остается для читателя неясной.

Высказывавшуюся в разное время и разными авторами мысль о славянстве земледельческих скифов³¹ нельзя считать доказанной по следующим соображениям. Во-первых, о скифах-пахарях Геродот говорит, что они "сеют хлеб не для того, чтобы кормиться, но для продажи" (οὐκ ἐπὶ αὐτῆσι σπεύρουσι τὸν σῖτον ἀλλ' ἐπὶ πρῆσι. Herod. IV, 17), а это свидетельствует не о славянском земледелии, а скорее о производстве зерна для территориально близкого греческого эмпория (вещь маловероятная для славян в столь раннее время – V в. до н.э.). Например, по свидетельству археолога, земледелие зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья имело небольшие масштабы, рассчитанные "на удовлетворение личных небольших потребностей", а на античный Юг сбывались продукты скотоводства, охоты и лесных промыслов³². В связи с этим и локализовать скифов-пахарей было бы реальнее ближе к скифам-земледельцам на Нижнем Днепре, а не в Подольской и Киевской губерниях и не "за алисонами", как буквально у Геродота (там же), ср. ниже этимологию этого племенного названия. Во-вторых, проблематичным поискам славян в земледельческих скифах давно и убедительно противостоит традиция отождествления геродотовских "детей рабов" и синдов этих мест. Геродотовский рассказ о возмущении внебрачных детей рабов позднейшие авторы приурочивают к синдам, на что Ростовцев обратил

²⁹ См., вслед за Миннзом: *Pekkanen T.* The ethnic origin of the Δουλοσποροι. Helsinki, 1968 (= *Arctos. Acta philologica Fennica, Suppl. 1*). P. 128.

³⁰ *Bonnell E.* Beiträge zur Altertumskunde Russlands. I. St. Petersburg, 1882. S. 363.

³¹ См., например: *Pekkanen T.* Op. cit. P. 129 (с литер.).

³² *Максимов Е.В.* Зарубинецкая культура // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978. С. 50.

пристальное внимание, сопоставив места из Валерия Флакка и Аммиана Марцеллина: *degeneresque tuunt Sindi glomerantque paterno crimine nunc etiam metuentes verbera turmas* (Val. Flacc. VI, 86, и сл.); *longo exinde interuallo paene est insula quam incolunt Sindi ignobiles post eriles in Asia casus coniugiis potiti dominorum et rebus* (Amm. Marc. XXII, 8, 41)³³. Тенденция распространять название "дети рабов" на другие народы в этих местах держалась долго, примером чего могут служить *Σκύθαι Δουλοσπόροδ* "скифы, дети рабов" у ряда авторов³⁴, такое прозвище – из иранских уст – получили даже пришлые германцы – **bast-arna-*, букв. "дети, потомки рабов"³⁵, но на славян это не распространилось.

Таким образом, Геродот не упоминал о славянах, однако это несколько не умаляет значение его "Истории" для изучения славянской древности, что мы и постараемся показать. В связи со сказанным выше обращает на себя внимание одно место из описания Скифии: *ἀπὸ Ἰστρου αὐτῆ ἤδη (ἡ) ἀρχαίη Σκυθίη ἐστί, πρὸς μεσαμβρίην τὴ καὶ νότον κειμένη, μέχρι πόλιος Καρκινίτιδος καλεομένης* (Herod. IV, 99) "От реки Истр это уже Старая Скифия, простирающаяся на юг и на юго-запад до города Каркинитиды". В литературе это название толковалось как 'исконная', 'главная' Скифия, *Erzskythien*³⁶. Но при этом бросается в глаза противоречие, в которое вступает такое понимание и тот факт, что "царские, лучшие и большие скифы" (*Σκύθαι οἱ ἀριστοὶ τε καὶ πλεῖστοι*, Herod. IV, 20) почему-то оказываются в стороне от "коренной" Скифии – за Днепром. В другом месте³⁷ я попытался показать, что это известие образует как бы коррелятивную пару с другим крайне любопытным известием Геродота: *Ὅς δὲ Σκύθαι λέγουσι, νεώτατον πάντων ἐθνέων εἶναι τὸ σφέτερον* (Herod. IV, 5) "Скифы говорят, что их народ – самый молодой из всех народов". Это место надо целиком отнести к настоящим скифам, поскольку здесь, видимо, отражено их собственное генеалогическое кредо. Теперь очевидно, что предыдущее выражение надлежит понимать именно как "Старая Скифия". Вместе с тем закономерно предположение, что Старой Скифией, в отличие от скифов-младших, называлась какая-то другая, нескифская часть более крупного целого. Можно думать, что Геродот сохранил нам драгоценное первое письменное свидетельство о древнем разделении индоиранской ветви на иранцев-скифов и индоарийцев, скрывающихся под именем Старой Скифии. Добавим, что Старая Скифия Геродота и Синдская Скифия других авторов (выше) территориально совпадают, после чего круг поисков на данной стадии замыкается. Разыскания следов индоарийского (неиранского) языкового субстрата, начатые в скромных размерах на Таманском полуост-

³³ Ростовцев М.И. Указ. соч.

³⁴ Pekkanen T. Op. cit. P. 121 и сл.

³⁵ См. статью Лингвистическая периферия древнейшего славянства. С. 55.

³⁶ Ср. еще: Надеждин Н.И. Геродотовы Скифия, объясненная чрез сличение с местностями // Записки Одесского общества истории и древностей. I. 1844. С. 16–17, 78, 83 (вслед за Линднером); Жебелев С.А. Скифский рассказ Геродота // С.А. Жебелев. Северное Причерноморье. С. 343 (с литер.).

³⁷ См. статью: Случай из типологии: проблема "Старых ариев" и арийский раздел. С. 100.

рове, в Синдике, и приведшие затем довольно неожиданно к положительным результатам в Таврике, должны проводиться с неменьшим основанием на берегах Старой Скифии, в Северо-Западном Причерноморье.

Подтверждением этнических свидетельств и оппозиции "старые" – "молодые" скифы процитированного выше начала генеалогической легенды скифов у Геродота оказывается внешне совершенно самостоятельная скифская генеалогическая легенда Диодора Сицилийского: τοῦτον [scil. Σκύθη] δὲ γενόμενον ἐπιφανέστατον τῶν πρὸ αὐτοῦ τοὺς λαοὺς ἀφ' αὐτοῦ Σκύθας προσαγορεύσαι. τῶν δὲ ἀπογόνων τοῦτου τοῦ βασιλέως ἀδελφοὺς δύο γενέσθαι διαφόρους ἀρετῇ, καὶ τὸν μὲν Πάλου, τὸν δὲ Νάπην ὀνομάσθαι. τούτων δ' ἐπιφανεῖς πράξεις κατεργασαμένων καὶ διελομένων τῆν βασιλείαν, ἀφ' ἑκατέρου τοὺς λαοὺς τοὺς μὲν Πάλους, τοὺς δὲ Νάπας προσαγορευθῆναι (Diod. Sic. II, 43) "[Скиф]..., превзойдя славою всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой – Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы, один палами, а другой напами"³⁸. В племенном названии Πάλοι мы видим вариант (порчу) греч. Παλαίοι 'Старые, Древние'. Последняя форма засвидетельствована в другой связи Плинием: ibi Naraei interisse dicuntur a Palaeis (Plin. NH VI, 50) "Здесь (на Танаисе), говорят, напеи были истреблены палеями". Еще Мюлленхоф правильно объяснил этих *Palaei* как Παλαίοι³⁹, хотя напрасно искал их далеко на востоке (ср. прямо противоположное и точно локализованное указание Геродота на Старую Скифию на западе). Можно согласиться с мнением, что в смутном предании о размежевании Πάλοι – Νάπαι сохранилось свидетельство о каком-то большом разделе в этом этнолингвистическом регионе⁴⁰. При этом Πάλοι / *Palaei* явно было греческой передачей, переводом туземного термина (**san-arya-* 'старые арии'?), но отнюдь не скифским самоназванием⁴¹, тогда как в имени Νάπαι отразилось противопоставленное иноязычное слово, и его возможная этимология подкрепляет принятую идентификацию Πάλοι / *Palaei*: ср. индоиранские названия отпрыска, сына, внука в др.-инд. *nāpāt*, авест., др.-перс. *narāt*, ср.-перс. *nar*, н.-перс. *navā*, *navāda*. Таким образом, диодоровскую пару этнонимов Πάλοι καὶ Νάπαι нужно читать как 'старые' и 'потомки'. Загадочная тавтология наименований *Скифия* и *Старая Скифия* постепенно проясняется, позволяя по-новому взглянуть и на сложные истоки скифской генеалогической легенды. Согласно этой легенде, первым человеком в этой, еще пустынной, земле был некто Таргитай (Herod. IV, 5). В литературе правильно обращалось внимание на автох-

³⁸ Цит. по кн.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских... I. С. 458.

³⁹ Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. III. Berlin, 1892. S. 23.

⁴⁰ Ср.: Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, Kraków, 1957. С. 113.

⁴¹ Так см.: Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 12.

тонность Таргитая, бывшего сыном Зевса и дочери реки Борисфена, а также на принадлежность его к Старой Скифии⁴². Довершающим лингвистическим штрихом при этом может быть указание на близость имени Тарύταος, обозначавшего, в свете изложенного, видимо, не скифа⁴³, и имени меотянки (иксоматской принцессы) Τρυαταύ, жены синдского царя Гекатея⁴⁴. Происхождение имени Тарύταος из иран. *darga-tava- 'долгомошный' (?)⁴⁵ не очень вероятно, особенно если учесть замеченное соответствие имени Τρυαταύ в Передней Азии – *Tirgutauiya* (II тыс. до н.э.) – задолго до появления там иранского элемента⁴⁶.

Иранисты, стремясь объяснить из иранского языковой материал, приуроченный к Старой Скифии, сталкивались с большими трудностями. Достаточно сказать, что такие якобы скифские личные собственные имена как Σαύλιος, Ἰδάνθυρος, Γνωῖρος, Ἀνάχαρσις (все это – имена царей и знатных людей, кстати, сплошь родственники!) не имеют иранской этимологии⁴⁷. Происхождение некоторых из этих до сих пор темных и, видимо, приблизительно записанных Геродотом имен можно прояснить с помощью древнеиндийского. Возьмем имена Анахарсиса и его отца Гнура. Знаменитый мудрец, побывавший у греков, вошел в историю под "говорящим" именем, второй компонент которого – ρσι – давно идентифицирован как др.-инд. *rsi-* 'мудрец'⁴⁸. Все имя Ἀνάχαρσις можно было бы отождествить с древнеиндийским сложением *maha-rsi-* 'великий мудрец', за исключением начального А-, привативный характер которого ('не-'), действительный как для греческого, так и для индоиранских языков, может получить объяснение как вторичное наращение имени, так сказать, уже после осуждения скифами Анахарсиса за следование обычаям греков. Это отрицание, кажется, получило буквальное отражение в рассказе об Анахарсисе, передаваемом Геродотом явно со слов скифов: καὶ νῦν ἦν τις εἶρηται περὶ Ἀναχάρσιος, οὐ φασί μιν Σκύθαι γινώσκειν, διὰ τοῦτο ὅτι ἐξεδήμεσέ τε ἐς τὴν Ἑλλάδα καὶ ξεινικοῖσι εἶθεσι διεχρήσατο (Herod. IV, 76) "И теперь, если кто-либо скажет об Анахарсисе, скифы говорят, что не знают его за то, что он ездил в Грецию и принял чужеземные обычаи". Что касается отца Анахарсиса, интересно, что он упоминается древними под двумя разными именами, причем одно из них – чисто греческое – Δαυκέτης (Luc. Sam. Scythes, 3)⁴⁹.

⁴² Хазанов А.М. Легенда о происхождении скифов // Скифский мир. Киев, 1975. С. 74 и сл.

⁴³ Инородство родоначальника – распространенный мотив династических и генеалогических легенд.

⁴⁴ Ср. еще: Müllenhoff K. Op. cit. S. 111.

⁴⁵ Абаев В.И. Указ. соч. С. 163.

⁴⁶ См. статью: О синдах и их языке. С. 38.

⁴⁷ Vasmer M. Skythen – Sarmaten: Sprache. Eberts Reallexikon der Vorgeschichte, 12, 1928, цит. по кн.: Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. I. S. 184.

⁴⁸ Так уже считал Л. Майер, см.: Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland // M. Vasmer. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. I. S. 114.

⁴⁹ Цит. по: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских... I. С. 544.

производное от δαῦκος 'вид зонтичного растения, пастернак, морковь', тогда как другое имя, уже упоминавшееся Γουῖρος (Herod. IV, 76) – темное, иноязычное. Для несколько приблизительного сравнения, ослабленного вероятной порчей формы Γουῖρος у Геродота, но подкрепляемого глоссирующим Δαυκέτης у Лукиана, можно предложить др.-инд. *gaṇḍīra-* 'какое-то огородное растение' или *gārjara-* 'морковь'. Греч. Δαυκέτης, таким образом, было бы калькой местного Γουῖρος, а Анахарсис, "сын Пастернака", получил бы некоторое подобие индоарийской родословной. Между прочим, Лукиан Самосатский не всегда заслуживает того недоверия, с которым к нему относятся современные ученые⁵⁰, полагая, что приводимые им имена – "сплошь выдумки"⁵¹. Достаточно вспомнить, что в той же новелле "Скиф" этот писатель подарил науке важный социальный термин из скифского быта – прозвище οἱ ὀκτάποδες 'восьминогие', т.е. 'имеющие пару волос с повозкой (о простых людях)'⁵².

Индоарийские этимологии из Старой Скифии можно продолжить. Выше каллипидов сидели, по Геродоту, к северу от Старой Скифии ализоны, имя которых, кроме народно-этимологического сближения с греч. ἀλιζῶνες 'болтуны' (?)⁵³ и даже с амазонками⁵⁴, в свое время получило у Томашека этимологию из **ara-zāna-* "von abgesondertem Geschlecht"⁵⁵. Последний со свойственной ему пронизательностью был, пожалуй, ближе всех к истине, однако предложенная им реконструкция остается этнически индифферентной. Членение в общем кажется правильным, но надо иметь в виду, что по-ирански 'род' – *zantu-*⁵⁶, в то время как по-индийски – *jana-*, ср. и его отражения в личных именах индоарийцев в Передней Азии, например *Piriazana*⁵⁷. Мы реконструируем **ali-ṛana-* на базе этнонима Ἀλιζῶνες и считаем его индийским, точнее, архаическим индийским образованием (до перехода **ali-* > др.-инд. *arí* 'чужой', ср. наличие других примеров сохранения ламбдацизма в языковых реликтах Северного Причерноморья) со значением 'другой род'. У Геродота в этом месте ясно сказано: ἄλλο ἔθνος οἱ Ἀλιζῶνες καλέονται (Herod. IV, 17) "другое племя, которые называются ализоны". Так индоарийцы Старой Скифии

⁵⁰ Ср., например: Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 146.

⁵¹ Vasmer M. Op. cit. P. 113.

⁵² Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 15.

⁵³ Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика), Киев, 1972. С. 45. Греческое слово, видимо, и вызвало к жизни вариант этнонима Ἀλιζῶνες в отличие от варианта Ἀλιζῶνες, который "не читается" по-гречески и поэтому признается нами наиболее авторитетным этимологически в согласии с используемым здесь изданием Геродота.

⁵⁴ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 85–86.

⁵⁵ Tomaszek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I // Sitzungsberichte der Philos.-histor. Classe der Akademie der Wissenschaften. 116. Wien, 1888. S. 720.

⁵⁶ Абаев В.И. Указ. соч. С. 190; Szemerényi O. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages // Acta Iranica. Textes et mémoires. VII (Varia 1977). Téhéran; Liège, 1977. P. 100–101, с указанием, что иран. *zantu-* 'племя, род' "не имеет подлинных соответствий даже в индийском".

⁵⁷ Brandenstein W. Die alten Inder in Vorderasien und die Chronologie des Rigveda // Frühgeschichte und Sprachwissenschaft, Wien, 1948. S. 141.

звали ближайших иноплеменных соседей на севере. Геродотовские Ἀλιζῶνες – ценный архаизм в этнической картине Северного Причерноморья, поскольку уже двести лет спустя их не знает там ольвийский декрет в честь Протогена (III в. до н.э.)⁵⁸.

Важный географический ориентир Старой Скифии – название Днепра Βορυσθένης (неоднократно у Геродота) – и Βορυσθενίς, эмпорий у его устья, до сих пор этимологизировали из иран. *varu-stāna- (или "авестизированного" *vouiru-stāna-) "широкое место, широкий край"⁵⁹, на крайнюю неудовлетворительность чего уже справедливо обращалось внимание⁶⁰. Действительно, со стороны фонетической иран. *varu- едва ли дало бы греч. Вару- или Вору-, но скорее *ouaru- или, вполне возможно, *oru-, ср. Ὀξος – из иран. Vaxš, название Аму-Дарьи. С реально-семантической стороны толкование из первоначального 'широкое место' не выдерживает критики, если считаться с твердо установленным фактом тождества названий Βορυσθένης 'Борисфен, Днепр' и Βορυσθενίς 'Борисфенида', эмпорий и остров у его устья, позднее – остров *Березань*, а также с давно высказанным вероятием, что название это вторично перенесено с острова на реку. Дело в том, что маленький остров Березань – это отнюдь не 'широкое место', а 'высокое место': остров всегда обращал на себя внимание крутизной и высотой своих берегов. Кстати, нынешнее название *Березань* удачно отождествлено с иран. *barazant-* 'высокий', осет. *bærzond*⁶¹. Иранское или иранизированное название образует как бы вторичный пласт, почему оно и дошло до нас, в отличие от мертвого геродотовского Βορυσθένης, Βορυσθενίς. Это последнее, в наших глазах, образует бесспорно более первоначальный пласт и может быть истолковано как особое, индоарийское *brha-sthāna- 'высокое место'. Точнее, в основу греческой формы лег незначительно измененный пракрытизм *baru-sthāna- с тем же значением, ср. первый компонент в местном названии *Bharu-kaccha*, Βαρούαχα (Птолемей), собственно – 'высокий берег', в Западной Индии⁶². Предлагаемая здесь этимология *Борисфена* вполне удовлетворительна как в плане обозначения, так и обозначаемого. Иранизация индоарийского названия осуществилась легко, потому что языки были близкородственны. Вскрываемая семантика 'высокое место' отвечает действительному ландшафту и окончательно убеждает во вторичности переноса на реку (индо-иранское *st(h)āna-* характерно для топонимов, а не для гидронимов). Наша гипотеза о Βορυσθένης из индоар.

⁵⁸ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии // ЖМНП, CCXLIX, 1887, февраль. С. 87.

⁵⁹ Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde, III. S. 122; Vasmer M. Op. cit. P. 161; Абаев В.И. Указ. соч. С. 187.

⁶⁰ Білецький А.О. Борісфенс – Данапріс – Дніпро (з історичної гідроніміки України) // І республіканська топонімічна нарада. Тези доповідей і виступів. Київ, 1959. С. 17 и сл. (ротапринт). Попытка автора обосновать исконно греческое происхождение, опираясь на отнесенные Βορυσθένης к Геллеспонту у Гесихия, не убеждает, ср. приводимые далее данные.

⁶¹ Vasmer M. Op. cit. P. 160.

⁶² Lassen Chr. Indische Altertumskunde. I. 2. Aufl. Leipzig; London, MDCCCLXVII. S. 136–137; Agrawala V.S. India as known to Pāṇini. Lucknow, 1953. P. 65; McCrindle J.W. Ancient India as described by Ptolemy. Calcutta, 1927. P. 38 (notes by S. Majumdar Śāstrī).

'высокое место', первоначально об острове, обретает неожиданную перспективу при сравнении с названием *Боргустан*, хребет на Северном Кавказе. Весьма показательно для этимологии, что данное соответствие там обозначает не реку, а именно горный хребет⁶³. Форма названия *Боргустан* более архаична, а ее местонахождение не противоречит локализации следов и путей индоарийцев.

Несколько личных собственных имен из эпиграфических находок в Старой Скифии получают объяснение как индоарийские, индийские: *Ταυασιστος* (II в. н.э., Ольвия)⁶⁴, единичное имя, более нигде не встретившееся и признаваемое неясным⁶⁵, мы предлагаем рассматривать как индоарийское сложение *tana-sisava- 'плодящий детей', ср. др.-инд. *tan-* 'продолжать (например, себя или свой род)'⁶⁶, *śiśu* м.р. 'ребенок, мальчик', мн. *śiśava*.⁶⁷, без иранских соответствий. Ср. царское имя *Śiśunāga*⁶⁸ в Магадхе. Любопытно, что отец этого человека носил имя *Χουαρσαζος* – иранское, но с близкой семантикой – 'сажающий злаки' (так Фасмер – Абаев). Возврат к индоарийскому имени в условиях иранизации возможен, если вспомнить обычай называть внука именем деда. В таком случае этимология этого имени приоткрывает завесу над сложным взаимодействием этносов и языков.

Другой человек, звавшийся *Σιρδουχαντος Βουτουματος* 'Сирдуханс, сын Бутуната'⁶⁹, носил, несмотря на позднюю эпоху (III в. н.э.), и имя, и отчество неиранского, индоарийского происхождения, что свидетельствует о длительном сохранении остатков этого нескифского этноса в Старой Скифии спустя семь столетий после Геродота. Надпись, донесшая до нас это имя, обнаружена в 1909 г. на камне в Одессе, на Молдаванке, и ее текст – посвящение Ахиллу Понтарху от стратегов Ольвии – говорит также о значительной пестроте этнического состава этих правящих магистратов во всяком случае послеэллинистического времени⁷⁰ (Тит Флавий, сын Филумена, Агафокл, сын Агафокла, Феодор, сын Тумбага, Садиман, сын Санбатриона, т.е. коллегами Сирдуханса были греки, римляне, эллинизированные иранцы и т.д.). Имя *Σιρδουχαντος*, не

⁶³ Небольшой горный хребет *Боргустан* находится в районе Кисловодска. См.: Шукин И.С. Очерки геоморфологии Кавказа. Ч. I. Большой Кавказ. М., 1926. С. 133, 135. Справкой о книге я обязан докт. геогр. наук Д.А. Тимофееву (Институт географии РАН).

⁶⁴ *Latushev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et Latinae, I* (2-е изд.). Petropoli, MCMXVI. P. 124–125 (№ 92).

⁶⁵ *Трещева Ю.Н. Просопография должностных лиц Ольвии I–III вв. н.э. // ВДИ. 1977. С. 174 и сл.* Фасмер и Абаев не объясняют это имя.

⁶⁶ *Monier-Williams M. Sanskrit-English dictionary. New edition. Oxford, 1964. P. 435.*

⁶⁷ *Ibid. P. 1076.*

⁶⁸ *Lassen Chr. Op. cit.: Anhang, P. XXXVII.*

⁶⁹ *Latushev V. Inscriptiones antiquae... I². P. 161 и сл. (№ 136).*

⁷⁰ Исследователи этнического состава населения эллинистической Ольвии нередко очень настаивают на почти исключительно греческом его характере (см.: *Парович-Пеншкан М. Искрополь Ольвии эллинистического времени, Киев, 1974. С. 65, 144 и сл.*). Но даже если это так (хотя оговорки и уточнения здесь возможны, ср. наличие нескольких негреческих имен, туземные захоронения с травяной подстилкой), надо считаться с тем, что этнолингвистический субстрат может проявляться (а тем более прогрессировать социально) не сразу, а, напротив, весьма поздно.

имеющее этимологии⁷¹, мы сравниваем с др.-инд. *śardh-* 'показывать, силу', со ступенью редукции – *śrdhyā-* ж.р. 'дерзость, наглость', что, впрочем, вряд ли целесообразно отделять от гнезда *śardh-* 'pedere'⁷², которое могло породить эти (метафорические) обозначения дерзости. Тогда полнее объясняется морфология первого компонента Σιρδου = др.-инд. *śrdhu-* 'podex'⁷³, а весь образ довершается возможным этимологическим тождеством второй части – χανσος = др.-инд. *hanisā-* 'гусь' (в иранском было бы **zanha-*⁷⁴). Таким образом, не объясненное иранистами ольвийское личное имя Σιρδουχανσος мы реконструируем как индоарийское **śrd(h)u-hansa-* 'anser pedens'. Но особенно интересно отчество Сирдуханса – Βουτουνατος⁷⁵, род. п. от основы на согласный *Βουτουνατ-ς, **Βουτουνας*⁷⁶. Для этого имени мы можем указать полное тождество с др.-инд. *bhūtanātha-* 'властелин духов', также *Bhūtanātha-*, одно из имен бога Шивы⁷⁷. Тем самым в ономастике Старой Скифии обнаруживается соответствие индийскому культовому слову и теофорному имени, что, по нашему мнению, трудно переоценить. Словообразовательная сложность имени Βουτουνατ- косвенно отражает сложность и развитость соответствующих религиозных воззрений. Свидетельства Старой Скифии в этом, как и в других случаях, небезразличны для индологии. Например, считается, что с культом Шивы индоарийцы познакомились лишь после прихода в Индию⁷⁸. Этимологическое тождество Βουτουνατος = *Bhūtanātha-* недвусмысленно свидетельствует, что некоторые представления этого культа (Шива-Рудра повелевает армией злых духов⁷⁹) в преломленном виде принесены индоарийцами в Индию из Северного Причерноморья. С лингвистической точки зрения, важно отметить, что это сложение носит специфически индийский характер, без иранских соответствий.

Примерно то же можно сказать об имени Μαγαδαυα μητήρ 'мать Магадава' в надписи II–III вв. н.э., найденной на западном побережье Черного моря, но посвященной памяти некоего Домнина, выходца из города Тире (в устье Днестра), сына 'благородных родителей' – отца Аврелия Гераклида, и вышеупомянутой 'матери Магадавы'⁸⁰. Этимологией этого имени как будто специально не занимались, если не считать

⁷¹ Трещева Ю.Н. Указ. соч. С. 174.

⁷² См. (с отличиями в трактовке): *Persson P.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1912. С. 167 и сл.

⁷³ Только в словарях, см.: *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. III. Heidelberg, 1976. S. 310.

⁷⁴ *Ibid.* S. 571.

⁷⁵ *Latyshev V.* Inscriptiones antiquae... I². С. 161 (№ 136).

⁷⁶ Трещева Ю.Н. Указ. соч. С. 177.

⁷⁷ *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary. P. 762.

⁷⁸ Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культурная практика. М., 1977. С. 90 и сл. (там же литер.).

⁷⁹ Там же. С. 94.

⁸⁰ *Карышковский П.О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Таврии // ВДИ. 1959. 4. С. 120.

беглого упоминается о том, что "Б.Н. Граков склонен считать его сарматским..."⁸¹. Между тем как перед нами, конечно, форма, практически тождественная др.-инд. *mahā-devá-* м.р. 'великий бог', также имя Рудры или Шивы, далее – имя Парвати, жены Шивы, и ряда других женщин⁸². В применении к женщине это имя читается как '(принадлежащая) Великому богу'. Соответствующие понятия выражаются по-ирански иначе, поэтому не может быть и речи о сарматской принадлежности имени, несмотря на хронологически позднесарматскую эпоху (II–III вв. н.э.).

При всей спорадичности дошедших до нас свидетельств, вот уже второе из них подряд обнаруживает откровенно культовый характер и относится к тому же сюжету индийской мифологии и религии. Это делает возможными некоторые обобщения, до чего бы не дошло, если бы данные имели случайный вид. Опуская другие детали, напомним о наблюдавшейся нами приуроченности к Старой Скифии Геродота индийских этимологий и индоарийских реконструкций: 'Ανάχαρις – (*a*)*maha-r̥ṣi-*, Ἀλιζῶνες – **ali-jana-*, Βορυσθένης – **baru-sthāna-*, Τανασιος – **tana-sísava-*, Σιρβουχανσος – **śr̥d(h)u-hansa-*, Βουτουάτος – *Bhūtanātha-*, Μαγαδάνα – *Mahādevá*⁸³. Наблюдается калькирование (перевод) потенциально индоарийских имен греческими именами, ср. выше Γνοῦρος – Δαυκέτης, Ἀλιζῶνες – ἄλλοῦθνος. Допустимо, наконец, предполагать и случаи калькирования индоарийских имен иранскими (скифскими, сарматскими), ср. выше Βορυσθένης (**baru-sthāna-*) – Березань (*bərezant-*), Τανασιος – Χουαρσαζος, что позволяет ставить – в общем совершенно естественный – вопрос об отношениях билингвизма между индоарийцами Старой Скифии и собственно скифами-иранцами.

Греки появились на берегах Старой Скифии очень давно (начало поселения на острове Березань относят к VII в. до н.э.). Этнические отношения, почти навсегда скрывшиеся потом под общим именем Скифии и вскрываемые нами сейчас с таким трудом, в древности были живыми и налагали свой отпечаток на культурные и языковые контакты в этом районе. Довольно стабильное («ἐνοικαδιοι»), земледельческое индоарийское население служило проводником информации, поступавшей в греческие эмпории из глубин Скифии. Так, называя некоторые более отдаленные народы, сначала греки, а вслед за ними и мы до сих пор, возможно, употребляем индоарийские имена.

Большой иранский народ, известный как Σαρματαί (Herod. IV, 21) и *Sarmatae* (Polyb. XXV, 2), употреблял о себе, как, впрочем, и другие арии, основное самоназвание **arya-*, ср. *Arraei Sarmatae* у Плиния (Plin. NH IV, 41), *Arii* у Епифания (IV в. н.э.)⁸⁴. Имя сарматов, до сих пор удов-

⁸¹ Там же.

⁸² *Monier-Williams M. Op. cit. P. 796.*

⁸³ Аналогичные примеры см. в статье: Нескифское в Скифии Геродота (Ἐξαιπαῖος – *a-kšama-paja, ἄντακαῖος – **anta-kajia-*).

⁸⁴ *Harmatta J. Studies in the history and the language of the Sarmatians. Szeged, 1970. P. 29, 77.*

летворительно не протимологизированное⁸⁵, не является, по-видимому, иранским. Залогом правильной этимологии названия сарматов/савроматов по-прежнему остается внимательное чтение древних. При этом представляет особый интерес еще не использованное этимологами устойчивое соположение имени и определения 'сарматы женовладеемые': *Σαυροματῶν δὲ ἔστιν ἕθνος γυναικocratοῦμενον* (Scyl. Caryand. 70); *Sauromatae Gynaecocratumenoe, Amazonum conubia* (Plin, NH VI, 19). "Женовладеемость" сарматов/савроматов, т.е., попросту говоря, сильная матриархальность быта этих племен⁸⁶, надвинувшихся с востока, производила, видимо, сильнейшее впечатление, была овеяна мифами (например, об амазонках). Поэтому, если верно, что в основу наименования обычно ложится самый броский признак обозначаемого, то справедливо полагать, что в данном случае таким признаком оказалась именно матриархальность сарматов и уж никак не их длинные мечи или копья. Сказанное позволяет взглянуть на данный этноним как на сложившееся первоначально в Старой Скифии индоарийское образование, имя-предание **sar-mat-* 'женские, принадлежащие женщинам', прилагательное с суф. *-ma(n)t/-va(n)t-* от реликтового **sar-* (по-ирански было бы **har-*) 'женщина'⁸⁷. Разумеется, эта гипотеза, если она подтвердится, послужит аргументом против мнения о фиктивности и.-е. *sor 'женщина', представляемого в последнее время О. Семереньи⁸⁸.

Подобно тому как о сарматах греки впервые услышали от индоарийцев Северного Причерноморья, таким же путем несколько столетий спустя сами греки и с ними тогдашний цивилизованный мир узнали о древних славянах. Равным образом название части славян на юго-восточной окраине *Αῦται (Прокопий), *Antes* (Иордан) не было славянским самоназванием, но также не было и словом иранского происхождения; оно возникло в индоарийской языковой среде, ср. др.-инд. *anta-* 'конец, край'⁸⁹. Эти данные, а также некоторые другие, сообщаемые ниже, позволяют высказать предположение об индоарийско-славянских культурных и языковых контактах, ориентированных на Старую Скифию Геродота. Если мы не признаем возможности этих соприкосновений, мы не пойдем

⁸⁵ Весьма натянутой кажется новая этимология из **Saura-ma(r)ta-* 'убийцы героев', см.: Blümel W. [рец. на:] H. Schmeja. Griechen und Iranier. 2. Die Abstammungssage der Sarmaten // Antiquitates Indogermanicae. Gedenkschrift für Hermann Güntert. Innsbruck, 1974 // Beiträge zur Namenforschung. 13. 1978. S. 95. Прочие объяснения см.: Vasmer M. Op. cit. P. 125, 149 ('имеющие мечи', "имеющие копья"); Абаев В.И. Указ. соч. С. 184 ["чернорукие" (?); этимологии Фасмера отвергает]; Блаватский В.Д. О скифской и сарматской этнонимике // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 143. 1975. С. 46.

⁸⁶ Граков Б. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947, 3. С. 100 и сл.

⁸⁷ См. статью: О синдах и их языке, с. 33.

⁸⁸ Szemerényi O. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages, P. 37 и сл. (со ссылкой на более ранние труды автора и другую литературу проблемы). Семереньи реконструирует и.-е. название женщины не в форме *sor, а *esor, связывая последнее с греч. *бар* из и.-е. *osr*. Природа восстанавливаемой при этом апофонии *esor: *osr, однако, остается неясной.

⁸⁹ Подробнее см. статью: Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. С. 54-55.

или поймем неправильно факты языковой истории. Так, Птолемей упоминает ставанов: ὑπὸ μὲν τοὺς Οὐενέδας πάλιν Γαλίνας καὶ Σουδινοὶ καὶ Σταυανοὶ μέχρι τῶν Ἀλανῶν (Ptol. Geogr. III, V, 9) "а ниже венедов – галинды и судины, и ставаны до аланов". Считая это свидетельство сомнительным отражением славянского самоназвания **slověne*⁹⁰ (сильное отклонение формы, слишком ранняя фиксация – II в. н.э.), ученые относили это имя то к сарматским, то к балтийским племенным названиям, ср. действительное соседство имени ставаны с аланами, а также с несомненными балтами – судинами и галиндами. Впрочем, было верно замечено, что этот перечень как раз отражает неплохое знакомство древнего географа с народами, заселяющими "азовско-балтийский коридор"⁹¹. Было бы необъяснимо и противостоительно, если бы в этом пространстве совершенно отсутствовали славяне. Связь форм *slověne и Σταυανοί несомненна, ее нужно лишь объяснить. Ср. др.-инд. *stāvāna-* или иран., авест. *stavana-* 'хвалимый', причастие от глагола др.-инд. *stauti, авест. *staoiti* 'хвалить, славить'. Трудно не видеть здесь, что индоарийское или – на сей раз – общее индоиранское **stavana-*, Σταυανοί явилось передачей славянского *slověne с субституцией *st-* вместо затруднительной группы *sl-* (вспомним аналогичную субституцию слав. *sl-* греческим σθλ в этом имени), а также с закономерным отражением славянского вокализма (*o-ě*) в виде единственно возможного индоиранского *a-a* (может быть, с долготой второго *a*, ср. вокализм древнеиндийской формы, выше, на фоне вероятной долготы слав. *ě* в *slověne). Важно другое. Эта передача носила характер осмысленного перевода-кальки, что говорит об определенной степени контактирования, а также как бы подтверждает в наших глазах тут редкий пример единения народной и научной этимологии, которые отличает друг от друга только отсутствие или наличие необходимых ступеней словообразования, почему в одном случае та же самая связь как бы неверна (народная этимология *славяне* < *слава*), а в другом – верна (научная этимология *slověne < *slovq, *sluti > *slava).

До настоящего времени серьезно не поднимался вопрос о древнеиндийском влиянии на праславянский, если не считать спорной книги

⁹⁰ О происхождении макрорознонима *slověne, *славяне* до сих пор ведутся споры, но ясно одно: по употреблению это имя было изначальным самоназванием (то в наднациональной, то в национальной функции), в чем содержится, кстати, ключ к верной этимологии *slověne как 'люди (одной) речи', ср. *verbum dicendi* *slovq, *sluti, *slovo. Вызывает поэтому наше удивление, что на восьмом съезде славистов Л. Мошинский, справедливо усомнившись в старой теории о *slověne как производном от названия реки *Slova (такого гидронима никто пока не обнаружил), находит возможным утверждать, что "ни одно славянское племя не употребляло это имя о себе" [Moszyński L. Is the name of Slavs (*Slověni) indeed a nomen originis? // VIII Međunarodni slavistički kongres. Zagreb. 3–9. IX. 1978. Knjiga referata. Sažeci. II Zagreb, 1978. P. 614]. О тождестве *stavani* = *славяне* см. еще: Mačinskij D.A. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen und der Versuch, sie mit den archäologischen Daten zu vergleichen // Universitas Comeniana Bratislavenensis. Facultas Philosophica. Ethnologia Slavica. VI. 1974. S. 56; Мачинский Д.А., Туханова М.А. О местах обитания и направлениях движения славян I–VIII вв. н.э. // Acta archaeologica carpathica. XVI. 1976. С. 70.

⁹¹ Lowmiancki H. Sarmacja // Słownik starożytności słowiańskich. V. Wrocław etc., 1975. С. 67–68.

Траймера⁹², в которой, между прочим, уже говорится (правда, бездоказательно) об отражениях славянских контактов с праиндийцами, об индийском высшем слое в скифском обществе и о конкуренции древнеиндийского с иранским на Юге России.

Значительным древнеиндийским, или индоарийским включением в этнонимии славян можно считать название народа сербов. Я уже писал⁹³ об этимологической связи имени античных сербов Σέρβοι, Σίρβοι (Птолемей) с др.-инд. *śiras* 'голова' на основании эмендации *Serbi Cephalotomi* у Плиния (Plin. NH VI, 16). В исторической науке сейчас тоже вновь проявляется некоторое оживление интереса к близости названий сербов на Северном Кавказе и у славян (на Балканах и т.д.), а также готовность допускать здесь положительное решение⁹⁴. Для этого не требуется выводить сербов-славян прямо с Кавказа, подобно тому как необязательно вести хорватов с Дона-Танаиса, где засвидетельствован реальный эпоним последних – Χορροαθος, личное собственное имя (кстати, этого античного "хорвата", как и тех античных сербов, отделяет от появления в письменной истории собственно славянских племенных названий хорватов и сербов приблизительно одинаковая лакуна в восемь столетий). В обоих случаях мы имеем дело с первоначальным вторжением иноплеменных и иноязычных групп в зону славянства с последующей их ассимиляцией. Выявление следов первоначальных связей – задача науки. В случае с сербами речь может вестись о внедрении в территорию славян какого-то индоарийского (древнеиндийского) племени. Как легко себе представить по известным аналогиям, ассимиляция была постепенной и длительной. Неясно, можно ли придавать большое значение рассказу Мас'уди о народе *Surbiñ* (сербы), которого боятся славяне. Сербы сжигают себя, если умирает их царь или вождь, соблюдая при этом обычаи, похожие на обычаи индийцев⁹⁵. Культурные аналогии могли, конечно, выработаться независимо. Учитывая столь дальний путь сербов, главные надежды при дешифровке этого эпизода их этногенеза приходится возлагать на язык. Но могущественный фактор времени сделал и тут свое дело: как и следовало ожидать, системно организованные уровни языка – его фонетика-фонология и морфология – давно и полностью ассимилированы и не дают для нашей цели ничего. К счастью, остаются показания лексики, но и они в данном случае единичны, прежде всего этноним *Срб(ин)*, праслав. *srъbъ, исконнославянское происхождение которого не кажется нам убедительным в свете изложенного выше. Этноним привнесен извне. Кое-что (немного) может подсказать антропология, которая устанавливает арменоидный тип в западной части Балканского полуострова и на Кавказе⁹⁶. По-прежнему важные указания

⁹² Treimer K. Die Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954. S. 22, 37, 41, 47, 75.

⁹³ См. статью: Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. С. 73–75.

⁹⁴ Swoboda W. Serbowie starożytni // Słownik starożytności słowiańskich. V. C. 146 (там же остальная литература). Особенно см.: Labuda G. Serbia Biała // Ibid. C. 142.

⁹⁵ См.: Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 102.

⁹⁶ Gładkowska-Rzeczycka J. Słowianie, Struktura antropologiczna // Słownik starożytności słowiańskich. V. C. 281.

о миграции сербов уже в пределах славянской территории содержатся в славянских и византийских письменных источниках: примерно в одно и то же время (X в.) сербы известны близ Южного Буга, а также на Западе, в местности Воіки неподалеку от империи франков, и, наконец, на Балканском полуострове. Некоторая статичность этой этнической картины, в основном по Константину Багрянородному, искупается более динамичными свидетельствами самих этнонимов в тех их формах, которые до нас дошли в сочинении византийского императора. Последний называет сербов в земле Воіки **белыми**, как и соседних с ними хорватов (Const. Porph. De adm. imp., 32)⁹⁷, что значило, очевидно, "западные" (вероятно, влияние на славян тюркок-аваров, поскольку именно в тюркских языках отмечается символическое обозначение запада как белой стороны). Белые сербы были названы таковыми (западными) по отношению к первоначально более восточному местонахождению всего племени или его части. Возможно, что это перемещение на запад надо датировать гораздо более ранним временем, поскольку с какими-то сербами определенно связаны Montes Serrorum в Трансильванских Альпах, т.е. в Карпатах, упоминаемые Аммианом Марцеллином (IV в. н.э.; Amm. Marc. XXVII, 5, 2-3)⁹⁸.

Но наиболее вероятным первоначальным районом вхождения сербов в пределы славянства остается течение Южного Буга, т.е. местность, сопредельная со Старой Скифией Геродота. Мы практически ничего не знаем из ономастики античных сербов на Северном Кавказе. Вероятно, они проникли оттуда после II в. н.э. через Керченский пролив в Крым, о чем говорят косвенные данные. Пребывание этих древних дославянских сербов в Крыму оставило в истории лишь смутные отголоски вроде татищевского: "Серби, сераби, которые иногда в Таурике, иногда на Дунае"⁹⁹. Но уже между топонимией Крыма и Карпат *насчитывается* несколько определенно старых соответствий, которые можно попытаться связать с интересующим нас утраченным этносом и истолковать в направлении с востока на запад.

Бадрак, название реки в Юго-Западном Крыму, уже давно сравнивали с гидронимом *Vodrog*, приток Тисы в Карпатах¹⁰⁰; последнее название не этимологизируется из окружающих старых и новых европейских языков¹⁰¹. Крымская форма *Бадрак* типологически более первоначальна (возьмем хотя бы исход *-ак*), и в порядке гипотезы можно предположить ее родство с др.-инд. *bhadra*- 'хороший, красивый'. Напротив, трудно говорить о близости Воіки у Константина Багрянородного (видимо,

⁹⁷ См.: Labuda G. Op. cit.

⁹⁸ Цит. по кн.: *Županić N. Srbi Plinija i Ptolemeja. Pitanje prve pojave Srba na svetskoj pozornici sa historijskog, geografskog i etnološkog stanovišta* // Сборник радова посвећен Јовану Цвијићу поводом тридесетогодишнице научног рада. Београд, 1924. С. 578.

⁹⁹ *Татищев В.Н. История российской. I. М.: Л., 1962. С. 330. – Источники?*

¹⁰⁰ В.Н. Юргевич, цит. по: *Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал* // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. II. Симферополь. 1928. С. 30.

¹⁰¹ *Šmilauer V. Vodopis starého Slovenska. Praha; Bratislava, 1932. С. 420; Bednarczuk L. Zagadnienie przedślowiańskiej hydronimii Karpat* // Rocznik naukowo-dydaktyczny WSP w Krakowie. Prace językoznawcze. II. 1973. С. 23.

первоначально 'земля боев, кельтского племени') и *Бойка*, *Байка*, название горного массива в Крыму¹⁰². Сложность усугубляется находкой для последнего эпиграфической формы *По́йка*, XIV в.¹⁰³, возможно, тоже наиболее первоначальной и авторитетной в плане этимологии. В качестве осторожной гипотезы можно предположить в крымском названии суффиксальное производное от корня, представленного в др.-инд. *páyate* 'набухать, наливаясь', *páyah* 'молоко, жидкость', ср. греч. *πῶα*, дор. *ποῖα* 'луг' как 'поющийся, наливающий (молоком)'; гора *Бойка*, действительно, покрыта хорошими лугами.

Если предыдущие сравнения относительно мало выразительны в смысле преимущественной индоарийской принадлежности и имеют для нас в основном значение точно локализованных крымско-карпатских топонимических соответствий древнего вида, то предлагаемое нижеследующее сравнение перспективно именно в столь ценном лингвистическом плане. Речь идет о родстве названия реки *Nitra* в бассейне Дуная, в Карпатах, явно дославянского и традиционно неясного¹⁰⁴, и топонима *Чигенимтрабогаз*¹⁰⁵, обозначающего проход через Караби-яйлу в Карасубазар. Крымский топоним прекрасно этимологизируется как сложение основ др.-инд. *jīgāti*, *jigeti* 'идти' и *netrá-* 'провод, проход', также в качестве названия реки¹⁰⁶. Индоарийское **jiga-netra-*, реконструируемое из крымского *Чигенимтра* путем несложных операций (ср. известную вариативность отражения *ч/дж*- в начальной позиции в тюркоязычной среде и – в целом – возможные изменения вокализма в условиях гармонии гласных), означало "пеший проход", ср., калькирующее его татарское *богаз*. Нам пока неизвестна письменная история слова *Чигенимтра*, но его современная форма – пример редкостного сочетания древности и относительной сохранности употребления. Наиболее вероятное истолкование получает при этом и название реки *Nitra* в Карпатах, тождественное второму разобранному компоненту *netra-*. Др.-инд. *netrá-* (**naitra-*) – отглагольное производное с суф. *-tr-* от *náyati* 'вести', ср. еще авест. *naye'ti* 'нести, вести'. Кстати, из всех славянских языков один сербохорватский имеет странную глагольную основу – инфинитив *-nijeti*, *-nět*, *-niti* 'нести' (только с приставками, например, *zānijeti* 'понести, забеременеть'), аорист *nijeh* – супплетивно подключенную к *něsti* 'нести', но продолжающую совершенно особое праслав. диалект. *něti, ускользнувшее от внимания этимологов. Этот праславянский реликт тождествен упомянутому индоиранскому глаголу

¹⁰² Списки населенных мест Российской империи. XLI. Таврическая губерния. СПб., 1865. С. 98; *Маркевич А.И.* Указ. соч. С. 20–21.

¹⁰³ *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангуна. Л., 1933 (= Известия ГАИМК, 71). С. 9.

¹⁰⁴ *Šmilauer V.* Op. cit. S. 337; *Bednarczuk L.* Op. cit. P. 26; *Kiss L.* Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978. С. 475.

¹⁰⁵ Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семёнова-Тяньшанского и под общ. рук. П.П. Семёнова-Тяньшанского и В.И. Ламанского. XIV. Новороссия и Крым. СПб., 1910. С. 785.

¹⁰⁶ *Monier-Williams M.* Op. cit. P. 568. Ср. толкование крымских *богазов* именно как проходов, прорытых реками в хребте, см.: Россия... С. 785.

РУСЬ, РОССИЯ*

Вот уже более тысячи лет гремит это имя над землей. Все знают его, все знают, что оно означает. И, как часто бывает с общеизвестными и повседневными понятиями, употребляют, не задумываясь, не сомневаясь в ясности и понятности. Однако тот, кто задумывался над происхождением и древним значением этого имени, имел случай убедиться, как далеко оно от ясности, как труден ответ на простой вопрос, один из основных вопросов нашей науки, да и не только науки, но и пытливого национального самосознания: откуда пошла Русская земля?...

Их было много – тех, кто задавался этим вопросом, и первым был Нестор-летописец, начавший с этого свою знаменитую Повесть временных лет. Нестор был политиком и мыслителем своего времени и, видимо, разделял ходячее мнение, будто вящей славе способствует иноземная родословная верхушки племени. Этим вызвано отождествление у Нестора варягов-норманнов с Русью ("И идоша за море к варягом к Руси"), упоминание Руси в перечне рядом с готами и *агнянами* (англичанами). Так родился норманизм ("От тех варяг прозвася Русская земля..."), родился, между прочим, в России, на Руси как проявление все той же неумной, типично русской пытливости. С тех пор утекло много воды, и в новое время теория норманского (древнешведского) происхождения русского имени обросла огромной литературой, в основном за границами России, с этой литературой нелегко сладить даже ученому-специалисту. Но основа осталась та же, а она вызывает чем дальше – все больше сомнений. Искомое названия племени *родс* в Швеции обнаружить не удалось. *Рослаген*, собственно, 'гребной, мореходный закон' – название прибрежной области Средней Швеции, отражает уже развитые феодальные повинности в самой Швеции и не может быть источником нашего имени *Русь*.

А главное – и это окончательно доказано усилиями советских историков – это то, что название *Русь* шло и распространялось не с севера на юг, а с юга на север, т.е. тем же магистральным днепровским путем, которым вообще шло начальное освоение нашей Родины нашими предками-славянами. Объем понятия *Русь* ширился постепенно. И теперь еще наш современник за Уральским хребтом традиционно представляет себе Россию лежащей к западу от Сибири, хотя все это – и к западу, и к востоку – давно обретается в России, Российской Федерации. Начиналось все с относительно малого пространства на юг от Киева, рано перекинулось по обоим берегам Среднего Днепра и лишь потом, хотя тоже довольно рано, охватило земли южнее Ильмена (Руса, Старая Руса).

* Впервые опубликовано: Советская Россия. 2 сентября 1979 г.

Иногда акцентируют – в противовес означенной выше норманистской теории – возможные исконнославянские истоки названия *Русь* (ведь русские – славянский народ!) и ищут связь со словом *русый* (так сказать, народ светловолосых, блондинов) или же думают о слове *русло* (жили издревле на реках...). Увы, это только похоже на правду, и *русый*, и *русло* (или его корень) знают другие славяне, а название *Русь* родилось только на юго-восточной периферии древнего славянства. Периферия не значит глушь, и здесь, на этих просторах земли к северу от Черного моря, которые в старину звались южнорусскими степями, кипела жизнь, складывались формы межплеменного общения и свои традиции наименований. Еще эти степи называют скифскими и сарматскими, но их этническое прошлое было богаче. В VI в. на этих берегах упоминается народ *рос*, а также *росомоны*, с которыми (а также с роксоланами) пытался связать нашу Русь не кто иной, как Ломоносов.

Конечно, трудно сказать сейчас, кто были эти народы, от которых едва дошло до нас одно название. Никто всерьез не может прямоком производить от них Русь. Роксоланы правдоподобно толкуются как 'белые аланы', при этом вспоминают об осетинском слове *рухс* 'светлый'. Такая версия происхождения имени нашего народа тоже существует и с переменным успехом дебатруется. Все хорошо, но есть детали, незначительные лишь на первый взгляд. Дело в том, что в древности осетинское *рухс* звучало как *раухина* в устах иранских по языку скифов, сарматов, аланов нашего юга. *Русь* отсюда объяснить нельзя... Необходимо предположить (также и по другим данным, которые здесь опускаем), что рядом с иранцами-скифосарматами и, помимо них, в Северном Причерноморье обитали другие племена, которые называли белый цвет близким, но самобытным словом, оставившим след в этнонимах (племенных названиях) этого района.

В уже упомянутом *рос* (VI в.) отражено, возможно, индоарийское (прандийское) *рукш*, или его диалектный, народный вариант *русс*. Итальянские старые карты знают на берегу западного Крыма название *Россатар*, которое мы читаем с помощью древнеиндийских данных как "Белый берег". Как эквивалент ему – древнерусское *Белобережье* – известно по соседству, в устье Днепра. Предки индийцев на юге Украины! Не слишком ли сильное допущение? Нет, не слишком, потому что наши (славянские, иранские, индийские) общие предки когда-то жили именно где-то здесь. В общих чертах это известно давно. Но науке нужны новые факты, чтобы лучше знать, как общались друг с другом, когда разошлись своими путями, и кто и сколь долго оставался на старых местах.

То, что для славян было юго-восточной окраиной, для северо-понтийских племен было западом и северо-западом. В некоторых языках заметно до сих пор обыкновение звать запад белой, светлой стороной (свет солнца дольше держится на западе). В первые века нашей эры Северное Причерноморье было западом для многих кочевников, двинувшихся в великое переселение с востока. *Белый берег*, *Белобережье*, *Рос* – так обозначалось это на разных языках общавшихся между собой племен этого района. Здесь, по-видимому, и зародилось название *Русь* – 'Белая

сторона' – с забытым ныне значением. Естественно думать, что забылось оно лишь со временем, не сразу, что должны в таком случае отыскаться хотя бы косвенные и старые следы такого понимания.

Вот, пожалуй, один из них. Так называемая Степенная книга содержит место, не привлекавшее до сих пор должного внимания: "Русы, иже и кумани живуци во Ексинопонте", т.е. буквально – "руссы, которые также куманы, живущие в Причерноморье". Казалось бы, что за несуразное отождествление русских и куманов (половцев)! Но тюркское *куман* значило 'светлый', и это понимали на Руси, именуя их еще и половцами 'светлыми' (разумеется, не за цвет волос или лиц, ведь речь идет о монголоидах). Между этими известными фактами все еще не сделана увязка, кажущаяся нам необходимой. Дело в том, что тюрки-кипчаки стали куманами (половцами), как будто только попав в орбиту Древней Руси, вступив в Северное Причерноморье, в "Белую сторону" (с XI в.). Тюркский элемент имелся здесь и до них, и они восприняли от него межплеменное обозначение этой страны, став куманами, т.е. "светлыми", "западными" и, если угодно, "русскими" тюрками.

Русь изначально была юго-восточным форпостом славянства, и это отпечаталось в ее названии. Языковедение вносит свою лепту в изучение истории народа. В одном названии порой сфокусирована целая эпоха. "Кто верно истолкует название Руси, тот получит ключи к разъяснению ее первоначальной истории", – сказал в свое время знаменитый польский ученый Брюкнер. И он был прав.

ИЗ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ*: ЯНТАРЬ

Пример с названиями янтаря, кажется, должен показать фиктивность обычно принимаемого направления одного заимствования.

Основным названием янтаря в балтийских языках является лит. *gintāras*, *giñtaras*, известное также в старых вариантах *gentāras* и *jentaras* (в словаре Нессельмана), лтш. *dzītars*, *dziñtars*, *zītars*¹. Ему соответствует русск. *янтарь* (прочие славянские формы – из русского), которое Френкель назвал даже "родственным" балтийскому слову², хотя фонетика говорит об иных отношениях. Какими именно были эти отношения между балтийским и славянским словом, ученые, кажется, решили давно и единогласно. Еще Будилович сто лет назад писал: "Можно бы думать, что так как первыми добывателями этой окаменелой смолы были поморские литовцы, то их слово (*jentaras*, *gintaras*) заимствовано было соседними славянами"³. Этот ученый пришел также к логичному выводу, что заимствование не могло быть древним, иначе ожидалось бы русск. *ямарь, чеш. *jatar или *jetar и т.д. Балтийскую этимологию закрепил Миклошич: "Русск. слово – это лит. *jentaras*, *jintaras*, *gentaras*, лтш. *dzintars*. Известно также ср.-лат. *gentarum* и нем. *kentner*"⁴. То же самое находим у Бернекера, который, однако, обращает внимание на то обстоятельство, что балтийское название – "ein dunkles Wort"⁵. Объяснение из лит. *jentaras*, *gintaras* прочно вошло во все этимологические словари⁶. Этому способствовала популярная репутация Прибалтики как янтарного края, а литовцев – как его аборигенов. Сложности и противоречия этой концепции проявились не сразу. А состоят они в том, что, во-первых, *gintaras* не этимологизируется с точки зрения балтийских языков и ведет себя там скорее как заимствованное (ср. хотя бы варианты *gintaras* и *jentaras*), во-вторых, балты – не аборигены берегов Балтийского моря; согласно Буге, "современная Литва – не родина литовцев, потому что они до VI в. н.э. еще жили к востоку от Вильнюса и Минска"⁷, то же самое может быть

* Впервые опубликовано: Этимология. 1978. М., 1980. С. 3–18. Здесь дается в сокращении.

¹ Fraenkel I, S. 152.

² Frenkelis E. Baltų kalbos. Vilnius, 1969. С. 26.

³ Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян, ч. 1, вып. 2. Киев, 1879. С. 291.

⁴ Miklosich, S. 99.

⁵ Berneker I, S. 445.

⁶ Brückner, c. 50; Фасмер IV, с. 558; Sławski I, с. 501.

⁷ Вуга К. Rinkiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961. С. 551 и сл.

сказано о латышах, более восточное распространение имели и западные балты, пруссы, ср. галинды – голядь в Поочье и ряд верхнеднепровских речных названий от древнепрусского *stabis* ‘камень’. В-третьих, Прибалтика – не единственный янтарный край, янтарь по рекам Скифии был известен уже древним, но об этом – далее. Наконец, уместно добавить, что, по мнению специалистов, янтарь практически не фигурирует в литовском устном народном творчестве (фольклоре).

Своего рода попыткой разобраться в противоречиях, связанных с названиями янтаря, была статья Б.А. Ларина⁸. Суть ее сводится к следующему. Свидетельства о слове *янтарь* в русских письменных текстах – не старше XVI в. (1551 г. и позднее), и они указывают на янтарь из Прибалтики, однако соответствующие литовское и латышское названия сами из балтийского не этимологизируются. Далее, Ларин обращает внимание на венг. *gyantár* ‘янтарь’ и *gyanta* ‘смола’, что, впрочем, уже до него сделал Миклошич. Формальная и семантическая вариации венгерских форм (с *-r* и без *-r*, наличие двух самостоятельных значений ‘янтарь’ и ‘смола’), по мнению Ларина, “указывают на большую близость венгров к языку-первоисточнику”. Следом за этим Ларин делает вывод, что некие “северноевропейские поморы” (не балтийские и не славянские племена), участвуя, с одной стороны, в янтарном промысле в Прибалтике, с другой стороны, – “могли соприкоснуться в пределах северо-востока Европы с предками венгров, с угорскими племенами, до занятия последними своей теперешней родины”. Ларин полагает, что его предположения находят поддержку в разысканиях Розвадовского, Фасмера, Лер-Сплавинского, допуская наличие отдельных топонимических следов финно-угров “дальше на юго-запад”, в Прибалтике, но если мы вспомним, что упомянутые (кстати, единичные и скорее проблематичные) топонимические этимологии этих ученых относятся к финской, а отнюдь не к угорской ветви, догадка Ларина о передаче названия янтаря и смолы из Прибалтики предкам угров в Приуралье делается крайне зыбкой, ее не спасает объединение обеих весьма далеких ветвей общим термином “финно-угорский”. Ясно, что угров не было в Прибалтике и у них не было достоверных общений с ее древним населением. Концепция Ларина, надо признать, в данном случае уводит нас в сторону от бесспорных достижений науки. Учитывая узловое, культурно-историческое значение вопроса, приходится говорить об этом подробно, тем более, что содержание статьи Ларина некритически перенимается некоторыми исследователями. Например, во втором, посмертном издании чешского этимологического словаря В. Махека читаем: “*jantar*... Согласно подробно объяснению Б.А. Ларина, *Raksti kģājums* (сборник, посвященный Эндзелину), Рига, 1959, 149 и сл., это слово происходит из какого-то угорского языка (угрофиннов), носителями которого сидели в древности у Балтийского моря и собирали янтарь. На это происхождение указывает то, что угрофинские языки имеют исходное слово со значением ‘смола’, напр. венг. *gyanta* значит 1. ‘янтарь’, 2. ‘сосновая смола’, 3. ‘глазурь’. Торговыми путями название янтаря

⁸ Ларин Б.А. О слове *янтарь*. – Цит. по: Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 73 и сл.

попало в "балтийские" языки (лит. и лтш.), которые первоначально были не у моря, а восточнее, а от них к другим народам"⁹.

Раз такое значение придается данным венгерского языка в нашем балто-славянском вопросе, что, согласимся, большая редкость, обратимся к новому "Историко-этимологическому словарю венгерского языка", который дает формы *gyanta*, *jánta*, *gyantár* и их варианты (засвидетельствовано после 1500 г.) и характеризует это название как "заимствование, причем ни конечный источник, ни непосредственный передатчик должным образом не определены... В средневековую латынь, в немецкий и русский попало из балтийских языков, а в большинство славянских... из русского, по большей части в новое время. – Венг. *gyantár*, возможно, производится от основы средневекового лат. *gentarum*"¹⁰. Отпадение *-r* во вторичной форме *gyanta* венгерские этимологи объясняют внутренним венгерским развитием. Как и следовало ожидать, финноугроведы не говорят ни о каких уграх в Прибалтике, ни о доисторических прибалтийско-угорских связях, а в свете того единственно реального, что венгерские этимологи сочли возможным включить в свой словарь, делается ясно, что венгерское слово как позднее местное заимствование для дальнейшего исследования вопроса о балтийском и русском названии янтара интереса не представляет и может быть исключено нами из рассмотрения. В результате предпринятого исключения лишних форм мы опять остаемся лицом к лицу с двумя этимологически темными словами: лит. *gintaras* и русск. *янтарь*. Как уже ясно из предыдущего, сколько-нибудь достоверной балтийской или индоевропейской этимологии для литовского слова пока не предложено. Только полноты ради можно упомянуть попытку Петерссона, который, как и Ларин, искал связь с названиями смолы, но при этом реконструировал и.-е. **g^hentor*, сближая его с др.-инд. *jātu* 'лак, резина', лат. *bitūmen*, 'горная смола'¹¹. Но одной ссылки на лит. *jentaras* (см. выше) достаточно, чтобы свести эту индоевропейскую этимологию на нет. Вариант *jentaras*, кстати, не случайно обозначается как старый, распространенная форма лит. *gintaras* должна объясняться из него, а не наоборот. При объяснении случаев *g* < *j*- в литовском, главным образом в ономастике, иногда вспоминают известную фрикативность *g* в нижнемецком и существующую там в связи с этим вариативность *g* : *j*, широко отражавшуюся и в старой письменности, например, как написание через *g*, откуда могли идти влияния на литовский¹². Ларин в упоминавшейся статье рассматривал *jentaras* скорее как безупречную запись, выполненную немцем, вместо реального *gentaras*, т.е. с заменой *ge-* на *je-* под означенным влиянием немецкого областного произношения. Но данные исторической ономастики документируют как раз обратное

⁹ Machek², с. 216.

¹⁰ A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I. k. Budapest. 1967. С. 1120.

¹¹ Petersson H. Studien über die indogermanische Heteroklisie. Lund, 1921 (= Skrifter utgivna av Vetenskaps-societeten i Lund 1). S. 62–63.

¹² Vanagas A. Del upės vardo Danė (Danija, Dangė) // Lietuvių kalbotyros klausimai III. С. 317
и сл.; Idem. Del vietovardžio Labguva darybos ir kilmės // Baltistica 1966 I (2). С 185 и сл.

направление замены, поскольку известен ряд форм, где более старшие написания с *i, j* вытесняются, как полагают, под средненижненемецким воздействием, новыми написаниями и произносительными вариантами на *g*: *Labia, Labiau* > *Labguva, Danija* > *Dangè, Minija* > *Mingè* и т.д. Процесс спирантизации *g* > *j* в нижненемецком вызывал тенденцию гиперкорректности в виде передачи этимологического *j* через *g* на письме и вслед за этим — в произношении¹³. Следовательно, не *jentaras* из *gentaras*, а *gentaras* из *jentaras*. Таким образом, в лит. *jentaras* мы имеем не описку, как склонен был думать Ларин, а наиболее старый и, судя по всему, этимологически наиболее авторитетный вариант. Все показания с балтийской стороны на этом как будто исчерпываются, тогда как особая близость лит. *jentaras* и русск. *янтарь* приобретает новый смысл: не русск. *янтарь* заимствовано из лит. *gintaras, jentaras*, а лит. *jentaras* было заимствовано из русск. *янтарь*, выявлением судеб и условий заимствования которого нужно теперь заняться вплотную. 1551 год, которым обычно датируют первое упоминание русского слова в форме *ентарь* (собственно, *ентарю*, гер. паг.; ... да два сукна свиточныхъ, да ентарю пять гривенокъ. Арх. Строева I, 334, по "Материалам" И.И. Срезневского и по данным Картотеки ДРС), конечно, следует признать случайно поздней датой. Чуть более раннюю дату Травника Любчанина 1534 г. (рукоп. XVII в. ГИМ, Картотека ДРС: Смола... азъ чаю что то естъ *ентарь*) тоже нельзя считать пределом древности. Более ранних свидетельств мы пока не знаем, поэтому приходится прибегать к вероятностям и реконструкциям. Но слово старше своих письменных свидетельств; не случайно даже окольным путем попавшее в венгерский язык и безусловно позднее слово *gyantár* известно там уже вскоре после 1500 г. (см. выше). Конечно, фонетическая форма русск. *янтарь, ентарь* (сохранение группы согласных *-нт-*) заставляет датировать его появление временем после X в., т.е. после падения носовых, что, впрочем, достаточно условно. Кстати, древность появления слова в балтийских языках предполагается в период до XII в.¹⁴ (почему латышские формы *dziņtars, dzītars*, представляющие, очевидно, разные ступени аккомодации лит. *gintaras* испытали уже типично латышские изменения).

Оспорив литовскую этимологию русск. *янтарь*, мы продолжаем, естественно, считать его заимствованием в соответствии с его фонетической характеристикой, необъяснимой на русской языковой почве.

¹³ Думается, однако, что было бы неправильно относить за счет немецкого влияния все случаи вариантности и взаимоперехода *j* и *g*, поскольку их проявления более разнообразны. Отметим Бугой др.-русс. *Нювгинь* = лит. *Nauginis* 'Двинск, Даугавпилс' (*Вига К. Rinkūnii raštai*, III. Vilnius, 1961. С. 570). Интересно специально изучить вопрос о вариантности *j* > *g* в исконной лексике, ср. лит. *kūjis, kūgis* 'кузнечный молот'. И в русской исторической фонетике отмечены аналогичные колебания, которые нельзя свести только к просторечной передаче; скажем, греч. у фрикативного и т.д., ср. *Юрий, Егор*, вместо книжного *Георгий*, *даль-енерал*, вместо *генерал*, гиперкорректное *генварь* при *январь*. О большем разнообразии явления говорит варьирование исходов слов *...рья / ...рья* в северновеликорусском, ср. его ко-венные отражения вроде фамилий *Северин*, но *Севергин*.

¹⁴ Ларин Б.А. Указ. соч. С. 78.

Остается теперь выяснить происхождение иноязычного *jantar-, которое легло в основу русского слова. Этимологические действия целесообразно при этом координировать с показаниями синонимов со значением 'янтарь' в русском и других языках, особенно тех из них, которые какими-либо особенностями формы и словообразования представляют интерес именно для прояснения нашего слова. Привлекать все названия янтаря не входит в наши задачи. На их множество обратили внимание не только лингвисты. "Трудно найти другой камень, который носил бы столько различных наименований, как янтарь", – писал академик А.Е. Ферсман¹⁵. Но одно из этих названий вызывает наш интерес в первую очередь: русск. *алатырь* м.р. 'загадочный камень, поминаемый в сказках и заговорах' (Даль², I, с. 9). Старые ученые определенно предполагали в нем название янтаря, ср. напр. Даль (там же): "вероятно, янтарь, греч. электрон, переделанное на татарский лад". Будилович, взвешивая разные возможности, предполагает даже, вслед за Афанасьевым, самостоятельное образование "из корня *ark*, *ǰlk* 'блистать'"¹⁶, что может пригодиться в дальнейшем. Но блистательные исследования А.Н. Веселовского и его школы, вскрывшие и связавшие с алатырем в первую очередь христианский пласт преданий и представлений о чудесном камне в основании Сионской церкви, о камне-алтаре-трапезе и камне-алтаре-престоле¹⁷, кажется, несколько оттеснили на задний план то древнее значение и употребление этого слова, которое поддается определенной идентификации и даже географической локализации и интересует нас здесь больше всего.

Особенно древними свидетельствами о слове *алатырь* мы тоже не располагаем. Сведений о нем нет в Картотеке СДР XI–XIV вв. (кстати, там нет и данных о слове *янтарь*, *ентарь*). Картотека ДРС содержит упоминание в Сборнике загадок XVII в.: Есть сре^д моря шки^лна бѣл^ъ кам^е лата^р. Сопутствующий постоянный эпитет помогает опознать обозначаемый предмет. По мнению специалиста, – "алатырь 'бел-горюч камень' – единственный камень наших народных поверий. Кроме него, только в двух-трех местах наших былинных песен упоминается еще кое-где о камнях: антавенте, тироне и яхонте. Это невольно наводит на мысль, что мифический камень алатырь может означать один янтарь"¹⁸. В противовес молчанию русских письменных источников с X по XVI век минералогия называет янтарь наиболее замечательным камнем древности и основным драгоценным камнем Киевской Руси¹⁹. Это нашло отпечаток если не в письменной истории, то в народном сознании. Такой уникальный памятник народного творчества, как Голубиная книга, отводит в своей

¹⁵ Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. Изд. 2. М., 1974. С. 120.

¹⁶ Будилович А. Указ. соч. С. 291. См. еще: Надеждин Н. О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно этнографии русской. II // Русская беседа 1857. IV, второй год, кн. 8-ая (раздел "Смесь"). С. 37–38.

¹⁷ Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. III. Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Грале. СПб., 1881; Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 171 и сл.

¹⁸ Пыляев М.И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. Изд. 3. СПб., 1896. С. 76.

¹⁹ Ферсман А.Е. Указ. соч. С. 34, 37.

космографии этому камню почетнейшее место: "Латырь-камень камням отец", "алатырь-камень – всим камням мати", "бел алатырь-камень камням мать"...²⁰

В устной народной поэзии название камня всегда фигурирует в одной форме *алатырь* или *латырь*. Только в одном варианте стиха о Голубиной книге встречается *илитор*, слишком напоминающее старое книжное название янтаря – *илектрон* из греч. ἤλεκτρον. Интересующая нас форма *алатырь* походит на эти последние, оставаясь при этом совершенно самостоятельным названием. И то и другое полезно учесть при этимологизации. Неизменным постоянством отличаются эпитеты при этом названии: бел-горюч камень *Алатырь*, *белолатырь*, *белатырь*. Их толкующая и переводная функция имеет прямое отношение к употреблению и значению и должна помочь пролить свет на первоначальное внутреннее содержание слова. *Янтарь* и *алатырь* обозначают один и тот же предмет, но в их употреблении отмечаются большие различия: народная поэзия, Голубиная книга знает только название *алатырь*, окружая его самыми высокими поэтическими атрибутами, и не знает слова *янтарь*. В свете известных фактов *алатырь* выступает как бы в роли культового термина, а *янтарь* – в роли технического термина, принадлежа к разным сферам лексики. Но необходимо отметить между ними общность, в которой, надо думать заключается ключ к тайне происхождения обоих названий: общий исход слова. Др.-русск. *лата*^p (XVII в., см. выше) показывает первоначальность *-а-* в заударном слоге и позволяет реконструировать форму **алатарь*, ср. *янтарь*. Оба названия имеют исход *-тарь*. Конечной мягкостью как, видимо, вторичной и благоприобретенной на русской почве можно пренебречь, после чего остается *-тар-*, имеющее вид словообразовательного форманта, а это уже резко повышает эффективность дальнейших поисков: найти язык или языки со словообразовательной морфемой *-tar-* не так уж трудно. Но сначала надо исключить момент произвольности именно такого членения. *Илитор* / *илектрон* и *алатырь* / **алатарь* не случайно как бы взаимозаменяемы.

Греч. ἤλεκτρον 'янтарь', 'электр (сплав золота с серебром)', с которым уже давно, но без необходимой четкости и аргументации связывали наше слово *алатырь*, является старым словом эпического греческого языка. Беглой справки в новейшем греческом этимологическом словаре достаточно, чтобы убедиться, что этимологизация ἤλεκτρον находится не в лучшем состоянии. Однако для нас важна констатация его принадлежности к лексике древнейшей греческой эпики и этимологическое тождество слову ἠλέκτωρ 'сияющий', эпитет солнца; наличие дорических форм на *ἄλ-* показывает первоначальность формы **ἄλεκτωρ*, **ἄλεκτρον*. Важно и заключение о словообразовании: "Слово – явное производное с суффиксом *-τωρ* от индоевропейского корня, но от какого?"²¹ Греческие формы оставляют впечатление индоевропейского наследия: полная сту-

²⁰ Надеждин Н. Указ. соч. С. 36; Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб. 1860. С. 18; Ляцкий Е.А. Стихи духовные. СПб., 1912. С. 13.

²¹ Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1–2. P. 409.

лень суф. -тор характеризует имя деятеля ḥlékτωρ, сияющее Солнце, основа на согласный; ступень -тр-о- с тематическим гласным основы выступает в названии орудия ḥlékτρον. Слово *алатарь как бы дублирует архаическое греч. *ἄλεκτωρ, однако на базе иного языка. Сравнение с греческим помогает нам сделать следующий шаг в реконструкции *алатарь: это слово, окончательно сбросив русское обличье, предстает перед нами в праформе *alaktar- (группа -kt- перед задними гласными на славянской почве упрощалась в -t-). Вычленение суф. -tar- подтверждается, одновременно становится ясным, что форма *alaktar- порождена языком, в котором индоевропейские *e/o* (ср. *ἄλεκτωρ) слились в *a*. Короче говоря, возникает гипотеза, согласно которой русск. *алатырь* / *алатарь заимствовано из *alaktar- индоиранского типа, ср., с другой ступенью корневого вокализма, др.-инд. *ulkā* 'огненное небесное явление, метеор', обычно сближаемое с греч. ḥlékτωρ. Память о семантике основы *alaktar сохранена поясняющими эпитетами *бел-горюч камень латырь*.

Привычным представлениям о местах, народах, языках, связанных с янтарем, это скорее противоречит, поэтому необходимо заняться вопросом географической локализации, для чего в духовном стихе о Голубиной книге содержатся указания, до сих пор полностью не прочтенные. Еще Веселовский, анализируя Алатырь, намеревался это сделать: "Я попытаюсь внести несколько свету в путаную географию песни и духовного стиха... Может быть, нам удастся набрести по пути и на загадочный камень алатырь"²². Свет был пролит Веселовским только на палестинско-христианские места стиха, но это не относится к нижеследующему эпизоду (или эпизодам) из Голубиной книги. В белорусской редакции стиха место читается так:

...Патаму Латырь-камень всим камням аец,
 Ляжыць ион сиридзи моря,
 Сиридзи моря сиридзи синява,
 Идуць па морю многа карабельщиков,
 Гли таво камня астанавліваюцца,
 Яны бяруць многа с яво снадабья,
 Пасылаюць па всяму свету белому...²³

Надеждин думал, что именно в этом эпизоде белорусской редакции имеется в виду янтареносное Балтийское море²⁴, и против этого трудно спорить, но стоит обратить внимание на сходный, хотя и самостоятельный эпизод в великорусской редакции, с дополнительными географическими деталями:

Камням камень мать
 Кармаус камень Илитор;
 И лежит он у моря Теплого,
 На восточном устье Волгском;

²² Веселовский А.Н. Указ. соч. С. 4.

²³ Варенцов В. Указ. соч. С. 234.

²⁴ Надеждин Н. Указ. соч. С. 36-37.

А коя рыба с моря поидет,
И о камень потрется,
И на Русе той рыбы ловцам не добыть,
И птицам ее не убить,
И того году смерти ей не будет²⁵.

Верно, хотя еще и недостаточно, сказать, что Теплое море великорусской редакции Голубиной книги – это Черное море²⁶. Кроме тавтологического имени *Кармаус*, заняться которым, видимо, следует особо, нас еще долго может продолжать смущать устье *Волгское* на Теплом (= Черном?) море, пока мы не обратим внимание на мыс *Воложская коса* в Днепро-Бугском лимане Черного моря²⁷, собственно – неверная запись названия *Волошская коса*, ср. там же, напротив – *Русская коса*. Дешифровав устье *Волгское*, считаем необходимым повнимательнее присмотреться к старой ономастике этого залива при устьях Днепра и Буга и обнаруживаем идущее с античной древности название *φρούριον* 'Алэкторос' 'укрепление Алектора', например в Борисфенитской речи Диона Хрисостома (ок. 100 г. н.э.): ἐκδιδάσκει δὲ οἱ ποταμοὶ εἰς θάλατταν παρὰ φρούριον Ἀλέκτορος, ὃ λέγεται τῆς γυναικὸς εἶναι τοῦ Σαυροματῶν βασιλέως 'изливаются же реки (Борисфен и Гипанис. – О.Т.) в море около укрепления Алектора, которое, говорят, принадлежит жене царя савроматов' (Dio Chrys. Dind.)²⁸. Оратор рассказывает об окрестностях недавно посещенной им Ольвии. В раннее средневековье название еще продолжает жить, ср. в "Космографии" Анонима Равеннского: *Alecturum* (Rav. An. IV, 5), *Alecturia* (Rav. An. V, 11), *Allecturia* (Guidonis geographica)²⁹. Локализацию этого Алектора облегчает то, что у Анонима он упоминается всегда рядом с местностью *Dandarium*, тождество которой с нынешним островом Тендра у выхода из Днепро-Бугского лимана в море известно. Потом названный Алектор исчезает надолго, чтобы вновь отозваться лишь в др.-русск. *лата*^р (XVII в.) и в форме *Алатырь* в стихе о Голубиной книге указанным выше образом. Впрочем, ряд форм (и мест), отождествляемых с Алектором – Алатырем, может быть, удастся пополнить названием острова св. Елевферия, идентифицируемого одними с островом Березань, а другими – более вероятно – с упомянутым островом Тендра³⁰. Остров Елевферия (вар. Елферья и др.) фигурирует в ранней русской летописи о событиях X в.: И да не имѣють власти Русь зимовати в вустьи Днѣпра, Бѣльбережи, ни у

²⁵ Мочульский В. Указ. соч. С. 179.

²⁶ Там же. С. 180.

²⁷ Цит. по: Бурачков П.О. Опыт объяснения одного темного места в сказании Геродота о древней Скифии // Труды III археологического съезда в России. Т. II. Киев, 1878. С. 63, 64.

²⁸ Цит. по: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 172.

²⁹ Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ex libris manu scriptis eviderunt M. Pinder et G. Panthey. Berolini, 1860. P. 177, 369, 532-533.

³⁰ Бурачков П.О. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих // Записки Одесского общества истории и древностей. 1875. Т. IX. С. 40.

св. Елферья: нъ егда придетъ осень, да идуть въ дома своя въ Русь. Договор Игоря с греками. ПСРЛ I, 22–972³¹. Идентификация этимологическая остается здесь проблематичной, пока не будет доказано вторичное осмысление более древнего названия в связи с именем похороненного здесь епископа' Ελευθέριος.

Греч. ἀλέκτωρ известно в значении 'петух', но это его употребление вторично, ср.' Ἀλέκτωρ, личное имя собственное (и отнюдь не петушиное) у Гомера. Почему-то принято раскрывать первоначальное значение его имени – главным образом в применении к петуху – как 'защитник, боец', что находится в согласии с петушиными качествами, но не отвечает морфологии и словообразованию, ср., реплику Шантрена по поводу "d'un développement imprévu"³². При этом имя ἀλέκτωρ объясняют как производное от глагола ἀλέξω 'защищать', мирясь с явными противоречиями, хотя от этого глагола с этим суффиксом есть другие, закономерные производные со значением 'защитник': ἀλεξητήρ, ἀλεξητήρ. Их отнюдь не новый характер подтверждается соответствием др.-инд. *rakṣitár* 'защитник'. Греческие этимологические словари отражают народную этимологию, и слово ἀλέκτωρ образовано не от ἀλέξω, а тождественно этимологически эпитету солнца ἥλέκτωρ 'сияющий, светило', которого мы касались выше. Не как боец, а гораздо важнее – как провозвестник солнца – был назван словом ἀλέκτωρ петух, о чем подробно и убедительно говорится у В. Гена и что полностью было позабыто последующими этимологами: "Чудесная птица, возвещающая свет солнца, носившая (у иранцев. – О.Т.) жреческое имя *parōdars*, в эпоху пробуждения от мифических грез и начального бунта против эпических легенд и эпического языка была названа тоже мистическим и значительным именем *alektor*. Такие имена как *ēlektor Hyperion* 'лучезарный путник, солнце', *ēlektron* 'сияющий металл, солнечный янтарь', *Elektra* 'богиня сияющего, зеркального отражения', *Elektryon* (сын Персея, Электрийские острова, Электрийские врата в Фивах и т.д.), а также формы на *a-* – *Alektryon*, *Alektor* – были известны каждому образованному и благочестивому человеку из Гомера и героических мифов"³³. И ниже: "Обыкновенный петух получил свое название *alektor* от солнца и янтаря, солнечного камня"³⁴.

Эти старые открытия позволяют заново объяснить *Алектор-Алатырь* в Северном Причерноморье как 'Солнечный' или скорее 'Янтарный', причем форма Ἀλέκτωρ, φρούριον Ἀλέκτορος – вторичная гречизация близкой, но не греческой, туземной формы **alaktar-*, дошедшей на Русь как таинственное название *камень Алатырь*. Название, несмотря на

³¹ Цит. по: Барсов Н. Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1965. С. 19.

³² Chantraine. Op. cit. 1–2. P. 58.

³³ Hehn V. Cultivated plants and domesticated animals... P. 244.

³⁴ Idem. P. 270. – Связь петуха с чудесным солнечным камнем долго осознавалась, ср. В. Гси (там же, 243) относительно gemma alectoris, а также: Grimm J. Deutsche Mythologie. 2. Ausg. Bd. II. Göttingen, 1844. S. 1169: легенды о камне *alectorius*, который якобы растет в теле петуха.

темный характер употребления, дошло вместе с хорошим представлением о самом минерале, который, действительно, и бел 'блестящ', и горюч. Тем, кого продолжает удивлять географическое расположение этого источника янтаря, можно напомнить, что важнейшим путем янтаря в древности был не только путь от устья Вислы до Аквилеи на Адриатике, но и днепровский путь³⁵, а этот последний был ближе славянам и балтам, не вдруг покинувшим Верхнее Поднепровье; что Плиний называет ряд сортов янтаря — *sualiternicum*, *sacrium* — именно из Скифии; что по Среднему и Нижнему Днепру с древности до нового времени находили и собирали янтарь³⁶ и что минералоги включают вполне официально в единую Балтийско-Днепровскую янтареносную провинцию также нижнее течение Днепра, Южного Буга вплоть до устья этих рек³⁷.

После предыдущего подробного изложения будет логично поставить рядом названия *алатырь* и *янтарь* или лучше — их реконструкции — **alaktar-* и **jantar-* как близкие языковые образования. И то и другое, видимо, — производные с суф. *-tar-*, судя по всему, — со значением имени деятеля. При этом **alak-tar-* предположительно означало 'сияющий, жгущий и т.д.' В духе высказанного выше мнения о том, что слово *янтарь* — технический термин (ср. отсутствие его в культовой поэзии), мы этимологизируем его первоисточник в связи с др.-инд. *yāntar-* 'сдерживающий'³⁸, т.е. производное с суф. *-tar-* от глагольной основы *yam-* 'держат, сдерживать, удерживать'. Мотивом названия янтаря в данном случае явилась способность потертого и нагретого янтаря притягивать мелкие предметы, напр. солому. Это свойство янтарного магнетизма — весьма яркая черта, которой янтарь обязан рядом своих названий в разных языках, ср. греч. ἄρταξ 'хватаящий, похищающий', перс. *kahrūbā*, букв. 'похищающий солому', аналогичные сирийские, арабские названия³⁹.

Таким образом, два русских названия янтаря могли быть получены, в конечном счете, из севернопричерноморского индо-иранского или даже конкретнее (ср. выше характер соответствий) — индоарийского субстрата в той его части, которую мы отождествляем со Старой Скифией Геродота в низовьях Южного Буга и Днепра. Их первоисточники имели вид **alaktar-* и **jantar-*. Конечно, проблема передачи из арийского субстрата в славянский не снимается, особенно для формы **jantar-*, отражение которой в виде русск. *янтарь*, *ентарь* вызывает мысль об иноязычном посредничестве. Такими посредниками могли быть турки-булгары, на юге рано обосновавшиеся в Северном Причерноморье, а на севере контактиро-

³⁵ Ферсман А.Е. Указ. соч. С. 34.

³⁶ Ouvaroff A. *Recherches sur les antiquités de la Russie Méridionale et des côtes de la mer Noire*. Paris, MDCCCLV. P. 8: о находках крупных кусков белого янтаря (de gros morceaux d'ambre blanc) по Днепру, в районе порогов вплоть до начала XIX в.

³⁷ Савкевич С.С. Янтарь. Л., 1970. С. 52.

³⁸ Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, bearbeitet von Böhtlingk. Teil. 5. St. Petersburg. 1884. S. 127.

³⁹ Боголюбов М.Н. Сирийские названия янтаря у Ал-Бируни // Востокovedение. 3. Филологические исследования (Уч. зап. ЛГУ, 1977, № 389. Серия востоковедческих наук, вып. 19). С. 3-5 (с литературой).

вавшие с ранневосточнославянскими племенами. Во всяком случае ученых давно заинтересовали чувашские слова *janDar* 'стекло', *janDal* 'дорогие бусы', 'янтарь', относительно первоисточника которых, однако, не было ясности⁴⁰.

Итог наших разысканий можно сформулировать так: 1) русское слово *янтарь* получено не из балтийских и не из финноугорских языков; 2) оно восходит скорее всего к арийскому субстрату Северного Причерноморья; 3) в языке-источнике это было слово, производное с агентивным суффиксом *-tar-* и соответствующей семантикой.

Определенным итогом мы считаем, кроме того, указание на возможность таких решений в балто-славянском вопросе, которые уводят за пределы как балтийского, так и славянского.

⁴⁰ *Mikkola J.J.* Einiges über den eurasischen Bernsteinhandel // *Senatne un mäksla*, 1938, I, С. 33 и сл.; *Ларин Б.А.* Указ. соч. С. 82; *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969 (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae* XVII, 1), S. 123; *Добродомов И.Г.* Янтарь // *Русская речь*, 1971, № 4, С. 138 и сл.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ КРУГЛОГО СТОЛА "ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СКИФОЛОГИИ"

Обсуждение дискуссионных проблем скифологии – инициатива в высшей степени своевременная, отражающая как положительные накопления науки, так и возросшее параллельно с ними ощущение спорности слишком большого числа отнюдь не второстепенных вопросов.

"Бесписьменность" скифов – понятие относительное, и из него прямо не вытекает ведущая роль археологических источников, так как по-прежнему сохраняется значение лингвистических и письменных источников: личные имена и местные, этнические названия в надписях и у древних авторов, а также в стойкой топонимической традиции. При несомненной ценности культурно-исторических материалов археологии лингвистическая аргументация остается определяющей в вопросах языка, а следовательно, и этноса. Монокультурность региона может прекрасно уживаться с полилингвизмом и полиэтничностью (пример: Кавказ).

Положение о "скифах" как "этнически едином населении степного Причерноморья" далеко не бесспорно. Расширительное употребление названий *скифы*, *Скифия* известно, но уточнение и реконструкция здесь возможны. Не следует особенно рассчитывать на то, что конкретно-этническое значение этих названий нашло "наиболее полное и последовательное выражение" у Геродота. Именно с Геродота и надо начинать принципиальную критику источников. Чтобы стала понятна многослойность геродотовских сведений, достаточно вспомнить "скифские" названия божеств у Геродота и его же толкование имени аримаспов как 'одноглазых' "по-скифски" (все вместе не укладывается в концепцию скифское = иранское).

Иранство части населения Скифии не вызывает сомнений. Интересен вопрос о самоназвании скифов-иранцев (или самоназваниях, потому что их было, видимо, несколько и они появлялись в ходе этнической и политической истории скифов). Древнейшим самоназванием было, вероятно, **ārya-* как у скифов (ср. личные имена царей: 'Αριαντάς, 'Αριστεύθης), так и у родственных сарматов (ср. *Arii*, сарматское племя у Епифания Кипрского, *Arraei Sarmatae* у Плиния). Поскольку ариями назывались и называются не только иранцы, уже априори уместно допустить наличие других, неиранских ариев в Северном Причерноморье, что согласуется и с вероятным ходом индоевропейской диаспоры в целом. Греки имели контакты с различными северопонтийскими ариями и, возможно, понимали значение термина **ārya-*, которое можно передать как 'гостеприимный, праведный' (ср. др.-инд. *ārya-*). Сведения Гомера и Эфора о справедливей-

* Впервые опубликовано: Народы Азии и Африки, 1980, № 5. С. 117–118.

ших и благочестивейших людях в этих краях, кажется, надо понимать как кальку, буквальный перевод североPontийского этнонима **āyu-*, а не просто как литературную идеализацию племен, не испорченных культурой.

Таким образом, эти эпитеты обнаруживают конкретный лингвистический и этнический смысл. Ассоциация 'справедливейших людей' с киммерийцами представляется поэтому либо неверной, либо вторичной.

Вообще два конкретно "киммерийских" района Скифии – Боспор Киммерийский и нижнее Поднепровье находятся в зоне дако-фракийских влияний, так что традицию о связи киммерийцев с фракийцами-трерами не следует упускать из виду. Династы с иранскими именами у киммерийцев – недостаточный аргумент о принадлежности всего этноса.

При всей их древности, отношения киммерийцев со скифами, так сказать, постэтногоничны; скифы к этому времени вполне сложились как этнос. Обычно считается, вслед за Геродотом, что Σκύθαι – греческое название скифов, которые сами называли себя Σκόλοτοι, но кажется необходимым признать, во-первых, неслучайность определенного сходства обеих форм, а во-вторых, поздний, вторичный характер такого самоназвания, навеянного событиями в истории этноса. И Σκύθαι, и Σκόλοτοι (сюда же Σκύλης, имя царя скифов) могут неточно отражать одну и ту же иранскую основу с интердентальным δ (ср. Παράλαται, царские скифы, из иран. *paraδāta-*), восходя к плохо сохранившемуся иран. **skud-* (ср. осет. *sk'yd/sk'ud* 'рваный, лопнувший, треснутый'). В таком случае 'скифы' первоначально значило 'отщепенцы', что уже содержит определенную информацию о собственно этногоническом процессе или событии. Этот вывод согласуется с древними историческими традициями, отраженными у Геродота и Диодора Сицилийского и повествующими (в вариантах) о большом этническом разделе в этом районе. Раздел этот представлен легендарно как семейный (братья Агафирс, Гелон и Скиф; братья Пал и Нап), но сущность у него этногенетическая, она интерпретируется как раздел между "старшими" (сюда "Старая Скифия" к западу от низовьев Днепра у Геродота) и "младшими" (типологически так обычно называются инициаторы раздела, наиболее активная, переселяющаяся часть, и лишь вторично, по противопоставлению, остающиеся обозначаются как "старые"). "Младшими" оказались иранцы, возможно, откочевавшие на восток от Днепра, где сосредоточены главные археологические находки и городища скифов.

Самосознание скифов как "самого молодого народа" четко отразил Геродот. И "младшие" и "старшие" были ариями, но первый большой раздел подорвал единство этнического обозначения, которое отныне редуцируется, а на смену приходят новые термины (*сколоты, скифы*). Раздел лишь зафиксировал и углубил несомненно сосуществовавшую и ранее этнолингвистическую рознь и чересполосицу (иначе не было бы предпосылок для раздела!); давняя сложность межарийских отношений побуждает вместо несколько унифицирующего понятия "скифский мир" выдвинуть понятие "арийский простор" в Северном Причерноморье, акцентируя сложность его состава.

Отделившиеся "младшие арии" – скифы, активные кочевники – в ре-

зультате многократных передвижений и экспансии перекрыли собственно "старших ариев" – первоначально самостоятельный, хотя и близкородственный этнический компонент населения страны, который мы выявляем по реликтам как индоарийский, или протоиндийский, праиндийский.

Эти противоречия разрешились, с одной стороны, дальней миграцией части индоариев в Азию, с другой – постепенной ассимиляцией оставшихся и растворением в "скифах", "Скифии". Этот последний процесс, к счастью, не носил, да и не мог носить тотального характера, оставляя на всем протяжении своего исторического пути реликты особого языка синдов "и всех меотов", тавров, индоариев "Старой Скифии".

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ*

В исследуемом вопросе самое трудное, труднодоступное и вместе с тем принципиально важное – это конкретный языковой материал, поэтому главная задача статьи – обратить внимание читателя на ряд реликтовых слов-названий, неудовлетворительно проэтимологизированных, а то и вовсе оставленных без внимания предшествующими исследованиями.

1. *artaka- 'медведь, медвежий'

Основанием для этой реконструкции послужило широкоизвестное название *Артек*, обозначающее местность у юго-западного склона горы Аюдаг. Местность, поселок (в прошлом – имение) *Артек* лежит "на ручейке того же имени"¹. Топографический, а с ним вместе и топонимический ландшафт определяет, разумеется, Аюдаг, что было замечено элементарно грамотными краеведами этих курортных мест. Последние, зная значение тюркского названия *Аюдаг* – 'Медведь-гора', видимо, задумывались над созвучьем соседнего названия *Артек* и греческого названия медведя – ἄρκτος (эту версию приходилось слышать как устную от местных экскурсоводов; ее литературный первоисточник мне, к сожалению, неизвестен, но она, как увидим ниже, все же относительно ближе к истине, чем то, что удалось прочесть об Артеке в топонимической, лингвистической литературе², и по одному этому заслуживает упоминания и нашей признательности, поскольку сослужила нам службу наводящего ориентира). Однако объяснять *Артек*³ прямо из этого греческого слова было бы большой натяжкой. Народная форма, которая существовала в местных греческих говорах Крыма, судя по наличию ее в переселенческих мариупольских греческих говорах, – *argdija* 'медведь'⁴ еще дальше отстоит от интересующего нас названия *Артек*. Следовательно, скорее всего,

* Впервые опубликовано: *Этимология*. 1979. М., 1981. С. 111–130.

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. Семенова-Тян-шанского В.П. и под общим руководством Семенова-Тяншанского П.П. и акад. Ламанского В.И. Т. XIV. Новороссия и Крым. СПб., 1910. С. 768.

² См.: *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 33: "Из древнегреч. *Кардиатрикон*". – Но это греч. название тамошнего имения ("Сердцеврачевательное"), конечно, имеет позднее происхождение, не старше графа Олизара, которому принадлежало имение. Ручеек, называвшийся, по всей видимости, и раньше *Артек*, знаменует ббльшую древность, как увидим ниже. Не имеет перспектив и тюрк. этимология имени *Артек*, ср. якут. *ārtyk* 'теснина, горный проход' (*Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára*. Budapest, 1978. С. 63).

³ Неудивительно отнесение названия *Артек* к неясным, см.: *Суперанская А.В.* Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа // *Ономастика*. М., 1969. С. 197.

⁴ *Сергиевский М.В.* Мариупольские греческие говоры // *Изв. АН СССР. Отделение общественных наук*. 1934. № 7. С. 545.

греческое происхождение в данном случае отпадает, как и тюркское (можно лишь говорить, самое большее, о вторичной тюркской фонетической обработке с элементами вокальной гармонии переднего ряда – *ärtek? Эта особенность при реконструкции древней формы снимается).

Как уже говорилось, наиболее авторитетным и очевидным представляется указание, которое нам дает семантика тюрк. *Аюдаг* – ‘гора Медведь’. Это более позднее название явилось переводом более древнего, как нередко случается при смене этноса. Аюдаг, гору и мыс, действительно, похожий на медведя, отождествляют, правда, еще с мысом Кривоу μέτωπος ‘бараний лоб’, у Страбона, но это последнее метафорическое обозначение, несмотря на древность свидетельства, не было, по-видимому, местным, сохранившись лишь в литературе, как и некоторые еще более мимолетные записи. Местным и автохтонным было только название *Артек*. Его негреческий и нетюркский характер делается весьма вероятным после сказанного выше. Местность и ручей Артек, образуя некое целое с выразительной фигурой Медведь-горы – Аюдага, побуждают нас высказать гипотезу о существовании здесь в древности туземной формы *artaka – ‘медведь’, а также, возможно, производного – *artakia – ‘медвежий’. Не эта ли Артакия чудом сохранилась у Гомера? Ср. Od. X, 105–108:

κούρη δὲ ξύμβλητο πρὸ ἄστεος Ἰδρευούσῃ,
θυγατέρ' ἰφθίμῃ Λαιστρυγόνος Ἀντιφάταο.
ἢ μὲν ἄρ' ἐς κρήτην κατεβήσετο καλλιρέεθρον
'Αρτακίην. ἔνθεν γάρ ὕδωρ προτὶ ἄστῃ φέρεσκόοι.

Шедшая по воду дева пред городом им повстречалась –
Дева могучая, дочь Антифата, царя лэстригонов.

Шла она вниз к прекрасным струям **Артакии**.

Этот источник снабжал ключевую водою весь город⁵.

Здесь уместно напомнить, что, как убедительно доказано главным образом натуралистами и путешественниками уже более ста лет назад, приключения Одиссея, описанные в X, XI и XII песнях поэмы, развертывались не в Западном Средиземноморье, а на берегах Крыма и Таманского полуострова, поскольку здесь именно локализируются киммерийцы, вход в ад реальнее всего представить себе в районе таманских грязевых вулканов (ср. там до недавних пор название *Лекло* в устах местных русских и украинцев)⁶. Как бы то ни было, после ужасного урона, понесенного у лэстригонов, бросавших на корабли Одиссея и его спутников “с кручи утесов” тяжелые камни, они “прибыли вскоре на остров Ээю”. Поскольку, как нам кажется, гомеровская Αἰαίη ‘Ээя’ наиболее правдоподобно идентифицируется с названием Синдского острова – *Eon* (Плиний), *Oium* (Иордан), прибыть туда “вскоре” можно откуда-то неподалеку,

⁵ Гомер. Одиссея. Перев. Вересаева В. Под ред. акад. Толстого И.И. М., 1953. С. 114.

⁶ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. V. Paris, 1843. P. 40, 41, 304–305; Бар К. Знакомство Гомера с северным берегом Черного моря // Зап. имп. Одесского общества истории и древностей. 1987. Т. X. С. 522 и сл. – Разбойники-лэстригоны при этом обычно помещались в стратегической Балаклавской бухте, что получало затем преломленное отражение и в русской художественной литературе, ср. “Лэстригоны” А.И. Куприна.

обобщенно говоря, из района Южного берега Крыма. Правда, древним был известен еще один источник с названием 'Артакиѳ – в западной Малой Азии, близ Кизика, где название *Artaki* дожило до нового времени⁷. На эту "достопримечательность греческой географии" обратил внимание Будимир, который ставит это сходение рядом с повторением Борисфена как другого имени для Геллеспонта (Гесихий)⁸. Малоазиатские созвучия гомеровского 'Артакиѳ (у лестригонов) и крымского названия *Артек* – это особая тема. Дело в том, что современная индоевропеистика, успешно преодолев теорию бругмановских спирантов и бенвенистовских аффрикат, пришла, наконец, к индоевропейской реконструкции названия медведя **ṛtko-* или **artiko-*⁹ (а не **ṛkʰo-* или **ṛkʰo-*), откуда производятся греч. ἀρκτος, др.-инд. *ṛkṣa-*, авест. *arša-*, арм. *arj*, лат. *ursus*, ирл. *art*, а также хетт. *ḫartagga-*, обозначавшее хищного зверя, по-видимому, медведя. Любопытно, что во всех континуантах группа согласных *tk* праформы **ṛtko-* преобразована путем метатезы, упрощения, диссимиляций, только хеттское слово наиболее близко к индоевропейской реконструкции и только одно оно обнаруживает гласный между корнем и вероятным суффиксом *-ko-*¹⁰. Свидетельство хеттского слова ослабляется недостаточной достоверностью его значения, выводимого из контекста. В такой ситуации реконструкция **artaka-* в Тавриде не может не представлять интереса: оно не менее архаично формально, чем хетт. *ḫartagga-*, и у него с большой долей вероятия также устанавливается значение 'медведь'. Нельзя не признать, что это укрепляет надежность интерпретации хеттского слова, а также независимо подтверждает откорректированную индоевропейскую реконструкцию. Конечно, вид у таврического **artaka-* достаточно оригинальный, чтобы отождествить его без колебаний с др.-инд. *ṛkṣa-*, как, впрочем, и с ир. (авест.) *aṛša-*. Это не мешает признанию между ними диахронического тождества, с отведением форме **artaka-* статуса периферийного реликта почти праязыковой древности, что не делает эту форму менее интересной. Ее территориальное нахождение в зоне таврских языковых остатков также следует учесть. Большая близость крымского **artaka-* и хетт. *ḫartagga-* есть, видимо, параллельное сохранение общего архаизма. Правда, в литературе обращалось внимание и на специальные хеттско-северопонтийские изоглоссные связи в корнеслове и словообразовании имен¹¹.

⁷ Pape W., Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I. Graz, 1959. S. 146.

⁸ Budimir M. Die Kerberier in der Odyssee und im attischen Drama // Živa antika X, 1–2. Skoplje, 1960. S. 18.

⁹ Szemerényi O. Principles of etymological research in the Indo-European languages // II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1961. – Цит. по: Etymologie. Herausgegeben von R. Schmitt. Darmstadt, 1977, S. 295; Иванов Вяч.Вс. Общиневропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965. С. 31 и сл.

¹⁰ Иванов Вяч.Вс. Указ. соч. С. 33.

¹¹ См. статью: О синдах и их языке. С. 33 (сходная функция *-sar-* в синдомеотских и хеттских личных собственных именах), 40 ('Οπισσᾶς – хетт. *appezzija-*, *Antissa* – хетт. *ḫantezzija-*); Надель Б. Черноморско-хеттские ономотологические связи (к постановке вопроса) // RO 1962. Т. XXVI. Zesz. 1. С. 126 (Ἀρμαθῆς – хетт. *arma-* 'луна', Ἀραουή[γ]λος – хетт. *araqa-* 'свиждный').

Нижеследующий этюд представляет собой развернутое изложение позиции № 23 предварительного индекса остатков языка северопонтийских индоарийцев¹². Заглавная реконструкция основывается на названии города *Бахбарземин*: «Остатки от бывшего в 6 верстах от Темрюка города "Берземена" или "Бахбарземина"...»¹³. Ср. еще *Барбарцемина*¹⁴, *Берберземин* в "Трактате о торговле на Черном море" Пейсонеля 1787 г.¹⁵ и *Бермезань*, иначе – Темрюцкий отселок, Темрюцкие хутора, Старый Темрюк, Островитянские хутора, где отмечаются следы "древнего значительного поселения с портом (и молом) на Азовском море"¹⁶. Неясно, относится ли сюда *Balzimachi*, название азовского порта, упомянутого итальянским купцом Пеголотти в первой половине XIV в.¹⁷

Название этого странного, полумифического города чем-то напоминает *Зурбаган* – выдуманный город у А. Грина (последняя форма, впрочем, не обязательно целиком плод писательского вымысла; возможно, она навеяна чтением Константина Багрянородного, который упоминает среди островов у берегов Зихии (Черкесии) удивительно похожий *Ἰζαρβαγαίνυ καὶ ἕτερον νησίον* 'Царбаганин и другой остров'¹⁸). О гриновском *Зурбагане* принято говорить как о несуществующем городе, несколько труднее утверждать это о *Ἰζαρβαγαίνυ* у Багрянородного (особенно если обратим внимание на контекст "и другой остров" в свете сообщаемого ниже), *Бахбарземин* определенно существовал. Кажется, никто еще не занимался этимологией его названия, хотя оно столь информативно и оригинально, что давно заслуживает внимания лингвистов и историков.

Мы не видим иной возможности объяснения названия *Бахбарземин*, кроме реконструкции индоарийского **bah-var-jāmin-* 'большой город-двойник', ср. др.-инд. *bahū* 'многочисленный', а также (Атхарваведа) 'большой'¹⁹, *vāra* 'ограда, ограждение', *vāra* 'огражденное место'²⁰, *yamin* 'производящий близнецов'²¹. Реальность существования в местной субстратной топонимии по крайней мере элемента **bah(u)* 'большой' подтверждается сравнением с территориально близким *Bagtari* на картах 1408 и

¹² См. статью: Лингвистическая периферия древнейшего славянства... С. 48.

¹³ Разные замечания, касательные до острова Тамана (Извлечено из бумаг походной канцелярии кн. Потемкина... Представлены 24 авг. 1785 г. Автор – акад. П.С. Паллас. Прим. ред.) // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. 1877. Т. X. С. 234.

¹⁴ *Тунманн*. Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1936. С. 71.

¹⁵ Цит. по: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. Гарданов В.К. Нальчик, 1974. С. 190.

¹⁶ *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С. 117.

¹⁷ Pegolotti Francesco Balducci. La pratica della mercatura. Ed. by Evans A. Cambridge, Massachusetts, 1936. P. 55.

¹⁸ *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio. Ed. by Moravcsik Gy. Budapest, 1949. P. 186 и сл. (42, 122^v).

¹⁹ *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New ed. Oxford, 1964. P. 724.

²⁰ *Ibid.* P. 921, 943.

²¹ *Ibid.* P. 847.

1436 гг.²², по-видимому, частично переведенным на итальянский как *tar magno* 'Большой Тар' на портолане Бенинказы 1474 г.²³; сюда же, далее *Batiario* в генуэзских документах Кафы и, наконец, близкий к нашему времени *Ахтар*, *Актар*, *Ахтари*, *Ахтары*, *Ахтарский*, включая современное *Приморско-Ахтарск*, город на Азовском море. Ср. позицию 22 предварительного индекса индоарийских реликтов²⁴: *bah-tar(т) 'большой берег', 'большебережный?' – др.-инд. *bahū*, *tar*.

Судя по отождествлению Бахбарземина со Старым Темрюком, парная ситуация 'город + отселок, пристань' тянется здесь с далекой древности. Темрюкское поселение античной эпохи, относимое еще к VI в. до н.э., привлекает внимание археологов, но, кажется, еще в недостаточной степени²⁵. Остаточное наличие двух Темрюков наблюдали и путешественники конца XVIII – начала XIX в., хотя их объяснения временем турецко-казацких отношений едва ли полностью верны²⁶. Вообще возникновение и существование двойных городов (конкретно: город и крепость, город и порт) – феномен, известный для разных стран, ср. например упоминание историком древней двойной крепости Тавризм²⁷. Нас, естественно, больше интересуют случаи с более близких территорий. И такие примеры, действительно, есть, причем исключительно яркие и не во всех своих отношениях раскрытые. Сюда относится греч. *Διοσκοριάς*, Диоскуриада, древнее название Сухуми, производное от имени *Δίοσκορος*, диоскуры, сыновья Зевса, близнецы. Считается, что та же семантика представлена в названии *Сухум(и)*, первоначально *Цхум*, ср. груз., мингр., чан. *tkubi*, *tkupi* 'близнецы', 'двойни', 'двойной орешек, плод'²⁸, сюда же *Лечхум*, название одной из областей Имеретии²⁹. "Таким образом, интересующие нас слова *θῦμιτ*, *θῦμιτ* означают близнецы, двойни. Следовательно, слово *Сухум*, точнее *Цхум* почти вполне соответствует по смыслу греческому названию Диоскуриады и значит *Близнецы*. Слово *Лечхум* означает *страну близнецов*, или *область, где находится Чхум, Близнецы*"³⁰. Думается, однако, что было бы неправильно сводить все к кальке с греческого названия в данном случае; скорее всего, греческий подключился к уже существовавшей здесь до него модели называния, манифестировавшейся на разных

²² Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. I. Одесса, 1879. С. 92.

²³ См. приложение к кн.: Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Изд. 2. Киев, 1914.

²⁴ См. статью: Лингвистическая периферия древнейшего славянства... С. 48.

²⁵ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 88.

²⁶ Pallas P. S. Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie pendant les années 1793 et 1794. T. IV. Paris, 1811. P. 24–25; Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. СПб., 1805. С. 158.

²⁷ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 280 в сл.

²⁸ Орбели И. А. Город близнецов *Διοσκοριάς* и племя возниц 'Νιόχοι // ЖМНП 1911. май. С. 207.

²⁹ Там же. С. 203.

³⁰ Там же. С. 208.

языках региона, ср. выше картвельские данные, убедительно продемонстрированные Орбели. Ср. сюда же название горы *Близница*, или *Близницы*, на Таманском полуострове. Все это говорит о местном осмыслении парности (поселений, гор и т.д.) в данном регионе как отношений близнецов, а это, в свою очередь, позволяет нам поставить вопрос о происхождении названия *Бахбарземин*. **bah-var-ĵamin-* от уже упомянутого *yamin*, далее – др.-инд. *yamá-* ‘близнец’, сюда же – имя бога *Yamá* (при ир., авест. *Yima-*)³¹. Точнее говоря, наша реконструкция **bah-var-ĵamin-* отражает как бы народное, раннепракритское *ĵamin* с аффрикатой, аналогично отношению *Yamúnā*³² в Ригведе – соврем. хинди *Jamná*, название реки, образующей вместе с Гангом знаменитый Доаб, Двуречье.

Индоар. **-var-ĵamin* и картв. *θqum*, *θqum* образуют, таким образом, изосему ‘город-двойник’, первую отмеченную изоглоссу, охватывающую индоарийский субстрат Ссеверного Причерноморья и картвельские языки (и те, и другие по крайней мере частично).

3. **čili-* ‘орел’

Предлагаемая реконструкция индоарийской северопонтийской лексемы для орла опирается на небольшой материал с тем, однако, преимуществом, что известный нам факт точно локализован и, к тому же, снабжен глоссой. П.О. Бурачков в своей содержательной работе 1875 г. сообщает³³: “...Между Тендрою и устьями Днепра находится еще четыре острова, из них наибольший есть о. Долгий..., а потом Орлов или Чиле” (автор ссылается при этом на военно-топографическую карту в Атласе карт при Гидрографии Тетбу де Мариньи). У нас нет твердой гарантии древности названия острова Чиле, хотя нет и указаний о позднем его происхождении. В этой ситуации стоит обратить внимание на соседство с островом (косой) Тендра, название которого имеет вероятную индоарийскую этимологию – из **dand-āria-* ‘камышовые арии’³⁴. В целом эта береговая линия с островами входит в геродотовскую “Старую Скифию”, на первоначально индоарийском характере ономастики и этноса которой мы имели случай настаивать в одной из предыдущих работ, относя сюда же и Синдскую Скифию Плиния. Поэтому контекст “Орлов или Чиле” позволяет нам привлечь для сравнения др.-инд. *cilli-* ‘порода хищных птиц’, оставляемое Майрхофером без объяснения³⁵. Вполне возможно, однако, звукоподражательное происхождение этого древнеиндийского слова, нередкое среди названий хищных птиц (по клетоту, пронзительному

³¹ Ср. подробно о самом феномене и терминологии: Иванов Вяч.Вс. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 193 и сл.

³² *Mayrhofer* III. S. 9: *Yamúnā*. – Автор, по нашему мнению, без достаточных оснований признает название реки не имеющим этимологии. Конечно, Ямуна-Джамна – это близнец-двойник (Ганга).

³³ *Бурачков П.О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. IX. 1875. С. 43.

³⁴ См. статью: О синдах и их языке. С. 41.

³⁵ *Mayrhofer* I, S. 390.

писку). Это несколько снижает вес идентификации первого дошедшего до нас названия птицы у северопонтийских индоарийцев. Впрочем, ниже разбивается ряд косвенных свидетельств о других индоарийских названиях птиц, хотя главный сюжет нижеследующей заметки – другой.

4. Название храма у тавров

Собственно говоря, нет никаких данных за то, что у тавров были храмы в полном смысле слова. Скорее, они еще не знали храмового строительства, и в этом выражался архаизм их культурной стадии, как вообще у индоарийцев до прихода в Индию и у древних иранцев³⁶. Насколько известно, Геродот в рассказе о таврах не употребляет слова ἱεῖος 'храм-здание', которое он, например, употребляет, хоть и в отрицательном контексте, говоря о персах и скифах (Herod. I, 131; IV, 59). Повествуя об обычаях и религии тавров, отец истории пользуется несколько двусмысленным словом ἱεῖον 'храм, святилище, место жертвоприношений', которое лучше, однако, переводить как 'святилище'. Геродот рассказывает о принесении таврами в жертву богине Деве людей, потерпевших кораблекрушение, тела которых сбрасывают с утеса (ἐπὶ γὰρ κρημνοῦ ἱδρυται τὸ ἱεῖον 'потому что святилище устраивается на утесе'. Herod. IV, 103). Несмотря на двусмысленность также этого контекста (глагол ἱδρύω означал 'сооружать, строить, особенно храмы'), едва ли можно предполагать у тавров существование настоящего храма Девы. Его археологических остатков не нашли и вряд ли когда-либо их найдут. По всей вероятности, это было ритуально удобное, священное место для жертвоприношений. Такие священные места с особым, выдающимся расположением на местности, разумеется, были, и следы их остались, но не в ископаемых реликтах материальной культуры (ввиду минимума инвентаря и сооружений), а в языке. Возможно, имелось и главное святилище такого рода. Есть основания полагать, что оно находилось на горе Кошка под Симеизом, где известен "один из крупнейших в Крыму некрополей, насчитывающий более 70 "каменных ящиков", в которых тавры (во II-I тысячелетиях до н.э. и в первых веках н.э.) хоронили умерших"³⁷. На горе Кошка существовало также укрепленное поселение – стена второй половины I тысячелетия до н.э. и каменные жилые дома VII-VI вв. до н.э.³⁸, т.е. времени, почти совпадающего с эпохой Геродота.

Обратимся к ономастике. Название горы *Кошка* хорошо объясняется из тюрк. *kuş* 'птица', (вост.-тюрк., карачайск.) 'охотничий орел', 'орел' и *kaja* 'скала'³⁹. Кошка образует с Симеизом такой сплоченный топографический ансамбль, что можно предположить его отражение в связи самих

³⁶ Ср.: *Бонгард-Левин Г.М.* К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (Индия и местные субстраты) // ВДИ. 1979. № 3. С. 11.

³⁷ Крым. Путеводитель. Симферополь, 1972. С. 102.

³⁸ Шульц П.Н. Таврское укрепление на горе Кошка в Крыму // Краткие сообщения Института археологии АН УССР, 1957. Вып. 7. С. 63.

³⁹ Ср.: Крым. Путеводитель. С. 116: "...Кошка... – это искаженное *Куш-Кая*, что в переводе означает 'соколиная скала'". – Ассимиляцию тюркских местных названий с исходом *-kaja* в форме русских / украинских на -ка исследовал специально Е.С. Откин.

названий *Кошка* – *Симеиз*. Мы не располагаем данными по истории названия *Симеиз*, но, учитывая местонахождение в коренной Таврике, а также показания ландшафта (выше), реконструируем его как индоарийское (таврское) **śīma-iṣ-* ‘соколиный жертвенник, святилище’, ср. др.-инд. *śyenā-* ‘хищная птица, орел, сокол, коршун’ (при авест. *saēna-* ‘большая хищная птица’), особенно, др.-инд. *śyāma-* ‘черный, темный’, *śyāmā-*, название птицы⁴⁰, *ijyā-* ‘жертва’ (в иранском представлена огласовка авест. *yazaitē* ‘почитать’). Субстратное **śīma-iṣ-* было калькировано тюркским *kış kaja*, причем тюрки (хазарского времени или позже?) восприняли туземное индоарийское **iṣ-* ‘жертвенник, святилище’ по преимущественному его месту – как ‘скала’. Объяснение формы *Симеиз* из греческого⁴¹ представляется нам не более как народной этимологией и наталкивается на серьезные фоно-морфологические препятствия: созвучное греч. σημεῖον ‘знак, знамя, граница’, будучи именем среднего рода, могло дать плюраль только на *-a*, в том числе и в новогреческих диалектах, а не на *-eis*, каковая флексия производна только от основ женского рода на *-a*. А.А. Белецкий допускает поэтому здесь плюраль на *-eis* от σημεῖα ж.р. (считается графическим вариантом от σημεῖα) ‘знамя’⁴², но это последнее само – вторичная форма женского рода из первоначального множественного числа на *-a*, что сообщает реконструкции *Симеиз* < н.-греч. *simeis мн.ч. ‘знаки, знамена’ нарочитую сложность. Фонетически остается без объяснения при этом звонкость согласного в исходе *-из*, а главное – сам исход этот последовательно фигурирует также в ряде других, очевидно, старых крымских названий, не идентифицируемых средствами греческого, что делает участие в них позднего новогреческого диалектного форманта множественного числа *-eis* (притом только от *-a*- основ ж.р.!) сомнительным. Сюда же относится местное название деревни и мыса *Кекенеиз*, *Кекенеиз* (в общем с XIV в.), стар. *Киркинеис*, которое мы предположительно реконструируем как индоарийское **krkana-iṣ-* ‘петушиный жертвенник’, ср. др.-инд. *krkaṇa-* ‘Аг Rebhuhn’; иначе А.А. Белецкий – к греч. κερκίνοσ, κερκίνοσ ‘рак, краб’⁴³ (но как понять тогда плюраль *-eis*?). Местное название *Кореиз* (вар. *Куреиз*, *Хуреиз*, *Хураис*, *Кураис*) едва ли может быть вместе с А.А. Белецким объяснено из н.-греч. диал. *χωρεῖσ ‘заселенное место’, ‘селище’⁴⁴. Точнее сказать, что оно не поддается объяснению⁴⁵, во всяком случае средствами греческого языка. Весьма примечательно вероятное отнесение сюда же формы τὸ τῆσ Κυρίσιν

⁴⁰ Ср. о них: *Mayrhofer* III. S. 383, 385.

⁴¹ Ср. в последнее время: *Белецкий А.А.* Греческие элементы в географических названиях Крыма // *Этимология*. 1967. М., 1969. С. 206.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 207.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Маркевич А.И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал // *Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*. Т. II. Симферополь. 1928. С. 24.

μετόχου, названия монастыря в Крымской Хазарии, упоминаемого в патриарших грамотах конца XIV в.⁴⁶ Удостоверенная этим ранним свидетельством звонкость согласного -ζ- (-з-), а также явная принадлежность его к основе, а не к флексии (Κυρίζου) заставляет искать объяснения в ином направлении – может быть, из индоарийск. *kur(a)-ij- 'вороний (?) жертвенник', ср. др.-инд. kūrara- 'морской орел'. Местное название *Олеиз*, по А.А. Белецкому⁴⁷, происходит из *Элеис от румейск. (т.е. крымскогреч.) элеис мн. ч. 'маслины'. Местность, как говорят, действительно изобиловала маслинами, но такое фонетическое изменение начала слова трудно объяснимо в этой среде. Поэтому мы предполагали и здесь чисто гипотетическое, но хорошо укладывающееся в ряд названий "птичьих" святилищ на -ij- индоарийское *ula-ij- 'совиный жертвенник', ср. др.-инд. ūlūka- 'сова'. Местное название *Лемнеиз*, *Лименеиз*, в свете сказанного выше, могло бы быть вторичным преобразованием по греческой народной этимологии ('озерное место'⁴⁸), а не изначально греческим производным.

С точки зрения лингвистической географии, несколько местных названий с исходом -из размещены на небольшом отрезке Южного берега Крыма, примерно от горы Кошка до Гаспры, т.е. в самом сердце древней Таврики. Несоразмеримость этого самобытного ареала и ареала греческого языка и населения в Крыму также говорит против объяснения от греческого народного плюрального форманта -εις. Весьма вероятный архаический характер этих крымских топонимов и возможное культовое их происхождение (ср. особенно Симеиз) позволяет увидеть в них образования типа др.-инд. ṛtv-ij- 'nach Vorschrift regelmäßig opfernd'.

Таким образом, на вопрос, как называлось у тавров святилище, мы могли бы указать форму *ij-индоарийского происхождения. Можно ожидать, что найдутся дальнейшие подтверждения древнего существования этой важной лексемы. Так, еще Б. Мункачи обратил внимание на близость начального компонента венгерских слов *egy-ház* (фонетически – *ed'ház*) 'храм, церковь', а также *ünnep* (стар. *id-nep*, *üd-nep*) 'праздник' с др.-инд. *īd-* 'почитание', *īd-* 'молить, почитать' (вариант привлекавшегося выше др.-инд. *ij-* в *ijū*). Отвергать это сближение на том основании, что "в венгерском языке нет заимствований из санскрита"⁴⁹, сейчас вряд ли было бы убедительно. Достаточно вспомнить документальную встречу святого Константина (Кирилла) и венгров, которые "нападоша на нь...",

⁴⁶ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. 1878, январь. Ч. СХСV. С. 151; Бертье-Делигард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. 1915. Т. XXXII. С. 240–241.

⁴⁷ Белецкий А.А. Указ. соч. С. 206–207.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Szemerényi O. "Südwestiranische" Lehnwörter im Ungarischen und Türkischen // Études finno-ougriennes. 1976. XIII. S. 241. – Гипотеза автора о соответствующем среднеиранском *yad- как источнике этого венгерского корня кажется излишней, поскольку тогда ожидалось бы венг. *jadház, *jadnap, а условия гармонии гласных не требовали здесь перестройки вокализма, а наоборот, сохраняли бы его.

так и вльческы воюще, хотяще и оубити" (Жит. Konst. VIII). Дело было в Тавриде, по-видимому, не так далеко от поселений древних туземцев, ср. далее упоминание о миссионерском визите Константина к фульскому племени, где был им срублен языческий дуб "именем Александръ" (Жит. Konst. XII). Уже здесь прощупываются возможные индоарийские реликты, кстаги, культового характера. Это происходило в IX в., т.е. ненамного позже деятельности одного местного князя с определенно индоарийским именем *Бравлин* < **pravlīna-*, которым мы занимались в одном из томов "Этимологии". Пути древних венгров и индоарийских тавров могли перекреститься. Возможно, из этого источника венгры заимствовали свое *-id-* 'святилище, священный', что косвенно подтверждало бы наши предположения.

5. **managotra-* 'вместилище Манаса, род Манаса'

Эта праформа реконструируется на базе названия реки *Манаготра*, которое и сейчас поражает мало-мальски внимательного наблюдателя своим реликтовым, т.е. негреческим и нетатарским видом. Так называется в Юго-Западном Крыму речка, которая, сливаясь с Биюк-Узенбашем, образует самую полноводную реку Крыма – Бельбек⁵⁰. Это места крымской Готии и страны Дори, прямых преемников древних тавров. Не видя возможностей иного объяснения и даже полагая, что все иные объяснения будут более произвольными, мы толкуем гидроним *Манаготра* в связи с др.-инд. *mānas* 'дух, разум, душа' (здесь допустимо предполагать персонифицированное *Mānas*, божество) и *gotrá-* ср. р. 'коровник, хлев', 'семейное укрытие, семья, род, родство'⁵¹, короче говоря, восстанавливаем сложение **mana-gotra-*. Соответствия этим лексическим основам есть и в иранском, ср. авест. *manah-* 'смысл, дух, мысль, стремление', др.-перс. *manah-* 'сила духа, воля', ср.-перс. *gōhr* 'знатный род' < ир. **gauθra-* производное с суф. *-tra* от *gau-* 'крупный рогатый скот', 'корова', как и др.-инд. *gotrá-*⁵², однако ареал говорит в нашем случае скорее за местное таврское (индоарийское) происхождение, ср. с тем же формантом старый крымский топоним *Чугенитра*⁵³. Что касается значений 'род, семья, вместилище для людей' и 'коровник, хлев', то в их родстве и в производности первого от второго нет причин сомневаться, зная примеры происхождения социальной и социально-религиозной терминологии от пастушеской⁵⁴.

⁵⁰ Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 6. Вып. 4. Крым. Л., 1975. С. 6; *Речмедия И О. Солнечный Крым. Физико-географический очерк.* Киев, 1976. С. 93; *Словник гідронімів України.* Київ, 1979. С. 351.

⁵¹ *Monier-Williams M.* Op. cit. P. 364, 783; *Mayrhofer I.* S. 346; II. S. 573.

⁵² Объяснение *-tra-* в др.-инд. *gotra-* от *trā-* 'охранять' (*Wackernagel J.* *Altindische Grammatik.* Bd. II, 2 von A. Debrunner. Göttingen, 1954. S.79) менее вероятно.

⁵³ См. статью: *Старая Скифия...* С. 120.

⁵⁴ *Bader F.* De "protéger" a "razzier" au néolithique indo-européen: phraséologie, étymologie, civilisation // BSL. 1978. T. LXXIII. P. 116: хетт. *wešiyawaš pedan* означает 'пастбище' и 'охраняемый подвластный вождем'; р. 205–206: указывает, что в обществе индоевропейцев-скотоводов в термин *реки включались также люди.

В "Географии" Птолемея между устьями реки Борисфена и устьем реки Каркинита (последняя плохо идентифицирована до сих пор) перечисляются:

...ὁ ἰσθμὸς τοῦ Ἀχιλλέως δρόμου
τὸ δυτικὸν ἄκρον τοῦ Ἀχιλλέως δρόμου,
ὁ καλεῖται

Ἱερὸν ἄκρον
τὸ ἀνατολικὸν, ὃ καλεῖται
Μυσάρης ἄκρα
Κεφαλόνησος
Καλὸς λιμὴν
Ταμυράκη

...Перешеек Ахиллесова бега
западный мыс Ахиллесова бега,
который называется
Священный мыс,
Восточный мыс, называющийся
Мисарис,
Остров Голова,
Прекрасная Гавань,
Тамирака⁵⁵.

В этом перечне, который мы привели столь полно, поскольку еще придется обратиться к нему, выделим здесь название мыса, восточной оконечности Ахиллесова бега (ныне острова Тендра) – *Μυσάρης*. Эта форма, видимо, отражает туземное *Musari-; указываемое по соседству (у Птолемея их координаты почти совпадают) греч. *Κεφαλόνησος*, буквально 'Голова-остров', как бы подсказывает нам поиски истоков названия *Musari- в др.-инд. *múkham* 'рот, лицо'⁵⁶ и *sari*- 'водопад'⁵⁷, что все вместе обозначало бы опоясанный бурунами мыс. Конечно, праформа *mukh-sari- (?) подается нами сознательно гипотетически как условная конструкция, которую трудно проверить. Но вероятность употребления туземного апеллатива в функции имени собственного в греческой традиции значительна, значения 'рот', 'нос', 'лицо' элементарно пригодны для обозначения мыса (аналогии излишни), а греч. *Κεφαλόνησος*, обычно наносимое издателями на картах где-то рядом, есть, вполне возможно, не самостоятельный топоним, а всего лишь калька, греческий семантический эквивалент туземного *Μυσάρης*. Туземный и, видимо, индоарийский характер названия *Μυσάρης* кажется допустимым еще из сличения с топонимическими фактами побережья Западной Индии, где уже не раз нам приходилось обнаруживать весьма любопытные соответствия ре-

⁵⁵ Ptol. Geogr., III, V, 2. См.: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 229. – В перевод нами внесены изменения, касающиеся имен.

⁵⁶ См. об этом слове: Mayrhofer II. S. 648.

⁵⁷ Только в словарях, ср. о нем далее Mayrhofer III. S. 471.

ликтовой ономастике Северного Причерноморья. Их список можно продолжить, указав в данном случае на *Muziris* (Μουζιρίς, Ptol.), название крупного древнего порта Западной Индии, на побережье Λιζυρικτή (к которому мы также еще вернемся ниже). Все существующие идентификации названия *Muziris*, отражающие в основном привязку к тамильской ономастике, — с *Mangarut* (Козьма Индикоплов 345а), т.е. *Mangalore*⁵⁸, или *Muyirikkodu*, *Muyirikotta* на Малабарском берегу⁵⁹ — не являются окончательным решением. Индоарийцы, рано осваивавшие западное побережье Индостана с севера на юг, явились здесь пришлым населением, но они несли с собой сюда издалека и унаследованную ономастику, которая иногда приспособлялась к местным созвучьям. Может быть, один из таких случаев представляет собой и Музирис на побережье Лимирике у античных авторов. Птолемеевское Μισαρίς с северных берегов Понта может отражать народную пракритскую трактовку — упрощение группы согласных (см. выше); соответствие в Западной Индии *Muziris* имеет свои отличия, которые трудно объяснить. Но обратить внимание на их сходство показалось полезным.

7. **raman-* 'покой, стоянка, привал'

Гора Роман-Кош, не такая знаменитая, как Чатыр-даг, но самая высокая вершина Крымских гор, имеет название-двучлен, вторая часть которого — тюркская по происхождению: *koş* 'стоянка, лагерь'. Первая часть названия *Роман-Кош* не может быть исконным тюркским словом ввиду начального *r-*; в "Этимологическом словаре тюркских языков" М. Рясенена раздел слов, начинающихся на *r-*, занимает всего две с половиной страницы, причем это практически сплошь заимствования из арабского и персидского. Такой исключительный критерий уже априори подсказывает вывод об иноязычной принадлежности компонента *Роман-(Кош)*. Но какой именно? Ответ на вопрос, как нам кажется, моделирует второй компонент — *Кош*, позволяя предположить между обеими частями отношение семантической общности и калькирования с какого-то другого языка на тюркский. Так создается почва для наблюдения, что первая часть названия *Роман-Кош* представляет собой реликтовое **raman-* 'стоянка, привал'. Близкие имена есть в иранских языках: авест. **rāman-* 'покой, мир', древнеперсидское имя собственное *Ariyāramna-* выступает также в качестве названия горы — **Ariyā-rāmana-* 'арийский покой' по данным эламских табличек из Персеполя⁶⁰. Но известные нам иранские факты обозначают состояние **душевного покоя**, что нельзя безоговорочно

⁵⁸ Lassen Chr. Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographic, Ethnographie und älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig; London, MDCCCLXVII. S.188; Kiepert H. Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878. S.40.

⁵⁹ Dey N.L. The geographical dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Delhi, 1971. P. 131.

⁶⁰ Koch H. Die religiösen Verhältnisse der Dareioszeit. Untersuchungen an Hand der elamischen Persepolistafelchen. Göttinger Orientforschungen. III. Reihe: Iranica, Bd. 4. Wiesbaden, 1977.

отождествлять со значением 'стоянка, привал'. Эта специфическая семантика внешнего покоя, вскрываемая нами и для реликта **gaman-* в *Роман-Кош*, присуща индоарийскому, ср. др.-инд. *rāmate* 'успокаивать, оставлять в покое, останавливаться, делать остановку, привал, оставаться, пребывать, развлекаться'⁶¹.

8. *saviā 'благая, добрая'

Милетская колония в устье Гипаниса (Южного Буга) Ὀλβία (ионич. Ὀλβίη), что значит по-гречески 'счастливая', была не единственным городом с таким названием в греческом мире. Однако среди многочисленных греческих колоний Северного Причерноморья так называлась одна она. Мотивация такого названия в общем, казалось бы, понятна: поселенцы вкладывали в него свои помыслы о процветании и благополучии. Но позволительно думать, что подобная ситуация "пустого места" имела не всегда. Больше того, греческие колонии, как правило, преемственно возникали и развивались в местах, уже до них облюбованных туземным населением. Естественно и даже необходимо предположить, что эта преемственность часто затрагивала так или иначе и сами названия. Наиболее ранний источник – анонимный перипл Понта Евксинского – говорит об Ольвии: ...Πόλις, πρότερον μὲν Ὀλβία Σαῦια καλοῦμένη, μετὰ δὲ ταῦτα ὑφ' Ἑλλήνων πάλιν Βορυσθένης κληθεῖσα... 'город, прежде называвшийся Ольвия Савия, а потом снова названный у эллинов Борисфеном'⁶². Дополнительное название упомянуто только раз и притом в древнейшем тексте – означенном перипле, относимом к V в. н.э. И там оно тоже характеризуется как первоначальное (πρότερον) и исчезающее, что все вместе кажется очень натуральным и располагающим к доверию. Однако у прежних исследователей эта уникальность, наоборот, вызывала скепсис; так, Латышев, вслед за Мюллером, исключает слово Σαῦια из текста⁶³. Думаем, однако, что это не конец спора. Если сохранить в тексте "все как есть" и посмотреть на форму Σαῦια как на догреческий реликт, то можно прочесть ее без натяжки как *saviā, прилагательное женского рода 'хорошая, добрая', полностью совпадающее с др.-инд. *savyā-* 'левый'⁶⁴. Значение последнего, видимо, явилось табуистическим обозначением левой стороны как 'хорошей'. Если верно сказанное выше, то в реликтовом обозначении Ольвии индоарийского типа (по-ирански было бы **havua-*!) сохранилось и древнейшее значение данного прилагательного. Почему же все-таки 'благая' и 'добрая'? Б. Фармаковский, исследователь Ольвии, свидетельствует: "В

⁶¹ Ригведа, см.: *Mayrhofer* III, S. 43.

⁶² *Corpus inscriptionum graecarum*, ed. A. Boeckh. V. 1–2. Berlin, 1828, S. 86.

⁶³ *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии // ЖМНП, 1887, январь. Ч. ССXLIX. С. 35 (там же прочие этимологические сближения этой формы, правильно отвергаемые автором). См. так же, с купюрой Σαῦια: *Латышев В.В.* Известия древних писателей... Т. I. Греческие писатели. С. 285; Anon. Periplus P. Eux. 86 (60).

⁶⁴ См. о нем: *Mayrhofer* III. S. 449.

прибрежной части Ольвии есть родники, дающие в изобилии прекрасную питьевую воду; вода из этих источников – лучшая, какая теперь имеется во всей окрестности. И эта обеспеченность хорошею водою была одним из необходимых условий для существования города; в нагорной части Ольвии воды нет совершенно, и туда надо было доставлять воду издалека⁶⁵. Добавим, что извечный недостаток в хорошей воде – это вообще особенность Северного Причерноморья, в частности геродотовской "Старой Скифии", где он влиял и на топонимии страны, о чем говорят и исследованный нами Εξαρταῖος < индоарийск. *a-kṣamaraia- 'непригодная вода' и современный *Мертвовод*.

9. *tanumurakā 'пиратская'

В основе реконструируемого нами названия лежит форма Ταυράκη греческих текстов. Точное расположение места остается спорным. Птолемей упоминает город Ταυράκη, помещая его между Прекрасной гаванью (Καλὸς λιμὴν) и устьем реки Каркинит (Ptol. Geogr. III, V, 2; VIII, X, 3). Ср. Стефан Византийский: Ταυράκη, πόλις Σαρματίας τῆς ἐν Εὐρώπῃ (Steph. Byz. Ethn.). Страбон называет Тамиракским залив (ὁ Ταυράκης κόλπος⁶⁶), обычно называемый с древности до наших дней Каркинитским. Анонимный перипл (включающий перипл Арриана), описывая черноморское побережье с востока на запад, сообщает, что Каркинитский залив простирается от Прекрасной гавани до Тамираки, которая является мысом, соседствующим с востока с Бегом Ахиллеса (Anon. Periplus P. Eux. 83, 84). Этого последнего мнения, видимо, придерживаются картографы нового времени⁶⁷. Следует, однако, отдать предпочтение более ранним авторам – Страбону (I в. н.э.) и Птолемию (II в. н.э.). У первого из них Ταυράκη понимается как название всего залива между Северо-Западным Крымом и материком: что касается Птолея, то он точно указывает место Тамираки между Прекрасной гаванью и рекой Каркинит, а современные исследователи локализуют оба эти объекта в Крыму⁶⁸. Таким образом, Тамирака оказывается в какой-то части Тарханкутского полуострова. Эти противоречия и достопримечательные блуждания топонима Ταυράκη, возможно, говорят о том, что он относился не столько к конкретному пункту, сколько к побережью в целом.

В поисках объяснения этого загадочного до сих пор для нашей науки названия мы обратили внимание на Λιυράκη, название южной части побережья Западной Индии (Anon. Periplus m. Erythr.⁶⁹). Едва ли форма

⁶⁵ Фармаковский Б. Ольвия. М., 1915. С. 21.

⁶⁶ Pape W., Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. II. Graz, 1959. S. 1483.

⁶⁷ Spruner K. – Menke Th. Atlas antiquus. Gothae, MDCCCLXV. [карта] XXIV; Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899.

⁶⁸ Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 4–5 (Калос Лимен – в Ак-Мечетской, ныне Черноморской бухте); так называемую реку Каркинит автор видит в длинном озере Донузлав (с. 22).

⁶⁹ Pape W., Benseler G. Op. cit. S. 806.

*Dimirice*⁷⁰ более авторитетна или, тем более, связана с этнонимом *Tamil*⁷¹. Античным путешественникам было известно, что Λιμυρικὴ непосредственно граничила с Берегом пиратов (ἀνδρῶν περρατῶν)⁷². Греческая запись Λιμυρικὴ в Индии может отражать древнеиндийскую форму прилагательного с суф. *-ika-*, а северопонтийское Ταμυράκη, видимо, содержит суф. *-aka-*. Идя далее от форманта к корню, мы наблюдаем в обоих названиях явно повторяющееся *-mur-*, которое можно попытаться на этом основании, во-первых, выделить как самостоятельный лексический корень, а во-вторых, отождествить его с корнем др.-инд. *ā-mūr-* 'похищающий', *abhi-pra-mūr-* (Ригведа) 'хватающий', производные от глагола *mṛñāti* 'похищать, грабить, хватать'⁷³. Конечно, при этом нужно решить вопрос о начале слова Λιμυρικὴ (или его первом компоненте). Ответ следует искать в известных данных о словопроизводном гнезде упомянутого глагола *mṛñāti*, от которого существует видоизмененное производное *malimlūh* 'разбойник, вор'⁷⁴. Кажется возможным предположить происхождение Λιμυρικὴ < **mali-mur-ika-* 'разбойничий'; начало слова затем подверглось изменению, но, может быть, след его сохранился в более позднем названии этого побережья – *Malabar*? Это последнее обычно связывают с тамильск. *malai* 'гора', но более древней представляется здесь традиция названия 'Пиратский берег'. На этом мы можем возвратиться к 'Пиратскому берегу' в более близких к нам местах – в Северо-Западный Крым. Одновременно открывается возможность поэтапного словообразовательного анализа нашего названия Ταμυράκη, тем более, что существующие немногие попытки чисто корневой этимологизации не удовлетворяют⁷⁵. Ταμυράκη, очевидно, произведено с суф. прилагательного *-aka-* от уже упомянутого **mur-* 'похищающий'; начальный слог Та- является остатком первого компонента-дополнения ('что похищающий?'), ср. др.-инд. *tanū-* 'тело, личность, человек'. Следовательно, в основе Ταμυράκη лежит потенциально индоар. **tanū-mur-* 'похититель людей' (сложение типа др.-инд. *tanū-pa-* 'защищающий людей'), т.е. 'пират-работорговец', а все название Ταμυράκη реконструируется как **tanū-mur-aka-* 'пиратский', с вероятной синкопой среднего слога. Существование на Черном море в античную эпоху пиратства и работоторговли известно. Морским разбоем активно промышляли и тавры⁷⁶ и, видимо,

⁷⁰ Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica, ed. M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860. S. 14.

⁷¹ Kiepert H. Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878. S. 41.

⁷² Lassen Chr. Indische Altertumskunde, Bd. I. S. 185, 188.

⁷³ Mayrhofer II. S. 673.

⁷⁴ Там же. С. 599.

⁷⁵ Marguart J. Keleti Szemle XI. Budapest, 1910, S. 5: сближает *Temarunda* и Ταμυράκη с др.-инд. *tāmas-* 'мрак', авест. *tāmah-*, др.-инд. *tamis-ra-* 'темнота', ир. **tamah-ra-*; ср. по этому поводу: Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland // Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Bd. I. Berlin: Wiesbaden, 1971. S.163. См. еще: Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 161.

⁷⁶ Тюменев А.И. Херсонские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры // ВДИ. 1949. № 4. С. 80.

родственные им сатархий⁷⁷. Нас в данном случае интересуют именно эти последние, поскольку они занимали прибрежную зону на Севере Крыма, в том числе, вероятно, и Ταμυράκη и, кроме того, об их пиратстве, по-видимому, в этих местах, свидетельствуют эпиграфические документы: Ἀχιλλεὶ νήσου [μεδέουσι] Ποσιδέος Ποσι[δέου τοῦς] Σαταρχαίους [νικήσας] πειρατεύσαντ[ας ἀνέθηκεν?] 'Ахиллу, владыке острова (Левке), Посидей, сын Посидея, победивший пиратствовавших сатархеев, воздвиг'⁷⁸. Кроме этой посвячительной надписи, найденной в Неаполе Скифском (окраина нынешнего Симферополя), столице позднескифского царства, Посидею Посидееву принадлежит еще одна надпись – в Ольвии: [Ἀφρο]δίτῃ Εὐπλοῖαι [Ποσι]δέος Ποσιδείου Χαριστήριον 'Афродите, покровительнице мореплавателей, Посидей, сын Посидея, благодарение'⁷⁹. Посидей – грек, командовавший, видимо, военно-морскими силами Скифии (ср. особо усердное почитание им морских божеств). Это было время (II в. до н.э.), когда Ольвия подпала под власть крымской Скифии. Нормальной коммерции Ольвии и общению с Неаполем Скифским документально "пиратствовавшие сатархеи", наносившие удары из опасного мелководного Каркинитского, или Тамиракского залива. Судя по совершенной форме причастия πειρατεύσαντας 'пиратствовавших (сатархеев)', Посидей основательно разделался с ними.

10. *tvak- '(кожаный) щит'

Неподалеку от Судака находятся приморские селения Ускут и Туак, после войны решительно переименованные соответственно – в Приветное и Рыбачье, хотя ни одно, ни другое название не имеет тюркской этимологии. Их относительная близость на местности отражает связь их происхождения. Средствами разных языков оба названия передают одну и ту же семантику. Начнем с менее древнего из них. *Ускут* (или *Ускют*) есть тюркизированная форма итал. *Scuto*, ср. *casale de lo Scuto*, *Scutti* в средневековых итальянских документах, а также на картах⁸⁰. Ит. *scuto* значит 'щит'. Это же значение мы предполагаем у другого названия – *Туак*, первоначально *Tvak, в основе которого, по-видимому, лежало субстратное индоарийское слово **tvak-* '(кожаный) щит', ср. др.-инд. *tvák-* 'кожа, шкура', сближаемое с греч. *σάκος* 'щит' (*tvakos)⁸¹. Старые записи путешественника помогут нам понять природу такого наименования: "В 50 минутах от Кучук-Юзена находится немалая деревня Тувак, на долине окруженной садами и орошаемой быстрым ручьем... Через 2 часа и 25 минут мы увидели с высоты, в глубоком долу, рассеянной Юшкют,

⁷⁷ Ростовцев М.И. – Записки имп. Одесского общества истории и древностей. 1915. Т. XXXII. С. 60, сн. 3; Он же. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 47.

⁷⁸ Latyshev B. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, V. I. Изд. 2. Petropoli, MCMXVI. P. 507 (N 672).

⁷⁹ Ibid. P. 182 (№ 168).

⁸⁰ Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Pb., 1890. S. 25; Извлечение из сочинений В. Гейда "История торговли Востока в средние века". Пер. Л.П. Колли // Изв. Гаврической ученой архивной комиссии № 52. Симферополь, 1915. С. 129, сноска 3.

⁸¹ Mayrhofer I. S. 537.

обширнейший из всех приморских селений, в котором считают до 70 дворов. Две окружающие его высокие горы представляют на высотах стоячие, свислые и безобразные камни, ... а Юшкют, заключаясь между ими как в ящике, кажет на низу в противоположность дикости веселые предметы"⁸².

11. Кто такие были Тукаубейтаи?

Одна пантикапейская надгробная надпись I в. н.э., найденная в Керчи, гласит: Δαμᾶς Γαίου στρατηγῶς Тукаубейтῶν, χαῖρε 'Дама, сын Гая, стратег тикандитов, прощай'⁸³. По свидетельству издателей "Корпуса боспорских надписей", "название это не встречается ни в других боспорских надписях, ни в литературных источниках. Кто были эти тикандиты, остается неясным"⁸⁴. Очевидно, впрочем, что Тукаубейтаи (засвидетельствован только gen.pl. Тукаубейтῶν) – это греческий этникон регулярного вида (с суф. -ειτης, мн. -εῖται), что естественно для официального Боспора и его эпиграфики. Можно в связи с этим утверждать, что этникон, т.е. название жителей по месту, произведен от некоего топонима, возможно, названия селения или города *Тукауба; в словаре Стефана Византийского мы найдем достаточно примеров таких этниконов от местных названий: Корокубамίτης, Таваίτης и т.д. Но ни там и нигде больше мы не встречаем топонима *Тукауба. Его негреческий вид бросается в глаза. Вряд ли воинский контингент тикандитов, которым командовал покойный боспорский стратег, был откуда-то издалека. На Боспоре широко прибегали к услугам наемников и главным источником этих ресурсов был азиатский Боспор, меотское Приазовье. Обратившись поэтому к синдомеотской части Боспорского царства и опираясь на некоторый опыт своих предыдущих поисков, мы проверяем одновременно данные из древней Северо-Западной Индии и действительно находим там нечто заслуживающее внимания: *Ohind*, стар. *Utakhanda* или *Ut-khand*, с греческой калькой времен походов Алесандра Македонского в Индию – *Ekbolima*, лат. *Echolima* (Curtii Vit. Alex. VIII. 12). Авторитет в древней географии Индии Каннингем пишет: "Следует, однако, помнить, что *Etbolima* [Arg. Anab. IV, 28. – *O.T.*] или *Ekbolima* – это всего-навсего чисто греческое название, передающее положение места при владении реки Кабул в Инд, где оно и помещено Птолемеем. В этом случае вероятность тождества *Ohind* особенно сильна"⁸⁵. Генерал Каннингем не был лингвистом, но его идентификация верна. Греч. ἐκβάλλω – производное от глагола ἐκβάλλω в значении 'пускать ростки', т.е. значило 'отросток' и было использовано для буквальной передачи-перевода др.-инд. *ut-kāṇḍa*, *ud-kāṇḍa* с тем же значением, префиксального сложения

⁸² Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. СПб., 1805. С. 214.

⁸³ Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, V. IV. Petropoli, MDCCCL. P. 174: Корпус боспорских надписей. Отв. ред. Струве В.В. М.: JL, 1965. С. 254 (№ 382).

⁸⁴ Корпус боспорских надписей. С. 254 (№ 382).

⁸⁵ Cunningham A. The ancient geography of India. New enlarged edition. Varanasi, 1975. P. 48.

kānda 'стебель, ствол'⁸⁶ (варианты с придыхательным вторичен здесь и в топонимии и в лексике⁸⁷). Короче говоря, мы склоняемся к мысли, что в боспорском *Туканда отражено местное индоарийское, синдомеотское *Utkanda (затруднительность группы *ik* для греков привела к метатезе в греческой передаче), которое значило, в полном соответствии с функцией выделительной приставки *ud-* ('вы-, из-'), — 'отросток, ответвление'.

Возникает естественный вопрос, где следует локализовать древний топоним *Туканда / *Utkanda? Думаем, что единственным местом для этого может считаться нынешний город Славянск-на-Кубани, называвшийся прежде *Копыль*, расположенный при ответвлении реки Протоки от Кубани. Историческое название *Копыль* отражено главным образом в средневековых итальянских документах в форме *sora*, *Locora*, *Soragio*⁸⁸. Необходимо уточнить, что итальянские формы — это всего лишь приблизительные записи древней русской формы *Копыль*, которая имеет надежную базу в русских диалектах (*копы́л*, *копы́ло*, *копы́лок*, *копы́ль*, *копы́лье*, основное значение — 'стояк разного назначения'), бесспорно праславянское происхождение (*kor-ульь*: *korati) и соответствия в других славянских языках и диалектах, которые, собственно, и помогают установить первоначальное значение слова: 'боковой отросток' (ср. болг. диал. *кóпиле* 'побочный початок кукурузы', *кóпило* 'отросток кукурузы, который вырывается'). Данное уточнение весьма существенно, так как оно постулирует древность русской формы *Копыль* 'ветка, отросток (здесь — об ответвлении реки)', а также, что особенно интересно, семантическое толкование др.-русск. *Копыль и индоар. (синдомеот.) *Utkanda, а в плане историческом — преемственную встречу обоих этносов в этом районе.

⁸⁶ Monier-Williams M. Op. cit. P. 269.

⁸⁷ Ср.: Mayrhofer I. S. 197.

⁸⁸ Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Труды I археологического съезда в Москве. 1869. II. М., 1871. С. 385.

**INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.
ИСТОЧНИКИ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.
РЕКОНСТРУКЦИЯ***

Индоиранская группа индоевропейских языков разделилась на две ветви — иранскую и индоарийскую. Их близость друг к другу такова, что делает методологически оправданными поиски рядом с известными древними местами обитания одних хотя бы следов пребывания других. Иранцы-скифы долгое время жили в Северном Причерноморье, уходили и вновь возвращались сюда. Сейчас кажется странным, что естественная мысль о паритетном пребывании в этих краях также индоарийцев, т.е. праиндийцев, в сущности так и не была выдвинута в науке, а если бы это и случилось, вряд ли ее ожидал бы благожелательный прием, насколько можно судить по тому скорее отрицательному отношению, с которым в свое время встретилась гипотеза об индийской принадлежности синдов (старая и устаревшая теория Риттера о тождестве синдов и "индов" была просто позабыта, а более близкая к современности гипотеза Кречмера об "индийцах на Кубани" сделалась объектом критики; и о том и о другом подробно говорится в [1, passim]). Очевидно, что научное общественное мнение не было готово к этому и продолжало оставаться в русле других идей. Назовем из них две важнейшие: 1) все древние индоевропейские диалекты, в том числе индоарийский и иранский, развивались и формировались в Причерноморье; 2) скифы, как и близкородственные сарматы, были по языку иранцами. Причем, если последнее положение успешно утверждалось, то первое, я имею в виду северопричерноморский этап индоарийского, удивительно поблекло и утратило всякую конкретность, будучи затенено иранской теорией скифского. Процветающее состояние этой последней, как часто бывает, закрывало от нас до поры до времени нерешенные вопросы, которые так же неотделимы от иранской теории скифского, как и ее бесспорные достижения.

Скифы были иранцами по языку. Сейчас мы выразились бы осторожнее: часть скифов говорила по-ирански. От упомянутых нами индоарийцев, казалось бы, не сохранилось здесь даже названия, во всяком случае ничего равноценного названию скифов в этом регионе по древним данным мы не можем противопоставить. Но такому положению дел находится объяснение, даже несколько объяснений. Во-первых, отсутствие названия и особенно самоназвания древнего этноса еще не говорит об отсутствии самого этноса; это есть закономерная стадия, когда членами этноса о себе употребляются самые общие термины "люди", "свой", "народ", "потомки" и т.п. Ситуация может квалифицироваться как архаическая. Во-вторых, местные индоарийские племена могли охватываться названием *скифы*, употребительным у греков, а мы знаем, сколь много-

* Впервые опубликовано: Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 3-21.

значным, особенно со временем, стало это название. Многозначность этнонима скифы лишь с большим трудом приходится преодолевать и вскрывать лингвистической и исторической науке. Лингвистические критерии определения того, что есть скифское, затруднительны, они нередко и в лингвистических трудах подменяются чисто внешними и случайными (литературными, географическими) признаками. Например, Фасмер предлагал считать скифским лишь то, что называется скифским у Геродота [2], сам Геродот называл скифским все к западу от Танаиса-Дона. А между тем иранской теории скифского приходилось всегда считаться с наличием в Скифии Геродота явно неиранских элементов, взять хотя бы имена скифских божеств и другое, о чем — ниже. Дальнейшее исследование шаг за шагом вскрывает сложность этнических отношений именно на Западе Скифии. Привычному противопоставлению Скифии и Боспора как будто соответствует наличие в боспорском Приазовье сведений о четкой диатезе нескифских (неиранских) племен синдов "и всех меотов" до иксоматов включительно. На Западе Скифии Геродота ничего подобного нет, но как раз на Западе, на территории так называемой "Старой Скифии", локализуется генеалогическая легенда скифов, несколько вариантов которой представлено у Геродота (IV, 5–10: скифский вариант — о рождении первого человека в пустынной Скифии — Таргитая — от Зевса и дочери Борисфена, затем о сыновьях Таргитая — Липоксае, Арпоксае и младшем — Колаксае, взявшем царскую власть и породившем царских скифов, паралатов, и в целом — о скифах как самом молодом из всех народов; и греческий вариант, тоже разыгрывающийся в низовьях Днепра, в Гилее, — о рождении от Геракла и девы-змеи трех сыновей — старшего, Агафирса, среднего, Гелона, и младшего, Скифа, получившего царство и породившего скифов царских). Все они свидетельствуют, как сейчас можно думать, о великом **арийском, или индоиранском разделе**, состоявшемся, по-видимому, в этих местах в древности, сюда относятся и передаваемое Геродотом мнение самих скифов о себе, что они — самый молодой из всех народов, образующее закономерную оппозицию с названием самой страны и, видимо, какой-то другой, нескифской, части ее этноса — "Старая Скифия" (Herod. IV, 99), о чем уже писалось; и перекликающийся с предыдущим раздел трех братьев — младшего (NB!) Скифа, старшего — Агафирса, а также Гелона. Со "Старой Скифией", во всяком случае — с Западом Скифии, связан род скифских царей, который можно условно назвать родом Анахарсиса по наиболее знаменитому представителю. В свете предполагаемого раздела на младших и старых (ариев? — ибо таково — *arya — было общее самоназвание как иранцев, так и индоарийцев с какого-то достаточно раннего времени) нас не удивляют загадочные в противном случае указания историков и археологов, что настоящие царские скифы, паралаты кочевали не в "Старой Скифии", а к востоку от Днепра, там же были крупнейшие городища и захоронения, а в "Старой Скифии" собственно скифских памятников очень немного [3]. Аналогии подсказывают, что подобно младотуркам и младограмматикам отделившиеся сами назвали себя "младоариями" или скифами-младшими и откочевали, и лишь как следствие этого страна с оставшимися ариями (индоариями?) прозвалась "Старой Скифией", а отделившиеся скифы-иранцы

звались также сколотами, в чем можно смутно угадывать этимологически термин со значением "отщепенцы".

Таким образом, можно считать, что исследование скифской проблемы в науке находится на правильном пути: вначале исследователи удовлетворялись тем, действительно крупным, достижением, что был открыт иранский характер скифских (сколотских) языковых остатков; более углубленный взгляд ищет следы полидиалектности языка скифов-иранцев; современное исследование ставит вопрос "нескифское (неиранское) в скифском". Ответом на этот вопрос в значительной степени служат поиски и находки следов сопредельного индоарийского (праиндийского) языкового слоя.

Нельзя сказать, чтобы сложность индоарийско-иранских отношений региона полностью ускользнула от древних авторов, хотя называлось это тогда иначе, ср. *Amm. Marc. XXII, 30 (= [4])*: *gentes sermonum institutorumque varietate dispariles, Iaxamatae et Maeotae et Iazyges, Roxolanique et Halani* – что можно попытаться перевести как "племена, несходные по разнообразию отличий языков и учреждений – (с одной стороны) яксаматы и меоты, (а с другой стороны) – языги, роксоланы и аланы".

Несмотря на это свидетельство, которое дает право нашу концепцию индоарийско-иранского противостояния в данном районе как-то увязывать с воззрениями древних, мы должны констатировать отсутствие явных скифских, меотских, яксаматских, т.е. в нашей терминологии – индоарийских, глосс нарицательной лексики у древних авторов. Взамен этого существуют другие – явные, но ложно толкуемые глоссы, которые можно определить как псевдоскифские или приписываемые скифам (см. выше – о многозначности понятия "скифский"). Я уже обращал внимание на ложноскифскую глоссу у Гесихия Александрийского: *μέσπλη ἢ σελήνη παρά Σκύθαις*, т.е. *μέσπλη* "луна у скифов" [1, с. 30]. Ясно, что в первом компоненте явно сложного слова *μέσπλη* содержится индоевропейское название луны, месяца, причем скорее в индоарийском варианте, с сохранением первоначального *s* (ср. др.-инд. *mās* 'луна, месяц'), чем в иранском (где имеется *māh*, с регулярным переходом *s > h*); вторую часть *μέσπλη* можно сравнить с др.-инд. *-pra* 'полный', в качестве второго члена сложений, ср., с другим расположением компонентов, др.-инд. *pūrṇa-mās* 'полная луна, полнолуние'. Конечно, в качестве более полного прототипа подошла бы форма **mes-pla-* или **mas-pla-*, с сохранением первоначального *l*, но мы еще будем иметь случай обратить внимание на остаточный ламбдацизм в выделяемом индоарийском субстрате. Латинизированное *sacrium*, которое Плиний подает как скифское название янтаря (Plin. NH XXXVII, 40), может быть объяснено только в связи с др.-инд. *śárkarā* 'щебень, камешки' (ср. [2. S. 148]), откуда, между прочим, распространилось и международное название сахара, возникшее на базе средне- и новоиндийских форм. Узловое значение приобретает *Temarunda(m)*, название Меотиды, Азовского моря, которое Плиний опять-таки ложно приписывает скифам, на языке которых это буквально значило 'мать моря' (Plin. NH IV, 20). К плиниевскому раскрытию внутреннего смысла названия следует отнестись со всем вниманием. Морем в данном регионе

называлось традиционно только Черное море, в связи с чем мы реконструируем на базе плиниевской глоссы сочетание **tem-arun-* 'Черное море'; так назвать его могли только индоязычные племена, но не иранцы, а также не хетты и не фракийцы (подробнее см. [5; 1, с. 31]). Таким образом, скифские глоссы античных писателей учат нас сдержанно относиться к безоговорочной концепции всех скифов как иранцев.

Далее следуют неявные, скрытые глоссы и глоссирующие контексты, главным образом ономастические, но с читаемой лексической, нарицательной первоосновой. Скудость источников вынуждает нас расширять круг поисков, привлекая не только древних авторов, но и поздние записи. Во всех этих случаях нас интересует возможность выявления индоарийского языкового субстрата. Еще до того как пришлось заинтересоваться "Старой Скифией" Геродота в связи с индоарийской проблемой, я обратил внимание на название 'Εξαρταῖος, обозначавшее, согласно Геродоту (IV, 52), горький источник, впадающий в Гипанис (Южный Буг), и окрестную местность. Геродот характеризует это название как "скифское" и указывает даже его греческий эквивалент Ἱερὰ ὁδοί 'Святые пути', что побудило ученых к долгим и безрезультатным поискам того же этимологического значения, предположительно переданного иранскими языковыми средствами, в форме 'Εξαρταῖος. Однако внимательное чтение делает возможным соотношение только с греч. κρήνη πικρὴ 'горький источник' в геродотовском тексте, откуда толкование 'Εξαρταῖος в связи с др.-инд. *a-kṣamāpaya-* 'непригодная вода' [6]. Специфика данного случая в том, что настоящую глоссу приходится реконструировать.

Название меотского племени иксоматов, жившего на берегах Танаиса-Дона, — Ἰξομάται, Ἰαξαμάται (Птолемей, Полиен), *Exomatae* (Валерий Флакк) — мы этимологизируем как неиранское, индоарийское, тождественное др.-инд. *Ikṣumatī* название реки, притока Ганга, ср. сюда же *Ichāmāṭī*, река бассейна Брамипутры (видимо, арии, осваивая Индию, несли этот гидроним с запада на восток). Это прозрачное суффиксальное производное от др.-инд. *ikṣú* 'сахарный тростник', откуда *Ikṣumatī* значит 'тростниковая или богатая сахарным тростником'. Иранисты пробовали безуспешно отождествить название донских иксоматов с Ἰάζυγες 'языги', в явном противоречии с указанием Аммиана Марцеллина о том, что как раз искоматы и языги — "sempiternum... varietate dispariles" (см. выше), пытались сблизить с иран. *uz-* 'приносить жертву', наконец, с др.-инд. *yakṣati* 'спешить, стремиться', что совсем уводило за пределы иранистики [2, S. 139]. Эти корневые гадательные этимологии менее вероятны, чем предлагаемое нами цельнолексемное сближение с полным соответствием на ономастическом уровне в Индии. Но спор об иксоматах можно считать оконченным, как только мы обратим внимание на тот факт, что на римской карте мира по ту сторону Танаиса, т.е. на его левом, иксоматском берегу, имелась надпись *Cannate* (см. [7]; автор напрасно исправляет ее, читая *Ixamatae*), которую можно прочесть только как лат. *Cannatae* 'тростниковые', глоссирующее местный индоарийский этноним **ikṣu-mat-* с тем же этимологическим значением. Наш предшественник, И.С. Каме-

нецкий, в специальной статье [8] добросовестно изучив то немногое, что сказано о них у историков, археологов и лингвистов, так и не смог сделать убедительных однозначных выводов.

В восточной части древней Тавриды Плинию было известно племя *Satauci*, чье название мы читаем как индоар. **satt-auka-* 'семь жилищ' (см. [9, с. 46]). Кроме этимологической вероятности, главным источником этой реконструкции мы считаем отношения глоссирования (калькирования), установившиеся между реликтовым *Casale de lo Sdaffo* в средневековых итальянских источниках, с одной стороны, и тюрк. *Еди-Евлер* 'Семидворье', греч. *Ennacnumiu* то же [10] – с другой стороны, все три в районе Алушты, применительно к одному и тому же объекту. Позднесредневековые записи *Sdaffo*, *Osdaffum*, кстати, не позволяют видеть в сатавках описку, вместо сатархов. Почти такой же многоязычный характер носит скрытая глосса, вскрываемая нами в восточной части древнего Крыма, ср. местные названия *Nymphem*, *Dia*, которые Плиний упомянул одно за другим; как и территориально недалекое название Παρθένιον, *Nymphem* читается по-гречески, означая 'девин, принадлежащий деве'. Соседнее и явно негреческое *Dia*, видимо, значило то же самое на туземном индоевропейском языке. К набору "девских" топонимов на разных языках в восточном Крыму добавим тюрк. *Кыз-Аул* и *Кыз-Таш* (ср. тюрк. *kuz* 'девушка'). Любопытно археологическое свидетельство о догреческом таврском поселении в Нимфее [11]. Местность и река *Дооб* на юго-восток от Новороссийска, т.е. на территории древней Синдики [12], вряд ли случайно созвучна своим названием с др.-инд. *Doab*, буквально 'двуречье', область между Джамной и Гангом. Ср. неподалеку адыг. *Туа-нсе* 'двуречье'. Известное название на Южном берегу Крыма *Кастрополь*, стар. *Καστροπόυλο* (по данным Келпена, ниже) представляет собой очень интересное гибридное название *Кастро-пуло*, где первая часть – греч. *κάστρον*, лат. *castrum* 'крепость, укрепленный город' – переводит (глоссирует, калькирует) вторую, иноязычную часть сложения, отнесенную пронципально еще П. Келпеном [13] к древнему крымскому топониму Φούλλαι. Мы видим здесь субстратное таврское *pula 'город' (первоначальный вокализм *корня – пуло* не позволяет видеть здесь греч. πόλις).

Читаемое у Скилакса Кариандского выражение – Σαυροματῶν δὲ ἐστὶν ἕθνος γυναικοκρατούμενον (Scyl. Caryand. 70) 'савроматы – женовладеемое племя' – имеет смысл, по-видимому, рассматривать как скрытую глоссу, толкующую индоар. **Sar-ma(n)t-* 'женский, принадлежащий женщине', тем более что и выделение производящего **sar-* 'женщина' вероятно для индоарийских реликтов Северного Причерноморья [14, с. 116]. Рядом с этой индоарийско-греческой глоссой античного времени мы не колеблясь поставим другую глоссу, обнаруженную нами в гибридном местном названии по данным очень поздних записей – *Чигенитра-богаз* (вост. Крым), где отношениями глоссирования связаны индоарийское *-нитра* и тюркское *-богаз*; известное значение второго из них – 'проход' позволяет установить значение первого [14, с. 120]. Пренебрегать поздними свидетельствами такого рода мы не имеем права,

иначе это означало бы закрыть для себя возможность изучения послеполитического продолжения (*Weiterleben*) древнего субстрата.

Весьма близкие аналогии увязки поздних и древнеписьменных данных, а также заполнения промежуточных лакун письменной традиции средствами сравнительного языкознания и реконструкции мы видим, например, в исследованиях отражений и продолжений хеттских слов и форм в малоазиатских надписях IV в. до н.э. и позже, отделенных от письменной собственно хеттской традиции Богазкёя, прервавшейся около 1200 г. до н.э., лакуной минимум в 800 лет. Это был не только перерыв в письменной традиции, это было полное забвение. Ни Геродот, ни его предшественники, не знали и не помнили ни могущественного Хеттского царства, ни даже имени хеттов (см. [15]). Аналогия с забвением наших северопонтийских индоариев была бы более полной, если бы не была раскрыта и расшифрована богатая хеттская письменность и наука имела бы дело только с надписями Малой Азии эпохи эллинизма и римского времени. Это сравнение, кажется, делает наглядной методологическую специфику и трудность нашей работы.

Сюда примыкает, далее, случай античного прибрежного топонима *Каζέκα* в древних черноморских периплах Арриана и Анонима, который мы так никогда бы и не поняли, не будь в нашем распоряжении очень поздней записи *Яга-Качик*, где четко представлена тюркско-индоарийская (по порядку следования компонентов) глосса 'береговой' = 'береговой' (см. [1, с. 37]). Ясно, что это решительно подкрепляет этимологическую реконструкцию античного *Каζέκα* как индоарийского суффиксального производного **kač-ika-* 'береговой'. Фактическую, хотя и скрытую, глоссу мы имеем в том месте у Геродота (IV, 17), где говорится об алисонах: они названы "другим племенем" (*ἄλλο ἔθνος*) не только потому, что упомянуты после каллипидов, но и потому также, что такая же семантика ("другое племя") этимологически вскрывается в глоссируемом индоарийском этнониме *Ἀλιζῶνες* = *ali-jana-* [14, с. 111]. В моравско-паннонском Житии Константина (XII), повествующем о событиях IX в. (списки памятника датируются вообще очень поздним временем – XV в., см. [16]), мы находим великолепный образчик глоссирующего контекста, восходящего к искомому субстрату: (в фульском племени) ... доубъ великъ..., именемъ Александръ, женьскоу полоу не дающе пристоупати къ нему... (разрядка наша. – Т.О.). Крестное имя *Ἀλέξανδρος* здесь не более как запись туземного индоарийско-таврского реконструируемого **alakša-dru-*, что-то вроде 'запретный дуб', ср. др.-инд. *rākṣati* 'охранять', *d(a)ru-* 'дерево', как то подсказывает контекст цитаты [9, с. 58].

Рассмотрев ряд глосс (псевдоглосс, криптоглосс), мы убеждаемся, что в исследуемом вопросе значение абсолютно преобладающего источника имеет ономастика и важнейший ее разряд – антропонимия неиранского вида у древних авторов и по эпиграфическим данным. Встает вопрос о географии предположительно индоарийских личных имен собственных. В свое время высказывалось мнение о том, что максимум темных имен обнаруживает Пантикапей [17]. С этим едва ли можно согласиться в такой общей форме. Ср. хотя бы указание Фасмера на ряд не объяснимых

из иранского имен в надписях Ольвии [2, S. 155]. В Пантикапее и других местах Боспора действительно имеется ряд местных, эндемичных антропонимов, например, не вполне ясно Δουπτοουλος, личное имя боспорского царя, известное из надписи предположительно V в. н.э. [18; 19, с. 366–367]. Имя это нигде более не встречается. Состояние его изучения и даже прочтения таково, что о его этимологии могут высказываться только догадки. Только в Горгиппии (Анапе) засвидетельствовано личное имя Σινδος, не встречающееся больше нигде [19, с. 258] и имеющее индоарийскую этимологию – **sindava-* ‘речной’ или ‘обитатель Синда’. С другой стороны, если мы привлечем наряду с эпиграфикой городов Северного Причерноморья сведения древних писателей, в первую очередь Геродота, мы не можем не обратить внимания на наличие в Скифии, точнее, видимо, в “Старой Скифии”, т.е. к западу от Нижнего Днепра, ряда важных (царских) имен, темных с точки зрения иранистики: Ἀνάχαρις, Ἰδάνθυρος, Σαύλιος и др. [2, S. 114, 120]. Систематической этимологизации эти имена поддаются только с помощью древнеиндийского языкового материала. К этому следует добавить, что древнеиндийская ономастика (антропонимия) находит ряд соответствий в личных именах Таврики и “Старой” (Синдской) Скифии, что до последнего времени оставалось практически незамеченным: др.-инд. *Pālaka-*, имя ряда царей и принцев Индии, буквально ‘защитник, покровитель’, ср. Πάλακος, имя царя таврических скифов (Страбон, см. [1, с. 34]); др.-инд. *Takṣaká-*, имя принца, ср. Τάξακις, царь скифов (Herod. IV, 120; единственное тождество такого рода, отмеченное давно – еще Томашеком и Юсти, но без должного осмысления); др.-инд. *Bhūtanātha-*, одно из имен бога Шивы, буквально ‘властелин духов’, ср. Βουτουνάτος, отчество из надписи III в. н.э., в Одессе, т.е. на территории “Старой Скифии” [20]; др.-инд. *Mahādevā-*, имя мужских и женских божеств, имя ряда женщин, буквально ‘великий бог’ или ‘великому богу принадлежащий, -ая’, ср. Μαχαδαυα μήτηρ, имя из надписи II–III вв. н.э., восходит к городу Тира, в устье Днестра (см. о последнем [21; 14, с. 114]). В порядке размежевания отметим, что по-ирански (скифски) ‘великий бог’, например, было бы **mazabaga-* или **sturbaga-*, но не *mahādevā-*. Выше мы наблюдаем столь ценяемые языковедами одноуровневые соответствия (антропоним versus антропоним), к тому же их глубина и полнота гарантируются четкостью этимологической и словообразовательной структуры. Раньше уже приходилось писать об изоглоссе, объединяющей женские личные имена – иксоматское (меотское) Τυρουαίω (Polyaen. Strateg. VIII, 55) и митаннийское *Tirgutauiya* на алахских табличках в Северной Сирии середины II тысячелетия до н.э. (см. [1, с. 38]). Позднее показалось симптоматичным установить отношение этого, видимо, индоарийского имени к имени легендарного первого человека в “Старой Скифии” – Ταρύταος (Herod. IV, 5), иранские этимологии которого, кажется, не считаются с тем обстоятельством, что, согласно скифской генеалогической легенде, Таргитай, в сущности, еще не был скифом. Вероятно, первородство синонимично здесь иноплеменности.

Ономастическая, реже – апеллативная и сюжетная информация черпается нами в огромном большинстве случаев из древних авторов, причем

основным и количественно наиболее многочисленным источником оказываются в силу обстоятельств греческие авторы и греческие записи. На основании греческих записей мы уже делаем заключения о туземном языковом субстрате ввиду их непосредственной связи. Этого нельзя, как правило, сказать о латинских записях, которые сами обычно базируются на греческих записях, и эта их зависимость от греческих записей обычно сразу видна, почему греческий прототип может быть графически восстановлен по его латинскому отражению даже тогда, когда греческая запись прямо не засвидетельствована. Описанная проблематика целиком относится к такому латинскому автору, как Плиний. Книги его "Естественной истории", посвященные исторической географии, в том числе специально – Северному Причерноморью, опираются главным образом на греческие источники, хотя и не всегда ясно, на какие именно (см. [22, 23]). Копияительство Плиния и естественная при этом разнородность информации и наличие темных мест негативно сказались на его репутации. Однако Плиний заслуживает большего доверия и бережного отношения и, в свою очередь, его комментаторы и эмендаторы навлекают на себя иногда серьезную критику. Почему-то Плиния, как правило, подозревают в смешении географических названий и объектов Юга Украины и Таманского полуострова, считая, что он произвольно перенес с Тамани Синдскую Скифию, Корет и т.д. (см. [24, 25]); ср. еще об этом [14, с. 106]). В этих обвинениях далеко не все справедливо; известный гиперкритицизм тормозит правильное понимание таких объективных фактов древней этногеографии, как наличие двух Гипанисов и двух реликтовых районов, примыкающих к ним, с перекликающейся ономастикой, например, Δαυδάριοι – племя в низовьях Кубани и *Dandarium*, название Ахиллесова бега (теперь *Тендра*, *Тендровская коса*), причем, что важно, отнюдь не у одного только Плиния. Эта источниковедческая проблема имеет прямое отношение к предмету наших исследований. Ростовцев специально обращал внимание на "прекрасное и очень точное описание Таврики" у Плиния, с полным доверием он отнесся и к локализации Плинием Синдской Скифии в Нижнем Поднепровье [26]. Кроме греческих источников, часть сведений Плиний мог почерпнуть от туземных информаторов; сюда единодушно относят действительно уникальные сведения о названиях Азовского моря – *Temarunda* и Танаиса-Дона – *Sinus* (вариант *Silis*). Разумеется, проблема точности передачи у Плиния остается, и в случаях крайней необходимости исследователь вынужден прибегать к эмендации плиниевского текста, что приходилось делать и нам на примере вероятной передачи имени "античных сербов": ... *Achaei, Mardi, Cercetae, post eos Serri, Cephalotomi* (Plin. VI, 16); мы предлагаем читать *Serbi, Cephalotomi*, опираясь на упоминание народа Σέρβοι на Северном Кавказе у Птолемея, а также на обнаруживаемую благодаря Плинию криптогlossу *Ser-hi* 'кефало-τόμοι', т.е. 'головорезы' на двух разных языках (см. [27]). Правда, это влечет за собой необходимость исправления у другого автора *Montes Serrorum* (Amm. Marc. XXVII, 5, 2–3) на *Montes Serborum*, в Трансильванских Альпах.

Скудость источников нашей проблемы приучает исследователя к совокупному их использованию, к возможному расширению базы доступ-

ных источников, в числе которых при этом оказываются не только античные свидетельства разного рода, но также и поздние и позднейшие записи. Обычный в таких случаях упрек критики в неодновременности, значительном временном разрыве (а такой разрыв, действительно, может охватывать семь-восемь и более столетий, например, между упоминанием "античных сербов" у Птолемея – II век н.э. и упоминаниями славянских сербов – X в.; приблизительно такой же разрыв между сближаемыми др.-инд. вед. *Kūbhā* 'река Кабул' и визант.-греч. *Κούβη, Κούβης* 'Кубань') – такой упрек все-таки нельзя признать состоятельным. Сравнение разновременных данных – вынужденная процедура, и в ней нет ничего порочного, если само сравнение базируется на знании закономерных соответствий и направления их развития. Необходимо признать, далее, что именно такой материал дает возможность ближе изучить проблему сохранности древних элементов в поздней ономастике, актуальность чего трудно переоценить. Поэтому сравнение разновременных данных обещает определенные методологические выгоды и перспективы. Заметим к тому же, что поздняя письменная фиксация формы может вполне ужиться с архаичностью самой формы. Так, местное название *Antissa* (Plin. NH II, 206), видимо, восходит (в условиях греческого?) к первоначальному **antikja-*, ср. *Ἀντικείτης* (Страбон), северное русло Гипаниса-Кубани. Древний исход *-k-* этой формы явно сохраняется в тюркизованной записи XV в. – Ачук, известной Тунману, и название в целом продолжает жить в современной форме *Ачуев*.

Мне уже приходилось писать [9, с. 59] о соответствии выражения *дебри Кисани* (Слово о полку Игореве) и названия округа *Κισσάνους* в районе Алушты в грамотах константинопольского патриарха конца XIV в. [28]. Эти перекликающиеся средневековые названия находят поддержку и продолжение в тат. *Kišan*, или *Kisan*, близком к современности (см. отождествление последнего с *Κισσάνους* [29]). *Дебрь Кисаня* расшифровывается как 'Алуштинская долина', что касается формы *Кисан(ь)*, незаметно дожившей до конца XIX в., то ее можно было бы понять как индоарийское (таврское) местоименное сложение **kim-⁽¹⁾sana* - 'винное', ср. др.-инд. *śaṇā-* 'конопля', а также 'опьяняющий напиток из конопли'. Иран. (скиф.) *sana-*, как известно, развило основное значение 'вино', откуда осет. *sæpæ* 'вино' [30, с. 180] – значение, не получившее такого развития в индийском, хотя задатки были и там; об их диалектной вспышке может свидетельствовать индоарийско-таврский. Сложение с элементом *kim-* имеет индийский характер. Алуштинская долина – исстари страна винограда.

Относительно поздно засвидетельствованное название, как например *Солхат* 'Старый Крым' (XIV в.), оказывается этимологически темным с точки зрения языка позднего этноса (ср. [31]: "...сами же татаре, будто бы создавшие это имя, игнорируют его"). Пример этот показывает, что позднюю запись не следует всегда отождествлять с поздним происхождением.

У Страбона упомянута местность *Σιτ(τ)άκη* близ Меотиды, откуда и племя *Σιτ(τ)ακτροί*. Ср. еще *Sittacene*, название части Парфии (Плиний),

особенно же др.-инд. *setu-* 'мост' и, видимо, производные местные названия в Индии — *Setavyā*, *Setaka*. Плавни, заболоченные берега Кубани и ее притоков делают понятным появление местных названий с семантикой 'мост'. Названия, как и этносы, менялись, но семантика до конца не угасала. Достаточно ознакомиться с турецкими реляциями XVIII в. Только на первый взгляд кажется абсолютно новым гидроним *Кирпили* в нижней части бассейна Кубани, очевидный тюркизм, связанный с лексемой 'мост', ср. тур. *köprü*, вариант к *köprü* 'мост'. Ср. также запись 1698 г. в "Азовских делах": "...а от Азова к Темрюку переправы рѣчка *Кирпели*..." [32].

Относительно поздний возраст Жития Георгия Амастридского не означает, естественно, позднего образования встречающегося там этнонима Ρῶς: "Εφοδος ἦν Βαρβάρων τῶν Ρῶς [33]. Правда, семантика этого названия неудержимо менялась, представляя трудности смешением элементов старого и нового употребления. С одной стороны, так обозначались, по-видимому, уже собственно русские в период их набегов на Пафлагонию, причем ассоциации с Тавридой и таврами, тавроскифами (... ἡ ταυρική ξενοκτομία ἐκεῖνη ἡ παλαιὰ παρ' αὐτοῖς νεάζουσα... — [33]) можно отнести к литературной стилистике, но, с другой стороны, было бы неправильно закрывать глаза на то, что Ρῶς в относительно позднем тексте есть само по себе скорее архаизм, практически тождественный имени народа *hras* или *hrws* в Приазовье в VI в. [34]. Было бы упрощением безоговорочно ставить знак равенства между этим народом *рос* и исторической Русью, восточным славянством. Учитывая, с другой стороны, явную связь обоих этнонимов, целесообразно говорить здесь о постепенном насыщении древнего инородного этнонима новым этническим содержанием. Тяготение первоначального этнонима *рос* к Тавриде, Приазовью и Северному Причерноморью трудно отрицать, оно заслуживает изучения и возможно точной интерпретации; я имею в виду и *Русское море* в значении "Черное море", и существование особого народа росов в Крыму в VIII–IX вв., а также попытку осмыслить следы этого народа в связи с топонимией с корнем *рос-* в Крыму и археологическими остатками там салтовской культуры [35]. Очень старой, еще доломоносовской и донаучнолингвистической является в сущности теория происхождения названия *Русь* от причерноморского субстратного цветообозначения. Начало этой истории теряется в далекой старине, ср. [36, с. 287]: "И тако о имени *русь*, его древности и что от цвета произошло, видится, сумнительства нет". Такое толкование, которое уже ученые XVIII и XIX вв. приводят как "старое" (ср. [37]), все больше заслуживает с нашей стороны сейчас не "сумнительства", а внимательной проверки, думается, с возможным положительным результатом. По крайней мере к XI в. можно возвести одно свидетельство живого еще понимания *Русь* как 'светлая', отраженное в таком довольно позднем своде, как Книга степенная царского родословия [38]: "...Русы, иже и Кумани живущи во Ексинопонте...". Это оригинальное отождествление Руси и куманов-половцев, пришедших на Русь впервые, как известно, в 1061 г., отражает знание этимологического значения названия *куман*, тюрк. *quman*, судя косвенно и по переводу его также древнерусским *половци* от *половци* 'беловатый, беловато-желтый'

(ср. теперь [39]: "Основываясь на исторических свидетельствах, можно полагать, что племенное название этого народа содержит алтайское слово, обозначающее не вполне светлый цвет"). Дело, однако, еще и в том, как и в связи с чем так стали называться сами эти тюркские племена. Небезынтересно узнать, что куманами называлась только западная, причерноморская ветвь кипчаков и только с XI века, т.е. с появления их на Руси [40]. И Русь, и *quman* суть отражения региональной традиции называния Северного Причерноморья "Белой, Светлой стороной". Это традиция еще дославянская и дотюркская. Иран. **rauxšna-* (откуда осет. *rūxs/roxs* 'свет', 'светлый', перс. *ruš* 'снятие' и т.д.) с его придыхательным согласным и суф. *-na-* меньше подходит в качестве источника слова Русь, чем возможный местный вариант бессуффиксного др.-инд. *rukṣa-* с близким значением, для чего приходится допустить существование в северопонтийском индоарийском ассимиляции **russ-* в духе народных, пракритских упрощений группы согласных (см. отчасти уже [9, с. 56 сл.]). В этом последнем пункте (вопрос о конкретном характере консонантного упрощения) эта теория сохраняет свою гипотетичность, ср., впрочем, наличие целого ряда примеров местного диалектного перехода *kṣ > ss*, см. ниже наш этимологический словарь северопонтийских *indoarica*. Разумеется, что касается вариантного чтения *роушкими*, вместо преобладающего *роушькими* (Жит. Константина VIII, где речь идет о письменах, обнаруженных в Корсунь-Херсоне Константином), то эту форму как локально-славянскую, в частности сербскую [41], никак нельзя считать ответственной при решении вопроса о первоисточнике слова.

Даже скудные остатки языка крымских готов в очень поздней записи Бусбека XVI в. обнаруживают одно, но зато в социальном отношении весьма значимое заимствование, источник которого, вероятно, следует связывать с индоарийским (в данном случае таврским), а не с иранским: крым.-гот. *marzus* "nuptiae", т.е. 'свадьба, бракосочетание'. Это слово уже давно сравнивали с др.-инд. *mārya-* 'молодой человек, жених' (см. Томашек в кн.: [42], однако предложенное им членение *mar-zus*, второй компонент которого относится якобы к гот. *kiusan* 'выбирать', откуда все слово значило 'выбор невесты', неправдоподобно). Можно полагать, что крымско-готская форма на *-z-* отражает индоар. **marj-* с пракритским изменением *y > j*, что как индоарийская черта отодвигает мысль об иранском источнике еще дальше.

Нам уже приходилось при исследовании проблемы индоарийской принадлежности языка тавров привлекать такой поздний источник, как собрание дипломатических документов генуэзских колоний в Крыму середины XV в. [43]. В частности, в документе СXXXII (1455 г.), в тексте обязательства поддерживать в порядке кровли башен города Кафы, представлена глосса *solatas siue tectos*, где местное слово (не итальянское и не латинское, но также и не греческое и не татарское) *solatas* толкуется латинским *tectos* 'крыши'. Ясный контекст позволяет констатировать здесь реликт – производное с суф. *-ta-*, от основы, близкой др.-инд. *śālā* 'хижина, дом', *śālā* 'ограда', (с ротацизмом) *śaranā-* 'кровля, кров' [44].

Иногда субстратный реликт бывает представлен весьма разнородными источниками – от раннесредневековых до нового времени, как например, *Teaginet, Tegine* на Боспоре (Равеннский Аноним), с одной стороны, и современное (довоенное) *Эльтиген* – с другой, где, за вычетом тюрк. *el-* 'община', остается форма, близкая др.-инд. *tyāgin* 'самоотверженный; герой' [9, с. 46].

В таком крайне сложном этнолингвистическом регионе, как Северное Причерноморье, бывает нужно использовать разновременные и разноразличные источники в целях единой реконструкции. Надпись I в. н.э., найденная в Керчи: *Δαμας Γαίου στρατηγος Τυκανδέτων χαίρε* [18, № 382] содержит гапакс *Τυκανδέτων*, род. п. мн.ч. от *Τυκανδέτα*. Никому не известно, кто были эти тикандиты. Ясно только, что это этникон регулярного греческого вида, произведенный от какого-то топонима *Тиканда (не засвидетельствовано). Последний имеет уже откровенно негреческий вид. Зная о практике вербовки боспорских наемников из меотского Приазовья, мы обращаемся поэтому туда, одновременно проверяя – по опыту предыдущих поисков – данные из Северо-Западной Индии, где действительно находим местное название *Ohind*, стар. *Utakhandā, Utkhand*, с греческой калькой времен Александра Македонского – *Ekbolima*, лат. *Echbolima*, при впадении реки Кабул в Инд [45, с. 48]. Греч. *ἐκ-βολίμα*, производное от глагола *ἐκβάλλω* в значении 'пускать ростки', значило 'отросток' и было использовано для буквального перевода др.-инд. *ut-kanda* с тем же значением, префиксального сложения *kānda* 'стебель, ствол'. Это наводит на мысль, что в боспорском *Тиканда отражено туземное индоарийское, синдомеотское *Utkanda (затруднительность группы согласных *tk* в греческом), с первоначальным значением "отросток, ответвление", ср. значение приставки др.-инд. *ud-*. Где локализовать Утканду? Думается, что только на месте города Славянска-на-Кубани, прежде *Копыль*, при ответвлении реки Протоки от Кубани. Название *Копыль* засвидетельствовано довольно поздно – в форме *sora, Losora, Sorario* в позднесредневековых итальянских документах [46]. Важно, что это древняя русская форма *Копыль* бесспорно праславянского происхождения, причем, например, болгарские диалектные соответствия помогают уточнить ее первоначальное значение: 'боковой отросток'. Применительно к топониму ("ответвление реки") употребление вторично, но может носить весьма ранний характер. Особенно же интересно при этом семантическое тождество, встреча др.-русск. *Копыль и индоар. (синдомеот.) *Utkanda, что позволяет нащупать встречу и самих этносов в этом районе.

Как явствует из предыдущего, одним из основных источников для реконструкции индоарики Северного Причерноморья была и остается античная эпиграфика. Здесь следует с благодарностью отметить труд акад. В.В. Латышева – [47; 20]. Весьма фундаментален относительно новый Корпус боспорских надписей [18]. Он удобен наличием всевозможных алфавитных индексов, которые, к сожалению, отсутствуют у Латышева. Кроме этих основных сводов, в распоряжении имеются более частные издания с меньшим объемом материала и удобообозримые (с индексами)

[48, 49]. Представляют интерес новые надписи, публикуемые в периодике. К сожалению, следить за этим материалом труднее. Состояние работы по систематизации и каталогизации новых находок на местах, кажется, далеко не удовлетворительно. Попытка автора справиться на сей счет в 1977 г. лично в Керченском историко-археологическом музее дала неутешительный результат. Каталог новых находок (после выхода Корнуса 1965 г.) там не ведется, условия хранения камней с надписями неудовлетворительны, необходимой справки о содержании надписей получить невозможно. А ведь лингвист ждет от археологов и эпиграфистов новых надписей, с новыми, еще не знакомыми именами, словами, текстами. Сокровенной мечтой лингвиста, исследующего субстрат, является надпись на искомом языке. Но эпиграфика Северного Причерноморья не дает нам индоарийских текстов, не принесла она текстов и на скифском (иранском) языке. То, что мы имеем, это практически сплошь греческие надписи с туземной ономастикой. Это тоже немало, хотя и не заменит нам никогда отсутствующей письменности скифов или "старых ариев" (индоарийцев). До конца не оставляя надежды на новые находки, которые внесут коренные изменения в существующую ситуацию, мы с понятным интересом обращаемся вновь к плохочитаемым надписям Северного Причерноморья. В свое время эти надписи греческого письма, содержащие явно негреческие пассажи или непонятные наборы греческих букв, в основном приуроченные к Ольвии, издавались и комментировались Латышевым, который видел в них образцы туземной письменности [50, 51]. Но уже несколько лет спустя тот же ученый беспощадно разоблачил эти "загадочные надписи" как поддельные, указав на симптоматические заимствования и ошибки при этом [52]. Таким образом, несмотря на общепризнанную трудность фальсификации с соблюдением палеографии, грамматики и стиля эпохи, такая опасность остается реальной, даже если сама вспышка фальсификаторства принадлежит в основном прошлому. Разумеется, самостоятельные возможности опознания у лингвиста — исследователя субстрата здесь не одинаковы, он по-прежнему зависит от археологов и эпиграфистов, от палеографов и сознает при этом опасность основывать какие-нибудь свои решающие выводы, опираясь на источник, подлинность которого окажется сомнительной. По-прежнему сохраняют свое значение широта привлечения источников и полнота информации о смежных дисциплинах. Так, исключительно неполнотой информации можно объяснить то, что, например, Мещанинов через несколько десятилетий после разоблачений Латышева реферировал устаревшие предположения последнего о загадочных надписях Ольвии как о письменности скифов или каллипидов негреческой речи или тайном культовом письме [53].

Заканчивая на этом обзор источников северопричерноморской индоарии, остановимся на суммарной картине получаемой на этой базе реконструкции лингвистического индоарийского субстрата, включая семантику слов и моменты культурно-исторического контекста.

Реконструкция языка индоариев Северного Причерноморья сопряжена со значительными трудностями, характер которых явствует из характера доступных источников. Опосредствованный характер традиции, в которой дошли до нас некоторые следы особого языка этих индоариев, т.е. в

основном греческие и латинские записи, делает понятными эти трудности. И все-таки следует попытаться резюмировать накопленные к настоящему времени наблюдения над языком северопонтийских индоариев на разных лингвистических уровнях. Заранее необходимо оговорить затруднительность (а иногда и невозможность) однозначных формальных реконструкций. Вместе с тем, говоря о вокализме и основывая свои наблюдения примерно на двухстах* гипотетических лексических основах, мы можем заметить, что, при всех колебаниях и неясностях передачи, наиболее частотным гласным является *-a-*, выступающее при этом на месте индоевропейских этимологических гласных *e, o, a*, что отличает как иранский, так и индийский. Такая весьма яркая черта фонетики, как сохранение индоевропейского этимологического *s*, которое в иранском перешло в придыхательный согласный *h, x*, представляет собой уже исключительно индийскую черту, наблюдаемую в наших реликтах (некоторые, правда, стремятся ослабить данный фонетический критерий, рассматривая его лишь как стадию развития). Небезынтересно отметить, что уже на фонетическом уровне наша реконструкция дает сложную и самобытную картину, которую можно определить как диалектный протоиндийский и протоиндоарийский вариант. Так, сохраняя главные соответствия, реконструируемый вариант индоарийского языка обнаруживает ряд диалектных отклонений в консонантизме (рефлексах согласных и их сочетаний). Отметим, здесь архаизм **artaka-* 'медведь' при собственно древнеиндийском **rkṣa-*, далее ламбдацизм, т.е. тоже архаичное сохранение первоначального *l*, вместо вторичного *r*, столь характерного как для индийского, так и для иранского: реконструируемое **alaksa-dru-* 'запретное дерево' (см. выше), ср. др.-инд. *rākṣati* 'охранять'; реликтовое **saul-* 'солнце' (тṛj θεῶ Σῶλ 'богине Сол', в надписи II в. н.э. на Таманском п-ове, сюда же Σαύλιος, личное имя царя из рода Анахарсиса), ср. др.-инд. *sūrya-*; **ali-jana* 'другое племя' (см. выше), ср. др.-инд. *arī* 'чужой'; **pula* 'город' (запись Φούλαι, Жит. Ио. Гот., сюда же *Кастро-пуло*, выше), наряду с диал. **pura* в записи *Pyrra*, название места в азиатском Боспоре, у Плиния, последнее уже в духе собственно древнеиндийского (*pur-* 'город', сюда же Поўра в Гедросии).

Интересную и совершенно новую проблему отражения местных форм древнего праkritизма, т.е. в сущности упрощенных продолжений групп согласных (*tt* вм. *rt*, а также вм. *pt*; *č*, вм. *kš*, и др.), позволяют поставить наши реконструкции форм **pa(t)ta-* 'Баты', **pa(t)taka-* 'житель Бат', **sattauka-* 'сатавки', **kačika-* 'береговой' (выше), но ср. **ni-kakšin* 'находящийся в бухте', с сохранением *kš*.

Диалектную самобытность языка индоарийцев Северного Причерноморья мы наблюдаем в словаре, ср. реконструкцию **biñ* 'убивающая' (на основе плиниевского *Bitiae*, название женщины, убивающих взглядом. в Скифии), основа, не свойственная для собственно древнеиндийского, ср. она же в сочетании с типично индийским названием глаза **akša-biñ-* 'глаз убивающий' в птолемеевском названии азовской косы Ἀζαβίτις Ταύια

* Сведения на 1980–1981 годы.

(к семантике ср. *σκοπαι* 'наблюдательные посты' клазоменских греков или тюрк *göz* 'глаз' в названии Евлатории – *Γέζ-λεβε*); *diia, обозначавшее деву, обожествляемую у тавров (выше), расходится с обозначением девушки в собственно древнеиндийском; **kap-* 'гора, холм', реконструируемое на основе названия *Мангун*, стар. *Man-sap*, и, может быть, *Παυτικάπου*, которое было связано первоначально также с горой, а не с проливом, не находят соответствия в собственно древнеиндийском; реконструкция **sibi-* 'болото' (*civitas Sibensis*, XIV в., близ Таматархи, у Тунмана) скорее перекликается с иллирийским **sib-* 'болото' (*Σιβευτον*), чем с древнеиндийской лексикой. Существуют, наконец, хеттско-северопонтийские изоглоссы, например, *Antissa* (выше), ср. хетт. *hantezziia-* 'первый, передний', *Артек*, ср. хетт. *hartagga-* 'медведь (?)', компонент *-сара* в исходе боспорских женских личных собственных имен и аналогичное *-sar(a)* в хеттских названиях женщин; в этих изоглоссах собственно древнеиндийский не участвует, но северопонтийские индоарии явно затронуты ими.

При всей самобытности реликтов языка местных индоариев основную его часть составляют все-таки слова или основы, общие с собственно древнеиндийским. Вот примеры северопонтийско-древнеиндийских соответствий на лексико-ономастическом уровне: *Asandi*, местное название на Боспоре (Rav. An. IV, 3), ср. др.-инд. *āsandī* 'сидение, кресло'; *Δαυδάκη*, место неподалеку от Херсонеса (Ptol.), ср. др.-инд. *Dandaka-*, название леса и области в Индии; *Кандаур*, большой остров в устье Кубани, ср. *Kandahar*, город в Афганистане, *Gandhāra/Gandharva-deśa* в Пенджабе; *Καβουίδας*, личное имя собственное брата Анахарсиса (Diog. Laert., см. [54]), ср. др.-инд. (эпич. санскр.) *ko-vida-* 'опытный, знающий' (начальное местоимение *ko-* – вариант к *ka-*, *ku-*, *kad-*); *-dama* (в составе сложения *Κοροκοιδάμη*), ср. др.-инд. *dhāman* 'жилище, обитаемое место'; *ΜΑΙΤΑΙ* 'меоты' (эпиграфика, CIRB №№ 971, 972), ср. индоар. *Maitanni*, название индоар. населения Передней Азии (*maita-* + хурритский суффикс *-nni*); *Бравлинъ*, личное имя собственное таврического князя (Жит. Стеф. Сурож.), ср. др.-инд. *pravliṇa-* 'раздавленный, поломанный, сраженный'; *-auka*, *-uka*, *-oka* (в составе сложений *Satauci*, Plin.; *Νάπουκα*, *Ναποσα*, город в Дакии, в области агафирсов, Ptol. и эпигр.), ср. др.-инд. (вед.) *ōkas-* 'обиталище'; *Ἀνάχαρις*, личное имя собственное мудреца, ср. др.-инд. *maha-rṣi* 'великий мудрец'. Иранские этимологии для этих случаев найти не удалось.

Поскольку нам известны изолированные имена, а тексты отсутствуют, наши представления о грамматическом строе местных индоарийских реликтов скудны. В чем-то вынужденно близка картина реконструируемого скифско-иранского языка, от которого (как считается в итоге более чем столетних разысканий), до нас дошло около 200 словослов, т.е. несколько меньше, чем мы сейчас предположительно относим к остаткам индоарийского языкового субстрата. Но отсутствие текстов очень трудно восполнимо. "Достаточно сказать, – писал В.И. Абаев в своем исследовании "Скифский язык", – что из нашего описания почти полностью выпадает такой фундаментальный раздел грамматики, как

морфология" [30, с. 239]. Мы располагаем сведениями о некотором количестве именных основ, но почти ничего не знаем об их флексии, словоизменении. Можно лишь догадываться, что в реликтовой форме *Man-car*, *Man-gun* отражен род.п. мн.ч. *man или *majan 'меотов', гесп. 'матерей', т.е. 'меотский' или, скорее, "материнский", ср. фрак. Σομ-βρια, объясняемое из Σα(ι)ωυ-βρια "город саев" (кстати, одно из названий Мангуна – тюрк. *Баба-Даг* "Отчая гора" – подводит путем близкой аналогии к толкованию нетюркского *Мангун* как "материнская гора"). В составе реликтовых названий сохранилось небольшое количество глагольных основ (**ga-* 'идти', **da-* 'кормить грудью', **bi-* 'бить' и др.), но данных о глагольной флексии нет. С другой стороны, определенное представление о строе языка дают вскрываемые именные сложения – двусосновые (**ai-asura-*, **akša-biñ-*, **apa-tura-*, **dand-aria-*, **do-ab-*, **kaba-takša-*, **kṛkan-dāma-*, **maha-deva-*, **mes-plā-*, **sibri-apa-*, *turī tākā) и даже трехсосновые (**a-kšama-paia-*, **raḷ-para-gana-*, *tem-arun-da), уже приближающиеся по типу к фразе, т.е. отрезку текста. Очень мало известно о числительных: чисто гипотетически можно предполагать о числительном **aiva-* '1' на базе обозначений острова – Eon (Plin.), Oium (Iord.) и еще Αλαίη νῆσος 'остров Эя' у Гомера, буквально 'остров + остров', а "остров", вероятно, из первонач. 'одинокий'. Впрочем, довольно определенно реконструируется **do-* '2', ср. *Дооб* и параллельное адыгское *Туа-нсе* 'двуречье'. Еще более полно подтверждается существование индоар. **satta-* '7', ср. *Satauci* и их продолжения и глоссы. К скудным следам ударения можно отнести примеры нетюркского (неконечного) ударения вроде *Mánгун*, на что обратил внимание еще Келпен в начале прошлого века. Язык индоариев Северного Причерноморья знал местоимение, тождественное др.-инд. *idám* 'это' (ср. сложение Ἰδάν-θύρος, личное имя собственное царя, племянника Анахарсиса). Относительно много сведений можно почерпнуть из реликтовой ономастики о словообразовании местного индоарийского языка, причем удастся установить ряд моделей и формантов индоарийской принадлежности: префиксы *abi-* (ὀβιδιακτηνοί), *kim-* (Κινσάνους), *kad-* (Καδουίδας), *par-* (Παρόστα), *pari-* (*parisara), *pra-* (**pravīna-*), *ni-* (Νίκαξιυ); суффиксы *-in* (Νίκαξιυ, *Teagin*), *-vant-/mant-* (**sar-mat-*), *-taviā* (Ταρυατά, *Tirgutawiya*), *-p-* (Uspe), *-aka-* (Ταυράκτη), *-ika-* (Καζέκα, *Качик*), *-tar-* (ΣΑΣΤΗΡΑ, **alaktar-*, **iantar-*). Похоже, что местный индоарийский был словообразовательно богаче, чем смежный иранский (скифский), более однородный и отличный по составу формантов, как бы предворяя осетинское языковое состояние, ср. преобладание в скифских остатках суффикса *-ak-*, реже – *-an-*, прочие суффиксы скорее сомнительны [30, с. 221 и сл.].

На стыке языкознания и исследования мира реалий находится лексическая семантика. Реконструируя последнюю, мы попытаемся восстановить фрагменты мифологии и семантической картины мира.

Как уже говорилось, изучение реликтов языка индоариев Северного Причерноморья дает нам ценную информацию о великом арийском раз- деле, отражением которого в местной географической и этнической но-

менклатуре является *Старая Скифия*, отчасти совпадающая с др.-русс. *Великая Скуфь* (Пов.вр.л. Лавр.л. 5), с одной стороны, и вся генеалогическая концепция скифов как "младших", с другой стороны, куда относится этническое название *Nápai* [14, с. 109], распространившееся широко по Северному Причерноморью от *Nárouka*, *Narosa*, древнего названия Клуза в румынской Трансильвании, до Анапы на востоке; сюда же примыкает термин *Малая Скифия*, название по крайней мере двух областей, совпадающих с Добруджей и (вторая, отчасти) – с Таврической губернией нового времени (Strab. VII, 4, 5). Важно, что *Старая Скифия*, герс. *Великая Скифия*, и *Малая Скифия* четко различаются и не совпадают долгое время. Реконструкция таких противопоставлений и генеалогических концепций непосредственно дает материал в руки историку. У ариев, в том числе их протоиндийской ветви, могли быть различные самоназвания, – общее **ārya-*, затем частные, в том числе приуроченные ритуально, как например, МАІТАІ (эпигр.) 'меоты', собственно "материнские", что отражает древний культ матери. Этимологическое сближение МАІТАІ и переднеазиатского *Maita-nni* (полное тождество, за вычетом хурритского суффикса *-nni*) заманчиво своей исторической перспективой связи северопонтийских индоариев с переднеазиатскими, участия меотов в создании государства Митанни [9, с. 44]. Древние межплеменные отношения в Северном Причерноморье отличались сложностью, градацией, традициями, о которых скудные собственно исторические сведения Страбона, Диодора, Плиния и других не дают должного представления. Помощь этимологии и лингвистической реконструкции может сослужить здесь определенную службу. Название *Eteobroton* на Боспоре (Rav. An. IV, 3), ср. *Britani* (Rav. An. V, 10), явно гибридно – из греч. *ἔτεο-* 'подлинный' и др.-инд. *bhrita-* 'наемный'. Такое обозначение заставляет вспомнить *Ἀναρτοί*, народ в Дакии, на север от Тисы (Ptol.). Его сближали с иран., авест. *anarəta-* 'вражеский, незаконный' [2, S. 130], но ср. также др.-инд. *ānṛta-* 'плохой, неистинный, неправильный', 'ложный' и – по противопоставлению – др.-инд. *ṛta-* 'истинный', что, видимо, и подверглось греческому переводу в боспорском *Eteo-broton*. Этнонимом-прозвищем оказывается уже разбиравшееся имя античных, северокавказских сербов – *Σέρβοι* (Ptol.), *Serbi Cephalotomi* (Plin.): 'головорезы'. Классически индоарийским является такой престижный северокавказский этноним, как *Σουαρνοί* (Ptol.), ср. др.-инд. *su-várṇa-* 'красивый, блестящий, золотой, желтый', также 'принадлежащий к хорошей варне, касте, хорошему племени' (Махабхарата). Дальнейшему проникновению в социальную и мифологическую идеологию северопонтийских индоариев способствует объяснение реликтового личного имени собственного, прошедшего, видимо, византийско-греческую обработку – *Дигица* (Сказ. об обретении мощей св. Климента) – в связи с др.-инд. *dvijá-* 'дважды рожденный' (о членах чистых каст). Не менее перспективны в плане реконструкции идеологии древних индоариев Старой Скифии этимологии эпиграфических личных имен Βουτουυατος, ср. др.-инд. *Bhūtanātha-* 'властелин духов', одно из имен Шивы, и Μαυδαβα, ср. др.-инд. *mahā-devá-*. Оба имени дают ценную возможность датировать начало индуистских верований временем

обитания индоариев в Северном Причерноморье. Столь же красноречиво осмысленные проблематичного термина ΣΑΣΤΗΡ в херсонесской прибрежье в связи с др.-инд. *sāstrá-* 'божественный свод' (подробнее см. [14, с. 103 – 105]).

Индоарийские этимологии исследуемых северопонтийских языковых реликтов, раскрывая не известные ранее фрагменты мифологии, идеологии, социальной и племенной структуры, сами становятся в один ряд с известными фактами культурной истории, экономики, географии края.

Предложенная выше этимология имени иксоматов – "тростниковые" – согласуется с неоднократными донесениями путешественников об обилии тростника и камыша на Дону и об экономической важности его в этих безлесных местах [55]: "В Кумании, близ Танаиса, растет ремень и ароматический тростник (аир)"; [56, с. 183]: "В Ростове топят большею частью камышом"; [56, с. 195]: "Берега Дона и острова между многими его рукавами густо поросли камышом".

Эпизод с дубом "именем Александр", который сросся с черешней, и соответствующая этимология этого реликта в Житии Константина как индоарийского названия запретного дерева (выше) находят свое место в длительной и необычайно стойкой традиции почитания деревьев в Крыму, о которой говорят и старые источники и новые описания. Культ священных деревьев среди местного туземного населения был, видимо, очень силен. Кроме Жития Константина (XII), повествующего о подвиге Константина-Кирилла, срубившего большой дуб у язычников фульского племени, о борьбе христиан с этим суеверием рассказывают и другие памятники: ...всѣ ѿдолы съкрошены быша, ѿ всѣхъ церкъвица потреблены быша ꙗко рощенья глѣмаа стаа, за тридесать версть ѿкроугнаа, ѿс корени потреблены быша [57]. Не лишены интереса в этой связи и сведения нового времени, например, об огромном дубе, овеянном легендами, в деревне Бююк-Сюрень, о тысячелетнем дубе в Массандре, до недавнего времени увешивавшемся вотивными предметами – колоколами. Точно так же рассказывается о старом чудодейственном черешневом дереве, увешивавшемся всевозможными приношениями, рядом с чудодейственным источником у входа в Большой грот Качи-Кальона [58–59].

Этимология геродотовского Ἐξαρταῖος на Гипанисе – Южном Буге из индоар. **a-kṣama-raia-* 'непригодная вода' (выше) непротиворечиво укладывается в контекст данных физической географии о непригодных для питья, сильно минерализованных водах этой части бассейна Южного Буга.

Этимология названия *Кандаур* (на нижней Кубани) из индоар. **gandaur-* '(местность) с пробитыми каналами' опирается на интересные сведения древних авторов о существовании системы каналов в низовьях Кубани и в Синдской Скифии, на Нижнем Днепре.

Реальным фоном, подкрепляющим возможности индоарийской этимологизации группы личных собственных имен "Старой Скифии" – Γνωῖρος, Σαύλιος, Ἀνάχαρις, Καδοῦιδας, Ἰδάνθυρσος – служит такой момент просопографии, как физическое родство лиц (род Анахарсиса).

Главным пафосом нашего исследования является выявление северопонтийско-индийских изоглосс, соответствий названий и их групп в Северном Причерноморье и собственно Индии. Эти языковые связи суть отражение начала и конца индоариев. Накапливающиеся лингвистические наблюдения с необходимостью предполагают и тут наличие общего культурно-исторического контекста. Значительность северопонтийских языковых реликтов индоариев и повторение целых топонимических ландшафтов в Северо-Западной Индии говорят в пользу предположения, что это были интенсивные культурно-этнические связи, не случайная однократная миграция, а двустороннее сообщение, сам путь индоариев в Индию, судя по сохранности идеологических и даже топонимических традиций, длился не две тысячи лет (Р. Гиршман), а обозримое число поколений. Надо исходить из того, что индоарии, отправляясь в свою дальнюю миграцию, уже знали этот путь и конечную цель. Об этом говорят культурные связи между Северным Причерноморьем и Индией и импорт в обратном направлении. Примеры такого рода известны. Находки на Украине, на реке Роси, в могиле скифского времени раковин каури с Индийского океана и аналогичные находки в Крыму I тысячелетия до н.э. [60, 11] могут свидетельствовать об этом. Таким образом, тесные культурные связи в сарматскую эпоху между Южной Россией и Северо-Западной Индией (Индо-Скифией), выразившиеся, в частности, в распространении отсюда на север характерных частей конского убора (см., вслед за Ростовцевым, [61]), были не новшеством, а продолжением давней традиции.

Эта общая традиция живет в перекликающихся культах-мифах северопонтийских грифов и индийской птицы Гаруды и даже, возможно, в архитектурной традиции ложноступенчатого свода. Др.-инд. *Garudá*, название мифической птицы, до сих пор удовлетворительно не объясненное, может продолжаться двучлен **gar-uda-* 'пожиратель водяного (зверя)', т.е. змеи, что иносказательно соответствует мотиву борьбы Гаруды со змеем, ср. греч. ὕδρα 'водяная змея'. Сюда, в свою очередь, близко подходит, возможно, название мифической птицы, приблизительно отраженное в греч. γρῦψ, γρυψός, в котором предполагают преобразование по греческому названию другой птицы – γύψ 'коршун', что дает право предположить в основе исходное **gr-ud/t-*, близкое по происхождению и семантике к др.-инд. *Garudá*. Миф о грифе, полузвере-полуптице, является эндемичным, домашним для Северного Причерноморья и Подонья, где обнаружено, например, его изображение с головой змеи в клюве VI-V вв. до н.э. [62; 63]. Эндемично, видимо, и название грифа, об индоарийской принадлежности которого можно сейчас догадываться. Иранская номенклатура для сказочной птицы-змееборца совсем другая – авест. *saēna mərəγōb*, *сэнмурв*, *симург*.

Что касается ложноступенчатых сводов, специалисты видят в них наиболее яркое проявление своеобразия боспорской архитектуры; именно в Пантикапее они обнаружены в роли перекрытий погребальных склепов, причем эти своеобразные уступчатые перекрытия имитируют и продолжают первоначальные балочные, бревенчатые деревянные перекрытия подкурганых погребений местных племен (см. [64]). Нет ничего уди-

вительного в том, что боспорское влияние обнаружилось в ложном ступенчатом своде территориально недалекого Неаполя Скифского [65]. Гораздо больше нуждается в объяснении и внимании специалистов повторение этого архитектурного приема в Индии. Вот буквальное описание дворцового сооружения Rānigat в Северной Индии: "The whole of this passage was originally roofed in by courses of stone with chamfered ends overlapping each other so as to form the two sides of a pointed arch, but the ends of the upper course of stones being left straight, the apex of the arch has the appearance of a rectangular cusp" "Весь этот проход был первоначально перекрыт рядами каменной кладки со стесанными краями, выступающими один над другим, образуя две стороны остроконечного свода, но при этом края верхнего ряда камней оставлены прямыми, так что вершина свода имеет прямоугольный вид" [45, p. 63]. Весь комплекс культурно-исторических связей Северного Причерноморья и Индии ждет своего пересмотра и хронологизации, стимулируемый к этому не в последнюю очередь лингвистическими исследованиями реликтов языка индоариев Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. статью: О синдах и их языке.
2. Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. B. I. Die Iranier in Südrubland. Wiesbaden, 1971.
3. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 108.
4. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. I. СПб., 1904. С. 327.
5. См. статью: Temarundam "mātrēm maris". К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья.
6. См. статью: Нескифское в Скифии Геродота.
7. Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. B. III. Berlin, 1892. S. 81.
8. Каменецкий И.С. О язаматах // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 165 и сл.
9. См. статью: Лингвистическая периферия древнейшего славянства.
10. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб., 1805. С. 212.
11. Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. С. 122, примеч. 62.
12. Онайко Н.А. К истории Бат // ВДИ. 1976. № 1. С. 110, 112.
13. Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. (Крымский сборник). СПб., 1837. С. 205–206, примеч. 301.
14. См. статью: Старая Скифия" ('Αρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект.
15. Neumann G. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961.
16. Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 1, 39.
17. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 318.
18. Корпус боспорских надписей (сокр. СІРВ). М.; Л., 1965. С. 74–75. № 67.
19. Латышев В. ПОНТИКА. СПб., 1909.
20. Latschev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Изд. 2. Т. I. Petropoli, MCMXVI. С. 161 и сл., N 136.
21. Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4. С. 120.
22. Жебелёва С.А. Источники для изучения истории античной культуры Северного

- Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 9.
23. *Sallmann K.G.* Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Vatro. Versuch einer Quellenanalyse. Berlin, New York, 1971. S. 49.
  24. *Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 17.
  25. *Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 25–26.
  26. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 51, 59.
  27. См. статью: Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античные времена.
  28. *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Зап. имп. Одесского об-ва истории и древностей. 1915. Т. XXXII, с. 238.
  29. *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. Wien, 1881. S. 74.
  30. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., Л., 1949.
  31. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 75.
  32. *Вернадский Г.К.* К истории колонизации азовского побережья. Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью // ИТУАК. № 57. Симферополь, 1920. С. 262.
  33. *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. Вып. 2. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893. С. 66–67.
  34. *Дьяконов А.П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1939. № 4. С. 83, 86.
  35. *Талис Д.Л.* Топонимы Крыма с корнем *Рос-* // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 229 и сл.
  36. *Татищев В.Н.* История российская. Т. 1. М., Л., 1962.
  37. *De Saint-Martin V.* Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. T. I. Paris, 1850. P. 123.
  38. ПСРЛ. Т. XXI. Вып. 1. СПб., 1908. С. 64.
  39. *Менгес К.Г.* Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979. С. 73, 74–75.
  40. *Stownik starożytności słowiańskich.* Т. II. S. 566.
  41. *Лаптов П.* Кирило та Методій та давньоослов'янському письменстві. Київ, 1928. С. 18–19.
  42. *Braun F.* Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Petersburg, 1890. S. 58.
  43. *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie lauriliguri durante la signoria dell'ufficio di S. Giorgio. T. I. Genova, MDCCCLXVIII.
  44. См. статью: Таврские и скифоэотские этимологии.
  45. *Cunningham A.* The ancient geography of India. New enlarged ed. Varanasi, 1975.
  46. *Брун Ф.К.* О поселениях итальянских в Газарии // Тр. I Археологического съезда в Москве. 1869. Т. II. М., 1871. С. 385.
  47. *Latschev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. V. I. Petropoli, MDCCCLXXXV; V. IV. Petropoli, MDCCCLCI.
  48. *Надписи Ольвии (1917–1965).* Л., 1968.
  49. *Соломонок Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.
  50. *Латышев В.В.* Загадочные ольвийские надписи // Зап. имп. Одесского об-ва истории и древностей. 1889. Т. XV.
  51. *Латышев В.В.* Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // Зап. Русского археологического об-ва. 1890. Т. IV.
  52. *Латышев В.В.* О поддельных греческих надписях из южной России // Зап. имп. Одесского об-ва истории и древностей. 1895. Т. XVIII. С. 1 и сл. Перепечатано в кн.: [19, с. 185 и сл.; см. особенно с. 196 и сл.].
  53. *Мещанинов И.И.* Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1933. С. 24–27, 78.
  54. *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 630.
  55. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо 1560 г. // Хрестоматия по истории Подонья и Приазовья. Кн. 1 (С древнейших времен до XVIII столетия). Сост. М.И. Крайцов и др. Ростов н/Дону, 1941. С. 167.
  56. *Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773–1774 г.* // Зап. имп. Одесского общества истории и древностей, 1879. Т. XI.

57. Чудо св. Климента о отроцати. Л., 93об. Пергам. рукоп. библиот. Тр.-Сер. лавры № 39 // Памятники христианского Херсонеса. Вып. II. Лавров П. Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности. М., 1911. С. 37.
58. Крым. Путеводитель. Под ред. И.М. Саркисова-Серазини. М., Л., 1925. С. 194, 307.
59. Веймарн Е., Чорев М. "Корабль" на Каче. Симферополь, 1976. С. 25.
60. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 128.
61. Nagatta J. Studies in the history and the language of the Sarmatians. Szeged, 1970. P. 35 и сл.
62. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974. С. 98.
63. Тревер К.В. Сэнмурв-паскудж, собака-птица. Л., 1937, passim.
64. Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 77-78, там же рис. 23.
65. Тюменев А.И. Херсонесские этюды. Ч. IV. Херсонес и местное население: скифы // ВДИ. 1950. № 2. С. 53-54.

INDOARICA В СКИФИИ*

Проводимое на данную тему исследование субстрата базируется, кроме первоначально индоарийской Синдики и меотского азиатского Боспора (части Боспорского царства к востоку от Керченского пролива), в значительной степени на вскрываемых реликтах таврского языка Крыма и на фактах из "Старой Скифии" (Герод.), прибрежной зоны (она же Синдская Скифия Плиния), примыкающей к Таврике с северо-запада. Между этими двумя названными областями существует тесная связь. Кроме того, они обе занимают как бы срединное и ключевое положение, поэтому к ним не раз приходится возвращаться. Дело в том, что индоарийская принадлежность таврских реликтов языка время от времени дает о себе знать весьма красноречивыми фактами как напр. ΣΑΣΤΗΡΑ (вин.п. ед.ч.) в гражданской присяге Херсонеса III в. до н.э., истолкованное нами как первоначальное 'свод божественных предписаний' в связи с др.-инд. *śāstrá-* 'божественная, религиозная книга, свод' (см. подробно ВЯ 1979, № 4, с. 29 и сл.). Имея в виду культовый характер вскрываемого таврского састера, стоит обратить внимание на заманчивые перспективы аналогичной атрибуции одного херсонесского личного имени собственного. В Сказании об обретении мощей св. Климента повествуется о поисках останков Климента, предпринятых Константином (Кириллом), вдохновившим на это предприятие местное духовенство и верующих: егда же и бысть средняя пѣснь, искушеніе естеро отъ бога на пользу етерымъ утверженнымъ въ вѣрѣ внезапно наста, облаци же бѣша густы, нападающе отъ ужныхъ страны отока. яже видѣвъ архіерей, етера отъ благовѣрныхъ, Дигица именовъ, пришедша ту, яко худога суца странамъ тѣмъ, и съсла искусити. шедъ же тѣ близъ суца дожда повѣда (Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 150). Ищущим останки Климента явилось внезапное искушение в виде туч с юга, что побудило местного архиерея немедленно запросить одного из благоверных по имени Дигица как хорошего знатока здешнего климата (именно так, подразумевая в оригинале греч. τὰ κλίματα ἐκεῖνα, лучше переводить место – яко худога суца странамъ тѣмъ), который пошел и действительно предсказал дождь (близъ суца дожда повѣда), хотя от неустанныго пения этот дождь и был затем чудом предотвращен. Это место и особенно имя заслуживает, чтобы на нем задержаться. Имя *Дигица* или *Дигиц* привлекало внимание исследователей, правда, пока без результата. В частности, неудачей кончились поиски здесь созвучий с вестготским именем *Witiza* (см. Лавров П. Кирило та Методій в давньослов'янському

* Впервые опубликовано на франц. языке: *Ponto-Baltica*. I. 1981. P. 125-130.

письменстві. Київ, 1928, с. 22, со ссылкой на мнение Ф.А. Брауна, что имя *Дигиц* не может быть готским, где нет соответствий ни корню, ни суффиксу, а, может быть, скорее из иранского – аланского, осетинского; там же выражена недостаточно аргументированная догадка автора, что под этим именем скрывался "не гот, а верхний немец, попавший в Херсон во второй половине IX в."). На решение вопроса должно повлиять то важное обстоятельство, что Слово на перенесение мощей св. Климента было написано Константином по-гречески, но оригинал неизвестен, сохранился лишь славянский перевод в составе макарьевской четьи-минен (Лавров П. Кирило та Методій..., с. 102). Греческая передача туземного имени (а то, что имя принадлежало туземцу, а не какому-нибудь "верхнему немцу", явствует из его знания "стран тех", то есть здешнего климата, и обладания соответствующей репутацией среди местных жителей) не замедлила обнаружить всю свою недостаточность и приблизительность, которую мы можем теперь лишь реконструировать через ее славянское отражение: *Дигица*. Кстати, эту форму, видимо, без достаточных оснований читают как родительный-винительный от *Дигиц. Скорее, здесь можно предполагать греческую форму * $\Delta\iota\gamma\iota\zeta\tilde{\alpha}(\zeta)$, которая и была передана по-славянски как *Дигица* (им.п. в аппозитивном употреблении). Весь вопрос в том, каков же был исходный языковой субстрат этой греческой письменной формы. Кажется теперь возможным высказать предположение, что им явилась индоарийская, или протоиндийская форма, близкая к др.-инд. *dvi-já* 'дважды рожденный'. Между прочим, похоже, что это последнее и не могло быть передано по-гречески никак иначе, ср. затруднительность группы *dv-* в начале слова (как и вообще передачи *v* греческим письмом), естественное использование при этом фрикативного γ (кстати, с достаточно раннего времени выступающего на месте дигаммы, т.е. этимологического *v*, в диалектных записях) и, наконец, ζ как способ передачи аффрикаты типа j , чуждой греческому языку. То, что в итоге нашей интерпретации имя оказывается вовсе не именем собственным, а сословным обозначением (к "дважды рожденным" – один раз естественным путем, второй раз путем ритуального приобщения – в индийском обществе относятся члены чистых каст), даже повышает интерес и относительный вес рассматриваемого факта. Из церковнославянского контекста (выше) тоже явствует, что *Дигица* = **dvi]a-* был лицом, социально уважаемым, и христианство ("благоверность") лишь оформило то, что восходило к таврской (индоарийской) древности. Уверенность в этой этимологической идентификации данного имени вселяет вероятное отражение в северопричерноморской реликтовой ономастике также полного соответствия др.-инд. *ātma-ja-*, с тем же вторым компонентом сложения *-ja-* 'рожденный', см. этимологический словарь, s.v.

Как мы имели случай наблюдать, к индоарийской языковой и социально-ритуальной древности относятся и таврское **śast(a)r-*, и такие реликты с территории близкой "Старой Скифии", как **būtanāt-*, **mahādeva-* (см. с. 114–115). В случае правильности этих предположений хронология индуистских воззрений может существенно углубиться.

Один скифский царь носил имя *Καρούδας* (Diog. Laërt.); он был братом Анахарсиса (см. ниже). Мы объясним его имя как индоар. **kad-vida-*, ср. др.-инд. (эпич. санскр.) *ko-vida-* 'опытный, знающий', где *ko-* — вар. к *ka-, ku-, kad-*, усилит. мест., *-vida-* 'знающий'. Целиком к "Старой Скифии" относится еще одно имя, имеющее ареальные соответствия прежде всего в западном секторе Северного Причерноморья и, при всем том, несомненно, индоарийского (протоиндийского) происхождения. Это *Ἰδάνθυρος*, Иданфирс, имя царя (одного из царей) скифов, выдвинувшегося в борьбе против Дария (ряд упоминаний у Геродота). Уже раньше (см. с. 110) мы обращали внимание на то, что это имя носил человек, состоявший в близком родстве с такими носителями имен неиранского происхождения, как (царь) Савлий, Гнур, Анахарсис. Так, например, Иданфирс был племянником знаменитого мудреца Анахарсиса. Индоарийская этимология имени последнего, как мы пытались показать это в другом месте, наиболее вероятна. Кровное родство носителей имен и первоначальная приуроченность к "Старой Скифии" (от Истра-Дуная через Гилею к городу Каркинитиде) подготавливают почву для поисков близкой этимологии и для имени *Ἰδάνθυρος*, тем более, что иранской этимологии оно не имеет. Данное обстоятельство, а также то, что близкие связи уводят от имени Иданфирса будто бы на запад (о чем еще ниже), вызвали к жизни даже попытку фракийской этимологии, ср. такое осмысление: Vasmer M. *Die Iranier in Südrubland* = *Schriften I*, S. 120; D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957, S. 327. Между тем более убедительно здесь противоположное направление. Начнем с того, что имя *Ἰδάνθυρος*, вероятнее всего, читается как индийская конструкция **idam-ṛṣa-* 'это жаждущий' или 'столь жаждущий', сложение типа др.-инд. *idam-vid-*. Такая реконструкция имени *Ἰδάνθυρος* и очевидная связь его с названием племени *Ἀγάνθυροι* (ср. так Vasmer, там же) серьезно настраивает нас против попыток фракийской этимологии для последнего (см., вслед за Фасмером, D. Detschew. *Die thrak. Sprachreste*, S. 3—4: от ир. *aya-* 'злой, дурной', и *daras-* 'внешний вид', то есть 'неблагообразный, безобразный', якобы по причине татуировки). Пожалуй, не подлежит сомнению наличие в этнониме *Ἀγάνθυροι* того же корня *θυρο-*, что и в личном имени *Ἰδάνθυρος*, объясняемом так полнее всего.

Только ранним и самостоятельным функционированием формы *θυροι в качестве племенного названия удастся, по-видимому, объяснить упорную кирилло-мефодиевскую традицию о народе по имени *Тоурси*, помещаемом в перечне народов, "богу славу воздающих своим языком", между обрами-аварами, с одной стороны, и козарами — с другой (Жит. Констант. XVI), т.е. опять же в западном секторе Северного Причерноморья. Напрасны попытки капитально эмендировать это место как якобы опisku: *Тоурси*, вм. предполагаемого *ти руси* (*ръси*) (так см. Лавров П.А. *Материалы...*, с. XI). Это равносильно произвольному извлечению церковнославянской формы (в ряде списков) из очевидных взаимосвязей. Свидетельство моравско-паннонских житий настолько самостоятельно и так связано с античными свидетельствами, что естественно ожидать от него каких-то дальнейших продолжений или следов. И с точки зрения географии, и исторической преемственности, вновь нуждается в

нашем внимании старая догадка Маркварта (см. Лавров П. Кирило та Методій..., с. 17), им самим оставленная, об отнесении сюда же, к *Тоурси*, окраинного древнерусского племенного названия тиверцев, рано угасшего и породившего потом противоречивые этимологии, в том числе объяснение из варианта тюркского самоназвания *türk* (прочее см. Фасмер IV, 55). Тиверцы, заметим, населяли тот же западный сектор Северного Причерноморья. Именно здесь, на субстрате "Старой Скифии", иррадиировали к славянам элементы протоиндийского языка и верований вроде др.-русск. *Сварогъ* "Нлюс из протоинд., индоар. **svara-ga-* 'к солнцу идущий', ср. др.-инд. *svargá-* 'небо' (ср. в общем уже Корш, Jagić-Festschr., S. 258; неверны прочие объяснения, в том числе родством с др.-инд. *svarga-*, см. Фасмер III, с. 569, так как инд. *svarga-* < и.-е. **suēl-go-*).

Вопрос об агафирсах* усложняется тем, что они из всех упомянутых сидели дальше всего на запад, в верхнем течении геродотовской реки *Máρις* (Herod. IV, 48) – соврем. венг. *Maros*, рум. *Mureş-ul*, т.е. в Трансильвании, и поэтому должны были общаться непосредственно с даками, что оправдывает для них поиски этимологии "на стыке" дакского и индоарийского: самое трудное – интерпретация 'Ауа-, даже если иметь в виду, что греч. усилит. *áυα* – дорийский элемент, что несколько приближает возможность его палеобалканского, дакского происхождения; возможно, 'Αυά-θυρσοι – из **aga-trša-*, где первый компонент, с характерным дако-фракийским переходом *au > a* (если относительная хронология не противоречит тому), объяснялся бы родством с алб. *agóǵ* 'tage', *agume* 'Morgengöte', т.е. 'светлый, яркий', 'светлый металл'? Предположив гибридное происхождение этнонима 'Αυά-θυρσοι, мы можем попытаться прочесть это название целиком как 'жадные до золота', опираясь на геродотовское предание: 'Αυάθυρσοι δέ άβρότατοι άνδρες είσι και χρυσοφόροι τά μάλιστα "агафирсы весьма изнежены и очень любят носить золотые украшения" (Herod. IV, 104). Конечно, для такого допущения требуется гипотеза об особом местном, дакском названии золота, отличном, например от фрак. *salt, sald* 'золото', реконструируемого В. Георгиевым. С другой стороны, именно в наименованиях золота проявляет себя такая черта как устойчивость изосемы 'золото' < 'яркий, светлый (металл)', манифестирующейся разными лексическими основами иногда даже в близких индоевропейских языках, ср. лит. *áuksas*, но уже лтш. *zēlts*, что (вплоть до формального повторения) можно предположить, и в отношениях между дакским и фракийским. Агафирсы, в чем-то и культурно смежные с даками (напр. в наличии уже упомянутой татуировки), были, видимо, выше них и культурно, и политически. Не случайно агафирсы занимают видное место в разных эпизодах Истории Геродота. Знаменательно, что и в скифской генеалогической легенде Геродота имя мифического старшего брата – Агафирс, среднего – Гелон, тогда как Скифом называется младший (Herod. IV, 10). Упорством этой традиции не нужно пренебрегать тем более, что это высказывание полностью сов-

* А.И. Мелюкова в своей монографии "Скифия и фракийский мир" (М., 1979) прямо признает: "Вопрос об агафирсах и взаимоотношениях их со скифами остался за пределами моего внимания" (с. 4). Об этом стоит пожалеть.

падает с изучавшимися уже нами генеалогическими кредо скифов: "скифы говорят, что их народ – самый молодой из всех народов" (Herod. IV, 5. См. с. 108). Кроме того, предание учит нас, таким образом, что агафирсы и скифы – это не одно и то же, ср. их явное противопоставление, облеченное в форму отношений двух братьев. Символично, что из них именно Агафирс назван старшим братом, что заставляет вспомнить о Старой Скифии и ее лингво-этническом наполнении (ср. Плиний об агафирсах на Борисфене-Днепре: Plin. NH, 4, 88). Раскол между "старшими" ариями, которым, видимо, локально был присвоен эпитет (индоар.) **tṛṣā-* 'жадные' – 'быстрые', и "младшими, меньшими" ариями – скифами всплывает перед нами в еще одном варианте. Одно из названий иранцев-скифов, как следствие этого большого арийского раздела, эхо которого в этих краях улавливается нами спустя такой огромный промежуток времени, было, вероятно, **napa-* 'меньшие, потомки'. Миграции и их следы в топонимии смазали первоначальную, трудно восстанавливаемую картину, которая, возможно, тоже была не чужда чересполосицы, известной уже по данным письменности и исторической географии. О том же разделе повествует, хотя и в чем-то сбивчиво, Диодор Сицилийский, рассказывая легенду о том, как братья Пал и Нап, потомки прародителя Скифа, разделили между собой царство, откуда пошли Πάλοι (Старые) и Νάπαι (Потомки) (см. с. 109). Именно древняя назревшая сложность и чересполосица этих отношений могли повлечь за собой великий раздел, но сами так и не были изжиты до конца, о чем говорят и характер последующих великих миграций, в которых за индоарийской волной всюду шла и перекрывала ее волна иранская, и характер расселения в самом Северном Причерноморье, о чем отчасти ниже.

Восстанавливать картину этих древних взаимоотношений наука по сути еще не начинала. Началом может служить постулат сложности "арийского простора" на берегах Черного моря и в их тылу. Сюда входят как диалектная сложность собственно иранского (см., с дальнейшей литературой, Этимология. 1965. М., 1967. С. 6 и сл.), так и существование особого индоарийского языкового и этнокультурного компонента. Широкая (в том числе вторичная) распространенность "скифов-младших", т.е. иранцев, видна по распространению корня **nap-* в топонимии и этнонимии античного Северного Причерноморья, ср. Νάπαι как название главного скифского племени, Νάπις, название селения в Скифии (см. Pape-Benseler II, S. 974–975; Plin. VI, 20; Amm. Marc. XXII, 33), Νάπιται, название жителей этого селения (Steph. Byz. s.v.; Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, с. 12 и сл.). Следы этого названия встречаются на огромном пространстве от Анапы на востоке (если принять, что современное Анапа – это форма с вторичным наращением *a-* в абхазско-адыгской языковой среде, в конечном счете – к упомянутому скифскому **nap-*, сюда де *Maparium* 'Анапа' в средневековых документах) до античного Νάποικα, *Napoca*, город (современный рум. *Cluj-Napoca*) в Трансильвании, т.е. уже в стране агафирсов. Здесь перед нами открывается еще один эпизод индоарийско-иранских отношений и сложной чересполосицы в этом регионе, где этнические и языковые

отношения всегда отличались сложностью. Название *Napoca* обнаруживает себя как гибридное сложение в указанном смысле: его первый компонент – уже известная основа **nap-*, связываемая, видимо, правильно со скифской этнонимией (Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, S. 327). Второй компонент *Nap-oca*, *Νάπ-ουκα* мы отождествляем этимологически с др.-инд. *ōka-* (**auka-*) ‘жилище’, вспоминая при этом аналогичное членение племенного названия *Satauci* (Plin.) в Крыму – из индоар. **satt-auka-* ‘семь уделов, жилищ’ (см. статью Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. с. 46). Даже не настаивая специально на общих истоках традиции ‘семи уделов’, ‘семи городов’ в Таврике и “Старой Скифии”, с одной стороны, и в румынской Трансильвании – с другой (трансильванскую традицию ‘семи городов’ датируют обычно средневековым), мы должны считаться с реальностью других не менее важных проблем, встающих перед нами. Первая из них – **древнее присутствие индоариев в Трансильвании и Закарпатье**. Сложность усугубляется тем, что этот район мог быть как отправным пунктом движения индоиранцев в исторически известных направлениях (через Северное Причерноморье), так и объектом их возможных возвратных миграций, напр., миграция на запад античных сербов-индоарийцев, ср. ее следы в Таврике и их соответствия (исходные? возвратные?) в циркумкарпатском регионе: *Nitra* (в Карпатах, басс. Дуная) – *Чиге-нитра* (перевал в Вост. Крыму) ~ др.-инд. *netrá-* ‘проход’ (См. с. 120). Поиски необходимо продолжить. В Карпатском регионе должны быть названия, до сих пор безуспешно этимологизируемые иным путем и нуждающиеся в индоарийском этимологическом решении вроде гидронима *Nitra*. “Неизвестного происхождения” признано название реки *Hornád* (с XIII в.) (см. Šmilauer V. Vodopis starého Slovenska. Praha a Bratislava, 1932, с. 393). В порядке обсуждения укажем на близость второго и, видимо, основного компонента этого речного названия апеллативу (и второму компоненту ряда гидронимов) др.-инд. *nađi* ‘река’ (*Barnađi*, *Mahānađi*, см. Law B.C. Rivers of India. Calcutta, 1944, Index). По самым предварительным сведениям (за которые приношу признательность др. Ч. Апреотесей. Тимишоара), ряд местных названий, известных только в Трансильвании и Банате, содержат любопытную основу *nađ-*, за точную принадлежность которой поручиться, конечно, трудно: названия населенных пунктов (и рек) *Pānade* (уезд Алба), *Tāṣnad* (у. Сату Маре), *Tuṣnad* (у. Харгита), *Cenad* (у. Тимиш). В Трансильванских Альпах как раз локализуются *Montes Serrorum* (*Serborum?*) (IV в. н.э., Амн. Марс., см. об этом с. 119), видимо, связанные с этапами возвратного продвижения античных индоарийцев-“сербов”. Вторая смежная проблема – отражения собственно скифского, иранского названия **nap-* ‘младшие, потомки’, в том числе в тесной близости к неиранским элементам, ср. *Nap-oca* (ир. + индоар.) ‘жилище напов, “младших скифов”’, а также в названиях более крупных регионов, гл. обр. в западном секторе Северного Причерноморья, ср. историческая область *Малая Скифия* в Добрудже, к югу от нижнего Дуная, и рядом – *Великая Скуфь* ‘Большая Скифия’ начальной русской летописи где-то близ геродотовской “Старой Скифии” и почти тож-

дественная землям тиверцев (турсов, см. выше), отношения к которым еще предстоит изучать.

Неоднократность миграций индоариев и иранцев – как поступательных, так и возвратных, охватывает территории от Дуная и Карпат до Кавказа (о военных походах скифов на юг в обход Черного моря мы здесь не говорим), и это неудивительно, если вспомнить, что обоюдосторонние коммуникации и обмен связывали в древнем обществе даже несравненно более громадные расстояния, занося раковины-каури (обменную валюту) на Днепр и в Таврику, а с ними и необходимые сведения о землях к Индийскому океану еще до того, как туда устремились индо-иранские миграции, ставшие возможными благодаря этому всепроникающему древнему культурному и материальному обмену, который сближал и позднее, в разные эпохи культуру земель от Трансильвании до Индо-Скифии на крайнем юго-востоке (ср. Harmatta J. *Studies in the history and the language of the Sarmatians*. Szeged, 1970, p. 35 и сл.).

RASPARGANUS REX ROXOLANORUM*

Это имя фигурирует в двух латинских надписях** : *Publio Aelio Rasparagano regi Roxolanorum vivus vivo fecit*¹; *Publius Aelius Peregrinus, regis Sarmatarum Rasparagani filius, vivus fecit sibi et Attiae Quinti filiae Procillae, libertis libertabusque posterisque eorum*². Речь идет о надгробиях, найденных в городе Пола, в римской провинции Истрии, и датировемых первой четвертью II в. н.э., временем императора Адриана. Увековеченный этими надписями, роксоланский царь Распараган в силу каких-то обстоятельств, очевидно, принял римское гражданство и поселился с семьей на римской территории³.

Роксоланы, тревожившие римские границы, начиная с I в. н.э., упоминаются рядом с сарматами и принадлежат, как и эти последние, к иранским племенам. В этих условиях законно было ожидать иранской этимологии имени *Rasparaganus*, и такая этимология была предложена⁴: от ир. **fra-spara-ka-na-*, префиксально-суффиксального образования от корня *spar-* 'наступать', ср. ос. *ra-fsaeraeg* 'тот, кто наступает'. Эта правдоподобная этимология оперирует гипотетическими утратами и наращиваниями и потому не исключает поисков иного объяснения.

Начнем с того, что имя *Rasparaganus* оба раза как бы дублируется латинским титулом *rex* 'царь', что позволяет нам, по известным типологическим аналогиям, предположить, что имя царя-варвара тоже включает титул. Короче говоря, мы предпринимаем членение *Ras-paraganus* и в словосочетании *Ra s-paraganus rex* усматриваем глоссу ('царь' = 'царь'). По-ирански, в том числе по-скифски и по-сарматски царь обозначался производным от глагола *xšau-* 'властвовать', ср. *Απόξαις*, 'Αρπόξαις, *Κολάξαις* в скифском рассказе Геродота, сарматское племя *Σαῖοι* близ Ольвии. То, что зафиксировано в латинской надписи как *Ras-* может отражать лишь индоарийское **rāj-*, ср. др.-инд. *rāj-* 'царь', не получившее терминологического соответствия в иранском (единственное исключение - в хотанско-сакском). Сходным образом греки восприняли фракийский апел-

* Впервые опубликовано: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 36-37.

** Автор глубоко признателен профессорам Й. Заимову, Б. Герову (София) и Ф.В. Марешу (Вена), приславшим необходимые справки и копии по V тому CIL.

¹ *Corpus inscriptionum latinarum*. V. V. Pars prior / ed. Th. Mommsen. Berolini. MDCCCLXXII. N 32. P. 10.

² Там же. № 33.

³ *Patsch C. Der Kampf um den Donaauraum unter Domitian und Trajan*. SBWA, Philos.-hist. Kl. Bd. 217, 1, 1937. S. 162.

⁴ См.: *Абаев В.И. ОЯФ. I. С. 182.*

латив *rēzas/rēsas* 'царь' (продолжение и.е. **rēg-*) как личное имя Р̥ṣоs (Илиада).

Собственно именем роксоланского вождя оказываются **Paragan-* или **Paragana-* (оставшееся после отделения титула), которое мы рассматриваем как сложение со вторым компонентом *-ghana-/hana-*: **para-g(h)ana-* 'врагов убивающий'⁵. В имени **Paragan-* в роли термина 'враг' выступает не основа *ari-*, неудобная своей двусмысленностью⁶, а др.-инд. *para-* 'чужой, враг', ср. однотипные сложения др.-инд. *param-tapa-* 'истязаящий врага', также имя государя Магадхи, *parapuram-jaya-* 'покоряющий город врага', также имя князя, *para-bhedana-* 'пронзающий врага'⁷.

Иранский не обнаруживает *para-* в значении 'враг', и ир. эквивалент др.-инд. *-han-/ghan-* имеет вид *-jan-*, т.е. ожидалось бы *-zanus* в лат. записи. Роксоланы обитали какое-то время в районе, отчасти совпадающем с "Древней Скифией" Геродота (IV, 99: ἀρχαίη Σκυθίη) и Синдской Скифией Плиния – в низовьях Ю. Буга и Днепра, где продолжают выявляться следы неиранского, индоарийского населения. В этих условиях возможно было появление индоар. **ra]- para-g(h)ana-* 'царь Врагов-убивающий' – как обозначения одного предводителя иранцев-роксоланов.

⁵ О др.-инд. сложениях с этим компонентом см.: *Wackernagel J. Altindische Grammatik II. 2* (Göttingen, 1954), S. 4 и сл., ср. *ari-han-* 'убивающий врагов'.

⁶ Ср.: *Thieme P. Der Fremdling im R̥gveda // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes XXIII, 2. Leipzig, 1938, passim.*

⁷ *Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch. 4. St-Pb., 1883. S. 30.*

INDOARICA. ЭТИМОЛОГИИ*

Кавказ

Поскольку вероятность кавказского пути миграции индоарийцев из Юго-Восточной Европы в Азию была заявлена и обоснована археологически достаточно веско в последние годы (появление в равнинном Дагестане носителей культуры шнуровой керамики индоевропейского типа с катакомбным обрядом погребений и признаками применения колесных повозок в результате распространения со стороны Юго-Восточной Европы в III-II тыс до н.э. трудно связывать с более поздней волной ираноязычных племен, документируемых в Передней Азии не ранее начала I тыс. до н.э.¹), постольку примат знакомства с Кавказом постулируется именно для индоарийцев (праиндийцев), а не для иранцев и тем более — не для "неразделенных" индоиранцев, древняя этнолингвистическая чересполосица (диалектная сложность, разделение) которых вероятна уже для Северного Причерноморья.

В этой связи вопрос о происхождении названия Кавказа приобретает особое значение. Этот важный вопрос имеет свою историю и свою литературу, но прежде чем мы ее рассмотрим, полезно сделать некоторые замечания об употреблении собственного названия *Кавказ* и его объеме. Речь идет о довольно существенных и конкретных этнолингвистических аспектах употребления названия, без которых не может обойтись современное исследование, хотя приходится с сожалением признать, что профессиональные индоевропеисты-этимологи нашего времени не заинтересовались названными аспектами в полной мере, и это тем более прискорбно, что для этого не требовалось проводить специальных исследований, так как вопрос уже был плодотворно изучен одним из предшественников — кавказоведом XIX в. П.К. Усларом. Собственно, он первый сделал вывод, без которого любая этимология как бы повисает в воздухе и остается недосказанной и недоказанной, — вывод о том, что название *Кавказ* является на Кавказе чужим, занесенным извне и что

* Впервые опубликовано: *Этимология*. 1981. М., 1983. С. 101-108.

¹ *Bosch-Gimpera P.* The migration route of the Indo-Aryans // *The Journal of Indo-European studies*, 1973, 1. P. 513 и сл.; *Гаджиев М.Г.* Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы // *Древности Дагестана: Памяти Е.И. Крупнова*. Махачкала, 1974. С. 14, 15 (изложение концепции Р.М. Мунчаева); 28; *Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М.* Утамьшские курганы // *Северный Кавказ в древности и в средние века*. М., 1980. С. 43, 54 (отражение в курганах Прикаспийского Дагестана обряда захоронений в катакомбах пришедших племен из Северо-Западного Прикаспия при наличии погребального сруба и саркофага на повозке: III-II тысячелетие до н.э.); *Техов Б.В.* Бронзовые молоточковидные булавы из Тлийского могильника // *Там же*. С. 67 (индоевропейцы-катакомбники III-II тыс до н.э. и потеснившие их на юг племена срубной культуры).

местные разноязычные аборигены вполне закономерно не имели своего старого названия для всей этой горной страны: "В том виде, в каком написано слишком за 23 века тому назад Эсхилом, *Kaukasos*, сохранилось оно почти без малейших изменений во всех новых европейских языках. Передано оно нам исключительно греками: если бы греки назвали этот хребет иначе, то, конечно, и мы бы называли его теперь иначе, потому что ни у самих кавказских туземцев, ни у соседних с ними восточных народов не встречаем названия Кавказа. Его нет ни в Библии, ни в Авесте, ни в Бундегеше. В последних двух сочинениях говорится о мистической горе *Альбордж*, которой положение с веками изменилось в воображении иранцев... Название *Альбордж*, *Альбрус* встречается и к югу от Каспийского моря, и на Кавказском хребте, и на хребте Загросе подле Гамадана..."². В этом высказывании схвачено широко и вместе удивительно точно все главное, что следует знать этимологу, который берется выяснить происхождение названия *Кавказ*. Говоря иными словами, названия *Кавказ* не знает не только кавказский языковой мир, его не знает также иранская традиция – ни устная, ни письменная. А это уже однозначный приговор иранским (в том числе скифским) этимологиям названия *Кавказ*, о которых – ниже. По-видимому, не иранцы занесли это название на Кавказ, хотя изучение иранского способа называния гор в этом районе как параллельного очень ценно для нас. Иранцы первоначально называли на Кавказе одну гору (правда, главную вершину) – *Альбрус*, имя, этимологически тождественно *Альбурс* на севере Ирана, но там это уже не гора, а горный хребет. Этот ороним с его поздней новоперсидской формой, родственной авест. *Xara-hərəzaitī*, имеет довольно архаическое употребление, причем прослеживается вторичность перехода к значению 'горный хребет' от первоначального '(одна определенная, resp. высочайшая) гора', как у кавказского *Альбрус* и у авестийского *Xara-hərəzaitī*. Есть основания полагать, что аналогичное расширение испытало и название *Кавказ*, более того, что оно тоже первоначально и длительно употреблялось лишь применительно к главной вершине Кавказа – горе *Альбрус*, на что указывают и некоторые другие данные³.

Трудность этимологизации названия *Кавказ* вызвана в значительной степени тем, что широко распространенной и древнейшей по времени фиксации оказывается форма, по-видимому, отнюдь не самая авторитетная этимологически: греч. *Καύκασος*⁴, откуда др.-рус. *Кавкасиискыѣ горы* (Пов. врем. лет.), лат. *Caucasus*, нем. *Kaukasus*, франц. *Caucase*. Как нередко случается в этимологическом исследовании, ключ к верной этимологии слова таится как раз в темных, на первый взгляд, отклонениях от подобной "стандартной" формы. Правда, это вовсе не значит, что ключ этот сразу дается в руки, и этимология названия Кавказа –

² Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881 (= Сборник сведений о кавказских горах. Вып. X). С. 484–485.

³ См.: Гаглойти Ю.С. Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 72, 73.

⁴ Отсюда названия Кавказа в грузинских и армянских источниках – *Канказос*, *Говгис* – у Моисея Хоренского, см.: Услар П.К. Указ. соч. С. 486.

классический тому пример тщетных усилий поколений ученых. Большинство исследователей⁵ обратило внимание на имеющуюся у Плиния отклоняющуюся запись нашего оронима, к тому же с весьма интересными различиями: ... *Scythae ipsi... Caucasum montem Croucasim, hoc est nive candidum* (Plin. Nat. hist. VI, 17(19), ed. С. Mayhoff; варианты в рукописях: *Groucasim, Groucasum; Graucasim, Graucasum*) 'скифы сами ... (называют) гору Кавказ *Croucasi-*, то есть белоснежная'. Правда, было бы трудно вообще не обратить на это внимания, потому что благодаря Исидору Севильскому вся эта плиниевская глосса с "белоснежным" скифским названием Кавказа приобрела дополнительную популярность и многократно повторялась в средневековой латинской литературе Западной Европы, в том числе такими выдающимися писателями, как Роджер Бэкон. Несмотря на общеизвестную литературность употребления, в частности Плинием, терминов 'скифы, скифский', далеко не все современные интерпретаторы и этимологи справились с противоречивостью употребления этих терминов, а с ними и глоссируемого у Плиния как "скифское" названия *Croucasim*.

Соболевский, например, объяснял "скифское" *Croucasis* "на основании др.-бактр. (= авест. – О.Т.) *kahrkāsa* 'ястреб' (буквально: куроед)"⁶, считая формы *Καίκασος, Καίκασις* и некоторые другие также преобразованием этого последнего, – мысль, не очень вероятная, несмотря на аналогию названий *Воробьевы, Галичьи, Совьи горы* из разных мест у славян. Главное же, что не позволяет согласиться с ученым, – это чуждость именно названия *Кавказ* (во всех его вариантах) иранской традиции. Попытку Кречмера протимологизировать плиниевское *Croucasis* как др.-инд. **krūkāśi-* 'nive candidum', ср. греч. *κρύσταλλος* 'лед', соответствие которому в древнеиндийском утрачено, и др.-инд. *kāśate* 'сиять, блестеть'⁷, критика принялась немедленно "исправлять" по иранским канонам. Так, уже Маркварт видел здесь иран. **xro(h)u-kasi-*, а последующие авторы указывали на наличие в осетинском, близком скифскому, глагола *kæsun* '(у)видеть', а также 'сиять, светить (о солнце и луне)'⁸. Правда, при ближайшем рассмотрении всплывают новые противоречия данной иранской версии: группа *kr-* в иранском обязательно должна была иметь вид *xr-* (которая едва ли могла быть отражена при заимствовании как "этимологическое" *kr-*), что уже отличается от формы *Croucasim* Плиния; по-осетински образ сияющего снега как раз нельзя передать глаголом *kæsun*⁹.

⁵ Прямая этимологизация на базе наиболее известного варианта – *Καίκασος*, ср. гот. *hauhs* 'высокий', лит. *kaišas* 'шишка', *kaukarā* 'холм' (см. Фасмер II, 153, с литературой) – очевидно неверна. Приводимые там, вслед за Марквартом, ср.-перс. *Karkof*, арм. (из перс.) *Kar-koh* могут объясняться только как народная этимология на иранской почве.

⁶ Соболевский А.И. Русско-скифские этюды. XII. Кавказ и Черкасы // ИОРЯС XXVI. 1921. С. 42–44.

⁷ Kretschmer P. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // KZ. 1928, 55, S. 100 и сл.; *Idem*. Inder am Kuban // Anzeiger [der] Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse, 80. Jahrgang 1943, Nr. I–XV. Wien, 1944. S. 35.

⁸ Mayrhofer M., Eilers W. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung // Mayrhofer M. Ausgewählte kleine Schriften. Wiesbaden, 1979. S. 73, 82 (перепечатка статьи из журнала *Die Sprache*. 6. 1960).

⁹ *Idem*. S. 82, сноска 45.

Все вместе это лишь усугубляет сомнительность отнесения *Croucasim* к иранскому-скифскому. Само собой, сохраняется и главный контраргумент – молчание древней иранской традиции по поводу названия *Кавказ*: ссылка при этом на бедность и неполноту сохранившихся иранских источников не может быть признана убедительной хотя бы потому, что совпадающее по объекту название *Эльбрус* (и т.д., см. выше) иранские источники сохранили в достаточной степени.

Полагая, что после изложенного выше иранское происхождение *Croucasim*, Καύκασος оказывается уже весьма шатким, мы укажем еще на некоторые дополнительные обстоятельства, мимо которых прошли цитированные выше этимологи. Удивительно, например, единодушие, с которым современные исследователи оставили без внимания такие важные показания текстологии "Естественной истории" Плиния, как наличие вариантов на G- начальное *Groucasim*, *Groucasum*, *Graucasim*, *Graucasum* (см. выше). Если учесть такую особенность латинской палеографии, как традиционное отсутствие графического различия C и G, более того – обыкновение с помощью C обозначать также произносительное G- звонкое (чему пример – имя самого автора "Естественной истории" – Гай Плиний Секунд, на письме – *Caius Plinius Secundus*), то двусмысленным окажется, скорее, вариант *Croucasim*, избранный издателем К. Майхофом как наиболее надежный. Между прочим, прежние исследователи исторической географии предпочитали именно варианты на G-, и было бы неблагоразумно обходить их молчанием, даже не дав себе труда доказать их ненадежность, что, как увидим, сделать довольно трудно. В. де Сен-Мартен, опираясь на написание *Graucasus*, объясняет его "de grau, montagne, corruption provinciale du sanskrit *ghiri*"¹⁰. Оставляя здесь пока в стороне вопрос об этимологическом родстве др.-инд. *giri*- гора и *grāvā*- 'камень', считаем необходимым специально отметить, что французский ученый относил сюда же, по-видимому правильно, название племени Γραυκτοί, гравкены у Аполлония Родосского (Ατγον. IV, 321), раскрывая его как указание на первоначальное их происхождение – 'Montagnards, горцы'¹¹. Правда, нам не удалось проверить правильность его утверждения о существовании такого слова и значения "dans les dialectes de famille sanskrite qui se parlent sur le haut Indus"¹², поэтому не совсем ясно, с продолжением какой формы мы имеем дело – *gravaka- или *giravaka- в этнониме гравкенов, этого ганакса¹³, видимо, произвольно переносимого Аполлонием с Кавказа на нижнее течение Истра-Дуная в его поэме об аргонавтах. Существенно, что Γραυκτοί – форма со звонким G-

С формой *Graucasum* у Плиния считается Лассен¹⁴, точно так же, как

¹⁰ *De Saint-Martin V. Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique*. T. I. Paris, 1850. P. 62, note 2; *Idem. Recherches sur les populations et les plus anciennes traditions du Caucase*. Paris, 1847. P. 180.

¹¹ *De Saint-Martin V. Études...* 1. P. 62.

¹² *Ibidem*.

¹³ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 23–24.

¹⁴ *Lassen Chr. Indische Altertumskunde*, Bd. I. Geographie, Ethnographie und älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig: London, MDCCCLXVII. S. 28, сноски.

цитируемые Усларом Болен (Bohlen. Das alte Indien I, 12) и Бюрнуф¹⁵. Болен, а за ним Услар объясняют *Groucasim* из др.-инд. *grāvakāśa-* (у Услара: *гравакаса*) 'блестящие скалы'¹⁶, с оговоркой, что этого названия (названия Кавказа) в санскритской литературе не встречается, "зато встречается название *Казагири* (*Kāśa-giri-* – О.Т.) от *Каза*, названия многочисленного горного племени, и *гири* – гора..."¹⁷

В общем сличение старых и новых исследований о названии Кавказа позволяет сделать заключение, что современные исследователи допускают ошибку логико-грамматической интерпретации, полагая, что Плиний глоссирует иноязычное название *Croucasim* по-латыни только словами *nive candidum*. Авторская речь Плиния ярко эллиптична, это видно и в соответствующем пассаже его книги VI, где глагол *appellavere*, будучи раз упомянут (*Persae illos Sacas universos appellavere a proxima gente*), потом уже опускается, подразумеваясь (*antiqui Aramios –; Scythae ipsi Persas Chorsaros –; Caucasum montem Croucasim –*). Высокая эллиптичность текста проявляется в аналогичном опущении здесь же подразумеваемого, но не употребляемого во второй раз слова *montem*, поэтому *lectio plena* конца цитаты, очевидно, будет: ... *et Caucasum montem Croucasim* (*appellavere*), *hoc est nive candidum* (*montem*) '...то есть б е л о с н е ж н а я г о р а'. Предложенная рабочая эмендация текста и вытекающая из нее полная глосса, интерпретация *Croucasim/Groucasim* = 'белоснежная гора' избавляет от необходимости в отчаянных попытках перевести все название словами 'белый как снег' (или даже 'белый как лед'?). Ведь уже априори, типологически здесь следовало ожидать названия-двучлена с составом 'определение' + апеллатив 'гора' (или инверсионно: 'гора' + определение). В соответствии с этим мы и членом *Grou-casim* = *nive candidum montem*, причем *Grou* = *montem* 'гора', а *-casim* = *nive candidum* 'белоснежная'.

Реконструкция праформы-источника названия Кавказа остается и после этого гипотетичной, хотя проделанные уточнения и критика источников как будто помогли нам несколько продвинуться вперед, прийти к констатации древнего апеллативного значения этого названия – 'сияющая (белоснежная) гора', а также к этнолингвистическому результату, который гласит: название *Кавказ* – все-таки восходит к индоарийскому. В своих поисках мы с благодарностью опирались на своих предшественников, в особенности – на старших. Дилемма конкретной праформы-реконструкции, однако, остается или, вернее, ставится после нашего исследования: 1) **grāva-kāśa-* 'блестящая скала' (см. выше Болен у Услара) или 2) **girau-kasi-*, синтаксическое сложение¹⁸ *Loc. sing. girau* 'на

¹⁵ Услар П.К. Указ. соч. С. 492–493.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 493.

¹⁸ Ср. др.-инд. *talpe-sayā-* 'на ложе лежащий', см.: Барроу Т. Санскрит. М., 1976. С. 201. В целом о проблеме см. еще: Tischler J. Zu den syntaktischen Grundlagen der Nominalkomposition: die Reihenfolge der Teiglieder // Festschrift for O. Szemerényi. Part II. Amsterdam, 1979. S. 853 и сл.

горе' от основы на *-i-* м.р. *giri-* 'гора' и отвлеченное существительное *kasi* 'блеск, сияние' (санскр. *kāśī* м.р. 'солнце' представляет, видимо, вторичное семантическое употребление). Основа на *-i-* второго компонента объясняла бы тогда исход плиниевской формы *Croucasim*, чего до сих пор не сделано. Понятно, что остается и после этого проблема отношения формы *Croucasim* и широкораспространенного *Καύκασος*, *Caucasus*, *Кавказ*. Можно лишь высказывать догадки о том, что форма на *K-* прошла через фильтр языка, который не терпит групп согласных в начале слова, а заодно и звонких согласных в этой позиции.

Своеобразный гапакс особой формы названия Кавказа у Плиния – не плод описки; он подкрепляется несколькими вариантами в рукописях. Известно, какую большую (и исчезнувшую) литературу обработал Плиний для своего энциклопедического сочинения. Дополнительным подтверждением реальности плиниевских сведений в этом вопросе, а также членения *Grou-casim* служит – тоже гапакс – *Γραυκτηνοί*, этноним у Аполлония Родосского. Вероятие следов такого же самостоятельного употребления компонента *-casi-* пока не очень велико. Ср. вариантное чтение *Κάσια* ὄρη 'Касийские горы'? у Птолемея (V, VIII, 14): ... τὰ διὰ τῆς Κολχίδος καὶ τῆς Ἰβηρίας ἀνιόντα ὄρη, καλούμενα δὲ Κάσια (основное чтение: *Καυκάσια*) 'горы, идущие через Колхиду и Иверию и называемые [Касийскими] Кавказскими'¹⁹. Речь идет о горах, отделяющихся от Главного Кавказского хребта, который тут же следом определяется четко у Птолемея как идущий к Гирканскому (=Каспийскому) морю и (тоже) носящий имя *Καύκασος*. В античной литературе известны и еще некоторые глухие сведения о том, что внутренняя форма названия высочайшей вершины Кавказа – 'белоснежная, блестящая гора' – сознавалась какое-то время в этом регионе. В сочинении некоего Плутарха (именуемого также Псевдо-Плутархом) "О названиях рек" упоминается (и Услар также пишет об этом) "один холм, называемый Нифантом" (εἷς τινα λόφον Νιφάντην καλούμενον. *Plut. De fluv.* V, III)²⁰. Этот "холм" с названием *Νιφάντης* 'снежный', он же – "Ложе Борея", он же *Кавказ* в одном и том же мифологическом сочинении, представляют собой немногие дополнительные факты, на которые можно опереться в разысканиях истоков формы и значения слова *Кавказ*.

Проход индоарийцев через Кавказ не остался без следов в меняющейся и многосложной ономастике региона. Как видим, он отпечатался, несмотря на наши споры, в названии самого Кавказа (собственно – Главного Кавказского хребта, а первоначально – горы Эльбрус). Закономерно полагать, что дальнейший путь индоарийцев через Дагестан и Дербентский проход тоже оставил свои следы. К потенциальной индоарийской гидронимии кавказского пути может относиться птолемеевское название реки Кумы – *Οὐβων*, собственно 'вода', ср. др.-инд. *udān* 'вода', хотя оно и не имеет четких исключительных языковых признаков и бесспорно лишь,

¹⁹ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 238.

²⁰ Латышев В.В. Указ. соч. С. 501.

что оно – индоевропейское²¹. Более однозначно четким (и повторяющимся как в морфемном составе, так и в модели) гидронимическим следом прохода индоарийцев может быть сочтено название реки в Южном Дагестане – *Самур*.

Самур

Река Самур, впадающая южнее Дербента в Каспийское море, представляет собой стечение рек Рутулчай и Ахтынской²². Этот факт физической географии, а также звуковой состав позволяют нам предположить происхождение названия *Самур* из индоарийского сложения, ср. др.-инд. *sam-* 'с', *vār* 'вода', а также аналогичное *samudrá-* 'обилие воды', 'паводок, разлив'. Существует мнение, что это иранский гидроним; В.Ф. Минорский отождествлял *Самур* с осет. *самур* 'куница' и относил это название реки к аланско-массагетским именам²³, что по ряду соображений не кажется нам вероятным. Из них мы приведем здесь, как нам кажется, одно из главных – явную близость гидронима *Самур* на кавказском берегу Каспийского моря и названия реки *Сумбар* – на юго-восточном побережье Каспийского моря. Река *Сумбар* (*Sūmbār*) – приток реки Атрека. Этимологически и для этого гидронима допустима увязка с др.-инд. *sam-* и *vār* (выше), т.е. "су-водь". Как и в случае с дагестанской рекой Самур, это имеет свою реальную мотивировку и для реки Сумбар (приток, впадение). Имеет это в обоих случаях в свою пользу и аргументацию в направлении миграции индоарийцев – в обход Каспийского моря с запада и юга на восток. Кстати, недалеко от Юго-Восточного Прикаспия (и реки Сумбар) локализуется и упоминаемая Тацитом река *Sindes* 'Теджен?', которая разделяла ариев и дахиев. Конечно, в этих местах и направлениях расселялись также иранцы. Но этимологическое *sam-* у них отражено только как (*h*)*am-*, и этого достаточно для того, чтобы отличить одних от других.

²¹ Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948. С. 277.

²² Абдуллаев И.Х. Еще раз к происхождению гидронима *Самур* // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 120 и сл.; цитирует "Описание Южного Дагестана" Ф.Ф. Симоновича 1796 г.: "река Рутулчай составляет с Ахтынской реку Самур".

²³ Цит. по: Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана. Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 211. Сноска 148.

INDOARICA В СКИФИИ И ДАКИИ*

Проводимые мной исследования индоарики в Северном Причерноморье отражены к настоящему времени с разной степенью полноты (или, скорее, краткости) в десятке статей, вышедших или написанных за последние годы. Отозвалась и критика, так что возобновился диалог по этому заглохшему было вопросу индоевропеистики. Что же пишут критики?

В.П. Шмид в принципе одобряет мою попытку доказать наличие индоарийского северопонтийского субстрата — языка с сохранным этимологическим *s*, хотя он относится скептически ко "многим" моим индоарийским этимологиям, не уточняя при этом к каким именно¹. Мое сближение топонимов *Sita*, Σιτάκη с др.-инд. *setu-* 'мост' Шмид, однако, принимает и даже использует его для хронологизации, предполагая эпоху около 500 г. до н.э., когда дифтонги уже монофтонгизировались. М. Майрхофер называет мою концепцию "überkühn"², Х.Д. Поль — "sehr kühn"³, хотя последний и находит в ней рациональное зерно и выражает мне признательность за проделанную работу по сбору фактов. Говоря обобщенно, оппоненты допускают, скорее, древнее наличие иранских диалектов с сохранением этимологического *s*. Что же касается вскрытых мной случаев, ярко отличных от собственно иранского в плане словообразования (суф. *-in-*, *-p-*, ср. Ν(καξίv, *Teagin*, *Uspe*) и лексикосемантического инвентаря (*Asandi* — др.-инд. *āsandī*, Δανδάκη — *Dandaka*, МАІТАІ — индоарийское переднеазиатское *Maita-nni*, Бравлинъ — др.-инд. *pravīna-*, Βουτουvατος — *Bhūtanātha*, Маγυδαβα — *Mahādevā* и др.; кстати, семема "великий бог", выраженная в последнем, реализовалась бы по-ирански (скифски), иначе — как **mazabaga-* или **sturbaga-*), то критики избегают о них говорить или предполагают, что это все-таки не индоарийский, а только "очень похожий" на него архаический иранский диалект. Все это напомнило мне японскую сказку, которую я читал в детстве и откуда запомнил такую парадокс-концовку. Один человек рассказывает, что видел странную змею. Он настаивает на том, что это была змея, только она была толстая, как бочка, и короткая, как бочка, на что ему резонно отвечают: "Ну, а если она была и толстая, как бочка, и короткая, как бочка, значит, это и была бочка!" Перевес одних или других дифференциальных признаков не остается без последствий для нашего определения всего явления в целом.

Исследование индоарийского субстрата (не говоря о трудно лока-

* Впервые опубликовано: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 148–152.

лизуемых вполне конкретных случаях, относимых вообще к "Скифии") охватило собственно Синдику на Таманском п-ове, меотское Приазовье, таврское население Крыма и "Старую Скифию" (Геродот), она же Синдская Скифия (Плиний), примыкающую к Таврике с северо-запада. О таврском реликте ΣΑΣΤΗΡΑ в гражданской присяге Херсонеса (III в. до н.э.) в связи с др.-инд. *śāstrā* - 'священная книга' я уже писал⁴. В другом месте сделана попытка объяснить имя почтенного херсонесца *Дигица* ("Сказание об обретении мощей святого Климента") через греч. *Διγίτζα(s) из формы, близкой др.-инд. *dvijá* - 'дважды рожденный'⁵. Еще два новых культурно-бытовых термина, видимо индоарийского происхождения из "Скифии" (resp. "Сарматии"), без дальнейшей географической приуроченности, можно видеть в плиниевских словах *prosedamum* и *rhecoma*; ... *arietibus quoque et hircis segnioribus in potu dari, et a Samathia equis ob absiduum laborem pigrioribus in coitu, quod vitium prosedamum vocant* (Plin. Nat. hist. XXVI, 98/ed. С. Mayhoff/) "(Корень сатирикона) дается в питье ленивым баранам и козлам, а в Сарматии лошадям, неохотно идущим на случку из-за непрерывной работы, каковой порок называют *prosedam*". Кажется естественным сблизить это туземное слово в записи *prosedam*- (минус латинская флексия) с др.-инд. *pra-sā-da* м.р. 'спокойствие, отсутствие возбуждения' ("Упанишады"); в Индии известно также в функции личного имени. Структура этого приставочного сложения ясна: иранское (скифское) соответствие должно было бы иметь вид **fra-hada*-, что очень напоминает перс. ЛИ *Farhad*, для которого, правда, предполагают другое происхождение. Далее: *Rhecoma adfertur ex iis quae supra Pontum sunt, regionibus, radix costo nigro similis, minor et rufior paulo, sine odore, calfaciens gustu et adstringens* (Plin. Nat. hist. XXXVII, 128) "Рекома привозится из областей, находящихся далее Понта. Корень ее похож на черный кост, меньше и несколько более красный, без запаха, а на вкус обжигающий и вяжущий". Можно только гадать о том, что это было за растение, однако реконструкция индоар. **rek(h)omā* кажется допустимой, собственно **rek(h)aumā*, ср. др.-инд. *rekhā* 'полоса, царалина', *rikhāti* 'царапать' и *umā* 'лен' (высказываемые предположения о неиндоевропейском заимствовании в др.-инд. *umā* неубедительны ввиду связей с лит. *úmas*).

Более конкретно локализуется (в "Старой Скифии") имя скифского царя Καρούδας (Diog. Laërt.), брата Анахарсиса, которое мы этимологизируем как индоарийск. **kad-vida*-, ср. др.-инд. (эпич. санскр.) *kovida* 'опытный, знающий', где *ko-* – вариант к *ka-*, *ku-*, *kad-* – усилительное местоимение.

Весьма симптоматичны связи имени *Ἰδάνθυρος*, Иданфирс, ЛИ царя скифов (времен похода Дария) из того же рода носителей неиранских имен, что и Савлий, Гнур, Анахарсис. *Ἰδάνθυρος* наиболее правдоподобно реконструируется как др.-инд. **idam-tṛṣa* 'это (или: столь) жаждущий'; вместе с тем очевидна связь с названием более западного племени *Ἀγάνθυροι*, которое поэтому едва ли может иметь чисто фракийскую этимологию. Ср. сюда же народ *Тоурси* кирилло-мефоди-

евской традиции (а может быть, сюда же все-таки и *тиверцы*?) в том же западном секторе Северного Причерноморья.

Вопрос об отношении агафирсов к населению "Скифии" недостаточно исследован. Агафирсы обитали в Трансильвании, в непосредственной близости к дакам. Остается предположить гибридное $\text{Ἀγάθιρσοι} < *aga-ṛṣa-$, где второй (индоарийский) компонент (см. выше) соединен с дак. $*aga-$ < $*augo-$ с палеобалканским развитием $*au > a$, ср. алб. *agój* 'светать', *agutë* 'рассвет'. Возможно, Ἀγάθιρσοι – это 'жаждущие яркого (металла), жадные до золота', ибо о них сказано у Геродота: $\text{Ἀγάθιρσοι δὲ ἄβρότατοι ἄνδρες εἰσὶ καὶ χρυσοφόροι τὰ μάλιστα}$ "Агафирсы весьма изнежены и очень любят носить золотые украшения" (Hdt. IV, 104). Для этого требуется, правда, предположить особое дакийское название золота, отличное от фрак. $*salt, sald$ 'золото', реконструируемого В. Георгиевым⁶, но принимаемая номинация "золото" < "яркий металл" естественна. Полностью отождествлять агафирсов с даками нельзя, как, впрочем, и со скифами-иранцами. Отношения братьев Агафирса и Скифа в генеалогическом предании (Hdt. IV, 10) надо понимать как отношения двух особых (хотя и родственных) народов.

Я уже писал о том, что одним из названий иранцев-скифов было $*nara-$ 'меньшие, потомки'. Отношениям скифов – "младших" и индоарийцев – "старых ариев" была, видимо, свойственна чересполосица, породившая раздел, глухо донесенный до нас генеалогическими легендами скифов. Но и раздел не изжил до конца чересполосицу. Не случайно всюду за индоарийской волной миграции шла иранская волна. Расселение в самом Северном Причерноморье говорит о том же. Корень $*nar-$ 'меньшие, младшие' распространен от (А)напа (с наращением *a-* в абхазско-адыгской среде) на востоке до античного Νάποινα , *Napoca* (совр. *Cluj-Napoca*) в Трансильвании, т.е. в стране агафирсов, – на западе. *Napoca* – это гибридное ирано-индоарийское сложение ('жилище напов'), где второй компонент тождественен др.-инд. $\acute{o}ka-$ ($*auka-$) 'жилище', ср. *Satauci* (Plin.), племя в Крыму, букв. (индоарийск.) 'семь уделов, жилищ'. Встает вопрос о древнем присутствии индоариев в Трансильвании (как отправной пункт движения? как цель одной из возвратных миграций? Ср. реконструируемый нами путь с востока на запад античных сербов – индоарийцев, растворившихся позднее в славянах). Приобретают новую остроту вопросы конкретной этимологизации местной гидронимии и топонимии, ср. *Nitra* (бассейн Дуная) ~ *Чиге-нитра* в Восточном Крыму⁷, возможно, *Hornád* (бассейн Дуная) ~ др.-инд. *nadī* 'река' (гидронимы *Barnadī*, *Mahānadī* в самой Индии); далее ср. ряд местных названий, известных только в Трансильвании и Банате и содержащих этот элемент *-nad*: *Pánade*, *Tășnad*, *Tușnad*, *Cenad*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Schmid W.P. Zur Frage der Datierung iranischer Lehnwörter in den finnisch-ugrischen Sprachen // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 12. Festschrift für W. Schlachter. Wiesbaden, 1979. S. 269.
- ² Mayrhofer M. Indogermanische Chronik 24b, N 137 // Sprache. 1978. Bd. 24. N 2. S. 205.
- ³ Pohl H.D. Onomastica Slavoiranica (5-11) // Österreichische Namenforschung, 1979. Bd. 7, N 2. S. 24.
- ⁴ См. статью: "Старая Скифия" (Ἀρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне.
- ⁵ См. статью Indoarica в Скифии. С. 179-180.
- ⁶ Георгиев В. Българска етимология и ономастика. София, 1960. С. 82-83.
- ⁷ См. статью "Старая Скифия"... Геродота... С. 120.

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ЭТИМОЛОГИИ*

Θαμμασάδας – 'Октаμασάδης

С этими личными собственными именами, выступающими в "Скифском рассказе" Геродота, связано немало проблем. Первое из них – имя бога, эквивалентного греческому богу морей Посейдону: 'Ονομάζονται δὲ Σκυθιστὶ... Ποσειδέων δὲ Θαμμασάδας (вар. Θαμμασάδας) (Herod. IV, 59). Перед этим там же Геродот говорит, что Посейдону приносят жертвы царские скифы, что, откровенно говоря, затрудняет нижеследующие соображения, однако не настолько, чтобы полностью перевесить сообщаемые нами далее наблюдения над конкретными моментами формы этого и парного с ним другого имени – 'Οκταμασάδης. Лицо, носившее это второе имя (Herod. IV, 80), не было богом и относилось не к скифам царским, а к другой, западной части Скифии, граничившей с Фракией (по Нижнему Дунаю), а также с землей агафирсов на западе. Отец Октамасада, местный скифский царь Ариапиф погиб от козней царя агафирсов Спаргапифа. Сыновья Ариапифа – Скил и Октамасада – родились от нескифских матерей: первый – от истриянки (т.е. видимо, гречанки), второй – от дочери фракийского царя Терея. При этом один носил выразительное имя Σκύλης, этимологически (если из ир., скиф. **skuda-*) тождественное одному из самоназваний скифов – Σκύθος (подробностей этимологии здесь не касаемся¹), а второй получил имя, иранский, скифский характер которого отнюдь не достоверен. Такие авторитеты в исследовании скифских имен как Фасмер и Абаев, не могли доказать иранско-скифскую принадлежность имени 'Οκταμασάδης: Фасмер, формально рассматривая это имя среди скифских реликтов, склоняется к мысли, что это скорее фракийское имя², а Абаев вообще не включает имена 'Οκταμασάδης, Θαμμασάδας в свою известную работу "Скифский язык" (Абаев ОЯФ I, 147 и сл.), в новом издании называемую "Скифосарматские наречия"³.

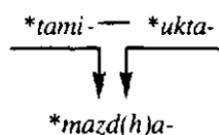
Нетрудно видеть парную связь этих имен – теонима Θαμμασάδας и антропонима 'Οκταμασάδης. Этимологический анализ во всяком случае должен строиться на учете этой связи, которая уже априори, т.е. до начала собственно этимологического исследования, диктует условия и указывает, что оба имени двучленны, причем второй член у них общий (-μασάδας, -μασάδης), а первые члены – разные (Θαμμ-, 'Οκτα-). Для иного членения эта яркая парность не дает оснований, поэтому, когда Фасмер ищет объяснение в фракийском, он, видимо, допускает подмену лингвистических аргументов брачными и династическими (мать Окта-

* Впервые опубликовано: Этимология. 1982. М., 1985. С. 140–148.

масада была дочерью фракийского царя), пытаюсь же, далее, сблизить форму имени 'Οκτασαάδης с якобы фракийским именем Μηδοσάδης. он нарушает названное выше условие членения, заданное парностью обоих заинтересовавших нас имен, что неминуемо обрекает его анализ на неудачу⁴.

После этого необходимого критического вступления мы не видим иной возможности объяснения имени Θατζασάδας (считая этот вариант чтения наиболее авторитетным), кроме как из индоарийского **tami-mazd(h)ā-* 'мудрый (своим) молчанием', ср. др.-инд. *tāmyati* 'задыхаться, терять сознание, слабеть; утомляться; томиться'⁵, родственное слав. **tomiti* (иранские соответствия нам неизвестны) (Mayrhofer I, 495), а также – для второго компонента имени – ср. др.-инд. *medhā-* 'мудрость', *medhā-* 'разумный'⁶, до исчезновения в последнем *z*, ср. авест. *mazdā* 'мудрый' (Mayrhofer II, 685–686)⁷. "Скифское" имя бога моря расшифровывается, таким образом, как 'мудрый молчанием' (см. также ниже). В свою очередь, имя 'Οκτασαάδης могло бы продолжать индоар. **ukta-mazd(h)ā-* 'мудрый (своей) речью', второй компонент которого идентичен аналогичному компоненту первого имени. Иранское происхождение имени в целом менее вероятно, ему противоречило бы отличие форм (а в них – групп согласных), ср., с одной стороны, др.-инд. *ukta-* 'сказанный, произнесенный; слово'⁸, а с другой стороны – авест. *ūhtō-* (Mayrhofer I, 495). Кстати сказать, последняя (иранская) форма могла бы быть довольно адекватно передана средствами греческой графики как *Ουχθα- или *Οχθα-, чего, однако, не произошло, и мы имеем в действительности довольно характерную форму 'Οκτα-, принципиально более близкую индийскому, а не иранскому состоянию. Любопытно отметить, что фактически тождественную этимологию уже выдвигал Мюлленхоф, с тем существенным отличием, что, руководствуясь своей идеей иранской принадлежности скифского, он выдвигал ее в иранской версии, что встретило как раз критику с фонетической стороны у Фасмера⁹. При этом ни тот, ни другой не обратились к более точному индийскому соответствию.

Ценная для нас лексико-семантическая оппозиция Θατζασάδας – 'Οκτασαάδης подкрепляет предположение о наличии в первом из них основы со значением 'молчать', хотя прямо это значение не засвидетельствовано ни у др.-инд. *tam-*, ни у и.-е. родственных форм. Но индоевропейские глаголы со значением 'молчать' вообще все региональны и обычно образованы путем инноваций, известны и примеры семантической эволюции 'слабеть' → 'молчать' (см. Buck 1258–1259: 'be silent'). Нельзя поэтому исключать принципиальной возможности развития местным древним диалектом своего термина 'молчать', отличного от др.-инд. *tūṣṇim*, авест. *tušni-* тем более, что коррелятивное *ukta-* 'слово, речь' оставляет нам только эту возможность:

Остается весьма серьезная проблема отражения **mazd(h)ā* в виде -μασαδας, -μασαδης, т.е. передачи туземного *zd* через греч. σαδ. Казалось бы естественным ожидать передачи *zd* с помощью греч. ζ. Однако специальные исследования привели к заключению, что в ионическом и аттическом вариантах греческого языка ζ не произносилось как *zd*¹⁰. Правда, тот же исследователь отмечает произношение ζ = *zd* в лесбосском письменном варианте и – в традиции ученых грамматиков. Этой последней мы обязаны также случаями передачи др.-перс. *Artavazda* как 'Αρτάβαζος (Геродот) или *Auramazdā* как 'Αυρομάζης (Платон)¹¹. Как бы то ни было, идентификация -μασαδας = -*mazd(h)ā* продолжает оставаться спорной именно в этом пункте.

Принадлежность Октамасада к скифской царской фамилии и одновременно – нескифские, индоарийские корни его имени не должны удивлять. Как раз здесь, в западной, или, по Геродоту, "Старой" Скифии царствовал раньше род Анахарсиса, отмеченный выразительно неиранской антропонимией с индоарийскими связями: Гнур, Анахарсис, Иданфирс, Савлий, Кадундас¹². Интересующий нас эпизод разыгрался здесь же, в непосредственной близости от Ольвии (у Геродота – Βορυσθευειτέων ἄστυ, πόλις 'город борисфенитов'), этой античной Одессы, совратившей своим эллинским духом Скила, вследствие чего он погиб от руки брата – Октамасада.

Сюда же тянулся и след бога моря скифов царских – Тамимасада, так как морем для скифов был Понт Эвксинский, наиболее доступный для них в своей северо-западной части. При всей гипотетичности предложенной нами индоарийской этимологии имени этого бога, мы видим все-таки в ней способ объяснить все слово и его компоненты в контексте других близких имен, чего нельзя сказать об основанной на произвольном членении этимологии варианта Θαυμασαδας в связи с ир. (авест.) *Yima-* и персидским *Джамшидом*¹³.

***aulan-samsara- 'шерстяной, волосяной мыс'**

Так называемый "Равеннский Аноним" упоминает в своем списке прибрежных понтийских "городов" (*civitates*) некий *Aulansum* или *Anlansamsaram* других рукописей¹⁴. Новейший исследователь Т. Пекканен отмечает уникальность этого свидетельства, неизвестного из других источников¹⁵. Он склоняется к раздельному чтению и эмендации *Anlansum, Saram*¹⁶. Расходясь в этих деталях с нашим финским коллегой, мы предпочитаем слитную форму, фигурирующую в двух из трех списков "Анонима" и свою пробную эмендацию – *Aulansamsaram*, которая, как нам думается, помогает прояснить это темное и вместе интересное место, каких много в "Анониме", над галаксами которого еще следует потрудиться науке. Предпринимаемая нами эмендация в общем незначительна (колебания *uln* присутствуют в самих списках, как и слитно-раздельные варианты, существенно, пожалуй, только новшество -*sam-*, вместо -*sum-* в списках), а ее перспективность мы пытаемся показать в нижеследующей этимологии. Вообще списки городов этой анонимной раннесредневековой космографии

поражают нас обилием "городов" на небольших участках черноморского побережья, которых, если верить "Анониму", оказывается в этих местах больше, чем их имеется там в наш урбанистический век. Но даже если сделать скидку, допустив, что это были по большей части не "города", а скорее названия мест, ценность этих сведений почти не уменьшается. В списках "Анонима" наряду с уникалами мелькают, к счастью, и известные уже из других источников названия, что даст нам в руки географический ориентир и контекст. Так, в интересующем нас месте "Равеннского Анонима" (IV, 5) перечислены "города": *Stamuanum, Lamsacum, Ancarum, Aulansamsaram, Numuracum, Alecturum, Dandarium, Oluvium...* Очевидно наличие порчи также в других записях этого в принципе компилятивного текста; разгадав и исправив эти случаи порчи, мы безусловно смогли бы "привязать" к этногеографической карте Северного Причерноморья не одно название. Но есть и бесспорные или довольно ясные случаи, важные для абсолютной ориентации. В нашем отрезке списка это названия *Alecturum, Dandarium, Oluvium. Alecturum* тождественно античному $\phi\rho\upsilon\rho\iota\upsilon\upsilon$ 'Αλέκτορος 'укрепление Алектора' (Дион Хрисостом, около 100 г. н.э.¹⁷). Этот оратор описывает данное место как расположенное около впадения в море рек Гипаниса и Борисфена, т.е. на Днепро-Бугском лимане. *Dandarium* – это название длинной Тендровской косы южнее входа в Днепро-Бугский лиман, со стороны открытого моря; об индоарийской принадлежности этого названия мы уже писали¹⁸. "*Oluvium... is clearly a repetition of Olbiapolis*", – писал Т. Пекканен¹⁹. Действительно, выше у "Анонима" уже назван *Olbiapolis*, т.е. город Ольвия при впадении Гипаниса (Ю. Буга). Такое соседство надежно привязывает наше *Aulansamsaram* к Днепро-Бугскому лиману. Но к какому месту конкретно? Неясность, таким образом, остается, и "Аноним" скорее усугубляет ее, сообщая названия без особого порядка и точности. Чтобы помочь ее развязать, мы предлагаем прочтение нашего названия как субстратного индоарийского сложения **aulan-samsara-*, где первый компонент идентичен др.-инд. *aurṇa-* 'шерстяной', а второй компонент образуют соответствия др.-инд. префиксу *saṃ-* (*san*) 'с, вместе' и *sara-* 'текущий'. В форме **aulan(a)-* 'шерстяной', таким образом, сохранился этимологический и.-е. *l*, что отмечалось нами и в ряду других примеров индоарийского субстрата Северного Причерноморья²⁰. Мы отождествляем субстратное **aulan-samsara-* и прежде всего – его внутреннюю форму с внутренней формой названия Кинбурнской косы, или Кинбурнского полуострова, длинной и узкой полоской земли вдающегося в море при входе в Днепро-Бугский лиман. *Кинбурн* – это, собственно, тюрк. *kyl burni*, что значит 'волосяной мыс'. Это сочетание, по отзыву специалиста-тюрколога (устная консультация Э.Р. Тенишева) представляется искусственным для тюркских языков, и мы, видимо, вправе предположить для него внешний импульс – передачу (перевод, кальку) значения более древнего, субстратного названия, которое тюркские насельники любопытным образом успели тут застать и даже вступить с соответствующим дотюркским этносом Эдисана (тюркское, османское название этого района Северного Причерноморья) в переходящее двуязычие. Название **aulan-samsara-* 'волосяной

мыс', если верна предложенная этимология, могло бы пополнить наши знания реконструируемого индоарийского субстрата, обогатив их апеллативом **ulana-* 'шерсть', откуда прилагательное **aulana-* 'шерстяной', ср. др.-инд. *úṅā* 'шерсть' – *aurṅā-* 'шерстяной', но ир., авест. *varəṅā* 'шерсть'. Сюда же примыкает вскрытие еще одного примера глагольно-именной основы *sara-* 'текущий' с характерным иеиранским сохранением *s*, неоднократно встречаемой нами в субстратных названиях Северного Причерноморья: **pari-sara* 'обтекание', ср. *Palastra*, *Balisera*, старые названия Белосарайской косы на Азовском море (XV–XVII вв.) – др.-инд. *parisara-* 'округа, окружность', *parīsāra-* 'хождение вокруг', *Parīśara*, город в Индии (Ptol. VII, 2, 23)²¹; **api-sara-* 'приток', которое можно реконструировать на базе крымского речного названия *Писарá*, притока Качи²², ср. др.-инд. **api-sri-*; наконец, возможно, *Μισαρίς*, восточная оконечность Ахиллесова бега (ныне Тендра) (Ptol. III, V, 2), если из субстратного **mukh-sari-*, ср. соседствующее у Птолемея греч. *Κεφαλό-ιππος*, возможно, калькирующее субстратное название²³. Определенная встречаемость образований от глагольно-именного корня *sr-/sar-* в роли обозначений прибрежных и водных объектов в Северном Причерноморье и довольно вероятная индоарийская языковая характеристика этих обозначений создают этнолингвистический фон нашей этимологии вероятного древнего названия Кинбурнского "Волосяного" полуострова – **aulan-samsara-*.

ΜΑΤΑΣΥΣ. ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ

Этот этюд тоже посвящен западному району Северного Причерноморья, – точнее – округе Ольвии, культурно-лингвистические данные которой уже неоднократно привлекали наше внимание в связи с вскрываемым субстратом. На этот раз речь пойдет о любопытном культурном памятнике – молибдии (письмо на свинцовой пластинке), найденном на острове Березань в Днепро-Бугском лимане. Открыватель и исследователь письма Ю.Г. Виноградов характеризует находку как древнейшее греческое письмо, датируя его VI в. до н.э.²⁴ Документ замечателен не только своей древностью, но и поразительной сохранностью: "не пропало не только ни одной строчки, но даже ни одной буквы текста"²⁵. Эти формальные свойства немаловажны для нас и для нашей задачи: идентификации субстратных реликтов. Текст, который легко читается даже сейчас и в металле, и в прориси, гарантирует надежность определения и выделения слов и имен.

Однако 2500 лет, которые, видимо, отделяют время написания письма от нас, слитный характер письма (*scriptio continua*), ионический диалект и естественное наличие гапаксов в ономастике и апеллативной лексике делают понятным трудности, которые ждут каждого, кто возьмется прочитать это письмо. Письмо написано по-гречески, но в нем есть слова, которых нельзя найти в греческих словарях. В этих условиях, конечно, выводы исследователей могут разойтись, и любой из них испытает затруднения; не избежал этого и Ю.Г. Виноградов, несмотря на очевид-

ную тщательность и на помощь компетентных консультантов. Должен признаться, что я расхожусь с автором в некоторых существенных деталях чтения греческого текста на свинцовой пластинке с Березани, найденной в 1971 г. и описанной в цитированной статье. Опуская здесь по соображениям краткости и из опасений отвлекаться от темы "Indoarica" свое полное чтение березанского молибдия, как, впрочем, и чтения Ю.Г. Виноградова, упомяну лишь о своем несогласии с авторской трактовкой слова среднего рода τὸ φορτηγεῖσ(ι)ν как названия лица. Мне кажется, что этот гапак обозначает грузовое судно (φορτηγεῖσ(ι)ν, sc. l. πλοῖον), что как будто явствует и из состава слова (φορτ-ηγεῖσ(ι)ν) и из содержания письма. Не могу, далее, согласиться с манерой чтения Ю.Г. Виноградова, при которой несколько произвольно то исчезает совершенно четкое местное название с предлогом ΕΝ ΑΡΒΙΝΑΤΗ ΣΙΝ (ясно в прориси да и на фото с пластинки, с. 76 статьи и рис. 1 на вклейке) 'в Арбинатах'²⁶, заменяясь на крайне маловероятную конъектуру ἐν ἀρ(τ)ῖνα τῆσιν, не до конца ясную и самому автору; то явно апеллативное εἵνευρος (гапак, неизвестный ни из лексики, ни из ономастики, но в общем понятный как нарицательное слово) превращается автором в имя неясного персонажа Εἵνευρος, что дополнительно затемняет конец письма. Такая исследовательская методика привела к перегрузке содержания письма явно несуществовавшими лицами, а слишком узкий подход к местной специфике документа не позволил увидеть туземный топоним ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ только потому, что в греческом отсутствовало слово, начинающееся на ΑΡΒ. Если быть последовательным, то надо было тогда не признать и имя ΜΑΤΑΣΥΣ, поскольку оно не зафиксировано в справочниках. Личное имя собственное ΜΑΤΑΣΥΣ, читаемое и автором цитированного исследования, фигурирует в Березанском письме три раза, и его форма практически не вызывает споров, несмотря на описки резца по писчому материалу. Это негреческое туземное имя человека, обидевшего составителя письма. Суть содержания письма (если опустить здесь моменты чтения, в которых мы расходимся с Ю.Г. Виноградовым) – это просьба некоего Ахиллодора к своему сыну Протагору и некоему Анаксагору (именно таков адрес, надписанный на обратной стороне пластинки) вступить за него (Ахиллодора) перед неким Матасием, обидчиком и обманщиком; в конце письма отец передает Протагору, что его мать и братьев в Арбинатах он отправляет (велит отправляться) в город.

Перед нами неотправленное письмо, в этом можно согласиться с Ю.Г. Виноградовым. Прав автор и в том, что слова "в город" (ΕΣ ΤΗΝ ΠΟΛΙΝ) имели в виду Ольвию. Предприимчивый Матасий действовал, очевидно, тоже в Ольвии. Он не без успеха вел дела с местными греками, но сам греком не был. Не был он и иранским скифом (его имя не дает оснований считать его таковым), хотя время (VI в. до н.э.) было скифское. В этом случае, когда отказывают ресурсы греческого и иранского, мы предлагаем прочесть имя ΜΑΤΑΣΥΣ как индоарийское *mata-su- 'умысливший доброе', хотя этимология звучит здесь злой иронией после ознакомления с письмом о проделках Матасия. Те же (или близкие) компоненты засвидетельствованы в ином порядке в древнеиндийской и шире – индоарийской лексике и антропонимии, ср. др.-инд. su-matī- 'благо-

желательность'²⁷, в качестве личного собственного имени *Šaumati* (с продлением-врдхи в корне) у митаннийских индоарийцев в Передней Азии (Ср. Mayrhofer II, 564).

Ольвия была рано грецизирована, ее населяли греки по языку и культуре, они писали по-гречески и носили греческие имена. Рядом расстилалась Скифия, и ее взаимодействие с Ольвией (в том числе на языковом уровне) в общем известно. Но в самой Ольвии и окрестностях еще жил третий этнос и жил, как видим, активно, приспособившаяся к новым условиям существования. Кроме имен людей, туземные следы третьего этноса сохраняла и хора (окрестности) Ольвии. Сюда относится местное название ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ, где находилась семья (жена и дети) упомянутого Ахиллодора. Это название тоже не греческое и не иранское (скифское), но оно очень живо напоминает древнеиндийские сложения со вторым компонентом *-nātha-*, ср. *bhūta-nātha-* 'властелин духов', также имя бога Шивы *Bhūtanātha-*, ср. уже отмечавшееся тождество последнего с эпиграфическим именем Βουτουνάτος²⁸ на камне, найденном в Одессе, на Молдаванке. Текст последней надписи – посвящение от стратегов Ольвии – не оставляет сомнений в ее территориальной приуроченности. Имена ΒΟΥΤΟΥΝΑΤΟΣ (род.п.) и ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ объединяет как территориальная близость, так и, по-видимому, общая этнолингвистическая природа. Оба сложных имени имеют один и тот же второй компонент, тождественный др.-инд. *-nātha-* 'помощник, покровитель, господин'. Первый компонент в ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ мог бы быть отождествлен с др.-инд. *ārbha-* 'малый, маленький, молодой' или, скорее, с соответствующей формой на *-ī* женского рода, и хотя полное сложение др.-инд. **arbhi-nātha-*, что-то вроде 'покровитель малым', нам неизвестно, возможность существования такого индоарийского образования допустима. Что же касается греческой формы ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ Березанского письма, то это топонимический плюраль (от ΑΡΒΙΝΑΤΗΣ, ед. ч. м.р.). О дальнейшем – жилом или культовом – назначении места под этим названием близ города Ольвии можно пока только строить предположения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. статью: Выступление на заседании Круглого стола... С. 137.

² *Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland // Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, herausg. von H. Bräuer, Bd. I. Berlin; Wiesbaden, 1971. S. 116, 118, 120.*

³ Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272 и сл.

⁴ Фасмер осторожно ссылается для сравнения на имя "фракийца" Μηδοσάδης. Но именующийся так у Ксенофонта посланник фракийского владыки Севта вовсе не обязательно был сам фракийцем. Имя Μηδοσάδης не является специфически фракийским в языковом отношении, и специалисты обычно не включают его в фракийский ономастикон и лексикон. Вместе с другим структурно близким именем Παρισάδης, Πατρισάδης, Βηρισάδης оно откровенно тяготеет к индоиранской языковой области. С еще меньшим основанием предполагает Фасмер в 'Οκτασάδης наличие суперлатива **auktata-* 'высший', обходя при этом молчанием как остающийся компонент, так и необходимость объяснить при этом парное имя Θαμίσαδης (см.: *Vasmer M. Op. cit. S. 118*).

- ⁵ Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. 5. Auflage. Wiesbaden, 1976. S. 524; Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1978. С. 236.
- ⁶ Grassmann H. Op. cit. S. 1063; Кочергина В.А., Указ. соч. С. 521.
- ⁷ См. также: Барроу Т. Санскрит. М., 1976. С. 35, 90.
- ⁸ Кочергина В.А., Указ. соч. С. 111; Grassmann H. Op. cit. S. 1194.
- ⁹ Этимологии из ир. *uxta-* + *mazda-* 'прославленный властелин' (Мюлленхоф) и из ир. *uxta-* + *mazda-* (Миллер), см. отрицательно: Vasmer M. Op. cit.
- ¹⁰ Teodorsson S.-T. On the pronunciation of Ancient Greek zeta // *Lingua* 47. 1979. P. 328.
- ¹¹ Там же. P. 330, 331.
- ¹² См. статьи: "Старая Скифия" (Ἀρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. С. 110; Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция. С. 172; Indoarica в Скифии. С. 181.
- ¹³ Д.С. Раевский в кн.: Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 181.
- ¹⁴ Revennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ed. M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860. P. 177 (IV, 5).
- ¹⁵ Pekkanen T. The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas // *Arctos. Acta Philologica Fennica* XIII, 1979. P. 117.
- ¹⁶ См. еще: Latin sources on North-Eastern Eurasia, by P. Aalto and T. Pekkanen. P. I. Wiesbaden, 1975. P. 39, 46.
- ¹⁷ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 172. О дальнейших (индоарийских) истоках названия 'Алэктур – *Alecturum* – Алтырь см.: Трубачев О.В. Из балто-славянских этимологий // *Этимология*. 1978. М., 1980. С. 15 и сл.
- ¹⁸ См. статью: О синдах и их языке. С. 41.
- ¹⁹ Pekkanen T. The Pontic civitates ... P. 117.
- ²⁰ См. статью: Indoarica в Северном Причерноморье... С. 159.
- ²¹ См. статью: О синдах и их языке. С. 35.
- ²² Словник гідронімів України / Ред. К.К. Цілуйко. Київ, 1979. С. 425.
- ²³ См. статью: Indoarica в Северном Причерноморье. С. 149.
- ²⁴ Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // *ВДИ* 1971. № 4. С. 74 и сл., 76–77.
- ²⁵ Там же. С. 75.
- ²⁶ Так, между прочим, читают это несомненное место и другие исследователи, см.: Брашинский И.Б. Рец. на кн.: Wąsowicz A. Olbia et son territoire. Paris, 1975 // *Советская археология*. 1977. № 3. С. 304; см. так же: Отрешико В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // *Советская археология*. 1981. № 1. С. 40.
- ²⁷ Ср.: Wackernagel J. *Altindische Grammatik*. Bd. II, 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 2. Auflage. Göttingen, 1957. S. 231.
- ²⁸ См. статью: "Старая Скифия" (Ἀρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. С. 114.

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ*

**kank-uta-* 'a gruibus fugatos/pulsos'

В ольвийском декрете в честь Протогена (III–II вв. до н.э.) в поле зрения истории попадает в первый (и единственный) раз название местности *Канкит*: εἰς Κάγκιτον 'в Канкит', вин.ед. (им.: *Κάγκιτος? *Κάγκιτον?). Комментаторы локализовали Канкит на левом берегу Ю. Буга или – что, как увидим далее, гораздо более приемлемо, – в районе нижнеднепровских плавней и течения реки Конки, вплоть до интуитивного этимологического отождествления названия последней и Канкита¹. На этом наука, казалось, поставила точку – временно, а быть может, и навсегда, ввиду отсутствия новых фактов. Однако такие факты существовали, оставаясь до времени в стороне от поисков, и с их вводом кажется возможным продолжить историю Канкита в обоих направлениях – в древность и в современность.

Во времена Протогена городу Ольвии грозили различные внешние враги и вообще – сильные соседи; одним из них (как рассказывает названный декрет) был царь племени саев Сайтафарн, который явился в упомянутый Канкит с требованием "даров за проход". Ниже в благодарственном декрете Протогену говорится, что Сайтафарн пришел с очередным требованием "на другую сторону (реки)" – εἰς τὸ πέραν. Мы склонны вместе со старыми исследователями считать, что Канкит и то место "за рекой" означают одно и то же². На этом информативность данного документа почти кончается, и лишь несколько столетий спустя всплывают родственные сведения, обрывочные и затемненные со стороны формы, но весьма познавательные со стороны контекста употребления и открывающие пути к пониманию апеллативного значения интересующего нас слова. Необходимость увязки форм, отстоящих друг от друга на века, в целях получения более надежного представления имеет для нас методологический интерес. Речь идет о свидетельстве Плиния и даже в первую очередь – послеплинийевского комментатора и компилятора Солина: *in parte, quam Aroteres Scythae tenuerunt, celebrant quondam urbem Geraniam (Cacython* vocant barbari), unde a gruibus Pygmaeos ferunt pulsos.* – *вар.: *Cathyzon, Cathizon*³. "В части, которой владели скифы-пахари, упоминают иногда город Геранию (варвары называют (его) Какитон), откуда, рассказывают, пигмеи были изгнаны журавлями". Сразу оговорим свою эмендацию текста Солина, поскольку мы ввели в основной текст форму названия *Cacython*, представляющуюся нам наиболее авторитетной (почему – должно стать ясным из наших рассуждений), а не *Cathizon*, как у издателя Т. Моммзена, дающего формы *Cathyzon, Cacython* как варианты

* Впервые опубликовано: Античная балканистика. М., 1987, с. 119–124.

рукописей. Значение свидетельства Солина делается особенно очевидным, когда мы обратимся к соответствующему месту Плиния: *totum eum tractum Scythae Arotetes cognominati tenuere, eorum oppida Aphrodisias, Libistos, Zygere, Rhocobae, Eumenia, Parthenopolis, Gerania, ubi Pygmaeorum gens fuisse proditur; Catizos barbari vocabant, creduntque a gruibus fugatos*⁴. "Всю эту полосу имели в своем владении так называемые скифы-пахари. Их поселения: Афродисий, Либист, Зигере, Рокобы, Евмения, Парфенополь, Герания, где, как говорят, было племя пигмеев; варвары называли (Геранию) Катиз(ы) и полагают, что (пигмеи) были изгнаны журавлями". Оказывается, что предшествующий Солину Плиний располагал более испорченными формами нашего названия, во всяком случае в известных ныне рукописях Плиния, кроме упомянутого *Catizos*, имеются только варианты *Gat-*, *Gatt-*, *Caticos*, *Cattuzos*. Последняя форма обрела определенную популярность, но она вторична, как вторично и ее отнесение к Фракии в античной традиции, ср. например в географическом словаре Стефана Византийского: *Κάττουζα, πόλις Θράκης, ἐν ἣ καττόκουσ οἱ Πυγμαῖοι*⁵ 'Каттуза, город Фракии, в котором жили пигмеи'.

Здесь нам придется очень кратко остановиться на мифе о битве журавлей с пигмеями или карликами, который нас интересует лишь постольку, поскольку он оказывается приуроченным к обследуемому нами району и названию, а подробнее традиция о журавлях и пигмеях исследована другими, на труды которых мы опираемся (естественно, с необходимыми, как нам кажется, поправками). Специально занимался этим сюжетом Дж. Греппин, который отметил наличие повествования о битве журавлей с народом маленького роста в пяти индоевропейских литературах – греческой, латинской, санскритской, среднеперсидской и древнеармянской⁶. Правда, самостоятельность всех этих различных упоминаний маловероятна. Первым упоминанием Греппин считает рассказ о журавлях, враждебных пигмеям, в "Илиаде" (3.6). Латинские авторы, по Греппину, пересказывают Гомера, что, по-видимому, справедливо относительно Ювенала, называющего журавля "фракийской птицей", и значительно менее справедливо о Солине (Греппин разбирает уже известный нам отрывок с уникальными подробностями, но они не привлекли его внимания). Древнеармянская традиция (Моисей Хоренский) помещала пигмеев в Индии (обнаруживая возможную зависимость от индийской традиции). Среднеперсидская версия, по мнению Греппина, близка к гомеровской, греческой. Наконец, в индийской версии варваров-неарийцев поражает птица Гаруда. Греппин считает, что др.-инд. *garuḍa-* связано "прозрачным" родством с греч. *γέρανος* и прочими названиями журавля от и.-е. **ger-*, однако его этимология оставляет без объяснения компонент *-uḍa-* в индийском слове (суффикс?), а вражда птицы Гаруды и змей, правильно выделяемая также этим автором, подсказывает возможность выводить др.-инд. *gar-* < и.-е. **g^her-* 'пожирать', отдавая тем самым его от и.-е. **ger-* в названиях журавля (возможное звукоподражание). Вообще, строго говоря, ни иранские, ни индийские (индоарийские) соответствия и.-е. **ger(a)nos* 'журавль' неизвестны; не исключено, что их не было совсем. Ниже коснемся вопроса особого индоарийского названия, как и проблемы

отражения и.-е. *ger(a)nos в Северном Причерноморье. Наша интерпретация *Gar-udd-* как сложения 'пожиратель водяного (зверя)' и попытка увязать это название с названием грифа, полузверя-полуптицы, миф о котором приурочен с древности к Северному Причерноморью, была уже опубликована ранее⁷. К сожалению, Греплин в своей интересной статье совсем не ставит вопроса о первоначальной локализации сюжета о журавлях и пигмеях (иначе – змеях, иноплемениках), тогда как реконструкция здесь сулит определенные перспективы и в целом возможна. Он отмечает, правда, стремление помещать карликов, враждебных журавлям, на краю света, но важнее отметить другое: в Индию этот сюжет индоарии принесли с собой из прежних мест обитания. Здесь самый подходящий момент вернуться к реликтам ономастики Северного Причерноморья.

Только в Северном Причерноморье, в земле скифов-пахарей нам известен, помимо легенды, еще и город под названием *urbis, oppidum Gerania*. Зависимость латинских авторов и прежде всего – Плиния – от греческих источников, подчас до нас не дошедших, не нужно доказывать. Это видно и из записи соответствующей ономастики, которая представляет собой латинскую транслитерацию греческих форм, как например *Gerania*, передача греч. (ἡ) Γερανίη (πόλις) прилаг. 'Журавлиный (город)'. Таким же путем – латинскими буквами с греческих оригиналов – транслитерировались и названия, которые греческими уже не являлись, но восходили, по-видимому, к иноязычным, туземным формам. Нас здесь интересует *Cacython* у Юлия Солина (см. выше), реальность которого подтверждает практически тождественная и более исправная запись *Kákytton* в более древнем греческом тексте декрета в честь Протогена. И *Cacython*, и *Kákytton* территориально принадлежат к причерноморской земле скифов-пахарей, и мы вправе считать реальным допущение, что они не только представляют собой этимологически одно и то же название, но и обозначали одно и то же место на земле. Внимательное чтение текста убеждает, что слово *Cacython* употреблено не произвольно, но в смысловом ряду, который был еще понятен во времена греческих источников и информаторов Плиния (Солина) и даже сейчас доступен для прочтения. Ряд этот начинается греческим названием города *Gerania*, за которым следует его туземный эквивалент *Cacython* (*C. vocant barbari. Jul. Sol.*). То, что следует за этим (*unde a gruibus Pygmaeos ferunt pulsos. Jul. Sol.; creduntque a gruibus fugatos. Plin.*), является не одним только упоминанием мифа, констатацией чего довольствовались прежние исследователи, но содержит семантическую кальку, криптоглоссу предшествующего туземного названия.

Этот случай (кстати, по нашим разысканиям, далеко не единственный случай скрытых глосс туземной северопонтийской ономастики у Плиния) интересен тем, что при этом этимологическим путем вскрывается большая семантическая содержательность туземного слова *Cacython*, чем его греческой передачи в *Gerania*. В связи со сказанным мы понимаем *Cacython* (*Kákytton*) как **kank-uta-*, сложение слов, этимологически тождественных др.-инд. *kanká-* м.р. 'цапля'⁸, и др.-инд. *ūta-*, прич. прош. страд. от *av-, ávati* 'гнать'⁹. Др.-инд. название цапли не имеет иранских

соответствий, так как близкое белудж. *kang* 'цапля, журавль', по-видимому, заимствовано из сопредельных новых индоарийских языков. Объясняют как "чистую оноματοпею, звукоподражание", как и близкое дравидское название цапли и журавля, не допуская для последнего (ввиду продуктивности) мысли о заимствовании из древнеиндийского¹⁰. Возможна, конечно, и другая этимология древнеиндийского слова – из экспрессивного и.-е. **ka(n)k-/*ka(n)k-* 'скакать', ср. и др.-инд. *kañk-* 'ходить, идти', принимая во внимание длинноноготь этих птиц и даже своеобразные пляски (особенно журавлей). Думается, что наша этимология топонима Кáукyтoв (а также – в связи с ним – гидронима *Конка*) в Нижнем Поднепровье небезразлична для суждений о дравидских названиях, поскольку теперь очевиднее, что индоарийцы пришли в Индию, уже имея слово *kañka-*. Названия цапли в разных языках происходят либо от обозначения ее резкого крика, как обычно объясняют нем. *Reiher* (и родственные), либо от особой манеры передвигаться на высоких ногах, как слав. **čarja – *čarati*. Вообще экспрессивность и более поздний, местный характер названий цапли в индоевропейских языках, при отсутствии сколько-нибудь общего ее названия, обращает на себя внимание, в отличие от названий журавля. Последние отличаются большей древностью, в качестве индоевропейских (диалектных) названий журавля можно указать **ger(a)nos, *gornjos, *gerōnos, *gerūs* (с вариантами). Для нас здесь важно отметить, что в ряде языков названия для журавля и цапли совпадали, смешивались и что древние индоевропейцы, скорее всего, строго не различали этих птиц. На этом основании мы толкуем реконструированное выше субстратное севернопричерноморское выражение **kank-uta-* как 'изгнанные журавлями', опираясь на глоссирующие контексты *a gruibus pulsos; a gruibus fugatos* (выше). К преимущественно индоарийской (а не вообще индоиранской или, скажем, только иранской) характеристике имени **kanka-* примыкает и соответствующая особенность употребления глагольной формы **uta-*, прич. прош. страд. от глагола *av-* только в значении 'гнать', а, скажем, не в тех значениях, для которых прослеживаются иранские (авест.) соответствия ('способствовать, благоприятствовать')¹¹.

Таким образом, наша гипотеза об индоарийском происхождении топонима Кáукyтoв/*Casython* представляется довольно обоснованной лингвистически, географически и исторически. К лингвистической характеристике можно добавить, что топоним, как это бывает, восходит, видимо, к этническому обозначению, прозвищу, т.е. форме, потенциально плюральной типа **kank-utā-* 'изгнанные журавлями', что лучше соответствует и семантике слова, и семантике мифа. Географически местность **kank-uta-* располагалась, по-видимому, за Днепром, в левобережной части Нижнего Поднепровья. Главный днепровский приток этой плавневой зоны – река Конка, название которой мы отождествляем с местным индоарийским названием птицы **kanka-* и др.-инд. *kañka-* 'цапля' (выше). И это не должно удивлять, потому что с древних времен эти места известны как страна журавлей и цапель. Так, в схолиях к победным одам Пиндара упоминается "так называемый Белый берег на Евксинском Понте (NB:

др.-русск. *Бѣлобережье* в устье Днепра! – О.Т.), на котором множество цапель (πελειῶται ἐριδιῶσι), виднеясь оттуда, указывает его мореплавателям¹². Аристотель знал о том, что журавли "из скифских равнин" улетают на зиму в болота выше Египта¹³. Плавневый характер Нижнего Поднепровья наложил отпечаток на местную номенклатуру так же, как и давно интересующая нас индоарийская принадлежность этноса так называемой Старой Скифии, иногда совмещааясь в одном слове, ср. реконструируемое нами также и для этих мест название *dand-aria- 'камышовые арии' и его след в названии Тендры у Днепро-Бугского лимана.

Загадочный *Канкит*, уцелевший почти чудом в одной-двух записях, успел нам рассказать, как видим, довольно много, и будущее еще покажет, в какую этноисторическую связь должны мы поставить его свидетельства, столь созвучные другим отголоскам этнического раздела, доходящим до нас из этих мест в древности. В отличие от забытого *Канкита*, этимологически родственное ему название реки *Конка* (иные объяснения этого гидронима, например из тюркского, менее вероятны) сохранилось по сей день почти невредимым, как это случается в пограничных этнолингвистических зонах. Со стороны внутренней формы дух преемственности названия живет и в таком, например, названии здешнего населенного пункта, как *Чаплинка*, в нынешней Херсонской области, между Нижним Днепром и Каркинитским заливом, к северо-востоку от Каланчака.

Но эпизод с Канкитом и его индоарийской этимологией на этом не кончается, поскольку нельзя не сказать еще об одной перспективе, которую открывает его этимология, предложенная нами выше. Реконструкция индоарийских названий *kanka- 'журавль, цапля' и *kank-ia- 'изгнанные журавлями', как кажется, неожиданно проясняет принадлежность и происхождение геродотовского Γέρρος, Γέρροι, названия района по реке Конка, не выше днепровских порогов и, возможно, одного из названий самой реки *Конка*. Попытка М. Фасмера в свое время увязать Γέρρος и иран. *garah*- 'жерло' любопытным образом не учитывает ярко иранского (и вообще неиндоиранского) фонетического облика геродотовского названия, что вряд ли объяснимо, скажем, грецизацией скифской формы. Очевидное сохранение индоевропейского *e* и отсутствие переходного смягчения задненебного в позиции перед передним гласным уже априори сигнализируют, что мы имеем дело тут с иранским названием, как бы вопиюще это ни противоречило скифскому обычаю хоронить своих царей именно в Геррах. Настойчивость журавлиной темы (выше) подсказывает конкретное решение, а именно: Γέρρος – это первоначально киммерийское *gerr- 'журавль' < и.-е. **ger(a)no-*, с чертами эволюции языка фракийского типа (античная традиция фракийской принадлежности киммерийцев еще никем не опровергнута!) с сохранением и.-е. *e* и албанским переходом *rn* > *rr* (эту геминацию иранская этимология тоже не объясняет). Для тех, кто почему-либо не считает с реальностью "палеобалканской топонимии к востоку от Карпат", потребуются специально напомнить о стойкой античной традиции двух очагов пребывания киммерийцев, т.е. помимо Боспора, еще в Северо-Западном Причерно-

морье. Сосуществование *gerr-, *kanka-, *kank-uta- на небольшой территории приобретает в наших глазах смысл киммерийско-индоарийской встречи, что само по себе заслуживало бы внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Болтенко М.Ф. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена // СА. 1958. XXVIII. С.107 и сл.
- ² IOSPE. V. I. P. 41.
- ³ C. Julii Solini Collectanea rerum memorabilium. Rec. Th. Mommsen. Berolini, 1864. P. 76-77. Цитату предоставила в мое распоряжение И.В. Шталь, за что выражаю ей благодарность.
- ⁴ C. Plini Secundi Naturalis historia IV.44: Ed. C. Mayhoff. Stutgardiae. MCMLXVII.
- ⁵ Stephani Byzantii Ἐθνικῶν quae supersunt. Ed. A. Westermann. Lipsiae, 1839. s.v. — Этой ссылкой я также обязан И.В. Шталь.
- ⁶ Greppin J.A.C. Skt. Garuda, Gk. γέρανος: the battle of the cranes // The Journal of Indo-European Studies. 1976. 4. N 3. P. 233 sq.
- ⁷ См. статью: Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция. С. 175.
- ⁸ Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Teil II. S.Pb. 1879. S. 3; Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1964. P. 242.
- ⁹ Böhtlingk O. Op. cit., Teil I. S. 119-120; Monier-Williams M. Op. cit. P. 96.
- ¹⁰ Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Heidelberg, 1956. Bd. I. S. 137.
- ¹¹ Ср.: Ibid. S. 57.
- ¹² Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 332.
- ¹³ Там же. С. 377.

**GERMANICA И PSEUDOGERMANICA В ДРЕВНЕЙ
ОНОМАСТИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ.
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ***

1. Бастарны, происхождение этнонима

Кто такие были бастарны по языку (германцы? кельты? смешанный этнос?), доподлинно неизвестно. Характерно, что места их обитания простирались вдоль Карпат в современную Молдавию и Поднестровье, вплоть до северо-западных берегов Черного моря¹.

Столь же спорно происхождение имени бастарнов, однако методологически важно считать, что и конструктивное решение этимологии данного этнонима еще не означает прямого ответа на первый вопрос: кто были бастарны? Вполне возможно аллоэтническое, иноязычное происхождение этнонима (примеры известны из истории разных языков и народов).

Соседство бастарнов и достоверных иранцев – сарматов, по свидетельствам древних авторов, в наших глазах подтверждает этимологию этнонима бастарнов, выдвинутую нами уже довольно давно и основанную на стойкой античной традиции о "детях рабов", приурочиваемой к "Синдской Скифии" – земледельческому району низовьев Днепра и соседних мест. Так, опираясь на сведения о *Scythae degeneres et a servis orti* 'низкороджденные "скифы", дети рабов' (Плиний), далее – *Sindi ignobiles* 'низкороджденные синды' (Аммиан Марцеллин) и послегеродотовские, но коренящиеся в известной еще из Геродота легенде Δουλόσπόροι 'дети рабов', мы предположили, что запечатлевшаяся в этом способе номинации иранская (скифо-сарматская) гегемония распространилась (по крайней мере, отчасти) и на соседних с запада бастарнов, породив их обозначение – иранское **bast-arna-* 'потомки рабов', эквивалентное греч. δουλό-σπόροι, которое, видимо, отражает тот же иранский прототип, ср. сюда др.-перс., авест. *basta-* 'связанный' и иран. **arna-*, родственное греч. ἔρνος 'отпрыск'². Славяне этой традицией о δουλόσπόροι никак не были затронуты, в чем я полемизировал с финским автором Т. Пекканеном³. Считаю полезным отметить, что впоследствии Т. Пекканен (в письме) горячо одобрил эту новую этимологию: "I think your suggestion to explain *Bastarnae* from Old Iranian *basta-* and **arna-* is excellent. In my *Ethnic Origin* (150–155) I accepted Much's etymology 'the Offspring of unlawful intercourse, the Bastards', but Avestan *basta* instead of Old French *bast* certainly gives a more satisfactory result. Accepting your interpretation of *Bastarnae* as 'the Offspring of Slaves' (*basta* = 'bound, slave') the semantic connection with *doulosporoi* is striking".

Остается поставить точку еще в одном важном вопросе. Западноевропейское название убудюдка, внебрачного ребенка – нем. *Bastard*,

* Впервые опубликовано: *Этимология*. 1986–1987. М., 1989. с. 50–55.

франц. *bâtard* – действительно связано этимологически с именем бастарнов, но не в том распространенном понимании (Мух, Ключе), что бастарны были бастарды, потому что их мужчины вступали в смешанные связи с чужеземками, а в том смысле, что западноевропейский термин *бастард* ‘незаконнорожденный’, происходящий от этнонима бастарнов, донес до нашего времени семантическую, внутреннюю форму последнего – ‘рожденный от раба’, т.е. ‘низкий’ ‘незаконный’ (ср. выше). Следовательно, имя бастарнов не было по происхождению германским.

2. Винитарий, король готов

Готский король Винитарий разбил в Северном Причерноморье антов. Мы считаем удачной догадку, что имя *Vinitharius*, сообщаемое нам Иорданом (Iord., Get. XIV, 79), – это, скорее, не имя, а прозвище, эпитет⁴. Упомянутый автор раскрывает значение *Vinitharius* – ‘победитель венетов’. Действительно, готское *Vinitharius* – сложное слово из двух корней, в первой части имя венетов, с правильным отражением догерманского *uenétes как герм., гот. **winip-*, но толкование второго компонента я предложил бы исправить, вместо ‘победитель’, поставив в связь с достоверно готским *arjan* ‘пахать’. Этимологически последний (индоевропейский) глагол означал ‘вспарывать’, поэтому правдоподобно предположение, что *Vinith-arius* – это устрашающее, героизирующее прозвище ‘потрошитель венетов’ (или ‘пашущий венетами’? – Возможно и такое, ср. наше летописное: Романе, Романе, худым живеши, литвою ореши – о князе, победившем Литву). Винитарий имел дело в IV в. не с венетами, а антами. Венеты/венеды (в применении к славянам) сидели на западе и общались с готами главным образом в эпоху обитания их в низовьях Вислы, после чего к IV в., описываемому Иорданом, готы (и их короли во всяком случае) насчитывали уже ряд поколений. Представляет интерес поэтому традиция связи с венетами (венедами), паспортизируемая этим готским именем из Северного Причерноморья.

3. *Oium* (Iord. Get. 26–27) = *Eon* ‘Синдский остров’ (Plin. NH VI, 18)

По вопросу о локализации и идентификации этого спорного и, думаю, не готского топонима у Иордана считаю полезным воспроизвести здесь свое уточнение, предпринятое ранее⁵. “Иордан так называет землю близ **Меотиды**, т.е. Синдский остров, куда переправились готы *emenso ante transposita* ‘перейдя огромную реку’, т.е., конечно, Керченский пролив, который достоверно форсировали готы-эвдусиане в III в. н.э., а не Днепр, как считается в литературе, где *Oium* толкуют как гот. *Aujōt* ‘страна, изобилующая водой’. Так см. Е.Ч. Скржинская в комментариях к изд.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 196”. Тем более у нас нет данных следовать идентификациям земли *Oium* с устьями Дуная. Идентифицируя *Oium* с плиниевским *Eon*, мы тем самым снимаем вопрос о германском (готском) происхождении этого местного, доготского названия.

4. Имена Крымской Готии

Остатки крымскоготского языка крайне скудны, и вероятность их дальнейшего раскрытия невелика⁶. Географическая номенклатура Крыма готских (германских) следов практически не сохранила. И все же отказываться от дальнейшего продолжения поисков не следует.

Так, обращает на себя внимание одно название, зафиксированное Шильтбергером, немецким автором XV в., т.е. еще раньше того, как фламандец Бюсбек (XVI в.) застал на месте остатки готской (германской) речи. Я имею в виду *Suti*, название плодородной области, принадлежащей к городу Кырк-Йеру, причем специально отмечается, что турки называют эту область *Than (That)*⁷. Такая точная информация позволяет решительно отвести сближения с Сугдеей и ее названиями как ложные и продолжать искать иных связей. Такие связи или их возможности подсказывают сведения из "Саги об Инглигах" исландца Снорри Стурлусона (XII–XIII вв.), где говорится о том, что к северу от Черного моря простирается страна Свитьод Великая⁸. В "Примечаниях" С.Д. Ковалевского (с. 258) говорится, что *Свитьод (Svipjöd, букв. 'народ свеев') – "древнее название средней Швеции, Свеаланда",* однако никак не объясняется особое словоупотребление Свитьод Великая, видимо, (само-)название старой области готской причерноморской экспансии (наука уже накопила ряд типологических аналогий об обозначении областей вторичной колонизации таким способом – *Magna Graecia* – об Италии, *Великороссия, Wielkopolska* и др.). Любопытный остаток готского **Swiþiud-*, собственно 'свой народ' (этноним свеев, шведов, кстати, этимологически прост – 'свой'), связанный, можно думать, именно с готами в Причерноморье, мы видим в реликтовом *Suti* (Шильтбергер, XV в.), название области, частично совпадающей с исторической областью так называемой Крымской Готии. Попутно отметим неправильность старого отождествления (эмендации) древнеисландского *Svithiodh* как *Skythiodh*, т.е. 'Скифия'⁹.

В мангупской греческой надписи, датируемой второй половиной XIV в., упомянут "почтеннейший сотник $\chi\upsilon\tau\acute{\alpha}\nu\eta$ "¹⁰. Это личное имя собственное допускает интерпретацию как германское (готское) **hwítan-*, субстантивированное прилагательное в роли прозвища 'Белый', ср. гот. *hīts* 'белый', нем. *weiß*, герм. **hwíta-*.

Впрочем, рассчитывать в будущем на обнаружение не только скопленных, но даже отдельных ярких германских элементов в пределах Крымской Готии трудно, как то показывает неудача с попыткой германской этимологии названия *Алушта*, предложенной в последнее время западногерманским исследователем Г. Нойманом (в соавторстве с К. Дювелем)¹¹.

Считая справедливо германские этимологии древних крымских топонимов *Дѳрос, Дѳрос, Дѳрас, Фунна* (Томашек) сомнительными, Нойман настроен более оптимистично в случае с названием города (и протекающей там речки) *Алушта*. В качестве исходной он постулирует форму *Alust* на основании упоминания этого места у Прокопия (*De aedificiis III,*

7, 11): τὸ Ἀλούστον καλούμενον, хотя запись 1384 г. ἡ Ἀλούστα определено указывает на *-a-* основу женского рода, наряду с записями вроде *Lusta* в гетуэзских документах XIV в. и современной грамматической формой *Алушта*. Далее, Нойман прямо связывает постулируемое им "крымскоготское" *Alust* с голландскими топонимами *Elst, Elste, Eliste, Aalst, Alost, Alost*. Что касается голландских названий, то, возможно, исследователь прав, производя их из герм. **alista-/alusta-* 'ольховый, ольховая'¹².

Однако в своей этимологизации Алушты Нойман случайно не учел старые формы этого названия – *Salusta* у Идриси, 1153 г., и *Schalusta* у так называемого Географа Нубийского¹³. У нас нет ни малейшего права считать, скажем, *s-* начальное здесь вторичным наращением, справедливо, скорее, думать, что это *s-* исчезло в тех формах, которые его не обнаруживают, и это было бы вполне реальной возможностью в ряду различных других случаев такого рода, начиная с известнейшей пары дублетных названий *Синд* – *Индия*. Подобная утеря начального *s-* через промежуточную стадию его спирантизации (*s- > h- > Ø*) была реальна и для древнего Крыма в условиях древней довольно глубокой его сарматизации и аланизации. Следовательно, в отличие от Ноймана, у нас есть основания считать формой, этимологически наиболее авторитетной, древнее *Salusta*, откуда полнее объясняются все известные исторические варианты, а не их часть, для чего, правда, потребуется другая этимология. Прежде чем обратиться к ней, укажем, что Нойман объясняет имя *Алушта*, изолируя его от других возможно близких крымских названий, оставшихся ему, видимо, неизвестными. Я имею в виду *Пароста* (Птолемей), *Parosta* (Плиний) и *Рукуста*, которые роднит с *Salusta / Алушта* очевидно тождественный исход, древняя, в том числе грамматическая, форма которого не совпадает с постулируемым *Alust* у Ноймана. Не вдаваясь здесь в подробности этимологий *Parosta* и *Рукуста*, отметим, что их исход, или, точнее, второй компонент этих сложений, идентифицируется нами как индоарийское продолжение и.-е. **ō(u)stā* 'уста, рот, устье', ср. др.-инд. *ōṣṭha* 'губы, уста'. В соответствии с этим и *Алушта*, древнее *Salusta*, было этимологизировано нами как сложение со вторым компонентом *-usta/osta* той же этнолингвистической природы, что и *Parosta, Рукуста*, и с реконструируемым значением 'устье гор **salā*', причем под последним гипотетически предполагалось древнее местное (индоарийское, таврское) название Крымских гор, буквально 'сток, склон'¹⁴. Ср. др.-инд. *sal-* как вариант *sar-* 'двигаться, течь'. Этот гидрографический и топонимический корень *sal-* с его характерным сохранением и.-е. *s* как индоарийской особенностью (в отличие от ир. *h < s*), в свою очередь, отмечается нами, помимо реконструируемого тавр. **salā* = *τὰ κλίματα* 'склоны' (Конст. Багр. De adm. imp. 37.107 – о Готии), в сущности 'Крымские горы', прослеживается нами в составе крымского гидронима *Салгир* и некоторых других древних таврических названиях, в том числе плиниевское *Acisalitae*, название города в Тавриде, о котором мы еще предполагаем написать специально. Тем самым оба компонента

сложного имени *sal-ōsta, можно сказать, укоренены в крымской земле, в ее топонимическом ландшафте и сочетались по местной древней топонимической модели, так что заносное – германское, готское – толкование в данном случае выглядит искусственно. Чтобы знать, насколько с реальной стороны оправдано и мотивировано название Алушты "устьем Крымских гор", достаточно напомнить, что Алуштинская долина, иначе – "Алуштинский провал", – это с древнейших времен главный путь через горы, их наиболее удобный Ангарский перевал.

Моя этимология *Алушта* < индоар. (тавр.) *sal-ōsta 'устье гор *salā' (в указанной выше статье 1977 г.) осталась неизвестной Нойману ("Etymologievorschlage zu diesem ON haben wir nicht gefunden")¹⁵, как, впрочем, и другая, более старая этимология: "греч. 'неумытая'"¹⁶. Разумеется, эта последняя, откровенно наивная этимология целиком принадлежит истории, однако знать эту историю, ее литературу и источники необходимо каждому, кто отправляется в этимологическое прошлое Тавриды, а тем более – выдвигает там собственные этимологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. сводку данных: *Zawadzki T. Bastarnowie // Słownik starożytności słowiańskich / Pod. red. W. Kowalenki (et. al.) Wrocław etc. 1961. 1. С. 90–93; Latin sources in North-Eastern Eurasia / By P. Aalto and T. Pekkanen. Wiesbaden, 1975. P. 1. S. 102–107; Bastarna. Bastarnae, Baster-; Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен / Под ред. Б.А. Рыбакова, Э.А. Сымоновича. Л., 1982. С. 19.*

² См. статью "Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье".

³ См.: *Pekkanen T. The ethnic origin of the ΔΟΥΛΟΣΠΟΡΟΙ. Helsinki, 1968 (= Arctos. Acta philologica Fennica. Supplementum I). P. 123.*

⁴ См. так: *Labuda G. Udział Wenetów w etnogenezie Słowian // Etnogeneza i topogeneza Słowian. W-wa; Poznań, 1980. С. 33.*

⁵ См. статью "О синдах и их языке", примеч. 104.

⁶ Ср. в недавнее время: *Tischler J. Neu- und wiederentdeckte Zeugnisse des Krimgotischen. Innsbruck, 1978.*

⁷ Цит. по: *Келлен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 310, примеч. 449.*

⁸ Сюрри Стурлусон. Сага об Инглигах / Пер. с др.-исл. и примеч. С.Д. Ковалевского // *Средние века. Сборник. Вып. 36. М., 1973. С. 238–239.*

⁹ *Шафарик П.И. Славянские древности / Пер. с чеш. О. Бодянского. Часть историческая. М., 1848. Т. II. кн. 1, С. 147.*

¹⁰ *Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа. Л., 1933 (ИГАИМК, вып. 71). С. 9.*

¹¹ *Neumann G., Düwel K. Alust – ein krimgotischer Ortsname? // KZ 98,2. 1985. S. 280 и сл.*

¹² *Neumann G., Düwel K. Op. cit. S. 281–282.*

¹³ Формы приводим – с сохранением написания – по: *Келлен П. Крымский сборник. С. 104, 183–184.*

¹⁴ См. статью "Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье".

¹⁵ *Neumann G., Düwel K. Op. cit., 281.*

¹⁶ *Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. II. Симферополь, 1928. С. 20; см. еще: *Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Зап. имп. Одесского об-ва истории и древностей, XXXII. С. 242–243; то же см.: Изв. Таврической ученой архивной комиссии, № 57. Симферополь, 1920. С. 1 и сл.**

ЕЩЕ РАЗ О НАЗВАНИИ КАВКАЗ

Моя этимология названия *Кавказ*, которую я доложил на III всесоюзной конференции по ономастике Кавказа (Телави, май 1983 г.), за истекшее время была уже опубликована в ежегоднике "Этимология. 1981" (М., 1983), в продолжающейся серии "Indoagica". Я возвращаюсь здесь к этому вопросу, чтобы добавить отдельные замечания и наблюдения, которые, пожалуй, были подробнее освещены в устной версии моего доклада или необходимость в которых стала яснее в результате дискуссии по докладу в Телави.

Иноязычность названия *Кавказ* и первоначальное отсутствие общего туземного названия всей этой горной страны в целом отнюдь не представляет собой явления исключительного, напротив, находит типологические параллели в судьбе названий других известных горных стран. То, что мы, например, называем Карпаты Карпатами, обьязано, как указывают, инициативе гуманистов, которые не только возродили традицию этого названия¹, но и, видимо, распространили его на всю эту горную систему. Аналогична судьба названия Балкан: "Бурная история названия Балканских гор эпохи средневековья и нового времени показывает, что в полную противоположность рекам единое, устойчивое название большой горной системы отнюдь не принадлежит к числу естественных потребностей крестьянского населения"².

В описанном смысле надо, очевидно, понимать и защищаемую нами этимологию *Кавказ* из индоарийского. Это название тоже, вероятно, в духе изложенной типологии проделало путь от названия наиболее заметной снежной вершины Кавказа к вторичной функции названия всей горной страны. Вполне правдоподобна ситуация, когда жители гор имеют богатую конкретную номенклатуру частных горных объектов, но не имеют общего оронима для всей большой горной страны, который в силу своей крупномасштабности просто не нужен в повседневном быту, а тем более — примитивном. То обстоятельство, что в этих условиях на роль общего названия выдвинулось иноязычное слово индоарийских жителей равнин Северного Кавказа и равнинного Дагестана III—II тыс. до н.э., знавших колесные повозки и экономически более развитых, представляется нам вполне правдоподобным в плане социолингвистики: мотивом заимствования и распространения послужила престижность соответствующего этноса и культуры. Индоарийцы обитали какое-то время на Северном Кавказе и прошли Дагестаном, но, разумеется, между индоарийским прототипом и

¹ Schramm G. Eroberer und Eingesessenen. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart, 1981. S. 11.

² Ibid., примеч. 18.

письменной греческой формой названия Καύκασος лежит огромная дистанция. Греки практически не знали Дагестана (по устной справке А.Р. Шихсаидова, полученной мной от него в Махачкале в 1974 г., в Дагестане отсутствует греческая эпиграфика) и соответствующее название дошло до них в той или иной форме, вероятно, только на Западном Кавказе, на черноморском побережье, но не западнее. С Кавказа же начинается дальнейшее распространение названия Καύκασος в восточном направлении, вплоть до Индии и Гималаев ("индийский Кавказ", по Страбону). Западнее Кавказа практически нет случаев употребления названия Καύκασος, и это весьма показательно, поскольку древние греки были большие любители уподоблять вновь освоенную ономастику своей собственной, известной, по мере раздвигания пределов ойкумены. Здесь содержится одновременно ответ на вопрос, который неоднократно поднимал при обсуждении происхождения названия *Кавказ* в Телави грузинский медитерранист и кавказовед проф. Р.В. Гордезиани: из какой языковой среды заимствовали данный ороним греки? что можно сказать о возможности эгейского происхождения названия Καύκασος? Сейчас можно было бы ответить следующим образом: да, греки пришли на Кавказ из Эгеиды, где распространены названия с исходом $-(σ)σος$, из чего, правда, отнюдь не следует, что все соответствующие названия – "эгейские," в неиндоевропейском смысле, поскольку есть несомненно индоевропейские примеры³; однако влияние привычного облика греческих названий типа Καρπάσος безусловно могла сыграть свою роль при усвоении прототипа названия Кавказа. Это объяснило бы вторичность греческой формы Καύκασος и неполное соответствие ее исхода реконструируемому нами индоар. **girau-kāśi-* или **grāva-kāśa-*. Значит, можно признать момент "эгейской" народной этимологии, но не более. Можно говорить и о давлении действующих парадигматических моделей в заимствующем языке, которые властно видоизменяют морфологический исход заимствуемых слов. Нечто аналогичное, правда, совсем в других условиях и много позже случилось и с русским названием *Кавказ*, которое на пути книжного заимствования – уже из европейской латыни (*Caucasus*) и несмотря на поддержку нем. *Kaukasus* – регулярно утратило чужеродную флексию *-us* (впрочем, при меньшем стаже заимствования и еще большей книжности этого могло и не случиться, и мы имели бы *Кавказус; ср. *казус* – из лат. *casus*). Современная русская форма названия – плод взаимодействия разных языков Европы: ударение *Кавкáz* получено, видимо, из косвенных падежей греч. Καύκασος, Καυκάσου, Καυκάσῳ..., а звонкость свистящего – западноевропейского происхождения.

По мысли предлагаемой этимологической реконструкции индоар. **girau-kāśi-* 'блеск на горе' мотивом называния послужила белоснежность кавказских вершин, законно поражавшая воображение жителей равнин – индоарийцев. Мотив этот понятен и типологически не уникален: те же индоарийцы, прибыв в конце пути к подножиям Гималаев, называли их Гималаями (также др.-инд. *Hemavat-* < *haimavat-*), т.е. 'снежными'.

³ Ср.: Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 13.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТОВ INDOARICA

(в соавторстве с А.К. Шапошниковым)

***abaiaka**- 'бесстрашный': 'Αβέακος, ЛИ, царь сираков (Strab. = SC; P.-B. I, 2).

Ср. др.-инд. *abhika*- 'бесстрашный' (Monier-Williams 74), *abhāya*- то же (Turner I, 23); ир. *Bayak*, ЛИ (Justi 60). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19. IA¹-47.

***abaraka**- 'круглое': 'Αβοράκη, МН (Strab. = SC).

О местоположении и возможном тождестве с Абрау, Семибратним курганом, близ станции Варениковской, Раевским городищем, близ Анапы, см. Забелин 33; Поночевный 41-42; Гайдукевич. Босп. царство, примеч. 171; Анфимов 1972, СЕЧ СССР, 1989, 233 и сл.

О туземном характере названия см. Жебелёв. Босп. этюды.

Возможно, из *a(m)bara-ka*-, суффиксальное производное, ср. др.-инд. *āmbaram* ср. р. 'окружность; окрестность' (RV, Monier-Williams 83). Полезно обратить внимание на семантическую параллель кабардинского *Штыхъурей*, название мыса близ Анапы, буквально - 'земля круглая' (см. о нем Коков. Каб. геогр. назв. 136). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 18. IA-47.

***abidiika**- 'почитающие Деву?': 'Οβιδιακηνοί, народ у реки Танаис (Strab. = SC; P.-B. II, 1033). Сложение с префиксом *abi-, ср. др.-инд. *abhi* 'к, в, на, над' (Monier-Williams 61), и производное с суф. *-ka*- от основы *diia (см. 'богиня Дева'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19. Суф. *-τη*- представляет результат греч. обработки имени.

Менее вероятно отождествление 'Οβιδιακηνοί = *обедзехи* (V. de Saint-Martin II, 123-124; Лаппо-Данилевский 1894, 110). IA-47.

***adigar**- 'пожиратель пищи': ἀδιγὸρ · τροξάλλης, ὑπὸ Σκυθῶν (Hesych.), то есть ἀδιγὸρ - 'саранча', у скифов.

Слово ἀδιγὸρ не толковалось ни у Фасмера, ни у Абаева, несмотря на то, что глосса Гесихия зачисляет его в "скифские" слова.

Предлагаемое толкование *adi-gar- 'пожиратель пищи' (Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19) опирается на аналогию греч. τροξάλλης 'саранча; кузнечик': τρώω 'грызть'. Ир. *gar- как продолжение и.-е. **g^her-*, **g^hor*- известно, но больше распространено в ир. сложениях и производных *χvar*- 'поедать, пожирать'. Далее ср. др.-инд. *ādi*- 'пища, еда' (см. 0

¹ Здесь и далее при сокращении IA (Indoarica...) даются ссылки на настоящее издание с указанием страницы.

нем Wackemagel-Debrunner II, 2, 300), при ир. *χvarna* в этом значении. Нескифский (индоарийский?) характер слова *ἀδικύορ* косвенно подкрепляется тем обстоятельством, что скифское (вост.-ир.) название саранчи известно в другой форме: **matuka-*, ср. осет. *mætuх*, авест. *табаха-*, сюда же этноним *Ματुकέται*, скифское племя (Hecat., Steph. Byz. = SC). См. Абаев ОЯФ I, 173; ОИЯ; Schrader. Neuschrecke. – Reallexikon¹ 369.

Прочие этимологии: скиф. *ἀδικύορ* < *andikara 'Eier-macher' (Tomasek. Götter 63). Новую попытку "скифской" этимологии см. К.Т. Витчак ВЯ 1992. № 5, 56. IA-47.

**ag(a)ra-* 'передний, первый?': 'Αγάρον ἄκρον. 'Αγάρου ποταμοῦ ἐκβολαί (Ptol.), мыс и река к зап. от Танаиса (Таганрог и река Миус?); 'Αγροῦ. племя меотов (Strab. = SC; P. – В. I, 14).

Ср. др.-инд. *ágra-* 'передний, первый' (Monier-Williams 6; Turner I, 4), *Agra*, МН в Индии (Law, Kâl. 1). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19.

Ир. этимологии для 'Αγάρον, 'Αγάρου см. Абаев ОЯФ I; ОИЯ, s.v. IA-47.

**agra-* см. **ag(a)ra-*, выше.

**ajagari-* 'змеиный?': 'Αζαγάριον – πόλις δὲ ἐστὶ περὶ τὸν βορουσθένην ποταμόν (Ptol. = SC).

Возможно, производное прилаг. с суф. *-i-* от формы, тождественной др.-инд. *ajagará-* 'большая змея; удав' (Кочергина 23). Ср. легенду о происхождении скифов от брака Геракла со змееногой богиней (Геродот). – Шапошников.

Традиционно этимологизируется: 'Αζαγάριον < ир. *aza-gairi-* 'козья гора'. См. Vasmer. Die Iranier in Südrußland = Schriften zur slav. Altertumskunde und Namenkunde I, 162–163.

**ait-asura-* 'божество света': Οἰτόσυρος, скифский Аполлон (Herod.), οἰτόσυρον (Hesych., см. Hes. Al. Lex. I, ed. Latte; P. – В. II, 1045).

Сложение **aita-*, ср. др.-инд. *éta-* 'стремительный; сияющий, блестящий' (Monier-Williams 231), и **asura-*, ср. др.-инд. *ásura-* 'доброе божество' (Monier-Williams 121). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19; Бессонова 1983, 43 (отмечает неир. происхождение, вслед за Трубачевым). Оба компонента предполагаемого выше сложения фигурируют в индоар. личных именах древней Передней Азии (Митанни), ср. *Aita-gata*, царь Митанни (Brandenstein 1948, 135), *Piriāššura*, *Bitiaššura* и т.п. (Ibid.), ср. сюда же др.-инд. (Веды) *Aghāsura* (Wüst 1974).

Согласно давним уже наблюдениям, ир. этимологии имени этого скиф. божества малоубедительны, см. Миллер. Осет. эт. III, 132. См. еще Müllenhoff III, 120; Жебелёв. Скиф. божества 29. Абаев (Дохрист. рел. алан) основывает свою ир. этимологию на ином чтении: *Οἰτόσυρος < **vayuga-sura-*. IA-47.

**ai(v)a*, **ai(v)an-* 'остров': Αἶα πόλις (Ptol.), *Aea*, остров в XV милях от моря в Колхиде (Plin.), Αἰαίη νῆσος, остров Кирки (Hom. Od., P. – В. I, 26); Eonim, синдский остров (п-ов Тамань) (Plin. NH VI, 6), 'Ηίονας острова в Тамиракском заливе (Argian, см. P. – В. I, 454: 'Ηίων), Oium

(Iord. Get. 26–27, 28). Описание см. Латышев. ПОНТИКА 62; Фабр 12, Гёрц 34.

Индоар. диал. **aiva-* 'остров' ← 'один, одинокий', ср. др.-инд. *evā* 'так, именно так' (Monier-Williams 232). В остальном индоарийском лексема 'один' представлена производным с другим суф. – **aika-*, иначе обозначается и 'остров'. Ср. стойкую боспорскую канцелярскую традицию обозначения Таманского п-ова островом (*νησος*). См. Гайдукевич. Босп. царство. Ср. и продолжение этой традиции в тюрк. обозначениях Тамани как острова: печен. 'Атѣх (Конст. Багр. De adm. imp.; Севортян 87–88), более позднее тюрк. *Адас* (Гёрц 106). См. еще Klapproth. Comm. 295. Иными словами, наблюдается преемственность калькирования (индоар., греч., тюрк.).

Популярное отождествление *Oium* с герм. (гот.) *Aujōt* 'страна, изобилующая водой' с локализацией последнего в Поднепровье либо в дельте Дуная (Скржинская, комментарии к изд.: Иордан. *Getica*. М., 1960, 196; Клетнова. *Oium*; Топоров. Балто-славянские исследования. М., 1983, 254) все же, по-видимому, утрачивает свою вероятность ввиду надежности "таманского" (боспорско-синдского) контекста (выше). См. специально Трубачев ВЯ 1976, № 4; Он же ВЯ 1977, № 6, 19; Он же Этимология 1986–1987 (М., 1989), 52.

С греч. *ἡίών* 'берег' не связано. IА–39–40, 214.

*ake-sindu- 'близ Синда (находящийся)': *Acesinus*, река близ Перекопа и Сиваша (Plin.), ср. *Ἀκεσίνης*, река в Индии, приток Инда (Arr. An.; D. Sic., P.–B.).

Ср. др.-инд. *āké* 'вблизи, по соседству', а также **sindu-* (см.) 'большая река', здесь предположительно – Дон. Устойчивый тип обозначения в регионе; ср. **au-sila-* (см.), ит. *alla Tana*, русск. *По-донец*. Ср. сюда же, по-видимому, *Артания* (*Ar-tan-*) восточных источников (догадка Л.Н. Тимофеева), утерянная Юго-Восточная Русь на Дону, в приазовском Лукоморье и на Тамани. Ср. **aki-sal-ita-* (см.).

*aki-nasa- 'близ носа (находящийся)': *Ἀκινάσης* *πόταμοῦ ἐκβόλαϊ* – устье реки в 270 стадиях к северу от Фасиса, в стране генихов (Arr. per. Pont. P.–B.).

Ср. др.-инд. *āké* 'вблизи' и *nasā, nas-* 'нос' (здесь – 'мыс'?). – Шапошников.

*aki-sal-ita- 'близ (гор) Сала (живущие)' или "Подгорное": *Acisalitae*, один из шести городов внутренней Таврики (Plin.).

Ср. др.-инд. *āké* 'вблизи' и **sala* (см.), древнее название Таврических гор. Суф. *-ita-* здесь, возможно, тоже субстратный, а не греческий. – Шапошников. Ср. выше **ake-sindu-*, **aki-nasa-*.

*aksa-biti 'глаз убивающий': *Ἀξάβιτις* *Ταυρία*, название косы в Меотиде (Ptol.). О положении см. Neumann. Hellenen im Skythenlande 544.

Ср. др.-инд. *akṣi-, akṣa-* 'глаз' и **biti-* (см.) 'бьющая'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19. Ср. *σκοπεῖν* *Κλαζομένων* (Ptol.) 'наблюдательные посты клазоменцев', на Меотиде, а также стойкую аналогичную причерноморскую традицию и прежде всего – *Козлов*, стар. название Евпатории: объяснение *Козлов*, тур. *Гёз-леве* 'глаз' + 'селение', см. еще Pallas 1811, 271–272.

Ср. еще *aksi-ak- (см.), О др.-инд. личных именах на *akṣa-* 'глаз' см. Nilka 128. IA-47.

*a-ksama-raia- 'непригодная вода'... κρήνη πικρή... Ἐξαπταῖος... (Herod. IV, 52). Об этом горьком притоке р. Гинаниса (Ю. Буга) и его локализации см. Bonnell. Beiträge I, 41; Надеждин 80; Латышев. Ольвия 20; Раевский 1977, 114; Раевский – Шилик 1981; Шилик, Ольвия 81; Рыбаков. Геродотова Скифия 36; Ельницкий 87 (критика Геродота).

Ср. др.-инд. a-, отрицание, *kṣama-* 'подходящий, пригодный' (Mon.-Will. 326). *pāua* 'вода' (Mon.-Will. 619). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19; Он же IF 1977, 81. При этом вероятно тождество гидрообъекта, обозначаемого названием *Мертвовод*, *Мертвые Воды*, л.п. Ю. Буга (см. о нем Эварницкий. Вольности запорожских козаков 137–138). Против этимологии Трубачева см. Schramm, Egob. 1981; Ю.В. Откупщиков. Ἐξαπταῖος и Ἰγυδαπταῖος. – Междунар. симпозиум "Античная балканистика 6". Тезисы докладов. М., 1988, 35–36 (предполагает палеобалканское происхождение).

Попытки ир. этимологий (Маркварт и др.) см. Vasmer. Die Iranier... = Schriften. I, 116. IA-47–48, 62–63.

*aksi-ak- 'имеющий глаза': Ἀξιάκου ποταμοῦ ἐκβολαὶ – устье реки Аксиак (Ptol.); *Axiaces*, название племени между каллипидами и Тирой (Mela 84); *Asiacae*, *Asiacos flumen*, название племени и реки (Plin.). См. еще М.В. Скржинская. Сев. Причерноморье в описании Плиния Старшего (Киев, 1977) 45. Обращает на себя внимание весьма давняя традиция отождествления Очакова (*Oczakou*) и *Axiace*, oppidum ad Pontum Euxinum, см. Л. Колли ИТУАК № 44, 1910, 25 (по материалам Меркатора и Ортелия, XVI в.); см. также Пейсонель у Надеждина 45. В.Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века (СПб., 1887), 341: "В памяти Семену Ромодановскому, данной в августе 1498 года, читаем: ...до Менли-Гиреева городка до Ачякова, что на усть Днѣпра..." Другие названия Очакова – тур. *Ozi kal'esi* 'Днепровский замок', тат. *Джанкерман* 'Новый город', XV в., см. Abrahamowicz 38. Отождествление р. *Asiaces* и Тилигула см. Müllenhoff III, 50. Ср. еще Г. Вернадский, Азовские дела: у Ачаковой косы (близ Азова).

Объясняется как производное с суф. -ak- от формы, родственной др.-инд. *ākṣi-* 'глаз'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19. Ср. то, что сказано об *aksa-biti- (см.). Ср. и аналогию тур. названия Евпатории – *Гёзлеве*, от названия глаза (см. Pallas. Voyages IV, 271–272). Попытку сблизить с палеобалканским названием по цвету Ἀξίος, Ἀξί-опа см. Яйленко 1984.

В связи с последним, а также тем обстоятельством, что Очаков имел еще тур.-тат. название *Qara-kermen* 'черная крепость', ср. и факт посещения готским топархом (X в.) по пути из Киева в Крымскую Готию места под названием Маурокастроу (греч., букв. 'черная крепость'), высказывается также предположение о происхождении нашего заглавного названия от ир. *axši- 'черный', *axšaina-*. – Шапошников. IA-48.

*alaksa-dru- 'запретное дерево (дуб)': Ἀλεξάνδρου βωμόι – жертвенники в низовьях Танаиса (Ptol.); Блше же во Фоульстѣ ꙗзыци доубъ великъ, срослѣся съ чрешнею, подѣ нимже требы дѣахоу, нарицающе именовѣ Александрѣ, женьскоу полоу не дающе пристоупати къ нему, ни къ требамъ его. Житие Константина, XII (= П.А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, 25). В последнем случае имеется в виду языческое капище в Фульской епархии (Таврида) ок. 860 г. н.э. Ср. и сообщение о чудодейственной черешне на Качи-Кальоне, Крым (Веймарн Е., Чорев М., "Корабль" на Каче. Симферополь, 1976, 25). Еще о культе деревьев в древнем Крыму см. Чудо св. Климента ...: всѣ рошеньѣ глѣмая стѣа ...

Дохристианский культ какого-то Александра(?) в Сев. Причерноморье неизвестен; языческое капище и имя христианского святого несоместимы. Остается объяснение вторичной онимизацией первоначального апеллатива на туземном языке. В Тавриде это один из таврских диалектов, в Нижнем Подонье – один из меотских, с предполагаемой индоарийской основой. Ср. др.-инд. *āraksa* 'защита, охрана', *rāksati* 'защищать, охранять', здесь – с ламбдацизмом (*alaksa-*), подобные случаи известны, ср. хотя бы **alaktar-* (см. сл.), и *dru-* 'дерево'. Семантическая реконструкция: 'дуб-защитник' или, скорее (см. контекст Жит. Konst. XII, выше), – 'запретное дерево'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6. – Доп. – Шапошников. И.-е. сложения со вторым компонентом **dru-*, обозначающие различные деревья, известны достаточно широко, напр., в германском; ср. и фрак. *kalamīn-dar* 'платан' (Гесихий). IA-48, 58, 162.

*alaktar- 'сияющий': Ἀλεκτοροφρούριον, укрепление близ Ольвии (Дион Хризостом. Борисфенитская речь. I, в. н.э. =); руины – в Очакове (X. Nommaire de Hell. Les steppes... I, 83).

Сходство с греч. ἀλεκτρούων 'петух' случайно. Попытку индоар. этимологии ***alaktar-** как одного из названий янтаря, с отражением в др.-русск. *латарь*, позднее – (камень) *Латырь* в русск. духовных стихах см. Трубачев – Этимология. 1978, М., 1980, 12 и сл. IA-129 и сл.

*ali-jana- 'иностранцы': Ἀλιζῶνες ἄλλο ἔθνος "другой народ", к северу от каллипидов (Herod. IV). Латышев, Ольвия: в декрете Протогена уже не упоминаются.

Толкование из индоарийск. **ali-jana-*, ср. др.-инд. *arī-* 'чужой' (< **ali-*, Mayrhofer I, 49), *janas* 'род', см. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19.

Tomasek 1888, 720: чтение *ara-zana-* 'von abgesondertem Geschlecht'; однако следует иметь в виду, что ир. форма названия 'рода' – *zantu-*, ср. Абаев ОЯФ I; Szemerényi 1977, 100, тогда как индоарийск. *jana-* было известно также в Митанни, ср. там ЛИ Piriazana, см. Brandenstein 1948, 141.

Прочие объяснения невероятны: Ἀλιζῶνες – от имени амазонок (Ельницкий 85–86); из греч. ἀλαζῶνες 'болтуны' (Белецкий. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972, 44–45); в связи с именами арсиетов (Птол.) и Руси (Удальцов СЭ 1947). IA-111–112.

***amb-sali-**? 'у гор (расположенный)?: 'Αμφάλις πόλις, город в стране горетов (Ptol.).

Возможно, к др.-инд. *abhi-*, предл. 'у, около' и *sala (см.) '(горный) сток, гора, Горы'. – Шапошников.

***andaka-** 'слепые': Andaces, народ в Скифии (Сарматии) (Plin.).

Ср. др.-инд. *andhaka-* 'слепой, ослепленный' (также в качестве личного имени мифологического персонажа). В поддержку этой этимологии можно указать на легенду об ослеплении своих рабов скифами перед их походами в Азию (Геродот). – Шапошников.

***anta-** 'крайние, окраинные": *Ανταί, *Antae, Antes, Anti*, народ Юга современной Украины (IV–нач. VII вв.), славяне этих мест (Прокоп. Кесар.); *Αντας Παπί[ου]. ЛИ в боспорской эпитафике (см. о нем Грушевский 206). Об антах см. еще Dvornik, *The Slavs...* 23; Vernadsky 1943, 82.

Ср. др.-инд. *ánta-* 'край, предел; последний'. Давно поставлено в смысловую и территориальную связь с позднейшим названием страны *Украина, Україна* как калькой позднеантичного этнонима, см. Rudnyúkj EDUL I, s.v. *Анти*. Предпочтительность индоарийск. истолкования диктуется тем, что в иранском со значением 'конец, край' фигурирует другая лексема – **karana-*. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19; 1979, № 4.

Прочие этимологии: к ир. *anda-* 'слепой, темный' (Рекканен 1968, 130–131; тот же автор в другом месте ищет *anta-* в составе ир. этнонимов). IA–48, 54–55.

***anta-kaia-** 'остротелый'?: ἀντακάϊος, порода рыб в устье Борисфена, осетр (Herod. IV, 53); ср. рассказ Элиана об остроносой рыбе (Claud. Aelian. = SC), см. Погодин 128. Потенциальные позднейшие отражения: *anticei* (Интерриано), *angiakia* (Ламберти). См. еще Treimer 44, 52, 53; кавказское.

Возможно, этимологически тождественно др.-инд. *ánta* 'конец, край' и *kāya* 'тело, туловище' (Mon.-Will. 42, 274). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19; Он же IF. Bd. 82, 1977. Ср. аналогию лат. *aci-penser* 'морская рыба, ценившаяся у римлян, предположительно осетр или стерлядь', этимологически – 'остротелая'; этимологию слав. *osetrъ 'осетр' как 'острый' см. ЭССЯ 6, 31. Ср. ономаσιологически сходное адриатическое название стерляди как 'носатой' – сербохорв. *ndsvica*. IA–48, 64–65.

***antikia** 'ближняя': Antissa, название места (Plin. NH = SC). Местными независимыми продолжениями древней формы могут быть: *Ачук* (Тунманн 65: ок. 1484 г.), *Амчу* (Пейсонель), *Ачу* (В.Д. Смирнов II, 219; З. Весела); далее, сюда же современные *Ачугев*, в устье Антикита (Minns 6), *Ачугевский* мыс (Лоция Азовского моря 117). Изменение в вокализме перечисленных форм, возможно, – результат тюрк. суперстрата. Ср., далее, *Αντίσσα, город в Индии (Стеф. Виз., см. Р.–В. I, 100), *Antissa* в Малой Азии.

Ср. др.-инд. *antika-* 'близкий' (Mon.-Will. 44), а также хетт. *hantezziya-* 'первый, передний' (Friedrich 53). IA–40, 48.

***antikita-** 'близкая, близость': 'Αντικείτης (Страбон = SC; P.-B. I, 96), 'Αττικήτης (Птол.; Страб. = SC; P.-B. I, 172). отождествляется с Кубанью или Черным протоком реки Кубань. См. Klaroth, *Comm.* 62; Фабр 35.

Ср. др.-инд. *antikata* 'близость' (Mon.-Will. 44). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19.

Прочие этимологии: Турчанинов 1971, 32 – из адыгских; Гёрц 20: из ἀντικαῖος (так! – О.Т.) 'осетр', так же см. Поночевный 14; в принципе "осетровой" этимологии придерживаются: Schramm 179–180 – из *Αυτακαίτης. ср. еще Vasmer. *Schriften* II, 935. Этому противоречит, однако, формальная (этимологическая) и территориальная близость к **antikia-* (см.), которое имеет вид производящей формы, откуда непосредственно произведено **antikita-* с суф. -ita-. **IA**–40, 48.

***арака-** 'водяной, речной, речка': *Апока*, название речки (Списки Таврич. губ. 98), ср. и *Аннак*, село в Феодосийском уезде.

Сравнение с др.-инд. *āra-* 'вода, воды' см. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19. Вместе с тем надо считаться с возможностью ир. этимологии, к тому же, более полной ввиду исключительной продуктивности суф. -aka- в дошедших скифско-сарматских образованиях. Ср. подобное толкование гидронима *Апака* в бассейне Сейма (В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья 222, вслед за М. Фасмером и К. Мошинским). Ср. и близкое *Апажа*, бассейн Десны (В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. Там же). Ср. еще *Опака*, речное название бассейна Днестра, способное, правда, вызвать сомнения ввиду своего удаления от наиболее вероятной зоны ир. субстрата (см. об этом О.Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины 87). Еще сильнее указанные сомнения коснулись бы и нашего *Апока* в случае объяснения его из ир. **āraка-* ввиду специфической его локализации на южных берегах Крыма, в таврском ареале. **IA**–48.

***ара-тур-** 'преодолевающая воды': 'Απάτουρον, храм Афродиты в Фанагории (Гекатей = SC), 'Απάτουρος (Страб. = SC; P.-B. I, 105); Латышев. **PONTIKA** 63; 'Απατο(υ)ρίο(υ) (IOSPE I² № 208, с. 226); Απατορης, находка на острове Березань (Minns 479; И.И. Толстой. *Граффити* 55); *Apatura* (Rav. An). См. Кругликова. Синдская гавань 67 (местоположение); Бессонова 1983, 39 (туземное божество, не связанное со скифской *Ари*; ср. и Раевский 1977, 57); Neumann. *Die Hellenen im Skythenlande* 560 (Афродита Апатура – искажение названия туземного божества); Minns 618 (о теосском культе ἀπατορια).

Индоарийский эпитет божества, ср. др.-инд. *aptūr-* 'преодолевающий воды' (ср. о последнем Maurohofer I, 40). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19. Ср. 'Οποτούρα, МН в Индии, Птол. (P.-B. II, 1067; McCrindle, *Ptol.* 168).

Попытку осмыслить 'Απάτουρος как др.-инд. *avatar* 'descensus' см. Ritter, *Vorhalle* 63. **IA**–48.

***арига-** 'дальний? западный?': *Апирга-Салгур*, приток реки Авунды (Кондрашенко. Гурзуф, 1979).

Ср. др.-инд. *āpara-* 'следующий, очередной; поздний; западный' (Кочергина 52).

**āpi-sara-* 'приток': *Pisará*, левый приток реки Качи (Словник гідронімів України 425).

Ср. др.-инд. *āpi-sri-* (M.-W. 55).

**apsara-* < **ab(i)-sara-* 'поток сверху': *Absarrum fluvium* (Plin.); 'Ἀψάρον (Argian.).

Ср. др.-инд. *abhī* 'на, сверху' + *sar-, sara-* 'течение, поток'. Ср. также др.-инд. *apsarás-* 'небесные нимфы, жены гандхарвов', также в качестве названия реки по мифической легенде. Впрочем, ср. также предыд. (к др.-инд. *āpi-sri-*). – Шапошников.

**arbi-nata-* 'господин над малыми?': (вар.: '...над рабынями?'): εἰν Ἀρβινατῆσι (письмо на свинц. пластинке с о-ва Березань, см. Ю.Г. Виноградов ВДИ 1971, № 4, где публикация и иное, менее вероятное, чтение).

Ср. др.-инд. *ārbha-* 'малый, маленький', *nātha-* 'господин', ср. также структурно и территориально близкую модель в ЛИ **buta-nat(a)-*, см. (Βουτουνατος, Gsg., в античной эпиграфике, Одесса), а также др.-инд. *Bhūta-nātha-*. См. Трубачев. – Этимология. 1982 (М., 1984), 146–147. Форма *arbi-* – ж.р.? Ср. др.-инд. *māhi-, maha-*.

Относительно ир. **arba-* 'малый, маленький, молодой' в ир. антропонимии см. R. Schmitt. The Medo-Persian names of Herodotus in the light of the new evidence from Persepolis. – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae 24, 1976, 31.

Прочие толкования маловероятны, см. Яйленко. Греч. колонизация 1982, 276: карийский топоним; Яйленко 1984: сближение с фрако-дак. и иллир. основой *Arb-* (вар. *Arp-*, ср. "Ἄρπιον, Ἄρπις, Ἄρπι), IA–205.

**argoda-/*arguda-* '?:' Ἀργούδα, один из городов во внутренней части Херсонеса Таврического (Ptol. III, 6, 6).

Обращает на себя внимание полное тождество прежде всего с названием города в Индии "Ἀργούδα (Ptol. VI, 18, 5; P.–B. I, 119; Cunningham. Anc. geography of India 32). Элементарная комбинаторика с названиями "Ἀργος πόλις Σκυθίας (Steph. Byz.), *Argoceni/Orgoceni*, один из шести *oppida* Tauricae (Plin.), если последний продолжает туземное **arg-oka-* (см.), позволяет, при всей неясности первого компонента *arg-*, предполагать во втором компоненте **ud-* 'вода', ср. др.-инд. *udán* 'вода', Οὐδών, античное название реки Кумы и Сев. Кавказе.

**arg-oka-* '?:' *Argoceni/Orgoceni*, один из шести *oppida* Tauricae (Plin.).

Остающееся после отделения очевидно греческого этниконсуффикса *-eni* (*Ἀρυοκῆνοι?) представляет собой сложение двух основ **arg-ok-*; о первой из них см. под **argoda-/*arguda-*, вторая явно прослеживается в имени **satt-auka-* (см.), ср. также др.-инд. *ōka-* 'дом, жилище'.

**aria-*, племенное самоназвание: *Arii*, gens Sarmatarum (Epiph. Cypr.), *Arraei Sarmatae* (Plin.).

Ср. др.-инд. *ārya-* 'арийский, ариец', авест. *a'ryō*, др.-перс. *ariya* 'арийский' (см. Mayrhofer I, 79). Самоназвание было общим для обеих

ветвей индо-иранцев. Далее, ср. специально индоарийский, по-видимому, вариант **san-aria-* (см.) 'старые арии' и специально иранский – **nar-aria-* 'младшие арии'. См. еще Трубачев. – "Народы Азии и Африки" 180, № 5, 117–118. IA–136.

**artaka-* ?'медведь': *Артек*, местное название у подножия Аюдага.

Возможно, из древнего туземского **artaka-* (ср. реконструкцию и.-е. **rtka-* 'медведь' у Семереньи), ср. сюда же хетт. *ḫariagga-* 'медведь, какое-то крупное животное', греч. ἀρκτος, др.-инд. *ṛkṣa-* 'медведь' (см. о нем Maughofer I, 118). Таким образом, если признать в МН *Артек* индоарийско-таврский реликт (Ю. берег Крыма), очевидно серьезное диалектное отличие: архаичное *tk* = др.-инд. *kṣ*. Тюрк. *Aju-day* 'Медведь-гора' представляет собой более позднюю глоссу (семантическую кальку) туземного названия места, в т.ч. горы. Ср., далее, МН Ἀρτακίη на Геллеспонте. См. подробнее об Артеке и его истоках: Трубачев *Этимология*. 1979. М., 1981, 112 и сл. Сюда же, возможно, также ὁ Ρετσεу, название епископства готской митрополии (VIII–IX вв., Васильев. *Готы в Крыму*). – Шапошников.

Из прочей литературы: Budimir 1960, 18; Суперанская 1969, 197; неясно. IA–139–141.

**asa-* 'место, сидение': Ἄσσα πόλις Σκυθίας (Steph. Byz.).

Ср. др.-инд. *āsá-* м.р. 'место, место жительства': *ās-* 'сидеть'. – Шапошников. Ср. сюда же, далее *asandi (см.).

*asandi 'сидение': *Asandi*, местность на Боспоре Киммерийском (Rav. An. IV, 3), ср. Ἄσαδα то же (Theophan.). Ср. соврем. МН *Кресло Митридата* на горе Митридат в Керчи.

Этимологически тождественно др.-инд. *āsandī* ж.р. 'сидение, кресло' (см. о нем Maughofer I, 83). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19.

Ложные ассоциации с именем Асандра см. Tomaschek, *Goten* 21. IA–46, 48.

**asta-ru(k)sia-* 'белый дом': Ἀστερουσία ὄρος, πόλις περὶ τὸν Καύκασον (Steph. Byz.).

Ср. др.-инд. *ástā-* ср. р. 'дом, жилище', а также **ru(k)sa-* (см.).

**as(v)-amba-* 'конская вода': *Ашамба*, река в Геленджике.

Ср. др.-инд. *aśva-* 'лошадь, конь', *ambhas, ambu-* 'вода'. Ср. также **tur-amba-* (см.). – Шапошников.

Обращает на себя внимание также вероятное проникновение индоар. **aśva-* в адыгские языки. Ср. Также наличие в Вост. Причерноморье названий рек Ἴππιος 'конский', (груз.) *Цхенис-цкали* 'конская вода'.

**atamaja-* 'родной сын': Ἀταμάζας, Ἀτταμάζας, ЛИ (Горгиппия).

Ср. др.-инд. *ātma-ja-* 'родной сын'. Обращает на себя внимание локализация имени в столице Синдики. Ср. вероятное наличие в индоар. реликтах Сев. Причерноморья также **dvi-ja-* (см.), с тождественным вторым компонентом.

Этимология из ир. **vača-maza-* 'словом великий', ср. осет. *Acætæz*: Абаев ОЯФ=ОИЯ 296, 307. IA–180.

***aulan-samsara**- 'волосяной мыс': *Aulansum* / вар. *Anlansumsaram*, один из прибрежных понтийских городов (Rav. An.); гапакс, см. Т. Pekkanen. – *Actos*. *Acta Philol. Fennica* XIII, 1979, 117. Равеннский Аноним упоминает это место неподалеку от Дандария (= Тендра) и Ольвии.

Ср. др.-инд. *aurṇa*- 'шерстяной', *saṃ*-(*saṃ*) 'с, вместе', *sara*- 'текущий'. Ср. также *pari-sara-, *api-sara- (см. s.vv.). Форма *aulana- 'шерстяной, волосяной' предполагает исходное индоар. *ulana- 'шерсть' (и.-е. *l*), тождественное др.-инд. *ūṇā*. Возможна идентификация *aulan-samsara- с Кинбурнской косой при входе в Днепро-Бугский лиман, подкрепляемая тем обстоятельством, что *Кинбурн* – это тюрк. *kyl burnu*, букв. 'волосяной мыс'; последнее могло калькировать более древнее *aulan-samsara с тем же значением. См. Трубачев. – *Этимология* 1982 (М., 1985), 143–144, где предлагается соответствующая эмендация. **IA**–201–203.

au-sili- 'у каменной реки' (вар.: 'у [реки] Σίλις?'): "Οσιλοι," Οσυλοι, название народа (Ptol. III. V, 10 = SC I, 232), см. о нем Klaroth 67.

Ср. др.-инд. *śilā* 'камень, скала', см. у нас, далее, *śli-. Что касается первого компонента, то здесь, скорее всего, представлено предложно-приставочное и.-е. *au- с пространственным значением, ср. иллир. *Autariatae* 'у (реки) Тары живущие'. Ср. модель *alla Tana* итальянских источников, *Ar-Tana* (*Artania*) восточных источников (идентификация последних двух форм была высказана устно Л.Н. Тимофеевым), буквально 'у Дона' (Tana 'Азов' вторично), соврем. русск. *Подонье*; одной из ранних фиксаций этой модели могло быть *au-sili-. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19. **IA**–48.

***av-vinda**- 'овечий пастух': *Авинда*, гора на Юж. берегу Крыма (см. Семенов-Тяньшанский. Россия XIV, 773; Крым 254, 313).

Ср. др.-инд. *avi*- 'баран', также *go-vinda* 'главный пастух', собственно, 'пастух крупного рогатого скота' (*go*-), известно также в качестве названия горы (Кочергина 197).

***avunda** 'источник, колодец?' 'овечий источник': *Авунда*, река (Семенов-Тяньшанский. Россия XIV, 764), *Авунда*, *Аунда-Узень* (Кондрашенко, Гурзуф).

Ср. др.-инд. *avatā*- 'колодец'; в таком случае *Авунда* объяснялось бы как *avṇda < *avṇta-. Или из **av-u(n)da*- 'овечья вода'? Ср. предыд.

Попыткам тюрк. этимологии как будто сопротивляется уцелевшая неконечная позиция ударения *Авунда*. **IA**–48.

***bah-tar**- 'большой берег': *Bagtair*, *bagtari*, *bagtary* (Бенинказа, Кулаковский), *Batiario* (Vigna). Весьма любопытно наличие моментов глоссы: *tarmagno* (Pegolotti 55, там же: *Taro*), собственно (ит.) 'большой Тар'. Далее, сюда же, по-видимому, *Ахтиар*, старое название Севастополя (Кеппен 234); *Актар* (Гунманн 74); *Ахтар(ский)* (Брун. Черном. I, 92; Он же. О поселениях... 385; Гейд 171); *Ахтары*, *Ахтари*, соврем. *Приморско-Ахтарск*, город на Азовском море.

Ср. др.-инд. *bahú-* 'много; большой, сильный', *tar-* 'берег'. Ср. еще *Bakhtyari*, название гор в Индии (McGindley, Anc. Ind. 86). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 19; Он же. Этимология 1979 (М., 1981), 116. – Шапошников (дополнение): ср. *Tzarbaṅánu* (Конст. Багр.) < **tār-bahan-*? (обратный порядок компонентов **bah-tar-*).

Ср., далее, *bah-var-jamin (см.). IA-48, 142–143.

***bah-var-jamin-** 'большой двойной город': *Бахбарземин* (Паллас. Замеч. кас. до ост. Там.), старый Темрюк, новый Темрюк (Pallas. Voyages IV, 24–25), *Барбарцемин* (Тунманн 71), *Берберземин* (Пейсонель), *Бермезань* (Гёргц 117), *Balzimachi* (Pegolotti 55). См. еще Сумароков 1805, 157–158: о двойном Темрюке; Т.В. Блаватская – о Темрюцком отсёлке. Неясно отношение сюда *Варьями*, на Южном берегу Крыма (Маркевич 21).

Ср. др.-инд. *bahú-* 'много; многочисленный; большой' (ср. также предыд.), *vāra* 'огороженное место', *yatin* 'рождающий близнецов'. См. Трубачев "Этимология 1979" (М., 1981), 115 и сл. Там же ссылка на традицию городов-близнецов (двойных городов) на Кавказе, см. Орбели 1911 – о городе близнецов Диоскуров – Диоскуриаде – *Цхум/Сухуми*. Ср. также: гора Близница на Таманском п-ове. См. еще Грантовский 280: о "двойной" крепости Тавриз.

Обращает на себя внимание народная, "пракритическая" аффрикация $y > j$ в северопонтийских формах (переданных, к тому же, средствами разных языков довольно приблизительно). Ср. отношение др.-инд. *Yatinā*, название реки-"двойника" Ганга: соврем. инд. *Jumna*. в англазированной записи (Sircar, Stud. 40: *Yatinā*). IA-142–144.

***balga-tur- '?:** *Болгатур*, холм над Гурзуфом; *Богатырь*, селение у подножия горы Бойка/Байка (Список населенных мест. ХLI. Таврическая губерния. СПб., 1865, 98; Список населенных пунктов Крымской АССР. Симферополь, 1927, 6; F. Braun. Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Petersburg, 1890, 48: *Богатырь*, селение Мангунского кадылыка; см. также Камеральное описание Крыма 1784 года. – ИТУАК № 6, Симферополь, 1888: Мангунского кадылыка деревни).

Ср. др.-инд. *bhārgaḥ* ср.р. 'блеск', *bhārga-* м.р. то же, с возможностью $r < и.-е. *l$ (ср. Maurohofer II, 479–480, где, наряду с этим, приводятся и другие возможности); в таком случае таврическое *Болгатур* отражало бы это l до ротацизма. См. Трубачев ВЯ 1977. № 6, 19. Второй компонент *-tur* ср. с др.-инд. *śalā-tura*, название города (соврем. Лахор), на территории Крыма – *Чалтура*, *Челтера*.

Отражение здесь тюрк.-перс. названия храбреца, героя (тур. *bahadır*, крым.-тат. *багъатыр*; так В.А. Бушаков, Аскания-Нова. письменно, со ссылками также на ойконимы *Батырь* в Буджаке. *Бахадургарх* в Индии) маловероятно. Соотношение наших вариантов *Богатырь* и *Болгатур* таково, что один из них (*Богатырь*) слишком "прозрачно" соответствует упомянутому тюрк. слову персидского происхождения и даже просто – русс. *богатырь* (из того же источника), что говорит скорее о вторичном уподоблении (народная этимология). Как всегда в подобных случаях, наиболее авторитетен этимологически

как раз наименее "прозрачный" вариант, а именно – *Болгатур*, особенности которого не позволяют сравнивать его с тюрк. словом. Обращает на себя внимание также соседство (и частичная близость формы) топонима *Богатырь* с явно туземным (дотюркским) *Махульдур* в пределах той же Мангупской волости.

Индоар. этимология **balga-tur-* 'сияющий холм?' отвечала бы, в частности, явно культовой роли холма *Болгатур* над Гурзуфом. В древности на таких заметных возвышениях Южного берега Крыма поддерживался огонь.

*biti (***biti**) 'убивающая': (латинизированное) *Bitiae* мн., название женщин в Скифии, убивающих взглядом (Plin. NH VII = SC; Jul. Solin. = SC).

Попытку объяснить из местного индоар. **biti* ж.р. 'бьющая, убивающая', местного производного с суф. *-ti* от корня и.-е. **bhej-*, см. Трубачев ВЯ 1977, № 6. Специфика в том, что в собственно древнеиндийском продолжения и.-е. **bhej-* 'бить' (откуда слав. **biti* и др.) отсутствуют, их функцию выполняет и.-е. **g^hen-*. Ср. еще **tad-bitī* (см. ниже). IA–36, 48.

*boru-stana- 'высокое место': Βορυσθένης, Βορυσθενίς, первоначально – остров Березань (и город Ольвия), о реке Днепр – вторично: Βορυσθένης (Herod.), *Borysthenes* (Мела; Plin.), *Boristenida* (Rav. Anon.). Сюда же, возможно, *Боргустан*, хребет на Сев. Кавказе.

Форма Βορυσθένης отражает индоар. *baru* = др.-инд. *bhrghu-* 'высокий', ср. *Bharukachcha*, в Зап. Индии, = греч. Βαρυάζα. собственно 'высокий берег' (см. о последнем Lassen I, 136–137; McCrindle, Ptol. [Notes. Ad p.] 38; Agrawala 1953, 65); компонент *-θενής* ср. с др.-инд. *sthāna-* 'стан, место'. См. Трубачев. Старая Скифия... Геродота... – ВЯ. 1979. № 4, 37.

Прочие этимологии: из ир. **vouru-sthāna-* (Müllenhoff III, 122; Vasmer, Iranier); *bar-ustana-* 'ausgedehnter Sumpf' (?) (Schmid 1978, 1983). См. еще специально о Βορυσθένης Белецкий. – Топонімічна нарада I; И.В. Яценко, Д.С. Раевский. – Народы Азии и Африки 1980, № 6, 101.

Таким образом, на примере названий о-ва Березань мы наблюдаем случай индоарийско-иранского двуязычия, причем семантика сохраняется: индоар. **boru-stana-* 'высокое место' (о Березани) и *Березань* = ир. *barzand*, осет. *hærzond* 'высокий'. Другие этимологии названия *Березань* менее вероятны, ср. попытку связать *Березань* и *берёза*, название дерева, больше того – увидеть в *Березань* "перевод" скандинавского названия о-ва Березань – *Björkö* (так, вслед за шведскими исследованиями, см. Е.А. Рыдзевская. О названии острова Березань. – Советская археология IX. М.; Л., 1947, 79 и сл. – Сама же Рыдзевская отмечает, что береза для флоры этого края не характерна). Тур. название о-ва – *Burü-üzzen-ada* 'остров Волчьей реки' (приводится у Рыдзевской) – очевидное вторичное, народно-этимологическое осмысление древнего названия. IA–112–113.

*br(i)ta- 'наемный, наемник': *Britani*, боспорский город? (Rav. Anon. V, 10); *Бриттани*, *Буртани*, *Буртаны*, названия племени (Тунманн 69, 74);

остров *Британия* (Аали-эф. у: В.Д. Смирнов I, 54); о-в *Британ*, на Днестре (Эварницкий 98); *Британь* (Семенов-Тянь-Шанский. Россия), *Британь*, местн. название на реке Конке, Алешковск. у. (Geogr. Namenb. I, 2, 536), *Британ*, л. рукав Днестра (Gew. namen I, 208).

Ср. др.-инд. *bhrita-* 'наемные (войска)'. Специально см. Н.И. Сокольский. К вопросу о наемниках на Боспоре. – Советская археология 1959; см. еще Культура др. Индии 382: о родах войск. В этой связи обращает на себя внимание местн. название на Боспоре *Eteobroton* (Rav. Anop. IV, 3), явная транслитерация греческого *'Етео-Вротоу, что целесообразно понимать как 'подлинные (истинные) *brta-*'. Можно, далее, предположить, что греч. форма есть частичный перевод индоарийского **ṛta-br(i)ta-* 'настоящие наемники'. IA-48.

***buga-/buja-** 'изгиб, лука': *Buges/Vuces* (Plin. NH = SC; Pomp. Mela = SC); античное название Сиваша? Сев.-зап. часть Азовского моря? Ср. Брун. Черном. I, 101: Лукоморье; Łowmiański, Samcacia. – SSS V, 65. Лат. письмо и палеография позволяют допустить случаи, когда *C* может иметь звуковое значение *G*.

Ср. др.-инд. **bhoga-* 'изгиб, дуга' (Mon.-Will. 767), *bhojā*, название страны в Зап. Индии (см. о ней Law, Early Buddh. 62; Law, India 76). Приводимое выше др.-русск. *Лукоморье* образует с субстратным словом, также, видимо, обозначавшим изгиб, залив, или "луку (моря)", отношение глоссы. – Ср., впрочем, еще тюрк. *bük ~ pük ~ buk* 'сгиб, место сгиба, изгиба, поворота реки'. – Шапошников. IA-48.

***buta-nata-** 'повелитель духов': Σιρδουχανσοϛ Βουτουνατοϛ, ЛИ (IOSPE I², 136: Одесса; Трещева ВДИ 1977, № 4, 174).

Ср. др.-инд. *bhūta-nātha-* 'повелитель духов' (Mon.-Will. 762). О мифологическом персонаже см. еще Гусева, Индуизм. IA-114, 195, 205.

***čagi-nitra-** 'козий проход': *Чигенитра*, *Чегинитра*, *Чигенитра-богаз*, расщелина, перевал между Караби-яйлой и верховьем реки Бююк-Карасу.

Ср. др.-инд. *chāga-* 'коза', *nétra-* 'проход'. – Шапошников. См., впрочем, **jige-nitra-*.

***čaltur-?**: *Челтер-мармара*, пещерный монастырь у с. Терновка (Шули) Бахчисарайского р-на; *Чилтер-коба*, пещерный монастырь у реки Бельбек близ Сьюрени. Вар.: *Челтера*, *Чалтура*.

См. **sala-tura-*.

***čambala-/čembala-?**: Συμβόλων λιμήν (Strab., Ptol.); *Symbolum portus* (Plin.); (ἕξ) Συμβόλου λιμένα (Arrian.); *Cembalo* (генуэзские документы XIV–XV вв.). Ср. *Цымбал(ы)*, гора на Таманском п-ове.

См. **su-bula-/su-bala-/sam-bala-*. Толкование как 'залив символов, знаков' (со ссылками на заманивающие пиратские действия тавров, жителей Балаклавского городища), скорее всего, объясняется народной этимологией на греч. почве. Сближение с др.-инд. *śambalā-* 'запасы, провизия в дорогу' с одновременной ссылкой на старинное складское, перевалочное значение стоянки в Балаклавской бухте (Шапошников)

сильно затрудняется этимологической неясностью др.-инд. слова (возможно, местный доиндийский субстрат).

**četra-tśa-/čatra-dśa-* 'сорок?' Тетраξίται., также Траπεξίται, готское племя на Таманском полуострове (Proc., см. P.-В. II, 1511), а также в Крыму. См. Tomaschek. *Goten*. 12, 23; Брун. Черноморье II, 135, 207-208 и сл. 309; Брун. О поселениях...; А.А. Васильев II; Tischler 1978, 13; Zeuss 430; Штриттер 3; Pallas. *Voyages* III, 227.

Сюда же, возможно, Траπεξοῦς, род.п. -οῦιτος (Страбон, см. В.Н. Дьяков), ложно сблизившееся с греч. τράπεζα 'стол', откуда русск. название горы – *Столовая*; однако тюрк. форма *Čatyr-day*, *Чатырдаг*, скорее всего, самостоятельно продолжает первый компонент индоар. числительного и свидетельствует о ложности этимол. связей с τράπεζα, которых еще нет, напр., в Τετραξίται (выше).

По-видимому, -ίται в этом племенном названии отделимо как вторичный, греч. этниконсуффикс, по отделении которого мы имеем дело уже с чистым туземным числительным '40', служившим традиционным символическим обозначением местного "многоражья" и этнической пестроты. Диалектный способ выражения числ. '40' явствует из сравнения с др.-инд. *catvāriṃśāt-* 'сорок' (см. Böhtlingk 2, 211). Ср. договор Игоря 945 г. – о многоражье в этой местности (А.А. Васильев II), позднее о том же – *quadraginta castella* (итал.), букв. '40 замков' (Вильгельм де Рубрук, 1253 г.), сюда же *Kirk-ep*, собственно – тюрк. *qurq-yer* 'сорок местностей', иногда – в сочетании с тюрк. *el* 'народ'. См. В.Д. Смирнов. Крымское ханство I, 102. Сюда же *Kirkol*, на Таманском п-ове (Dubois V, 80). О густоте заселения этого района Крыма см. специально Тунманн 35.

Маловероятна "греч." этимология имени тетракситов – от наречного числительного тетράκις 'четырежды' (так Васильевский, Жит. Ио. Гот. 110–111; ср. и Tomaschek. *Goten* 23: якобы в связи с "четверованием" у тетракситов). **IA**–48, 59.

**čili-* 'хищная птица, орел?': остров *Орлов*, или *Чиле* между островом Тендра и устьями Днестра (Бурачков 1875, 43).

Ср. др.-инд. *cillih* 'какая-то хищная птица' (см. о нем Maughofer I, 390). См. Трубачев. – Этимология 1979 (М., 1981), 117–118. Возможно, звукоподражание – по клекоту птицы.

Ср., впрочем, также тюрк. *čil* 'куропатка, perdix' (CodCum 109, 14). – Шапошников. **IA**–144.

**dama-* '(населенное) место', см. *kṛkan-dama.

*dandaka 'камышовая': Δανδάκη (Ptol., P.-В. I, 271), *Dandace* (Amm. Marc. XXII. 36 = SC). Локализация: Щеглов 1965, 109; Щеглов 1978, 130. По Птолемию, Дандака – либо Усть-Качинское, либо Усть-Бельбекское городище I в. до н.э. – III–IV вв. до н.э., ср. близ последнего и урочище Камышлы. См. еще Minns 496, 498, сн. 1) (о трех гаванях Страбона); Ростовцев. Скифия и Боспор 76.

Ср. др.-инд. *Dandaka-*, название леса и области в Индии, а также народа там (см. о последних Law. *Early Buddh.* 3; Law. *Tribes* 383; Sircar, *Stud.* 30; Hilka 65); сюда же апеллатив др.-инд. *dandaka-* 'палка, ду-

бинка', *dandá* то же, *dandana-* 'вид тростника' (Моп.-Will. 466, 467). Ввиду близости, смежности значений 'палка, дубинка' и 'тростник, камыш' допустимо прочтение таврического *Δαυδάκη* (не встречающегося в собственно Скифии) как 'камышовая' и отождествление с более поздним местным названием *Камышовая бухта, Камышская бухта*, хутор (Список Крымск. АССР 114), в рамках современного Севастополя. См. Трубачев ВЯ 1976, № 4, 00.

В собственно скифских (иранских) остатках неизвестно, но следы употребления **danda-* 'жест, скипетр', того же происхождения, возможно, открываются в *Δαυδά-ξαρδος*, ЛИ (Березань), которое при этом оказывается гибридом (индоар.-ир.) 'скиптроносный царь'. – Шапошников.

Прежняя этимология *Δαυδάκη* от ир. *dandā-* 'зуб', осет. *dændag* 'зубастый' (см. ОИЯ) сомнительна, в том числе – типологически ('зубастый' – о бухте, поселений?). Ср. сл. IA–40–41 и *passim*.

*dand-aria- 'камышовые арии': *Δαυδάριοι*, племенное название на нижней Кубани (Strab. = SC; CIRB № 1014; Steph. Byz.); сюда же название острова-косы у выхода из Днепро-Бугского лимана в Черное море: *Dandarium*, искаженно – *Dardania* (Rav. An. IV, 5), τὰ Ἰδαρά (Const. Porph. 42, 120^v), соврем. *Тендра*, в тур. источниках – *Tentere*. См. Тунманн 52; Эвлия Челеби 108. О косе Тендра см. еще И. Толстой 55.

Этимологизируется как сложение **danda-* (см. **dandaka-*, выше) и **aria-* (см.). См. Трубачев ВЯ 1976, № 4; ВЯ 1977, № 6, 19, со ссылкой также на тур. традицию именованья *сарыкамыш-козаклер* 'казаки из желтого камыша' на Кубани, примерно на месте обитания древних дандариев. О связи с Гилея (греч. 'лесная') см. Надеждин 51. О местности *Сары-камыш/Желтый камыш* также на Нижнем Днепре см. В.Д. Смирнов I, 539, 583. Ср. и о зарослях тростника на Таманском полуострове специально: Neumann 333.

Ввиду нехарактерности корня **dand-* для ир. маловероятно мнение о том, что дандарии были иранцами, а равно и этимология из ир. **dānudar-* 'держашие реку (?)' (так см. Абаев ОИЯ). IA–41, 48.

*dara- 'пещера': *Δορός*, местность в Крыму (Жит. св. Ио. = 300ИДР); *Δόρος*, *Δαράς* (Braun 10); *Δάρες τὸ πῦρ Ταῦρες* (Hieroclis Synecdemus 312, 315, там же – *Δάρας*). Описания и упоминания см. еще: Штриттер 3; Кеппен. Крымский сборник 57–58; Кропоткин 199; "Феод. Таврика" 159 (локализуется на Мангупе).

Ср. др.-инд. *dara-* 'пещера', *Darah*, название горы (Моп.-Will. 470; Maughofer II, 21). См. Трубачев – ВЯ 1977, № 6. Ср. еще Cunningham, Anc. geogr. 27: "...darās or valleys..." Карстовый характер крымской Яйлы, наличие известняковых пещер, прежде всего – на Мангупе, отмечается неоднократно. См. "Крым" 26; А.М. Лесков 5. Ср., далее, МН *Инкерман*, букв. (тюрк.) 'пещерная крепость'.

С учетом вышеизложенного менее вероятны другие этимологии: к осет. *dor* 'скала' (Vernadsky 1943, 148); к гот. *daurons* 'двери' (Tischler 1978, 15); А.А. Васильев I, 323 и сл.; Маркевич 21.

Ср., далее, *tava-dara. IA-45, 48.

**dara(va)nt*- 'обильный пещерами?': Δόρας, Δόραντος. название местности (VII-ой в., см. А.А. Васильев II, 189), Δόραντος (Braun 10).

Ср. др.-инд. *darivat*-, *darivant*- 'изобилующий пещерами' (Mon.-Will. 470; Кочергина 261).

Ср. *dara- (см.). IA-45, 48.

*dari (*dari) 'пещера, пещерная': Δόρι, страна в Тавриде, где жили готы (Procop.); Dory-nomen oppidi Pontici (Priscian., V-VI вв.); Dori (Rav. Anon.).

См., далее, Келпен. Крымский сборник 54; Tomaschek, Goten 15; Braun 10; Тиханова 324 (локализация страны Дори у Прокопия); Соломоник, Домбровский (Археол. исследования средневекового Крыма 1968): локализация; Pekkanen.

Ср. др.-инд. *dari* ж.р. 'пещера' (Mon.-Will. 470). Далее сюда же *dara-, **dara(va)nt*-, *tava-dara- (см. s.vv.). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6.

Написания Прокопия и Присциана через υ, у гиперкорректны, вместо ι (греч. υ = [i] с III в. н.э.). – Шапошников.

Прочие этимологии: в связи с гот. *daura* 'дверь, ворота' (Брун. Черноморье II, 211; Tischler 1978, 15); от греч. δόρι 'копье' или δερός 'кожаный мешок' (Ведров. – Труды I археол. съезда в Москве 1869 г. II. 404-405). IA-45, 49.

*darsan⁽⁴⁾- 'вид': *Дарсан*, название холма в центре Ялты, где и сейчас находится смотровая площадка.

Ср. др.-инд. *darsana*- 'вид; видение, зрение; осмотр, обозрение'.

**das(a)ka*- '?': Δόσκοι, название народа (Strab. = SC).

Ср. др.-инд. *dāsa*- 'демон; дикарь, варвар; раб' (Mon.-Will. 477), *dāsaka*- м.р., ЛИ (Там же). Далее, ср. ир. племенное название *Dahi*, народ у Каспия (Mela), где *dāha* < *dāsa*, что говорит об индоар. принадлежности приведенной выше формы. IA-49.

*diia 'Девин, Девий': Nymphæum, Dia (Plin. NH); Δῖα, город в Скифии (Steph. Byz. = SC); Παρθένιον (P.-B.); Dina, город на Боспоре (Rav. Anon.); ср., далее, *Динская*, станица (Списки Екатеринодар.), *Динской* залив (Лоция Азовского моря).

Местоположение Дии точно не определено, см. Minns 20; Кругликова, Боспор 25; однако высказывалось мнение о ее локализации в непосредственной близости к Нимфею (см. Гайдукевич МИА № 85 = Боспорские города II, 184 и сл.). При этом следует обратить внимание на характер плиниевского контекста Nymphæum, Dia, возможно, содержащего одну из скрытых глосс, встречающихся у этого автора: греч. υιψφαῖος значит 'девичий', ср. неподалеку от Пантикапея также селение Παρθένιον, тоже – (греч.) 'девичье'. Это позволяет говорить о традиции наименования, передававшейся здесь от более раннего этноса к поздним, что понимали уже старые авторы, ср. Сумароков 1805, 98-99, связывающий античное *Нимфеум* с татарским *Кыз-Таш* 'девичий камень' в этом же районе (ср. и у Кругликовой,

Боспор 101 – *Кыз-Аул* как место раскопок; автор оставляет эту связь названий без внимания). Показательно мнение археолога о наличии догреческого таврского поселения в Нимфее (А.М. Лесков 122, сн. 62). Таврский след позволяет предположить и достоверно известный культ таврской богини Девы (свидетельства по всему Южному берегу Крыма – от Херсонеса через Партенит до Боспора). Все отмеченное побуждает толковать **di(i)a* как таврское ‘дева’, что в очередной раз показывает отличия этого индоарийского диалекта, причем тавр. **di(i)a* оказывается ближе к слав. *děva ‘дева’, фрак. *dea* то же (Георгиев), чем к др.-инд. *kumārī*, *kanyā* то же. **IA–45–46**, 49.

***diu-p(u)tuna-?** ‘сын неба?’: Διοπτουνης/Διοπτοῦνος Τιβέριος Ιούλιος, ЛИ, царь Боспора в 533 г., надпись, Керчь (CIRB); Латышев. ПОНТИКА 366–369).

Ср. др.-инд. *dyu-* ‘небесный’ в сложениях, перед согласным (Wackernagel–Debrunner II, 1, 52–53). Второй компонент -птоу- (если из **putun-*?), возможно, связан с др.-инд. *putra-* ‘сын’, что подкреплялось бы контекстом всего имени, его царским статусом, а также другими (культурными) моментами, о которых – ниже. Ср. др.-инд. *Devaputra* (эпиграфич. *Daivaputra*), “титул некоторых царей из кушанской династии; произведено от китайского титула, означавшего ‘сын неба’” (D.C. Sircar. Indian epigraphical glossary. Delhi, Varanasi, Patna, 1966, 77). Определенная промежуточная коррекция этого исходного влияния могла быть связана с семантикой соответствующих ир. титулов (в конечном счете калькирующих все тот же первоисточник), ср. др.-перс. *haya-pitra-*, собственно ‘сын бога’. Фрак. *Deopus* ЛИ м.р. (надпись в Фессалонике), также толкуемое как ‘сын бога’, представляет собой, скорее, свободную параллель ввиду предполагаемого родства *Deo-pus* с греч. θεός < **dh̥yeso-* (Дуриданов. Езикът на траките 59). Попытки связать имя боспорского Диуптуна с фрак. ономастиком (дак. *Diurpaneus*, *Diurpaneus*, иллир. *Diopanes*, которые в действительности – из греч. *Diop(h)anes*) не имеют под собой оснований, см. I.L. Russu. Elementele traco-getice în Scitia și Bosporul Cimmerian. – Studii și cercetări de istorie veche IX, 2, 1958, 322.

Боспорские цари в IV–VI вв. были гуннского происхождения, отсюда небесная атрибутика. – Шапошников. **IA–49**.

***do-ab-** ‘двуречье’: *Дооб*, река у Геленджика (Vasmer. Wörterbuch der russ. Gewässernamen I, 632); *Дооб*, гора и мыс юго-восточнее Новороссийска (Н.А. Онайко. К истории Бат. – ВДИ 1976, № 1, 110, 112; Н.А. Онайко. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980, 95).

Этимологически тождественно др.-инд. *Duab*, название двуречья Инда и Акесина (см. о нем: Ch. Lassen. Indische Altertumskunde I², 720, примеч. 3), *Doab*, двуречье, междуречье Ямуны–Джамны и Ганга (В.С. Law. Geographical aspect of Kālidāsa's works. Calcutta, 1954, 4). апеллативно – *doab* ‘двойная река, двуречье’ (Candrabhāgā, см. В.С. Law. Rivers of India. Calcutta, 1944, 13).

Образ 'двуречья' стойко сохраняется на Северо-Западном Кавказе и выражается там различными языковыми средствами, ср. *Tuance* – адыг. *Tuancy* 'две реки, двуречье' (Коков 1977, 289; Коков у: Никонов 426; Меретуков. Адыг. топон. словарь). IA-49, 172.

*donga '?: *Донга*, левый приток Качи (Vasmer. Wörterbuch der russ. Gewässernamen I, 629), река *Донга* (Кеппен, Крымский сборник 284, примеч. 419; автор специально обращает внимание – passim – на нетатарское, неконечное ударение и фиксирует его место).

Ср. др.-инд. *dhanv-* 'бежать, течь' (см. о нем Mayrhofer II, 91–92), при возможности объяснения *donga* < *danka < *dhanuka. – Шапошников.

**dvija-* 'дважды рожденный' *Дигица*, ЛИ уважаемого члена общины города Херсон(ес)а, IX в., в церковнославянском тексте "Слово на перенесение мощей св. Климента".

Дигица – как возможная кириллическая транслитерация греческо-византийского *Διγίτζα, которое, в свою очередь, могло явиться записью местной индоарийской (таврской) формы, родственной др.-инд. *dvi-já-* 'дважды рожденный'. См. Trubačev. – Ponto-Baltica 1981, I. Ср. **at(a)ma-ja-* (см.). IA-179–180.

**gand-aur-* '(местность) с пробитыми каналами?': *Кандаур*, МН в Терской обл. (Geogr. Namenb. IV, 1, 1968), (*Большой*) *Кандаур*, остров на Азовском море, у Темрюка (Поночевный 9), там же – лиман *Большой Кандаур* (Гёрц 11–12); *Кандауров*, МН в Донск. обл. (Russ. geogr. Namenb. IV, 2). Производные МН *Кандауровка*, *Кандаурово* и т.п. представлены далее, в Курск., Самар., Тамб., Костром. губ.

Допустимо осторожное сравнение с др.-инд. *Gandhara*, названием исторической области, откуда позднейшее *Kandahar*, название города в Афганистане (см. о последнем тождестве Cunningham, Anc. Geogr. XXIV). Возможно, далее, сюда же и др.-инд. *Gandharva-*, имя мифических существ, этимологизация которого может быть затруднена табуистическими изменениями (о последнем см. Mayrhofer I, 321–322). Предположение о наличии здесь родства с др.-инд. *gandháyate* 'ранить, наносить рану' в соединении с плохо засвидетельствованным апеллативом **aur-* 'вода' см. Трубачев. – Этимология 1977 (М., 1979), 138 и сл. Ср. русск. *проран* 'канал, пробитый для оттока воды': *рана*. Ср., далее, этимологию Кречмера специально для греч. *Κένταυρος* – к *κεντεῖν* и *αῦρα*, откуда кентавр как бы – "Wasser-peitscher" (P. Kretschmer. – Glotta X, 1920, 50, 211). Устройство каналов на нижней Кубани, связанное с земледелием и садоводством, известно с древности.

Прочие этимологии имени гандхарвов см. Haudry 1982: **g^whendh(o)rwo-* 'the master of desire'. В.А. Бушаков (Аскания-Нова, письменно) объясняет топоним *Кандаур* от антропонима тур.-перс. происхождения. Оставляя в стороне явно отантропонимичные производные на *-овка*, *-ово* (выше), думаем, что топоним тут первичен. Тюрк. элемент, скорее всего, сводится к оглушению первоначального звонкого

начального согласного. Ср., впрочем, и аналогию МН *Kandahar* (индоарийский элемент в иранском окружении). IA-93-95, 174.

***gangana**-? 'рыболовное орудие?': γαγγάνη 'вид остроги на Боспоре Киммерийском' (Страб.). О негреческом характере слова см. Ritter 415.

Ср. др.-инд. *ghanāghandā*-, прилаг. 'боевой, склонный к убийству, поражению; бой, стычка' (Mon.-Will. 376).

***garg-aria**- '—арии?': Γαργαρέας — скифский народ (Страбон = SC); Γαργαρέης — скифский народ (Стеф. Виз. = SC).

Ср. *aria-, *dand-aria- (см.). Первый компонент неясен, возможно, к др.-инд. *gārha*- 'домашний очаг', употребительному в сложениях. — Шапошников.

geru(k)sa**-/gaia-ru(k)sa**- 'белый дом?': Γέρουσα πόλις, город в устье реки Аттикит (Ptol.).

Ср. др.-инд. *gāya*- 'дом, хозяйство, семья'; а также см. **ru(k)sa*- 'светлый, белый'. — Шапошников.

Ср. **asta-ru(k)sia*- (см.).

giravaka**-?/girauka**-? 'горные жители, горцы?': Γραυκηνοί, название жителей по Истру (нижнему течению Дуная) (Apoll. Rhod. Argon. IV, 321). См. об этом племени еще Ельницкий 23.

Глухое отнесение к инд. слову со значением 'montagnards, горцы' "в диалектах на верхнем Инде" (V. de Saint-Martin. Études I, 62) побудило нас в свое время высказать догадку о наличии здесь суффиксального производного от падежной формы *girau* (Loc. sing.) от др.-инд. *giri*- 'гора'. См. О.Н. Трубачев. — Этимология. 1981 (М., 1983), 105. Там же имеется соображение (в духе этой этимологии), что имя гравкенов (горных жителей?) перенесено на равнинные берега Нижнего Дуная Аполлонием Родосским произвольно, возможно, с Кавказа. Ср. также сл. IA-191.

***girau-kasi**- 'блеск на горе': ...Croucasim (вар. Groucasim, Graucasim) hoc est nive candidum (Plin. Nat. hist. VI, 17 (19)), псевдоскифское название Кавказа, или, точнее, "горы Кавказ" (по-видимому, Эльбрус), с толкованием (глоссированием) 'белоснежная'.

См. специально Трубачев. — Этимология. 1981 (М., 1983), 101 и сл., 106, где плиниевское название Кавказа соотнесено с др.-инд. *girau*, Loc. sing. 'на горе' от *giri*- м.р. 'гора' и *kāśi* 'блеск, сияние'. Ср. уже V. de Saint-Martin. Études... I (1850), 62, объясняющий написание Graucasus "de grau, montagne, corruption provinciale du sanskrit ghiri". Догадки об инд. природе названия Кавказа, точнее его плиниевской — наиболее архаической и этимологически авторитетной формы, носят давний характер. Ср. Болен у Услара 492-493: из др.-инд. *grāvakāśa*- 'блестящие скалы'; Кречмер: из др.-инд. *kru-kāśi- 'nive candidum' (откуда ир. эмендация Маркварта — **χρο(h)u-kasi*- и др., см. M. Mayrhofer. W. Eilers, — Die Sprache 6, 1960). Ср. предыд. Далее, см. *kaspi-.

Об ир. этимологии см. в последнее время К.Т. Витчак ВЯ 1992, № 5. 54. IA-190-193.

***giri-nadi-** 'горная река': *Hornád*, река бассейна Дуная в Словакии.

Ср. др.-инд. *giri-nadī* ж.р. 'горная река'. На связь обратил внимание уже А.И. Соболевский. Об эндемичном ареале топонимов со вторым компонентом *-nad* в бассейне Среднего Дуная (Банат) см. у нас специально в другом месте. IA-184.

***gnur-?** 'огородное растение': Γνοῦρος, он же – Δαυκέτης (последнее – от греч. δαῦκος, название моркови и различных других, гл. обр. зонтичных, овощей), ЛИ ( ).

Ср. др.-инд. *gaṇḍīva-* 'огородное растение', см. Трубачев ВЯ 1979. № 4, 00. Непосредственным источником могла при этом послужить народная (пракритская) форма с типичным упрощением группы согласных. IA-111.

***gr-ud/t-?** 'пожиратель воды? (– ветра)': τοὺς ...ὑρῖπας (Herod. = SC).

Ср., возможно, др.-инд. *garuḍa-* 'мифическая птица Гаруда', *garut-* 'крыло'. Что касается проблематичной греческой формы ὑρῖψ 'гриф, сказочная птица', в которой до нас дошли эти сведения (Герод. и др.), то она подверглась переделке под влиянием греч. названия хищной птицы ὑρῖψ, которое наслонилось на явно негреч. субстрат (Chantraine). IA-175.

***harmisia-** 'крепость': *Hermisium* (Plin., Mela), город Боспорского царства, упоминаемый рядом с Феодосией (либо крепость I в. до н.э. – VII–IX вв. н.э. у с. Ильич в начале Арабатской стрелки, либо, скорее, античный город на месте современного города Старый Крым и крепость на горе *Агармыш* [татарское *ауармыш*]).

Ср. др.-инд. *harmyá-* ср. р. 'большой дом, крепость' (сходство с тюрк. *ауур* 'честь', *ауар-* 'течь, струиться', татар. *ауармыш* 'облысевший' носит, по-видимому, случайный, народноэтимологический характер). – Шапошников.

Ир. эквивалент имел бы отличную форму **zarm-*.

***hava-** 'жертва, жертвенник?': Χαβαί, крепость скифов, взята Диофантом (декрет в честь Диофанта, Херсонес); Χαβον τις, место победы Диофанта над скифами (Strab.). Не локализовано (Раевский 1976, 102).

Ср. др.-инд. *hava-* 'жертва, огонь'. В Сев. Причерноморье неоднократно встречается аналогичное по семантике греч. Βωμοί мн. 'жертвенники' (напр. Ἀλεξάνδρου Βωμοί) в топонимии.

***hingula-** 'киноварный, суриковый (о цвете)?': Χιγγυλοῦς ποταμός, Χιγγυλοῦς/Χιδμός, название реки, текущей через страну угров Леведию (Конст. Багр. De adm. imp. 38, р. 168; Marquart, Streifz. 32). Возможно, сюда и современные названия рек *Ингу́л*, л.п. Ю. Буга, *Ингуле́ц*, п.п. нижнего Днепра (тюрк. происхождение последних, как о том см. Фасмер II, 131, скорее, проблематично).

Ср. др.-инд. *hingula-* 'киноварь, сурик', *Hingulā*, название страны (Mon.-Will. 1298), название реки (Law. Early Buddh. 59). Для инд. слова, правда, предполагается ир. происхождение, см. Maunhofer III, 593. В последнем случае можно указать и на вероятность отражения в Χιδμός

(дублет у Конст. Багр., выше) ир. формы **xid-ma(nt)*- 'мостовой, имеющий мост'.

Монг. этимологию приведенного выше гидронима см. О. Pritsak 1976, 22.

*ian-tar- 'тот, кто сдерживает': русск. *янтáрь*, стар. *ентарь*, откуда затем, с одной стороны, лит. *jentaras*, (литер.) *gintaras* 'янтарь', лтш. *dzintars* (с гиперкорректным задненебным и его рефlekсами), с другой стороны – венг. *gyanta*, *gyantár* 'янтарь'.

Скорее всего, родственно (этимологически тождественно) др.-инд. *yantár*- 'сдерживающий', вернее, 'возница', имя деятеля от корня *yam*- 'держать' (см. о последних Maughofer III, 2), *yantrám* ср. р. 'запор, связь' (Там же, 7). Название объясняется магнитными свойствами янтаря, окаменелой смолы, древнейшим районом добывания которой было также Сев. Причерноморье (так наз. днепровская янтареносная провинция) эпохи обитания там индоариев. Ср. еще *alak-tar- (см.). См. Трубачев. – Этимология. 1978 (М., 1980), 7 и сл., с литературой.

Одно из отражений этого названия сохранилось, возможно, в половецк. *giltra*-, *giltrar*- 'lanpate, сверкать' (Codex Cumanicus 33, 3–33, 4), этимологически темном слове (К. Grønbech. Komanisches Wörterbuch. København, 1942, 133), которое может продолжать *jiltîr/*jiltar < < *iantar-.) – Шапошников. IA–125 и сл.

*idam-trsa-/u- 'этого жаждущий': Ἰδάνθιρος, ЛИ скифского царя (Иданфирса).

Ср. др.-инд. *idám* 'это', *trśú*- 'жаждущий; яростный, быстрый'. Тот же второй компонент – в имени Ἰδάνθιρος и слав. *Тоурси*, название народа (Ж. Конст.). См. О.Н. Трубачев. – Ponto-Baltica I, 1981, 126. IA–181.

*ikaka/*ekaka?: *Ikacus*, река в стране керкетов (Plin. = SC).

Ср. др.-инд. *ekaká*- 'один, единственный'. – Шапошников.

*iksu-mata- 'богатые камышом, тростником': Ἰξομάται. Ἰαξάματα (Ptol. = SC; Polyaeon. = SC; P.–B. I, 528; Anon. Scymn. Ch. = SC); Eχοmatae (C. Val. Flaccus = SC); Ἰξιβάται ἕθνος πρὸς τῇ πότιτι προσεχὲς τῇ Συδικῇ (Hecat. = SC). Соображения об их связи с иранцами см. Миллер; Масленников 34. С другой стороны, о связи иксибатов (иксобатов) с синдами, иксоматов (эксоматов) в целом – с меотами см., основываясь на древних авторах, Ростовцев. Скифия и Боспор 19, 110.

Далее, сюда и *Iksumatī*, название реки в Индии, приток Ганга (Mon.-Will. 163–164; Sircar. Studies 42); видимо, и праkritизированное *Ichāmatī*, река бассейна Брампутры (Law, Rivers of India 33).

Очевидно, этимологически родственно форме, близкой или тождественной др.-инд. *ikśú* 'сахарный тростник', ср. уже давнее отождествление Ὀξύματις (Ὀξύματις) у Мегасфена (Agr. Ind. 4, 5), то есть *Ixumatī*, как 'богатая сахарным тростником', см. Шванбек у: Lassen I. 747, 2. Кстати, форму *Cannate* в надписи по ту сторону Танаиса на римской карте мира, необязательно было эмендировать как *Ixamatiae* (как см. Müllenhoff III, 81), поскольку вполне допустимо – в свете

вышеизложенного – читать здесь *Cannatae* (лат.) ‘тростниковые’, калька местного индоар. **iksu-mata-* ‘тростниковые’. До недавнего времени, напр., камыш широко применялся в качестве строительного материала, топлива в Новороссийском крае, бедном лесом.

См. Трубачев ВЯ 1977, 6, 20. В дошедших до нас индоар. реликтах Сев. Причерноморья тростниковая, камышовая номенклатура оказывается хорошо представленной. Ср. **dandaka-*, **dand-aria-* (см. выше). IA-49, 160.

**iksu-pura-*? “Камышин”: Ἐξόπολις – πόλις παρὰ δὲ τὸν νότιον τοῦ Ταναΐδος ποταμοῦ (Ptol. = SC). Müllenhoff III, 96; Ἐξάπολις, один из городов вверх по Танаису; Ростовцев (Скифия и Боспор 79), говоря о Птоломее, упоминает “на Танаиде” Эксополь.

Очевидно, что Ἐξόπολις представляет собой грецизацию типа Персέ-πόλις. причем эта греч. обработка коснулась прежде всего замены греческим πόλις второго компонента туземного сложения, а именно – первоначального **pula-* или **pura-* (см. s.vv.) ‘город’. Первый компонент сложения, очевидно, тождествен др.-инд. *ikṣū* ‘сахарный тростник’. Ср. предыд. IA-49.

*iti-mari ‘здешние люди?': *Itimari*, народ в Крымской Скифии (Iord. Get. 48, 53). См. о них Васильев. Готы в Крыму.

Возможно, сложение, ср. др.-инд. *itá* ‘здесь, тут, здешний’, *iti* ‘так’ и *márya-* ‘мужчина; юноша’, мн. ‘люди’. – Шапошников.

**jagat-* ‘идуший’: Ζάγατις ποταμοῦ ἐκβολαί (Ptol. = SC), река в стране генихов.

Возможно, родственно др.-инд. *jágat-* ‘идуший, подвижный’. – Шапошников.

Ср. *jige-nitra (см.).

**jalman-* ‘(ледяная) вода?': *Джалман*, река в Крыму; *Джолман*, ручей (Симферопольский район, Словник гідронімів України 169); *Tscholman* (Braun 12). Ср. сюда же производное *Джалманчук* (Крым, 1980, 33–40). О загадочном, нетюркском характере названия *Джалман* см. Филоненко 134.

Ср. др.-инд. *jalá-* ср. р. ‘вода’ (о производной форме **jalman-* ср. Maurohofer I, 423, 432). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. IA-49.

**jama-/iama-* ‘близнец, близнецы’: Ἰάμα (Гекатей = SC).

Ср. др.-инд. *yamá-* ‘двойной, родственный, близнец, близнецы; пара’. Ср. еще *-jamín* в составе имени **bah(u)-var-jamín* (см.). – Шапошников.

**jar-anga-*? ‘старый изгиб?': *Саранг* (Орф. 1035 сл.), см. Ельницкий 20. V. de Saint-Martin I, 14, 67, 1): “нижняя Кубань”.

Можно предположить родство с др.-инд. *jar-(jarati)* ‘старый, стареть’ и *ánga-* ср. р. ‘член’ (если из ‘сустав, то, что гнется?’). При этом допустимо использовать аналогию черкесского названия Кубани – *Псыжь*, собственно ‘старая вода’. Ср., однако, вариантную реконструкцию **saranga-* (см.).

**jaran-kaśa-*? ‘старый берег?': *Джарылгáч/Ярылгáч*, деревня Евпато-

рийского уезда Таврической губернии (Списки нас. мест ХLI. Таврич. губ. СПб., 1865, 60).

Предположительно к др.-инд. *jaran-* 'старый' и *kaccha-* 'берег'. Обе основы обнаруживаются в разных сочетаниях в составе местного индоар. субстратного слоя. Ср. далее **kača-*, **kačika-*, **ni-kaksin-* (см. s.vv.), а также встречаемость **jar-* (см.).

Тюрк. этимология, скажем, из *yaryl/jaryl ayač* 'сгоревшее дерево' наталкивается на факт безлесности этих мест.

***jarđan-**? 'сад?': "садовые места *Джардань*" (Кеппен 163).

Предположительно к палатальному варианту и.-е. **ghordh-*, при наличии инд. продолжений как раз велярного и.-е. **ghordh-*: др.-инд. *grhá-* 'дом'.

***jarita** 'старая': *jaritā*, Ялта у арабских географов; Идриси (XII в.): *jalitah*; *Gialita* (1381 г.), в договоре Генуи с татарами; *Яльта* (Сумароков. Досуги крымского судьи. 1805 г.); соврем. *Ялта*. – Формы *Яльта*, *Ялта* явно сохраняют старое, нетюркское, начальное место ударения (*ídlita, *ǰálitá); *ia-* в м. *ja-* представляет собой уже, видимо, тюрк. диал. черту.

Возможно, родственно, др.-инд. *jar-* (*jarati* и т.д.) 'старый, стариться', представляя собой причастную (адъективированную) форму типа *jharjharita-* 'разбитый, увядший, испорченный'. В этой связи ср. городской микротопоним в Ялте – *Паликур*, собств. греч. *παλαῖον* *χωρίον* 'с т а р о е селение', в котором удерживается эта определяющая для названия *Ялта* семантика, еще понятная грекам. Ясно, что попытки объяснить *Ялта* в связи с греч. *γαλός* 'берег' как 'береговая' целиком относятся к области народной этимологии (элементарное отсутствие маркированности: все окрестные населенные пункты – тоже береговые!).

***jar-sina-**? ЛИ: Zorsines, Siracorum rex (Tac. Ann. XII, 15), *Zωρθίνος*. *Zωρθίνης* (СІРВ №№ 1276, 1278, 1280; Латышев. ПОНТИКА 366; Шелов 1972, 246, 250; Шелов 1974, 92–93); *Zώρσανος* (Lat. IosPE I, № 21; IosPE I² № 39).

Возможное сложение, первый компонент которого ср. с др.-инд. *jára-* 'старый, стареющий', а второй компонент – к др.-инд. *-sena*, встречающемуся в составе ЛИ (ср. о нем Nilka 111; Wackernagel-Debrunner II, 2, 927). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. Ср., впрочем также фрак. *Tarusinas* ЛИ (см. о последнем Дуриданов 66). ІА–49.

***jige-nitra-** 'пеший проход': *Чигенитра-богаз*, ущелье, проход через Караби-яйлу в Карасубазар (Семенов; Среднев. Крым 42–43; Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневеку. Крыму 1966, 45).

Ср. др.-инд. *jigati*, *jigeti* 'идти' и *netra-* 'проход'. В отношении *Чигенитра-богаз* (где тюрк. *богаз* – 'ущелье') можно видеть кальку 'проход'. Сюда же, видимо, реликтовое индоарийское *Nitra*, название реки бассейна Дуная, в Словакии. См. Трубачев Ponto-Baltica 1981, № 1, с. 129–130.

Иначе см. выше **čagi-nitra-*. ІА–120–121, 184.

**jīva-* 'живой': *Джива-Кая*, *Дзива-Кая* (Кеппен 198); *Tschiwa* (Паллас); см. еще *Tomaschek*, *Goten 70*. *Дива* – скала у Симеиза.

Ср. др.-инд. *jivá-* 'душа, живое существо'.

kaba-taksa-* (kṛba-taksa-*), ЛИ: *Καβα θάξης*, синдское ЛИ (СІРВ №№ 1056, 1113; Крушкол. Др. Синдика 189).

Этимологизировалось как антропонимическое сложение (прозвище) из первоначального имени деятеля, ср. др.-инд. *kumbhá-* 'кувшин, сосуд' (*Mon.-Will.* 293), *tákṣan* 'плотник' (здесь – 'ремесленник?'). Ср. еще, с одним из этих компонентов, др.-инд. ЛИ *Doṣa-kumbha-* (*Hilka 75*). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. ІА–34, 49.

**kača-* 'берег, береговой, прибрежный': *Кача*, река в Зап. Крыму, впадает в Черное море.

Ср. др.-инд. *kačha-* 'берег'. Ср. **kačika-* (см.). – Шапошников.

Объяснение из тюрк. этнонима *qača* см. И.Н. Лезина, А.В. Суперанская. Об этнонимах Крыма. – Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984, 77–89.

**kačika-* 'береговой, прибрежный': *Καζέκα*, пристань на мысу *Яга-Качик* (*Арриан*, Р.–В. I, 589; *Minns 20*; *Neumann 471*; *Pallas. Voyages IV*, 61; *Сумароков 1805*, 93–94; *Жебелёв*. Восп. эт.: туземный характер названия); позднейшее *Таш-Качик*, *Яга-Качик* (*Фабр 33*), *Качик*, *Джермай-Качик*, Феодосийск. у. Таврич. губ. (*Vasmer. Russ. Geogr. Namenbuch IV*, 1, 115).

Суффиксальное производное на *-ika-* от **kača-* (см.), ср. др.-инд. (пракритизм) *kačha-* 'берег'. Сочетание с тюрк. *яга* 'берег, береговой' (*Яга-Качик*, выше) носит характер калькирования, перевода более древнего названия. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. ІА–37, 49.

**kači-kalian-* 'красивый берег?': *Качи-кальон*, пещерный монастырь у с. Кудрино (Крым).

Ср. др.-инд. *kačha-* 'берег' (см. **kača-*, выше) и *kalyāna-* 'красивый; хороший, добрый; прекрасный; счастливый, благополучный; счастье, благо'. – Шапошников.

**kad-vida-* 'что знающий': *Καδούδας* ЛИ, скифский царь, родной брат Анахарсиса, сын Гнура (*Diog. Laërt. = SC I*, 630).

Ср. практически полное соответствие в др.-инд. (эпич. санскр.) *ko-vida-* 'опытный, сведующий', где *ko-* – вариант *ka-*, *ku-*, *kad-*, вопросит. мест., здесь – в усилительной функции (см. об этом *J. Wackernagel. Altindische Grammatik. Bd. II, 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 2. Aufl. (Göttingen, 1957) 84*).

См. Трубачев. *Indoarica dans la Scythie. – Ponto-Baltica 1981. 1. ІА–181*.

**kad-usi(ia)-* 'в пещерах живущие': *Cadusii*, племя на Северном Кавказе (*Meia = SC*).

Ср. др.-инд. *khadā* 'пещера, нора, яма, хижина, шалаш' и *vas-* 'обитать, жить', *khadā-vasya-* 'живущие в пещерах'. В Скифии и Хазарии существовала многовековая традиция полупещерных жилищ. – Шапошников.

***kaia-duri-** ‘-дверь’: ad portam caiadoris (Vigna; Колли 1912, 80), средневековое название ворот в Кафе (Феодосии).

Какие-либо ит. или лат. соответствия нам неизвестны. Ср. др.-инд. *dur* ж.р. ‘дверь’. Неясен первый компонент. IA-92.

***kaita-/*keta-?** ‘?’: *Coitae, Cetae*, племя сарматов? (Plin. = SC); Κοῖται, название народа (P.-B. I, 686).

Ср. др.-инд. *Ceti*, название племени, а также *Dhr̥ṣṭa-ketu, Su-ketu* (см. о них Law, Tribes 47, 48, 49). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. IA-

***kala-mita-** ‘черная постройка?’: о локализации МН *Каламита* (= Инкерман и др.) см. Якобсон А.Л. 1964; Дорогой тысячелетий; Крым 1980, 81 и сл.).

Ср. др.-инд. *kāla-* ‘черный, темный, темносиний’ и *mitā-*, прич. прош. страд. от *mi-* ‘укреплять, создавать, сооружать’: – Шапошников.

Осмысления в связи с греч. κάλαμος ‘тростник’ (как и с греч. κάλός ‘прекрасный, красивый’) вполне могут быть вторичными.

***kala-ras-** ‘черная река?’: расположена между Укеком приазовским и рекой Итиль; Ritter 297: отождествляет *Kalaros* и (остров!) Ἰαλιπεία в устье Дона; Klapproth. Comm. 64; В.Д. Смирнов I, 54: *Калар*.

Возможно, к др.-инд. *kāla-* ‘черный, темносиний’ и *ras(ā)*. Ср. (семантически близкое) тюрк. Харá-кουλ (Конст. Багр. 42, 121^v–122^v), ориентировочно – в том же районе. Ср., далее, *Финарос*, река в Ю.-З. Крыму, из **pina-ras-* (см.).

***kalenda** ‘?’: *Календа, Календо, Календия* – село в Байдарской долине (есть дольменный могильник); ввиду наличия римской военной дороги Херсонес – Харакс сравнивалось с лат. *calendae* (термин римского календаря), что представляет собой народную этимологию.

Возможно, к др.-инд. *kāla-* ‘черный, темный, темносиний’. Исход *-nda* ср. с. **vrianda, *avunda* (см. s.vv.) и др. (Этимологический анализ выявляет, однако, скорее, различную первоначальную природу этого исхода). – Шапошников.

***kali-era-** ? ‘черная гора?’: *Caliera* – порт венецианцев между Судаком и Феодосией, в окрестностях Карадага (XIII–XV вв.; в 1367 г. захвачен генуэзцами, в 1475 г. разрушен турками).

Ср. др.-инд. *kālī-* ‘черная’. Второй компонент *-era-* предположительно представляет собой остаток киммерийского (фракийского) апеллатива ‘гора’, родственного греч. ὄρος то же. Этот индоарийско-киммерийский гибрид со значением ‘черная гора’ (и локализуемый на Карадаге) может быть связан с позднейшим тюрк. *Kara-day* ‘черная гора’ как со своей калькой. – Шапошников.

***kali-stana-** ‘?’: *Каллистон* – перевал между горами Шуври и Хриколь (Крым 1980, 163 и сл.).

Ср. др.-инд. *kālī-* ж.р. ‘черная’, также в качестве имени богини, и *sthāna-* ‘стояние, расположение; место, местоположение’. Сближения с греч. καλλιστόν ‘прекраснейшее’ являются народной этимологией. – Шапошников.

***kali-tira-** ? 'черный берег?': *Calitera, Callitera* (1367 г.), *Callitra* (1480 г.), *Callitta* (1514 г.) – название Ялты на итальянских картах и в документах.

Возможно, к др.-инд. *kālī*- ж.р. 'черная' (также имя богини) и *tira*- ср. р. 'берег; край'? – Шапошников.

***kali-wardi-** 'черная вода': *Caliordi* – один из шести городов внутренней Таврики (Plin. = SC).

Ср. др.-инд. *kālī*, прилаг. ж.р. 'темный, темносиний' и *vārdhi* 'океан', *vāri* 'вода'. Возможно, соответствует крымскому гидрониму *Qara-su* 'черная вода'. Что касается отражения туземного *va-* как *o-*, оно довольно распространено в греческих передачах, напр. 'охо-, 'οχω- из ир. **vax(v)*- 'хороший, добрый' и др. – Шапошников.

***kama-sar-** 'любимая женщина': Κομοσαρούη, Καμοσαρούης, женское ЛИ, боспорская царица, вероятно, синдянка (Р.–В. I, 611, 692; CIRB).

Ср. др.-инд. *kāma-* 'любобное желание, любовь' и *-srīl-s(a)r* 'женщина'; *kāma-* выступает во многих сложениях, в том числе личных именах (Nilka 83). См. Трубачев ВЯ 1976; 1977, № 6, 20.

Объяснение из ир. *kāma-sara-* (осет. *gom-sær*) 'с непокрытой головой' (Абаев ОЯФ I, 169, 181; ОИЯ 292, 302) кажется случайным, в том числе по типологическим соображениям. Еще меньше подтверждено толкование из фракийского (см. о нем Russu 230; Б. Надель 1963, 110, там же ссылки на аналогичное более раннее мнение Томашека, Фасмера, Дечева и Згусты).

Ср. у нас ниже *saria, *sarika (см. s.vv.), производные также от упомянутого **sar-* 'женщина' и выступающие, к тому же, в роли женских ЛИ. IA –33, 49.

***kana-pus-** 'конопля' ('семенной цветок?'): κάμβαβις (Herod. IV, 74; описание конопли как скифского растения). Через греческий распространилось на Запад Европы.

Ср. индоир. **kana-* 'конопля', откуда др.-инд. *śana-* '*Cannabis sativa*' (сатемный вариант), а также осет. *gæni/gænaæ* 'конопля'. Сюда же, в конечном счете, др.-инд. *kāṇa-* 'зерно, семя, крошка'. Второй компонент **kana-pus-*, возможно, – к др.-инд. *pītmān* 'мужчина' ('конопля мужская'? Но мужская конопля семян не дает). Ср., с другой стороны, др.-инд. *pīṣyam* 'цветок', *pīṣyati* 'цвести' (с ир. стороны это и.-е. **pu-s-* 'дуть, веять' представлено слабо, ср. Maughofer II, 318). Интенсивное проявление палатальности, церебральности (**kāṇa-*, *śana-*, выше), как и геминации (κάμβαβις) представляет собой, вероятно, проявление экспрессивности этого (доземледельческого) названия 'семена' как 'крошки, пылинки'. Заимствовано в праслав. *konopja. См. подробно Трубачев в ЭССЯ 10, 189–192. При всей сложности, предлагаемое выше членение сложения **kana-pus-* довольно точно подтверждается наличием инверсионного варианта **pus-kana-*, нашедшего отражение в более узком круге языков – в некоторых финно-угорских (марийское название женской конопли) и прежде всего – в слав. *poskonь, русск. *посконь*.

***kanka-** 'журавль, цапля': *Конка*, река бассейн Нижнего Днепра.

Подробно см. **kank-uta-*.

***kankana-/*konkana-** '?': *Carcina* (Plin.).

Ср. др.-инд. *konkana-*, название изрезанного западного берега полуострова Индостан: *kona* - 'угол' (Lassen I, 184). Упорное повторение форм вроде *Carcina*, *Κάρκινα*, *Καρκινῦτις*, *Carcinites* обязано вторичному влиянию распространившегося здесь греч. *καρκίνος* 'краб'.

***kank-uta-** 'изгнанные журавлями': εἰς *Κάγκυτον* (Асс.) 'в Канкит', декрет в честь Протогена, III в. до н.э. (М.Ф. Болтенко. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена. – СА XXVIII, 1958, 107 и сл.).

Ср. др.-инд. *kankā-* 'цапля' (Mon.-Will. 242) и *ūta-*, прич. прош. страд. от *āvati* 'гнать' (Mon.-Will. 96). Эта этимология опирается также на форму, близкую к *Κάγκυτον*, глоссируемую с помощью лат. *a gruibus fugatos*, в вариантах к Plin. NH, 44 (ed. Mauryhoff). Подробно см. Трубачев. – Античная балканистика (М., 1987) 119 и сл. 'Журавлиная' семантика этого реликта подкрепляется соседством семантически первоначально близких, а также смежных (или тождественных?) территориально названий *Gerania* (*orpidum*) из греч. 'журавлиная' (Plin., там же), а также *Γέρρος*, последнее – ввиду наличия "албанской" фонетики (-гг- < -гп-, то есть **ger-(ə)no-* 'журавль?') – подходит под рубрику киммерийского. См. Трубачев, там же. См., далее, **kanka-*. IА-207 и сл.

***кара-** 'холм, бугор': *Καράς* (Конст. Багр., X в.), *Cafa*, *Caffa* (в ит. документах, XIII–XV вв.), тат. *Kefe*, – все относится к Феодосии. Возможно, сюда и второй компонент *Παυτί-καπ-αίου*, античное название Керчи.

Ср., возможно, др.-инд. *kāpā-* 'череп' в производных *kāpāla-* 'составленный из черепов', *kāpālika-* 'ниций, носящий с собой человеческий череп'. Далее, ср. лит. *kāpas* 'холм', праслав. диал. (зап.) *корьсь 'холм, бугор'.

Отнесение к ир., алан. *kafa* 'рыба', осет. *kæf* (Абаев, ОИЯ 293) сомнительно в реально-семантическом отношении: все вышеперечисленные названия обозначали города, расположение которых более естественно связывать с холмами, возвышениями.

***kar-ai(v)an/*kar-oion** 'каменный остров': *Καροία* *κάριη*, местность к западу от устья Дона (Ptol.; P.–В. I, 626–629); *Careon* (Iord. 32), близ Пантикапея (Rav. An. IV, 3), Тунманн 37 отождествлял со Старым Крымом; см. еще Штриттер. Уточнения см. В.Н. Дьяков, Древняя Таврика. Сомнения относительно *Careon* см. Łowmiański. Scythia. – SSS V.

Возможно, сложение, причем *kar-* ср. с др.-инд. *kar-*, *kara-* 'твердый, крепкий, жесткий; камень' (с последним ср. еще *κάρκαρον* 'трахеїс' (Hes.), см. Mauryhoff I, 170), относительно *-ai(v)an* см. **ai(v)a*, **ai(v)an*. Ср. и традицию названия Керченского полуострова 'каменистым (полу)островом' – *Τραχεΐα Χερσονήσος* (Herod.). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20.

Попытку отождествить *Károia*. *Karéa* и *Таган-рог* см. Tomaschek, *Goten* 45. **IA**–39, 49.

***kar(un)-osta-** ‘ухо-ротые?’: *Carastaseos*, племя на Северном Кавказе (Plin. NH = SC).

Возможно, сложение **karuna-* ‘ухо’ (см. сл.) и **osta-* ‘рот, уста, губы’ (ср. у нас далее *sal-osta, *par-osta). Ср. обратный порядок компонентов в сложном этнониме др.-инд. *Oṣṭha-karṇa-* ‘те, у кого уши расположены близко ко рту’, ‘Евштокошта’ (см. о последних McCrindle, *Anc. India; Sircar, Stud.* 65). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20.

Ср. еще предположение Шапошникова: *Carastaseos* < **kar-ast-asaia-* ‘живущие в каменных домах’. Ср. выше. **asa-*, **asta-*, **kar-* в наших реликтах (в сочетаниях и в свободном виде). **IA**–49.

***karuna-** ‘ушастые, длинноухие’: *Carnas; Caronos*, племя на Северном Кавказе (Plin. NH = SC).

Ср. др.-инд. *kárṇa-* ‘ухо’, *karṇá-* ‘ушастый, длинноухий; корноухий’, *Karṇa-* (Law, *Kāl.* 22). Ср. также авест. *karəna-* ‘ухо’, которое Барроу (Вигтов 1973, 132), характеризует как “дэвовское” слово в Авесте, где сохранилось и и.-е. название уха – *uṣ-* (следует иметь в виду, что “дэвовское” – это как раз индоарийский слой лексики!). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. **IA**–49.

***kaspi-/*kaspika-**: τὸ Κάσπιον ὄρος (Strab., Eratosth.); Caspium mons (Mela = SC); гора *Казбек* (см. С.Н. Муравьев. Пять античных свидетельств в пользу “птолемеевой” трансгрессии Каспия // *Древние государства на территории СССР*. 1986. М., 1988, 241–242).

Ср. др.-инд. *kāśate* ‘быть видимым, появляться’, *kāśí-* ‘солнце, блеск, сияние’, сюда же у нас **girau-kasi-* (см.), первоначальное название “горы Кавказ” (по-видимому, Эльбрус). Далее, отметим чисто индоарийскую принадлежность суффикса *-p-*, ср. ниже **uspra-*. Отличная видимость горы Каспий использовалась античными авторами при измерениях расстояний. Народ каспи жил близ Казбека, в Дарьяльском ущелье, к северу от иберов (упоминается до середины III в. н.э., см. Муравьев, там же). – Шапошников.

***kin-sana-** ‘винная, виноградная’: *Κινσάνους*, долина Алушты (граммоты константинопольского патриарха конца XIV в.: округ Кинсанус; см. А.Л. Бертье-Делагард. – Зап. имп. Од. общ-ва истории и древностей XXXII, 1915, 238; то же см. ИТУАК № 57, Симферополь, 1920, 60; А.И. Маркевич. Географическая номенклатура Крыма... – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии II. Симферополь, 1928, 22; А.Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.; Л., 1964, 176). Томашек отнес сюда же (у него: монастырь ἡ *Κινσάνους*) татарское *Kišan* или *Kissan*, см. W. Tomaschek. *Die Goten in Taurien* (Wien, 1881) 74. По нашему мнению, сюда и следующее темное место Слова о полку Игореве – (дебрь) *Кисаню*, которое в таком случае идентифицируется и локализуется как ‘Алуштинская долина’ (подробную литературу об этом месте см. В.Л. Виноградова. Словарь-справочник Слова о полку Игореве).

Все в целом толкуется как индоар. (тавр.) сложение с местоименной частицей тип др.-инд. **kim-śana-* 'винное', ср. *śanā-* 'конопля; опьяняющий напиток' (см. о нем Lassen I, 297; O. Böhtlingk. Sanskrit-Wörterbuch 6, 197; Maqrhofer III, 292), скиф. **sana-* 'вино', осет. *san* 'вино'. Сложение типично индийское, хотя вторичная семантическая инновация 'вино', отмечаемая в припонтийских районах, в сущности не коснулась др.-инд. *śanā-*. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20, 29. IA-49, 59-60.

**kola-/kula-* 'род': Κῶλοι (Гекатей, Стеф. Виз. = SC); *Colicae*, племя, соседнее с кораксиками, на Сев. Кавказе (Mela); regio *Colica*, там же (Plin. NH = SC); ср., далее, Κωλικοί, племя в Колхиде (Арриан = SC).

Ср. др.-инд. *kula-* 'толпа, множество; семья, род', *kulika-* 'родственник', *kaula-* 'родовой'. — Шапошников.

**ko-ru(k)sia* 'белая-?': Κοροσία-πόλις παρὰ δὲ τὸν Οὐαρδάτην ποτατὸν (Ptol.).

Прежде всего обращает на себя внимание вероятная близость вторых компонентов названий **asia-ru(k)sia*, **ge-ru(k)sa* (см. выше), обозначающих, к тому же, территориально близкие (если не тождественные?) географические объекты на Таманском полуострове и на Кубани. Таким образом, второй компонент сложения **ko-ru(k)sia* довольно очевидно идентифицируется как **ru(k)s-* 'белый, белая' (следует к этому добавить вероятность также свободного ономастического функционирования этого географического названия — **ru(k)sia*, Ρωσία — в том же самом районе, см. далее, s.v.).

Можно предположить, что *ko-* в **ko-ru(k)sia-* вариант вопрос. мест., ср. др.-инд. *ka-*, *ku-*, *kad-*, возможно, в усилительной функции, ср. у нас выше **kad-vida-* (см.) и др.-инд. *ko-vida-* 'опытный, сведущий'.

**ko-sina-* '?': Κοσίνας, личное имя собственное, встречается только в синдской столице Горгиипии (CIRB №№ 1157, 1166, 1134, 1145, 1179; P.-B. I, 684).

Вероятно сложение, второй компонент которого этимологически родствен др.-инд. *-sena*, которое, в свою очередь, употреблялось в качестве второго компонента сложных др.-инд. личных имен. Ср. **jar-sina-* (см.). Ср., далее, фракийское ЛИ *Taruthin(n)as*, *Tarusinas?* (см. о последнем Дуриданов, Трак. 66).

Относительно первого компонента **ko-sina-* ср. предыд.

**krka-/krča-* 'горло, горловина': Οὐκρούχ (Конст. Багр. De adm. imp. 42, 121; река на вост. побережье Черного моря; см. Moravcsik. Byzantinoturcica II² 229; Klapproth. Commentaire 295). Форму Οὐκρούχ истолковал филологически корректно еще Татищев (I, 188) как наращение гласного перед консонантной группой "У-круг" в тюркской языковой среде. Независимым продолжением древней формы является, по-видимому, *Курка*, рукав в устье Кубани, там же *Курчанский* лиман, озеро в устье Кубани, Темрюкский уезд, и местное название *Курчанская* (Забелин 22; Герц 11; Gewässernamen II, 626, 633), *Куркай*, река (Поночевный 8, 9); *Kurki* (Pallas. Voyages III, 369).

Отражение древнейшей формы названия (вплоть до первоначально

слогообразующего характера корневого плавного) носит производная от него суффиксальная форма др.-русск. *Кърчевъ* (надпись на Тмутороканском камне, XI в.), в основу которой лег второй, палатализованный заглавный вариант субстратного названия – **křča-* (см. выше), просматривающийся и в форме *K.rts*, ответ хазарского кагана (см. о последнем V. Minorsky 1960), ср. также *S.mk.rts* (Там же; см. также Насонов. Тмуторокань в истории Вост. Европы. – Ист. записки 6, 1940, 88, 93–94). Вариант **křka-*, очевидно, отражен в виде *Карх* в араб. традиции X в. (Ибн-Даста, см. Брун. Черноморье II, 320). Название (форма) *Керч(ь)* не старше татарской оккупации, как сказано у Маркварта (Osteurop. Streifzüge 162), она замечательна лишь вторичным проведением переднего вокализма, что укоренилось и в совр. русск. *Керчь*, *Керчи*, ж.р. (др.-русск. *Кърчевъ* в этом отношении независимо и архаично, т.к. теснее связано с индоар. субстратом). Эту тюрк. черту передает и ит. *Cherz* (Barbaro, ap. Vigna, XV в.). Едва ли целесообразно поэтому выводить форму *Керчь* из ит. *cerchio* ‘круг’ (!) (так см. В.А. Бушаков. Почему Боспор стал Керчью? – Русская речь 1991, № 1, 141). Не может быть речи и об изначально тюрк. этимологии для *Керчь* (см. так G. Vernadsky. Ancient Russia. New Naven, 1943, 216). Случайны созвучия с лексикой корчевания (см. Фасмер II, 225–226), как и с др.-русск. *кърчиш* ‘кузнец’ (так см. Абаев ВЯ 1959, № 1, 99). Далеко от *Керчь* и МН *Careon* (вопреки Скржинской, Iord. Get., вслед за Кулаковским).

Скорее всего, индоар. название, ср. др.-инд. *krika-* ‘горло’. Образ ‘горловины’ отмечается и в других смежных названиях, напр. *Бугаз* (тюрк.), *Бугазский* залив, лиман, на Таман. п-ове (Gewässernamen I, 217). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. Независимый, но семантически сходный характер носит греч. название τὸ Σινδικὸν διάσφραγμα ‘Синдская расщелина’ (Hipp., см. Блаватский. Изсл-ия Дечев, 1958, 703 и сл.). В свое время Соболевский сближал *Керчь* со слав. *kъrkъ ‘горло’, но здесь можно говорить только о независимых этимол. соответствиях для др.-инд. *krika-*, как и для нашего индоар. **křka-*. Ср. сюда и осет. *xurx/xorx* ‘глотка, горло’. IA–49, 59.

**křkana-ij-* ‘петушинный (?) жертвенник’: *Киркинеиз*, *Кикинеиз* (село Оползневое), Крым.

Ср. др.-инд. *křkana-* ‘вид куропатки’, *křkara-* то же, *křka-vāku-* ‘петух, павлин’, *ijyā-* ‘жертва’. См. Трубачев. – Этимология. 1979 (М., 1981), 118 и сл.

Иначе – и едва ли убедительно – Белецкий. Этимология. 1967 (М., 1969), 206–207: от *каркίμες (мн.?) < карκίνοϛ, керκίνοϛ ‘рак, краб’.

МН на *-из* (*Симеиз* и т.п.), как известно, ярко эндемичны (занимают лишь западную часть крымского южного бережья) и очевидно связаны с субстратом. IA–146.

*křkan-dama ‘место (селение) при горловине, проливе’: Короковδάμη, селение (κώμη) на мысу Тузла, Таманский полуостров (Strab. = SC; Ptolem., Арриан, см. Р.–В. I, 699; Steph. Byz.). На туземный характер

названия указывают: Ростовцев. Скифия и Боспор 285; Жебелев. Боспорские этюды; Крушкол. Древняя Синдика 104. См. еще Герц 27-28; Масленников 1981.

Очевидное сложение индоар. характера, первую часть которого ср. с **kṛka-* (см. выше), а вторую – ср. с др.-инд. *dhāman* 'местопребывание, жилище, дом'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. Сравнение с фрак. *Uscu-dama* 'высокая крепость' (Tomaschek; Mayer II, 32) не лишено проблематичности, поскольку др.-инд. *dhāman* восходит к и.-е. **dhēnu-/men*, которое имело бы во фракийском отличную форму (*demen?/*dimen?). Ср. с последним компонентом МН с территории Древней Индии – *Katikardama*, *Karikardama*, *Bridama* (McCrindle, Ptol. 69, 70, 165, 172). IA-35.

*kṛka-vanti 'имеющая горловины': *Coracanda* 'Кубань' (Pomp. Mela = SC). Сравнение с МН Κοροκουνδάμη см. Гайдужевич, Босп. царство; Крушкол, Древняя Синдика 104.

Производное (прилаг. ж.р.) с суф. *-vant-i* от **kṛka-* (см.). Ср. *Ghorvand*, название реки Кабул, данное ей по причине множественности в рукавах, по сообщению Бируни (Sircar, Studies 43). Кубань, к которой относится упомянутое выше название, известна как блуждающая река, см. Шилов 1950, 103. Ср. еще *Каракунда*, название урочища в Крыму (Кеппен 197). IA-39, 49.

**kṛta-* 'сделанный, рукотворный': *Coretus*, канал, протока в Синдской Скифии (Plin. NH = SC), если сказанные Плинием, там же, слова "manu factus (alveus)" относятся именно к этому объекту. Ельницкий 189 путает *Coretus* с Темрюжским заливом. Впрочем, древняя сеть каналов известна и на Кубани. См. Поночевный 8.

Ср. др.-инд. *kṛtā-* 'сделанный'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. О традиции искусственного орошения, каналах в Индии см. Культура древней Индии 32. IA-49.

**kṛva-saita-* 'коровий мост', "Βόσπορος": Κουρασαίτοι, эмпорий (Жит. Ио. Гот. – ЗООИДР; Васильевский ЖМНП); сюда же, вероятно, *Carriziton* (Rav. Anon.); *Ghersète*, "турецкое" название Керчи (Dubois V, 108). Старые отождествления см. А.А. Васильев II, 208 (*Курасаиты* = испорченное *Кореиз*); Маркевич 24, сноска 1 ("По Тунману это Гурзубиты, по Васильевскому монастырь της Κυρίζου в Крымской Хазарии").

Ср. др.-инд. *setu-* 'мост'. Что касается первого компонента нашего сложения, в котором очевидно представлен местный древний апеллатив 'рог', 'рогатое' – **kṛva-*, необходимо указать на такие моменты его (диалектной) самобытности, отличающие его как от др.-инд. названия рога, так и от ир., как его кентумный характер (ср. близкий сатэмный рефлекс в авест. *srva* 'рог') и тот факт, что в местном субстратном **kṛv-* представлено *-v-* расширение, нехарактерное для собственно др.-инд. В остальном отношении *Κουρα-σαίτοι* ~ *Βόσ-πορος* следует признать скрытой глоссой. Ср. "легенду о лани и корове" применительно к Боспору Киммерийскому (А.А. Васильев). Смутное предание о каком-то мосте в стране *Oium* сохраниено в Iord. Get. Опреде-

ленную параллель образу моста можно усматривать и в названии *Бурлик*, которым у Конст. Багр. обозначен Керченский пролив, что верно истолковал уже Татищев I, 187: "Есть же *бурлик* и *бирлик* по-турецки союз, соединение" (правда, историк имел в виду соединение Меотиды с Понтом).

См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. О дополнительных отражениях индоар. названия моста см. s.v. *sita, *sitaka, ниже. IA-49-50.

***kuba-** 'извилистая': *Кубань*, река; так же – *Cuphis* (Аноп. Rav.); ср.-греч. Κοῦφης (Кедрен), Κωφῆν (Менандр). См. подробнее Фасмер II, 395.

Ср. др.-инд. *Kubhā*, название реки Кабул, притока Инда, как уже см. Kretschmer 1943, 39. Против см. Zgusta 37. Ср. также названия этой реки: Κῶφης (Страбон), Κωφῆν (Арриан), *Cophes* (Плин.). См. еще Law. Rivers 9, 14; McCrindle, Ptol. 86-87. В конечном счете, возм., к и.-е.

**keu-bh-* 'изгибать(ся); гнутый' (Mayrhofer I, 232: *Kubhā*... Etym. unklar). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 20. Существенно иметь в виду этимологическое тождество Κοῦφης 'Ю. Буг' (Конст. Багр.). Форма Ὑπαυς, которая также обозначает и Ю. Буг, и Кубань и которую Кречмер безоговорочно рассматривает как инд. реликт (см. Фасмер, там же), представляет собой ввиду резких отличий консонантизма, видимо, совершенно особый, возможно, киммерийский рефлекс **kubani-* > **hupanī-*. IA-50.

***kukunda** '?: Коукоунда, город на Кавказе (Птол.). Ср., далее, *Кунда*, место в Крыму (Бертье-Делагард 1915, 254).

Случай довольно сложный. Ср., возможно, *Khukhundo*, название города в Центральной Индии (см. о нем Cunningham, Anc. Geogr. 366). Дальнейшая этимологическая привязка весьма проблематична: др.-инд. *kukúndha-* 'злой дух' (Mayrhofer I, 217: "не объяснено")? *kunda-* 'вид жасмина' (Mayrhofer I, 230: "не объяснено")? *kuṇḍā-* 'кувшин, горшок' (Mayrhofer I, 226: вероятно, из дравидского)? При этом последовательность *kuku-* – редупликационная или – в результате сложения с местоименным *ku-*? В связи с реликтовым птолемеевским названием кавказского города Коукоунда нельзя не упомянуть – целиком предположительно – довольно загадочное название города (*Велика*) *Кикинда* в югославском Банате (попытку венг. этимологии для последнего см. Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Вр., 1978, 333). Некоторым оправданием, разумеется, гипотетичного сближения Коукоунда ~ *Кикинда* могло бы послужить то обстоятельство, что старая и новая наука постепенно множит находки индоарийских следов также в районе Карпатской дуги (см. у нас *girinadi, **nitra-* s.v. *jige-nitra и др.).

***kuga-iĵ-** 'орлиный (?) жертвенник': *Кореиз*, поселок к востоку от Алупки (Крым); сюда же Κυρίζου, название прихода Готской епархии (Жит. Ио. Готск.).

Ср. др.-инд. *kūrara-* 'морской орел', *ijyā* 'жертва'. *Кореиз* богат таврскими археологическими памятниками (Крис). Группа МН на -из – *Симеиз*, *Кикенеиз* (*Керкенеиз*), *Кореиз*, *Олеиз* – расположена кучно на Южном берегу Крыма. При всех возможных оговорках, для них наи-

болше вероятны индоар. (тавр.) этимологии (см. у нас еще **kykana-ij-*, **sima-ij-*, **ula-ij-*). См. Трубачев Этимология 1979 (М., 1981), 118 и сл. Попытка толкования *Koreuz* из (испорченного) греч. *χώρα* 'село' в плюральной форме на *-εσ/-ιες* (А.А. Белецкий. – Этимология. 1967. М., 1969, 206–207) менее убедительна: непонятны принципы выделения среди прочих прибрежных сел. **IA–146–147.**

***kuta-**? 'город, крепость?': *Cytae*, боспорский город (Plin. NH = SC); сюда же *Κύταιον πόλις μεσόγειος ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ* (Ptol. = SC), то есть в последнем примере назван другой город, во внутренних районах Таврики. Ср., далее, *Κύτα πόλις Σκυθική* (Стеф. Виз.). *Кит*, название города-народа в Крыму (хазар. каган Иосиф), а также *Тарханкут*, название полуострова на северо-западе Крыма.

Ср. др.-инд. *koṭṭa-* 'крепость', также *koṭa-* (Mayrhofer I, 270: предполагает заимствование из дравидского, но церебрализация могла быть пракритским рефлексом предшествующей группы согласных?). – Шапошников.

***lagura-/*lahura-**? *Lagyra* (Plin.); *Λαγύρα* 'μερὰ τὸν πρὸς τῷ Καρκινίτῳ ποταμῷ ἐν τῷ Πόντῳ' (Ptol.; P.–B. I, 760). Neumann, Hellenen 462: *Lagyra* – тавр. поселение.

Ср. др.-инд. *Lahur*, *Ляхор*, в древности также *Śalātura* (см. о нем Agrawala 10), *Lohapura* (Sircar, Stud. 202). **IA–50.**

***lora-taka-/*lora-taki** 'рвущее течение': 'Ἰλωπεκία νῆσος, остров в дельте Танаиса (Strab. = SC; P.–B. I, 68), видимо, вторично сближено с греч. ἄλωπηξ 'лисица'. Более поздняя форма названия того же острова – *Лютикъ* (XVII в.), см. Байер 87, 216; Гильденштедт 199 и сл.; Хрест. 1941, 38. Современное название – остров *Перебойный* (Geogr. Namenbuch VI, 3, 636). Сюда же, видимо, *Алупка*, *Lurico* (в генуэзско-татарском договоре 1381 г.).

Ср., возможно, др.-инд. *lora-* 'прорыв, рана, уничтожение', *tákṣi* 3 л. ед. 'спешить, нестись'. Упрощение старой формы можно просматривать в *Lopatak-* > (*Lutak*) > *Лютикъ* (см. выше), отголосок старого значения – в новом названии *Перебойный*. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6.

Ср. сюда же, возможно, *Ланата*, название скалы и урочища на Кокасане (первоначально – 'обрушившаяся скала'? Точно так же *Lurika*, *Алупка* – как обозначение постоянных обвалов Ай-Петри. каменных хаосов в Алупке). – Шапошников. **IA–50, 60.**

***maṇa-deva** – 'Великому богу (принадлежащая)': *Μαγαδαβα μήτηρ*. Ли. надпись II–III вв. н.э. о выходе из Тиря, устье Днестра (Граков ВДИ 1939); вар. *Μαδαγαβα* (Карышковский).

Ср. др.-инд. *mahā-deva-* (Mon.-Will. 796). **IA–114–115.**

***maṇa-rsi-** 'великий мудрец': 'Ἀνάχαρσις, ЛИ знатного скифа (Herod).

Ср. др.-инд. *maṇa-* 'великий', *rsi-* 'мудрец, отшельник'. См. Трубачев ВЯ 1979, № 4, 35–36 (где на основе отрицательного контекста

суждений скифов об Анахарсисе-отщепенце речь идет о более полной реконструкции с отрицанием **a-maha-rsi*). IA-110.

*maia-saga-/*maio-saga- 'меотянка?': Μαῖωσάρα, Μαῖοσάρα, женск. ЛИ в эпиграфике Боспора (Lat. IOSPE II, № 245; CIRB № 280).

Членение **maia-sar-* с выделением индоар. **sar-* 'женщина', при отнесении первого компонента к этнониму **maita-* (см.), откуда значение **maia-sara* – 'меотянка (?)', см. Трубачев ВЯ 1976, № 4, 56 (там же дальнейшая литература и наблюдение над формантизацией *-sar-* по аналогии хетт. *ḫaššušara* 'царица', *išḫaššara* 'госпожа'); Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21.

Возможно альтернативное допущение в первом компоненте соответствия др.-инд. *mayu-(māyas)*: *mayobhava-*, *mayobhuva-* 'приятный, услада' (Шапошников). Ср., у нас далее, **kama-sari*, **sarika*, **saria* (см. s.vv.).

Ввиду того, что Μαῖωσάρα, наряду с Καμασαρίη, Σαρίκη [Σ]αρία – же н с к и е имена (боспорская эпиграфика), выделение в них корня со знач. 'женщина' типологически более вероятно, чем сближение с ир. **sar-*, осет. *sær* 'голова' (так см. Абаев, ОЯФ I, 180–181; 198; Абаев ОИЯ 294, 302: Μαῖωσάρα = осет. *mæj-sær* 'луноглавая', вслед за Фасмером). IA-33, 50.

*maiava- '?': Θυσκῆς Μαέους, ЛИ (IOSPE I² № 104; см. еще Трещева ВДИ 1977, № 4; Zgusta 1955).

Скорее всего, связано с меотским самоназванием, см. у нас **maia-sara*, **maita-*. Поэтому внешне полное сходство с авест. *Māiiaua-*, ЛИ, объясняемым из авест. *māiiu-* 'искусный' (см. о нем M. Mayrhofer. *Iranisches Personennamenbuch I, 1: Die avestischen Namen*. Wien, 1977, 62), может быть случайным.

*maita- 'дети матери, материнские, меоты': ΜΑΙΤΑΙ (CIRB №№ 971, 972; Lat. IOSPE IV, 230) – "туземная форма" в местной эпиграфике, см. Латышев. ПОНТИКА 64. Греч. формы: Μαῖῆται, Μαῖῶται (P.-B. I, 839), Μαῖῶτις, Μαῖῆτις, см. о последнем Schramm 184, 185.

О меотах см. еще Шелов 1975, 15, 24.

Производное с суф. *-ta-* от имени 'матери', ср. др.-инд. *māyā* (см. о последнем T. Burrow BSOAS XLIII, 2, 1980; Cunningham. *Anc. geogr.* 63, 311: *Māyā*, the mother of Buddha). Сближение Μαῖῆτις и др.-инд. *Maha-Mai* см. уже Ritter 58.

Самоназвание меотов, представленное в эпиграфич. ΜΑΙΤΑΙ (выше) находит также отражение в переднеазиатском арийском *Maitanni* (II тыс. до н.э.), производном с местным хурритским суф. *-nini* от арийской основы *maita-* 'материнские' (отголосок материнского культа). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 16 (констатируется статус *Maita-* как самоназвания переднеазиатских ариев и вероятие участия азовских меотов в переднеазиатских походах, вопреки: Артамонов. *Киммерийцы и скифы*. Л., 1974, 62); Трубачев ВЯ 1981, № 2, 15.

Специально о *Maitanni* см. M.C. Astour, – *Journ. of Near Eastern Studies* 31, Nr. 2, 1972, 102 и сл.; E.V. Weiher, – *Festschrift H. Otten* (Wiesbaden, 1973, 321 и сл.) (*Maitanni* – не страна, а племя); Mayrhofer

1966, 25 (самоназвание переднеазиатских ариев неизвестно; там же – дальнейшая литература); Mayrhofer 1974 (*Maitanni* > *Mitanni*); Ельницкий 1977, 46.

Поздние отражения: араб. *Маймас* ‘Азовское море’ (Масуди), см. Минорский 1963, 190, 197. Не относится сюда МН *Миус* (вопреки: Treimer 86), последнее, скорее, из тюрк. *müjüz* ‘рог’ в топонимии Юга России и Украины.

Устаревшие или ошибочные этимологии: из черк. (Погодин Сб-к статей по археологии и этнографии. СПб., 1902, 108–109, вслед за Лопатинским). IA–44, 50.

***maian-dara-ia**- ‘жители материнских (вар.: меотских) пещер?': *Meandaraeos*, племя в Сарматии (Plin. NH = SC). См. о нем Соболевский 1921.

Ср. **ma(ia)n-* в составе сложения **ma(ia)n-kap-* (см.), а также **dara-* (см.). IA–50.

***makara**- ‘дельфин?': *Mac(h)ara*, *Machare*, один из боспорских городов, близ Мирмекия (Rav. Аноп. IV, 3); *Μάκορες*, племя (Аноп. Peripl. = SC). См. Васильевский, Жит. Ио.Г. 97.

Ср. др.-инд. *mākara*- ‘дельфин, крокодил, морское чудовище’. Здесь, возможно, в роли тотема? Обращает на себя внимание изображение дельфина на реверсе боспорских, а также колхидских и понтийских монет. – Шапошников.

***mala-rukxa**- ‘белый берег?': *Malorossa*, боспорский город в Азии (Rav. Аноп.).

Первый компонент сложения ср. с алб. *mal* ‘гора’, *Malva*, город в Дакии, на берегу Дуная, откуда – *Dacia Malvensis* = *Dacia ripensis* ‘б е р е г о в а я Дакия’, рум. (из дакского) *mal* ‘берег, гора’, далее – лтш. *mala* ‘берег’ (см. D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste*² 283, с дальнейшей литературой). Второй элемент – **ruks-* ‘белый’, неоднократно засвидетельствованный именно в этом боспорском регионе. Ср. у нас. *asta-ruks-ia, **gaia-rukxa-*, а также в чистом виде – *ruksia. В таком случае *mala-rukxa- было бы местным киммерийско-синдомеотским гибридом, по составу и семантике идентичным чисто индоарийско-му **ruksa-tar-* (см.) ‘белый берег’ – с другой стороны Тавриды. IA–42, 57.

***mana-gotra**- ‘род Манаса?'/ **ma(ia)n-gotra-* ? ‘род меотов (вар.: материнских)?': *Манаготра*, речка, от слияния которой с Бюк-Узенбашем образуется река Бельбек. См. Речмедин. Солнечный Крым 93; Ресурсы... Т. 6, вып. 4, 6; Словник гідронімів України 351.

Ср. др.-инд. *mānas* ‘дух, душа; ум, разум’ и *gotrá* ‘коровник, загон; семья, род’. См. Трубачев. – Этимология 1979. М., 1981, 121–122. Вполне возможно, впрочем, предположить, в духе второго варианта реконструкции (см. выше), наличие в первом члене сложения формы **ma(ia)n-* (см. о ней под **ma(ia)n-kap-*, учитывая, кстати, и относительную территориальную близость обоих названий).

Попытку прочесть здесь греч. *Манахотра* см. Белецкий. – Проблемы славянских этимологических исследований (тезисы международного симпозиума). М., 1966, 37. IA–148.

***ma(ia)n-kap-** 'гора материнских (вар.: меотов?)': *Mánɣun*, *Mancip*, *Man-coria*, *Mancap* (Кеппен. Крымский сборник 266 и сл., со специальным указанием на нетюрк., начальное ударение; Бертъе-Делагард 1918, 34); *Tomaschek*, *Goten* 51 (тюрк. этимология?); Домбровский, Махнева.

Возможно, **ma(ia)n* – первонач. род.п. мн.ч. 'материнских? меотов?' (см., далее, **maita-*); второй элемент – к **kapa-* (см. выше). Любопытно отметить, что гора, на которой находился древний город Мангун, называется *Баба-Даг*, собственно (по-тюркски) 'Отчая гора', ср. нашу реконструкцию для названия *Мангун* – 'материнская гора/гора материнских'. В качестве морфологической параллели для **ma(ia)n-kap-* можно указать реконструкцию фрак. *Σομ-βρια* < **Σα(ι)ων-βρια* 'город племени *Σαιοι*', с формой род.п. мн.ч. в первом компоненте. См. Георгиев у: Влахов, Трак. лични имена. В порядке предположения ср. *Мангун* и *Майкон* (о последнем названии города на Сев.-Зап. Кавказе иначе – Меретуков: из адыг.). IA-172.

***mar-ab-** 'мертвая река/вода': *Μαράβιος* (Ptol. = SC; P.-B. II, 857); *Μαρουβίου* ποταμοῦ ἐκβολαὶ μετὰ τὰς τοῦ Ταναΐδος ποταμοῦ ἐκβολὰς (Ptol.); *Marabius* (Атт. Marc. = SC). См. еще Klaroth, *Comm.* 62; Герц 19.

Ср. др.-инд. *mar-* 'умирать, погибать' и *amba в составе *tur-amba (см. у нас ниже), др.-инд. *ambu* 'вода'. IA-50.

***maria-** '(молодой) мужчина': *Μάρες*, племя в Понте (Гекат.); *marzus* 'nurṭiāe', в языке крымских готов (Бусбек).

Ср. др.-инд. *māruya-* 'мужчина, юноша, жених', мн. 'люди'. См. Томашек у: Вауп 58. Крымскоготская форма *marzus* отражает уже проведенную аффрикатизацию *j > ǰ* в местном индоарийском (таврском). В этой связи обращает на себя внимание и форма *Μάρζακος*, ЛИ (Пантикапей), точно, соответствующая др.-инд. *maruaka-* 'самец' (Шапошников); сближение с осет. *mærgun* 'мести, сметать' (Абаев, ОИЯ 124) маловероятно.

Сюда же, далее, *iti-mari (см. у нас выше). IA-50, 167.

***marsanda** '?': *Mac(с)άνδρα*, МН в Крыму (см. Суперанская 1969, 194), стар. *Μαρσάνδα* (догадка о тавр. происхождении см. *Tomaschek*, *Goten* 72).

Ср. др.-инд. *Marsianḍī*, название реки (Law, Rivers 24). Особенно же замечательна близость хеттского названия крупнейшей реки Малой Азии (более поздние названия – *Галис*, *Кызыл-Ырмак*) – *Maraššanta-l** *Maraššantija* (см. о ней еще В. Rosenkranz 1966, 129–130; Гамкрелидзе–Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы II, 862). Если *marsanda < **mar-siand-*: **sindu-* (см.), то можно было бы сослаться на аналогичную апофонию, предполагаемую в случае *vrianda (см.): **vrind-*. IA-50.

***mata-su-** 'умысливший доброе': *Ματασους* Gsg., *Ματασ(υ)* Dsg., ЛИ (Письмо с о-ва Березань, изд. Ю.Г. Виноградов, ВДИ 1971, № 4). О статусе см. Яйленко. Греч. колонизация, 1982, 282: "простонародное имя".

Возможно, к др.-инд. *matá-*, прич. прош. от глагола *manuate*, а также *su-* 'добро, благо', ср., с другим порядком компонентов, *Šau-mati*, ЛИ у переднеазиатских индоариев Митанни (см. о последнем Mayrhofer II, 564; III, 485: *su-mnám* 'благосклонность, доброжелательность' ~ авест. *humna-*).

Подробно об этимологии имени **mata-si* см. Трубачев. – Этимология. 1982 (М., 1985), 145–146. IA–204–205.

***mermada-** '?: Мермóδας, Мермáδαλις, река, впадающая в Меотиду (Strab. = SC; P. – В. II, 902, 903). См. еще Klapproth 8, 643 (относит сюда же название *Meremedik*, с сомнением); V. de Saint-Martin II, 152.

Ср. др.-инд. *Narmada*, река в Индии (Law. Early Buddh. 67). IA–50.

***mes-pla-** 'полная луна': μέσπλην, название луны у "скифов" (Hes.).

Ср. др.-инд. *mās-* 'месяц, луна' (Mon.-Will. 814) и *prātá*, прич. прош. страд. 'полный, наполненный' (Mon.-Will. 701). Ср. также сложение *Paurṇamāsī* (Agrawala 172). Ир. название луны имело бы вид **mah-* (К.Т. Витчак (ВЯ 1992, № 5, 57) специально оговаривает "закономерное сохранение" *s* перед *p* в иранском, но при этом недооценивается достаточно свободный характер сочетания обоих входящих в него слов, ср. авест. *pərənō.māh-* с иным порядком компонентов). Обращает на себя внимание сохранность и.-е. *l*. IA–30, 50, 159.

***mi(n)tana-** '?: *Мунтана* как одно из названий острова Тамань, Ада (Тунмани 70; З. Весела).

Дальнейшие связи неясны. Предположительно ср. с *Mūltān*, в низовьях Инда (Sircar, Stud. 44), *Мултан*, столица Синда (Ибнбатута у: Тизенгаузен I, 286); Cunningham, Anc. Geogr. 194, 196–197. Далее, ср. др.-инд. *mūlasthāna-* (Mon.-Will.): *maula-* 'корень, коренные' (см. еще Культура др. Индии 382: о родах войск). Можно еще указать на форму *мюйтены*, *митены*, название племени у каракалпаков, и его легендарные связи с Кавказом, см. о них Толстова 1984, 16, 22, 29, 71 (тамга), 77 (этимология названия), 99, 111, 173, 175. – Впрочем, упомянутое каракалпакское *mūjten* (*miten*) объясняют из **högtān* (см. ЭСТЯ). – Шапошников. IA–95, 96.

***mitraia-** 'союзные': Μίτραίωι ὄρη (Luc. Tox. = SC; P.–В. II, 933).

Ср. др.-инд. *mitra(ya)-* 'союзные'. См. Культура др. Индии 382: о родах войск. IA–28, 50.

***mus-sari-** 'головной остров?': Μυ(σ)σαρίς ἄκρα (Ptol.), вост. часть Тендровской косы и остров Ярылгач = Κεφαλονήσος (Ptol.).

Ср. др.-инд. *mūkha-* 'рот, лицо, устье; передняя часть; главный', *mūkhyā-* 'основной, главный', а также **sar-* 'поток, течение' (у нас в разных сочетаниях); типичное для северопонтийских реликтов упрощение **muksari-* > **mussari-*. Ср. *Muziris*, в Индии. Ср. о последнем Lassen I, 188, Anmerkung; Kiepert. Alte Geographie 40.

См. Трубачев. – Этимология 1979. М., 1981, 122–123. IA–149–150.

***пара-(va)г-** 'город Напа': *Marparium*, генуэзск. 'Анапа'.

В первом элементе, возможно, заключается ир. *par-* 'потомки, млад-

шие'. Современное *Анапа* – с абхазским наращением *a-*? Второй компонент ср. с др.-инд. *vāra-* 'ограниченное, замкнутое пространство'. Ср. еще **nar-oka-* (см.). IА–183.

*nar-oka- 'жилище напов': *Narosa*, *Напоука*, город в Дакии (соврем. Трансильвании), соврем. Cluj-Narosa.

Сложение **nar-* (ср. предьд.) и **oka-*, ср. др.-инд. *ōka-* 'дом, жилище', а также **satt-auka-* у нас ниже. IА–183–184.

*nari-pa- ? 'женщина & защищающий?': *Neripos*, народ, через земли которого течет Танаис, по соседству с *Caronas*, *Agandeos* (Plin. NH = SC).

Ср. др.-инд. *nārī* 'женщина, жена' и *pa-* 'защищающий'. – Шапошников.

*naukata- ? : *Наука́та*, река в Ореанде (Словник гідронімів України 383).

Ср. др.-инд. *naukā* 'маленький корабль, челн'? – Шапошников.

*na(va)-vara- 'новый город', "Новгород": *Navarum*, город в Скифии (Plin. NH = SC); *urbs*, близ реки Каркинит (Mela); *Ναύαρον* – *περὶ Καρκινίτην ποταμόν* (Ptol.); *Ναύαρις* *παρὰ δὲ τὴν ἰστίον τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ* (Ptol.), *Ναύβαρις* (Ptol. = SC; P.–B. II, 977). См. еще Müllenhoff III, 96, 123; Vernadsky 1943, 108.

По-видимому, тождественно названию города Неаполь Скифский, *Νεάπολις* (соврем. городище Керменчик в Симферополе; город Н.С. известен с III в. до н.э. до IV в. н.э.).

Ср. др.-инд. *nāva-* 'новый, молодой', *vāra-* 'ограниченное, замкнутое пространство', (здесь) 'город'. Можно реконструировать отношение **jarita-* (см.) 'старая' – **nava-vara-* 'новый город'. Относительно "Новгорода Русского" (чудо св. Стеф. Сурож., Васильевский) см. Соболевский 1929. Ср. еще **bah-var-jamin* (см.). IА–50, 58.

*nikaksin- 'находящийся в низменной бухте': *Νίκαξιν*, место на кавк. берегу (Аноп. Рег. р. Еух. 62(21), = Новороссийск? ("Святой порт"), Геленджик? (Ф. Брун. Черноморье. Сб. исследований по исторической географии Южной России. Ч. II. Одесса, 1880, 260), = *Мысхак*? (Ф. Брун. Там же, II, 261), = *Наконсе*? (Онайко 109). Сюда же *Νίκοψις* (Конст. Багр. Ф. Брун. Там же, II, 259). См. еще Латышев. ПОНТИКА 279–280; V. de Saint-Martin II, 234.

Ср. др.-инд. *kākṣa-* 'hiding place', 'side' (Monier-Williams 241), сложение с префиксом *ni-kakṣá-* 'низменная бухта' (Monier-Williams 242: 'the atm-pit'; см. о нем Wackernagel II, 1, 259; II, 2, 328 и сл.), адъективное производное с суф. *-in-* (суффикс характерен только для индоар.) *kakṣin* 'having... a kaksha' (Monier-Williams 242). Сюда же др.-инд. *kaccha* 'a bank..., shore' (Monier-Williams 242, Turner II, 128, 130; Sircar, Gloss, 137; Mauryhofer I, 139), бихар. *kāchī* < **kacchin* (Turner II, 130), *Kochin* (Lassen I, 190).

Индоар. **nikaksin-* читается (этимологизируется), таким образом, как 'находящийся в низменной бухте'. См. Трубачев ВЯ 1976, № 4, 56–57 (там же указано на четкость передачи индоар. *kṣ* через *ξ*; ир. соответствие имело бы форму *kaṣa*, ср. авест. *vouru-kaṣa-* '(море) широких

заливов', о Касп. море; отмечается семантическая коррелятивность **ni-kaks-in-* и др.-инд. *Bhṛgu-kaccha* в Зап. Индии (соврем. Broach), собственно "High Coast Land", см. о последнем Law, Early Buddh. 56–57; Law, India 76; McCrindle, Ptol. 38, 216); Трубачев. Античная балканистика. 2. Предв. мат. М., 1975, 47.

Семантич. аналогия: полов. *qoltuq* 'Achselhöhle, ascella, подмышка' (СС 130, 33 г.) и *Колтук*, название небольшой долины, прикрытой извилистыми холмами, в Коктебеле, Крым (Шапошников). *IA*–34, 50, 170, 172.

**ni-vasa-* 'укрытие, убежище': *Νίοςσον* – *πρὸς τῇ ἑκτροπῇ τοῦ Βορυσθένεος* потокоу (Ptol. = SC).

Ср. др.-инд. *nivas-* 'пребывать, жить', *nivasati* 'жилище'. – Шапошников.

**nitika-* ? : *Νιτικίη*, селение и местность в стране-генихов, близ соврем. Сочи (Arrian. Peripl.).

Ср. др.-инд. *nitya-* 'внутренний, собственный'. – Шапошников.

oritia-*/apitia-* 'дальний, задний': *Ὀπισσᾶς*, Таманский залив (Anon. Per. = SC). См. еще Minns 24; Забелин 19 (критика мнения о древнем торговом пути из Азовского моря в Черное через рукав Кубани).

Ср. хетт. *aprezzija-* 'задний, последний' (Friedrich 26). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21. Название образует возможную корреляционную пару с **antikia-* (см.) 'ближний' как со своим антонимом. Последнее – непосредственно на берегу Меотиды (Азовского моря).

**pakta-var-* ? 'обожженный / сожженный город?': *portus Pactorum*, одна из трех пристаней Каламиты, по М. Броневскому.

Ср. др.-инд. *pācati* 'варить, печь, жарить', причем здесь в таком случае представлено прич. прош. страд. **pakta-*, в реальности существования которого в др.-инд. откровенно сомневается Майрхофер (Mayrhofer II, 186); далее, ср. у нас **var(a-)* в знач. 'город' (см. *hah-var-jamin, **na(va)-vara-*). – Иначе Шапошников: к др.-инд. *paktar-* 'жаровня; пекарь; повар'.

**palaka-* 'страж, защитник': *Πάλακος*, ЛИ, сын скифского царя Скилура Strab., P. – B. II, 1109).

Ср. др.-инд. *pālaka-* 'хранитель, пастух, покровитель, защитник; повелитель, царь' (Mon.-Will. 622–623), также ЛИ *Pālaka*, имя царя (Law, India 105), один из царей Магадхи (Lassen I, Anhang XXXVII. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21). *IA*–34, 50, 61.

**palakia-* 'принадлежащий Палаку, царю, повелителю': *Παλάκιον* (Strab. VII. 4, 7 = SC; P.–B. II, 1109); *Placia, Taurorum oppidum* (Plin. = SC).

Традиционно Палакий отождествляется с Балаклавой. См. еще митрополит Мелетий у: Кеппен. Крымский сборник 210, 211; Pallas. Voyages III, 82, сн. 1); Neumann 400; Minns 18. Мнение о тюрк. происхождении названия *Балаклава* см. Tomaschek, Goten 69–70. В действительности же здесь можно говорить лишь о вторичной (внешней) тюркизации формы, включая характерный исход *-lava*. Необос-

нованна идентификация Пала́κлов и Неаполя Скифского (Дашевская; Раевский), как и произведение от племенного названия палов (Раевский 1977, 134). См. еще Соломоник 1961: Палаκκov.

Производное от **palaka-* (см.) с адъективным суф. *-ia-*, указывающим на принадлежность. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21. IA-34, 50.

***panda-** 'желтый?': *Panda*, река к востоку от Меотиды (Тас. Ann. XII, 16); *Панда*, урочище в Симеизе (Сем.-Тян. Россия XIV, 757; Бертье-Делаг.). Ср. еще – *ultra Sogdiani oppidum Panda* (Plin. NH VI, 18. Apud: Lassen I, 800, Ann. 2).

Ср. др.-инд. *pāndū* 'желтоватый, белый, бледный' (Mon.-Will.). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21). Попытку возвести (*Ай*)-*Панда* к греч. имени святого см. Белецкий, Лексикология... 1972. IA-50.

***panti-kapa-** 'холм у пролива (пути)?': Παντικάριον – ἡ μητρόπολις τῶν Βοσποριανῶν (Strab.); *Panticapacon* (Mela, Plin.).

Наиболее вероятно членение **panti-kapa-*, ср. др.-инд. *pānthā-* 'путь, дорога' и **kapa-* (см.). Наличие во втором компоненте ир. **kapa-* 'рыба' (так Абаев, Ист.-этимол. словарь; Он же, ОИЯ 293) типологически затруднительно. Особую проблему может представлять название реки в Скифии – Παντικάτης (Herod.), *Planticares*, *Panticapen* (Plin., Mela), которое, возможно, образовано иначе, с участием **apa-* 'река, вода'.

***par-osta-** 'у устья': *Parosta*, местность в Тавриде (Plin. NH); Παρόστα (Ptol.; P.-В. II, 1141), место расположенное, возможно, к востоку от Перекопа, у азовских берегов, или у впадения Салгира в Сиваш.

Ср. др.-инд. *pari-* 'кругом, вокруг', *ōṣṭha-* 'губа, верхняя губа'. Ср. у нас еще **sal-osta-*, **kar(un)-osta* (см.).

Отождествление с названием *Парасин* см., вслед за Кулаковским, Скржинская М.В. 70. IA-51.

***p(a)račina-** 'восточный?': *civitas Parasinum* (Plin. NH). См. еще Брун, Черном. II, 39.

Ср. др.-инд. *prācya-* 'восточный', *Prācya-*, название народа (Law. Early Buddh. 68; McCrindle, AncInd. 42, 122, 143, 198). Ср. Πράσιτοι (Ptol.; Strab. XV, 36), *Prasii* (Plin. NH). Ср. отлично Cunningham, Anc. Geogr. 382–383. Далее, ср. др.-инд. *parācina-* 'отдаленный, безразличный'.

См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21. Примечание Шапошникова: может быть, из *para-* + *Sinus* 'у Синда (у Дона)?' Ср., впрочем, еще фрак. *Prasias*, озеро близ Струмы, в Бизальтии. IA-51.

***pari-sara-** 'обтекание': *Balisira* (Эвлия-эфенди; Бенинказа 1474 г.: Кулаковский, Прошлое Тавриды); сюда же соврем. *Белосарайская коса* (Гильденштедт 223; Лоция Азовск. моря 111–112). См. еще Брун, Черном. I, 138; Он же. О поселениях... 384–385; Бурачков.

Ср. др.-инд. *pari-* 'вокруг', *sar-* 'течь, струиться, идти, бежать', *parīsāra-* 'среда, окружение', *parisara-* (Böhtlingk). Ср. еще Παρίσαρα, город в Индии (Ptol.; P.-В. II, 1138). Ср. и *Оби-точная коса*, северо-западная часть Азовского моря.

См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21. IA-35, 51.

***par(a)ma-** 'главный, лучший': Πάρμα Καριδέως, ЛИ (Lat. IosPE II, № 255).

Ср. др.-инд. *paratá-* 'высший, главный; дальний; лучший', также в качестве ЛИ (Mon.-Will. 588). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21). IA-51.

***parsuka-** 'край': Парсук-кая, остроконечная скала у въезда в Козскую долину.

Ср. др.-инд. *pársvaka-* 'ребро, край', *pársu-* 'острый край, ребро'; *parsu-qaya* > *parsuq-qaya* – тюрк. адаптация субстратного топонима, ср. тюрк. *barsuq* 'барсук', *qaya* – 'скала'. – Шапошников.

***rasa-** ? 'бок, сторона?': Фаса, место в Крыму, название склона горы (Кеппен, Крымский сборник 159); Tomashek, Goten 73: тавр.?

Ср. др.-инд. *pakṣá-* 'крыло; бок, сторона; половина' (Mon.-Will. 573). Можно предположить диал. развитие *paksa* > *pas(s)a*, ср. *rukṣa* > *russa* (неоднократно в наших материалах). Что касается начального Ф-, то его скорее нужно отнести за счет вторичной иранизации (алинизации), ср. у нас, далее **pula-* (см.), реконструируемое на основе засвидетельствованного Φουλλαί, а также *pina-ras (Финарос) и другие аналогичные примеры. IA-51.

***pasti-gaia-** 'усадьба + семья': Ποστύγία, название одного из городов во внутренней Таврике (Ptol.: πόλεις δὲ εἰσὶ μεσόγειοι ἐν τῇ Ταυρικῇ χερσονήσῳ αἰθε...).

Ср. др.-инд. *pastya-* 'стойло, конюшня, хлев', *pastyā* 'усадьба' и *gāya-* 'дом, хозяйство, семья'. – Шапошников. Ср. еще **ge-ru(k)sa-/gaia-ru(k)sa-* (см.).

***rasu-pati-** 'господин скота': осет. *AEfsatī*, бог охоты, хозяин лесных зверей.

Ср. др.-инд. *rasu-pāti-* 'повелитель животных', сложение *rasu-*, *rasú-* 'скот, животное' и *pāti-* 'господин, хозяин, владелец', с характерностью данного сложения именно для индийского. Возможно, индоарийское заимствование в осетинском. См. Т. А. Гурьев. – Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока I (М., 1984), 28–29; Он же. К этимологии древнего теонима *Ancatu/Aфсату*. – Этимология. 1985 (М., 1988), 132–134.

Вполне вероятно, что источником заимствования послужил редуцированный вариант **kṣu-pati-/psú-pati-*.

Отличное толкование осет. имени бога, с акцентированием севернокавказских субстратных связей, а также отношения к фрак. Σαβάζιος 'Дионис' см. Абаев, Ист.-этимол. словарь I, 109.

***rasuri-** (**rasu-uri-*) 'место, изобилующее скотом': Ρασυρίς – πόλις περὶ Καρκινίτην ποταμόν (Ptol.). См. Щеглов 1978, 22.

Ср. др.-инд. *rasú-* 'мелкий домашний скот'. См. Müllenhoff III, 120. Ср. также территориально смежный *Донузлав*, тюрк. *doñuz-lav* 'место, изобилующее свиньями'. Сюда же (в искаженной записи?) *Расырис* – река близ Каркинитского залива (Plin. NH=SC).

***pat-arva-?** 'соседняя, ближняя?': Παταρούη – μετά τὰς τοῦ Ταναΐδος ποταμοῦ ἐκβολὰς (Ptol.).

Предположительно к др.-инд. *pat-*, *pátyati-* 'быть причастным, годиться' и *arvák-* 'вперед, сюда', *arvācīna-* 'близлежащий'.

patta-** (parta-**) 'город, порт': Πάτους (Pseudo-Scyl.; P.-B. II, 1147); Βάτά (Strab., Ptol. = SC; P. -B. I, 201); соврем. Новороссийск. См. Онайко 1976, 107 и сл.; Масленников 1981. Возможно, сюда же Sanabatín (Rav. An.), если *Sana-* – 'старый'.

Ср. др.-инд. (пракрит.) названия города *pattana-*, *váda-* (Sircar, Gloss. 246, 357), этимологически – из **parta-*, родственного лат. *portus* (R.A. Hall). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21. IA-36-37, 51, 170.

pattaka-** (partaka-**) 'житель Бат (Порта)': Βατακος, ЛИ в Батах (Гайдукевич, Босп. царство 221).

Ср. др.-инд. (пракрит.) *pātaka-* 'город' (Sircar, Gloss. 357), собственно, производное с суф. *-ka* от **patta-* (см.). IA-37, 51, 170.

***rauna-/puna-** 'чистый, очищающий (ритуально)': Παῦνα Νύμφεω. женское Ли, һарах (CIRB № 1065); сюда же, по-видимому, Фоῦνα, название горы Южный Демирджи и средневековой крепости у ее скалистой вершины, VI–XV вв.

Ср. др.-инд. *pāvana-* 'очищающий (огонь)', *pávana-* 'священный очаг в доме', 'чистый' (Mon.-Will.), *puna-* 'очищающий', *rauna-* то же (Mon.-Will. 633, 651), далее, сюда же хетт. *raḥḥun-* 'огонь' (основа косв. пп., Friedrich 154). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21.

Относительно горы Демирджи существует легенда, повествующая о кузнеце и кузнице. Начальное *f-* в форме Фоῦνα объяснимо как следствие вторичной иранизации (аланизации), ср. в этом смысле *pasa, *pina-ras, **pula-* (см. s. vv.).

***pesa-?** 'украшение?': *il Pesce, Peso* – Бейсугский лиман (Pegolotti 55, 404); *Бейсугский* лиман, залив в устье реки *Бейсуг* (Wörterbuch der russ. Gewässernamen I, 101).

Ср. др.-инд. **peśa-* 'украшение, орнамент'. – Шапошников. (Или – от какого-то названия рыбы, в основе которого лежит этот близкий к цветообозначениям корень *peśa-* < **poik-*?)

***pina-ras-** 'жирная вода': *Финарос*, река в Юго-Западном Крыму (Домбровский – Махнева).

Ср. др.-инд. *pīna-* 'жирный' и *ras(ā)* 'вода'. Ср. **kala-ras-* (см.). Спирантизация *p* → *f*, как и в других аналогичных случаях (*Фаса*, *Фуллы*), носит суперстратный (аланский) характер.

***pitunda** 'сосновая': Πιτνοῦς, -οῦντος, название города и порта на сев.-вост. берегу Черного моря (Zos. I, 32, 1; Der Kleine Pauly 4. München, 1979, Sp. 875); *Pityus* (Plin., Mela); *Pitinna* (Rav. An. II, 1); соврем. *Пицунда*.

Обращает на себя внимание прежде всего практически полное тождество с названием морского порта в Индии *Pithunḍa* (Law. Early Buddh. 65; Law. Kāl. 10–11). На вероятную связь МН

Пицунда и его древних вариантов с названием дерева сосны обратили внимание уже давно, см. Л. Меликсет-Беков. Древнейшая Пицунда у Понта Евксинского. – Зап. имп. Одесского общ-ва истории и древностей XXXII, 1915, 121–122: ср. греч. *πίτυς*, лат. *pinus* 'сосна', а также наличие в Пицунде *Pinus maritima*, приморской сосны; там же привлекается грузинская форма названия Пицунды – *Бич'винт'а*, которую автор производит от груз. *п'ич'ви* (= арм. *п'ич'и*) 'сосна'. Исход *-нта (-нда)* первичен, греки лишь позднее осмыслили его как вин. п., сконструировав на этой почве им. Πίτιουδς (Н.Я. Марр. – Изв. имп. АН, 1913, № 6, 323–324). Ср. еще И.А. Орбели ЖМНП 1911, май, 196, сноска 2: "... две местные формы *piḡunda* и *biḡvinta* принадлежат различным диалектам и даже языкам, но вполне, в отношении всех звуков, покрывают друг друга".

Однозначно считать МН *Пицунда* грузинским (картвельским) по происхождению нет, впрочем, достаточных оснований (по данным "Этимологического словаря картвельских языков" Г.А. Климова (М., 1964), упомянутое грузинское название сосны не относится к пракартвельскому фонду, там отсутствует вообще реконструкция пракартвельского термина 'сосна'), как о том говорит свидетельство индийского МН *Pithuṇḍa* (выше). Ср. сюда же др.-инд. *pītu-daru-* 'вид дерева', скорее всего – 'сосна' (неоправданные сомнения в и.-с. характере см. Mayrhofer II, 293; Chantraine. Dictionn. ét. de la langue grecque III, 907–908; P. Friedrich. Proto-Indo-European trees. Chicago–London, 1970, 34).

См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21. – Созвучные названия в средиземноморском ареале – Πίτιουδσαι, *Питиусские* – "Сосновые" острова, о Балеарских о-вах, *Питиунда* на о-ве Хиос – имеют характер уже целиком греч. образований. **IA-51.**

***pltu-/*pleteno-** 'широкий': *Плетенской* лиман, или Великой Луг, он же – *Плетеницкий* лиман, пространство между Днепром и Конкой, "разливающийся в длину до четырех верст" (Д.И. Эварницкий-Яворницкий. Вольности запорожских козаков. СПб., 1890, 9, 12, 175; с приложением карт Риччи Занони и Исленьева; Abrahamowicz 50–51). Сюда же, возможно, до сих пор точно не локализованное – у *Плесньска* на болони (Слово о полку Игореве), несмотря на свою репутацию "темного места", сохранившее определенную информацию о месте ровном и низменном.

Ср. др.-инд. *prthu-, prathana-* 'широкий'. Обращает на себя внимание (выше) лабмдацизм – сохранение этимологического *l*, в отличие от классического др.-инд. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 21. **IA-51.**

***poika/*paika** 'пастбище, луг': *Пойка*, засвидетельствовано род.п. τετιπριέτης) Ποίκας 'почтенной Пойки', вин.п. μετὰ τοῦ (sic!) Ποίκαν 'вместе с Пойкой' (надпись 1361–1362 гг., Мангуп, Н.В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа. Л., 1933 = Известия ГАИМК, вып. 71, 9); поздние формы: *Байка*, гора (Сп. Тавр. губ. 98), *Бойка* (Домбровский, Махнева; Домбровский. Средневековые памятники Бойки. – Археол. исследования средневеков. Крыма; Маркевич 20–21; Якобсон. Ср. Крым 175).

Ср. др.-инд. *páyate* 'набухать, наливаться', *páyah* 'молоко, жидкость', греч. *πόα*, дор. *ποά* 'луг' из первонач. 'поющий, наливающий (молоком)': гора Бойка покрыта хорошими лугами. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22; Он же 1979, № 4, 44 (привлеченное там для сравнения *Войск.* Конст. Багр., сюда не имеет отношения, так как означало, скорее всего, 'земля бойев, кельтского племени'). IA-51, 120.

***pra-sada-** 'спокойный': *prosedamum* – порок животных, неохотно идущих на случку (Plin. NH XXVI, 98; см. также отрывок: Скржинская М.В. 105).

Ср. др.-инд. *pra-sāda-* 'ясность, покой, милость', *prasādayati* 'успокаивать, унимать' (Mon.-Will. 696–697: *prasāda-* 'спокойствие, отсутствие возбуждения'). См. Трубачев, – Смп. ант. балк. 1980, 61; то же – Этногенез народов Балкан и Сев. Причерноморья. М., 1984, 150. Ир. соответствие имело бы вид *frahad-* или *farhad-*, но ЛИ легендарного героя *Farhad* (Фирдоуси) обычно объясняют из **fra-dāta-* 'отданный' (Hübschmann. Arm. Gr. I, 48), с переходом *d > h*, ср. *Fradatis* (Curtius, Ист. Ал. Мак.), парф. *Φραατίς* (с I в. н.э.). Ср. еще Justi. Iran. Namenbuch s.v.: из *frahata-* от *han-* 'быть достойным'. IA-196.

***pravlina-** 'раздавленный': (ЛИ, прозвище?) *Бравлинъ*, князь силен, организованный в первой четверти IX в. крымские берега от Херсона до Боспора, взял Сугдею (Сурож); разбит параличом за святотатство – ограбление гробницы св. Стефана (Жит. св. Стефана Сурожского, Васильевский).

Ср. др.-инд. *pravlina-* 'раздавленный, поверженный' (Mon.-Will. 694). См. Трубачев. – Этимология. 1977. Он же. – ВЯ 1981, № 2, 15.

Созвучие со шв. *Bravalla* (Vernadsky 1943, 280) носит совершенно случайный характер. Столь же маловероятна попытка объяснить из слав. (*бранливъ?*). IA-88–90.

***pr̥tan-?** 'широкий?': *Πρύτανις* *πυτάνος*, река в земле генихов (Argian. = SC).

Ср. др.-инд. *pr̥thū-* 'широкий'. См. **pr̥tu-/*pleteno-*. – Шапошников.

***psat-** 'песок': *Ψάττης* (Strab. = SC), *Ψάθης* (Ptol.), рукав Кубани. См. еще Klaproth, Comm. 62; Гёрц 19. Ср. сюда же *Ψησσω*, название одного из меотских племён на Кубани (CIRB).

В основе лежит, видимо, местное диал. индоар. название песка, родственное др.-инд. *psāti* 'жевать', прич. прош. страд. *psāta-* < **bhs-* (см. о них Maunhofer II, 388), *bābhasti* 'жевать, размельчать', ср. сюда же, далее, греч. *ψάω* 'тереть', а также – такое название песка, как греч. *ψάμμος*, гомер. *ψάμαθος*, нем. *Sand* (Maunhofer II, 409). Основное др.-инд. название песка – *rāmsú-* – остается при этом в стороне, что представляет интерес в плане лингвистической географии. Позднейшее тюрк. *Кумлы-Кубань*, собств. 'песчаная Кубань', могло бы служить подтверждением предлагаемой расшифровки реликтового названия кубанского рукава.

Едва ли следует настаивать на этимологическом родстве *Ψησσοί*,

Ψάτης с адыг. псы 'вода, река', как см. А.Л. Погодин. Сборник... (СПб., 1902), 109; В.П. Шилов. О расселении меотских племен. – СА XIV, 1950, 116.

Особую проблему представляет племенное название фатеев, тесно связанное с собственно меотской этнической номенклатурой (Θατέϊς, Θατρεΐται, см. Pape – Benseler I, 482), но уже отражающее, видимо, продвинутую иранизацию (сарматизацию) прежде индоарийской формы: *that-* < **phat-* < **psat-*. IA–25, 51.

*pula 'город': Φούλαι – τῶν Φούλων (Hieroclis Synecdemus 100, 136; Жит. Ио. Гот.); *Рускофулей/Ускрофіль/Рускофіль-Калé; Кастропуло*, соврем. *Кастрополь* (Кеппен. Крымский сборник 132, 205–206).

Специально о местонахождении средневековых Фулл см. Васильевский, Жит. Ио. Гот. 151–152; Кулаковский 65; Кролоткин СА XXVIII, 1958, 199 и сл.; Якобсон СА XXIX–XXX, 1959, 108 и сл. (локализует в местности Дорос); Веймарн, – Археол. исследования средневекового Крыма 75; Бертъе-Делагард 1920; П.А. Лавров. Материалы XVII; Маркевич 30–31 (касается происхождения названия); Tomaschek, *Goten* 25, 71 (отождествляет Φούλλαι и холм Fül у Ливадии); Тунманн 36 (помещает у Чуфут-Кале). Комментарий Шапошникова: Чуфут-Кале в VI–XI вв. не был городом в полном смысле (не был укреплен), Дорос фигурирует как отдельная единица; скорее всего, Фулы – это древний город Тепе-кермен, ибо в IV–XI вв. только Мангун, Эски-кермен и Тепе-кермен были большими и хорошо укрепленными городами Готии (подробнее см. Д.Л. Талис. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник. – Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, 89–113).

Ср. др.инд. *pur(a)* 'крепость, укрепленный город'. Обращает на себя внимание сохранение в нашем примере (индоарийский таврский) этимологического и.-е. /-. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22. Ср. **pura* (см.) как форму с проведенным ротацизмом. Переход *p > f* свидетельствует о сарматизации, как и в ряде других наших случаев. Таврское **pula* наиболее близко (формально и этимологически) предположительно иллирийскому **pola*, ср. *Pola* (соврем. *Pula*), город в Истрии (см. о последнем А. Mayer. *Die Sprache der alten Illyrier*. Bd. II. Wien, 1959, 93). IA–51, 161.

*pura 'город': *Pyrram*, название города у Меотиды, поглощенного морем (Plin. NH = SC).

Ср. др.-инд. *pura* 'крепость, укрепленный город', а также Поўра, название столицы Гедрозии (Agt. An., Pape – Benseler II, 1246), см. о последнем Hansman 571; Eilers – Mayrhofer 121. Ср. предыд. IA– 51.

**raĵ-paragana-* 'царь, врагов убивающий': *Rasparaganus*, ЛИ роксоланского "царя" (вар.: царя сарматов), CIL V, 1, № 32, 33, 10, надгробная надпись в г. Пола, римская провинция Истрия, нач. II в. н.э.; см. еще Müllenhoff III, 113, 118.

Ras- = др.-инд. *rāj-* 'царь', *paragan(us)* = **para-ghana-* 'врагов убивающий', ср. др.-инд. *ghaná-* 'тот, кто поражает, убивает'. В ир. (скиф.-сарм.) 'царь' обозначался производным от глагола *hāy-* 'властвовать', а

и.-е. *rēg-s 'вождь, царь', по-видимому, отсутствовало, за исключением хотан-сак. *raysa-* [gaza-] в этом значении (если последнее не является буддийским заимствованием из индийского?)

См. Трубачев. – Слав. и балк. языковедение. М., 1983, 36–37.

Абаев ОЯФ I, 182 толкует *Rasraganus* из ир. **fra-spara-ka-na-*, ср. осет. *ra-fsaræg* 'тот, кто наступает'. – Много допущений. IA–186–187.

***гата-** 'спокойный, счастливый': *Ramos*, племя в Керавнийских горах (Plin.).

Ср. др.-инд. *gamā* 'счастье, богатство', *gāmate* 'успокаивать; останавливаться; отдыхать, покоиться, пребывать'. – Шалощников.

***гатап-** 'покой, привал, стоянка': *Романкош*, название самой высокой вершины Крымских гор.

Ср. др.-инд. *gamate* 'успокаивать; останавливаться; покоиться, пребывать; развлекаться'. Значение 'привал, стоянка' у субстратного **гатап-* как бы глоссируется тюркским *кош* (в составе гибридного *Роман-кош*) 'стоянка, лагерь'. Тюрк. атрибуция *Роман-* (см. ниже) все-таки маловероятна ввиду нехарактерности начального *r-* для тюркского. Далее, можно отметить, что в иранском упомянутый выше корень выступает, скорее, в более общем значении – 'покой, мир' (ср. авест. *gaman-*), а не в специальном 'привал, стоянка'. См. Трубачев. – Этимология. 1979. М., 1981, 123–124. Ср. **рата-* (см.).

Иначе см. Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984, 77 и сл.: *Романкош* – 'стоянка рода Роман', ср. тюрк. (туркм.) *Романкуль*, племенное подразделение. IA–150–151.

***рек-ома-** (**reka-uma-*) 'жгучий лён?': *Rhecoma adfertur ex iis quae supra Pontum sunt regionibus. radix... calfaciens gustu et adstringens* (Plin. NH XXVII, 128) 'рекома... корень..., по вкусу согревающий и вяжущий'.

Ср. др.-инд. *rikhāti* 'царапать, драть', *rekhā* 'царапина' и *umā, ūmā* 'лён'.

См. Трубачев. Этногенез народов Балкан и Сев. Причерноморья. М., 1984. IA–196.

***рока-**(**rauка-*) 'светлый, белый': *Rocas, Rogas*, народ у Черного моря (Iord.); сюда же, видимо *Rogastadzans* (Iord.), гибридное сложение индоар. **рока-* (ср. др.-инд. *rōka-* 'свет') + гот. *stadsja* 'берег', откуда все в целом – 'белый берег', возможно, частичная калька на готский несохранившегося индоар. **рока-тар-* 'белый берег', ср. у нас ниже **рукса-тар-* (см.), с тем же значением. Что касается локализации местности под этим названием, она, по-видимому, в значительной части совпадала с местностью, именовавшейся в Древней Руси *Бѣлобережье* – Северо-Западное Причерноморье. Иные попытки объяснить иордановское *Rogastadzans* см. Marquart, Streifz. 378–379: из гот. *Rauwastadjans 'жители Поволжья'(?); ср. еще G. Schramm 1974.

См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22. IA–51, 57–58.

***рока-ба-/рукса-ба-** 'свет излучающий': *Rhocobae*, оппидум скифов-пархарей неподалеку от Канкита (Plin. NH); "Ερκαβον – περί Καρκινίτην

ποταμόν, место на реке Каркинит (Ptol., см. Р.-В. I, 380); Ρακόβη – предлагаемая нами эмендация, вместо Ρακόλη, место, откуда произошли журавли (Steph. Byz.).

Ср. др.-инд. *rocánāmi bhā-* 'излучать свет, сияние' (H. Grassmann, Wörterbuch zum Rig-Veda 931). Реконструируемое нами индоар. **roka-ba-/*ruka-ba-* этимологически тождественно греч. λυκόφως 'сумерки', диал. λυκάβας, -αυτός 'новолуние' < и.-е. **luko-bhāi/*leuko-bhāiluko-bhō-*. Ср. еще др.-инд. *rokā-* 'свет'.

Означенная таким образом местность совпадает частично со "Старой Скифией" (об индоарийской этнической принадлежности последней см. у нас в другом месте) и с "Журавлиной страной", следы и отражения которой наблюдаются в *Gerania* (греч.) 'журавлиная' и в названии *Канкит* – индоар. **kank-uta-* (см.). Сюда же примыкает и др.-русск. *Бълобережье*. Ср.: τὴν λευομένην Λευκὴν ἀκτὴν ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ, ἐν ἣ πλείστοι ἐρωδιὸι φαίνόμενοι ἐκεῖθεν τοῖς πλέουσι μηρύουσι αὐτὴν. Σχόλια εἰς Πίνδαρον. 79(49) = SC I, 332 'так называемый *Белый берег* на Евксинском понте, на котором многочисленные цапли, являющиеся оттуда тем, кто проплывает, знаменуют это место'.

*ruk-osta-/*ruk-usta- 'светлое устье (ущелье?)': *Уркуста*, деревня в Юго-Западном Крыму (Кеппен. Крымский сборник 245; Сумароков 1805, 28; Списки Тавр. губ. 97; Список Крымск. АССР 120); *Rúkusta* (Tomaschek, Götten 75: "nichttatarisch").

Ср. др.-инд. *ruk-* 'свет. блеск' (в сложениях), *óṣṭha-* 'губа; губы, уста' (Mon.-Will. 236, 882). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22). Ср., далее, сложения **par-osta-*, **sal-osta-* (см. s.vv.). IA-51.

*ru(k)sa-tar-/*rossa-tar- 'белый берег': *Rosso Tar*, место на западном берегу Крыма (вар. *Rossico, Rossofar*, на итальянских картах начиная с XIV в., см. А. Шахматов. Варанголимен и Россофар. – Историко-литературный сборник, посв. Всев. Изм. Срезневскому. Л., 1924, 166 и сл.; автор ошибочно возводит к ит. *rosso* 'красный' и *far, faro* 'маяк', ср. признаваемую многими большую авторитетность, правильность чтения *-tar*, темного с точки зрения итальянского, см. так – у Шахматова, 176, – Брун, Потоцкий, Тэтбу де Мариньи; А.Н. Щеглов. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, 14, сноска 2). Вероятным (переосмысленным) остатком индоарийского **rusša-/*rossa-* 'белый' в Северо-Западном Причерноморье является название *Χρυσὸς λευόμενος*. ср. о нем В.Н. Татищев. История российская I, 197: "...от Днепра к Дунаю... Берег, имянуемый *Χρυσος Λεγομενος*, т.е. Златый берег..." Несомненный перевод (семантическая калька) субстратного **rossa-tar-* представлен в др.-русск. *Бълобережье*, начиная с договоров Руси с греками X в., см. о последнем Н. Барсов. Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). Вильна, 1865, 19; С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959, 148, 168.

Ср. др.-инд. *rukṣá-* 'блестящий, сияющий' и *tar(a)-* 'переправа'. здесь – 'берег, ср. у нас ряд случаев **tar-* (в сложениях). Диалектный

(и диахронический) переход *ks > ss* также прослеживается в ряде севернопричерноморских *indoarica*.

См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22. IA-51, 57, 58.

***rukxi-nav-var-** 'белый новый город': *Ρευξιναλοί*, племя, участвовавшее в войне скифов с Диофантом (Декрет Диофанта, II в. до н.э.). Видимо, получило отражение в названии *Νεάπολις* Неаполь (Скифский) и позднее – в так называемом *Русском* (sc. lic. 'Белом') *Новгороде*, резиденции князя Бравлина (нач. IX в., Васильевский, Соболевский), наконец – в татарском *Ак-мечеть*, *Akmesdzidsaraj*, см. о последнем Abrahamowicz 35.

Ср. др.-инд. *rukṣá-* 'светлый', *nava-* 'новый', *vāra-* 'ограниченное, замкнутое пространство', здесь "город". IA-51, 57, 58.

***sala-** 'сток ? склон': реликт восстанавливается гл.обр. в связанном виде, см. **sal-gat-*, **aki-sal-ita-*, *sal-usta, **sal-gir-*; есть вероятность, что индоар. (тавр.) **sala-* служило туземным эквивалентом греч. (τά) κλίματα (Конст. Багр. 37, 107), обозначение горного Крыма (Тунманн 39), в т.е. Готии (А.А. Васильев. Готы в Крыму II, 233), понимавшихся как "северные склоны Евксинского Понта" (А.Л. Якобсон. Крым в средние века. М., 1973, 3). Ср., далее, *Сала* в крымской топонимии (Каммеральное описание Крыма; Список Крымск. 10, 84). См. еще I.M. Железняк. Українські гідроніми від основи **sal-*. – Мовознавство 1977, № 6, 48 и сл.

Ср. др.-инд. *sala-* как древний вариант к *sara-* 'поток'. Ближе к исконному значению ср. ир., младоавест. *harā* (Bartholomae. Air. Wb. 1787–1788: "Et.?), особенно в сочетании авест. *Xara-hərgəzaitī*, собственно 'высокая Хара', где *xara* < *sara 'сток, склон'. Правомерность называния 'гора' как 'водосток' можно подкрепить ссылкой на Aristot. Meteorol. I, 14 (о зарождении воды, рек на горах). Ср. также участие основы др.-инд. *sara* в обозначении гор: *Pilu-sāra*, название горы, она же – *Pilu-giri*.

Подробнее см. Трубачев. – Этимология 1977 (М., 1979), 128 и сл.; Он же ВЯ 1977, № 6, 22. IA-51, 83–88.

***sala-gat-** 'проход к горам Сала?': *Солхат* = Старый Крым. О дотатарском происхождении названия города *Салхат* – (XIV в.) см. специально В.Д. Смирнов I, 75; Феодальная Таврика 164.

Ср. **sala-* (см.) и др.-инд. *gātu-* 'проход, дорога, путь'; ср. еще *Palghat*, название прохода между гор *Malaya* и *Dardura* (Law, Kāl. 43). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22; он же – Этимология. 1977 (М., 1979), 133.

Попытки иных объяснений см. Якобсон. Крым... 105 (из арм.); Суперанская 169, 197. IA-51, 88.

***sala-giri-** 'река с гор Сала': *Салгир*, *Салгирь*, река в Крыму, впадающая в Сиваш (Gew.пн. 10, 156).

Ср. **sala-* (см.) и др.-инд. *giri* 'гора', также в составе названий ряда рек в Индии – *Candanagiri*, *Antyāgīrā* (Law, Rivers 40, 51). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22; Он же – Этимология. 1977. М., 1979, 131.

Малоубедительны тюркские этимологии: Филоненко 132; Никонов 364; Abrahamowicz 40; Навширванов (от тюркского этнонима); Суперанская 1969, 196. IA-51, 87.

*salata- – ‘крыша?’: solatas siue tectos (Vigna, 1455 г., документ CXXXII).

Похоже на глоссу, не толкуемую из латинского или итальянского, насколько можно судить по материалам словарей Du Cange, Battisti – Alessio. Ср. др.-инд. *śālā* ‘дом, здание, укрытие’. Предположительный позднетаврский реликт можно считать производным с суф. -t- от названной индоар. основы. Ср., возможно, сюда же *sala-tura- (см.). См. специально Трубачев, – Этимология. 1977 (М., 1979), 137–138. – Некоторые сомнения по поводу этой этимологии высказал на обсуждении доклада Трубачева в Институте истории в 1981 г. Назаренко, одновременно предположивший здесь наличие чисто романского *solatas* ‘обутые’ – о крышах(?). IA-91–92.

*sala-tura- ‘укрытие?’: *Чалтура*, местное название в Юго-Западном Крыму (Заняли де они на пчелникъ на колодизъ Чалтуръ терновой пристѣнь на Крымскихъ горахъ... Воронежские акты 313. 1700 г. Картотека СлРЯ XI–XVII вв.), соврем. *Челтера*.

Ср. др.-инд. *Śālā-tura*, древняя форма названия современного города Лахор (Agrawala 10, 70). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22; Он же. – Этимология. 1977 (М., 1979), 137–138. Ср. *čaltur- (см.). IA-52, 92.

*sal-usta/*sal-osta- ‘устье (гор) Сала’: *Salusta* – Алушта у Идриси, 1153 г. (Кеппен. Крымский сборник 183–184; Там же, 104, приводится форма *Schalusta*, со ссылкой на: Географ Нубийский, Гаммер); соврем. *Алушта*.

Ср. *sala (см.) и др.-инд. *ōṣṭha* ‘губы, уста’. Ср. еще *ruk-usta, *par-osta (см. s.vv.). Характеристику Алушты – “главная дорога... за горы” – см. также Кеппен, Крымский сборник 326. Специально о *Salusta* как сложении со значением ‘устье (гор) Сала’ см. Трубачев. – Этимология. 1977 (М., 1979), 132. Изменение начала слова (s → спирантизация → псилоза) *Salusta* > *Алушта* объяснимо в свете иранизации (аланизации) региона. Критику новой германской (готской) этимологии древнего названия Алушты (G. Neumann, K. Düwel. *Alust* – ein kringotischer Ortsname? – KZ 98, 2, 1985, 280 и сл.) см. Трубачев. – Этимология. 1986–1987 (М., 1989), 53–54: немецкие авторы игнорируют первичное согласное начало древней формы этого названия, исключая выдвигаемую ими этимологию из германской формы со значением ‘ольховый, ольховая’.

Типично поздней народной этимологией является понимание *Алушты* как греч. ἀλουστα ‘неумытая’ (А.Л. Бертъе-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. – Зап. Одесского общ-ва истории..., т. XXXII, 1915, 242–243; то же см. в ИТУАК, № 57. Симферополь, 1915; Маркевич 20). IA-51, 87–88, 215–217.

*sam-krčā- ‘той же горловины, того же пролива’: *Smkrš*, название Тмутаракани в др.-евр. тексте X в. (N. Golb and O. Pritsak. *Khazarian Hebrew documents of the tenth century*. Ithaca and London, 1982, passim; ср. в

комментарии к: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989, 401).

Очевидное сложение индоар. компонентов, ср. др.-инд. *samá-* 'тот же, равный, одинаковый' (при ир. *hama-*!) и **kṛṣa-* (см. **kṛka-/kṛṣa-*), последнее – в древнем названии пролива-горловины и города при нем с европейской стороны, т.е. напротив Тмутаракани.

**sam-ur-/sam-var-* 'стечение?': Самур, река в Южном Дагестане – стечение рек Рутулчай и Ахтынской (см. также Древности Дагестана, 1974, 211, с литер.; И.Х. Абдуллаев. Еще раз к происхождению гидронима Самур. – Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976, 120).

Ср. др.-инд. *sam-* 'с', *vār, vāri* 'вода'. Ср. еще Сумбар, *Sūmbār*, название притока Атрека, Ю.-В. Прикаспий (по Дж.Б. Логашовой).

См. специально Трубачев. – Этимология. 1981 (М., 1983), 108 (там же отклоняется сближение Самур с осет. *самур* 'куница' у Минорского). IА–194.

**san-aria-* 'старые арии': Окончательный раздел индоарийцев и иранцев предполагается уже в Сев. Причерноморье, ср. геродотовскую традицию о наличии там, с одной стороны, "Старой Скифии" (*ἀρχαίη Σκυθία*), с другой стороны – иранцев-скифов как "самого молодого народа" (*νεώτατον ἔθνος*). Очевидность также общего самоназвания *arya-* для тех и других позволяет, далее (в согласии с геродотовской традицией), принять для индоарийцев после раздела уточненное самоназвание **san-aria-* 'старые арии' (др.-инд. *sāna-* 'старый, древний'), что в ир. устах обрело вид **han-arya-*. Следы последнего могут быть нащупаны в *Ἐνάρεες*, название касты у скифов (Геродот, Гиппократ), если последнее не из **a-narya-* 'entmann't (что могло бы быть и народной этимологией из первонач. **han-arya-*), сюда же, далее, *Ἀναριάκαι* в Южн. Прикаспии (Страб. XI, 8, 8; ср. Lassen I, 8), ср. всякий раз элемент социальной приниженности этих якобы "неарийцев", точнее – старых ариев во вторично-ир. среде. Так, **san-aria-* получает освещение как название остаточных индоарийцев, большинство которых первыми из ариев ушло на Ю.-В. Ср. остатки названия **san-aria-* на этом пути: *ὑπὲρ δὲ τὴν Ἀλβανίαν Σαναριῶροι* (Птол. V, VIII, 17–25 = Lat. SC), сюда же позднейшие, арабизированные *Sanariah* (Mac'уди), *C'andar*, местность близ Дербента (V. de Saint-Martin. *Études de géographie ancienne...* II. Paris, 1852, 246; Минорский. История Ширвана и Дербенда 210). Другой (преобразованный) отголосок разделения на 'старых' и 'младших' отразился в предании (начиная с Диодора Сиц.) о *πάλοι* и *Ναπαί*, причем *πάλοι* = греч. *παλαιοί* (ср. так уже Müllenhoff III, 23), *Ναπαί* = ир. *nara-* 'потомки'. Мнение о *Πάλοι* как скиф. самоназвании (Э.И. Соломоник. Новые эпиграфич. пам-ки Херсонеса. Киев, 1964, 12) маловероятно. О двух арийских волнах на Ю.-В. – индоар. и ир. – см. E. Vugow *Journal of the Royal As. Society* 1973, 123 и сл.

Реконструкцию **san-aria-* 'старые арии' см. Trubačev. Ein Fall der Typologie: das Problem der alten Arier und die arische Trennung. – Festschrift

for O. Szemerényi on the occasion of his 65th birthday, ed. by V. Brogyanyi (Amsterdam, 1979), 906 и сл. Необходимый фон проблемы см. Трубачев. "Старая Скифия" Геродота... – ВЯ 1979, № 4, 33 и сл. IA–101.

***sara-** 'течение; вода': Σάρων – πόλις περὶ δε τὸν Βορυσθέηνυ ποταμὸν (Ptol. = SC).

Ср. др.-инд. *sara-* 'текучий; ток, ручей; водоем', *sáras* ср.р. 'проточная вода; озеро, водоем; вода'. Предположение о фрако-дак. принадлежности (В.П. Яйленко 1984) излишне.

***saraka-** 'речной': Σεράκα, Σαράκα – πόλις παρὰ δὲ τὸν Οὐαρδάνην ποταμὸν (Ptol. = SC), то есть город на реке Вардане, см. еще V. de Saint-Martin II, 129.

Производное с суф. *-ka-* от **sara-* (см.) 'поток, вода, течение'.

Объяснение из вост.-ир. *sar-* 'голова' (см. Абаев ОИЯ) приложимо, скорее, только к Σάρακος, ЛИ (Танаис), "головач". IA–52.

***saranga-** 'см. **jaranga-*. Ср. еще др.-инд. *Sāraṅga*, приток реки Śatadru- (Lassen I, 57–58, Anm.).

***s(a)ravas** 'поток, течение': *Сераус*, куполовидная вершина, отрог Бабуган-яйлы.

Ср. др.-инд. *srava-* 'водопад, поток, течение'. Предположение о связи с вост.-ир. *sar-* 'голова' не объясняет необычной суффиксации; исход *-us* ср. еще в *Беляус* – городище III в. до н.э. – IV в. н.э. в устье Донузлава. – Шапошников.

***sar-i/*saria** 'женщина': [Σ]αρία... γυνή (Latyschev. IosPE II, № 116), ЛИ женщины, в эпиграфике.

Допустимо видеть отражение индоар. апеллатива 'женщина', ср. его следы в др.-инд. *sara-:ap-sarā-* 'апсара, женское водяное божество, нимфа' (Mon.-Will. 59). Сюда же ср. **kama-sar-*, **maia-sar-*, *sarika (см. s.vv.). Попытка толковать все эти имена из ир. **sar-* 'голова' (Абаев ОЯФ I, 180–181) менее вероятна типологически: перед нами сплошь же и с к и е личные имена. Полезно иметь в виду дискуссию о реликтах и.-е. **sor-* 'женщина' (Бенвенист, Стертевант, Майрхофер, Фридрих, Ларош, Семереньи; см. подробнее Трубачев ВДИ 1978, № 4, 38), а также ту роль, которую в этой и.-е. проблеме могут сыграть следы индоар. *sar 'женщина'.

См. Трубачев ВЯ 1976, № 4, 56. IA–33, 52, 70 и сл.

***sarika/*saruka?**: Σαρίκη γυνή (CIRB № 512), женское ЛИ.

Производное с суф. *-ka* (уменьшительное?) от *sari (см. предьд., где подробнее об этимологии). IA–33.

***sarkar-** 'камень, скала': *sacrium* "скифское название янтаря" (Plin. NH XXXVII, 40); далее, возможно, сюда же *Сокур*, *Цукур(ов)ский* лиман (Гёрц, Топ. 13), *Soukour* (Dubois V, 98), *Цакурка*, *Окурка* (Маркевич 20), *Zokurofskoi-Liman* (Pallas. Voyages III, 368).

Ср. др.-инд. *śarkarā* 'мелкие камешки, гравий, галька', с которым уже давно сближали "скифское" *sacrium* (Vasmer. Iranier = V-r. Schriften... I, 148). Сюда принадлежит и МН *Sukkur* на реке Инд, представ-

ляющее собой праkritизм в отношении к *sarkarā* (Agrawala 50) и вместе с тем близкое к упомянутым выше таманским названиям *Сокур*, *Цукур*-. В отдаленной и.-е. перспективе сюда относится также Керкúра, предположительно иллирийское, см. W. Cimochowski.

См. Трубачев ВЯ 1976, № 4, 61; Он же ВЯ 1977, № 6, 22. IA-39, 52.

***sar-mat-** 'женские, женщинам принадлежащие': Σαρμαται (Herod. IV, 21), *Sarmatae* (Polyb. XXV, 2), скорее всего, не самоназвание данного ир. народа, звавшего себя, по всей видимости, **arya-*, ср. *Arraei Sarmatae* (Plin. IV, 41), *Arii* (Елифаний, IV в. н.э.). См. J. Harmatta. *Studies in the history and the language of the Sarmatians* (Szeged, 1970), 29, 77; там же – о разграничении савроматов и сарматов, хотя ясно этимологическое тождество обоих названий.

Убедительной ир. этимологии этноним не имеет (ср. W. Blümel, рец. на P. Schmeja. *Griechen und Iranier: *Saura-ma(r)ta-* 'убийцы героев'; M. Vasmer. *Die Iranier in Südrußland* 125, 149: 'имеющие мечи', 'имеющие копья'; Абаев: 'чернорукие'; В.Д. Блаватский, Кр. сообщ. Ин. арх. АН СССР 143, 1975, 46; Dumézil [цит. по: Гуриев]: *cau + roma* "меланхлены").

Греч. словоупотребление "са(в)р(о)маты женовладеемые" (Σαρματῶν δὲ εἶστιν ἕθνος γυναικροκράτουμένων. Scyl. Caryand. 70 и др.) содержит ключ к расшифровке, будучи по сути греч. глоссой особого – негреч. и неир. – племенного названия, в чем целесообразно усматривать индоар. **sar-mat-*, прилаг. с суф. *-mat-* от **sar-* (см.) 'женщина'; прочтение **sarmat-* как 'женские, женщинам принадлежащие' полностью согласно с квалификацией-переводом 'Γυναικροκράτουμένοι', полученным вместе с именем **sarmat-* от индоариев Сев. Причерноморья, от которых греки, судя по всему, впервые узнали о сарматах. См. Трубачев ВЯ 1979, № 4, 40–41 (с литер.). Дале, см. *sari/*saria.

Что касается ир. соответствия (дублета) индоарийскому (как выше выяснено) **sarmat-*, то им является форма **xarvat-/harvat-*, засвидетельствованная в ЛИ Χοροαθος/Χοροαθος (II–III вв. н.э., Танаис), а позднее продолженная слав. этнонимом *хъrvatъ. Ир. **harvat-* представляет собой точно так же суффиксальное производное на *-vat-* (аналог *-mat-*) от ир. **har-* 'женщина' = индоар. **sar-*, и.-е. **sor-* с тем же значением. См. специально Этим. словарь слав. языков 8, 150 и сл. IA-115–116.

***sasa-** 'заяц': Σάσας Σινδέου, синдское ЛИ в надписи, Горгиппия (CIRB № 1094).

Ср. др.-инд. *śaśá-* 'заяц, кролик' < **śasa-* < и.-е. **kaso-*, цветообозначение. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22 (ир. форма имела бы вид **saha-*). Можно указать на археологическое свидетельство о наличии зайцев в курганной культуре, см. Mallory JIES 10, 1982, 199–200. IA-52.

***sastar-** 'святилище? оракул? свод ритуальных предписаний': καὶ τὸν ΣΑΣΤΗΡΑ τῷ δήμῳ διαφυλαξῶ 'и састер(а) народу сохранию' (Гражданская присяга Херсонеса, III в. до н.э., Latyshev IosPE IV, № 79: 'legum summa'; Латышев. ПОНТИКА). Современные историки не читают этого слова, оставляя его без перевода.

Обычно объясняли из др.-ир. (авест.) *sāstar-* 'повелитель, властелин' (Vasmer, Iranier), однако ир. слово не имеет к у л ь т о в о г о значения, наблюдаемого у ΣΑΣΤΗΡΑ (см. о последнем специально Жебелев). Ельницкий ВДИ 1964 (также Ельницкий 1977, 66, 182) толкует ир. термин как "кочевнический князек", то есть то же, что фасмеровское 'Herrscher'. Характерно, что Бартоломэ (Aig. Wb.) квалифицирует авест. *sāstar-* как употребляемое особенно о противниках маздеистского вероучения, то есть скорее дэвовский термин индоар. происхождения (в понимании Барроу).

Предпочтительнее этимологизировать ΣΑΣΤΗΡΑ в связи с др.-инд. *śāstrá-* 'поучение, божественная религиозная книга, свод' (Mon.-Will. 1069), что наилучшим образом соответствует контексту присяги – клятвенному обязательству сохранять и не разглашать 'священное писание' (ср. Тюменев, Херс. эт. IV: обязательство не открывать государственные тайны). Все сказанное позволяет видеть в σαστήρα первоначально индоарийский (таврский) культовый термин, ср. таврский генезис херсонесского культа Девы.

Подробно см. Трубачев ВЯ 1979, № 4, 29 и сл. IA-103-105.

**sat(t)-arha-* 'семь жребиев?/уделов?': *Satarcheos Spalaeos*, племя, со стороны Крыма примыкающее к Меотиде (Plin. VI, 23); Σατάρχη – πόλις δὲ ἐστὶν μεσόγειος ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ ἥδε (PtoI. = SC), город неподалеку от Херсонеса.

Ср. др.-инд. праkritизм *satta-* 'семь' (вместо санскритского *sapta-*), засвидетельствованный уже с достаточно раннего времени, ср. *sattaçartanna-* 'семь оборотов' в трактате Киккули, в Передней Азии (Mayrhofer 1960, с сомнением о праkritизме; о *satta-* как о "палийской" форме – Reichelt apud Mayrhofer; Friedrich, там же). Ср. др.-инд. *Satpura* 'семиградье' (Lassen I, 106, Anm.).

См. Трубачев ВЯ 1979, № 4, 31, там же – осмысление второго компонента имени в связи с др.-инд. *argha-* 'цена, стоимость', со ссылкой на позднюю аналогию в тур. *Jedi-san*, буквально 'семь (крупных) чисел', название провинции Османской империи (соврем. Одесская, Николаевская, Херсонская области), примыкавшей к Крыму с севера. О связи сатархов с синдами см. Ростовцев 1915, 60-61. Вышеизложенная индоар. этимология **sat(t)-arha-* находит подтверждение и в аналогичной этимологии **sat(t)-auka-* (см. сл.).

Менее вероятна связь *Satarcheos* и *sáta-* 'сто' (Müllenhoff III, 120) и уже вовсе невероятна – с ир. *xšaθraka-* (так см. Десятчиков. Сатархи. – ВДИ 1973, 1, 131; говоря о сатархах, автор странным образом не обмолвился ни словом о сатавках!). IA-52, 105.

**sat(t)a-auka-* 'семь жилищ': *Satauci*, народ к востоку от Феодосии (Plin. NH = SC). Сохранение следов этого этнонима прослеживается в более позднем MH Casale de lo *Sdaffol/Osdaffum* (Braun 12), оно же – (тюрк.) *Еди-Евлер* 'семь дворов' (Маркевич 25) и (греч.) *Επτα-σπιτιου* 'семь домов' (Сумароков 1805, 212), урочище в 7 км к востоку от Алушты. Из современной топонимии ср. *Семь колодезей*, на Кер-

ченском полуострове. Устойчивость этого числового символа имеет в Восточном Крыму давние и разноэтнические корни, ср. аланское название Феодосии – 'Αρδάβδα (Анонимный перипл Понта Евксинского, V в. н.э.), читаемое по-ирански как arđ-avda 'семибожная, ἑπτὰ θεός' (В.И. Абаев. Культ "семи богов" у скифов. – Избранные труды. Владикавказ, 1990, 89–90: инверсионное чтение).

Ср. др.-инд. (пракрит.) *satta-* 'семь', вм. классического *sapta (см. **sat(t)-arha-*, выше) и др.-инд. *ōka-(*auka-)* 'дом, убежище'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 18; Он же ВЯ 1981, № 2, 6. IA–46, 52, 171, 172.

**saul(ia)-/*sol-* 'солнце': τῆ θεῶ Σῶλ 'богине Σ.', посвятельная надпись II в. н.э. на Таманском п-ове (Гёрц 82; Кобылина 71); сюда же Σαυλος, царское ЛИ у скифов. Обращает на себя внимание также надпись ΣΑΥΛ на диоскур. монете колхского вождя Савлака (см. о ней Воронов 1980).

Правомерно сближение с др.-инд. *saurya-* 'солнечный', *sūrya-* то же, с одновременной констатацией сохранения здесь архаичного и.-е. /s/. См. Трубачев ВЯ 1981, № 2, 14. Ср. Крушкол, Древняя Синдика 65, о поклонении синдов солнцу. IA–170.

**saumaka-* 'относящийся к коме?': Σαύμακος, ЛИ, воспитанник царя Перисада, свергнувший его и ставший правителем Боспора в 112/111 гг. до н.э. (Strab. = SC; Polyb.).

По-видимому, этимологически тождественно др.-инд. *Sōmaka-*, ЛИ от *soma-* 'священный напиток', производное с суф. *-aka-*. – К. Witzak, Лодзинский университет (письмо от 3.VIII.1989 г.).

Значительно менее убедительно сближение с осет. *sawmag* 'утренний' (Абаев ОИЯ 303).

*savia 'благая': 'Ολβία Σαῦα (Anon. Peripl. Pont. Eux., см. Voeckh, Corpus inscr. gr. 1–2, 86(5)). Против этого чтения см. Латышев SC I; Он же. Гос. строй Ольвии 12, 35, 37. См. еще Надеждин 30.

Ср. др.-инд. *savya-* 'левый' < '*благой', ср. и греч. ὀλβιος 'блаженный, счастливый', которое в этом случае как бы глоссирует более старое, индоарийское, название. См. Трубачев. – Этимология. 1979. М., 1981, 124–125. Нижний город древнейшей Ольвии богат родниками хорошей воды, чего нет во всей окрестности. См. Фармаковский. Ольвия 21.

Высказывалось мнение, что северопонтийская Ольвия названа так по санкции дельфийского оракула, как и другие многочисленные Ольвии в Средиземноморье (М.В. Скржинская ВДИ 1981, № 3, 142–146), и все же греческий синоним, скорее всего, оказался здесь приурочен к равнозначному туземному слову. IA–151.

**sibi-* '?': civitas *Sibensis* (XIV в.), близ Таматархи, см. Тунманн 65. Ср. укрепление, раскопанное на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана, см. В.П. Толстикова. – ВДИ 1976, № 1, 80. Далее, ср., возможно, сюда же *Sebeloi* (*Себълое*), Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. = *Стеблеевка* – (Фабр 84–85), в настоящее время – *Верхне- и Нижне-Стеблеевская*, станицы Краснодарского края, см. Список Кубанского кр. Едва ли верна идентификация позднейшего Копыля, Сора и civitatem

Sybensem, как см. Ф.К. Брун – Труды I археологического съезда в Москве. 1869. II. М., 1871, 380. Ср., далес, *Стеблишвский* лиман, ниже Алешек (Эварницкий 113).

Ср. др.-инд. *Sibi-pura* (Agrawala), далее – племенное название *Sibi*, "в южном Дуабе Инда и Акесина" (Chr. Lassen. Indische Altertumskunde I², 720, примеч. 3); В.С. Law. Geography of early buddhism. London, 1932, 52). Дальнейшая этимологизация затруднительна. Ср., может быть, иллирийское **sib-* 'болото' (Maeyer II, 105: Σιβειτον). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 22. IA–52.

**sibri-apa-/*subri-apa-* 'светлая вода': Σιβρίαπα (вар. Ἐβρίαπα, Εὐβρίαπα), город на реке Οὐαρδάνης 'Кубань' (Ptol. Geogr. V, 8, 28).

Ср. др.-инд. *śubhrá-* 'красивый, светлый', сюда же, возможно, Σίβριον, город в Индии (Ptol. VII. 1, 76), а также глосса Σίβρος ἄρῦρεος ποταμός (Стеф. Визант.), последнее – в Малой Азии, возможно, тоже индоар. происхождения, ср. ЛИ *Šu-up-ra*, Алалах (Сев. Сирия. цит. по: М. Maughofer. Indo-Ir. Journal IV, Nr. 2–3, 1960, 142). Т.о., Σιβρίαπα толкуется как индоар. сложение 'светлая вода'. Ср. др.-инд. *apa* 'вода'. См. специально Трубачев. *Серебро*. – сб. Восточнославянское и общее языкознание (М., 1978), 99 и сл. (там же – о берущих отсюда начало слав., балт. и герм. названиях серебра, ввиду важной передаточной роли Кубани в распространении этого металла в Вост. Европе).

Из крымской топонимии сюда же (к индоар. **sibri-/*subri-*), возможно, относится МН *Шуври-кая*, скала над Ускутским перевалом, неэтимологизируемое из тюрк. (Шапошников). IA–79 и сл.

**sikita/*čikita* 'знак?': *Sicita*, упоминание деревни Никита в генуэзско-татарском договоре 1381 г. Позднейшей формой МН *Никита* мы обязаны целиком народной этимологии.

Ср. др.-инд. *sikit* 'знающий, опытный', *sikéti* 'замечать', *Sikita*, ЛИ. Обращает на себя внимание наличие на Никитской Яйле урочища *Грамата* (греч. 'надпись'), оно же (по-татарски) – *Язлы-Таш* 'камень с надписью', возможно, глоссировавших субстратное **čikita/*sikita* 'письменный знак', ср. и стойкое предание (начиная с Кеппена, Крымский сборник) о наличии на местной яйле такого "камня с надписью"; последняя, скорее всего, погибла (осыпалась, обесцветилась) к нашему времени, так и не дождавшись прочтения и публикации. См. специально Трубачев. – Этимология. 1977 (М., 1979), 135–137.

Маловероятно объяснение из греч. σικῆ, σικέα 'фиговое дерево, смоковница' (А.А. Белецкий. – Этимология. 1967, М., 1969, 206). IA–91.

**sili-* 'каменный': *Silis*, вар. к *Sinum* 'Танаис' (Plin. NH); Σιλίς 'Дон' (Eustath. Comment. ad Dionys. 14 = SC; P.-В. II, 1390). Предположение о смешении с Яксартom (*Сыр-Дарья*) см. Müllenhoff III, 106. Ср. также Kierpert 1878, 55; Подосинов. – Древнейшие государства... 1980, 257, сн. 2. Но ср. Ὀσίλοι, народ на нижнем Дону; префиксальное **o-sil-/*au-sili* (см. s.v.).

Ср. предание о реке *Σιλλας*, *Σιλίας*, *Σίλας* на севере Индии, в которой ничто не плавает, но тонет, окаменевая, в связи с чем название давно сближают с др.-инд. *śilā* 'камень' (McCrindle, Anc. Ind. 46–47; McCrindle, Meg. Agr. 33. 64. 202). Ср. также аналогичное предание Плиния о реке *Surius* в Колхиде (К. Ган. – Сб-к мат-лов для описания местностей и племен Кавказа IV. Тифлис, 1884, 101).

См. Трубачев ВЯ 1976, № 4, 60–61. IA–38, 52.

*sima-iĵ- 'соколиный жертвенник': *Симеуз*, поселок в Ялтинском районе, у подножия горы Кошка. На вершине последней существовал жертвенник тавров и обширный могильник VII–V вв. до н.э. См. Крис 1981, 57; Крым. Путеводитель. Симферополь, 1972, 102–103, 116.

Ср. др.-инд. *śyēnā-* 'хищная птица, орел, сокол, ястреб' и *ijyā* 'жертва'. Этимология МН *Симеуз* как таврского (индоарийского) названия святилища 'Соколиный жертвенник' подтверждается ясным прочтением локального названия горы *Кошка* как тюрк. *qıŷ-qaja* 'соколиная скала', причем можно говорить здесь о тюрк. кальке индоарийского субстрата. В пользу таврской природы говорит и ярко эндемичный ареал (Южный берег Крыма) названий с исходом *-из* (*Кикенеуз*, *Кореуз*, *Олеуз*). См. Трубачев. – Этимология. 1979. М., 1981, 119–120.

Попытки греческой этимологии *Симеуз* (Белецкий. – Этимология. 1967. М., 1969, 206–207: от σῆμα 'знак', σημαία 'знамя' с плюральным -ες) вскрывают – самое большое – вторичное, народноэтимологическое осмысление. IA–146.

*sindak(a)-: Σίνδαξ, ЛИ в Горгииппии, Синдика (CIRB № 709).

Производное с суф. *-aka-* от **sind(u)-* (см.). IA–52.

*sinda(va)- 'синды', "Речные": Σίνδοι, название народа (CIRB № 971, 972, 1014; Strab. = SC; Scyl.; Steph. Byz.; P.-B. II, 1396), Σίνδους, вин. мн. (Herod. = SC); Σίνδος, ЛИ, Горгииппия-Анапа (CIRB). См. Латышев. ПОНТИКА, 258. Сюда же *sindi ignobiles* 'низкороджденные синды', на Нижнем Днепре (Amm. Marc.), см. Ростовцев: Ritter, Vorhalle. Функционально, видимо, тождественно меотийским синдам Αιμαίων ἔθνος 'приозерные' (Scymn.), см. Мошинская 203. Проблематичные отголоски (с)индского имени видят в МН *Шинджий* (Л.И. Лавров 1954), *Индюк* (Коков). Ср. еще Джанашвили.

Форма **sindava-* может интерпретироваться как плюраль от **sindu-* (см.). Ср. др.-инд. *Sindhava-*. См. Kretschmer 1943. Критику см. Zgusta 35–36. На *-u-* основу указывает форма отчества в составе ЛИ Σάσας Σινδέου (Горгииппия, Синдика). IA–22, 31, 52.

*sindu- '(большая) река': *Sinus = Tanais* 'Дон' (Plin. NH VI, 20), не было названием Кубани (G. Morgenstierne, NTS XIII, 1945, 236); не имеет ничего общего и с авест. *Šinwat*, мифическое название моста-радуги (как см. Marquart, Streifzüge, 31, примеч. 1). Еще о конкурирующих чтениях *Silim/Sinum* у Плиния (там же) см. А.В. Подосинов, – Древнейшие государства на территории СССР. 1979 (М., 1980), 257, сн. 2 (склоняется к чтению *Silim*). Отголоски индоарийского **Sindu-* 'Дон' име-

ются также в др.-русск. *Синяя вода* – о Доне (Ф.К. Брун, – Труды I археологического съезда в Москве. 1869. II. М., 1871, 394–395). *Синее море* ‘Азовское море’ см. В.Г. Фоменко. О названиях Азовского моря. – Известия Мелитопольского отдела Геогр. общества СССР. 1972, вып. 2. Л., 106 и сл. Это словоупотребление *Синее море* см. и в Слове о полку Игореве.

Ср. др.-инд. *sindhu-*, *Sindhu-* ‘река, поток, море; река Синд, Инд’ (см. Law, India). Форма *Sinus* у Плиния (см. выше), возможно, вызвана корректирующим воздействием лат. *sinus* ‘залив’. См. специально Трубачев ВЯ 1976, № 4, 54. Ср. сюда же сложение **ake-sin(d)u-* (см.), о водном объекте вблизи Меотиды. IA–22, 31, 52.

***singula-**: Συγγούλ, река в Леведии (стране венгров) и в Ателькузу (Конст. Багр. De adm. imp. § 42, 179).

Подробнее см. **hingula-* (выше). Кроме тех речных названий, которые там приводятся (*Ингул*, *Ингулец*), ср. еще *Чингул*, река в бассейне Молочной, на Украине. Можно предположить аспирацию с последующей псилозой *s > h > Ø* на иранской почве. Ср., впрочем, G. Schramm, Nordpontische Ströme, s.v. *Ingul*: считает форму Συγγούλ скорее вторичной.

***siraka-** ‘речные, живущие у реки’: Σίρακες, Σιρακοί, название племени (Strab. = SC), также Σιρακηνοί (Р.-В. II, 1399); Σίραχος, ЛИ (Ольвия).

Производное с суф. *-aka-* от местного соответствия др.-инд. *sirā* ‘река, вода’. Ср. также **saraka-*, выше.

Иранская этимология – из вост.-ир. *sir-*, осет. *siryŋ* ‘танцевать, идти иноходью’ (Абаев ОЯФ; ОИЯ) – не кажется убедительной для этнонима. IA–52.

***sita-** ‘мост’: *Sita*, боспорский город (Rav. Анон.). Ср. др.-инд. *sétu-* ‘плотина, мост’, в топонимии – *Sita-pur*, название округа (Law, Kāl. 4–5), *Sitā*, название реки (Law, India 10). Особо надо отметить этимологическую и территориальную близость **kṛva-saita* (см.) = Βόσ-πόρος. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA–52.

***sitaka-** ‘мостовой, местность с мостами’: Σιτ(τ)άκη, местность на азиатской стороне Боспора, Σιτ(τ)ακηνοί, название меотского племени (Strab. = SC; Р.-В. II, 1401–1402).

Производное с суф. *-aka-* от **sita-* (см.). Ср. еще *Setaka*, город в Индии (Law, India 51), *Sittacene*, часть Парфии (Plin. NH, Sallmann 206). Ср. с ‘мостовой’ этимологической семантикой в приазовском регионе – *Кирпили*, река (в “Азовских делах” под 1698 г. упоминается как “переправа”, см. Вернадский 262), если из тюрк. *küprü-lü* (*li*) ‘мостовой’, в данном случае, возможно, – калька с индоарийского названия этой же местности. Специально о мостах в крае см. З. Весела. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA–52.

***skidura-** ?‘разрывающий’/**skid-vra-* ?‘ломающий множество?’: Σκίλο-υρος, ЛИ, отец Палака, царь крымской Скифии, II в. до н.э. (Плутарх. о Скилуре, эпизод с ломанием по одному связки дротиков).

Ср. др.-инд. *chidurá-*, 'разрывающий', отглагольное прилагательное с суф. *-ura-* (Т. Барроу. Санскрит. М., 1976, 141) или – сложение *chid-* 'резать, рвать', точнее, его допалатализация формы **skid-*, и *vṛá* 'множество'. Наличие *λ* в греч. записи отражает уже вторичную скифизацию имени (процесс *d > ḍ > l*, известный в иранском скифском).

*skivarin / *usaki-var-in ? 'принадлежащий высокому (верхнему) городу?': *Sciuarin*, один из городов крымской Готии, современный *Сюйрень* (Бусбек, XVI в., Кеппен. Крымский сборник 292; Tomaschek, *Goten* 58).

Ср. **var-* город в составе **bah-var-jamin-*, **ruksi-nav-var-* (см. s.vv.), суф. *-in* в *-var-in* весьма употребителен в др.-инд., ср. у нас **ni-kaks-in* (выше). Начальный компонент *ski-* < **ud-ske-/*ut-ske-*, ср. др.-инд. *uccā* 'сверху, наверх', *uccāś* 'высокий' (см. Mayrhofer I, 99; Idem, *Etym. Wb. des Altindoarischen* I, 3 (Heidelberg, 1988), 211. Ср. и вост.-ир. **uska-* 'верх, высокий' (Д.И. Эдельман. Сравнительная грамматика вост.-ир. языков. М., 1986, 105, 136), но в целом конструкция **(u)ski-var-in*, производная с суф. *-in*, имеет преимущественно индоарийский характер. – Шапошников.

**sr-bi-/*sir-bi-* 'головорезы': *Serbi, Cephalotomi* – эмендация, вместо *Serri, Cephalotomi* (Plin. NH VI. 16 = SC); Σέρβοι (вар. Σίρβοι), племя на Северном Кавказе (Ptol. 17–25 = SC). См. еще о них Масуди (Marquart, *Streifz.* 102–109); Татищев I, 330 J. Dobrowsky. *Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur*. Prag, 1818, 9; K. Zeuss. *Die Deutschen und die Nachbarstämme*. München, 1837, 608; V. de Saint-Martin. *Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique* II. Paris, 1852, 244–245; M. Plezia. *Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów Słowian*. Cz.I (Poznań; Kraków, 1952), 45–46; G. Labuda. *Serbia Biała*. – SSSV, 142; W. Swoboda. *Serbowie starożytni*. – SSSV, 146; М. Грушевский. *Киевская Русь*. Т. I. СПб., 1911, 80–82; N. Županić. *Srbi Plinija i Ptolemeja*. – Сборник радова посвећен Ј. Цвијићу. Београд, 1924, 555 (подробный анализ источников и собственная сомнительная – "кавказская" – этимология); F. Dvornik. *The Slavs*. Boston, 1956, 26–27.

Эмендированное место у Плиния (выше) – *Serbi Cephalotomi* – представляет собой, в сущности, индоарийско-греческую глоссу 'головорезы', с отчетливым пониманием внутренней членимости локального индоарийского имени **sir-bi-*, ср. др.-инд. *śiras-* 'голова' и и.-е. **bhei-* 'бить' во второй части (с последним ср. **bitia-*, см.). Ср., далее, др.-инд. *śirṣa-bhīdya-* 'раскалывание головы' (Атхарваведа). Из иноязычных аналогий ср. иранско-греческую кальку Σαραπάρας κεφαλοτόμους – персы о фракийцах (Strab. II, 14, 14). См. Detschew 423.

См. Трубочев ВДИ 1978, № 4, 41–42. IA–74–75.

**sr-du-hansa-* 'смердящий гусь? дерзкий гусь?': Σιρδούχανσος Βουτούνατος, ЛИ (надпись III в. н.э., Одесса, см. Латышев, *IosPE* I² № 136, с. 161; Трещева ВДИ 1977, № 4).

Прежде не этимологизировалось. Толкование Σιρδου-χανσος как 'anser pedens' навеяно близостью с др.-инд. *śardh-* 'pedere', *śrdhu-*

'podex', ср., впрочем, также *śr̥dhyā* 'дерзость, наглость' (см. о них Мауг-хофер III, 309–310) и *hamśā-* 'гусь'. В целом перед нами – очевидное сложное слово, прозвище. Подробно см. Трубачев ВЯ 1979, № 4, 38–39 (там же обращается внимание на то, что отчество лица с эпиграфическим именем *Σιρβουχαντος* – чисто индоарийское, см. и у нас, выше, **butunata-*). IA–113–114.

***stak-tar-** 'противный берег? крутой берег?': *Stactari*, название города в Таврике (Plin. NH).

Ср. др.-инд. *stak-* 'сопротивляться' (ср., впрочем, также афг. *stāy* 'крутой, о подъеме' < **stuka-*, см. о нем Д.И. Эдельман. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М., 1986, 136. – Шапошников) и др.-инд. *tār-* 'берег'.

***stavana-** – 'хвалимый': *Στανανοί* (и вар.), название народа, жившего к северу от верховьев Южного Буга, между (балтийскими) судинами и (иранцами-) аланами (Ptol. Geogr. III.5.8).

До недавнего времени либо попросту отождествлялось со славянским самоназванием *slověne, либо подвергалось сомнению. Обращает, однако, на себя внимание наличие в обеих ветвях индоиранской группы глагола *stau-*, *stav-* 'хвалить, славить' и прежде всего – такой его формы, как пассивное прич. *stāvāna-* 'хвалимый' (др.-инд., RV, см. Н. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda⁵ 1592). Употребленное в качестве названия особого народа, к тому же, в очерченных выше приблизительных местах расположения примерно около начала н.э., это **stavana-* вполне могло быть отражением (переводом, калькой) славянского *slověne, документируя одновременно славянско-индоарийские (индоиранские?) языковые контакты в этом районе (примыкающем, собственно, с севера к "Старой Скифии" Геродота). См. Трубачев ВЯ 1979, № 4, 41–42. IA–117.

***su-bala-** 'добрая сила?': *Συμβόλων λιμὴν* – μετὰ τὸν πρὸς τῷ Καρκινίτῃ ποταμῷ ἐν τῷ Πόντῳ (Ptol. = SC); *Symbolon* = *Eubulon* = *Cembalo* = = *Балаклава* (Pallas. Voyages IV, 62); сюда же, возможно, *Цымбал(ы)*, название горы на Таманском полуострове (Лоция Азовского моря 80).

Ср. др.-инд. *Subala*, имя царя (см. о нем Lassen I, 657, Anhang, XXXV–XXXVI) < *sú-* 'добро, хорошо, прекрасно' (обращает на себя внимание при этом вариант *Eu-bulon* у Палласа, выше, с начальным греч. εὖ- 'добро, благо'), *bála-* 'сила, мощь, власть'. Или можно допустить в первом компоненте *sám* 'с, вместе, совместно', ср. в последнем случае *Sambal-pur*, МН в Восточной Индии (Law, Early Buddh. 61)?

su-pat- – 'добрый путь': *Cnam*, *S(u)bat*, *S(y)bat*, МН в степном Крыму, нетатарского происхождения (Abrahamowicz 41); ср. еще *Субот-хан*, название ручья (Терехов, Там, за Демерджи 59–60).

Ср. др.-инд. *sú-* 'добро, хорошо, прекрасно' и *path-* 'путь, дорога', также в виде реального сложения *supáth* 'добрый путь' (или – к тюрк. *suwat*, *subat*, *suat*, *suwat*, *swat* 'место для водопоя'? – Шапошников).

su-patta-** – (su-parta-**) ‘хорошая гавань’: *Suppatos*, порт на кавказском берегу (Apon. Rav. IV, 3), Σπαταλοῦ λιμένα (Конст. Багр. De adm. imp.), предположительно – Новороссийск.

Форму ***su-patta-** мы объясняем из ***su-parta-** ‘добрая, прекрасная гавань’, ср. ‘Ἱερὸς λιμὴν ‘Священная гавань’ (Apon. Per. p. Eux. 62(21)) и *calolimena* как названия того же места. Ср. др.-инд. *si-* ‘добро, хорошо, прекрасно’. Во втором компоненте предполагается наличие праkritизма *patta-* < **parta-*, ср. уже санскритское *pattanam* (вместо регулярного *partanam) ‘порт, гавань’, пали *pattanam*. Сюда же *-patana* ‘город’ у Козьмы Индикоплова (McCrinkle, Anc. Ind. 161). См. подробно, с литературой, Трубачев ВЯ 1976, № 4, 59 (там же отводится случайная догадка Кречмера – Kretschmer 1943, 38 – о связи *Suppatos*, выше, с др.-инд. *supāth* ‘добрый путь’). IA–36–37, 52.

***suria-** ‘солнечный’: *Surius*, река на Кавказе (Plin. NH = SC; см. еще Müllenhoff III, 106); Σούριον, название города в Колхиде (Ptol. = SC).

Ср. др.-инд. *śūrya-* ‘солнце’. – Шапошников. Ср. другую диалектную форму – **saulia-/sol-* (см.).

***sur-uba** ‘кислая вода’, «Кисловодск»: Σούρουβα – παρά δε τὸν οὐαρδάνην ποταμὸν, город на реке Вардан = Кубань (Ptol. = SC; P.-В. II, 1428).

Предположительно индоарийское сложение и.-е. **sur-* ‘кислый’ и **ab-/ap-* ‘вода’. Ср. соответствие в иллирийском *sūra-apā в составе названия Syrapilli (см. о нем А. Mayer I, 325). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA–52.

***su-varna-** ‘хорошего цвета/хорошего племени (люди)’: Σουαριοί, племя на Северном Кавказе (Ptol. = SC).

Индоарийский этноним, этимологически тождественный др.-инд. *suvárṇa-* ‘имеющий хороший, красивый цвет; блестящий; золотой; принадлежащий к благородной касте’, ср. также в ономастике – *Suvanṇagiri* (Law. Early Buddh. 66), – *suvarṇa* (Law, Kāl. 22). См. о *suvarṇa-* Mayrhofer III, 566–567. IA–52.

***su-vasa-** ‘доброе жилье’ (или **sv-āja-* ‘доброе пастбище?’): *Soza*, oppidum Dandargicae (Тас. XII, 16; Латышев, ПОНТИКА 66); Σῶσαι, место близ Херсона (Конст. Багр. De adm. imp. 53, 199, 200).

Ср. др.-инд. *su-* ‘добро, добрый’ и *vāsas* ‘одежда, наряд; перегородка, заслон, укрытие’ или *aj-* ‘гнать’. См. Трубачев ВЯ 1976, № 4, 55. Нельзя ли считать ир. соответствием второму из них др.-перс. *Huwaǰa (Бехистунская надпись Дария: *u-va-ja*, н.-перс. *Xūzistān*), собственно, названия города Сузы, столицы Элама? Ср., правда, мнение о неиранском, resp. темном происхождении этого МН: В.В. Бартольд. Сочинения. Т. VII. М., 1971, 269; И.М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, 22; O.Szemerényi. Iranica II. 9. *Hūza* ‘Elam’. – Die Sprache XII, 1966, 190 и сл. (производит др.-перс. *Hūza* из эламск. *Sūša*, но ср. Σουσα также в Арии, по соседству с Гирканией, то есть

далеко от Сузианы и Элама). Маловероятно родство МН Soza (Тас., выше) и черкесского *sôdzâ* 'черный' (Лаппо-Данилевский 100, вслед за Томашеком). IA-32, 33, 53.

***svar-ga-** 'в небе идущий, небесный, солнечный', "солнечный путь": др.-русск. *Сварогъ*, *Сварожичь*, зап.-слав. (лат.) *Zuarasiz*, бог огня, связанный с солнцем (слав. перевод хроники Ио. Малалы, XII в., где Сварог отождествляется с Гефестом; ср. еще Ипат. летоп. под 1114 г. См. В.И.(ванов), В.Т.(опоров). *Сварог*, *Сварожич*. – Мифы народов мира. Т. 2². М., 1988, 420).

Отражает индоарийскую форму, этимологически тождественную др.-инд. *svar-gâ-* 'передвигающийся по небу, небесный; небо'. Ир. форма, к которой нередко приравнивают *Сварогъ*, прежде всего ожидалась бы с уже проведенным *s > x*, а исконнородственная – с сохранением и.-е. *l* (что-то вроде праслав. **svelgъ, чего в действительности нет). Ср. Фасмер² III, 569–570, с подробным изложением традиционных объяснений (и дополнениями Трубачева).

См. Trubačev. – Ponto-Baltica 1, 1981, 127; см. так же M. Enrietti. – Scritti di filologia germanica in memoria di Augusto Scaffidi Abbate. Palermo, 1983, 147; Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991, 47, 181–182. IA-182.

***ta(d)-biti** 'это бьющая': Таβτι, богиня домашнего очага у скифов (Herod. = SC).

По аналогии др.-инд. *tajjña-* 'знаюк', букв. *tad, jña-* 'это знающий', образовано сложением мест. указ. *tad* и *biti (см.), производного от и.-е. **bhei-/bhi-* 'бить'; словообразовательное оформление ср. с др.-инд. *tantī* 'веревка' < *tan-* 'тянуть'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. В поддержку этой этимологии ('убивающая') можно отметить популярность изображения головы Медузы (горгонион) именно на Кубани и Дону в античное время.

Прочие этимологии проблематичны: к осет. *tavun* 'греть, топить' (Абаев ОИЯ 279); к др.-инд. *tapah* 'жар' ((Treimer 42–43). IA-53.

***taila-(a)p-** '?масляная река?': *Тайлан*, река в Крыму (Филоненко 134: говорит о загадочном, нетюркском виде; Wörterbuch der russ. Gewässernamen: не отмечено).

Ср. др.-инд. *tailā* ср. р. '(сезамовое) масло' и *ap-* 'вода'; ср. также др.-инд. *Tailaparn*, назв. реки. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA-53.

***taĭ-** 'венец?': Ταζός, город близ Торетского мыса (Ptol. = SC); город в глубине Таврики (Ptol. = SC; P.-В. II, 1480).

Ср. др.-инд. *tāga-* 'корона, венец' (Bartholomae Air. Wb. 626. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23).

Сближение с Θαζός, у Геллеспонта см. В.П. Яйленко 1984. IA-53.

***takanda/*takunda** '?': *Takónda*, местное название в Крыму (Braun 12).

Ср. др.-инд. *tāku-* 'спешащий, торопящийся'. Исход (суффикс?) *-ndu* иногда пытались определить как эндемичный (таврский?) формант топонимии древней Тавриды. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA-53.

***takata-** '?': *Takata*, река в Партените (Семенов-Тяньшанский. Россия XIV, 757); *Takáta*, река в Алуште (Словник гідронімів України 553). Ср. еще Кеппен. Крымский сборник 163; Маркевич 23.

Очевидно родство с гнездом др.-инд. *takti* 'спешить, мчатся'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23.

Ср., впрочем, также осет. *tæx* 'быстрый, стремительный, напряженный, сильный' (Абаев ОИЯ), вост.-ир. *tāka-* 'поток, ручей' (Эдельман. Сравнит. грамматика вост.-ир. языков 136). Шапошников.

***taksaki-** 'режущий, тот, кто режет': *Táξακις*, ЛИ царя скифов (Herod., P.-B. II, 1486).

Этимологически тождественно др.-инд. *takṣaká-* 'тот, кто режет', *Takṣaka-*, имя принца (Mop.-Will. 431; Nilka 84). Ир. форма имела бы *š*, вместо *kš*. См. Трубачев ВЯ 1976, № 4, 56; Он же ВЯ 1977, № 6, 23.

Менее вероятны объяснения из авест. *takš-* 'laufen lassen' (Müllenhoff III, 121); из ир. *tak-sāka-* 'быстрый олень', ср. осет. *tæx* 'быстрый' и *sag* 'олень' (Абаев ОИЯ 282). IA-33, 53.

***tami-mazda-** 'молчанием мудрый': *Θαμιμασάδας*, Посейдон у скифов (Herod. IV, 59).

Объяснение из индоар. **tami-mazda-* 'м о л ч а н и е м мудрый' (ср. др.-инд. *tāmyati* 'задыхаться, слабеть; утомляться'), особенно – в паре с **ukta-mazda-* (см.) 'п р о и з н е с е н н о й р е ч ь ю мудрый', см. Трубачев. – Этимология. 1982 (М., 1985), 141.

Сближение с Йимой-Джамшидом (см. Хазанов 1975, 181, вслед за Раевским, 1971) как раз не учитывает этой парности. Созвучие со вторым компонентом *-σαδης, -σάδας*, например, личных имен владельцев Боспора (*Πατρισάδης*) и других – из фракийского ареала, по-видимому, случайно. IA-199-201.

***tamuraка?**: *Ταμουράκη*, город между рекой Каркинит и Прекрасной гаванью (Strab.; Ptol. = SC; Steph. Byz.; P.-B.).

Попытку реконструкции сложения **tanu-mur-aka-* (ср. др.-инд. *tanū*, 'тело, личность, человек', и *-mur-aka-* 'похищающий' < *mṛnāti* 'похищать, грабить'), в связи с отголосками пиратства сатархеев (эпиграфика Неаполя Скифского), см. Трубачев. – Этимология. 1979 (М., 1981), 125 и сл. (там же – аналогии с местным названием *Λιζουρκή*, близ Берега пиратов в Западной Индии, см. о последнем Lassen I, 188; Kiepert 40, 41). IA-152 и сл.

***tana-sisa(va)-** 'плодящий детей': *Τανασισος Χουαρσαζου*, ЛИ, Ольвия, надпись II в. н.э. (IosPE I², № 92, с. 124-125; Трещева ВДИ 1977, № 4).

Ср. др.-инд. *tan-* 'продолжать (род)', *śisu-* 'ребенок', все вместе – 'плодящий детей'. Ср., далее, царское имя *Śisunāga* (Lassen I, Anhang XXXVII). См. Трубачев ВЯ 1979, № 4, 38 (с указанием на то, что отчество этого Танасиса – *Χουαρσαζου*, будучи ир. именем, обнаруживает близкую семантику: 'сажающий злаки'; так Фасмер и Абаев).

***tan-asura-** '?плодящий асуров? потомство асуров?': *Tonosuri*, союзный скифский народ у римских границ по Истру, около 400 г. (Iord. Get. XIV).

Ср. др.-инд. *tan-* 'плодить (детей)', *tāna-* 'потомство, дитя', *āsura-* 'доброе божество'. – Шапошников (допускает, впрочем, и фрак. истоки, ср. фрак. *sura* 'сильный, герой' и Τοῦος, ЛИ, см. Detschew, Die thra-kischen Sprachreste² 512).

*tara- 'берег': Τάρρα πόλις Σκυθίας (Steph. Byz. = SC).

Ср. др.-инд. *tāra-* 'перевозка, переправа', *tāra-* 'берег'. Ср. у нас ниже **tarika-*, **tarata-/tarita-*, **tara-pana-*, **ruksa-tar-* (см. s.vv.).

*tara-pana- ? 'ложе виноградарского пресса': русс. диал. *тарпан* 'каменное корыто или деревянный ларь, в котором давят, топчут виноград' (Даль: новоросс., татар.; Фасмер IV, 22: темное слово; Картоотека Словаря русских народных говоров, Санкт-Петербург, содержит два примера на *тарпан*, оба – из Крыма).

Ввиду дотатарской и даже – догреческой древности виноградарства в Крыму (ср. археологические находки каменного ложа винодельческого пресса с желобом и сливом в Боспорском царстве, а также в таврских поселениях нагорного Херсонеса, см. Гайдукевич, Босп. царство 106; В.Н. Дьяков 85) была предпринята попытка объяснить слово *тарпан* как субстратное индоар. (тавр.) **tara-pana-* 'от перехода/перелива (*tara-*) предохраняющее (*pana-*)'. См. Трубачев. – Этимология. 1977 (М., 1979), 143–144. Ср., впрочем, еще др.-инд. *tarapaṇī* 'деревянная посуда для воды' (Sircar, Gloss. 338). Неясно болг. (из фрак.?) *шарпанан* 'виноградный пресс' (Влахов ЕзЛ 32, 4, 75 и сл.).

Изложенная выше этимология встретила критику В.А. Бушакова (письмо от 8.II. 1988 г.), который привлекает для сравнения караимск. *трапон* 'давилня, точило (для получения виноградного сока)', возводя его к корню лат. *trapetes, trapetum, trapetus* 'маслодавилный пресс' и греч. (румейск.) **τραπον* 'давилня', производному от глагола *τραπέειν*, *τραπέω* 'выжимать сок, давить виноградные кисти'. – (Далее – ответная критика Шапошникова:) В греческом уже с первых веков н.э. реальной была бы форма **трапто*, а не **трапон*; огласовка караимского *трапон* может отражать позиционную лабиализацию первоначального **трапан*. О прямом лат. источнике говорить не приходится.

Сам греч. глагол *τραπέειν* в описанном выше значении может иметь заимствованное происхождение – из фрак. (Фракия – родина виноделия на Балканах) или из тавр., ср. указания на введение в Крыму в виноградарскую культуру местных, догреческих (кизил-кобинских и др.) сортов. IA–97–98.

*tarata-/tarita- 'береговые': Τορεῖται, племя на кавказском берегу (Strab. = SC), Τορέται (Scyl. = SC; P.-B. II, 1541; Steph. Byz.), Τορετέων (CIRB № 1014); Κερκέται οἱ λεγόμενοι Τορίται (Pseudo-App. = SC); "понтийский народ" (Аполлодор, см. Латышев. PONTIKA 65); Τορεταί (Plin. NH = SC). См. еще Онайко 1980.

Ср. др.-инд. *tāra-* 'берег'; здесь представлено производное с *-t-* суффиксальным. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23.

***tarika**- 'береговой, прибрежный; связанный с перевозом': Τορκός, античный город на месте современного Геленджика (Ps.-Scyl.; P.-B. II, 1541). См. о нем Онайко 1980; Брашинский.

Ср. др.-инд. *tāra*- 'берег', особенно – производное *tarika*- 'паром, лодка' (Mop.-Will. 439; Sircar, Gloss. 338), 'паромщик, лодочник' (Кочергина). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA-53.

tarpita**/tarpata**- 'корабельщики': Τάρπητες (Strab. = SC), название племени, возможно, того же, которое выступает также под именем Naevazae (Plin. NH).

Ср. др.-инд. *tarpa*- 'плот, корабль'; производное с *-t*- суффиксальным. Возможно, между индоар. *tarpita- и ир. *nav-aza- 'кормчий, корабельщик' (Naevazae – выше, ЛИ Νάβαζος, Тананс, ср. осет. *naw* 'корабль', ир. *āz*- 'гнать', см. Абаев ОИЯ 296, вслед за Фасмером) наличествует отношение калькирования. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. Аналогичные другие случаи индоарийско-иранских глосс (калек) ср. **br̥gu-stana*/*boru-stana- (см.) 'высокое место': ир. *barzan(t); *tana-sisa(va)- (см.) 'плодящий детей': ир. *χvar-saza-. IA-53.

***tava-dara**- 'крепкая пещера/пещерная крепость': Θεοδωρῷ, πόλις Θεόδωρ..., ΜΗ Θεόδωροι = Мангуп (Малицкий; Tomaschek 51-52; Якобсон, Ср. Крым 124; Браун 27, 76: поздняя христианская народная этимология); *Todaro* (Vigna); *Феодоро*-Инкермен (Броневский, Паллас, см. Кеппен. Крымский сборник 235).

Ср. др.-инд. *tava*- 'крепкий, сильный' и *dara- (см.) 'пещера'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA-53.

tem-arun-da**/tam-arun-da** 'мать/кормилица Черного моря': *Temarundam matrem maris* 'Темарунда – мать (Черного) моря', якобы называют Меотиду (Азовское море) скифы (Plin. NH = SC), вар. *Temerinda* (Müllenhoff III, 107). См. еще Татищев I, 173; Тунман 71; V. Saint-Martin I, 68-69; Брун 1871; *Терми. marcundis*; Marquart KSz XI, 1910, 3; Vasmer. Untersuchungen 166; Schram 184. Отголоски древней формы возможны в *Темеросса* (Витсен, XVII в.), *Темрюк*, современное МН.

Возможно, еще индоар. сложение *tem-arun-/*tam-arun- 'Черное море', ср. др.-инд. *tāmas* 'темнота' (ср. еще у Соболевского 1921, VII, предположение о *Там* как туземном названии Черного моря), *ár̥ṇa*- 'водная стихия, бурное море' из первоначального *aruna-, ср. хетт. *aruna*- 'море' (близкую догадку, но с ориентацией прямо на хеттский, см. Надель 1962, 129) и *dhe*- 'сосать (грудь)'. См. Трубачев. – Античная балканистика 2. М., 1975, 38 и сл. IA-9, 30, 31, 43, 53 и passim.

***tiagin** 'приносящий жертву, жертвенник': *Teaginem, Tegina*, место на Боспоре (Rav. An.); сюда же, видимо, с наращением тюрк. *эль*- 'община' – *Эльтегень*, МН (Сп. Тавр. губ. 109; Список Крымск. 106), *Елтиген* ("Крым" 382). Далее, сюда же, в низовьях Днепра, замок *Тягинь* (1492 г., В.Д. Смирнов. Крымское ханство I, 341) *Tyahinia*, *Тягинка* (там же), *Тягин*, *Тягинка*, *Тягинский* (Эварницкий. Вольности запорож-

ских казаков 45, 64, 112, 127, 239; там же, на карте Риччи Занони – город *Tiahinka*).

Ср. др.-инд. *tyājati* ‘оставлять, отдавать’, особенно характерное прилагательное на *-in tyāgin* ‘отдающий, жертвующий’. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 17. См. еще О.П. Карпенко. Структура и генезис гидронимов Нижнего Поднепровья. Автореферат. канд. диссертации. Киев, 1985, 5; Она же. Назви річок Нижньої Правобережної Наддніпрящини. Київ, 1989, 8 и сл.

Требуется, впрочем, также изучить характер близости др.-тюрк. *tegin*, владетельный титул. IA-46, 53.

***tiar-mog-** ?‘охотник за дарами?’: *Tiarçot* (И.И. Толстой. Графф. 123), *Tiarçou* (Придик, там же).

Весьма предположительно сближается с др.-инд. *tivara-* ‘охотник’ и *maghā-* ‘дар’.

***tirgutavia** ‘женское имя’: *Tiryutaw*, ЛИ меотянки иксоматского происхождения, разведенной жены синдского царя (Polyaen. Strat. = SC).

Обращает на себя внимание тождество северопричерноморского (меотского, иксоматского, см. выше) женского ЛИ *Tiryutaw* и тоже женского ЛИ *Tirgutawiya* (таблички из Алалаха, Северная Сирия, II тыс. до н.э., см. о нем Laroche 185). Характер тождества и время переднеазиатской записи в Алалахе – II тыс. до н.э. – позволяют исключить ир. происхождение имени. По нашему мнению, индоар. образование, оформленное дебитивным отглагольным аффиксом, ср. о др.-инд. *-tavya-* Wackernagel – Debrunner II, 2, 612 и сл. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 16.

Все прочие этимологии не выдерживают тестирования переднеазиатской, очевидно индоарийской, формой (выше): из тюркского – см. Zeuss 291; из ир., см. Миллер III, 126–127; Müllenhoff III, 111 (: *Taryutaos*); Абаев ОЯФ I. IA-44, 53.

***tunka-rsi-** ‘высокие – горные отшельники?’: *Tuncarsi*, народ Крымской Скифии, ок. 370 г. (Iord. Get. XIV; Васильев. Готы в Крыму).

Ср. др.-инд. *tuṅga-* ‘высокий; холм, гора’, *ṛsi-* ‘отшельник, мудрец’. – Шапошников. Ср. выше **maha-rsi-*.

***tur(a)-ga-** ‘быстроходный’: *Tury[a]*, ЛИ (И.И. Толстой. Греч. граффити 123–124, с догадкой о синдском происхождении имени).

Ср. др.-инд. *turaga-* ‘быстроходный’. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA-53.

***tur-amba** ‘быстрая вода’: *Turámβη*, город между рекой Аттикит и мысом Аксабитис Тэния (Strab.; Ptol. = SC). О туземном характере названия см. Жебелев, Босп. этюды; Коровина, Древняя Тирамба; Крушк. Древняя Синдика 104. См. еще Масленников 1981.

Ср. др.-инд. *turá-* ‘быстрый’ и *ambu-* ‘вода’. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. См. Забелин 19 – о быстром течении Кубани мимо Темрюка; там же, 22, где Тирамба трактуется как залив. Ср., далее, **as(v)-amba* (см.) – на базе гидронима *Ашамба*, под Геленджиком; *Tulamba* – в Индии (Cunningham, Anc. Geogr. 198). Ср. также **turi-taka-* (см. сл.). IA-53.

***turi(s)-taka** 'быстрое течение': Турτάκτη, Τυρτοάκτην, местное название к югу от Пантикапея (Anon. Periopl. = SC). См. Жебелев, Босп. этюды: о туземном характере названия. См. еще Куклина 1981, 171; Масленников 1981.

Ср. др.-инд. *turá-* 'быстрый' и *takti* 'спешить, мчаться'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. IA-53.

***tvak-** '(кожаный) щит?': Туак, Тувак, МН, село недалеко от Судака (Braun 25; Сумароков 1805, 214; Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневеку. Крыму 1966, 45); Туák (вар. Туат), ручей в Алуште (Словник гідронімів України 574).

Возможно, к др.-инд. *tvak-* 'кожа', которое, между прочим, сближают с греч. *σάκος* 'щ и т' (из **tvakos*). Название расположенного неподалеку селения *Ускут* – если из тюркизированной формы ит. *Scuto* (casale de lo Scuto, Scutti, старые ит. документы и карты Крыма, ср. лат. *scutum*, ит. *scuto* 'щит') – могло быть глоссой субстратного индоар. (тавр.) **tvak-* '(кожаный) щит'.

См. специально Трубачев. – Этимология. 1979. (М., 1981), 128. IA-154.

***ukta-mazda-** 'мудрый речью': 'Οκταμασάδης, м. ЛИ (Herod. IV, 80), сын царя Ариапифа, западная Скифия.

Ни Фасмер, ни Абаев не могли доказать ир. характер имени. Обращает на себя внимание парность имен 'Οκταμασάδης – Θαццμασάδης (последнее – Herod. IV, 59; см. у нас, выше, **tami-mazda-*), первое – имя царя, второе – бога. 'Οκταμασάδης реконструируется как **ukta-mazda-*, причем первый компонент сложения точно соответствует др.-инд. *ukta-* 'сказанный, произнесенный; слово' (ир. было бы *uhta-*!), что влияет и на прочтение другого парного имени (выше) и обоих имен вместе: 'мудрый молчанием' – 'мудрый речью'.

См. специально Трубачев. – Этимология. 1982 (М., 1985), 140 и сл. IA-199 и сл.

***ula-ij** 'совиный жертвенник': Олеиз, МН к западу от Симеиза (Крым).

Ср. др.-инд. *úluka-* 'сова' и *ijjá* 'жертва'. См. Трубачев. – Этимология. 1979 (М., 1981), 120. Давно обращает на себя внимание кучность (и явная эндемичность) топонимов с тождественным исходом к западу от Ялты: *Кореиз*, *Кикенеиз*, *Симеиз*, *Олеиз*, греческие этимологии которых (см. Белецкий. – Этимология 1967. М., 1969) не убеждают. См. у нас **krkana-ij-*, **kura-ij-*, **sima-ij-*. IA-147.

***upa-** 'река': Упна́, название реки в Севастополе (Словн. гідронімів України 580).

Диал. вариант **up-* (ступень редукции от **ãp-*, см. Pokorny I, 51–52), достаточно широко распространенный на и.-е. территориях: в балканскоиндоевропейском, балт. и др. Далее см. у нас **apaka-*, **apatur-*.

***upagra-** 'крайний': Πάγυρα, λιμήν, название порта на черноморском побережье Кавказа (Агг. = SC; Р.-В. II, 1103).

Ср. др.-инд. *urāgra-* 'крайний, верхний'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 23. Ср. еще **ag(a)ra-* (см.). IA-53.

***ura-ga-** 'змея' < 'на груди идущая': *Uraga*, гора в Крыму, на Бабуган-яйле (Семенов-Тяньшанский. Россия XIV, 693, 767; Там же, 776: "прерывистый отрог Урага"; Терехов. Там, за Демерджи 78: "...Урага, как туша динозавра с шишковатым хребтом...").

Ср. др.-инд. *urā-ga-* 'змея' (Mon-Will. 217), *Uraga-pura-*, город в Индии (Law, Kāl. 36). Ср. аналогию названия горы *Змейка* на Северном Кавказе. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 17. IA-45, 53.

***us-kr̥d-ia-** 'доброго города (жители)': *Oscardeos* (Plin. NH = SC), Οὐσκάρδιοι (Steph. Byz., Pape – Benseler), название племени. Ср. Καρθησός, πόλις Σκυθίας (Steph. Byz.).

Возможно, *us-* связано с *vāsu-* 'добрый'. – Шапошников. (Ср., впрочем, **uspa-*, см. сл.). Что касается второго корня (кард-, ср. еще Καρβία, πόλις τῆς ἐν Θράκῃ Χερροινήσου. Steph. Byz. 358, 3), то он может принадлежать к международному названию 'города', 'огороженного места', ср. осет. *kart* 'двор', арм. *k'ert* 'город'. Ср. Абаев. Ист.-этимол. осет. яз. I, 586–587 (приводимая там существующая этимология из ир. **kṛta-* 'сделанный' вызывает сомнения и у автора словаря).

Сложение оформлено суффиксом притяжательности *-ia-*. IA-53.

***uspa-** 'жилище?': *urbem Uspen* 'город Успе' (главный город сираков) Tacit. XII, 16), см. еще Латышев. ПОНТИКА 65. Исход формы вин. п. ед.ч. в лат. тексте отражает греч. источник.

Ср. хетт. (лув.) *uaspaant-* 'одежда' (Friedrich. 2. Egh. 44) и др.-инд. *vāsá-* 'обитание, жилище', значение последнего ближе к названию города. Ср. и тот факт, что суф. *-p-* характерен особенно для индоар., см. (со ссылкой на Гхоша) Трубачев ВЯ 1977, № 6, 24. Об отсутствии *-p-* суффиксации в ир. см. Гхош, Эджерсон, Б. Чоп. IA-54.

***ut-kanda-** 'отросток?': *Тукавдѣтѡν*, род.п. мн.ч. (пантикапейская надгробная надпись I в. н.э., Керчь, CIRB N 382; Lat. IosPE IV, 174; Пантикапей).

*Тукавдѣтѡν – греч. этникон регулярного вида от некоего МН *Тукавда, явно негреч. происхождения, но, по-видимому, с греч. этниконсуффиксом *-т-*. МН *Тукавда скорее всего представляет собой туземное этимологическое соответствие др.-инд. МН *Ut-khand*. *Utakhanda*, соврем. *Ohind*, при владении реки Кабул в Инд. Инд. МН *Ut-khand* довольно точно передавалось греч. калькой эпохи Александра Македонского *Ek-bolima* (Cunningham, Anc. Geogr. 44, 45, 48), что позволяет видеть в инд. названии сложение префикса *ut-* 'вы-' *kānda* 'стебель, ствол' (Mon-Will. 269). Боспорскими греками преобразовано в *Тукавда ввиду затруднительности группы согласных *tk*. Территориально, по-видимому, тождественно городу *Копыль*, др.-русск. название которого к а л ь к и р у е т туземное *utkanda 'отросток' (первоначально о реке Протока, ответвление Кубани). См. подробно Трубачев. – Этимология. 1979 (М., 1981), 128–130. IA-155–156.

***vadati-** 'брод': Βαδάτιον πόλις ἐν τῇ Ταυρικῇ (Ptol.), МН в Таврике.

Ср. др.-инд. *vadati* 'брод'. 'Брод' весьма распространено в ойконимии (Frankfurt, Oxford и мн. др.) – Шапошников.

***vani-tika-** 'ткацкий': porta *Vonitiche*, vel *Filatorum*, название ворот в городской стене средневековой Кафы, 1455 г. (Desimoni, Vigna, Бертье-Делагард, Колли 1912, Маркевич 26).

Ср. др.-инд. *vāni*, *vānī* 'ткачество; ткацкий станок' (Mon.-Will. 939). Приведенная выше позднелатинская запись... vel *Filatorum* представляет собой редчайшую туземно-латинскую глоссу, ср. лат. *filator*, имя деятеля от гл. *filare* 'сучить нить. шить'. См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 24. Что касается дальнейшей этимологии др.-инд. слова, см. Mayrhofer III, 184, s.v. *vānī* (ткаческое значение рассматривается в общем комплексе 'звук, голос'). IA-54.

***varaĵna-/vṛĵana-** 'крепость': *Варачан/Вараджан*, столица страны Савир, упоминается с 680 г. (городище Чир-Юрт на реке Сулак в Дагестане). См. Древности Дагестана, 1974, 192, 194; Плетнева. Хазары, 1976, 26–28 (Араб. название – Беленджер, этимология затруднительна. – Шапошников).

Ср. др.-инд. *vṛjanat* 'укрепленное место', авест. *varəzanem* то же. В пользу индоарийского источника свидетельствует наличие аффрикаты (*Варачан, Вараджан*).

***vard(v)an-/vṛd(v)an-** '?': Οὐαρδάνης, рукав Кубани (Ptol., Strab. = SC), см. также Гёрг 19. Ср., возможно, сюда *Шимардан*, название деревни на берегу Таманского залива (Гёрг 22)?

Ср. др.-инд. *Marud-vṛdhā* = *Sindhu* 'река Инд' (см. о нем Law, Rivers of India 10), также *Maruwārdwan* (A. Stein, Rivers in Rigveda). См. Трубачев ВЯ 1977, № 6, 24.

Объяснение из санскр. *vṛidh-* см. Müllenhoff III, 109. Абаев ОИЯ: Οὐαρδάνης = ир. *varu-dānu* 'широкая река'. IA-54.

***vargaka-** '?': *Orgocyni*, один из шести oppida Tauricae (Plin.).

Ср. др.-инд. *varga-* 'группа, разряд'. – Шапошников. Возможно, что *Orgocyni* оформлено вторично греч. этниконсуффиксом.

***vis-ap-** 'испускающий воду?': лезг. *пешапай* 'обряд вызывания дождя', груз. *вешани* 'мифическое чудовище (дракон, рыба), связанное с водой', арм. *вишан* 'мифический дракон, воплощение грозы' (см. комментарии: Мифы народов мира² I. М., 1987, 235, 237).

Возможно, родственно др.-инд. *vis-* 'брызгать, кропить', *ap-* 'вода'. В означенные кавказские языки индоар. слово могло попасть со стороны Дербентского прохода ср. самобытную дагестанскую (лезг.) форму *пешапай* с ее достаточно самостоятельным семантическим наполнением (о лезг. обряде "пешапай" специально докладывал Селимов, 3-я Всесоюзная конференция по ономастике Кавказа. Телави, 1983).

Авест. *višāpa-* 'обладающий ядовитым соком' (Mayrhofer III, 227, s.v. *višām* 'Gift': из **viš-šāpa-*) все-таки резко отходит и от положительной

тональности лезг. *пешанай* 'обряд вызывания дождя' и в целом – от связи с водой, характеризующей все кавказские термины.

vrianda 'обвал, нагромождение, куча': МН *Orianda* (1380 г.), в договоре Генуи с татарами (*Оргенда*, *Ургенда* следует признать буквалистскими чтениями, игнорирующими функцию *g* как символа [*i, j*]), соврем. *Ореанда* – гиперкорректное вм. более точного *Орьянда*. См. Бертье-Делагард; Семенов-Тяньшанский. Россия XIV, 752; Списки Тавр. губ. 92.

Вероятно, связано этимологически с др.-инд. *vṛinda-* 'куча, толпа' (см. о нем Mauryhofer III, 249–250) с возможной апофонией типа др.-инд. *sind(h)-*: *syand-*, то есть в данном случае – *vṛinda*: **vryand-*. Характер местности в Ореанде на Южном берегу Крыма – нагромождение скал, глыб, горы-останцы – оправдывает предполагаемое этимологическое значение 'куча, нагромождение'.

***vriks-av-** 'бараний лоб': Βριξάβα κριοῦ μέτωπον (Ps.-Plut. Fluv. XIV. 4 = SC), МН, обычно связываемое с известным мысом Аюдаг, на Южном берегу Крыма, хотя Псевдоплутарх повествует, собственно, о реке Танаис и о холме (λόφος) на его берегу. Согласно Томашеку (Tomaschek, Goten 3), – "die einzige taurische Glosse".

Предположение о связи с др.-инд. *vriksa-* 'дерево' и *av-* 'овца, баран', отсутствующим, кстати, в ир. (аллюзия на сходство бараньего лба, украшенного витыми рогами, с деревом?), см. Трубочев ВЯ 1977, № 6, 24.

Довольно неожиданным является здесь status constructus – **vriks-av-* = 'лоб барана' (вар. 'дерево барана?'), заданный нам греческой глоссой 'κριοῦ μέτωπον', которая как будто не допускает "нормального" чтения типа "*лобный баран" или "*древовидный/древесный баран" с определением в препозиции.

Различные иранские толкования (в т.ч. из первоначального 'рог ягнёнка') см. Миллер, Погодин, Vasmer. IA–54.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНДЕКС РЕЛИКТОВ INDOARICA

бараний лоб см. *vriks-av-
белая — ? см. *ko-ru(k)sia
белый берег см. *ru(k)sa-tar-/*rossa-tar-
белый берег? см. *mala-ruksa-
белый дом см. *asta-ru(k)sia
белый дом? см. *geru(k)sa-/*gaia-
ru(k)sa-
белый новый город см. *ruksi-nav-var-
берег см. *tara-
берег, береговой, прибрежный см.
*kaśa-
береговой см. *tarika-
береговой, прибрежный см. *kaśika-
береговые см. *tarata-/*tarita-
бесстрашный см. *abaiaika-
благая см. *savia
блеск на горе см. *girau-kasi-
ближняя см. *antikia
близ (гор) Сала (живущие) см. *aki-
sal-ita-
близ носа (находящийся) см. *aki-
nasa-
близ Синда (находящийся) см. *ake-
sindu-
близкая, близость см. *antikita-
близнец, близнецы см. *jama-/*iama-
богатые тростником, камышом см.
*iksu-mata-
божество света см. *ait-asura-
бок, сторона? см. *pasa-?
(большая) река см. *sindu-
большой берег см. *bah-tar-
большой двойной город см. *bah-var-
jamin-
брод см. *vadati-
быстрая вода см. *tur-amba
быстрое течение см. *turi(s)-taka-
быстроходный см. *tur(a)-ga-
в пещерах живущие см. *kad-usi(ja)-
великий мудрец см. *maha-rsi-

Великому богу принадлежащая см.
*maha-deva-
вснец? см. *taj-
вид см. *darśan
винная, виноградная см. *kin-sana-
водяной, речной, речка см. *apaka-
волосьяной мыс см. *aulan-samsara-
восточный? см. *p(a)raśina-
высокие/горные отшельники см.
*tunka-rsi-
высокое место см. *boru-stana-
высокому (верхнему) городу принад-
лежащий? см. *skivarin/*uski-var-
in?

главный, лучший? см. *par(a)ma-
глаз убивающий см. *aksa-biti-
головной остров? см. *mus-sari-
головорезы см. *sṛ-bi-/*sir-bi-
гора материнских (вар.: меотов?) см.
*ma(ia)n-kar-
горло, горловина см. *kṛka-/*kṛśa-
горная река см. *giri-nadi-
горные жители, горцы? см. *girava-
ka-?/*girauka-?
город, порт см. *patta-(*parta-)
город см. *pula-, *pura-
город, крепость? см. *kuta-?
город Напа см. *nara-(va)r-
господин над малыми? см. *arbi-nata-
господин скота см. *pasu-pati-
дальний, задний см. *opitia-/*apitia-
дальний? западный? см. *apira-
дважды рожденный см. *dvija-
дверь см. *kaia-duri-
двуречье см. *do-ab-
Девин, Девий см. *diia
дельфин? см. *makara-
дети матери, материнские, меоты см.
*maita-

добрая сила? см. *su-bala-
доброе города (жители)? см. *us-krd-
ia-
доброе жилье (доброе пастбище?) см.
*su-vasa-(*sv-aĵa-?)
добрый путь? см. *su-pat-

жгучий лен? см. *rek-oma-
желтый? см. *panda-
женские, женщинам принадлежащие
см. *sar-mat-
женщина см. *sari/*saria
женщина & защищающий? см. *nari-
pa-?

жертва, жертвенник? см. *hava-
живой см. *jiva-
жилище? см. *uspa-
жилище напов см. *nar-oka-
жирная вода см. *pina-gas-
жители материнских (или меотских?)
пещер? см. *maian-dara-ia-
житель Бат (Порта) см. *pattaka-(*par-
taka-)
журавль, цапля см. *kanka-

запретное дерево (дуб) см. *alaksa-
dru-

заяц см. *sasa-
здешние люди? см. *iti-mari
змеиный см. *ajagari-
змея см. *ura-ga-
знак? см. *sikita/*ĉikita

идущий см. *jagat-
извилистая см. *kuba-
изгиб, лука см. *buga-/*buĵa-
изгнанные журавлями см. *kank-uta-
имеющая горловины см. *krka-vanti
имеющий глаза см. *aksi-ak-
инородцы см. *ali-jana-
испускающий воду? см. *vis-ap-
источник, колодец? см. *avunda

каменный см. *sili-
каменный остров см. *kar-ai(v)an,
*kar-oion

камень, скала см. *sarkar-
"Камышин" см. *iksu-pura-?
камышовая см. *dandaka-
камышовые арии см. *dand-aria-
киноварный, суриковый (о цвете)?
см. *hingula-

кислая вода см. *sur-uba-
(кожаный) щит? см. *tvak-
козий проход? см. *ĉagi-nitra-
конопля см. *kana-pus-
конская вода см. *aš^(v)-amba-
корабельщики см. *tarpita/*tarpata-
коровий мост, "Βόσπορος" см. *krva-
saita-

край см. *parsuka-
крайние, окраинные см. *anta-
крайний см. *upagra-
красивый берег? см. *kaĉi-kalian-
крепкая пещера см. *tava-dara-
крепость см. *harmisia-
крепость см. *varajana-/*vĵjana-
круглое см. *abaraka-
крыша? см. *salata-

(ледяная) вода? см. *jalman-
ложе виноградарского прессы см.
*tara-pana-?
любимая женщина см. *kama-sar-

масляная река? см. *taila-(a)p-
мать/кормилица Черного моря см.
*tem-arun-da-
медведь? см. *artaka-
меотянка? см. *maia-sara-/*maio-sara-
мертвая река/вода см. *mar-ab-
(местность) с пробитыми каналами?
см. *gand-aur-

место, изобилующее скотом см.
*rasuri-
место (селение) при горловине,
проливе см. *krkan-dama-
место, сидение см. *asa-
(молодой) мужчина см. *maria-
молчанием мудрый см. *tami-mazda-
мост см. *sita-
мостовой см. *sitaka-
мудрый речью см. *ukta-mazda-

наемный, наемник см. *br(i)ta-
(населенное) место см. *dama-
находящийся в низменной бухте см.
*nikaksin-

небесный, в небе идущий см. *svag-ga-
непригодная вода см. *a-ksama-paia-
новый город см. *na(va)-vara-

обвал см. *vrianda
обильный пещерами см. *dara(va)nt-

обожженный/сожженный город см.
*rakta-var-?
обтекание см. *pari-sara-
овечий пастух см. *av-vinda-
огородное растение см. *gnur-?
орлиный (?) жертвенник см. *kura-ij-
остров см. *ai(v)a
остротелый? см. *anta-kaia-
относящийся к коме см. *saumaka-
отросток? см. *ut-kanda-
охотник за дарами? см. *tiar-mog-?

пастбище, луг см. *poika-/*paika-
передний, первый? см. *ag(a)ra-
песок см. *psat-
петушинный (?) жертвенник см.
*kꞑkana-ij-

пеший проход см. *jige-nitra-
пещера см. *dara-
пещерная см. *dari
плодящий асуров? потомство асуров?
см. *tan-asura-?

плодящий детей см. *tana-sisa(va)-
повелитель духов? см. *buta-nata-
пожиратель воды? см. *gr-ud/t-?
пожиратель пищи см. *adigar-
покой, привал, стоянка см. *raman-
полная луна см. *mes-pla-
поток, течение см. *s(a)ravas
поток сверху? см. *apsara-
почитающие Деву? см. *abidiiaka-
преодолевающая воды см. *ara-
tur-

принадлежащий Палаку см. *palakia-
приносящий жертву; жертвенник см.
*tiagin

приток см. *api-sara-
противный берег?/крутой берег? см.
*stak-tar-
проход (к горам) Сала? см. *sala-
gat-

раздавленный см. *pravlina-
разрывающий? см. *skidura-?
рвущее течение см. *lopa-taka-/*lopa-
taki

режущий см. *taksaki-
река см. *ura-
река с гор Сала см. *sala-giri-
речной им. *saraka-
речные см. *siraka-

род см. *kola-/*kula-
род Манаса? (род меотов?) см. *mana-
gotra-

родной сын см. *atamaja-
рыболовное орудие? см. *gangana-?
сад? см. *jardan-?

свет излучающий см. *roka-ba-/*ruka-
ba-

светлая вода см. *sibri-apa-/*subri-apa-
светлое устье (ущелье?) см. *ruk-osta-
/ruk-usta-

светлый, белый см. *roka- (*rauka-)
святилище? оракул? свод ритуальных
предписаний см. *sastar-
сделанный, рукотворный см. *kꞑta-
семь жилищ см. *sat(t)a-auka-
семь жребиев?/уделов? см. *sat(t)-
arha-

сидение см. *asandi
синды, "Речные" см. *sinda(va)-
сияющий холм? см. *alaktar-
сияющий холм? см. *balga-tur-?
смердящий гусь? см. *sꞑdu-hansa-
совиный жертвенник см. *ula-ij-
соколиный жертвенник см. *sima-ij-

солнечный см. *suria-
солнце см. *saul(ia)-/*sol-
спокойный, счастливый см. *rama-
слепые см. *andaka-
сорок? см. *četra-tša-/*četra-dša-
соседняя, ближняя? см. *pat-arva-?

сосновая см. *pitunda
союзные см. *mitraia-
спокойный см. *pra-sada-
старая см. *jarita

старые арии см. *san-aria-
старый берег? см. *jaran-kača-?
старый изгиб? см. *jar-anga-?
стечение? см. *sam-ur-/*sam-var-
сток?/склон см. *sala-
страж, защитник см. *palaka-
сын неба? см. *diu-p(u)tuna-?

течение см. *sara-
ткацкий см. *vani-tika-
тот, кто сдерживает см. *ian-tar-

у гор (расположенный) ? см. *amb-
sali-?

у каменной реки см. *au-sili-
у устья см. *par-osta-

убивающая см. *biti
украшение? см. *pesa-?
укрытие? см. *sala-tura-
укрытие, убежище см. *ni-vasa-
умысливший доброе см. *mata-su-
усадебка & семья см. *pasti-gaia-
устье (гор) Сала см. *sal-usta-/*sal-
osta
ухо-ротые? см. *kar(un)-osta-
ушастые, длинноухие см. *karuna-

хвалимые см. *stavana-
хищная птица, орел? см. *čili-
холм, бугор см. *кара-
холм у пролива (пути)? см. *panti-
кара-
хорошая гавань см. *su-patta-(*su-
parta-)

хорошего цвета/хорошего племени
люди см. *su-varna-
царь, врагов убивающий см. *гај-
рагага-
черная вода см. *kali-vardi
черная гора? см. *kali-era-?
черная постройка см. *kala-mita-
черная река? см. *kala-ras-
черный берег? см. *kali-tira-?
чистый, очищающий (ритуально) см.
*раупа-/*рупа-
что знающий см. *kad-vida-

широкий см. *p̥tu-/*pleteno-
широкий? см. *p̥tan-?

это бьющая см. *ta(d)-biti
этого жаждущий см. *idam t̥sa/u-

ПРЕДМЕТНЫЙ ИНДЕКС

(с указанием литературы)

- Авхаты – скифы-земледельцы, см. Tomaszek 1888, 721 ("mit den unterworfenen Ursassen stark gemischt").
- Агафирсы – Мелюкова 1979, 4 – не касается; связь с индоарийцами? см. ст. "Indo-Arica в Скифии" (то же в ж. "Ponto-Baltica").
- Азовское море – мать Черного м., природа названия см. Herod. IV, 86; Dionys. Perieg.; Eustath.; Гайдукевич 1949: от природных ресурсов; Vasmer, Iranier 166: 'мать Понта'; лиман реки Дон, см. Лоция Аз.м. 1954; Муромцев. Аз.м. – БСЭ³ I, а также s.v. *Temarunda*.
- Амазонки – предание родилось близ Пантикапея. См. Herod.; Strab. Geogr. XI, 5 Nikol. Damasc. = SC I, 456; Diod. Sic. = SC I, 473; Θάληστρις, царица амазонок; Dubois de Montrepeux V; в сев.-зап. Индии: Law, Early Buddhism 57–58; Minns 84 (рождение легенды в связи с **савроматами** (см. еще сарматы).
- Антропологический арменоидный тип в зап. ч. Балк. п-ова и на Кавказе: Gładkowska-Rzeczuska SSS V: Słowianie.
- Антропология скифов, сарматов, тавров: Кондукторова 1979; Дьяченко (IX MCC, прения, 1983, Киев).
- Анты, этимология и принадлежность – о славянах устами индоариев Старой Скифии: Pekkanen 1968, 130 ('темные', 'слепые?').
- Арии, кавказский путь: Бонгард-Левин, Ильин 1969; Bosch-Gimpera 1973; Грантовский 1970, 338; против см. Тереножкин 1976, 203; миграция шнуровой керамики из **Ю.-Вост. Европы** в приморский Дагестан, II тыс. до н.э. (катакомбы): Древности Дагестана 1974, 14, 15, 28; III–II тыс. до н.э. – "Северный Кавказ..." 1980, 54, 67.
- Ариев разделение на индоарийцев и иранцев – Абаев 1972; Виттов 1973, 124; Статья "Проблема "старых ариев""; Ghirshman 1977; Брашинский 1979: сцена боя "двух различных скифских племен" на обложке горита из кургана Солоха; Трубачев "Народы Азии и Африки". 1980, № 5, с. 118; Лелеков, – там же, 127; с середины III тыс. до н.э.: Л.А. Лелеков. Проблемы индоиранистики на совр. этапе – НАА (с изначальностью нек. усобиц между ними).
- "Арийский простор" – термин, вм. "скифский мир", для Сев. Причерноморья: О.Н. Трубачев. – "Народы Азии и Африки" 1980, № 5, с. 118; И.В. Яценко, Д.С. Раевский. – "Народы Азии и Африки" 1980, № 6, с. 96.
- Арийское *s*. сохранение: Абаев 1972; Абаев 1981; Дьяконов 1970 ("стадия развития"); ир. переход *s > h*: Szemerényi 1966, 190 и сл.
- "Арийцы не образуют единой "культуры" в археологическом смысле слова..." – Allchin 1981.
- Бастарны, этнолингвистическая принадлежность имени и племени: Pekkanen 1968, 109 и сл.; ир. этимология имени см. Трубачев ВЯ 1977.
- Белобережье – подробно, со ссылками на теорию индоарийской традиции Трубачева: Карпенко, в кн.: Давньоруська оном. спадщина... 1986, 40 и сл.

Березанское письмо на свинце: Казанский 1983; Виноградов 1971; Трубачев. – Этимология. 1983. М., 1985.

Боспоро-колхидские связи: Блаватский 1948, 12 (Κύτα, Κύταια): Pape-Benseler I, 748.

Варны, касты, отражение в ономастике: Lassen I, 486; Σουαρνοι (Ptol.).

Византийские источники о Боспоре: Куторга 1870, 792.

Виноградарство – у тавров: Дьяков 1939, 85 (тапапаны); в районе Судака: Броневский; в Крыму см. [путевод.] Крым 80; догреческое, см. С. Сосновский 1981 (там же: С. Михайлов).

Ворота Кафы – Vigna; Колли 1912 (Caiadore, Vonitiche).

Геродот – имя встречается в элиграфике Херсонеса, Керкинитиды, Ольвии; отсутствует на Боспоре. См. Шеглов 1978, 44; достоверность Скифского рассказа Геродота, см. Лелеков-Раевский "Народы Азии и Африки" 1979, № 6; необходимость критики: Трубачев "Народы Азии и Африки" 1980, № 5, с. 117.

Глоссы и кальки в Сев. Причерноморье: *Ixamatae/Cannate* (Müllenhoff III, 81); Tomaschek 1881, 3: Βριξάβα? 'Αλωπεκ(α) /Лютикъ/Перебойный; *Sa-tarxi* ~ *Yedisan*; *Καστρο-πυλο* (ср. Белецкий 1969); *Serri Cephalotomi* (Plin. VI, 16); *Osdaffum /Edy-evler* (Braun); Βόσπορος/Κουρασαῖται (Васильев I); *Nymphaeum/Dia?* *Дооби/Tyance* (ср. Коков 1977, 289); *Teodoro/Инкерман* (Тиханова 1953); *Osdaffum/Еди-Евлер* (Маркевич 25); Οὐκρούχ (Конст. Багр.) ~ *Богаз*; *Vonitico vel Filatorum* (Vigna); *Чигенитра-Богаз* (Семенов); псевдоскифские: Билецкий 1953, 77; Hesyeh. Alex. ed. Schmidt; **kank-uta- 'a gruibus fugatos/pulsos'* (Трубачев, Indoarg.).

Города-близнецы, см. *var-jatin; Блаватская: Темрюкский отселок ~ Темрюк (город и порт; город и крепость), ср. еще Pallas 1811, 24–25; тур. крепость Адаз близ г. Темрюк (Гёрц 1870, 118); Темрюцкий отселок = Бермезань, порт (Гёрц 1870, 117); Грантовский 1970, 280; о двойной крепости Тавриз; Орбели ЖМНП 1911 (Диоскуриада): *Лечхум* 'страна близнецов', *θῦμι* 'близнецы' (> *Сухуми*).

Горы – источник вод: Aristoteles. Met.; Gonda, Epithets in the Rgveda; J. Gonda. Aspects of early viṣṇuism. Utrecht, 1915.

Готские Климаты – *passim*.

Готы в Крыму, готы-тетракситы (трапезиты): Брун. Черном. II, 207 и сл.; Васильев; Васильевский, Жит. Ио. Готск.; Ведров; см. еще *Суты*: Pallas 1811, 88 (следы языка?); Zeuss 1837, 430; Трубачев, Germanica и Pseudogermanica (Suti, Χουτῆται); Tischler 1978: тетракситы.

Готы, переправа через Боспор: Блаватский 1964: Зосим, III в. н.э.; отсутствие следов в топонимии, см. Braun 55; Tomaschek 1881, 69.

Гравкены, племя (Аполл. Род.), локализация: Ельницкий, 1961, 24; V. de Saint-Martin I, 62 (сюда же Graucasus, Plin. NH); Трубачев, Кавказ.

Греческие колонии в Колхиде: все еще не открыты; эллинизации в VI–V в. до н.э. не ощущается (с. 4); греко-колхидских торг. связей, подобных другим областям Понта, никогда не отмечалось (с. 5), см. О. Лордкипанидзе. Към проблема за гръцката колонизация по Източно Черноморие (Колхида). – Археология, ч. XXII, 1, 1980.

Гриф, название, история: Мошинская 1946, 206: гриф на синд. монетах; Бонгард-Левин, Грантовский, От Скифии до Индии, 2 изд.; Minns 113 (семитск. корни?); Тревер 1937; Greppin 1976; Трубачев ВЯ 1981.

Дева, богиня, культ, происхождение: Paul. Oros. V; ...*Dianae Tauricae litoga*; Гайдукевич 1955, 82; Дьяков 1939, 82; Ельницкий 1961, 177: Диана (Мела):

- Крым (путевод.) 221: святилище на мысе Феолент; Латышев 1914; Minns 101, 543; Neumann 1855, 323 (Oreiloche, Aмм. Marc.), 428 'жительница гор'); Ростовцев 1925, 46–47: Diana (Мела); Толстой. Остров... 1918, 117–118; Tomaschek 1881; 'Ορειλόχη.
- "Девичьи" топонимы в Крыму и на Кавказе с античности: Гайдукевич 175: Νιψαίον, ср. Гайдукевич 1958: *Дия*; Кругликова 1966: неизвестно местонахождение *Дии*; *Кыз-аул*: Забелин 1878, 23: *Парфений* как название неприступной скалы; Татищев I, 173: *Аперфени–Кизляр*.
- 'Дети рабов' в Сев. Причерноморье, традиция: Pekkanen 1968 (passim), вопреки которому традиция о 'Д.р.' не связана со славянами: = синды, см. Ростовцев 1925, 59: Val. Flacc., Aмм. Marc.; ср. ир. **bast-arna-* (Трубачев ВЯ 1977).
- Дифтонги *ei, ai* в понтийско-арийском: arud Brugmann.
- Днепровские пороги как "жерла" и проблема Герроса (Герод.) – см. Рыбаков 1979, 48–49; о Герросе иначе (киммер. < **ger/alno-*) см. Трубачев, **kank-uta-*.
- Доскифский субстрат в Нижнем Поднепровье (на реке Конской, скорч. захоронение, коневодство отсутствует): Tomaschek 1888, 722.
- Древнеевропейская гидронимия и Северное Причерноморье – см. G. Schramm IF 84, 1979, 69.
- Древнеиндийское влияние на праславянский: Treimer 1954, 22, 37 (Svarogъ); 47 (конкуренция др.-инд. с ир. на Юге России); 75 (праинд. происхождение господствующего слоя скифов?)
- Дромиты – жители Дромоса Ахиллеса: Бурачков 1875, 100.
- Животный мир древнего Сев. Причерноморья: О.П. Журавлев 1983; Malloy JIES 10.
- Западный выход из Сиваша: Малинин 1913 (с избыточной эмендацией Страбона).
- Знаки – см. Письмо.
- Иксоматы – меоты: Ростовцев 1925, 110.
- Индийская и иранская традиции культуры и языка, их древняя контрастность, а не исходное монолитное единство – большая консервативность иранистики во взглядах на эти отношения: Л.А. Лелеков. Проблемы индоиранистики на совр. этапе. – НАА
- Индийцы в Передней Азии: Brandenstein 1948; Дьяконов 1970; Kammenhuber 1968; Laroche; самоназвание: *Maita-nni*; Mayrhofer 1966, 25.
- Индийцы на Черном море: Ritter 1820; Ашик 1848 (вслед за Риттером); Kretschmer 1943; Eilers-Mayrhofer; Morgenstierne 1945 (критика Кречмера); Zgusta 1955 (критика Кречмера: "gewagte Hypothese"...); O. Masson 1957 (рец. Згуста и критика Кречмера: "l'hypothèse aventureuse de Kretschmer...").
- Индоарийская гидронимия кавказского пути: Οὔδων (Ptol.) 'Кума', *Самур* (Ю. Даг.), *Симбар* 'Атрек' – см. (Rozwadowski. Studia 1948, 277: Udōn; Eilers-Mayrhofer 118: flumen *Sinden* 'Теджен?'); индоарийская топонимия (Дон, Кубань, Сев. Кавказ) – Кузьмина 1981 (Трубачев).
- Индоарийские заимствования в языках Дагестана: В.В. Иванов: *mVčVr; А.А. Селимов (лезг. *Пешанай*); Чокаев (общенахскодаг. *вай*), конференция "Ономастика Кавказа", Телави, 1983.
- Индоарийцы в Скифии: см. И.В. Яценко, Д.С. Раевский. – Народы Азии и Африки 1980, № 6, с. 100–101 (гипотеза Трубачева); Кузьмина 1981; Раевский 1985, 207 (критика теории Трубачева); Грантовский – Раевский 1984 (подробная критика Трубачева); Гамкрелидзе – Иванов 1984, II (принимают теорию Трубачева).

Индоарийские культурные аналогии в Скифии: Л.А. Лелеков. – Народы Азии и Африки 1980, № 5, с. 126: "По Абаеву, это значит, что иранцы еще только заканчивали становиться самими собой в VIII–VII вв. до н.э., что работает в пользу О.Н. Трубачева с его гипотезой о крайне поздней иранизации населения геродотовой Скифии" (См. статью Старая Скифия Геродота и славяне...). "Из наблюдений О. Семереньи и О.Н. Трубачева следует, что процесс брожения с нарастанием ираноязычия заканчивался очень поздно, в развитом железном веке". – Л.А. Лелеков. Проблемы индоиранистики на совр. этапе. – НАА.

Историческая география Сев. Причерноморья у Конст. Багрянородного: Benkó L. 1984.

Кавказ, ключевое значение для этногенеза Юга России: Миллер 1887.

Каменные ящики (VII–V вв. до н.э.) характерны для тавров: Х.И. Крис 1981, 53.

Камыш, использование: Гильденштедт: в Ростове топят камышом; обилие на Дону камыша; (Lassen I, 747, 2): *Ixumati 'reich an Zuckerrohr'*; Marquart 1903, 382: *Rosomoni* < гот. *gaus 'Rohr'* (NB приазовские болота!); Neumann 1855, 24, 333; Тунманн, приложение (Кучук-Кайнарджийский мир, 104); Хрест. 1941 г., 167 (ароматичный тростник).

Каналы в низовьях Кубани: Strab. Geogr. XI. 2 = SC I, 133; Ritter 1820, 187; Забелин 1878, 20; Поночевный 1891.

Келермесское зеркало: Блаватский 1959; Иессен 1947, 72; Максимова 1954.

Кизилкобинская культура и тавры: Древний Крым 280; Тюменев 1949, 80–81; Х.И. Крис 1981 (разграничивает?).

Киммерийцы – в двух областях (район Керченского пролива и на реке Днестр): А.П. Смирнов. Скифы. 1966; специально см. Тереножкин 1976; Трубачев, *kank-uta: этимология *Γέρρος* < *geranos 'журавль' с фрак. (алб.) *rn* > *rr*.

Киммерийцы – древние армяне: Schramm 1973, 35: *Távaiç* – из киммер.; Там же, 95: *Υπαίς* – из киммер.; 165: киммерийцы – праармяне.

Киммерийцы на Боспоре: Блаватский 1948, 13, 16; Блаватский 1954; Масленников 1978.

Киммерийцы – фракийцы (треры): Тунманн 20 (сюда же тавры); Neumann 1855, 115; Ростовцев 1918; Vasmer, *Iranier* 110–111; Vasmer, *Die russ. Kol.*; Zgusta 1955, 15; Надель 1963; против: Мелюкова 1979, 88; в Сев. Причерноморье не существовало: Tomaschek 1888, 778.

Кобанская культура, связь с Сев. Индией: Bosch-Gimpera.

Колесные повозки – в Нижнем Поднепровье: Ю.А. Шилов 1975; Сафронов ~ Николаева; древнейшие глиняные модели в Подунавье V тыс. до н.э., см. IIES 1985; Мерперт. – Ib. – в Н. Поднепровье не древнее III тыс. до н.э. и – с Востока.

Конопля в Скифии, Гиле: Бурачков 1875, 31; Трубачев ВЯ 1984, № 3.

Крым, название, этимологизация: Gios. *Barbaro apud Vigna* 249: *Chirmia*, che vuol dire fortezza...; Самойлович 1929.

Крым – остров: Gios. *Barbaro apud Vigna*.

Кубань – блуждающая река: Шилов 1950, 103–104.

Куро-аракская культура – сев.-кавк. связи: Древности Дагестана 1974, 11, 28 (противопоставленность локального варианта – горного – куро-аракск. культуры равнинным культурам, связанным с Ю.-В. Европой; "Сев. Кавказ..." 1980, 27–28, 67 (куро-аракск. культуру III тыс. до н.э. в Закавказье, Вост. Анатолии связывает с проникновением и.-е. племен с севера, из Ю.-В. Европы).

Ламбдацизм индоар. реликтов в Сев. Причерноморье: Αλεξανδρῆ, Σαύλιος. *Ali-jana- (вм. *ari-...), Σωλ, *Cana*, Φουλλῆαι: ср. Tomaschek. *Kritik* 1888, 720.

- Лелная (ручная) керамика у тавров: Древний Крым 240.
- Ложный ступенчатый свод склепов – аналоги в Неаполе Скифском, Пантикапее, Индии: Тюменев 1950, 53–54; Блаватский 1964; Cunningham.
- Лошадь в Синдике: Мошинская 1946, 206–207 (лошадь на синд. монетах); Блаватская; Plin. NH VII, 17 (= SC II, 187); in *Ponte Thibiorum genus... in altero (scil. oculo) equi effigiem...*; В Синде: Бонгард-Левин, Ильин 136, 330.
- Майкопский курган: Ebert, *Südrussland*: ваза из М.к. (древнейшая карта Сев. Кавказа, III тыс. до н.э.); Сафронов: связи с семит. Месопотамией.
- Массагеты (к Вост. от Касп. м.) – Чеди-Матсья (в Индии): ср. Treimer 1954, 86.
- Мать богов, культ. в Причерноморье: Ritter 1820, 63, 161; Надель 1962 (Κίττιερὶς θεὰ ἡ μήτηρ τῶν θεῶν. Hes.)
- Меоты – близость керамики к таврам: Граков, Скифы 1971, 113.
- Меоты – в скифских походах не участвовали? См. Артамонов 1974, 62.
- Меоты: Amm. Marc. XXII, 30 (= SC II, 327): ...gentes sermonum institutorumque varietate dispariles. Iaxamatatae et Maeotae et Yazyges, Roxolanique et Halani...
- Меоты на сев. берегу Меотиды: Plin. NH IV, 88 = SC II, 173.
- Меоты – не скифы: Граков, Скифы 1971, 110; Ростовцев 1925, 458–459; Klaroth 1828, 302; меоты – то же, что аланы; позднее уступили место черкесам; Николаева-Сафронов 1983, 67–68: поддержка теории Трубачева об индоар. этносе в Сев. Причерноморье (*sinidius, *Tem-arun-da*, *maitai* ~ *maitanni*; со- владение с ареалом приазовской катакомбной культуры полосы "от низовий Буга – Днепра... до Н. Прикубанья, включая Крым и Нижнее Подонье".
- Меоты, погребальные обряды: Анфимов 1972; Граков, Скифы 1971, 111; Маслеников 1978; Шелов. Танаис 235: наличие камки как синдо-меотский обряд; Шилов 1950, 112 (погребения с лошадьми у меотов как привнесенный обычай, но ср. Анфимов!); Шелов *Acta Ant. Hung.* 26, 1978, 51: миска под голову, скорченное положение, не свойственное для сарматской культуры.
- Меоты – поклонение озеру [Меотиде]: Мах. Туг. = SC I, 591.
- Меоты, родство с горскими, зап.-кав. племенами: Müllenhoff III, 103; Анфимов СА 1958; Анфимов 1967; Лавров 1954. (в смеси с иранскими плем.) 203–204; ср. БСЭ³ 16: Меоты; Лопатинский 1897, 72; Погодин 1902; Меретуков 1976; V. de Saint-Martin II, 123–124; Tomaschek 1888, 720 (вместе с таврами).
- Меоты, союз племен: Анфимов СА 1958, 68; с синдами во главе: Артамонов 1949; Шилов 1950, 102; Блаватская, Очерки; "Культура др. Индии" 1975, 382: наследственные, наемные, ополченцы, союзные и т.д.
- Меоты, характер расселения: Анфимов 1953, 25, 26; жилища: Гайдукевич 1949, 225; оседлость: Граков, Скифы 1971, 114, 119.
- Миграции в сторону Кавказа и обратные миграции – Ю.А. Шилов АКД.
- Митанни: Astour 1972; E. v. Weiher 1973; Mayrhofer 1966; Mayrhofer 1974.
- nadi* в составе гидронимов (слвц. *Hornád*): Соболевский. Славяно-скифские этюды. XVII; Трубачев. Этногенез славян и индоевропейская проблема.
- Наемничество на Боспоре: Сокольский 1958.
- Напис, напитки, набианы: Neumann 1855, 138; Pape-Benseler II, 974; Соломоник 1964.
- Нескифское в скифском: Миллер 1887, 132: названия скифских божеств у Геродота; Погодин 1902 (названия скиф. богов у Геродота); Білецький 1953, 75, 82; Treimer 1954, 45 (имена скиф. богов); И.В. Яценко, Д.С. Расвский, – "Народы Азии и Африки" 1980, № 6, 100–101.
- Новый город: Νέα πόλις (декрет Диофанта); **nau-var-*.
- Острова в дельте Кубани: Герц 1870; Забелин 1878.
- Периербиды? – Müllenhoff III, 96; Ельницкий 1961, 199; Pape-Benseler II, 1173 (вар. Περίερβιδοί).

- Пиратский берег: Lassen I, 185; Rav. An.: Dimirice/Damirice ~ Αιριρική Αγ.
- Письмо (в т.ч. поддельное): Мещанинов 1933 (24–25 о плохочитаемых ольвийских надписях); Латышев ЗООИДР XV, 1889; Драчук.
- Плиний – источники: Ростовцев 1925, 56 ("...из разных источников"); Жебелев 1955, 9 (трудно установить); Sallmann 1971 (греческие).
- Плиний – неточность сведений: Minns 17; Скржинская М.В. 58.
- Плиний: Ростовцев 1925, 51 ("прекрасное и очень точное описание Таврики"); 54 (интересные сведения о меотах и сарматах, Меотиде).
- 'По Дону', 'Подонье', словообразовательная модель: Брун 1871: Alathena < alla Тапа; 'Οσιλοι; *Армания*, араб. (Л.Н. Тимофеев): Hrbek, apud: I. Boba.
- Почитание деревьев в Крыму: черешня (Веймарн, Чореф); Александръ, дуб, сросшийся с черешней, Жит. Конст. XII: Крым 194 (дуб в Бююк-Сюрене); 307 (тысячелетний дуб в Массандре); Чудо св. Климента (всѣ рожденьѣ глѣмаѣ сѣѣа...); Tischler, Krimgot. (свидетельство иезуита Мондорфа, XVIII в.).
- Почитание рек: Law, Rivers of India 1–2 (Mārkandeya Pur.).
- Праиранцы – мутанты первоначально праиндийского состояния (ссылка на теорию праславянского как мутанта праиндийского состояния: В.В. Иванов, В.Н. Топоров, В.В. Мартынов). "Любопытно, что О.Н. Трубачев согласен как будто с этой моделью для праиранцев, но отвергает ее для праславян" (О.Н.Т. Яз. и этног. сл. – ВЯ 1982, № 5, с. 3–17)". – Л.А. Лелеков. Проблемы индоиранистики на совр. этапе. – НАА.
- Праkritизм – реликтов в Пер. Азии: Mayrhofer 1966, 60 (с литер.); Pischel 4 (несводимость всех пракритов к санскриту); пракритизм древнейших индийских надписей: Th. Damsteegt, Epigraphical Hybrid Sanskrit, у: M. Mayrhofer. Рец. Die Sprache XXV, 2, 1979, 176; древность пракритов: Л.А. Лелеков. Проблемы индоиранистики на совр. этапе. – НАА.
- Преимственность поселений в Сев. Причерноморье: Герц 1870, 105 ("на одних и тех же местах"); Древний Крым 238 (Херсонес – на месте таврского поселения); Жебелев 160 (на Боспоре); Бурачков 1875, 98, 110 (возможная сохранность древнего населения в Гилес); Крушкол 1971, 95; Лапин 1966, 53–54 ("временное обезлюдение"); Minns 36 (относительная стабильность населения степей).
- Прикубанье – передатчик южных культурных влияний на Север: Иессен 1947, 42, 49.
- (Псевдо-)Плутарх De flum.: Müllenhoff III, 106 ("die Possen des Plut. de fluminibus...").
- Птолемей – неточность координат (до 2°): Ovaroff 1855, 23.
- Раковины каури с Индийского океана в могильнике на р. Рось: Граков. Скифы 1971, 128; в Крыму: Лесков 1965, 122; Х.И. Крис 1981, 41; 50 (не раньше нач. I тыс. до н.э.; для горного Крыма характерны).
- Родительный мн.ч. индоар. реликтов: *Ман-зун/Ман-сар*, ср. Георгиев apud Влахов, трак. личн. имена: Σοι-βρια < *Σα(ι)ωι-βρια 'город *саев*'/ср. Σατοι, Σαταφариφς близ Ольвии/.
- Русь: Татищев I, 287 ("...от цвета произошло..."); Ломоносов; Васильевский. Русско-виз. иссл.; Vernadsky; Кузьмин 1985; Иловайский 1882; Левченко 1956 (азовско-черноморская Р.); V. de Sain-Martin I, 123; Тихомиров 1947; Толстов 1947; Талис 1973; А.П. Дьяконов 1939; Кумане–Русь. Трубачев. Русь-Россия. – газ. Сов. Россия, 1979, 2, IX; Е. Георгиев 1982; о слав. принадлежности русск. письмен в Херсонесе (ЖК); Роспонд 1979; Rospond RS; Schramm 1982; Kunstmann 1986.
- Савроматы – женовладеемые: Scyl. Caryand. = SC I, 85; Plin. VI, 19; saur. gyp. Amaz. m. conubia = SC II, 180; Bonnell I, 231 и сл. (Mela); Грушевский 1911;

Dubois de Montpéroux V, 177 (тесная связь с боспорянами); Müllenhoff III, 33; V. de Saint-Martin I, 92; Harmatta 1970 (против отождествления с сарматами: последние – не матриархальны); Dumézil у: Гурьев 1981 (*cau* + *roma* ~ меланхлены).

Сай в декрете Протогена, этнолингвистическая принадлежность: Латышев, Ольвия 87. Ср. сай на о. Самофракия, далее – Σοφφρια 'город сасв', см. Влахов, Георгиев: Detschew 1957, 410: Σαφοί.

Сарматы см. Савроматы: Minns 84 (отличие от скифов в положении женщины: "женовладеемые").

Сарматы – не самоназвание: Harmatta 1970, 29 (Arae Sarmatae, собств. 'арии'); 77: Ariti (IV в. н.э.).

Сарматы – связь с Индоскифией (Зап. Индия): Harmatta 1970, 35, 36, 38 (всл. за Ростовцевым).

Сатархи: Pomp. Mela = SC II, 120 (in Paludem vergentia Satarchae tenent); Латышев, Ольвия (живут у Сиваша).

Сатархи – пираты: Ростовцев 1915; Латышев IOSPE I² № 672; Ростовцев 1925, 47; Щеглов 1978, 132.

Сатархи, принадлежность: Pekkanen 1968, 145 и сл.; не скифы: Ростовцев 1915; Ростовцев 1925, 46–47 (Помп. Мела).

Сатархи – спалеи: Łowmiański SSS V (пещерные жители; критика).

Сатархи – тавры: Блаватский apud Десятчиков ВДИ 1973, № 1; Щеглов 1968, 333 (сатархи-тафрин = ...таврии!); Щеглов 1978, 50 (вопрос открытый); 126–127 (тавры – переселенцы в Сев.-Зап. Крыму).

Свод уступчатый – в Синдике и Сев. Индии: Блаватский, Пантикапей; Cullingham, Anc. Geogr. 63; см. Ложный ступенчатый свод склепов.

Сев. олень – нет изображений в пам-ах скиф. времени: Н.Л. Членова. – "Монг. археол. сборник". М., 1962, с. 30; вслед за В.И. Цалкиным, – N.L. Tchlenova. Le cerf scythe. – *Artibus Asiae*, v. XXVI, Ascona – Switzerland, MCMLXIII, p. 59.

'Семь богов' в Феодосии, семь уделов, многоверие в Кафе: Гейд; НАПАТАЛА, эфталиты ~ перс. *haft* '7' в царском титуле см. Haussig 1953.

Сербы античные: Ptol. V.8, 17–25 = SC I, 239; V. de Saint-Martin II, 244: Sarba (?); Татищев I, 330 ("Серби, сераби, кот. иногда в Таурике, иногда на Дунае"); Plezia (изд.); Swoboda SSS V; Sławski SSS V; Zeuss 1837, 608; в Трансильванских Альпах, Карпатах (IV в. н.э. Амм. Марцеллин: montes Setogum); Žiranić; Labuda SSS V: белые сербы в Војки; связь с кавк., античными сербами; Mauryhofer III, 499–500: *Sfbindah* ЛИ (Wüst); Marquart 1903. XXXVIII: сербы с X в. на Ю. Бург; Там же, 102: народ Surbin (Масуди) с обычаями, как у индийцев.

Серебро в Приазовье: Э. Кемпфер в: Адыги, балкарцы... 115.

Силис, река, в которой все окаменеет и тонет; поверье у индийцев: река на Севере, "каменная река": McCrindle, Anc. Ind. 46–47 (:Strab. XV, 38; Arg., Megasth.); McCrindle, Meg. Arg. 33, 64, 202; Pape-Benseler II, 1390.

Силис, смешение Танаиса с Яксартом: Müllenhoff III, 106.

Синдская Скифия: Ritter 1820, 181; Müllenhoff III, 60; Мошинская 1946, 204 (Scyth. Sind. (Plin.) понимает как Синдику, подчиненную скифам); Крушкол 1971, 9 (отождествляет с Синдикой); Ростовцев 1925, 59; Plin. NH IV, 84 ("Недаром же он помещает Синдику между Днепром и Доном"); Яценко 1939, 79 (обычай с применением камки, ср. у синдо-меотов).

Синды: Iul. Honor.: Sindi Taurica oppidum = SC II, 442.

Синды – адыги: Tomaschek 1888, 720 (вм. с таврами); Каллистов 1949 (всл. за Джавахишвили); Коков 1966, 140 (всл. за Усларом, 1887); Крушкол 1967, 161 (вслед за Крупновым); 231 (синды – кавказцы).

- Синды в Гилее: Бурачков 1875, 46; Латышев IOSPE I, № 183 (ἀπὸ Βοσπόρου ναύτης, на Тендр. косе); Minns 479 (находка с надписью ΑΓΑΤΟΡΗΣ на Березани (ср. И. Толстой, Греч. графф. 1953, 55); Müllenhoff III, 60; Scyth. Sind. (verpflanzt).
- Синды – древнейшее упоминание: Блаватский 1958 г., Гиппонакт Эфесский, IV в. до н.э.).
- Синды – захоронения в больших каменных ящиках: Кругликова 1975; Лаппо-Данилевский 1894, 98 (дольмены).
- Синды – из Синда: Ашик I; из Мидии или Персии: Латышев, ПОНТИКА 62 (всл. за Бёком); Мельников-Разведенков 1896.
- Синды – индоарийцы: Morgenstierne 1945 (критика Кречмера); Zgusta 1955, 35–36 (оспаривает Кречмера); связь синдов как индоарийцев (?) с предкавказской **катакомбной** культурой, ср. индоарийский ритуал дикша в последней, см. Л.С. Клейн. – Обсуждение проблем скифологии. – Народы Азии и Африки 1980, № 6, с. 74; ср. И.В. Яценко, Д.С. Раевский. – Там же, с. 97; античная традиция о связи Синдики с Индией и подтверждение в работах Трубачева, см. Писаревский 1981; Асимов 1981 (Трубачев).
- Синды = киммерийцы: Артамонов 1949; Артамонов 1974, 62, 120; Блаватский, Арх. Босп., 1954, 42; Цветаева. Синды. – СИЭ 12, 1969, 881–882; Шелов 1975, 15 (?-).
- Синды на Истре: Schol. Dionys. (ссылка на Аполлония) = SC I, 215; Schol. Apoll. Argon. - SC I, 436.
- Синды – проблема языка, подходы к ней со стороны **тавров** и **Старой Скифии**, ср. аналогично о раскрытии карийского языка – со стороны следов в Египте: O. Masson BSL 1973.
- Синды на Керченском п-ове: Dubois de Montpréaux V, 222–223.
- Синды – эллинизация: Мошинская 1946, 207 (всл. за Ростовцевым); Берзин 1961; но ср. своеобразие синд. скульптуры: Н.И. Сокольский 1967 и др. его работы.
- Скифия Малая: Страбон VII, 3, 5.
- Скифия Старая, скифы – Великая Скуфь (Лавр. л. 5); Müllenhoff III, 7; Ptol. V, 8, 17–25; Жебелев 1953; Грантовский 1970, 373 (анариаки, природа); Грантовский 1960, 13 (анареи – жрецы); Расвский 1977, 136; Ельницкий 1961, 100; Ельницкий 1977, 37, 72; Куклина 1981; Pekkanen 1968, 119 (о саторях, населявших землю скифов, воевавших в Азии); V. de Saint-Martin II, 246 (Sapariah (Масуди)); Хазанов "Скиф. мир" 77 (миф о первом человеке Таргитае; – не скиф?); Надеждин 1844, 16–17, 78; Рыбаков 1979, 108, 110 (скиф. пам-ков мало), ср. и Мелюкова 1979, 180; Отрешко 1981, 31; Ильинская 1968.
- Скифская генеалогическая легенда – Раевский 1977, 63–64 ("о сложении мироздания в целом..."); "космогонический миф", "индивидуальное своеобразие" (?) (Раевский 1985, 48, 205).
- Скифы, вторжение в Луизию: Minns 150 (скифский клад в Феттерсфельде).
- Скифы говорили на семи языках: Бурачков 1875, 73 (Геродот XXIV).
- Скифы – единство? См. Народы Азии и Африки 1980, № 5 (дискуссия – Тереножкин); № 6 (резюме Яценко–Раевского); Отрешко 1981, 32: однородности не было, см. Ельницкий 1977, 14, против Гракова–Мелюковой 1952.
- Скифы – имя: Skudai ~ Skolotoi, единство происх-ния, см. {Трубачев} Народы Азии и Африки 1980, № 5; Яценко–Раевский Народы Азии и Африки 1980, № 6 (всл. за Дьяконовым); O. Szemerényi. Scythian – Skudra – Sogdian – Saka. Wien, 1980 (с литерат.): "стрелки", *Skuda- (1947, 1951); рец.: O. Klíma 1983.

- Скифы – не были в азиатском Боспоре: Жебелев 103.
- Скифы-пахари, скифы-земледельцы – нескифский характер: Bonnell I, 363; скифы = праславяне: Б.А. Рыбаков. История СССР 1981, № 1, 60.
- Скифы-пахари = скифы-земледельцы и скифы царские = скифы-номады: Pekkanen 1968, 128 (всл. за Миннзом); 129, 131 (мнение о славянстве земледельческих скифов).
- Скорченные погребения – в Херсонесе – таврские, см. Белов 1981.
- Скудость источников – необходимость совокупного их использования + реконструкция; поздняя запись – не обязательно позднее происхождение; аналогия с составлением словаря старославянского языка (SSJ, Прага) с привлечением не только ст.-слав. канона, но и местных более поздних цслав. редакций, где может быть представлен также древний лекс. состав: *passim*.
- Соль, отсутствие названия в Ригведе и Авесте: Kluge²⁰ 622; Frisk I, 79 ("...fehlt im Indoir."); Machek² 592; 'соль земли' (реликт **невкусового** знач-я); Schrader 699–700 (кочевники, мясная пища – соль не требуется, при рисовой пище – ограничено).
- Солярный культ в Крыму, Синдике: Блаватский 1964; τῆ θεῶ Σῶλ в надписи открытой в 1859 г. в Сенной, (Гёрц 1870, 82); Кобылина 1956, 71; Крушкoл 1971, 65 (у синдов: круги из камней, положение головой на юг, посыпание охрой); Lassen I, 595: *Sūryavanśa-* (Mahabh.); Шилов: сосуществование солярного и лунного культов в Нижн. Поднепровье.
- 'Сорокаградье' в Ю.-З. Крыму: Тунмани 35 (много развалин городов); Lassen I, 95, 106 (Satuḡ-grāma, Tripura, Πεντάπολις, Satpura); Tomaschek 1881, 43; Васильев I, II.
- Сосуществование этносов: "Северный Кавказ..." 1980, 26, 27, 28 (гробница мегалитич. культуры + грунтовая могила майкопской культуры с каменной выкладкой полумесяцем ~ куро-аракская культ.?): в Нижнем Поднепровье – ямная и катакомбная, см. Лесков 1981, 41; Ю.А. Шилов АКД; Ю.А. Шилов. – Археология 22, 1977, 53, 60; Н.А. Николаева. – Проблемы эпохи энеолита (Оренб., 1980): вслед за Шиловым 1979 Сафронов, ряд работ.
- Ставаны – Zeuss 1837, 271 (считает сарм.(!) народом); Σταυανοι (Птол.): – арийск. передача, ср. др.-инд. *stāvāna-* 'gepriesen werdend' ИЛИ авест., ир. *stavana-*, славянского макроэтнонима **-slověne* /калька со слав.?/
- Суффикс (?) *-nda* в Крыму: Tomaschek 1881, 72: "altpaurisch"; Маркевич 1928, 19; Суперанская 1969, 194, 195 (сомнительность тавр. принадлежности).
- Суффикс *-sso-* и его генезис из *-kio-*, *-(n)tio-*, *-sio-*: Ilievski 1978, 20; Георгиев БЕ XXII, 2, 1972.
- Суффиксы *-in*, *-vant/mant-*, *-taya-*, *-tavya-*: Wackernagel – Debrunner; -p-: Ghosh; Edgerton [рец].
- Тавры в Херсонесе см. Преемственность: Латышев IOSPE I² N 528: γυνῆ ταυρικῆ; Тюменев 1938, 1949, 81, 82 ("регулярных сношений не было"); Наливкина 1963; Нейхардт: *σκυδικόν* и *ταυρικόν*.
- Тавры: Tomaschek 1888, 720: "ein Überrest kaukasischer Aboriginer..."; Щеглов 1968, 332 (племена кавк. языков. группы...).
- Тавры: А.П. Смирнов. Скифы 1966, 37 ("...изучены хорошо").
- Тавры и кемиобинцы (индоарийцы?) – каменные ящики, скорченные погребения, ассоциация с Ригведой, лунный календарь; прибыли с запада; в Нижн. Поднепровье противопоставлены старосельцам, с кот. сосуществуют: Ю.А. Шилов, моногр.
- Тавры – культурные связи с Ольвией и Березанью: Лесков 1965, 161.

- Тавры – не киммерийцы: Артамонов 1974; не скифы: Tomaschek, Die Goten 1881, 1; Граков. Скифы 1971, 78; Дьяков 1939, 77 (киммерийцы); Lowmiański, Scyt.; Minns 101 (древнейшее население Ю. России; связь с Кавказом); Müllenhoff III, 19 (к кавк. племенам); Шелов 1975, 15, 24–25 (киммерийцы?); Eberl, Südrußland 76–77 (киммерийцы).
- Тавры – пираты и моряки скифского флота: Граков, Скифы 1971; Тюменев 1949, 80.
- Тавры – погребения (в каменных ящиках и т.д.): Tomaschek 1881, 3; Дьяков 1939, 74; Лавров 1954, 196 (связь с кавк. дольменами); Лесков 1965, 134, 135, 144 (сходство с сев.-кавк.); Масленников 1978, 26–27 (погребение тавра Тихона); Н.П. Сорокина 1957, 25 (оспаривает близость к синдомеотам); Среднев. Крым (Веймарн); Тюменев 1949, 78–80.
- Тавры – самоназвание: Neumann 1855, 323; И. Толстой, Остров... 1918, 144; Лесков 1965, 3.
- Тавры – самые ранние свидетельства: Х.И. Крис 1981, 45 (VII в. до н.э.; каменные ящики и письменные источники).
- Тавры – строительство: Щеглов 1978, 74.
- Таманский водный путь из Черного моря в Азовское: Dubois de Montrépeux V; Забелин 1878, 19 (критика); З. Весела.
- Тёмные ЛИ – максимум в Пантиканее (?): Zgusta 1955, 318.
- Ударение старых местных названий Южного берега Крыма: Кеппен 109, 125 (нетатарское – не на конце); 261 (*Mánzun*).
- Фракийцы – остатки в антропонимии, но не в топонимии: Russu 1958; в Сев. Причерноморье было мало: Мелюкова 1979, 88, 180.
- Фульский язык: Иловайский 1882, 303; П.А. Лавров 1930, 25, 58; Lehr-Splawiński 1959.
- Фуллы, идентификация: Кеппен 1837, 132, 205–206; Кулаковский 1914; Кропоткин 1958; Среднев. Крым (Веймарн); П.А. Лавров 1930, XVII; А.Л. Якобсон 1959.
- Херсонесская присяга – обязательство не раскрывать государственных тайн: Тюменев 1950, 51.
- Хеттско-северопонтийские изоглоссы: *Antissa* ~ *hantezzija*-; *Ἐπισσῶς* ~ *arpezzija*-; Надель 1962 (*arma*-, *araza*-); *Артек* ~ хетт. *hartagga*-; культурные аналогии: Ростовцев 1925, 345, 347; *-сара* ~ *-sar(a)*; Пичикян.
- Храмы – у древних индоариев; в Индии вначале не было: Г.М. Бонгард-Левин. Древнеиндийская цивилизация. М., 1980, с. 16.
- Черкесское название острова – отсутствует: Klaproth 1812, 557; И.Ф. Бларамберг в: Адыги, балкарцы... 354; Шагиров.
- Черкесы ~ керкеты, отождествление: Pallas 1811; Ж.В.Э. Тебу де Мариньи в: Адыги, балкарцы... 292; Калмыков 37 (Ногмов); Лавров 1954; Rare-Benseler I, 649.
- Черкесы, неавтохтонность в Приазовье и на Таманском п-ове: Тебу де Мариньи в: Адыги, балкарцы... 312, 318.
- Черкесы – почти не едят рыбу: Treimer 1954, 52.
- Язаматы – принадлежность: Д.Б. Шелов, – *Acta Antiqua hung.* 26, 1978, 50.
- Язлы-Таш/Грамата – "камень с надписью": Кеппен, Крымск. сб.; Драчук 1971, 77 ("Но не отвлекайтесь от задачи найти Язлы-Таш: это тоже не сделал пока ни один исследователь").

ЛИТЕРАТУРА

- A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I. k. Budapest, 1967 – .
- Aalto-Pekkanen = Latin sources on North-Eastern Eurasia by P. Aalto and T. Pekkanen. Wiesbaden, Part I, 1975; II – 1980 (Asiatische Forschungen, Universität Bonn. Bd. 44, 57).
- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М., Л., 1949.
- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I –. М., 1958 –.
- Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Сборник статей, посвященный проф. В.И. Авдиеву. Изд. МГУ, 1972.
- Абаев В.И. Зороастр и скифы // Hommage et opera minora. Vol. III. Monumentum H.S. Nyberg. Acta Iranica 1975 (Leiden; Téhéran; Liège).
- Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.), М., 1981.
- Абдуллаев И.Х. Еще раз к происхождению гидронима Самур // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- Abrahamowicz = Hadży Mehmed Senai z Krymu. Historia Chana Islama Gereja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971.
- Agrawala V.S. India as known to Pāṇini (A survey of the cultural material in the Ashtādhyāyī). Lucknow, 1953.
- Адыги = Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.
- Алиев К. К вопросу о племенах Кавказской Албании // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И.А. Орбели. М., Л., 1960.
- Allchin F.R. Archeological and language-historical evidence for the movement of Indo-Aryan speaking peoples into South Asia // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.), М., 1981.
- Анфимов Н.В. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.
- Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // Советская археология XXVIII, 1958.
- Анфимов Н.В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.
- Анфимов Н.В. Курганы рассказывают. Краснодар, 1972.
- Aristoteles. Meteorologie = Werke. Bd. 12. Herausg. von E. Grumach. Berlin, 1970).
- Аркинников Ф. Город Темрюк // Сборник материалов для описания местной и племен Кавказа. IV. Тифлис, 1884.
- Артамонов М.И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ 1949, № 1.
- Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974.
- Асимов М.С. Исследование этнической истории Центральной Азии (II тыс. до н.э.) в советской науке // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.), М., 1981.
- Astour M.C. Ḥattušiliš, Ḥalab, and Ḥanigalbat // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 31. Nr. 2, 1972, Chicago.
- Ащик А. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. I. Одесса, 1848; Ч. II. Одесса, 1848; Ч. III. Одесса, 1849.
- Bader F. De "protéger" á "razzier" au néolithique indo-européen: phraséologie, étymologie, civilisation // BSL. T. LXXIII, 1978.

- Байер С.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под российскую державу. Переведено с немецкого языка чрез И.К. Тауберта. Изд. 2. СПб., 1768.
- Барсов Н.* Материалы для историко-географического словаря России / Русской земли (IX–XIV ст.). Вильна, 1865.
- Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. 2. Aufl. Berlin, 1961.
- Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VII. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971.
- Battisti C., Alessio G.* Dizionario etimologico italiano. I. – Firenze, 1950 –.
- Boeckh A.* (ed.) Corpus inscriptionum graecarum. Vol. 1–2. Berlin, 1828.
- Белецкий А.А.* Греческая топонимика Крыма // Вторая всесоюзная конференция по классической филологии. Июнь 1961 г. Тезисы докладов. Л., 1961.
- Белецкий А.А.* Греческие элементы в географических названиях Крыма // Этимология. 1967. М., 1969.
- Белецкий А.А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972.
- Белон Г.Д.* Некрополи Херсонеса классической эпохи // Советская археология 1981, № 3.
- Беляев В.Ф.* К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима ΦΕΙΡΟΦΑΓΟΙ // ВДИ 1964, № 3.
- Benveniste E.* Un nom indo-européen de la "femme" // BSL 35, 1934.
- Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes I.
- Benveniste E.* Titres et noms propres en iranien ancien. Paris, 1966.
- Benkő I.* Zur Geschichte des Ungartums vor der Landnahme im Zusammenhang mit Leved und Etelköz // Acta linguistica Ac. Sc. Hung. 34, 3–4, 1984.
- Берзин Э.* Синдика. Боспор и Афины в последней четверти V в. до н.э. // ВДИ 1958, № 1.
- Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог // Советская археология 1961, № 1.
- Berzin E., Grantovsky E.* Kinsmen of Indians on Black Sea shores // Soviet Land. An illustrated fortnightly magazine publ. by the Information Dep. of the USSR Embassy in India. Vol. XV. No. 10. May, 1962.
- Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. XXXII, 1915 (То же – ИТУАК, № 57. Симферополь, 1920).
- Бертье-Делагард А.* Каламита и Феодоро // ИТУАК, № 55. Симферополь, 1918.
- Бертье-Делагард А.Л.* К вопросу о местонахождении Маврокастрова Записки готского топарха // Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXXIII, 1919.
- Бертье-Делагард А.* Справки о прошлом Орианды // ИТУАК № 56. Симферополь, 1919.
- Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. III. Справка о Фуллах // ИТУАК, № 57, 1920.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Böhltlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung.
- Білецький А.О.* Проблема мови скіфів // Мовознавство. Наукові записки. Т. XI. Київ, 1953.
- Білецький А.О., Бористенес – Данатрис – Дніпро* (з історичної гидроніміки України) // І республіканська топонімічна нарада. Тези доповідей і виступів. Київ, 1959.
- Birnbaum H.* The original homeland of the Slavs and the problem of early Slavic linguistic contacts // The journal of Indo-European studies I, 1973.
- Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959.
- Блаватский В.Д.* Киммерийский вопрос и Пантикапей // Вестник МГУ, 1948, № 8.
- Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА СССР № 33. М., 1954.
- Блаватский В.Д.* Об этническом составе населения Пантикапея в IV–III вв. до н.э. // Советская археология, т. XXVIII, 1958.
- Блаватский В.Д.* Древнейшее свидетельство о Синдиксе // Исследования в честь на акад. Д. Дечев. София, 1958.
- Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Сев. Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Блаватский В.Д.* О боспорском ремесле IV–I вв. до н.э. // Сов. археология XXIX–XXX, 1959.
- Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Blümel W.* [Рец. на кн.:] Antiquitates Indogermanicae. Studien zur indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker. Gedenkschrift für H. Güntert.

- Herausgeg. von M. Mayrhofer, W. Meid, B. Schlerath, R. Schmitt. Innsbruck, 1974 // BNF 13(1), 1978.
- Болтунова А.И.* Неизданные надгробия из Керчи и окрестностей // ВДИ 1965, № 2.
- Бонгард-Левин Г.М.* К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (Индоарии и местные субстраты) // ВДИ 1979, № 3.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Загадки истории древних арисв. М., 1974; 2 изд. – 1983.
- Bonnell E.* Beiträge zur Altertumskunde Russlands (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 n. Chr.). Bd. 1. St. Petersburg, 1882.
- Bosch-Gimpera P.* The migration route of the Indo-Aryans // JIES 1, 1973.
- Brandenstein W.* Die alten Inder und die Chronologie des Rigweda // Frühgeschichte und Sprachwissenschaft. Wien, 1948.
- Braun F.* Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Petersburg, 1890.
- Брашинский И.Б.* К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Брашинский И.Б.* [Рец. на кн.:] Wasowicz A. Olbia et son territoire. Paris, 1975 // Советская археология 1977, № 3.
- Брашинский И.Б.* В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.
- Brugmann K.* Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II. Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch. Teil 1. Zweite Bearbeitung. Straßburg, 1906.
- Брун Ф.К.* О поселениях италийских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Труды I археологического съезда в Москве. 1869. II. М., 1871.
- Брун Ф.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. I. Одесса, 1879; Ч. II – 1880.
- Brückner A.* Złudzenia etymologiczne // A. Brückner. Początki i rozwój języka polskiego. Wybór prac pod red. M. Karasia. Warszawa, 1974.
- БСЭ³.**
- Будимир М.* О стариним поменима српског имена // Глас Српске Академије наука ССХХХVI. Одељење литературе и језика 4, 1959.
- Budimir M.* Die Kerberier in der Odyssee und im attischen Drama // Živa antika X, 1–2, Skoplje, 1960.
- Buck C.D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago, 1949; 3^d impression – 1971.
- Бурачков П.О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. IX, 1875.
- Бурачков П.* Опыт исследования о куманах или половцах // Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. X, 1877.
- Бурачков П.О.* Опыт объяснения одного темного места в сказаниях Геродота о древней Скифии // Труды III археологического съезда в России. Т. II. Киев, 1878.
- Burrow T.* The Proto-Indoaryans // Journal of the Royal Asiatic society 1973.
- Бэр К.* Знакомство Гомера с северным берегом Черного моря (перевод Г. Караулова) // Зап. имп. Одесского общ-ва ист. и др-ей. т. X, 1877.
- Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Bd. II, 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 2. unveränderte Aufl. Göttingen, 1957; Bd. II, 2. Die Nominalsuffixe. Göttingen, 1954.
- Wallis M.* Dzieje zwierciadła i jego rola w różnych dziedzinach kultury. Łódź, 1956.
- Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860.
- Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. Т. I, 1921; Т. V. Л., 1927.
- Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // ЖМНП, ч. СХХУ, 1878, январь [= В.Г. Васильевский. Труды. II. С. 351–427].
- Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. Вып. 2. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Суроожского. СПб., 1893.
- Ведров В.М.* Об италийских колониях в XIII веке в Хозарии. Заметка на доклад г. Бруна // Труды I археологического съезда в Москве 1869. Т. II. М., 1871.
- Веймарн Е., Чорев М.* "Корабль" на Каче. Симферополь, 1976.
- Weiber, von E. Mitanni* // Festschrift H. Otten. Wiesbaden, 1973.
- Вернадский Г.К.* История колонизации азовского побережья. Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698–1701) // ИГУАК, № 57. Симферополь, 1920.
- Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943.

- Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, под ред. А.С. Тверитиновой. Т. II. М., 1969.
- Веселовский А.Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. III. Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Грале. СПб., 1881.
- Vidman L.* Psano do kamene (Antická epigrafie). Praha, 1975.
- Виноградов Ю.Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ 1971, № 4.
- Виноградов Ю.Г.* Перстень царя Скила // Советская археология 1980, № 3.
- Виноградова В.Л.* Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Вып. 1. Л., 1965; Вып. 2. Л., 1967.
- Vigna = Atti della Società Ligure di storia patria.* Vol. VI. Genova, MDCCCLXVIII = A. Vigna. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII-MCCCCLXXV). T. I; Atti..., Vol. VII, parte II, fascicolo 1. Genova, MDCCCLXXIX = A. Vigna... T. II, p. II.
- Влахов К.* Тракийски лични имена. Фонетико-морфологични проучвания. София, 1976 (= Studia Thracica 2).
- Влахов К.* Една забравена тракийска дума в българския език // ЕзЛ 32, 4.
- Воронов Ю.Н.* Диоскуриада – Севастополис – Цхум. М., 1980.
- Woodhead A.G.* The study of Greek inscriptions. Cambridge, 1959.
- Wüst W.* Indo-Arier im Vorderen Orient. Notizen zu einem unkonventionellen Buch [A. Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968] // Die Sprache 20, 1974.
- Гагкаяв К.Е.* Историко-лингвистическое значение скифской ономастики Северного Причерноморья // Питания сучасної ономастики. Київ, 1976.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. I. М., Л., 1955.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР № 85 = Боспорские города II. М., Л., 1958.
- Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // Материалы и исследования по археологии СССР № 85. Боспорские города II. М., Л., 1958.
- Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе, в. I // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа IV (ч. 2). Тифлис, 1884–1889.
- Гейд = Извлечение из сочинения В. Гейда "История торговли Востока в средние века".* Перевод Л.П. Колля // ИТУАК № 52, Симферополь, 1915.
- Георгиев В.* Въпроси на българската етимология. София, 1958.
- Георгиев В.И.* Ономастика и историческа география // Български език XXII, 2, 1972.
- Georgiev V.I.* Drei griechische Etymologien // Philologus 118, 2, 1974.
- Георгиев В.И.* Траките и техният език. София, 1977.
- Georgiev V.I.* Thrakische Etymologien // Linguistique balkanique XXI, 1, 1978.
- Георгиев Е.* Начало болгаро-русских культурных и литературных связей // Palaeobulgarica / Старобългаристика VI, 1982, № 4.
- Herod. = Herodoti historiae, recognovit C. Hude, ed. 3. T. I. Oxford, 1976 (13th impression).*
- Гёрц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
- Гёрц К.К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. преимущественно по неизданным источникам. Изд. 2. СПб., 1898.
- Hesych. = Hesychii Alexandrini Lexicon recensuit M. Schmidt. Vol. I–IV. Ienae, 1858–1862.*
- Hierocl. Synecd. = Hieroclis Synecdemus et Notitiae graecae episcopatum. Accedunt Nili Dohopatritii notitia patriarchatum et locorum nomina immutata. Ex. recognitione Gustavi Parthey. Berolini, 1866.*
- Гильденштедт = Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773–1774 г. // Записки имп. Одесского общ-ва истории и древностей. Т. XI, 1879.*
- Ghirshman R.* L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden, 1977.
- Gładyskowska-Rzeczycka J.* Słowianic. Struktura an(tropologiczna) // Słownik starożytności słowiańskich, t. V. Wrocław etc., 1975.
- Gonda J.* Aspects of early viṣṇuism. Utrecht, 1915.

- Gonda J. Epithets in the R̥gveda. 's-Gravenhage.
- Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
- Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов. М., 1960 (= XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и "индоарийском" населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- Григорьев В.В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии. СПб., 1876.
- Grimm J. Deutsche Mythologie. Zweite Ausg. Bd. II. Göttingen, 1844.
- Грушевский М. Киевская Русь. Т. I. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб., 1911.
- Губоглу М. Турецкий трактат 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, под ред. А.С. Тверитиновой. [1]. М., 1964.
- Гуриев Т.А. [Рец. на кн.]: G. Dumézil. Romans de Scythie et d'alentours. Paris, 1978 // Осетинская филология. Вып. 2. Орджоникидзе. 1981.
- Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культурная практика. М., 1977.
- Гусева Н. К вопросу о ритуальных напитках древних скотоводов евразийских степей и Центральной Азии // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 3. М., 1982.
- Ghosh B. Les formations nominales et verbales en p du Sanskrit. Paris, 1933.
- Дашевская О.Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // ВДИ 1958, № 2.
- Дашевская О.Д. О происхождении названия города Керкинитиды // ВДИ 1970, № 2.
- Dvornik F. The Slavs. Their early history and civilization. Boston, 1956.
- Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ 1973, № 1.
- Detlefsen D. Die geographischen Bücher (II, 242 – VI Schluß) der Naturalis Historia des C. Plinius Secundus mit vollständigem kritischen Apparat. Berlin, 1904.
- Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957 (= Schriften der Balkankommission. Lingu. Abt.-ng. XIV).
- Джанашивили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897.
- Dobrowsky J. Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur. Prag, 1818.
- Доватур А.И., Калустов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота (= Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1982.
- Домбровский О., Махнева О. Столица феодоритов. Симферополь, 1973.
- Донские дела. Кн. I. СПб., 1898 (= Русская историческая библиотека. Т. XVIII).
- Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966.
- Др. Крым = История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Драчук В. Шаг в неизвестное. Симферополь, 1971.
- Древности Дагестана. Памяти Е.И. Крупнова. Отв. ред. В.Г. Котович. Махачкала, 1974.
- Дульзон А.П. Гидронимический ареал -ман в южной Сибири // Топонимика Востока. М., 1962.
- Дуриданов И. Езикът на траките. София, 1976.
- Дьяков А.М. Некоторые вопросы современной индийской топонимии // Топонимика Востока. М., 1962.
- Дьяков В.Н. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ 1939, № 3.
- Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ 1939, № 4.
- Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (К методике исследования исчезнувших языков) // ВДИ 1970, № 4.
- Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского... // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. IV, 1858.

- Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. V. Paris, 1843.
- Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis. II. Graz, 1954; III, 1800; VII, 1800; VIII, 1800.
- Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
- Ельницкий Л.А. О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья // ВДИ 1964, № 1.
- Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
- Жебелёв С.А. Скифский рассказ Геродота // С.А. Жебелёв. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Сев. Причерноморья античной эпохи. М., Л., 1953.
- Жебелёв С.А. Геродот и скифские божества // С.А. Жебелёв. Северное Причерноморье. М., Л., 1953.
- Жебелёв С.А. Возникновение Боспорского государства // Там же.
- Жебелёв С.А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // Там же.
- Жебелёв С.А. Боспорские этюды // Там же.
- Жебелёв С.А. Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры I. М., Л., 1955.
- Железняк І.М. Українські гідроніми від основи *sal- // Мовознавство 1977, 6.
- Жигунин В.Д., Шофман А.С. [Рец. на кн.:] Ю.С. Крушкол. Древняя Синдика. М., 1971 // ВДИ 1974, № 3.
- Župančič N. Srbi Plinija i Ptolemeja. Pitanje prve pojave Srba na svetskoj pozornici sa historijskog, geografskog i etnološkog stanovišta // Зборник радова посвећен Ј. Цвијићу поводом тридесетпетогодишнице научног рада. Београд, 1924.
- Журавлев О.П. Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства (по костным остаткам) // Морфологические особенности позвоночных животных Украины. Сборник научных трудов. Киев, Наукова думка, 1983.
- Забелин И.Е. Объяснение страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Труды III Археологического съезда в России. Т. II. Киев, 1878.
- Saltmann K.G. Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. Berlin: New York, 1971.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.
- Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha, 1955.
- Ivanov V. On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian // Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław - etc. 1965.
- Иванов В.В. Отражение индоевропейской терминологии ближнего культа в балтийских языках // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Иванов В.В. Прус. Vardoauts, bordus и проблема названий бороды в индоевропейском // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы 2-ой балтослав. конференции. М., 1983.
- Иссен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л., 1947.
- Ilievski P. Some observations on Mycenaean personal names of non-Greek origin // Actes du IIe congrès international des études du Sud-Est européen. T. IV. Athènes, 1978.
- Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. Изд. 2. М., 1882.
- Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Иоанн Гот. = Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. XIII, 1883.
- Iord. = Iord. De origine actibusque Getarum. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступ. статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
- История СССР. Т. I. М., 1966.
- Казанский Н.Н. Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983.
- Каллистова В.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Калмыков И.Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974.
- Каменецкий И.С. О язматах // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

- Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК № 6. Симферополь, 1888.
- Kamtenhuber A.* Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.
- Karaulov G.* Исторические вопросы, решаемые натуралистом // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. X, 1877.
- Karpenko O. P.* Літописне Білобережжя // Давньоруська ономастична спадщина в східно-слов'янських мовах. Збірник наукових праць. Київ, 1986.
- Картогика ДРС. XI–XVII вв.
- Картогика СДР. XI–XIV вв.
- Karyshkovskiy P. O.* Материалы к сборнику древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ 1959, № 4.
- Kenen P.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
- Keram K. V.* Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962.
- Kiepert H.* Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878.
- Klaproth, von J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Bd. 1. Halle und Berlin, 1812.
- Klaproth.* Commentaire sur la Description des Pays caucasiens de Strabon // Nouveau journal asiatique, t. I. Paris, 1828.
- Klaffenbach G.* Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957.
- Клетнова Е. Н.* Опыт объяснения слова "Oium" // Известия Таврич. общества истории, археологии и этнографии, т. I (58-й). Симферополь, 1927.
- Klíma O.* [Рец. на:] O. Szemerényi. Four old Iranian ethnic names – Scythian – Skudra – Sogdian – Saka // Archiv Orientální 51, 1983.
- Kluge²⁰* = *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967.
- Книга степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908 (= ПСРЛ, т. XXI, 1).
- Книпович Т. Н.* Танаис. М., Л., 1949.
- Кобылина М. М.* Фанагория // "Фанагория" под ред. А. П. Смирнова. М., 1956 (= Материалы и исследования по археологии СССР № 57).
- Кокос Дж. Н.* Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.
- Кокос Дж. Н.* Об одном историческом срезе в адыгской топонимии // Историческая ономастика. М., 1977.
- Колли Л.* Из средневековой географии // ИТУАК № 44. Симферополь, 1910.
- Колли Л. П.* Кафа в период владения ею банком св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК № 47. Симферополь, 1912.
- Кондратенко Л.* Гурзуф. Изд. 2. Симферополь, 1979.
- Кондукторова Т. С.* Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казачкое). М., 1979.
- Constantine Porphyrogenius.* De administrando imperio. Greek text edited by G. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949.
- Коровина А. К.* Древняя Тирамба // ВДИ 1963, № 3.
- Корпус боспорских надписей. Отв. ред. акад. В. В. Струве. М., Л., 1965.
- Kretschmer P.* Mythische Namen. 9. Die Kentauren // Glotta. Bd. X, 1920.
- Kretschmer P.* Zur Bedeutung von Κένταυρος // Glotta. Bd. X, 1920.
- Kretschmer P.* Weiteres zur Urgeschichte der Inder // KZ. Bd. 55, 1928.
- Kretschmer P.* Inder am Kuban // Anzeiger der Akademie der Wiss. n in Wien. Philos. = hist. Klasse. 80. Jahrgang 1943. Brünn; München; Wien, 1944.
- Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фулли) // Советская археология XXVIII, 1958.
- Крушликова И. Т.* Боспор в позднесантичное время (очерки экономической истории). М., 1966.
- Крушликова И. Т.* Синдская гавань, Горгиния, Анапа. М., 1975.
- Крушкол Ю. С.* К вопросу об этногенезе синдов // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.
- Крушкол Ю. С.* Древняя Синдика. М., 1971.
- Крым. Путеводитель. Под ред. И. М. Саркизова-Серазини. М., Л., 1925.
- Крым 1972 = Крым. Путеводитель. Симферополь, 1972.
- Крым. 1982 = Крым. Путеводитель. Симферополь. "Таврия", 1982.
- Крым среднев. = Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Крым. Список = Список населенных пунктов Крымской АССР. Симферополь, 1927.

- Кубан. окр. = Список населенных мест Кубанского округа. Краснодар, 1927.
- Кубланов М.М.* К истории азиатского Босфора (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан) // Советская археология XXIX–XXX, 1959.
- Кузьмин А.Г.* Об истоках древнерусского права // Советское государство и право, 1985, № 2.
- Кузьмина Е.Е.* Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М., 1981.
- Куклина И.В.* Трактат "О воздухе, водах, местностях" как источник по истории скифов // Вспомогательные исторические дисциплины III. Л., 1970.
- Куклина И.В.* Ранние известия о скифах и киммерийцах // ВДИ 1981, № 2.
- Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Кулаковский Ю.* Проникло Тавриды. Изд. 2. Киев, 1914.
- Культура древней Индии. Отв. ред. А.В. Герасимов. М., 1975.
- Cunningham A.* The ancient geography of India. New enlarged ed. Varanasi, 1975.
- Kunsmann H.* Woher die Russen ihren Namen haben // Die Welt der Slaven, Jg. XXXI, 1. München, 1986.
- Купорга М.* [Рец. на кн.] Археологическая топография Таманского полуострова. Исследование. К. Герца // Русский вестник. Т. 90. М., 1870.
- Labuda G.* Serbia Biata // Słownik starożytności słowiańskich, t. V.
- Лавр. л. = Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 1: Повесть, временных лет. Л., 1926.
- Лавров Л.И.* О происхождении народов северо-западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. III. Нальчик, 1954.
- Лавров Л.И.* // Советская этнография 1967, № 2.
- Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930 (= Труды Славянской комиссии. Т. I).
- Лажбери.* Описание Колхиды или Мингрелии (перев. с франц.) // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. X, 1877.
- Лалин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Лаппо-Данилевский А.* Древности кургана Карагодлуанх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р.Х. // Материалы по археологии России, изд. имп. Археологич. комиссией, № 13. СПб., 1894.
- Laroche E.* Les noms des Hittites. Pařís, 1966.
- Laroche E.* Études de linguistique anatolienne. III // Revue hittite et asiatique, t. XXVIII. Paris, 1970.
- Lassen Chr.* Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographic, Ethnographie und älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig; London, MDCCCLXVII.
- Latte = Hesychi Alexandrini Lexicon recensuit et emendavit K. Latte. Vol. I. Hauniae, 1953.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии // ЖМНП. Ч. ССXLIX–CCL, 1887, январь–февраль.
- Латышев В.В.* Загадочные ольвийские надписи // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XV, 1889.
- Латышев В.В.* Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // Записки Русского археологического общества. Т. IV, 1890.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. Вып. 1. СПб., 1893; Т. II. Вып. 1. СПб., 1904; вып. 2. СПб., 1906.
- Латышев В.В.* Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг., с объяснениями В.В. Латышева. СПб., 1899.
- Latyshev V.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I [2 изд.]. Petropoli, MCMXVI; [1 изд. –] MDCCCLXXXV; vol. II – MDCCCXC; vol. III – MDCCCXI; vol. IV – MDCCCXI.
- Латышев В.В.* ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и этнографии Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.
- Латышев В.В.* Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря ("Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini") // Записки имп. Русского археологического общества. Т. IV, вып. 2. СПб., 1889.
- Латышев В.* К вопросу о культуре богини Девы в Херсонисе Таврическом // Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков, 1914.

- Lewicki T. Un peuple iranien peu connu: les *Arsīya ou *Orsīya // *Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Németh.* Budapest, 1976.
- Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Лелеков Л.А. [Обсуждение дискуссионных проблем скифологии] // *Народы Азии и Африки* 1980, № 5.
- Лелеков Л.А., Риевский Д.С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // *Народы Азии и Африки* 1979, № 6.
- Lehr-Splawiński [ed.] *Zywoty Konstantyna i Metodego (obszerne). Przekład polski ze wstępem i objaśnieniami oraz z dodatkami zrekonstruowanych tekstów staro-cerkiewno-słowiańskich.* Sporządził T. Lehr-Splawiński. Poznań, 1959.
- Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965.
- Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981.
- Liddell H.G. and Scott R. *A Greek-English lexicon. Vol. II.* Oxford [s.a.].
- Лобода В.В. Севернопричерноморская топонимия. Автореф. ... доктора филол. наук. Киев, 1979.
- Лозаинова Дж.Б. Из топонимии Каспийского моря (О названии реки *Атрек*) // *Ономастика Средней Азии.* М., 1978.
- Ломоносов М.В. Замечания и возражения на речь академика Миллера "Происхождение народа и имени Российского" (1749–1750) // М.В. Ломоносов. *Избранные философские произведения.* М., 1950.
- Law B.C. *Geography of early buddhism.* London, 1932.
- Law B.C. *India as described in early texts of buddhism and jainism.* London, 1941.
- Law B.C. *Tribes in Ancient India.* Poona, 1943.
- Law B.C. *Rivers of India (Historico-geographical sketch).* Calcutta, 1944 (= *Calcutta Geographical society, publication N 6*).
- Law B.C. *Geographical aspect of Kālidāsa's works.* Calcutta, 1954.
- Łowmiański H. *Sarmacja* // *Słownik starożytności słowiańskich V.* Wrocław etc., 1975.
- Łowmiański H. *Scythia* // *SSS. T. V,* 1975. С. 101 и сл.
- Łowmiański H. *Spalowie* // Там же. С. 354–355.
- Łowmiański H. *Sporowie* // Там же. С. 366.
- Łowmiański H. *Stawanie* // Там же. С. 408–409.
- Л(опатинский). Л. Заметка // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 22.* Тифлис, 1897. С. 70 и сл.
- Лордкипанидзе О. Към проблема за гръцката колонизация на Източното Черноморие (Колхида) // *Археология XXII, 1,* 1980.
- Лощия Азовского моря. Гидрографическое управление Военно-морских сил. [6.м.] 1954.
- Ляцкий Е.А. *Стихи духовные.* СПб., 1912.
- Mayer A. *Die Sprache der alten Iltyrier. Bd. I.* Wien, 1957; Bd. II – 1959.
- Mayrhofer I–III = *Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–III.* Heidelberg, 1953 –.
- Mayrhofer M. *Gibt es ein indogermanisches *sor- 'Frau?'* // *Studien zur indogermanischen Grundsprache.* Wien, 1952. S. 32 и сл.
- Mayrhofer M. *Indo-iranisches Sprachgut aus Alalah* // *Indo-Iranian Journal. Vol. IV. Nr. 2–3,* 1960.
- Mayrhofer M. *Die Indo-Arier im alten Vorderasien (mit einer analytischen Bibliographie).* Wiesbaden, 1966.
- Mayrhofer M. *Die Arier im Vorderen Orient ein Mythos? Mit einem bibliographischen Supplement.* Wien, 1974 (= *Sitzungsberichte der Österr. Ak. d.W.n., Philosophisch-hist. Kl., Bd. 294, Abh. 3*).
- Mayrhofer M. *Zum Namengut des Avesta.* Wien, 1977 (= *Sitzungsberichte [der] Österr. Ak. d. Wn. Philos.-histor. Kl., Bd. 308, 5. Abh.*).
- Mayrhofer M. *Aus der Welt der Sanskrit-Inschriften. Anläßlich eines Buches von Th. Damsteegt* // *Die Sprache XXV, 2,* 1979.
- McCrinkle J.W. *Ancient India as described in classical literature.* Westminster, 1901.
- McCrinkle J.W. *Ancient India as described by Ptolemy. A facsimile reprint [from the edition of 1885, Calcutta; Bombay; London].* Calcutta, 1927.
- McCrinkle J.W. *Ancient India as described by Megasthenēs and Arrian being a translation of the fragments of the Indika of Megasthenēs collected by dr. Schwanbeck, and of the first part of the Indika of Arrian. Revised second edition by R.C. Majumdar.* Calcutta, 1960.

- Максимова М.И.* Серебряное зеркало из Келермеса // СА XXI, 1954.
- Малинин А.А.* Заметки по географии древней Таврики // ЖМНП 1913, ноябрь.
- Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангула. Л., 1933 (= Известия ГАИМК, вып. 71).
- Mallory J.P.* Indo-European and Kurgan fauna I: wild mammals // JIES 10, N 3-4.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840-940). Leipzig, 1903.
- Marquart J.* Καρπυαλουκ, der "skythische" Name der Maiotis // Keleti Szemle XI. Budapest, 1910. С. 1 и сл.
- Маркевич А.И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. II. Симферополь, 1928.
- Martinka J.* Pôvod a význam mena rieky Hornád // LS 3, 1941, 91.
- Масленников А.А.* Этнический состав населения боспорских городов в VI-V вв. до н.э. // Советская археология 1978, № 1. С. 24 и сл.
- Масленников А.А.* К истории населения хоры Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. // ВДИ 1981, № 1.
- Masson O.* [Рец. на кн.:] L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955 // Kratylus II, 1957.
- Masson O.* Que savons-nous de l'écriture et de la langue des Cariens? // BSL. T. LXVIII, 1973.
- Медведев Е.М.* Опыт исследования древнеиндийской общины по данным топонимики // Индия в древности (сборник статей). М., 1964.
- Меликсет-Бекон Л.* Древнейшая Пицунда у Понта Евксинского // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII, 1915.
- Мельников-Разведенков С.Ф.* Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXI. Тифлис, 1896.
- Мелюкова А.И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Меретуков К.Х.* К этимологии названия Майкоп // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- Мециаников И.И.* Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1933.
- Mikkola J.J.* Einiges über den eurasischen Bernsteinhandel // Senatet un mäksla 1938, 1.
- Миллер В.* Осетинские этюды. Ч. III. Исследования. М., 1887.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913.
- Minorsky V.* Balgitsi - Lord of the fishes // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes 56, 1960.
- Мицорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963.
- Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964.
- Moravcsik G.* Byzantinoturcica. II. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. 2. Aufl. Berlin, 1958.
- Morgenstierne G.* Indo-European k' in Kafiri // NTS XIII, 1945.
- Мочульский В.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887.
- Мошинская В.И.* О государстве синдов // ВДИ 1946, № 3.
- Moszyński K.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków, 1957.
- Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Bd. III. Berlin, 1892.
- Навишурванов З.Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III. Симферополь, 1929.
- Надеждин Н.* Геродотовы Скифия, объясненная чрез сличение с местностями // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I, 1844.
- Надеждин Н.* О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской. I // Русская беседа 1857, III, второй год, книга 7-я. М., 1857 (раздел "Смесь"); То же. II - Русская беседа IV, второй год, книга 8-я. М., 1857 (раздел "Смесь").
- Чадель Б.* Черноморско-хеттские ономастические связи (к постановке вопроса) // Rocznik orientalistyczny, t. XXVI, zesz. 1, 1962.
- Чадель Б.* Следы фракийского субстрата в иранских диалектах Северного Причерноморья (к проблеме киммерийского языка) // Rocznik orientalistyczny. T. XXVI. Zesz. 2, 1963.
- Чаливкина М.А.* Херсонес и Керкинитида в "Херсонесских этюдах" А.И. Тюменева // Проб-

- лемы социально-экономической истории Древнего мира. Сборник памяти акад. А.И. Тюменева, М., Л., 1963.
- Насонов А.Н. Тмуторокань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки 6, 1940.
- Neumann G., Düwel K. Alust – ein kringotischer Ortsname? KZ 98, 2, 1985.
- Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Bd. I. Berlin, 1855.
- Нейхардт А.А. Херсонесские клейма как источник для изучения торговых связей Херсонеса и Босфора в эллинистическую эпоху // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. Сборник памяти акад. А.И. Тюменева, М., Л., 1963.
- Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Незаченко И.И. Симеиз. Симферополь, "Тюврия", 1982.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А. Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение днепро-кубанской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья (Межвузовский сборник статей). Орджоникидзе, 1983.
- Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Ногайско-русский словарь под ред. Н.А. Баскакова. М., 1963.
- Нозмов Ш.Б. История адьгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Изд. 5. Нальчик, 1947.
- Naudry J. Comparative mythology and comparative philology // Homage to Georges Dumézil. Ed. by E.C. Polomé (= JIES. Monograph No. 3). Washington, 1982.
- Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // Советская археология 1981, № 3.
- Ольховский В.С. О населении Крыма в скифскую эпоху // Советская археология 1982, № 4.
- Hommaire de Hell X. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase et la Russie méridionale. T. I. Paris; Strasbourg, 1843.
- Онайко Н.А. К истории Бат // ВДИ 1976, № 1.
- Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.
- Оранский И.М. К имени бактрийского (?) вождя Καταίτης (IV в. до н.э.) // Палестинский сборник 21 (84), 1970.
- Орбели И.А. Город близнецов Διοσκουρίδας и племя возниц Ἴνδοχοι // ЖМНП 1911, май.
- d'Ohsson M.C. Des peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans le dixième siècle ou voyage d'Abou-el-Cassim. Paris, 1828.
- Отрепко В.М. Каллипиты, алазоны и поселения Нижнего Побужья // Советская археология 1981, № 1.
- Очерки истории СССР. Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1958.
- [Паллас П.С.] Разные замечания касательно до острова Тамана. [1785 г.] // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. X, 1877.
- Pallas [P.S.] Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie pendant les années 1793 et 1794. T. II. Paris, 1811; T. III (Voyage en Crimée); T. IV. Paris, 1811.
- Pape W. – Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I–II. Graz, 1959.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
- Pauly = Der kleine Pauly. Lexikon der Antike in fünf Bänden, München, 1979.
- Patsch C. Der Kampf um den Donauraum unter Domitian und Trajan (Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa V/2) // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philol.-hist. Klasse, Bd. 217, 1. Abhandlung. Wien und Leipzig, 1937.
- Pegolotti F.V. La pratica della mercatura. Ed. by A. Evans, Cambridge, Massachusetts, 1936.
- Pekkanen T. The ethnic origin of the Δουλοσποροι. Helsinki, 1968 (= Arctos. Acta philologica Fennica. Supplementum I).
- Pekkanen T. The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas // Arctos. Acta Philologica Fennica, vol. XIII, 1979.
- Petersson H. Studien über die indogermanische Heteroklisis. Lund, 1921 (= Skrifter utgivna av Vetenskaps-societeten in Lund 1).
- Петрухин В.Я. Три "центра" Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык Средневековья. М., 1982.
- Pisani V. Semiramis // Rivista degli studi orientali. Vol. XLIX. Roma, 1975.

- Писаревский Н. П.* Античная эллинистическая традиция о племенах восточноевропейской лесостепи. Докл. на Всесоюзной конференции "Проблемы античной истории и классической филологии" // ВДИ 1981, № 1 ("Научная жизнь").
- Pischel R.* Grammatik der Prakrit-Sprachen. Strassburg, 1900 (= Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde I, 8).
- Plezia =* Grecie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów Słowian. Cz. I (do VIII wieku). Przełożył i opracował M. Plezia. Poznań; Kraków, 1952.
- C. Plini Secundi.* Naturalis historia. Ed. C. Mayhoff. Vol. I – Stutgardiae, MCMLXVII.
- Погодин А. Л.* О сношениях Босфорского царства с варварскими народами // А. Л. Погодин. Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902.
- Подосинов А. В.* [Рец. на кн.:] М. В. Скржинская. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977 // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1979 год. М., 1980.
- Poetto M.* Due note lessicali etee [2. marmar(r)a-] // Paideia 28, 1973.
- Pokorny I = Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I.
- Покровский М. В., Анфимов Н. В.* Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV века до н.э. по III век н.э. // СА № 4, 1937.
- Pohl H. D.* Onomastica Slavoiranica (5–11) // Österreichische Namenforschung, Jahrgang 7, 2, 1979.
- Помочаный М. О.* Географический очерк Босфорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар, 1891.
- Поспелов Е. М.* Топонимика и картография. М., 1971.
- Pritsak O.* From the Sábirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Németh. Budapest, 1976.
- Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950.
- ПСРЛ = Полное собрание русских летописей.
- Пыляев М. И.* Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. Изд. 3. СПб., 1896.
- Ravennatis Anonymi.* Cosmographia et Guidonis Geographica. Ex libris manu scriptis ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905.
- Раевский Д. С.* Неаполь или Палакий? ВДИ 1976, № 1.
- Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.
- Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Раевский Д. С., Шилик К. К.* Эксампей – общескифский культовый центр // VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция "Вестника древней истории" АН СССР. Тезисы докладов. М., 1981.
- Ресурсы поверхностных вод СССР.* Основные гидрологические характеристики. Т. 6. Украина и Молдавия. Вып. 4. Крым. Под ред. М. И. Цукановой. Л., 1975.
- Речмеден И. О.* Солнечный Крым. Физико-географический очерк. Киев, 1976.
- Ritter C.* Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten vor Herodotus um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus. Eine Abhandlung zur Altertumskunde. Berlin, 1820.
- Rozwadowski J.* Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948 (= Prace onomastyczne Nr. 1).
- Rosenkranz V.* Fluß- und Gewässernamen in Anatolien // BNF (Neue Folge). Bd. 1, 1966, Heft 2.
- Роспонд С.* Miscellanea onomastica Rossica. III. Несколько замечаний о названии Русь // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979.
- Rospond S.* Pochodzenie nazwy Rusь // Rocznik slawistyczny. T. XXXVIII. Cz. 1.
- Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII, 1915.
- Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.
- Russu I. L.* Elementele traco-getice în Scitia și Bosporul Cimmerian // Studii și cercetări de istorie veche IX, 2, 1958.
- Рыбаков Б. А.* Древние русы // Советская археология XVII, 1953.
- Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979.
- Рыдзевская Е. А.* О названии острова Березань // Советская археология IX, 1947.
- Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969 (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII, 1).

- Савкевич С.С. Янтарь, Л., 1970.
- Самойлович А.Н. Объяснено ли название Крым? // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III. Симферополь, 1929.
- Swohoda W. Serbowie starożytne // Słownik starożytności słowiańskich. Т. V.
- Северный Кавказ в древности и в средние века. Отв. ред. В.И. Марковин. М., 1980.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- Селимов А.А. Лезгинское обрядовое *Peşanai* // Доклады на 3-й Всесоюзной конференции по ономастике Кавказа. Телави, 1983.
- Семенов-Тянь-Шанский. Россия = Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. XIV. Новороссия и Крым. СПб., 1910.
- Szemerényi O. Iranica II. 9. Huša 'Elam' // Die Sprache XII, 1966.
- Szemerényi O. The alleged Indo-European *sor-'woman' // Kratylos 11, 1966.
- Szemerényi O. [Ἰάφοες] // Journal of Hellenic Studies 94, 1974.
- Szemerényi O. Anatolica I (1-7) // Studia Mediterranea Piero Meriggi dicata I, ed. O. Carruba. Pavia, 1979.
- Szemerényi O. Four Old Iranian ethnic names. Scythian – Skudra – Sogdian – Saka. Wien, 1980 (= Veröffentlichungen der Iranischen Kommission, Bd. 9. Österr. Ak. d. Wiss. n).
- Szemerényi O. The origin of the name of the Dorians // Glossologia 1, 1982.
- Saint-Martin, de V. Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. T.I. Paris, 1850; T. II – 1852.
- Saint-Martin, de V. Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris, 1847. – Non vidi.
- Сергеевский М.В. Мариупольские греческие говоры. Опыт краткой характеристики // ИАН. VII серия. Отделение общественных наук, 1934, № 7.
- Szjé E. Zur Geschichte der Wörter für Hanf in den permischen Sprachen // Annales Universitatis Budapestinensis. Sectio linguistica. Т. II. Budapest, 1971.
- Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969 (ст. *Синдика*, *Синдская гавань*, *Синды*).
- Sircar D.C. Studies in the geography of Ancient and Medieval India. Delhi; Patna; Varanasi, 1960.
- Sircar D.C. Indian epigraphical glossary. Delhi; Varanasi; Patna, 1966.
- Скрябинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Slawski F. Serbia // SSS. Т. V, 1975.
- СлРЯ XI–XVII вв. = Словарь русского языка XI–XVII вв.
- Смирнов А.П. Скифы. М., 1966.
- Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
- Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. XV, 1889.
- Соболевский А.И. Славяно-скифские этюды. XVII.
- Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // ИОРЯС XXVI. 1921.
- Соболевский А.И. Топонимические заметки. I. Хаб и Хаб. II. Там. III. Геруса. IV. Пагур // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III. Симферополь, 1929.
- Соколов И.И. Мариупольские греки // Труды Ин-та славяновед. АН СССР I. Л., 1932.
- Сокольский Н.И. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV–III вв. до н.э. // Советская археология XXVIII, 1958.
- Сокольский Н.И. Кепы // Античный город. Отв. ред. А.И. Болтунова. М., 1963.
- Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М., 1966.
- Сокольский Н.И. Синдская скульптура // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959.
- Соломоник Э.И. Эпиграфическое свидетельство о скифской крепости в Крыму // ВДИ 1961, № 4.
- Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.
- Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957.
- Сосновский С. Блеск и нищета крымской топонимики // Крымские каникулы. Книга для чтения на курорте. Сборник. Симферополь, 1981.

- Списки населенных мест по сведениям 1882 года. Екатеринодарский уезд Кубанской области. Сост. Е.Д. Фелищан. Изд. Кавк. стат. комитета.
- Средневек. Крым = История и археология Средневекового Крыма. М., 1958.
- Stein A. On some river names in the Rgveda // Journal of the Royal Asiatic society. London, 1917.
- Stephani Byzantini 'Εθνικῶν quae supersunt. Edidit A. Westermann. Lipsiae, 1839.
- Sturtevant E.H. An Indo-European word for 'woman' // Language 25, 1949.
- Страбон.
- Струве В.В. Арийская проблема // Советская этнография, 1947. Вып. 6-7.
- Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб., 1805.
- Суперанская А.В. Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа // Ономастика. М., 1969.
- Суперанская А.В. Генотопонимия Крыма // Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja. Zagreb, 1985.
- Tabaczyński S. Srebrno // Słownik starożytności słowiańskich. T. V. Wrocław etc., 1975.
- Тавр. губ. = Списки населенных мест Российской империи. ХLI. Таврическая губ. СПб., 1865.
- Талис Д.Д. Топонимы Крыма с корнем *Рис-* // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973.
- Татищев В.Н. История российская. Т. I. М. - Л., 1962.
- Tacit. = P. Cornelii Taciti Opera quae supersunt recensuit Io. Gaspar Orellius. Vol. I. Editio altera. Turici, MDCCCLIX.
- Theophrastus. De lapidibus. Edited with introduction, translation and commentary by D.E. Eichholz. Oxford, 1965.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Терехов В.П. Там, за Демерджи. Путеводитель. Симферополь, 1978.
- Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Thieme P. Der Fremdling im Rgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte *ari, arya, aryaman* und *arya* // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes XXIII, 2. Leipzig, 1938.
- Thieme P. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin, 1952 (= Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-histor. Kl. Bd. 98. Heft 5).
- Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА № 34. М., Л., 1953.
- Тихомиров М.Н. Происхождение названий "Русь" и "Русская земля" // Советская этнография VI-VII, 1947.
- Тихонов Д.И. Термины *эль* и *будун* в древних уйгурских документах // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И.А. Орбели. М., - Л., 1960.
- Tischler J. Neu- und wiederentdeckte Zeugnisse des Krimgotischen. Innsbruck, 1978.
- Toivonen Y.H. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I Helsinki, 1974.
- Толстикова В.П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ 1976, № 1.
- Толстов С.П. Из предистории Руси // Советская этнография VI-VII, 1947.
- Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984.
- Толстой И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.
- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953.
- Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881.
- Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I. Über das Arimasische Gedicht des Aristeas // Sitzungsberichte der Philol.-histor. Cl. der Ak. der Wiss-n. Bd. 116. Wien, 1888.
- Tomaschek W. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Unveränderter Nachdruck. Wien, 1980.
- Топоров В.Н. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии // Топонимика Востока. М., 1962.
- Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. Е - Н. М., 1979.
- Tovar A. Ein neues Denkmal der keltiberischen Sprache: die Bronze von Botorrita // ZfzPh 34, 1975.
- Тревер К.В. Сэнмурв-паскудж. Собака-птица. Л., 1937.
- Treimer K. Die Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954.
- Трещева Ю.Н. Протоэтнография должностных лиц Ольвии I-III вв. н.э. // ВДИ 1977, № 4.
- Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
- Трубачев О.Н. Tetarundam "matrem maris". К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная балканистика 2. Предварительные материалы. М., 1975.

- Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания 1976. № 4.
- Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания 1977, № 6.
- Trubačev O.N. Nichtskythisches im Skythien Herodots // Indogermanische Forschungen, Bd. 82, 1977.
- Трубачев О.Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ 1978, № 4.
- Трубачев О.Н. Серебро // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.
- Трубачев О.Н. Таврские и синдоместские этимологии // Этимология. 1977. М., 1979.
- Trubačev O.N. Ein Fall der Typologie: das Problem der alten Arier und die arische Trennung // Festschrift for O. Szemerényi, ed. by V. Brogyanyi. Amsterdam, 1979 (= Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. IV).
- Трубачев О.Н. "Старая Скифия" (Ἀρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект // Вопросы языкознания 1979, № 4.
- Трубачев О.Н. Русь, Россия // Советская Россия, 2. IX. 1979 г. – То же. – Русская речь. 1987. № 3.
- Трубачев О.Н. Из балто-славянских этимологий // Этимология. 1978. М., 1980.
- Трубачев О.Н. – Круглый стол "Дискуссионные проблемы отечественной скифологии" (обсуждение) // Народы Азии и Африки 1980, № 5.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология. 1979, М., 1981.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // Вопросы языкознания 1981. № 2.
- Trubačev O.N. Indo-Arica dans la Scythie // Ponto-Baltica 1, 1981.
- Трубачев О.Н. Rasparaganus rex Roxolanorum // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983.
- Трубачев О.Н. Indoarica. Этимологии (Кавказ; Самур) // Этимология. 1981. М., 1983.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Скифии и Дакии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Этимологии // Этимология. 1982. М., 1985.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: *kank-uta- 'a gruibus fugatos/pulsos' // Античная балканистика. М., 1987. С. 119–124.
- Трубачев О.Н. Еще раз о названии Кавказ (в печати).
- Тунманн. Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь, 1936.
- Turner R.L. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. Fasc. I – London, 1962 –
- Турчанинов Г.Ф. Древнейший письменный памятник Кавказа // ВДИ 1966, № 2.
- Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
- Тюменев А.И. Херсонесские этюды. I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса // ВДИ 1938, № 2.
- Тюменев А.И. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры // ВДИ 1949, № 4.
- Тюменев А.И. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы // ВДИ 1950, № 2.
- Ouvrartoff A. Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale et des côtes de la mer Noire. Paris, MDCCCLV.
- Удальцов А.Д. Основные вопросы этногенеза славян // Советская этнография VI–VII, 1947.
- Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881 (= Сборник сведений о кавказских горах. Вып. X).
- Успенский Л.В. Загадки топонимии. М., 1969.
- Фабр А. Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамани. Одесса, 1861.
- Falk H.S. und Torp A. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch. I. Teil, 2. Auflage. Heidelberg, 1960.
- Фармаковский Б. Оливия. М., 1915.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка². Т. I–IV. М., 1986–1973.
- Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Bd. I–II. Berlin. 1971.
- Vasmer M. Wörterbuch der russischen Gewässeramen.
- Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974.

- Филоненко В. И. К вопросу этимологического анализа тюркских гидронимов Крыма // Учен. зап. Кавказ. ун-та. Сер. Филол. науки. Т. 28. Ставрополь, 1963.
- Фоменко В. Г. О названиях Азовского моря // Известия Мелитопольского отдела Географического общества СССР 1972. Вып. 2 (Ленинград).
- Photii lexicon e codice galeano descripsit R. Porsonus. Pars prior. Lipsiae, 1823.
- Friedrich J. Zu einigen luwischen Wörtern // LP V, 1955.
- Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Lieferung 1 – Heidelberg, 1952 –; 2. Ergänzungsheft. Heidelberg, 1961.
- Frisk = Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
- Хазанов А. М. Легенда о происхождении скифов // Скифский мир. Киев, 1975.
- Hall, Jr R.A. Sanskrit pattanani: Latin portus, etc. // Language. Vol. 12, 1936.
- Hansman J. A periplus of Magan and Meluhha // BSOAS 36, 3, 1973.
- Harmatta J. Studies in the history and the language of the Sarmatians. Szeged, 1970 (= Acta Universitatis de Attila József nominatae. Acta antiqua et archaeologica. T. XIII).
- Hausig H.W. Theophylaktis Exkurs über die skythischen Völker. // Byzantion. T. XXIII, 1953.
- Hilka A. Beiträge zur Kenntnis der indischen Namengebung. Die altindischen Personennamen. Breslau, 1910 (= Indische Forschungen hrsg. von A. Hillebrandt. 3. Heft).
- Хохлов Н. Вытканый солнцем Синд // Известия. 14.VIII. 1974.
- Хрестоматия по истории Подонья и Приазовья. Ки. 1 (с древнейших времен до XVII столетия). Сост. М.И. Кравцов, Б.В. Лунин, М.А. Миллер, Я.Г. Селецкий. Ростов н/Д., 1941.
- Hamp E.P. Fish // IES 1, 1973.
- Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Unter Leitung von F. Dornseiff. Berlin, 1957.
- Zeuss K. Die deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837.
- Членова Н. Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // Советская археология 1984, № 1.
- Чокаев. Этимология самоназвания чеченцев // Докл. на 3-й конференции по ономастике Кавказа. Телави, 1983.
- Чудо св. Климента о отрочати. Печ. по пергам. рукоп. Библ. Тр.-Серг. Лавры № 39 // Памятники христианского Херсонеса. Вып. II. П. Лавров. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. М., 1911.
- Шагиров А. К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962.
- Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I–II. М.
- Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. I–.
- Шаповров Ф. Сименз. Краеведческий очерк-путеводитель. Симферополь, 1960.
- Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967.
- Шахматов А. Варанголимен и Россофар // Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Измаиловичу Срезневскому. Л., 1924.
- Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
- Шелов Д. Б. Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М, 1972.
- Шелов Д. Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ 1974, № 1.
- Шелов Д. Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975.
- Шелов Д. Б. Сарматы и гунны в Нижнем Подонье // Acta Antiqua Ac. Scrum Hungaricae 26, 1978.
- Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. Киев, 1975.
- Шилов В. П. О расселении меотских племен // СА XIV, 1950.
- Шилов Ю. А. Нижнее Поднепровье в середине III – середине II тыс. до н.э. (исследование культурно-исторического процесса). АКД. Киев, 1982 (Ин-т арх. АН УССР).
- Шилов Ю. А. [монография, машинопись].
- Шилов Ю. О. Залишки возів у курганах ямної культури Нижнього Подніпров'я // Археологія 17. Київ, 1975.
- Schmid W.P. Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // Ak. d. Wissn.u. der Lit.r. Mainz. Abh.n der Geistes- u. sozialwiss.n. Kl. Jg. 1978, Nr. 1. Wiesbaden, 1978.
- Schmid W.P. Zur Frage der Datierung iranischer Lehnwörter in den finnisch-ugrischen Sprachen //

- Festschrift für W. Schlachter. Wiesbaden, 1979 (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 12).
- Schmid W.P.* Das sprachgeschichtliche Problem Alteuropa // Sprachwissenschaft. Bd. 8. Heft 2, 1983.
- Smilauer V.* Vodopis starého Slovenska. Praha a Bratislava, 1932 (= Práce Učené společnosti Safalíkovy v Bratislavě, sv. 9).
- Schrader O.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg. 1901.
- Schramm G.* Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen. 1973.
- Schramm G.* Die nordöstlichen Eroberungen der Rußlandgoten (*Merens, Mordens* und andere Völkernamen bei Jordanes, *Getica* XXIII, 116) // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 8. Berlin; New York, 1974.
- Scamm G.* Alteuropas nordpontische Namenlandschaft // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 84. 1979.
- Schramm G.* Die Herkunft des Namens *Rus'* // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin - Wiesbaden, 1982.
- Schramm G.* Eroberer und Eingesessene. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart. 1981.
- Шпрингер И.* Известия византийских историков. объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. I-IV. СПб., 1770-1775.
- Шульц П.Н.* Таврское укрепление на горе Кошка в Крыму // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Вып. 7. 1957.
- Шульц П.Н.* Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. М., 1974.
- Шапчинский В.А.* Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси. М.; Л., 1935.
- Щеглов А.Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ 1965. № 2.
- Щеглов А.Н.* Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сб. статей, Л., 1968.
- Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Шукин И.С.* Очерки геоморфологии Кавказа. М., 1926.
- Еbert V.* Südrußland im Altertum. Bonn und Leipzig, 1921.
- Эварницкий-Яворницкий Д.И.* Вольности запорожских козаков. Историко-топографический очерк. СПб., 1890.
- Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961.
- Edgerton F.* {Рец. на кн.:} Les formations nominales et verbales en p du sanskrit. By Batakrisna Ghosh. Paris, 1933 // Language X, 1934.
- Eilers W., Mayrhofer M.* Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung // Die Sprache VI, 1960.
- Elfenbein J.H.* The Baluchi language. A dialectology with texts. London. 1966.
- The Encyclopaedia Britannica. 11th edition. Vol. XXII. New York, 1911 (Prakrit).
- Enrietti M.* Slavo Svarog // Studi in onore di E. Lo Gatto (отд. отт.)
- Iusti F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Яйленко В.П.* Всесоюзный симпозиум "Античная балканистика-4" // ВДИ 1982. № 3.
- Яйленко В.П.* Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматии и Скифии // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предв. материалы к международному симпозиуму. М., 1984.
- Якобсон А.Л.* К вопросу о локализации средневекового города Фуллы // СА XXIX-XXX, 1959.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М., Л., 1964.
- Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973.
- Яценко И.В.* Скифия VII-V веков до н.э. М., 1959.
- Яценко И.В., Раевский Д.С.* Заключение дискуссии круглого стола по проблемам отечественной скифологии // Народы Азии и Африки 1980, № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
1. Temaġundam "matrem maris". К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья	9
2. О синдах и их языке	15
3. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье	42
4. Нескифское в Скифии Геродота	61
5. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время	66
6. Серебро	76
7. Таврские и синдмеотские этимологии	83
8. Случай из типологии: проблема "старых ариев" и арийский раздел	99
9. "Старая Скифия" (Ἀρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект	103
10. Русь, Россия	122
11. Из балто-славянских этимологий: янтарь	125
12. Выступление на заседании круглого стола "Дискуссионные проблемы отечественной скифологии"	136
13. Indoarica в Северном Причерноморье	139
14. Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция	157
15. Indoarica в Скифии	179
16. Rasparaganus Rex Roxolanorum	186
17. Indoarica. Этимологии	188
18. Indoarica в Скифии и Дакии	195
19. Indoarica в Северном Причерноморье. Этимологии	199
20. Indoarica в Северном Причерноморье. *kank-uta- 'a gruibus fugatos /pulsos'	207
21. Germanica и Pseudogermanica в древней ономастике Северного Причерноморья. Этимологические комментарии	213
22. Еще раз о названии Кавказ	218
Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica (в соавторстве с А.К. Шапошниковым)	220
Семантический индекс реликтов Indoarica	289
Предметный индекс (с указанием литературы)	293
Литература	303